

Ю. А. Смирнов

**грамматика
языка
панджаби**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ю. А. СМЕРНОВ

ГРАММАТИКА
ЯЗЫКА
ПАНДЖАБИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

Ответственный редактор
А.Е. БЕРТЕЛЬС

Книга представляет собой грамматику современного литературного панджаби, на котором говорят свыше 33 млн. человек в Индии и Пакистане. Написана на материале устной и письменной речи. Автор предлагает новую систему описания грамматического строя панджаби, вводит ряд новых лингвистических понятий и терминов. Монография имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

С $\frac{70104-041}{013(02)-76}$ 221-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ВВЕДЕНИЕ

Панджаби — современный индоарийский язык, относящийся к индоевропейской семье. Он входит в пятнадцать официальных языков Индии, а также является одним из основных в Пакистане. В Индии панджаби распространен главным образом в штате Панджаб (столица г. Чандigarх) и некоторых прилегающих к нему районах, занимавших до недавнего времени территорию бывшего Восточного Панджаба. Некоторые диалекты панджаби зафиксированы и в части районов штата Химачал Прадеш. В ряде городов других штатов Индии имеются группы населения, говорящие на панджаби (в основном сикхи). К числу таких городов в первую очередь относятся Дели и Калькутта.

В Пакистане носители панджаби населяют приблизительно одну треть Западного Панджаба (его восточную часть), т.е. зону, расположенную между границей Пакистана с Индией на востоке и условной линией на западе, которую мы проводим через города Бахавалпур, Сахивал, Гуджранвала, Джелам, Музаффарабад (и чуть далее на север).

По религиозной принадлежности панджабцы подразделяются на мусульман, сикхов и индусов.

Лингвистическое окружение панджаби таково. К западу от его зоны распространен близкородственный язык ленди, к югу — раджастанхрани, к востоку — западные диалекты хинди, к северу — догри, кашмири и диалекты тибетского языка.

Согласно переписи населения 1961 г.¹, в Индии проживало приблизительно 11 млн. панджабцев; из них 8,7 млн. человек (примерно 79%) — в селах и 2,3 млн. (примерно 21%) — в городах. В Пакистане же в 1961 г. число носителей панджаби составляло 17 млн. человек².

¹ «The Economic Weekly», vol. XVII, № 22, May 29, 1965.

² «Население земного шара. Справочник по странам». М., 1965, стр. 180.

Таким образом, в Индии и Пакистане в 1961 г. проживало примерно 28 млн. панджабцев.

Если принять во внимание, что среднегодовой прирост панджабского населения в обеих странах за эти годы равнялся чуть более 2%³, то, по минимальным оценочным данным, общее число носителей этого языка в 1970 г. превышало 33 млн. человек.

Несмотря на близость панджаби к ленди, он во многом отличается от последнего [Смирнов⁷, 14-16].

Большая часть литературы на панджаби написана алфавитом гурмукхи, который является основной разновидностью письменности этого языка. Ввиду этого в разделе «Письменность» мы приводим лишь этот алфавит. Панджабцы Пакистана предпочитают использовать арабский алфавит.

На языке панджаби создана богатая литература. Крупнейшим литературным памятником считается «Ади Грантх» (или «Грантх Сахиб»), включающий изречения и гимны различных поэтов и мудрецов, живших в XII-XVII вв. Следует, однако, отметить, что лишь некоторые произведения этого памятника представляют собой образцы на панджаби. Значительная их часть написана на других языках, а именно на ленди, санскрите, синдхи, маратхи, фарси, арабском и др. В «Ади Грантх» встречаются и смешанные языковые формы.

Основоположниками современной панджабской поэзии следует считать Вира Сингха, Пурана Сингха и Дхани Рама Чатрикара. К известным поэтам последних лет относятся Мохан Сингх Махир, Притам Сингх Сафир и Амрита Притам.

Среди современных прозаиков ведущими являются Гурбакш Сингх, Сант Сингх Секхон, Картар Сингх Дуггаль, Нанак Сингх, Нариндарпаль Сингх, Джасвант Сингх Канваль, Суриндар Сингх Нарула, Девиндар и др.

Наиболее известные драматурги: Харчаран Сингх, Бальвант Гарги, Ишвар Чандар Нанда, Сант Сингх Секхон, Гурдиал Сингх Пхуль, Нанак Сингх и др.

Перечень лингвистических трудов, посвященных языку панджаби, не так уж длинен. Из ранних работ в первую очередь следует назвать исследования таких ученых, как Е.П. Ньютон (E.P. Newton), Т.Ф. Каммингз и Т.Г. Бейли (T.F. Cummings and T.G. Bailey), Дж.А. Грирсон (G.A. Grierson), Рам Сингх (Ram Singh), Карам Сингх

³ Там же, стр. 144-145, 180.

Гангвала (Karam Singh Gangwālā). По свидетельству Гилла [Gill, 67], работы двух последних авторов послужили образцом для написания ряда стандартных школьных грамматик.

Из специальных исследований, посвященных фонетике и тонам панджаби, нужно отметить труды Т.Г.Бейли (T.G. Bailey, A Panjabi Phonetic Reader, London, 1913), М.С.Девана (Mohan Singh Dewana, Panjabi Language and Prosody, Lahore, 1933), Б.Д.Джейна (Banarsi Dass Jain, A Phonology of Panjabi and a Ludhiana Phonetic Reader, Lahore, 1934).

В последние годы появился ряд работ, среди которых прежде всего надо упомянуть труды Х.С. Гилла и Х.А. Глисона (H.S. Gill and H.A. Gleason), Д. Чандра (Dunī Candar), В.Б. Аруна (V.B. Arun), П.С. Пракаша (Prem Prakāś Singh), статьи Гурбакхша Сингха по экспериментальной фонетике панджаби (см. «Parkh», № 1, Chandigarh, 1964, и «Parkh», № 1, Chandigarh, 1966), статью Чарана Баля о тонах в панджаби [Bahl], статью Б.С. Санду [Sandhu²].

В 1966 г. вышла монография по проблемам сложного предложения [Смирнов¹]. Кроме того, в Советском Союзе опубликованы два небольших очерка панджаби: Н.И. Толстой (1960 г.) и А.И. Аксенова (1961 г.), а также ряд статей по вопросам фонетики, синтаксиса и морфологии панджаби [Смирнов^{2-6, 8}].

Крупнейшими лингвистическими центрами панджаби являются университеты городов Чандигарха (Panjab University) и Патиалы (Panjabi University). В первом имеется специальный факультет филологии панджаби, возглавляемый старшим профессором Суриндром Сингхом Коли.

* * *

В существующих грамматиках панджаби, к сожалению, не дается полного системного описания всех грамматических категорий, мало внимания уделяется закономерностям и тенденциям развития этих категорий на современном этапе, не вскрыты функции многих форм, нет исчерпывающего описания синтаксиса и структуры предложения, почти не рассматриваются проблемы словосочетания и закономерности сочетаемости слов.

Все эти вопросы требуют своего разрешения. Первые шаги в этом направлении уже начинают делать панджабские ученые.

Автор этой грамматики, со своей стороны, в данной монографии предпринял попытку дать системное описание основных грам-

матических категорий, выявить некоторые до сих пор не отмечавшиеся грамматические формы, дополнить описание звуков и тонов и, исходя из этого, всей фонологической системы, а также дистрибуции фонем языка, установить фонологический состав слога, выявить особенности синтаксиса панджаби.

Работа состоит из следующих основных разделов: (1) «Введение», (2) «О диалектах панджаби», (3) «Письменность», (4) «Сандхи», (5) «Фонетика», (6) «Фонология», (7) «Морфология», (8) «Синтаксис» (простого и сложного предложения).

Проведенная исследовательская работа позволяет сделать ряд выводов.

Панджаби, как ленди и догри, отличается прежде всего от всех других новоиндийских языков системой тонов и тоном⁴. В процессе развития панджаби утратил звонкие придыхательные звуки, и вместо них, а также вместо гортанного *h* (в середине и конце морфемы) появились тоны. Недавно нам удалось обнаружить в панджаби еще один тон, происхождение которого не связано с указанными факторами, а также выявить целый подкласс слов, являющийся носителем этого особого тона, который мы назвали чистым нисходящим. Кроме того, нами было установлено, что другой известный ранее нисходящий тон этого языка фарингализован, и поэтому он получил наименование фарингализованный нисходящий тон. В связи с этим автор выявил также большую группу фарингализованных согласных, имеющих, правда, лишь фонетическое значение⁵.

Алфавит панджаби является буквенно-слоговым и тонообозначающим. Удалось установить в панджаби двухтональные слова (в том числе и противопоставляемые фонологически) и, таким образом, доказать, что существовавшая до сих пор точка зрения относительно наличия в панджаби лишь слов с одним тоном неточна. Автор предлагает новый подход к выявлению падежной системы пан-

⁴ Правда, в восточнобенгальском диалекте Дакки в результате предварительного обследования также обнаружен ряд слов с восходящим тоном, противопоставленным ровному тону и, по всей видимости, имеющим смысловозначительное значение. Однако восточнобенгальские диалекты требуют в этом плане более глубокого, специального исследования. Проверка такого рода необходима еще для ряда языков Индии и Пакистана.

⁵ Об этом подробнее см. в разделах «Фонетика» и «Фонология».

джаби. В работе отмечается ряд новых форм вокатива. В качестве дополнительного критерия определения рода производных и сложных существительных автор использует набор деривационных морфем.

Мы обнаружили новые подклассы местоимений (например, местоимения — синтаксические заменители и межсубъектные местоимения) и выявили производные синтетические формы винительного и дательного падежей данной части речи. В работе приведены наши наблюдения о степенях сравнения прилагательного и сделано сопоставление числительных панджаби с санскритскими и пракритскими.

В данной грамматике предлагается новая система времен и видов, которая не только имеет отношение к теории, но и обладает практическим значением для правильного понимания текстов и устной речи.

Анализ собранного материала помог нам выявить некоторые новые неличные формы глагола (например, герундий I), установить грамматическую систему и функции всех остальных неличных форм (в том числе системы падежей инфинитива, герундия I и герундия II), выделить такую форму, как «герундивно-модальное причастие» (ГМП) с ее дифференциальными признаками, функциями и системой отличий от инфинитива, установить подклассы причастия II, в системе наклонений выявить до сих пор неизвестные (допустительное, предположительное, условно-проблематичное, эмфатического отказа совершить действие, потенциальное, гибридные: повелительно-допустительное и допустительно-сослагательное), исследовать систему залогов, обнаружив несколько еще не описанных (полупассив, побудительный, эргативный, гибридные: эргативно-побудительный и пассивно-побудительный).

Тот же материал позволил сделать вывод, что ряд функций ГМП от переходного глагола (особенно атрибутивная) погашает проявление у него категории переходности, что у инфинитива в номинативном или синтетическом винительном падеже прямое дополнение-существительное в синтетическом винительном падеже может быть лишь в женском роде, что в панджаби существуют две разновидности переходности — словособразовательная и формообразовательная.

Мы предлагаем свою трактовку эргативной конструкции, устанавливаем гибридную часть речи прилагательное-послелог, определяем систему и функции послелогов, в том числе послелога *dā*, ко-

торый именуем «согласующе-реляционный», а также не отмечавшихся ранее послелогов *vāṇī* и *vār* 'во время', проводим систематизацию частиц, куда включаем и особую, как мы выяснили, частицу *vālā* с выполняемыми ею функциями, устанавливаем подкласс «уподобляющих согласующе-реляционных частиц», выявляем три новые разновидности обстоятельств — «субъектное», «косвенно-объектное» и «реляционное»; нами выявлен еще один способ связи слов в предложении, а именно «взаимодействие». Мы отмечаем, что, как и в английском языке, существительное в номинативном падеже может выступать как препозитивное несогласованное определение и что в качестве такого же определения может использоваться и существительное в одном из аналитических падежей.

В области синтаксиса простого и сложного предложений мы выявили специфику вопросительных предложений панджаби, особенно расчлененных вопросов, ввели понятия и термины «экзистенциальная предикация», «полукорреляционная конструкция», установили основные типы сложноподчиненного предложения, в том числе гибридные.

Новые термины введены там, где речь идет о не рассматривавшихся ранее явлениях, либо там, где уже известные явления названы явно неточными терминами или вовсе не имеют обозначений. В качестве иллюстраций следует назвать такие введенные нами новые термины, как: «адъективно-приравнивающая морфа», «субстантивно-приравнивающая морфа», «субморфированная автосема», или «субосема», «согласующе-реляционный падеж», «производный синтетический падеж», «модификатор финитности», «модификатор партиципности», «модификатор герундийности», «функциональное поле», «причисляющие частицы», «эмфатически-замыкающая модель», «побудительно-замыкающая модель» и др.

Новые термины часто вызваны необходимостью обозначить элементы той или иной предлагаемой системы и позволяют дать экономное описание материала (см. в приложении список терминов, введенных автором).

В работе специально не рассматривалось словообразование, хотя разработка вопросов, связанных с ним, занимает значительное место при анализе структуры слова.

Следует иметь в виду, что транскрипция и последовательное обозначение тонов в словах дается лишь в разделах «Фонетика» и «Фонология». В других же разделах тоны обозначаются лишь там,

где это важно. Поэтому в ряде случаев наблюдается двойное написание слов: либо транскрипционное, либо транслитерационное.

В качестве материала для исследования использовались произведения таких писателей Пенджаба, как Сант Сингх Секхон, Гурбахш Сингх, Мохан Сингх Девана, Нанак Сингх, Девиндар, Картар Сингх Дуггаль, Нариндарпаль Сингх, Гурмух Сингх Джит, Гарги Бальвант, Харчаран Сингх, Ишвар Чандар Нанда, Гурдиал Сингх Пхуль, Сукхбир, Дхарам Сингх, и других, научная литература (в основном лингвистическая, в частности труды Аруна, Мохана Сингха и др.), газеты, журналы, образцы устной речи, собранные нами в Индии и с помощью носителей пенджаби в СССР, объявления, реклама на пенджаби и др.

С целью экономии места ссылки на источники некоторых примеров, в частности отдельных слов, опущены.

Автор выражает благодарность в первую очередь Суриндру Сингху Коли, старшему профессору, главе факультета пенджаби в университете Пенджаба (г. Чандigarх), а также многочисленным информантам, чья помощь и советы были чрезвычайно полезны для автора: Чиме Сингху Сардаре, Даршану Сингху (журналисту и писателю), Трилочан Каур, Гурбахшу Сингху из Амритсара (филологу и журналисту), инженеру гидропроекта «Бхакра» Автару Сингху Наги, Чанану Сингху, Джагджиту Сингху Ананду, а также Субхашу Чандару Махаджану из Амритсара, Харбаджану Сингху из Джалландара, Тальвару, Партапу Сингху, Т.С. Валия, Джасванту Сингху⁶.

Автор также весьма признателен за рекомендации и замечания своим коллегам: А.Е. Бертельсу, А.А. Москалеву, М.С. Андронову и др.

О ДИАЛЕКТАХ ПЕНДЖАБИ

Исследования в области диалектов пенджаби проведены Дж. Грирсоном. Однако они требуют ряда уточнений и дополнений в связи с изменениями, происшедшими за последние 50-60 лет. Эти уточнения и дополнения мы вносим, исходя из более свежих материалов и ряда своих соображений.

Следует считать, что до сравнительно недавнего времени пенджаби имел три группы диалектов: 1) стандартные, 2) переходные и

⁶ Примеры, записанные со слов носителей языка или же взятые из предоставленных автору образцов устной речи, имеют соответствующие пометы.

3) горные (или, по Гирсону, нестандартные). Но затем последняя группа диалектов, на которых говорит народность догри, создавшая обширную литературу, получила такое развитие, что достигла статуса самостоятельного (развивающегося) языка догри и отделилась от панджаби. Вот что пишет по этому поводу автор одной из работ о догри Шив Натх: «В настоящее время догри перерос статус диалекта и обрел все атрибуты развивающегося языка» [Nath, 3].

2 августа 1969 г. догри получил официальное признание культурного учреждения центрального правительства Индии Sahitya Akademi «как современный самостоятельный литературный язык Индии». Это признание основывается на единодушной рекомендации «Комитета специалистов по лингвистике», мнение которого запросило это учреждение [Indian Express, 3.VIII.1969].

Следует указать, что некоторые ученые-лингвисты и политические деятели Индии считают, что диалекты догри не являлись диалектами панджаби. Нам остается лишь добавить, что происхождение догри — спорный и до сих пор неясный вопрос.

Таким образом, в настоящее время панджаби базируется на двух группах диалектов: 1) стандартных и 2) переходных. К стандартным относятся маджи, доаби и мальваи.

В отличие от Гирсона мы считаем целесообразным выделить переходные диалекты в особую группу, включив в нее и часть мелких диалектов, которые фигурируют у Гирсона в составе стандартных, хотя имеют явные переходные черты. К данной группе следует отнести панджаби, переходящий в ленди (на западе), повади, восточные поддиалекты которого переходят постепенно в западный хинди (на востоке), ратхи и бхатиани (на юге), находящиеся под влиянием хинди, раджастанхи и ленди.

Стандартные диалекты

Маджи — стандартный диалект панджаби. По сравнению с мальваи в нем меньше слов с удвоенными согласными, хотя церебральный *ḍ* очень часто удваивается (например: *vəḍḍā* 'большой'). Иногда встречается причастие I (влияние ленди), содержащее суффикс *-n*, например: *kəṭnā* 'делающий' наряду с *kəṛdā*. Личные местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа иногда заменяют носовые гласные на неносовые, как, например: *əst̪* 'мы' (вместо *əst̪̃*), *tust̪* 'вы' (вместо *tust̪̃*).

Поддиалект амритсари, распространенный в районе г. Амритсара, — одна из опорных форм речи языка панджаби. Там, где в мальваи и доаби чаще встречается звук *b*, в амритсари обнаруживается звук *v(w)*, например: *vāṭ* 'путь' (мальваи *bāṭ*), *veṭā* 'садиться' (мальваи *beṭā*). В амритсари в отличие от мальваи (особенно от поддиалекта лудхиани), не встречается церебральный звук *ḷ*. Часто вместо *ṛāṭ* 'брат' здесь говорят *ṛāṭ*.

Поддиалект лахаури распространен в округах Лахора, Сиапкота, Шакаргарха и частично на территории Гуджранвалы. Поскольку в Пакистане этот поддиалект находится под влиянием урду, он имеет тенденцию развиваться в особый диалект панджаби, в котором все большую роль начинают играть заимствованная персидская и арабская лексика и некоторые грамматические формы урду. Он также находится под большим, чем амритсари и гурдаспури, влиянием языка лехи. Так, в лахаури чаще, чем в указанных поддиалектах, в 3-м лице встречаются местоименные суффиксы. Ввиду всего этого мы считаем целесообразным назвать этот поддиалект «западным маджи». Вместо *ṛāṭ* или *ṛāṭ* в лахаури используется слово *ṛāṭ*, означающее 'брат', 'отец'. Значение «отец» передается здесь также словом *ṣāṣā*. В сиапкотской разновидности данного поддиалекта часто с глаголом используется «модификатор состояния» *dā*, например: *oḡḡā dā e* 'он ушел' (вместо *oḡḡā e*).

Поддиалект гурдаспури имеет некоторую специфическую лексику.

Доаби — второй стандартный диалект панджаби. Его нередко называют «языком бист» [Narendar, 103]. Такое название образовалось в результате синкопированного стяжения наименований рек Биас и Сатлудж, иначе говоря, имеется в виду язык, распространенный между реками Биас и Сатлудж. Там, где в маджи обнаруживается звук *v(w)*, здесь чаще встречается звук *b*. Есть своеобразия и в лексике. Так, если в маджи в значении «как» используется *kīwē*, то в доаби — *kiddā*. Точно так же релятивное наречие «как» в маджи *jīwē*, а в доаби — *jiddā*. В доаби форма 2-го лица единственного числа от глагола *honā* 'быть' *hē* нередко употребляется и в 1-м лице.

Доаби базируется на трех основных поддиалектах: джалландари, хошиарпури и капуртхали.

Поддиалект джалландари распространен в округах Джалландара, Дасуа, Мукериана, Нангала и Рараталли. Этот поддиалект отли-

чается от других главным образом лексическим составом. Для значения «отец» используются, например, слова *pe* или *bərrū*, для значения «брат» — *vīr*, а иногда *r'ā* или *r'āy*.

Область поддиалекта хошиарпури — районы Хошиарпура, Гархшанкора, Накоддара, Филаура и прибрежный район р. Сатледж, именуемый Бет. От поддиалекта джалландари отличается лишь некоторыми словами. Так, для значений «брат» и «отец» использует слово *bāy* или *bəy*.

Поддиалект капуртхали находится под сильным влиянием поддиалекта амритсари.

Мальваи — также стандартный диалект панджаби, распространенный в районах Фирозпура, Лудхианы, Тавы, Дханаулы, Бхатинды, Патиалы, Кайтхала, Нарваны, Джаграона, Райкота, Самралы и Кханны.

Как и в доаби, здесь часто встречается звук *b* (в отличие от маджи, для которого более типичен звук *v*). Кроме того, в интервокальном положении звук *w* часто заменяется на звук *m*, например: *nīmā* (вместо *nīwā*) «наклоненный», *homē* (вместо *howē*) «ты бы был». Вместо звука *i* часто употребляется его придыхательный коррелят, например, вместо *utā* «наверху» — *uthā* (с заменой восходящего тона ровным); вместо *tiḥāḍā* «ваш» — *thḍḍā*. Звук *ɬ*, в свою очередь, нередко используется вместо звука *s*: *it* «этот» вместо *is*, *kite* «какой-то» вместо *kise*; звук *ʃ* часто заменяет звук *ch*, например: *kuṣ* «что-то» вместо *kuch*, и др. В основном обстоятельстве в падеже вместо *kāke* «дома» используется *kāṛā*. В южной части зоны распространения мальваи почти не употребляются церебральные звуки *ṛ* и *ḷ*.

Мальваи базируется на четырех поддиалектах: патиалви, лудхианви, дхахи и фирозпури [Narendar, 104/].

Поддиалект патиалви распространен в районах Тавы, Дханаулы, Бхатинды, Мансы, Тальванды, Патиалы, Нарваны и Кайтхала. Он отличается лексикой, например: «мне» передается словом *tāpē*, «тебе» — словом *tāpē*, «сюда» — словом *iḥge* (вместо *ēḍar*), «туда» — словом *uḥge* (вместо *ōḍḍar*), «отец» — словами *bārū* и *bāy*, «брат» — словом *bāy*, «нам», «нас» — формой *hāmā nū* вместо литературной *āsā nū*, «вам», «вас» — формой *tumhā nū* (вместо *tiḥā nū*), «сейчас» — словом *ib* (вместо *hūr*), «в», «среди» — формой *vicc mā* (вместо *vic*, *vicc*), «с», «вместе с» — словами *gel-gel* (вместо *sāth-sāth*), «парень» — словом *būjā* (вместо *tiṛḍā*), «девушка» — словом *būjī* (вместо *kiṛī*), «родители» — словами *būḥā-būḥī* (вместо *mā-bār*).

Вместо звука *ś* используется очень часто звук *s*: например: *sīt* (вместо *śīt*) 'господин', *sā* (вместо *śā*) 'шах'. Вместо глагола прошедшего времени *sī* 'был' выступает *ii*.

Лудхианви распространен в округах Джаграона, Райкота, Лудхианы и Сайхнана. Имеет ряд отличий в лексике, например; вместо *peṛe-tere* 'близ' выступает оборот *lā be-lāḍḍe*.

Носители поддиалекта дхахи проживают в районах Самралы, Кханни и Мачхувары. Для него типично использование послелога *kā* вместо *dā*, звука *ś* или *ch* вместо звука *s*, например: *śipāhī* или *chipāhī* вместо *sipāhī* 'солдат', *śarāk* или *chārāk* вместо *sārāk* 'дорога' [Narendar, 106].

Область распространения поддиалекта фироэпури — район Фироэпура. Здесь также используется послелог *kā* (вместо *dā*). Типичная для панджаби отрицательная частица *nāhī* заменяется частицей *nī*.

Переходные диалекты

По мере продвижения на запад панджабские поддиалекты постепенно сменяются поддиалектами языка ленди. Эта зона находится западнее Гурдаспура, Лахора и восточнее Сахивала. К таким переходным поддиалектам относятся, например, поддиалекты Вазирабада, Гуджаранвала и др. Они обладают чертами как ленди, так и панджаби.

На востоке переходным к западному хинди диалектом является повади. Он распространен в районах Банджары, Сархинда, Эвама, Раджпура, Кхарара, Рупара, Курали и находится под влиянием диалекта хинди бангру и языка раджастхани. Это проявляется, в частности, в использовании слова *āge* 'перед' вместо стандартного *agge*, употреблений согласующе-реляционного послелога в качестве основной субморфы обстоятельственного падежа, например: *eḍe pāo* 'положи на него', а также в некоторых особенностях системы глагола. Так, глагол *horā* 'быть' в форме множественного числа настоящего времени имеет носовой гласный, как и в хинди, например: *uthē beṛhē hē* [Sandhu¹, 56] 'Они сидят'; своеобразны формы глагола 'быть' и в прошедшем времени, например: *tā(thā)* 'был', *ii* 'была', *te* 'были' (м.р.), *tā* 'были' (ж.р.). В глагольной системе наблюдаются и другие отличия от прочих диалектов панджаби.

Специфична система местоимений этого диалекта. Так, вместо стандартных *āsī* 'мы', *usī* 'вы' употребляются соответственно *hāt*

и *ihət*. В интервокальном положении можно встретить звук *t* вместо *w*: *ātāṛgā* 'Я приду'.

Одним из южных переходных диалектов панджаби является ратхи. Он находится под еще более сильным влиянием бангру, чем повади. В качестве согласующе-реляционного послелого используется *kā* (вместо *dā*, как и в бангру). Как и в бангру, для 'я есмь' находим *sā*, а для 'он есть' — *sē*. Часто встречаются носовые гласные.

На юго-западе переходным диалектом является бхатияни, распространенный в районе Фирозпура. Он находится под влиянием раджастанхи и ленди.

Число носителей переходных диалектов повади, ратхи и бхатияни очень ограничено.

О догри

Зона распространения догри находится к северу от территории стандартных диалектов панджаби. На нем говорят в горных районах Пакистана и Индии, расположенных между реками Рави и Ченаб, а также к северо-западу от Гурдаспура (район Шахпур Канди) и близ Чамбы.

Опорным диалектом этого языка следует считать собственно догри, или догри района Джамму, на котором написана основная литература.

Догри отличается от стандартного панджаби прежде всего характером движения тонов и интонации. Он более музыкален и мелодичен и не обладает таким четким ударением и эмфатическим выделением слогов, как стандартный панджаби. Для догри типично также явление синкопического сандхи [Shankar, 28], например: *likhēdā* или *likhērdā* вместо *likhē kērdā* 'он пишет', *sunēdā* вместо *sunē kērdā* 'он слушает' или *likhīē* вместо *likhī kēṛī* 'написав'. Часто сочетание согласных, включающее носовой, упрощается до этого последнего, например: *rāññābī* вместо *rāñjābī*, *siṅ* вместо *siṅg* 'рог' и т.д.

Вместо послелога *ni* используются послелого *kī*, *gī* или *jo*, а вместо формы глагола *sī* 'был' форма *ihā* или *hā*.

Догри имеет также свою лексику, совершенно отличную от стандартного панджаби, например: *suā* 'лето', *gillu* 'ребенок', *tānpōā* 'болезнь', *reḍā* 'близ' и др. [Shankar, 40].

Крупным диалектом языка догри является кангри, носители которого проживают в долине р. Кангра. Он базируется на трех под-

диалектах: 1) восточном (районы Хамирпура и Палампуре); 2) южном (район Дера-Гопура) и 3) западном (район Нурпура).

В районе Шахпур Канди распространен диалект к анди али, а близ Чамбы — бхати али.

Об опорных формах речи языка панджаби см. раздел «Фонетика».

ПИСЬМЕННОСТЬ

Основным алфавитом языка панджаби является гурмуки. Кроме того, носители этого языка часто используют арабскую письменность, что имеет место в Пакистане.

В отношении происхождения основного алфавита, т.е. гурмуки, существует несколько мнений. Одни (например, лингвист Кан Сингх [Са, 21]) полагают, что его корни восходят к письменности шарада и такри, другие, например, Дж. Гриссон [Са, 21], считают, что он основан лишь на шарада. Проведя детальное исследование этого вопроса, Дж. Б. Сингх [Л.] пришел к совсем иному выводу: алфавит гурмуки происходит от письменности брахми.

Иногда панджабский алфавит называют «пенти», что значит «тридцать пять» (букв). Однако простой анализ показывает, что этот термин неудачен, так как нельзя выдавать часть графического изображения знака, не представляющего буквы, за целый знак, т.е. целую букву. Так, знаки $\mathfrak{S}$ и $\mathfrak{B}$ не обозначают никаких букв, но их ошибочно включают в инвентарь графем; они служат лишь основами буквенных знаков.

Фактически панджабский алфавит насчитывает гораздо больше знаков, чем 35.

Исследование фонетики панджаби и письменности гурмуки позволило нам прийти к выводу, что последняя представляет собой буквенно-слоговой и тоно-обозначающий алфавит. Буквенный он потому, что: а) во многих словах панджаби наблюдаются сочетания знаков двух и трех согласных, каждый из которых отнюдь не означает сам по себе слога; б) к тому же все знаки согласных (кроме передающего y) в исходе слова являются обычными буквами, не обозначающими слога; в) все гласные (кроме $\mathfrak{a}$) изображаются на письме либо полными буквенными знаками, либо диакритикой.

Алфавит гурмуки следует считать слоговым, так как нередко согласная графема в начале и середине слова (за исключе-

нием исхода слова) обозначает не только соответствующий согласный, но и краткий гласный звук ə, и это сочетание может оказаться слогом. Тонно-обозначающим алфавит гурмукхи является постольку, поскольку некоторые буквы и диакритические знаки указывают на обязательное наличие соответствующего тона, причем ряд подобных знаков может в определенных условиях не передавать никаких звуков и служить лишь для обозначения тонов.

Один и тот же знак в алфавите панджаби может обозначать разные звуки или иметь разные функции (обозначать то звук, то тон, либо же одновременно указывать и на звук, и на тон), а один и тот же звук может изображаться разными знаками. Ниже приводится алфавит панджаби в том порядке, в каком он следует в стандартных словарях, и указываются передаваемые им звуки и тоны.

Таблица

№№	Знак	Звук или тон, либо звук с тоном, обозначаемый знаком	№№	Знак	Звук или тон, либо звук с тоном, обозначаемый знаком	№№	Знак	Звук или тон, либо звук с тоном, обозначаемый знаком
1	ੳ	u, o	16	ਗ	g	31	ਥ	th
2	ਊ	ū	17	ਘ	k', ġ, g'	32	ਦ	d
3	ਓ	o	18	ਙ	ŋ	33	ੲ	t', 'd, d'
4	ਅ	a, ' ,	19	ਚ	c	34	ਨ	n
5	ਆ	ā	20	ਛ	ch	35	ਪ	p
6	ਐ	ε	21	ਜ	j	36	ਫ	ph
7	ਐ	5	22	ਜ਼	z	37	ਬ	f
8	ਇ	i, ə, e, ε, y	23	ਝ	c', 'j, j'	38	ਬ	b
9	ਈ	ī, yy	24	ਞ	ñ	39	ਭ	p', 'b, b'
10	ਏ	e	25	ਟ	t	40	ਮ	m
11	ਸ	s	26	ਠ	th	41	ਲ	y, ʒ, yō
12	ਸ਼	ś	27	ਡ	d	42	ਰ	r
13	ਹ	h, ' ,	28	ਢ	t', 'd, d'	43	ਲ਼	l, l'
14	ਕ	k	29	ਣ	n	44	ਵ	v, w
15	ਖ	kh	30	ਤ	t	45	ਰ਼	r

Кроме того, в панджаби нередко используется, но по непонятным причинам не включается в инвентарь графем буквенный знак **ਲ**, который является аллографом знака **ਲ਼**, но с указанием на то, что он передает звук *y*, завершающий стечение согласных. Короче говоря, этот знак обозначает звук *y* в позициях, где перед ним не встречается гласный звук, например: **ਵੁਯਾਕੁਲ਼** *vyākul* 'смущенный', **ਪ੍ਰਾਚੀਨ** *prācīn* 'восточный'.

Как видно, основными элементами знаков, передающих гласные звуки, являются **ਅ**, **ੲ** и **ੳ**, называемые соответственно «эра», «ири» и «ура». Из них самостоятельно может использоваться лишь эра, когда он обозначает звук *ə* или тон. Во всех остальных случаях буквы изображаются сочетанием этих основных знаков с другими знаками, в том числе диакритическими. Так, для передачи звука *i* служит знак **ਇ**, состоящий из ири и знака **ੲ**, называемого «сиари», который, предшествуя букве, передающей согласный звук, может обозначать звук *i*, следующий за данным согласным, например: **ਪਿਤਾ** *pitā* 'отец', **ਲਿਖਣਾ** *likḥṇā* 'писать'.

Звук *ɪ* передается сочетанием ири и знака **ੲ**, именуемого «биари», который, следуя за буквой, обозначающей соответствующий согласный, также представляет звук *ɪ*, например: **ਪੀਣਾ** *pīṇā* 'пить', **ਕੀ ਕਹਿ** *kī kḥ* 'что?'.

Знак **ੲ**, называемый «канна», является элементом знака **ਅੰ**, передающего звук *ā*. Присоединяясь справа к знаку любого согласного, он может обозначать звук *ā*, например: **ਪਤਾ** *pātā* 'адрес', **ਕਾਪੀ ਕਾਰਟ** *kāpī kārt* 'тетрадь'.

Алфавит панджаби содержит ряд диакритических знаков. Знак **—**, входящий в букву **ਕੁ**, передающую звук *u*, называется «аункар». Если его поставить под знаком согласного, то он будет обозначать звук *u*, следующий за данным согласным, например: **ਕੁੱਤਾ** *kuttā* 'собака', **ਕੁੱਧ** *curr* 'безмолвный'.

Знак «дуленкре» **ੲ**, являющийся элементом буквы **ਕੁ**, может передавать звук *ū*, следующий за согласным, например: **ਪੰਝਾ** *pīmbā* 'тыква', **ਬਲੂਟ** *bālūt* 'дуб'.

Знак «лан» **ੲ**, входящий в букву **ੲ** (звук *e*), ставится над знаком согласного и обозначает звук *e*, например: **ਲੇਖ** *lekh* 'статья', **ਕਮਰੇ** *kāmre* 'в комнате'.

Аналогично употребляется элемент буквы **ਅ** (звук *ε*) **ੲ**, именуемый «дулаиан», например: **ਲੇਭਾ** *leḥā* 'брат', **ਖੈਰ** *kḥēr* 'хорошо'.

Таково же использование и знака «канаура» $\underline{\sim}$ входящего в букву 𑂔 (звук ɔ), например: 𑂔𑂰𑂔 *kṣa* 'кто?', 𑂔𑂰𑂔 *lākṣa* 'Лахор'.

Знак «хора» $\underline{\sim}$ не входит ни в какую букву, но, встречаясь над различными буквами, передающими согласные, обозначает звук o , который полностью изображается буквой 𑂔 , например: 𑂔𑂰𑂔 *hoṇa* 'быть'.

Значимость канны, сиари, биари и всех диакритических знаков можно представить так: $\text{𑂔} = \text{𑂔}$, $\text{𑂔} = \text{𑂔}$, $\text{𑂔} = \text{𑂔}$, $\text{𑂔} = \text{𑂔}$, $\text{𑂔} = \text{𑂔}$, $\text{𑂔} = \text{𑂔}$, $\text{𑂔} = \text{𑂔}$.

Для передачи носовых звуков служат также два диакритических знака: «бинди» (—) и «типпи» (—). Типпи обозначает носовые согласные, следующие после кратких гласных и u , а также в сочетании с дуленкре — долгий носовой гласный ũ , например: 𑂔𑂰𑂔 *amb* 'манго', 𑂔𑂰𑂔 *iṅgaṣ* 'пенсия', 𑂔𑂰𑂔 *kuṇṣaṣ* 'слон', 𑂔𑂰𑂔 *pūñjī* 'капитал', 𑂔𑂰𑂔 *iṭṭi* 'дым'.

Бинди может обозначать носовые согласные, следующие после гласных ā , ī , e , ḛ , o и ō , а также в сочетании с другими знаками — носовые гласные ā̃ , ī̃ , ẽ , ḛ̃ , õ и ō̃ , например: 𑂔𑂰𑂔 *mā̃* 'мать', 𑂔𑂰𑂔 *kāṭī* 'пожалуйста, сделай', 𑂔𑂰𑂔 *likhē* 'ты написал бы', 𑂔𑂰𑂔 *pē* 'блеяние', 𑂔𑂰𑂔 *to* 'от', 𑂔𑂰𑂔 *pō* 'вращение', 𑂔𑂰𑂔 *kāmbu* 'приводящий в трепет', 𑂔𑂰𑂔 *pīñj* 'ряд', 𑂔𑂰𑂔 *leṇḍā* 'берущий', 𑂔𑂰𑂔 *pōṇṣā* 'штанина' и т.д.

Носовые согласные также обозначаются при помощи бинди в том случае, если данному носовому согласному предшествует звук u или ũ , изображенный полным буквенным знаком, например: 𑂔𑂰𑂔 *andālī* 'головокружение', 𑂔𑂰𑂔 *uṇṭ* 'верблюд', 𑂔𑂰𑂔 *uṅgaḷ* 'палец'.

Диакритический знак «аддак» (—) используется для обозначения удвоенных согласных. Ставится он сверху и слева от знака согласного, например: 𑂔𑂰𑂔 *kāṭṭa* 'резать', 𑂔𑂰𑂔 *gālḷ* 'дело', 𑂔𑂰𑂔 *hātṭa* 'рука'.

Согласные звуки v(w) и r могут помимо полных букв передаваться диакритическими знаками 𑂔 и 𑂔 , соответственно ставящимися под буквой, например: 𑂔𑂰𑂔 *svaṛ* 'гласный звук', 𑂔𑂰𑂔 *sāṇskṛit* 'санскрит'.

Знак 𑂔 , ставящийся под той или иной буквой, передающей согласный, обозначает, как и буква 𑂔 , тон, например: 𑂔𑂰𑂔 *pāṭṭa* 'читать', 𑂔𑂰𑂔 *pāṭṭa* 'обучать', 𑂔𑂰𑂔 *gīḷaṭ* 'затвердение'.

Любой диакритический знак, а также эру, ири и уру именуют общим термином «лаг».

Для передачи заимствованных арабских звуков иногда употребляются буквы с точкой внизу, это اَ , بَ и مَ . Но звуки, обозначаемые этими знаками, в большинстве случаев заменяются панджабскими звуками k , kh , g и поэтому в заимствованных арабских словах в большинстве случаев вместо اَ , بَ и مَ пишут ا , ب и م .

Носовые гласные чаще всего передаются при помощи комбинации соответствующих знаков гласных звуков и значка бинди, т.е. ਊ , ਊ , ਊ , ਊ , ਊ , ਊ , ਊ , ਊ . Носовые гласные могут образоваться сочетанием знака типпи, ставящегося над буквой, обозначающей согласный, и диакритического знака, передающего гласный, например, дуленкре: ਧਿ ਧਿ 'дым'.

Передача тонов

Восходящий и нисходящий фарингализованный тоны передаются следующими способами.

1. При помощи букв ਯ , ਝ , ਞ , ਟ и ਡ , например: ਯੁਟ $k'əy$ 'мало', ਯੁਧ $məgg$ 'дикий гусь', ਝਾਡੁ $s'agū$ 'огниво', ਯੁਝੁ $məjj$ 'буйволица', ਞਾ $i'a$ 'падение', ਭਾਡੁ $kād$ 'изобретение', ਧੇਣਾ $i'əṇā$ 'мыть', ਐਧ $ədd$ 'половина', ਭੀਡੁ $p'h$ 'толпа', ਜੀਤ $jīb$ 'язык'. Особенностью этих знаков является то, что они выражают не только тон, но параллельно и согласный звук (глухой или звонкий).

2. При помощи буквы ੴ . Нам удалось выявить следующие варианты сигнализации тона этой буквой: а) следуя за знаком или знаками, обозначающими слог, графема ੴ служит пометой восходящего тона этого слога, например: ਵਿਆ $viā$ 'свадьба', ਗਾ $gā$ 'путь', ਗੇਫਾ $gefā$ 'вертеть' (в последнем примере буква ੴ даже вклинилась между знаками, обозначающими слог), ਚਾਹੁਣਾ $chāṇā$ 'хотеть'; б) предшествуя знаку, обозначающему полугласный звук, буква ੴ служит пометой восходящего тона слова, например: ਸਾਹੀ $se'yu$ — побудительная частица; в) в позиции между знаками, обозначающими слог, буква ੴ свидетельствует о наличии фарингализованного нисходящего тона в этом слоге, например: ਭਾ $b'a$ 'посади'.

3. При помощи графемы ਮ , которая, следуя (чаще всего в конце слова) за знаком, обозначающим долгие $\bar{a}$, $\bar{i}$ или $\bar{o}$, является показателем наличия чистого нисходящего тона, например: ਚਯਾਮ

dəbā 'давление', *ਜੇਜੀਮ* *jejī* – вид налога, *ਸੜੀਮ* *səṛjō* 'кольчуга'.

4. При помощи знака *o* , который ставится под согласной графемой (примеры приведены выше).

Особое обозначение звуков

1. Если какая-либо графема, обозначающая согласный звук, заключена между знаком сиари (предшествующим ей) и буквой *o* (следующей за ней), то комбинация сиари и *o* чаще всего выражает звук *e*, а слог, состоящий из этого согласного и *e*, имеет восходящий тон, например: *ਜੇਜੀਮ* *jejī* 'который', *ਰਹੇਭਾ* *rhēḥā* 'жать', 'давить', *ਤੇਭਾ* *teḥ* 'жажда'.

2. Если под какой-либо графемой, обозначающей согласный звук, стоит знак аункар, а за этой графемой следует знак *o* , то чаще всего произносится звук *o* , а слог, состоящий из согласного и этого *o* , имеет восходящий тон, например: *ਲੌਗੀ* *lōgī* 'холодный ветер'.

3. Сочетание сиари с *o* в межконсонантной позиции чаще всего читается как *ε* , а слог, состоящий из *ε* и согласного, предшествующего ему, обладает восходящим тоном, например: *ਪਹਿਲਾ* *pēḥlā* 'первый', *ਦਫ਼ਤਰਾ* *deḥṭṭrā* 'обслуживание', *ਤੜਕਾ* *teḥkā* 'свежесть'.

4. *o* с аункар (т.е. *o*) в межконсонантной позиции чаще всего читается как *ō* , а слог, формируемый из *ō* и предшествующего ему согласного, наделен восходящим тоном, например: *ਲੌਕਾ* *lōkā* 'младший'.

5. Если сочетанию сиари с *o* предшествует знак долгого *ā* , а за сочетанием следует знак согласного, то комбинация *ā* с этим сочетанием передается как *ā* , а слог, в который входит звук *ā* , несет восходящий тон, например: *ਜਾਗਿਲਾ* *jāḥlā* 'дикий'.

6. Если в позиции, аналогичной пятой, встречается *o* с аункар (т.е. *o*), то этот знак может передавать либо *ā* , либо *āu* , например: *ਚਾਹੁਣਾ* *chāḥṭā* или *chāḥṭā* 'хотеть'.

7. Нам также удалось проверить значимость графемы *o* с дуленкре (т.е. *o*), встречающейся в конце слова. Выяснилось, что если предпоследний слог долгий, то он несет восходящий тон, а в исходе звучит *ū* , например: *ਚਾਹੁਣਾ* *chāḥṭā* 'всадник', *ਚਿਲਲਾਉ* *chillāu* 'обдирала' (букв. 'сдирающий шкуру').

8. Знаки *ਉ* и *ਊ* в исходе слова соответственно часто читаются как *o* и *ō* , например: *ਨਾਉ* *nāu* 'купайтесь', *ਕਿਊ* *keō* 'поче-

му?'. То же самое может быть и в середине слова, например: डाँउल *dāolā* 'золотоискатель'.

9. Сиари в начале слова нередко обозначает нейтральный звук э или е, например: कानाँइ *kān'āiṇā* 'заставлять терпеть', जितवाँइ *rajv'āiṇā* 'посылать', वि *ke* 'что' (союз), पिँइ *k'eō* 'топленое масло', किँइ *keō* 'почему?', जचवि *jādkk* 'когда' (сложное слово, последним компонентом которого является слово वि).

10. Знак сиари, предшествующий согласной графеме в середине и конце слова, часто не передает никакого звука, например: पडिगुरु *ṣaṭigurū* 'бог', आँइ *āṇ* 'и т.д.', कँइ *kāṇ* 'талия', कँइ *kāṇ* 'поэт'.

11. Сочетание знаков इ и उ часто передает е, например: इउ *e* 'этот', 'он'.

12. Иногда знак इ вместо звука і может обозначать звук е, особенно в начале слова, как, например: इँइ *eō* 'так', 'таким образом'.

ФОНЕТИКА

При описании фонетики панджаби мы исходим главным образом из материала стандартных диалектов и основываемся преимущественно на тех из них, которые являются опорными, а следовательно, орфоэпически нормативными, определяющими литературную норму речи.

Опорными формами речи языка панджаби следует считать диалект маджи (районы Амритсара и Гурдаспура) и лудхианский поддиалект диалекта мальваи. Причем последний относится сюда в силу трех причин: 1) он является основным носителем одной из существенных черт панджаби — удвоенных согласных, что в меньшей степени относится к маджи, где стечения идентичных консонантных членов наблюдаются гораздо реже; 2) он сыграл большую роль в становлении орфоэпической нормы панджаби благодаря изданию первых крупных грамматик, словарей и переводов, отразивших нормы именно этого поддиалекта; 3) Лудхиана — крупный культурный и промышленный центр: здесь находится сельскохозяйственный университет, культурный и литературоведческий центр Панджаба Panjabi Sahitt Academy и другие культурные учреждения.

Следует также упомянуть, что на литературные разговорные нормы панджаби значительное влияние оказывает и радиочентр Панджаба, находящийся в г. Джалландаре, т.е. в зоне диалекта доаби.

Нужно принять во внимание и значительное влияние на развитие языка панджаби таких культурных центров, как Патиала, где находятся лингвистический и литературоведческий отдел публикаций на языке панджаби *Pāñjābī p'āśā vip'āg* и Университет панджаби, как г. Чандигарх, где в Панджабском университете ведутся исследования языка и литературы панджаби.

Таким образом, орфоэпическая, литературная норма языка панджаби, базируясь на маджи и поддиалекте Лудхианы, включает и ряд элементов из некоторых других диалектов и поддиалектов.

ГЛАСНЫЕ

Панджаби имеет двадцать основных гласных звуков: десять простых, неносовых и десять носовых (табл. 1)¹.

Таблица 1

По ряду По подъему	Передний	Средний	Задний
Верхний	$\bar{i}, \bar{i}^{\sim}$ $i, i^{\sim}$		$\bar{u}, \bar{u}^{\sim}$ $u, u^{\sim}$
Средний	$e, e^{\sim}$	$\bar{a}, \bar{a}^{\sim}$	$o, o^{\sim}$
Нижний	$\bar{e}, \bar{e}^{\sim}$		$\bar{a}, \bar{a}^{\sim}$ $\bar{a}, \bar{a}^{\sim}$

$i, \bar{i}, \bar{a}, \bar{a}^{\sim}, u, u^{\sim}$ – краткие звуки, а $\bar{i}, \bar{i}^{\sim}, e, e^{\sim}, \bar{e}, \bar{e}^{\sim}, \bar{u}, \bar{u}^{\sim}, o, o^{\sim}, \bar{a}, \bar{a}^{\sim}$ – долгие. Звуки $u, u^{\sim}, \bar{u}, \bar{u}^{\sim}, o, o^{\sim}, \bar{a}, \bar{a}^{\sim}$ – лабиализованные, остальные – нелабиализованные.

Эксперимент, проведенный Гурбакхшем Сингхом [Gurbakhsh-2] над неносовыми гласными (выпал лишь звук $\bar{a}$), показывает, что частота колебаний их тона и интенсивность, не считая отдельных исключений, обратно пропорциональны степени подъема языка, т.е. самые низкие гласные имеют самые высокие показатели, и наоборот.

Порядок расположения неносовых гласных от высшего показателя частоты к низшему следующий: $\bar{a}, \bar{a}^{\sim}, \bar{e}, o, \bar{a}, e, u, \bar{u}, i, \bar{i}$, а по интенсивности гласные располагаются так: $\bar{a}, \bar{a}^{\sim}, \bar{e}, i, \bar{a}, o, e, \bar{i}, u, \bar{u}$. По последнему показателю под общее правило не подходит звук i . Несистемным оказалось также отеснение звуков u и $\bar{u}$ на последнее место звуком $\bar{i}$.

Если исходить из произнесения звуков в изоляции, то для них установлены следующие данные:

¹ Кроме того, в исходе редко употребляющегося слова $j\bar{o}$, представляющего собой фонетический вариант местоимения $j\bar{o}$ 'который', 'какой', 'кто', 'что', встречается краткий гласный $\bar{o}$. В современном панджаби также изредка можно услышать при небрежном произношении и в неударных слогах краткий $\bar{e}$.

	$\bar{a}$	$\bar{e}$	$\bar{\varepsilon}$	$\bar{o}$	$\bar{\varepsilon}$	$\bar{e}$	$\bar{u}$	$\bar{u}$	$\bar{i}$	$\bar{i}$
Частота тона —	800	-	720	500	500	450	400	400	400	360
Интенсивность—	2,1	-	1,9	1,4	1,6	1,4	1,0	1,0	1,7	1,2

У носовых гласных отношение одного к другому примерно такое же, как у соответствующих неносовых коррелятов, но у них, разумеется, занижена частота тона.

Ниже приводится характеристика отдельных гласных звуков панджаби.

$\bar{i}$ — неогубленный неносовой долгий гласный переднего ряда закрытой разновидности верхнего подъема; продвинуто и занимает крайнее периферийное положение; встречается во всех позициях слова: $\bar{i}\bar{r}\bar{i}$ 'ири' (название знака письменности); $\varepsilon i k i \bar{o}$ 'с данного момента'.

$\tilde{i}$ — носовой коррелят $\bar{i}$; чаще всего встречается в конце слова: $us\tilde{i}$ 'вы', $lok\tilde{i}$ 'люди', $h\tilde{a}th\tilde{i}$ 'руками'; минимальные пары ($\bar{i}$ - $\tilde{i}$): $p\bar{u}\bar{i}\bar{r}$ 'полная' — $p\bar{u}\tilde{i}\bar{r}$ 'пожалуйста, наполни'.

i — неогубленный неносовой краткий гласный переднего ряда открытой разновидности верхнего подъема; как правило, встречается в начале и середине слова: ikk 'один', $msikkh$ 'необученный'.

$\tilde{i}$ — носовой коррелят i ; малораспространенный звук: $s\tilde{i}$ 'лев', $d\tilde{i}$ 'день', $k\tilde{i}uk\bar{a}r$ 'как'; выявлена лишь субминимальная пара (i - $\tilde{i}$): $kiw\bar{a}r$ 'вход' — $k\tilde{i}w\bar{a}$ 'то есть'.

$\bar{e}$ — неогубленный неносовой долгий гласный переднего ряда закрытой разновидности среднего подъема; встречается во всех позициях, реже — в начале слова: $\bar{a}ul\bar{e}s\bar{a}r$ 'сера', $k\bar{a}re$ 'сделал бы', $\bar{e}k\bar{i}\bar{a}$ 'единство'.

$\tilde{e}$ — носовой коррелят $\bar{e}$; например: $tulv\bar{a}w\tilde{e}$ 'ты бы заставил взвесить [этот]'; $s\tilde{e}w\bar{i}$ 'лапша'; минимальные и субминимальные пары ($\bar{e}$ - $\tilde{e}$): $\bar{t}\bar{u}\bar{le}$ 'подремал бы он' — $\bar{t}\bar{u}\tilde{le}$ 'подремал бы ты', $s\bar{e}w\bar{i}$ 'пожалуйста, послужи' — $s\tilde{e}w\bar{i}$ 'лапша'.

$\bar{\varepsilon}$ — неогубленный неносовой долгий гласный переднего ряда открытой разновидности нижнего подъема, напоминает первый элемент дифтонга в английских словах типа *bear* [bɛə] 'медведь'; *tear* [tɛə] 'разать'; встречается во всех позициях: $\bar{\varepsilon}u$ 'так', $s\bar{\varepsilon}nc\bar{i}$ 'литейная форма', $\bar{\varepsilon}r\bar{e}l$ 'упрямый', $n\bar{i}rp\bar{\varepsilon}$ 'бесстрашный'.

$\tilde{\varepsilon}$ — носовой коррелят $\bar{\varepsilon}$: $m\tilde{\varepsilon}$ 'я', $t\tilde{\varepsilon}$ 'звук'; минимальные пары ($\bar{\varepsilon}$ - $\tilde{\varepsilon}$): $h\bar{\varepsilon}$ 'есть' — $h\tilde{\varepsilon}$ 'ого!', $p\bar{\varepsilon}$ 'испуг' — $p\tilde{\varepsilon}$ 'блеяние'.

$\bar{o}$ — неогубленный неносовой краткий гласный среднего ряда закрытой разновидности среднего подъема; в наиболее распрост-

раненных моделях слов отодвинут (назад). В ударной и часто неударной позициях напоминает выдвинутый (вперед) английский звук заднего ряда [ʌ] в словах типа *cut* 'рубить', *but* 'однако', хотя по месту артикуляции более высокий и передний; как правило, встречается в начале и середине слова: *ətt̪h* 'восемь', *kəro* 'делайте', *k̪həsətn̪ā* 'тереть'.

ḏ — носовой коррелят э, например: ḏ 'болезнь', *sḏwəg* 'хвост'; минимальные и субминимальные пары (э - ḏ): *sḏwārī* 'украсила' — *sḏwārī* 'верховая езда', *sḏwəgər* 'золото' — *sḏwəgən* 'для упорядочивания'.

ū — огубленный неносовой долгий гласный заднего ряда закрытой разновидности верхнего подъема; отодвинут; встречается во всех позициях: *ūtt̪h* 'верблюд', *sūj* 'взгляд', *ut̪hū* 'сильный кашель'.

ũ — носовой коррелят ū: *tũ* 'ты', *cũ* 'писк', *geũ* 'пшеница'; пример минимальной пары (ū - ũ) *sū* 'роды' — *sũ* 'свист'.

u — огубленный неносовой краткий гласный заднего ряда открытой разновидности верхнего подъема; выдвинут; как правило, встречается в начале и середине слова: *us* 'он', *kusəɳg* 'плохая компания', *sətjʊg* 'золотой век'.

ũ — носовой коррелят u: *jũ* 'вошь', ũ — частица со значениями гнева, удивления, вопроса; минимальная пара: u 'Вишну' — ũ — частица, передающая приведенные выше значения.

o — огубленный неносовой долгий гласный заднего ряда открытой разновидности среднего подъема; отодвинут; встречается во всех позициях: *oplā* 'кизьяк', *dāor* 'глиняный горшок', *əjjo* 'как раз сегодня'.

ō — носовой коррелят o: *pāsso* 'при помощи', 'через', *k'əro* 'из дому'; минимальные пары (o - ō): *to* 'заполняй' — *tō* 'с', 'от', *p'o* 'отруби' — *p'ō* 'земля'.

ṽ — огубленный неносовой долгий гласный заднего ряда открытой разновидности нижнего подъема; на слух представляет собой нечто среднее между русскими звуками [o] и [a]; встречается во всех позициях: *ṽḏā* 'столь большой', *gṽn* 'песнь', *sṽ* 'сто'.

ṽ̃ — носовой коррелят ṽ: *pṽ* 'туз', *sṽ* 'клятва'; пример минимальной пары (ṽ - ṽ̃): *sṽ* 'пятно' — *sṽ̃* 'четыре'.

ā — неогубленный неносовой долгий гласный заднего ряда открытой разновидности нижнего подъема; встречается во всех позициях: *āk̪hət* 'поговорка', *k̪āgər* 'причина', *nisārā* 'возникновение'.

- $\tilde{a}$ – носовой коррелят $\bar{a}$: $r\tilde{a}u\tilde{a}$ ‘положили’, $b\tilde{a}u\tilde{g}$ ‘ловушка’, $r\tilde{a}e\tilde{t}$ ‘ножка кровати’, $k\tilde{a}u\tilde{a}$ ‘тело’; минимальные и субминимальные пары ($\bar{a}$ – $\tilde{a}$): $m\tilde{a}u\tilde{a}$ ‘ошибка’ – $m\tilde{a}u\tilde{a}$ – натираание тел жениха и невесты особым составом перед свадьбой, $s\tilde{a}w\tilde{a}$ ‘зеленый’ – $s\tilde{a}w\tilde{a}$ ‘са-ван’, $g\tilde{a}u\tilde{u}$ – разновидность горчицы – $g\tilde{a}u\tilde{u}$ ‘араин’, $b\tilde{a}u\tilde{r}u\tilde{a}$ ‘владелец сети для ловли зверей’ – $b\tilde{a}u\tilde{g}\tilde{a}$ ‘глупец’.

Как видно из примеров минимальных пар, противопоставление носового гласного неносовому может иметь либо лексическое, либо грамматическое значение.

Проведенные нами наблюдения показывают, что носовые гласные обнаруживаются: 1) в исходе слова, 2) в середине слова перед полугласными $v(w)$, y и перед согласным h (там, где он произносится), 3) в середине и начале слова перед другими гласными. В остальных слогах могут встречаться лишь носовые согласные, гоморганные (реже гетероганные) для последующего согласного. Здесь не принимается во внимание рекурсия гласного звука, предшествующего носовому согласному и поэтому имеющего в стадии отступа аккомодационно-назальную окраску (регрессивная аккомодация).

Носовые гласные в большинстве случаев представлены в речевой цепи долгими гласными, предпочтительно в исходе слова. Наиболее часто наблюдается среди них звук $\tilde{a}$. Он обнаруживается и в середине слова, где другие носовые гласные прослеживаются относительно редко.

Иногда на письме там, где чаще всего встречается знак неносового гласного, вдруг появляется изображение его носового коррелята. Это объясняется тем, что иной раз в каком-либо тексте учитывается явление прогрессивной носовой аккомодации гласного, следующего непосредственно за носовым согласным или находящегося от него недалеко (например, через краткий гласный). С нашей точки зрения, это изображение неправомерно, поскольку такой гласный обладает неполной носовостью и имеет, как это выяснено нашими экспериментами, в которых принимали участие панджабцы, еле различимую назальную окраску лишь в экскурсии и существенно отличается в произношении от соответствующего «полноправного» носового гласного. Любопытно, что такой аккомодирующий гласный одинаково читается носителем панджаби в одном и том же слове (с еле различимой назальностью) и тогда, когда знак носовости есть, и тогда, когда его нет. Вот примеры подобных слов: $k\tilde{e}r\tilde{a}$ ‘сказать’, $su\tilde{q}i\tilde{a}$ ‘услышал’.

Такого рода гласный нужно рассматривать как позиционно обусловленный назализованный (лишь в экскурсии) аллофон носового гласного. Поэтому его передача как носового на письме факультативна и неправомерна. В одном и том же предложении может использоваться одно и то же слово, то с носовым знаком, то без него: *menā is nāl k'imā sī-hā k'imā* /Dewindar, 12/ 'Я питал к ней ненависть, да, ненависть!'. .

В ряде слов гласный может факультативно быть представлен носовым коррелятом, например: *kāllō* или *kāllō̃* 'Вы бы послали', *chāo* или *chāõ* 'тень'.

СОГЛАСНЫЕ

Согласные звуки панджаби представлены следующей ниже таблицей (табл. 2).

Большинство панджабских согласных уже исследованы экспериментально [Gurbakhš-2¹⁷]. При помощи осциллограмм произведен замер длительности (в миллисекундах) и относительной интенсивности согласных, предшествующих гласному.

Первый показатель выявил большую длительность щелевых и сонантов; в основном щелевые гораздо длительнее слитных и смычных:

Шумные щелевые	Слитные	Смычные
š - 200	j - 100	b - 100
(X) - 140		d - 100
(z) - 135	ch - 90	
s - 120	c - 50	g - 75
v - 80		d - 70
		kh - 65
(f) - 70		ph - 45
h - 50		th - 40
		k - 10
		t - 10
		p - 5
		t - 5

Очень высоки показатели длительности у сонантов: *y* - 153, *l* - 150, *ñ* - 125, *r* - 115, *m* - 100, *n* - 100, *ŋ* - 90, *ŋ* - 80.

Первые пять мест по долготе распределяются так: š (щелевой) - 200, *y* (сонант) - 153, *l* (сонант) - 150, (X)(щелевой) - 140, (z) (щелевой) - 135.

Согласные панджаби

По месту образования		По способу образования		Губные		Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные	Гортанные
				губно-губные	губно-зубные	зубные	перебральные				
Шумные	смычные	чистые придыхательные фарингализованные	чистые	p, b	.	t, d	t', d'		k, g		
			придыхательные	ph		th	th		kh		
			фарингализованные	p', b'		t', d'	t', d'		k', g'		
	слитные	чистые придыхательные фарингализованные	чистые					c, j			
			придыхательные					ch			
			фарингализованные					c', j'			
Шеловые		нефарингализованные фарингализованные		(f)*		s, (z)	v s	(s'), (z)		(X), (G)	h**
						s'					

щелевые	чистые	ш	у	л	л	у			
	фарингали- зованные	ш ^е	у ^е	л ^е	л ^е	у ^е			
носовые	чистые	т		п	п	п̃	п̃		
	фарингали- зованные	т ^е		п ^е	п ^е				
дрожащие	чистые			т					
	фарингали- зованные			т ^е					
одно- ударные	чистые				т				
	фарингали- зованные				т ^е				

* В скобках даны звуки, относящиеся к особой фонетической подсистеме (подробно см. об этом в разд. «Фонология», стр. 40).

** Фонетист Гурбахш Сингх, занимавшийся экспериментальной фонетикой GurbaKh's — 2¹, 3¹, отмечает, что в панджаби существуют два гортанных звука — глухой и звонкий h, но, к сожалению, не приводит примеров. В таблицах и ряде других мест для обоих звуков используется инвариантный знак h, подразумевающий, главным образом, звонкий вариант, т.к. в нашем распоряжении отсутствуют примеры для глухого варианта. Во всех остальных разделах работы мы для простоты употребляем знак h.

Звонкие смычные длительнее глухих, а придыхательные смычные превосходят в этом отношении свои непридыхательные корреляты (и те и другие глухие).

Слитные длительнее глухих смычных.

У носовых согласных более высокие показатели по сравнению со звонкими смычными и слитными.

Наиболее интенсивными являются сонанты и щелевые $\check{s}$ и v (среднюю величину мы рассчитали с точностью до 0,01):

	Начальная фаза	Средняя фаза	Конечная фаза	Средняя величина
r	2,00	3,00	4,00	3,00
$\check{s}$	1,00	4,00	2,00	2,30
n	1,00	2,00	3,00	2,00
$\tilde{n}$	1,00	3,00	2,00	2,00
η	1,00	2,00	2,50	1,83
l	1,00	1,50	2,50	1,67
r	1,00	3,00	1,00	1,67
$\tilde{n}$	1,00	1,25	2,50	1,58
y	0,50	1,00	3,00	1,50
v	1,00	1,50	2,00	1,50

Затем следует группа слитных, придыхательные смычные ih , ih , kh , щелевые s и (z) :

	Начальная фаза	Средняя фаза	Конечная фаза	Средняя величина
ch	0,50	2,50	1,25	1,42
c	0,25	2,00	1,00	1,08
ih	1,25	1,00	1,00	1,08
ih	0,50	1,50	1,00	1,00
kh	1,00	1,00	0,75	0,92
s	0,25	1,50	1,00	0,92
(z)	0,50	1,00	1,00	0,83
j	0,50	1,00	1,00	0,83
(X)	0,50	1,00	0,50	0,67
(f)	0,25	0,25	0,25	0,25
h	0,25	0,25	0,25	0,25

К данной группе примыкают щелевой (X) и смычные d , d , g , b , ph , k :

	Начальная фаза	Средняя фаза	Конечная фаза	Средняя величина
(X)	0,50	1,00	0,50	0,67
ɖ	0,25	0,75	0,75	0,58
pʰ	0,25	0,75	0,50	0,50
d	0,25	0,50	0,50	0,42
b	0,25	0,50	0,50	0,42
g	0,25	0,50	0,50	0,42
k	0,25	0,50	0,25	0,33

Самой низкой относительной интенсивностью обладают щелевые (f), ʃ и глухие смычные p, t, ʈ. Во всех фазах у них зафиксирована величина 0,25. Следовательно, и средняя их величина составляет 0,25.

Первые пять мест по относительной интенсивности (средняя величина) распределяются следующим образом: r (сонорный) — 3,00, ʂ (щелевой) — 2,30, n (сонорный) — 2,00, ɳ (сонорный) — 2,00, ɟ (сонорный) — 1,83.

Как видно из цифровых показателей, наибольший диапазон колебания в величине интенсивности наблюдается у щелевых (от 2,30 до 0,25, т.е. 2,05). Диапазон колебания у сонантов составляет 1,50 (3,00 — 1,50), у смычных он равен 0,83 (1,08 — 0,25), у слитных — 0,59 (1,42 — 0,83); средний диапазон колебания относительной напряженности у панджабских согласных равен 2,75 (3,00 — 0,25).

Среди сонантов наибольшей интенсивностью обладают дрожащий r и большинство носовых, наименьшей — y.

Среди щелевых наиболее высокий показатель интенсивности у ʂ, (X), (z); остальные звуки этого класса уступают в этом отношении слитным.

Глухие придыхательные смычные более интенсивны, чем их непридыхательные глухие и звонкие корреляты.

Проведенные автором наблюдения показывают, что в ряде слов движение нисходящего тона в панджаби сопровождается значительным сокращением мышц глотки с оттягиванием языка назад. Поскольку согласный, начинающий тонированный слог, произносится очень напряженно и получает фарингальный призвук, напоминающий арабский звук ʕ [ʕain], мы вправе сделать вывод, что в панджаби наличествуют фарингализованные согласные, которые встречаются в слогах с нисходящим движением тона. Подобные согласные образуются за счет того, что на их основную артикуляцию налагается

дополнительная (сужение прохода воздуха в полости глотки), следовательно, за счет образования дополнительного фарингализованного шума. Примеры подобных согласных приводятся в таблице согласных и иллюстрациях раздела «Тоны». Они всегда инициали.

Ниже приводится характеристика отдельных согласных звуков.

p — глухой губно-губной смычный согласный; встречается во всех позициях: *pārī* ‘грешник’, *āp* ‘сам’.

ph — глухой придыхательный губно-губной смычный согласный; встречается во всех позициях: *phānd* ‘ремесло’, *lāpphəŋ* ‘пощечина’, *jəpph* ‘слюна’.

pʼ — фарингализованный коррелят *p*: *pʼāyū* ‘брат’, *əpʼe* ‘бесстрашный’.

b — звонкий губно-губной смычный согласный: *bānd* ‘закрытый’, *gəbbəŋ* ‘богатый’, *kəbb* ‘упрямство’.

bʼ — фарингализованный коррелят *b*: *subʼātā* ‘обычность’, *səbʼā* ‘нрав’.

t — глухой зубной смычный согласный: *tin* ‘три’, *pətnī* ‘жена’, *sət* ‘семь’.

th — глухой придыхательный зубной смычный согласный: *thāppā* ‘похлопывать’, *utthe* ‘там’, *kəttth* ‘рука’.

tʼ — фарингализованный коррелят *t*: *tʼoŋā* ‘мыть’, *tʼeɬe* ‘грохот’.

d — звонкий зубной смычный согласный: *din* ‘день’, *kərdā* ‘делающий’, *ird gird* ‘вокруг’.

dʼ — фарингализованный коррелят *d*: *mūrdʼənyō* ‘церебральный’.

ɬ — глухой церебральный смычный согласный: *ɬek* ‘опора’, *ku-ɬāyū* ‘избиение’, *sūt* ‘стремительное движение’.

ɬh — глухой придыхательный церебральный смычный согласный: *ɬisk* ‘хвастовство’, *sɬhā* ‘негодный’, *əɬh* ‘восемь’.

ɬʼ — фарингализованный коррелят *ɬ*: *kəɬʼāyūā* ‘уменьшать’.

ɖ — звонкий церебральный смычный согласный: *ɖəru* ‘трус’, *vəɖɖā* ‘большой’, *piŋɖ* ‘деревня’.

ɖʼ — фарингализованный коррелят *ɖ*: *pəŋɖʼār* ‘сокровище’.

k — глухой заднеязычный смычный согласный: *kākā* ‘ребенок’, *sāk* ‘родственник’.

kh — глухой придыхательный заднеязычный смычный согласный: *khəbbā* ‘левый’, *dukhhā* ‘болеть’, *sīkh* ‘воплъ’.

kʼ — фарингализованный коррелят *k*: *kʼāt* ‘нехватка’, *bekʼər* ‘бездомный’.

g — звонкий заднеязычный смычный согласный: *gəbbəɾ* 'пре-
успевающий', *əgge* 'впереди', *jog* 'хомут'.

g' — фарингализованный коррелят g: *təg'ānā* 'сила, мощь',
tiɡ'ānā 'высокий берег реки'.

c — глухой среднеязычный слитный согласный: *cəmtā* 'кожа',
khicrā 'тянуть', *vicc* 'в'.

c' — фарингализованный коррелят c: *c'ət̪* 'быстро', *ric'āl*
'землетрясение'.

ch — глухой придыхательный среднеязычный слитный соглас-
ный: *che* 'шесть', *məschəɾ* 'москит', *kəsch* 'подмышки'.

j — звонкий среднеязычный слитный согласный: *jānā* 'идти',
səjnā 'быть приемлемым', *əjj* 'сегодня'.

j' — фарингализованный коррелят j: *rəj'ānā* 'прогонять',
tiʃ'ānā 'побуждать надеяться'.

s — глухой зубной шелевой согласный: *soɕnā* 'думать', *pāssā*
'сторона', *ɾos* 'гнев'.

s' — фарингализованный коррелят s: *cəs'āy* 'смазывание',
təs'ānā 'заставлять погружаться'.

z — звонкий зубной шелевой согласный; в просторечии,
как правило, не встречается, поскольку там употребляется звук j.
Относится к особой фонетической подсистеме заимствованных и
относительно редко употребляющихся звуков панджаби. В основную
фонетическую подсистему панджаби не входит. Используется обра-
зованными людьми главным образом в словах, заимствованных из
персидского и английского языков: *zəbān* 'язык', *hāziri* 'присутст-
вие', *mez* 'стол', *zink* 'цинк'.

f — глухой губно-зубной шелевой согласный; так же, как и z,
принадлежит к особой фонетической подсистеме. Как правило, в
просторечии не встречается, а заменяется придыхательным
ph; встречается в речи образованных людей и главным образом
в заимствованных словах: *fəriād* — крик о помощи, *mufti* 'муфти',
əfsəɾ 'офицер', 'чиновник'.

ʃ — глухой церебрализованный шелевой согласный. Как мы за-
метили, этот звук используется лишь в словах, заимствованных из
санскрита (татсама, полутатсама), персидского, арабского и ан-
глийского языков. Однако многие из этих слов прочно вошли в об-
ходный панджаби и уже едва ли воспринимаются как заимствован-
ные, например: *p'āśā* 'язык' (полутатсама), *ʃəbəd* 'слово' (татса-
ма), *ʃteɾi* 'класс' (татсама), *ʃok* 'горе' (полутатсама), *ʃām* 'ве-

чер' (из перс.), *šēd* 'мед' (из араб.), *šāed* 'вероятно' (из перс.), *šakk* 'сомнение' (из араб.), *šišā* 'зеркало' (из перс.) и др. На этом основании мы сочли целесообразным рассматривать звук *š* как элемент основной фонетической подсистемы панджаби (пример заимствования из английского: *pēlšān* 'пенсия').

š̌ — глухой двухфокусный (основной фокус средняяязычный) щелевой мягкий согласный, несколько напоминающий русский звук [ш̌]. По сравнению с *š* мало распространен: прослеживается в отдельных словах, заимствованных из персидского, например: *bākhš'īs* 'гоно-рар', 'чаевые', *kīš'mīš* 'кишмиш', *š'er* 'тигр'; относится к особой фонетической подсистеме, поскольку мы обнаружили его лишь в немногих (заимствованных) словах.

ž — звонкий средняяязычный щелевой согласный; относится к особой фонетической подсистеме звуков, так как прослеживается в заимствованных словах, в первую очередь из английского, санскрита, персидского. В ряде позиций, особенно в середине слова, факультативно употребляется вместо звука *y*: *nīžm* (также *niyāt*) 'правило', *dīwīžān* 'дивизия', *žānī* (также *yānī*) 'любовница'.

y — средняяязычный щелевой сонант: *yāyūā* — название буквы, *yārā* 'одиннадцать'; также широко используется в словах, заимствованных из санскрита, персидского и английского языков, как, например: *yād* 'память' (из перс.), *yog* 'достойный' (из скр.), *yūpīān* 'союз' (из англ.). Как уже говорилось, в ряде заимствованных слов может факультативно заменяться звуком *ž*; в исходе слова встречается также (например, *nīāy* 'истина').

y' — фарингализованный коррелят *y*: *py'āpāk* 'ужасный'.

χ — глухой увулярный щелевой согласный; используется лишь в ряде слов, заимствованных из фарси, арабского и урду, например: *χālās* 'освобожденный', *sāχmāk* 'кремьнь'. Как *z* и *f*, относится к особой фонетической подсистеме. Слова, содержащие этот звук, в большинстве случаев модифицируются путем замены его придыхательным *kh*.

G — звонкий увулярный щелевой согласный, например: *Gaddar* 'восстание', *soGā* 'халат'; как *z*, *f* и *χ*, принадлежит к особой фонетической подсистеме. Большинство панджабцев подменяет его задняяязычным звуком *g*.

ȟ — звонкий гортанный щелевой согласный; как правило, встречается в начале слова, например: *ȟopā* 'быть', *ȟit* 'интерес', *ȟgā* 'зеленый'. Наблюдения автора показали, что в некоторых словах

Этот звук встречается и в середине слова. Это прослеживается, например, у эмфатического местоимения *о́һо* 'именно тот', произнесение которого с восходящим тоном и без звука *һ* сделало бы слово неблагозвучным. Звук *һ* произносится в аналитической словоформе *еһо jīā* 'такой'. У ряда слов может наблюдаться двоякое произношение: в одном случае со звуком *һ*, а в другом без него, но с восходящим тоном, как, например, у эмфатических местоимений *еһт* (или *еһ̃*), *еһо* (или *еб̃*), *еһā* (или *еā̃*) 'именно этот' и *оһт* (или *оһ̃*), *оһā* (или *оā̃*) 'именно тот', у указательного местоимения *эјеһā* (или *эјеā̃*) 'такой'. Нам также удалось обнаружить, что в середине слова данный звук встречается в заимствованной лексике, особенно в арабской, персидской, санскритской, например: *zāḥir* 'ясный' (из араб.), *bahāl* 'восстановленный' (из перс.), *loḥā* 'железо' (из скр.). Подобные слова относятся к особой фонетической подсистеме, поскольку они еще не подчинились законам основной фонетической подсистемы панджаби. Однако собранный материал и наши тесты позволили сделать вывод, что ряд заимствованных слов имеет тенденцию ассимилироваться и входить в основную фонетическую подсистему панджаби. На это указывает наличие двух вариантов их произношения: один с восходящим тоном и без звука *һ*, а другой, наоборот, без восходящего тона и со звуком *һ*, как, например: *этэк* и *эһтэк* 'глупец' (из араб.), *boḥultā* и *boḥlā* 'множество' (из скр.). А слово *seṁtət* 'согласный', вошедшее в панджаби из санскрита, почти полностью ассимилировалось, поскольку вариант *səḥmət* — очень редкое явление.

w — губно-губной щелевой сонант; встречается в интервокальной позиции: *āwā̃*? 'Мне прийти?', *dewā̃*? 'Не отдать ли мне?'

w — фарингализованный коррелят *w*: *rāw* 'āgā 'эпидемия'.

v — губно-зубной щелевой сонант; встречается везде, за исключением интервокального положения; в конце слова обнаруживается редко: *vāḥg* 'подобно', *sikhvāṇā* 'побуждать обучать', *dīv* 'великан'.

v — фарингализованный коррелят *v*: *rāv* 'āṇā 'посылать', *rāv* 'āṇā 'велеть наполнять'.

l — зубной латеральный щелевой сонант: *lāḡgər* — столовая при гурдуаре (сикхском храме), *rallā* 'перемешиваться', *vall* 'стопорна'.

l — фарингализованный коррелят *l*: *səl* 'āb 'влажность', *cul* 'āṇā 'вывешивать (знамена)'.

l̥ — церебральный латеральный щелевой сонант; не встречается в начале слова: *kotl̥ā* ‘Котла’, *viskāl̥* ‘середина’.

l̥ʰ — фарингализованный коррелят l̥: *l̥ʰl̥ʰāuṛā* ‘плавить’, *kuḷʰāuṛā* ‘побуждать бороться’.

m — губно-губной носовой смычный сонант: *m̃m̃t̃* ‘сосок’, *net* ‘правило’, *kāmb̃i* ‘приводящий в трепет’.

mʰ — фарингализованный коррелят m: *əbm̃ʰān* ‘заносчивый’.

n — зубной носовой смычный сонант: *nəwā* ‘новый’, *bəndā* ‘человек’, *rān* ‘бетель’.

nʰ — фарингализованный коррелят n: *guṇʰāy* ‘замешивание теста’, *kəp̃ʰāuṛā* ‘заставлять терпеть’.

ŋ — церебральный носовой смычный сонант; в начале слова, как правило, не встречается, обнаруживается лишь в его исходе и середине, в том числе перед церебральными согласными: *huṇ* ‘теперь’, *rāñt̃* ‘вода’, *rəṇḍorā* ‘хутор’, *kāṇt̃ā* ‘вилка’.

ŋʰ — фарингализованный коррелят ŋ: *kəṇʰā* ‘тесный’.

ñ — средняяязычный носовой смычный сонант. Обнаруживается лишь в середине и исходе слова, и чаще всего перед гоморганными, средняяязычными согласными: *siñj* ‘клев’, *kēñs* ‘большие ножницы’, *rəñchī* ‘птица’, *siñāṇṇā* ‘признавать’, *siñ* ‘глушь’.

ʒ — задняяязычный носовой смычный сонант. Встречается лишь в середине и исходе слова, и чаще всего перед гоморганными, задняяязычными согласными: *kāʒkh* ‘стремление’, *səʒgā* ‘хороший’, *r̥hāʒkṛt̃* ‘хвастуныя’, *siʒ* ‘рог’, *kəʒəp̃* ‘браслет’.

Поскольку в имеющейся лингвистической литературе отношения между носовыми согласными *n*, *ŋ*, *ñ* и *ʒ* не раскрыты, считаем целесообразным привести примеры их минимальных и субминимальных пар, что указывает на самостоятельный фонемный характер звуков.

ŋ : ñ

<i>luṇt̃</i> —разновидность дхоти	:	<i>luñā</i> ‘инвалид’
<i>āṇḍəp̃</i> ‘двор’	:	<i>māñḍəp̃</i> ‘полировка’
<i>siṇ</i> ‘рог’	:	<i>siñ</i> ‘орошай’
<i>chuṇ</i> ‘натягивай’	:	<i>siñ</i> ‘глушь’

ŋ : n

<i>chiṇ</i> ‘зубочистка’	:	<i>chiṇ</i> ‘частица’
<i>siṇ</i> ‘рог’	:	<i>siṇk</i> ‘сморкайся’
<i>kəʒəp̃</i> ‘браслет’	:	<i>kəṇək̃</i> ‘пшеница’

$\tilde{n}$:	n
$mā\tilde{n}i$ 'родственник матери девушки'	: $māni$ — вес от 12 до 18 фунтов
$su\tilde{n}$ 'глушь'	: sun 'слушай'
$\tilde{n}$:	n
$jā\tilde{n}$ 'свадебная процессия'	: $jān$ 'человек'
$mā\tilde{n}i$ 'родственник матери девушки'	: $māni$ 'полевой сторож'
$\tilde{\eta}$:	n
$vi\tilde{\eta}$ 'неровность'	: $vinp$ 'дырявь'
$chi\tilde{\eta}$ 'зубочистка'	: $chin$ 'момент'
$\tilde{\eta}$:	n
$jā\tilde{\eta}$ 'знай'	: $jān$ 'жизнь'
$bā\tilde{\eta}ā$ 'профессия'	: $bāpā$ 'оборудование'
$mā\tilde{\eta}o$ 'имя собственное'	: $māno$ 'будто бы'

r — зубной плавный дрожащий сонант: $rās$ 'творение', $pār\tilde{l}ā$ 'внешний', $kār$ 'делай'.

r^c — фарингализованный коррелят r : $iār^cēk$ — разновидность дерева, $śār^cā$ 'шариат'.

$\tilde{r}$ — церебральный плавный одноударный сонант; в начале слова встречается редко, лишь в некоторых лексических единицах, например: $iār\tilde{k}ā$ 'рассвет', $mā\tilde{r}i$ 'надстройка', $kik\tilde{k}ār$ 'петух', $rār\tilde{r}ak$ 'боль', $rār$ 'ссора', $rār\tilde{r}ā$ — буква $\tilde{r}$.

r^c — фарингализованный коррелят $\tilde{r}$: $ri\tilde{r}^cāy$ 'бой быков', $sār\tilde{r}^cāy$ 'нападение'.

САНДХИ

Сандхи в панджаби целесообразно подразделить на три разновидности: словоизменительное, синтетически-формообразовательное и словообразовательное.

Словоизменительное сандхи

Эта разновидность сандхи включает звуковые изменения, имеющие место в синтетической форме слова при переходе от одной грамматической категории к другой. (В приводимых примерах тоновые изменения не учитываются.)

1. Если корневая морфема или слово оканчивается на гласный звук, то при присоединении к ней аффикса—гласного звука между стыкуемыми гласными часто вставляется звук *-w-*, например:

$\bar{a} + \tilde{a} = \bar{a}w\tilde{a}$:	$pr'\bar{a} + \tilde{a} = pr'\bar{a}w\tilde{a}$	субосема мя.ч. для $pr'\bar{a}$ 'брат';
	$\bar{a} + \tilde{a} = \bar{a}w\tilde{a}$	'я пришел бы'
$\bar{a} + e = \bar{a}we$:	$\bar{a} + e = \bar{a}we$	'он пришел бы'
$\bar{i} + \tilde{a} = \bar{i}w\tilde{a}$	$pr\bar{i} + \tilde{a} = pr\bar{i}w\tilde{a}$	'я выпил бы'
$\bar{a} + \partial = \bar{a}w\partial$	$kh\bar{a} + \partial\eta = kh\bar{a}w\partial\eta$	'они съели бы'
$o + \tilde{a} = ow\tilde{a}$:	$ho + \tilde{a} = how\tilde{a}$	'я был бы'
$o + \tilde{e} = ow\tilde{e}$:	$ho + \tilde{e} = how\tilde{e}$	'ты был бы'
$o + e = owe$:	$ho + e = howe$	'он был бы'
$o + \partial = ow\partial$:	$ho + \partial\eta = how\partial\eta$	'они были бы'

Кроме того, у корневых глагольных морфем, оканчивающихся на *-ε* и *-ṣ*, при такой стыковке эти звуки меняются на *-ə-*, например:

$\varepsilon + \tilde{a} = əw\tilde{a}$:	$l\varepsilon + \tilde{a} = ləw\tilde{a}$	'я взял бы'
$\varepsilon + e = əwe$:	$l\varepsilon + e = ləwe$	'он взял бы'
$\tilde{\mathfrak{s}} + \tilde{a} = əw\tilde{a}$:	$s\tilde{\mathfrak{s}} + \tilde{a} = səw\tilde{a}$	'я спал бы'
$\tilde{\mathfrak{s}} + e = əwe$:	$s\tilde{\mathfrak{s}} + e = səwe$	'он спал бы'

2. При присоединении к корневой морфеме (глагольной), оканчивающейся на *-ε*, аффикса—долгого гласного *-ε* может укорачиваться и сужаться, например: $l\varepsilon + \bar{a} = li\bar{a}$ 'взял', $l\varepsilon + o = ləo$ 'возьмите'.

О сандхи при образовании форм глаголов каузативного залога сказано в разделе «Глагол» (стр. 352).

Синтетически-формообразовательное сандхи

Эта разновидность сандхи наблюдается при образовании синтетических форм слова из аналитических, а также из имени и глагола. Но это главным образом прослеживается в устной речи и имеет пока характер тенденции.

$\bar{a} + h\varepsilon (\varepsilon, e) = \varepsilon$: $c\bar{a}h\bar{i}d\bar{a} h\varepsilon = c\bar{a}h\bar{i}d\varepsilon$: $tere\ n\bar{a}l\ bel\bar{a}g\ ho\eta\bar{a}\ c\bar{a}h\bar{i}d\varepsilon$ [D] 'с тобой надо быть откровенным'; $ho\eta\bar{a} h\varepsilon = ho\eta\varepsilon$: $hukm\ ho\eta\varepsilon$ [D] 'приказано'; $gi\bar{a} h\varepsilon = gi\varepsilon$ 'ушел'; $pa\bar{i}\bar{a} + h\varepsilon = pa\bar{i}\varepsilon$ 'известно'; $su\eta\bar{d}\bar{a} + \varepsilon = su\eta d\varepsilon$ 'слушает'; $su\eta\eta\bar{a} + \varepsilon = su\eta\eta\varepsilon$ 'нужно бросить'.

$\bar{a} + h\tilde{a}(\tilde{a}) = \tilde{a}$: $li\bar{a}y\bar{a} h\tilde{a} = li\bar{a}y\tilde{a}$ 'принес', $rih\bar{a} + h\tilde{a} = rih\tilde{a}$: $m\tilde{e}$
 $n\bar{a}w\tilde{i} zind\bar{a}g\tilde{i} k\bar{e}r rih\tilde{a}$ [C] 'Я начинаю новую жизнь'.

$\bar{a} + h\tilde{e}(\tilde{e}) = \tilde{e}$: $gi\bar{a} h\tilde{e} = gi\tilde{e}$; $t\tilde{u} m\bar{e}n\tilde{u} m\bar{e}r\bar{e}n te ut\bar{a}r\tilde{u} ho gi\tilde{e}$, $kut-$
 $ti\bar{a}$ [Na¹, 65] 'Ты решился, собака, меня ударить', $\bar{a} + \tilde{e} = \tilde{e}$: $\bar{a} + \tilde{e} = \tilde{e}$: $\bar{a} + \tilde{e} = \tilde{e}$: $\bar{a} + \tilde{e} = \tilde{e}$:
 $k\bar{i} k\bar{e}r\bar{e}n \bar{a}gg\tilde{e}$? [C] 'Что ты собираешься делать?'.

Вот еще ряд примеров на формообразовательное сандхи: $\bar{a}kh\bar{d}\bar{i}$
 $h\tilde{e} > \bar{a}kh\bar{d}\bar{i}\tilde{e} > \bar{a}n\tilde{i}\tilde{e}$ [Gb⁴, 51] 'Ты говоришь', $\bar{a}kh\bar{d}\bar{a} s\bar{a} > \bar{a}n\bar{d}\bar{a}$ 'Я го-
 ворил'.

Словообразовательное сандхи

Ряд примеров Чандара [Candar, 43] можно вполне классифици-
 ровать как словообразовательное сандхи.

Эти примеры показывают, что при присоединении к слову или
 корневой морфеме аффикса или другого слова (в случае образова-
 ния сложного слова) гласная может укорачиваться и даже сужать-
 ся, а ударение переносится с корневой морфемы на аффикс, напри-
 мер:

$o > u$: bol 'слово' + $-ar$ = $bul\bar{a}r$ 'шум голосов', $k'o\bar{r}$ (от $k'o\bar{r}\bar{a}$
 'лошадь') + $-d\bar{a}r$ 'бег' = $kurd\bar{a}r$ 'скачки';

$\bar{a} > u$: $k\bar{a}r$ (от $k\bar{a}r\bar{a}$ 'горький') + $-it\bar{a}n$ = $kur\bar{a}it\bar{a}n$ 'горечь';

$e > i$: $pe\bar{t}$ 'желудок' + $-ar$ = $pit\bar{a}r$ 'сумка';

$\bar{i} > i$: $p\bar{i}l$ (от $p\bar{i}l\bar{a}$ 'желтый') + $-it\bar{a}n$ = $pil\bar{a}it\bar{a}n$ 'желтизна'.

При присоединении аффикса к корневой морфеме возможно
 появление гласного звука: bur (от $bu\bar{r}\bar{a}$ 'плохой') + $-ay$ = $bur\bar{a}y$ 'не-
 достаток' (появление звука $-i$).

При присоединении к корневой морфеме аффикса может на-
 блюдаться синкопа некоторых ее звуков; иногда вместо нескольких
 звуков появляется один новый, например: $ra\bar{n}j$ 'пять' + $-set\bar{r}$ =
 $ra\bar{s}et\bar{r}$ — мера веса (выпадение стечения $n\bar{j}$), $sa\bar{y}$ 'хозяин' + $-ar$ =
 $sva\bar{n}ar$ 'хозяйка' (синкопа $\bar{a}y$ и появление вместо этих звуков звука $-v$).

Автор данной работы также обнаружил случай, когда при обра-
 зовании сложного слова у второго компонента изменяется качество
 гласного звука, а у первого компонента последний согласный либо
 ассимилируется в первый звук второго компонента, либо он синкопи-
 рует ряд своих звуков и удлиняет за счет этого первый согласный
 звук второго компонента, например: jis 'какой' + din 'день' > $jidd\bar{e}n$
 'когда', 'какой день', $jinn\bar{a}$ ($jitn\bar{a}$) 'сколько многих' + cir 'срок' > $jic-$
 car 'в то время как'.

ФОНОЛОГИЯ

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

При определении инвентаря фонем панджаби следует учитывать следующие обстоятельства.

Поскольку фарингализованные согласные, как нам удалось установить, встречаются лишь в слогах с фарингализованным нисходящим тоном, их не следует рассматривать как отдельные фонемы и, следовательно, включать в фонемный состав данного языка. Они представляют собой варианты своих нефарингализованных коррелятов и фонологическим значением не обладают. В слогах, где встречаются эти звуки, фонологическое значение имеет лишь характер тона, т.е. тонема, противопоставляемая другим тонам. Так что фарингализацию согласного можно считать фонологически нерелевантным признаком.

То обстоятельство, что звуки *f*, *z*, *h*, *ʒ* и *ç* принадлежат к числу заимствованных и относительно редко употребляющихся, побудило нас также исключить их из инвентаря фонем и отнести к особой фонетической подсистеме.

Нередко носовые согласные *ñ* и *ɲ* факультативно варьируют с сочетаниями *ñj* и *ɲg*, например: *luɲ* и *luɲg* 'почка', *jəñ* и *jəñj* 'свадебная процессия'.

Нам представляется целесообразным описывать систему фонологических противопоставлений панджаби в терминах следующих дифференциальных признаков (ДП): (1) вокальность, (2) консонантность, (3) низкая тональность, (4) компактность, (5) носовость, (6) диффузность, (7) непрерывность, (8) звонкость, (9) долгота, (10) придыхательность, (11) бемольность.

На основе этих одиннадцати признаков противопоставляются
49 фонем: *t, th, d, š, t, th, d, s, n, n, c, ch, j, ñ, p, ph, b, m, k, kh, g,*
ž, ž, e, i, ĩ, ě, ĭ, ě, ě, ъ, o, u, ū, ǝ, ȳ, ŷ, ā, ̄, ă, ȓ, r, l, r, l, y,
v (см. схему 1).

диффузные гласные верхнего подъема $i, \bar{i}, \tilde{i}, \check{i}, u, \bar{u}, \tilde{u}, \check{u}$ от недиффузных среднего подъема $e, \bar{e}, \tilde{e}, \check{e}, o, \bar{o}, \tilde{o}, \check{o}$. Для остальных фонем этот признак нерелевантен.

ДП непрерывности противопоставляет непрерывный зубной s прерывным зубным t, th, d , непрерывный церебрализованный $\check{s}$ прерывным церебральным t, th, d , непрерывный гортанный h прерывным заднеязычным k, kh, g , непрерывные латеральные сонанты l и $\check{l}$ прерывным плавным сонантам r и $\check{r}$.

ДП звонкости характеризует фонему b в противоположность глухим фонемам p и ph , фонему d в противоположность фонемам t и th , фонему $\check{d}$ в противовес фонемам t и th , фонему j в противоположность фонемам c и ch , фонему g в противовес фонемам k и kh .

ДП долготы противопоставляет лишь четыре пары гласных: долгое $\bar{t}$ краткому i , долгое носовое $\tilde{t}$ краткому носовому $\check{i}$, долгое $\bar{u}$ краткому u , долгое носовое $\tilde{u}$ краткому носовому $\check{u}$.

ДП придыхательности релевантно различает следующие фонемы: $ph - p, th - t, \check{th} - t, ch - c, kh - k$.

ДП бемольности дифференцирует лишь четыре бемольных гласных от четырех небемольных: $o - \check{o}, \bar{o} - \check{o}, \bar{e} - \check{e}, \bar{a} - \check{a}$.

Как видно, панджаби относится к тому меньшинству языков, которые располагают двумя равноправными противопоставлениями «звонкость—глухость» и «напряженность—ненапряженность» в реализации через «придыхательность—непридыхательность». Контрастность «звонкость—глухость» типична для смычных и слитных, а оппозиция «придыхательность—непридыхательность» — лишь для глухих смычных и слитных.

Ниже приводится матрица идентификации фонем панджаби по дифференциальным признакам (табл. 1), где «плюс» означает релевантное наличие основного признака, «минус» — его отсутствие, а пустая клетка — его нерелевантность. Фонемы разбиты на три основные группы: 1) согласные, 2) гласные и 3) сонанты (полугласные), обладающие и вокальностью, и консонантностью.

На основе собранного материала автор провел синтагматический анализ фонем панджаби, т.е. выяснил их дистрибуцию в тексте и выявил ряд интересных моментов главным образом на основе слов тадбхава и полутатсама, т.е. лексики, типичной для основной фонетической подсистемы панджаби.

Матрица идентификации фонем панджаби

	t	th	d	s	t	th	d	s	n	n	c	ch	j	ñ	p	ph	b	m	k	kh	g	h	ŋ
1. Вокаль- ность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2. Консо- нант- ность																							
3. Низкая тональ- ность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4. Компакт- ность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+
5. Носо- вость	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	+
6. Диффуз- ность	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+													
7. Непре- рыв- ность	-	-	-	+	-	-	-	+											-	-	-	+	
8. Звон- кость	-	-	+		-	-	+				-	-	+		-	-	+		-	-	+		
9. Долгота																							
10. Приды- хатель- ность	-	+			-	+					-	+			-	+			-	+			
11. Бемоль- ность																							

Дистрибуция гласных фонем

1. В панджаби нет ни одной гласной фонемы, которая имела бы стопроцентную сочетаемость со всеми остальными девятнадцатью гласными фонемами (см. табл. 2).

Если учесть идентичные (т.е. себе подобные) гласные, то наиболее сочетаемы (препозитивно + постпозитивно) фонемы *o* (с 13 фонемами, или 65% сочетаемости), *ā*, *e* (каждая из них с 11 фонемами, или 55% сочетаемости).

В современном панджаби нам не удалось обнаружить ни одного вокалического сочетания, включающего звуки *ī*, *ĩ* или *ẽ*. Очень низок процент сочетаемости у фонем *ẽ*, *ĩ* (с одной фонемой), *ĩ* (с двумя фонемами). Вот ряд примеров на редкие сочетания: *giĩ* 'Ты ушел', *āĩ*! 'О клятва!'.
2. Панджаби допускает и стечения трех гласных, например:

t'īāorā (*īāo*) 'помнить', *adiāer* (*īāe*) — веревка для натяжения основы кровати, *hāūā* (*āūā*) 'страшилище'.

3. Комбинации гласных наблюдаются во всех позициях слова: в начале, конце и середине (более редко), например: *āerā* 'плечевой сустав', *īārā* 'детский', *ēikĩō* 'с этого момента', *uktāo* 'безразличный'; *koel* 'индийский соловей'.

Некоторые слова состоят лишь из гласных: *āō* 'слизь', *eo* 'тот же самый'.

4. Как правило, носовые гласные (исключая *ā*) не встречаются в начале слова, хотя существуют такие редкие слова, как *ẽ* 'так', 'таким образом', *ū* — частица со значением гнева.

Краткие гласные редко обнаруживаются в исходе слова.

Чаще всего удвоенным согласным предшествуют краткие неносовые гласные, например: *sukkā* 'сухой', *vaddā* 'большой', *jittpā* 'побеждать'. Однако существуют слова, в которых согласные удваиваются после долгих гласных, например: *dābbā* 'упрек', *dāddā* 'дедушка по отцу', *pāssā* 'сторона', *nāttā* 'связь', 'родство'.

Краткие гласные встречаются перед всеми возможными стечениями согласных, о которых речь идет ниже, а долгие — лишь перед некоторыми. (О дистрибуции гласных см. раздел, где дается характеристика отдельных гласных звуков.)

Ниже приводятся таблицы дистрибуции гласных фонем, учитывающие также их сочетания с согласными (табл. 2, 3).

Дистрибуция фонем панджаби (гласные с гласными)*

Первый звук Второй звук	ī	ĩ	i	ĩ	e	ẽ	ε	ẽ	ə	ə̃	ĩ	ĩ	и	ĩ	o	õ	ā	ā̃	ɔ	ɔ̃
ī					+	+					+	+	+		+	+	+	+		
ĩ																				
i					+		+	+					+		+	+	+	+	+	+
ĩ													+							
e			+		+				+		+	+	+		+	+	+	+		
ẽ																				
ε									+			+			+	+	+	+		+
ẽ															+					
ə					+						+	+	+		+	+				
ə̃																				
и					+										+		+	+		
ĩ																				
и			+						+								+	+		
ĩ																				
o					+	+					+	+			+	+	+	+		
õ																				
ā	+				+	+					+	+	+		+	+		+		
ā̃					+								+		+	+				
ɔ						+			+							+		+		
ɔ̃																				

* Здесь, а также в таблицах 3, 4, 5 знак + (плюс) символизирует наличие сочетания двух фонем. Пустая клетка означает, что сочетания зафиксировать не удалось.

Дистрибуция фонем панджаби (гласные с согласными)

[illegible]

Дистрибуция согласных фонем панджаби

1. Анализ консонантизма панджаби позволяет выявить две важные черты последнего:

а) ограниченное количество двучленных стечений согласных в начале слова и полное отсутствие трехчленных;

б) наличие консонантных групп из двух идентичных членов не только в середине, но, что более важно, и в конце слова. Это говорит об отсутствии в панджаби истинных, классических геминат.

2. Значительно ограничена консонантная сочетаемость у гортанной фонемы *h*. В словах тадбхава она не предшествует ни одному согласному, но может следовать за согласными.

Очень пассивны в этом плане и носовые *ñ* и *ŋ*. Предшествуя всего пяти-шести консонантным звукам, они почти не следуют за ними.

Слаб консонантный коэффициент сочетаемости и у шелевого *ʃ*.

3. За исключением ряда ограничений и запретов, приведенных ниже, согласные фонемы встречаются во всех позициях слова: в начале, середине и конце.

4. Как правило, в начале слова не встречаются следующие фонемы: *l*, *n*, *ɳ*, *ŋ*, *ɽ*. Исключение составляет незначительное количество слов, начинающихся с *ɽ*: *ɽaɽək* 'боль', *ɽaɽ* 'ссора', 'спор', *ɽaɽā* — название буквы *Ṛ* (*ɽ*), а также наименования букв *Ṛ* (*n*) *nṛa*, *Ṛ* (*ɳ*) *ṇa* и *Ṛ* (*ŋ*) *ṅa*.

5. В исходе слова обнаруживаются все согласные фонемы, кроме *h*.

6. Для середины слова значительные ограничения имеет также фонема *h*. Она может встречаться лишь в некоторых словах, как, например, в эмфатических местоимениях 3-го лица, в ряде научных терминов, в заимствованной лексике и некоторых трональных словах, особенно как фонетический вариант произношения двухтонального слова, например: *kʼəbrəɦət* и *kʼəbrat* 'беспокойство', 'тревога', *kʼəttvāɦā* и *kʼəttvā* 'обманщик'.

7. Стечения согласных обнаруживаются в начале, середине и исходе слова. Однако в начале слова они встречаются гораздо реже. При употреблении слов, начинающихся с сочетания согласных, даже образованные панджабцы предпочитают вставлять в такие начальные консонантные группы краткий гласный *ə*. Любопытную картину в отношении данного явления мы выявили на примере произношения русских слов во время обучения панджабцев в Индии

русскому языку. Даже после прослушивания преподавателя, четко выговаривавшего сочетание согласных в начале слова и на стыке предлогов и имен, носители панджаби вокально расчленили эти группы, например: Т. С. Мадан (сикх) из г. Нангала так произносил следующие слова: *оторник* как *ваторник*, *одруг* как *вдруг*, *в комнате* как *вэкомнати*, *к науке* как *кэнауки*, *к селам* как *кэселаи* и др. А Д. С. Ахвал (тоже сикх) из Нангала выговаривал слово *пшеница* как *пэшеница*.

Ниже приводятся таблицы дистрибуции согласных фонем панджаби, учитывающие также их сочетания с гласными (табл. 4, 5).

Начальные сочетания согласных

Тем не менее в панджаби существует ряд бинарных сочетаний согласных в начале слова (чаще всего в фонетических вариантах). Это в основном группы согласных, второй компонент которых обладает большой вокальностью (сонанты *г*, *л*, *ʃ*, *в* и *п*), например: (*br*) *brāṁ* 'бог', (*bl*) *blerā* 'много', (*pr*) *prāveš* 'вход', (*tr*) *tr'ek* — вид дерева, (*gr*) *grēṇ* 'введение', (*kr*) *kriggār* 'рабочий', (*sr*) *srewāṛā* 'Джайн с повязкой на губах', (*sl*) *slā'* 'намерение', (*sv*) *svere* 'утром', (*ʔn*) *sne'* 'любовь', (*st*) *stāṭiār* — 77, (*sk*) *skī* 'Дочь второй жены', (*pl*) *plēṭhī dā* 'первороденный'. Однако те же слова часто произносятся и без сочетаний согласных, как, например: *tā'ek*, *sāvere* и т.д.

Иногда можно встретить произношение начала слова на санскритский манер с использованием полугласного *y*, как, например: *pyār* 'любовь', *syāl* 'зима'. Однако нормативным в таком случае является гласный *i*, а не полугласный *y*, т.е. *piār*, *siāl*. Подобным образом иные носители панджаби подменяют гласный *и* полугласным *у*, как, например: *dvābā* вместо *duābā* 'дворечье', *kūāṛā* вместо *kiāṛā* 'холостяк'.

Срединные сочетания согласных

1. Одной из разновидностей срединных сочетаний согласных являются группы из двух идентичных членов. Удваиваться могут все согласные, за исключением *г*, (*г*), *ʃ*, *п*, *ж* и придыхательных. Звук *г* мы взяли в скобки, поскольку обнаружили слово, где он удваивается, а именно *śhāṛṛā* 'дробинка'. Придыхательные вместо удвоения образуют стечения со своими непридыхательными глухими коррелятами.

Дистрибуция фонем панджаби (согласные с гласными)

Второй Первый звук	ṭ	ṭ̃	i	ĩ	e	ẽ	ε	ẽ	ə	ə̃	u	ũ	u	ũ	o	õ	ā	ā̃	ɔ	ɔ̃
p	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+	+
pʰ	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+	
b	+	+	+		+	+	+		+		+	+	+		+	+	+	+	+	+
t	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+	+
th	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+	+
d	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+	
t̃	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	+		+		+	+	+	+
th̃	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+	
d̃	+	+	+		+	+	+		+		+	+	+		+	+	+	+	+	+
c	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+
ch	+	+	+		+	+	+		+		+	+	+		+	+	+	+	+	
j	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
k	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+	+
kh	+	+	+		+	+	+		+		+	+	+		+	+	+	+	+	
g	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+	+
l	+	+	+		+	+	+		+		+	+	+		+	+	+	+	+	
r	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+	
l̃	+	+	+		+	+			+		+	+			+	+	+	+	+	
r̃	+	+	+		+	+	+		+		+	+	+		+		+	+	+	
v	+	+	+		+	+	+		+		+	+	+		+		+	+	+	
ɣ					+	+			+				+		+	+	+	+		
m	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+	
n	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+	+
ñ	+	+	+		+	+	+		+		+	+	+		+	+	+	+	+	
ñ	+								+				+				+			
ɲ	+				+				+								+			
s	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+
ś	+		+				+		+						+		+		+	
ʃ	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	+		+		+	+	+	+

Дистрибуция фонем панджаби (согласные с согласными)

Второй звук Пер- вый звук	p	ph	b	t	th	d	i	ih	ḍ	c	ch	j	k	kh	g	l	r	i	ī	ṛ	v	y	m	n	ñ	ṇ	s	ṣ
p	+	+		+		+	+			+		+	+			+	+	+	+		+		+	+				
ph				+												+	+	+	+		+			+			+	
b		+	+			+			+			+	+		+	+	+	+					+	+			+	
t	+		+	+								+	+	+	+	+	+	+	+		+		+	+			+	+
th										+			+	+		+	+	+	+		+			+	+		+	
d	+	+	+	+		+							+					+	+	+	+		+	+			+	+
i	+	+					+						+	+				+	+	+	+		+	+				
ih	+			+		+							+	+	+			+	+	+	+		+	+			+	+
ḍ		+						+					+					+	+	+	+			+	+			+
c			+			+				+			+				+	+	+	+	+		+	+				
ch				+		+										+	+	+	+	+	+		+	+				
j	+		+	+		+						+	+		+	+	+	+	+	+	+		+	+				
k	+	+	+	+			+						+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+			+	+
kh	+	+	+	+		+						+	+			+	+	+	+	+	+		+	+			+	+
g	+	+	+	+		+			+		+	+			+	+	+	+	+	+	+		+	+				

Второй звук		p	ph	b	t	th	d	i	ih	d	c	ch	j	k	kh	g	l	r	i	i	v	y	m	n	ñ	η	s	ʃ
Пер- вый звук	l																											
l	+	+	+	+	+	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+		+		+		+	+	+	+	+	
r	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	(+)*	+	+	+		+	+	+	+	+	
i	+	+	+	+	+	+	+	+			+	+	+	+	+			+			+		+	+				
ɹ	+	+	+	+	+		+				+	+		+	+						+		+	+				
v	+				+		+										+			+	+			+				
y																	+			+	+							
m	+	+	+	+	+		+	+			+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
n	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
ɲ	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	
~n											+	+	+								+	+						
η														+	+	+					+			+	+	+	+	
s	+	+	+	+	+	+		+			+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
ʃ								+			+			+	+									+				
ʒ														+	+													

* На это сочетание зафиксирован лишь один пример.

Примеров на удвоение согласного довольно много: /ss/ kə'sso 'затяните', /kk/ rəkkā 'зрелый', /gg/ ləggā bə'ddā 'приверженец', /cc/ səccā 'правдивый', /jj/ əjjo 'как раз сегодня', /tt/ cittā 'белый', /dd/ vəddā 'большой', /tt/ dittā 'дал', /dd/ pidā 'перелетная птица', /pp/ təppā 'район', /bb/ səbbəl '«фомка»', /nn/ kənnā — название графического знака, /mm/ səmmənnā 'подметать', /yy/ səwəyyā — название размера стиха, /ll/ bəllī 'колос', /ww/ nəwwe 'девятисто'.

2. Двучленные медиальные группы смычных и слитных имеют мало запретов и ограничений. Ниже приведены основные из них:

а) если не считать редких сложных слов, то *th*, *th* и *ph*, как правило, не следуют ни за каким другим смычным и слитным, кроме своих глухих непридыхательных коррелятов *t*, *t* и *p*, например: əsət-*thā* 'жестокий', *ittihū* 'сильный кашель', dəpphō nā 'не передайте', təpphət 'пощечина'; примеры сложных слов: *churəkkhəgā* 'ловушка для птиц', *vəgphəgā* 'подарок сестре жениха';

б) если не считать удвоения *d*, то этот согласный обычно не сочетается с другими смычными церебральными;

в) обычно звонкий смычный не предшествует своему глухому корреляту, однако в трехчленном сочетании согласных нам удалось обнаружить вариант произношения слова со значением «радость» — *ənəndtā*, где *d* встречается перед *t*. Большинство опрошенных панджабцев используют этот вариант произношения, но у двух сикхов это слово звучало с регрессивной ассимиляцией, т.е. как *ənənttā*, что можно считать фонетическим свободным вариантом;

г) придыхательные не могут удваиваться; компенсацией служат их сочетания с предшествующими глухими непридыхательными коррелятами;

д) как правило, звонкие смычные и звонкий слитный *j* не могут следовать за придыхательными своих глухих коррелятов, т.е. *b* за *ph*, *d* за *th*, *ɖ* за *ɬ*, *g* за *kh* и *j* за *ch*;

е) проведенный нами дистрибутивный анализ показал, что в панджаби существуют сочетания придыхательных смычных и слитных, но их количество ограничено: удалось установить лишь три комбинации — *th* с *kh*, *th* с *ch* и *ɬ* с *kh*: *həthkhəndā* 'упражнение', 'практика', *həthchūt* 'удар палкой или саблей', *əɬkhel* 'игривый', 'резвый'.

Можно привести большое количество примеров на сочетания смычных и слитных (в том числе с придыхательными): /bd/ əbdūmān-

pā – вид свадебной песни, /bj/ *əbjūkā* ‘средства жизни’, /bɡ/ *əbgət* ‘жалкое состояние’, /bk/ *əbkā dəbkā* ‘упрек’, ‘порицание’, /pd/ *updes* ‘поучение’, ‘совет’, /pt/ *əptā* ‘беда’, /pt/ *gəptī* ‘староста деревни’, /pj/ *əpjās* ‘бесчестие’, /ps/ *orpsī* ‘вооруженный человек’, /pk/ *upkār* ‘помощь’, /ph/ *biphātā* ‘несчастье’, /db/ *əḍbol* ‘наполовину произнесенное слово’, /dp/ *əḍpākā* ‘полузрелый’, /dk/ *əḍkəstā* ‘полузрелый’, /tb/ *ūtbiḷāy* ‘выдра’, /tp/ *ūtpuṇā* ‘глупость’, /tj/ *sətjug* ‘золотой век’, /tg/ *sətgurū* ‘гуру’, /tk/ *etkītō* ‘с данного момента’, /tth/ *utthū* ‘сильный кашель’, /thk/ *həthkēḷā* ‘рукоятка’, /ḍb/ *vəḍbol* ‘болтун’, /ḍph/ *vəḍphūlgī* ‘чрезмерность’ /tb/ *həḷbāṇiā* ‘хозяин лавки’, /tp/ *lətpəṭā* ‘густой суп’, /tk/ *ətkəl* ‘догадайся’, /tkh/ *ətkhel* ‘резвый’, /tth/ *əsəṭṭhā* ‘грубый’, /tth/ *əṭṭhāṭī* – 48, /jg/ *əjgər* ‘крупная змея’, /jk/ *p’ojkī* ‘брахман’, /cb/ *bicbicāḷe* ‘в середине’, /ck/ *bickānā* ‘детская туфелька’, /cch/ *picchā* ‘прошлое’, /chd/ *kāchdā* ‘измеряющий’, /cht/ *pācchtāṇā* ‘грусть’, /gb/ *surgbās* ‘умерший’, /gt/ *əp’əgtən* ‘нечестивая женщина’, /kp/ *sewəkpūṇā* ‘служба’, /kt/ *iktāṭī* – 41, /kkh/ *ākkhā* ‘слово’, ‘речь’, /khp/ *sikhpuṇā* ‘сикхизм’, /khd/ *sikhḍāṇ* ‘дающий облегчение’, /kht/ *likhtam* – начальная формула письма, /khj/ *sikhjīṭṭā* ‘человек, находящийся в благоприятных условиях’.

3. Часто встречаются медиальные двучленные сочетания смычного или слитного с неносовым сонантом. Они почти не имеют ограничений; поэтому приведены примеры лишь на некоторые из них: /br/ *əbrī* ‘облачный’, /br/ *gəbrāṇiā* ‘заставлять ходить бесцельно’, /bl/ *p’ublākkhā* ‘печь в золе’, /pl/ *opḷā* ‘кизяк’, /pv/ *gūpvān* ‘красивая’, ‘красивый’, /phr/ *ləphrā* ‘клочок материи’, /dr/ *adrəs* – вид материи, /rl/ *pitṭī* ‘медный’, /dl/ *lādḷā* ‘любимый’, /tl/ *koṭṭā* ‘Котла’, /tr/ *viṭrāṇiā* ‘портить’, /tv/ *uṇātvā* – 59-й, /jl/ *ujlā* ‘светлый’, /cl/ *viclā* ‘средний’, /chv/ *bichvāṭā* ‘тот, кто расстилает’, /gr/ *əgrəm bəgrəm* ‘ерунда’, /gv/ *əgvān* ‘руководитель’, /kv/ *ikvāñjā* – 51, /khv/ *rākhvā* ‘праздничная одежда’ и т.д.

Следует иметь в виду, что панджабцы иногда используют сочетания согласных, в том числе стечения неносового сонанта со смычным или слитным, типичные для санскрита, например: /jy/, /by/ *rājyō* ‘штат’, *səbyō* ‘культурный’.

4. Сочетания шумных шелевых (*s* и *ś*) со смычными и слитными относительно ограничены. Примеры: /sb/ *nəsbī* ‘ушное украшение’, /sp/ *nəspālī* ‘желтоватый’, /sk/ *pəskādd* ‘карлик’, /st/ *əstəm* ‘мелочи’, /śt/ *əśtəm* ‘мелочи’, /st/ *əstāṇiā* ‘остановиться’, /sth/ *əsthān* ‘место’, /ks/ *iksār* ‘подобный’, /khs/ *rākhstī* ‘глаз-

ной зуб', /ps/ sərpsīn – вид ящерицы, /sg/ əsgənd 'лекарственное растение', /ʃk/ muškən 'темный (о животных)', /ds/ ədsirā 'головная боль', /sc/ niscit 'определенный', /ʃc/ nišcint 'беззаботный'.

5. У неносовых сонантов лимитированы группы с идентичными членами и сочетания одного с другим. Здесь имеют место следующие запреты и ограничения:

а) *l*, *r*, (*r*) не могут удваиваться;

б) *l* не сочетается с *l*;

в) после *v* нами не обнаружены *r* и *l*, после *l* – *r*, а после *r* – *r*; примеры: /rl/ ərli 'деревянный засов', /rv/ sərvaṇ 'погонщик верблюдов', /lv/ səlvaṇrā 'заставить пробить дырку', /lv/ ubbaḷvaṇ – вид оплаты; /rr/ sirri 'настойчивый', /vl/ nəḷvaṇrā 'купать', 'обмывать', /vr/ dīvrā 'светильник', /rv/ t'əṛvāy 'весовщик'.

6. Большое распространение имеют сочетания, включающие носовые сонанты. Чисто сонантные сочетания обладают некоторыми запретами:

а) как уже указывалось, *p*, *ñ* и *ɣ* не могут удваиваться;

б) *ñ* не сочетается ни с *n*, ни с *ɣ*, а *ɣ* – с *m*;

в) *ñ* никогда не следует за *m* и *ɣ*, а *ɣ* за *n*; примеры: /nm/ əḥān-me – 98, /nm/ ərtaṛā 'опечаленный', ərtaṇ 'бесценный', /ñm/ səñmī 'воздержанный', /ñɣ/ tāñrā 'очистить золой', /ɣɣ/ tāṇrū (вариант) 'хлоп', /nɣ/ bəñnā 'завязывать', /mɣ/ sāṇre 'перед'.

Сочетаниям носовых сонантов со смычными и слитными свойственны следующие основные закономерности:

а) перебральный *p* сочетается со всеми смычными и слитными, предшествуя каждому из них и следуя за каждым из них;

б) зубной *n* сочетается со всеми звуками данной категории, предшествуя каждому из них или следуя за большинством из них;

в) средняяязычный *ñ* лишь предшествует гоморганным *s*, *ch* и *j* и имеет табу в отношении всех смычных;

г) задняяязычный *ɣ* предшествует только гоморганным *k*, *kh* и *g* и имеет запрет в отношении всех смычных;

д) *m* не сочетается с *ɕ* и обладает ограниченной комбинаторностью с придыхательными, имея табу для *th* и не встречаясь после *ph* и перед *th* и *kh*; примеры: /pp/ ərpaṛ 'неграмотный', /pb/ ərbaṇ 'расхождение во мнениях', /pɣ/ ərphəsiā 'неуловимый', /sɣ/ ərɕsna 'быть неприятным', /kɣ/ thiṛəkpā 'нарушать религиозный обряд', /rɣ/ ərɣaṇrā 'присваивать', /ɣj/ ərjān 'несведущий', /np/ ərpaṛ (вариант) 'неграмотный', /nɣ/ ərphəsiā 'неуловимый' (вариант)

произношения), /nb/ əgənbāṇ — вид фейерверка, /bn/ əbnāṣī 'бес-
смертный', /thn/ suthnā 'широкие штаны', /nc/ əncitt 'забытый',
/chn/ əchne pəchne 'тщательное обслуживание', /km/ cəktā 'об-
ман', /kht/ rākhmā 'праздничная одежда', /tm/ khətməl 'клоп', /md/
jəmdə 'собирающиеся', /jm/ əjtmāṇā 'испытывать', /mj/ səmj'āṇā
'разъяснять'. Примеры на сочетания $\tilde{n}$ и $\tilde{p}$ см. в характеристике
этих звуков.

Сочетания медиальных носовых сонантов с шумными щелевыми
s и $\check{s}$ характеризуются следующими основными закономерностями:

а) в основной фонетической подсистеме панджаби из носовых
сонантов лишь $\tilde{n}$ и $\tilde{p}$ сочетаются с щелевым $\check{s}$;

б) $\tilde{n}$ не сочетается с s;

в) $\tilde{p}$ не может следовать за s;

г) $\tilde{p}$ не следует за $\check{s}$; например:

/ns/ kānsī 'бронза', 'латунь', /sn/ desnikālā 'высылка из стра-
ны', /ṇs/ əṇsikkh 'неграмотный', /sṇ/ ukāsṇā 'возбуждать',

/ms/ səmsā 'щипцы для углей', /sm/ həsmukkhā 'хохотун',

/ṇṣ/ əṇṣəṭṭī 'не относящийся к шатриям', /ṣṇ/ biṣṇī 'разврат-
ник'.

Сочетания носовых сонантов с неносовыми выявляют следую-
щие основные моменты:

а) после $\tilde{n}$ и $\tilde{p}$ обычно не следуют неносовые сонанты, если не
считать отдельных слов вроде kəṭəṇvādī — место, куда бросают ко-
сти мертвых животных;

б) после $\tilde{p}$ не следуют l, r и y, а после $\tilde{n}$ и m — l и y;

в) как известно, все согласные, в том числе неносовые сонан-
ты, не могут предшествовать $\tilde{n}$;

г) все неносовые сонанты (кроме l: vilṇəṇ 'бельевая веревка') не
могут предшествовать $\tilde{p}$;

д) кроме того, v не может предшествовать m, а l — $\tilde{p}$;

е) более часты сочетания начального неносового сонанта с
закрывающим носовым, чем наоборот; примеры: /rn/ yārnī 'любов-
ница', /nr/ ənres 'млечный сок', /rṇ/ yārṇī 'любовница' (вариант
слова), /ṇr/ əṇrəs 'безвкусный', /rm/ kirməj 'темно-красный', /mr/
sāmṛāj 'империализм', /ṛm/ kṛmāsārī 'отношения свойства между
родителями жениха и родителями невесты', /mr/ təmrā 'разменная
монета', /rn/ loṛnā 'нуждаться', /lṇ/ nəṛḡəṇā 'закладывать насе-
ленный пункт', /nl/ əṇlippiā 'неоштукатуренный', /nl/ əṇlikhiā 'не-
описуемый', /lm/ jəlməṇ 'наводнение', /ml/ gəmlā 'цветочный гор-

шок', /*lm*/ *ubbəlmā* 'сваренный', /*ln*/ *əlpā* 'гнить', 'разлагаться', /*lv*/ *siṇvāy* 'рассмотрение (дела и т.д.)', /*mv*/ *soṃvār* 'понедельник'.

Существует также санскритский вариант произношения некоторых слов, при котором появляются стечения носового и неносового согласных, не типичные для основной фонетической подсистемы, как, например: /*ny*/ *sənyās* вместо типичного *səniās* 'аскетизм', /*my*/ *śamyār* 'место', *śamiār* 'сапожник'.

7. Медиальные двучленные сочетания неносовых сонантов с шумными щелевыми немногочисленны. К запретам и ограничениям относятся следующие:

а) *ṣ* не сочетается ни с одним сонантом данного класса;

б) *v* не может предшествовать *s*; примеры: /*ls*/ *əlsāṇā* 'ленился', /*sl*/ *təslā* 'медная чаша', /*sr*/ *āsṛā* 'опора', /*rs*/ *ārṣṭī* 'осколок зеркала, вправленный в перстень', /*ls*/ *əlstī* 'лен', /*sl*/ *phislāt* 'выскальзывание', 'соскальзывание', /*sr*/ *hāsṛā* 'смех', /*rs*/ *səṛsəṛāṇā* 'шипеть' (о мясе на сковородке), /*sv*/ *əsvār* 'верхом', 'сверху'.

8. Панджаби допускает и срединные стечения согласных, состоящие из трех членов. Как показал собранный нами материал, здесь наблюдаются самые разнообразные модели. В подавляющем большинстве их участвуют носовые и неносовые сонанты (от одного до трех), хотя есть сочетания, не включающие сонанты вообще. Нам удалось выявить следующие трехчленные модели (которые и приводятся ниже).

Односонантные стечения:

а) удвоенный смычный или слитный плюс носовой сонант: /*bbṇ*/ *phəbbṇā* 'хорошо выглядеть', /*ppṇ*/ *səppṇī* 'змея-самка', /*ddṇ*/ *uləddṇā* 'перевернуть', /*ttṇ*/ *kəttṇā* 'прясть', /*ḍḍṇ*/ *əḍḍṇā* 'открывать', /*ttṇ*/ *əttṇā* 'содержаться', /*jṇ*/ *ələjṇā* 'бесстыдство', /*ccṇ*/ *səṇḡuccṇā* 'сжиматься', /*ggṇ*/ *ləggṇā* 'прикасаться', /*ggm*/ *viḡgmā* 'точно', 'аналогично', /*kkṇ*/ *əkkṇā* 'быть оскорбленным';

б) глухой смычный или слитный с гоморганным придыхательным плюс носовой сонант: /*tthṇ*/ *səttthṇī* 'введение толстой нити в основу ткани', /*tthṇ*/ *siṭtthṇā* 'сочинять сатирические произведения', /*tthm*/ *əttthmī* '8-й день лунного месяца', /*cchṇ*/ *ugəḷəccchṇā* 'изрыгать пищу', /*kkhṇ*/ *səkkkhṇā* 'пустой';

в) носовой сонант со звонким смычным плюс глухой смычный или слитный: /*ndt*/ *ənəndtāy* 'радость', /*ndk*/ *sūndkəṇā* 'загореться'

ся°, /*ṇḍk*/ *suṇḍkā* 'вьючное седло', /*ṇgt*/ *səṇgtārā* 'крупный апельсин', /*ṇgc*/ *səṇgsūr* — вид змеи;

г) удвоенный шумный щелевой (*s*) плюс носовой сонант: /*sṣṇ*/ *həsṣṇā* 'смеяться';

д) шумный щелевой (*s*) со смычным плюс носовой сонант: /*skṇ*/ *uṣkṇā* 'медленно говорить';

е) смычный с шумным щелевым плюс носовой сонант: /*bṣṇ*/ *uḃṣṇā* 'иметь плохой запах';

ж) удвоенный смычный или слитный плюс неносовой сонант: /*ttr*/ *rəttirā* 'лист книги', /*ttv*/ *kəttvāhā* 'обманщик', /*jjr*/ *səjjrā* 'свежий', /*kkṛ*/ *təkkṛt* — разновидность травы, /*kkṛ*/ *təkkṛt* 'весы';

з) глухой смычный со своим придыхательным коррелятом плюс неносовой сонант: /*ttḥr*/ *səttḥrī* 'охапка', /*tṭh*/ *əttṭhva* 'восьмой', /*kkḥr*/ *vəkkḥrā* 'отдельный';

и) неносовой сонант с двумя смычными или со смычным и слитным: /*tṛp*/ *pirtṛāl* 'кормление', /*rgb*/ *surgbās* 'покойный', /*rgj*/ *ərgjā* — ароматическое вещество;

к) удвоенный шумный (*s*) плюс неносовой сонант: /*ssl*/ *nisəlā* 'прямой'.

Двусонантные стечения:

а) относительно распространены сочетания, в которых смычный (чаще всего) или слитный (реже) окружены носовыми сонантами (нередко один и тот же сонант открывает и замыкает группу): /*ṇḍṇ*/ *səṇḍṇā* 'объединяться', /*ṇṭṇ*/ *εṇṭṇā* 'скручивать', /*ṇkṇ*/ *suṇkṇā* 'высморгаться', /*mṛṇ*/ *sṭmṛṇā* 'передавать', /*mṛṇ*/ *sṭmṛṇā* 'вручение', /*mbṇ*/ *əmbṇā* 'подвергаться раздражению' (о коже), /*ṇjṇ*/ *suāṇjṇā* — разновидность дерева, /*ṇkṇ*/ *sūṇkṇā* 'свистеть' (о ветре), /*ṇgn*/ *tāṇgnī* (вариант) 'клоп';

б) придыхательный смычный также может быть в окружении носовых сонантов, например: /*ṇṭḥṇ*/ *uṇṭḥṇī* 'верблюдца';

в) удвоенный носовой сонант плюс смычный или слитный (в том числе придыхательный): /*mtg*/ *əgəmtgīān* 'предсказание', /*mtch*/ *əmtchāṇisṭchṇā* 'настойчивый человек';

г) удвоенный носовой плюс шумный щелевой (*s*): /*nns*/ *sunnsān* 'мрачный';

д) носовой сонант со смычным (чаще) или слитным (реже) плюс неносовой сонант: /*mbr*/ *əmbṛəs* 'манговый сок', /*mju*/ *sətmjvān* 'умный', /*ndṛ*/ *əndṛəs* 'подкладка', /*ntr*/ *Ṭntrī* 'бесплодие', /*ndṛ*/ *əndṛī* 'кишечник', /*ntr*/ *əntṛī* (вариант) 'кишечник', /*ṇḍv*/ *eṇḍvī*

‘круглая подушечка’, /ñjv/ *uññjvā* – 49-й, /ŋgr/ *məŋgr̥* ‘сок высокой травы’, /ŋgr/ *sətuŋgrā* ‘бесенок’, /ŋgl/ *uŋgl̥ā* ‘дремать’, /ŋgv/ *məŋgvā* ‘заставлять признавать’;

е) возможно и сочетание носового сонанта с придыхательным смычным плюс неносовой сонант, например: /ñthv/ *ɛñthvā* ‘завывавшийся человек’;

ж) встречается и сочетание носового сонанта с шумным шелевым (s) плюс неносовой сонант: /nsl/ *tānslā* ‘топаз’;

з) распространены и сочетания носового сонанта со смычным (чаще) или слитным (реже) плюс носовой сонант: /ltn/ *ultnā* ‘переворачиваться’, /rt̪n/ *sərt̪nā* ‘быть распределенным’, /r̪cn/ *sərc̪nā* ‘быть распределенным на всех’, /r̪jn/ *sir̪jā* ‘создавать’, /r̪bn/ *ərb̪nā* ‘глупый’, /r̪kn/ *sərk̪nā* ‘завидовать’, /lj̪n/ *ul̪j̪nā* ‘быть замешанным’ (в споре и т.д.).

и) возможно сочетание носового сонанта с носовым и смычным согласным, например: /rmt/ *ət̪ərt̪mā* ‘беззаконие’, ‘безбожие’;

к) смычный может быть заключен между двумя неносовыми сонантами: /rk̪t/ *sərk̪tā* ‘солома’, /rgv/ *surgvās* (вариант) ‘покойный’;

л) удвоенный неносовой сонант может предшествовать смычному, например: /llp/ *əllpāl* ‘безделушка’.

Трехсонантные стечения:

а) удвоенный носовой сонант плюс другой носовой сонант: /nnt/ *siñntəsā* ‘молчаливый’, /nn̪/ *bəñnn̪ā* ‘завязывать’, /mt̪n/ *lim̪tnā* ‘штукатурить’;

б) неносовой сонант плюс два носовых: /r̪tn/ *p̪ərt̪nā* ‘ошибаться’, ‘сомневаться’;

в) носовые сонанты могут окружать неносовой: /nr̪n/ *s̪nr̪nā* ‘быть приведенным в порядок’;

г) удвоенный неносовой сонант может предшествовать носовому, например: /ll̪n/ *səll̪nā* ‘пробивать отверстие’.

Бессонантные стечения:

а) удвоенный смычный или слитный плюс другой смычный: /kkp/ *usəkkp̪nā* ‘воровство’, /ccd/ *səccđānənd* ‘бог’;

б) удвоенный шумный шелевой плюс смычный: /ssp/ *məssp̪eo* ‘молодой человек’;

в) глухой смычный или слитный со своим придыхательным коррелятом плюс другой смычный: /t̪thd/ *sit̪thdā* ‘сочиняющий сатирическое произведение’, /c̪chd/ *bic̪chdā* ‘простирающийся’.

По сравнению с медиальными конечные сочетания согласных менее распространены: почти не встречаются трехчленные группы согласных; не обнаруживается удвоенное *v* ; отсутствуют сочетания придыхательных; в исходе слова могут встречаться лишь некоторые из бинарных медиальных сочетаний.

Ниже приводятся основные модели бинарных сочетаний, зафиксированные в исходе слова.

1. Группы с идентичными членами: /ss/ *hæss* 'смейся', /kk/ *hækk* 'гони', /gg/ *ægg* 'огонь', /cc/ *vicc* 'в', /jj/ *æjj* 'сегодня', /tt/ *kætt* 'режь', /dd/ *hædd* 'кость', /tt/ *pitt* 'желчь', /dd/ *pæskædd* 'карлик', /pp/ *sæpp* 'змея', /bb/ *gæbb* 'беременность', /nn/ *kænn* 'ухо', /mm/ *sæmm* 'обруч', /ll/ *sæll* 'дырка', /yy/ *teyy* — 23.

2. Сочетания смычных и слитных относительно ограничены; среди них выделяются стечения глухих со своими придыхательными коррелятами: /pph/ *læpph* 'волна', /tth/ *hættth* 'рука', /tth/ *pættth* 'молодая коза', /cch/ *pucch* 'спроси', /kkh/ *mækkh* 'слепень', /bd/ *sæbd* 'слово', /bk/ *cæbk* 'моргни', /pt/ *supt* 'уснувший', /pt/ *nīpt* 'очень', 'крайне', /tk/ *hætk* 'воспрепятствуй', /ck/ *suck* 'стыдись', /gt/ *sægt* 'твердый'.

3. Как и в срединной позиции, довольно широко представлены двучленные конечные сочетания, состоящие из смычного или слитного и неносового сонанта; преимущественно в данной позиции распространена модель с предшествующим сонантом: /rb/ *gærb* 'гордость', /rd/ *bird* 'престарелый', /rt/ *bært* 'говение', *turt* 'сразу', /rj/ *sirj* 'создавай', /rc/ *særc* 'распределись', /rch/ *birch* 'дерево', /rg/ *sætbærg* — вид цветка, /rk/ *surk* 'двигайся', /rth/ *sorth* 'музыкальные тоны', /tr/ *pitr* 'дед', /ld/ *bæld* 'бык', /lph/ *kulph* — вид овощей, /lt/ *ult* 'перевернись', /lj/ *suļj* 'распутывайся', /lg/ *sulg* 'зажигайся', /ld/ *bæld* 'бык' (вариант произношения), /lj/ *uļj* 'будь замешанным' (в споре), /lk/ *uælk* 'скользи вниз', /rb/ *ærb* 'упрямый', /rt/ *cært* 'подъем', 'восхождение', /rch/ *kærch* 'черпак', /rk/ *ærk* *mærk* 'кокетство', /rd/ *ærd* 'громкий плач'.

4. Сочетания смычных с шумными шелевыми встречаются довольно редко: /sk/ *thisk* 'хвастовство', /st/ *sæst* 'изобилие', /št/ *læšt* *pæšt* 'пожитки', 'добро', /st/ *kāst* 'посыльный', /bs/ *ubs* *jāpā* 'издавать плохой запах'.

5. Еще более строго, чем в медиальной позиции, в исходе слова ограничены сочетания неносовых сонантов; в результате на-

Влюдений нам удалось обнаружить лишь три такие консонантные группы: /rl/ *kurl* – разновидность птицы, /rv/ *ərv* ‘упрямый’, /rr/ *surr* ‘сопение’.

6. Широкое распространение имеют бинарные конечные стечения, включающие носовой сонант; особенно часты их сочетания со смычными и слитными; как и в случае с неносовым сонантом, сонорный элемент, т.е. носовой сонант, как правило, предшествует второму элементу: /mb/ *tumb* ‘прикосновение’, /mp/ *cāmp* ‘клин платья’, /mph/ *sāmph* ‘семена аниса’, /mj/ *sāmj* ‘понимание’, /nd/ *sānd* ‘встреча’, /nt/ *tānt* ‘струна’, /nth/ *grānth* ‘книга’, /ṇḍ/ *vāṇḍ* ‘деление’, /ṇt/ *sānt* ‘связь’, ‘союз’, /ṇth/ *reṇth* ‘рынок’, /ṇd/ *nāṇḍ* ‘сестра мужа’, /ṇj/ *vāṇj* ‘покупай’, /ṇk/ *sunḥ* ‘высморкайся’, /ṇj/ *gāṇj* ‘пустыня’, /ṇc/ *reṇc* ‘деревенский староста’, /ṇg/ *sāṇg* ‘стыдись’, /ṇk/ *suāṇk* ‘дикий рис’, /ṇkh/ *sāṇkh* – разновидность украшения.

Конечные сочетания носового сонанта с шумными щелевыми обнаруживаются редко: /ns/ *sāns* ‘дыхание’, /nś/ *ənś* ‘часть’, ‘доля’.

Сочетания носовых сонантов с неносовыми в конце слова существенно ограничены: /rm/ *pārm* ‘сомнение’, ‘подозрение’, /nr/ *sūnr* ‘поросенок’, /rn/ *cārṇ* ‘шаг’.

Мало распространены и конечные двучленные группы носовых сонантов: /ñm/ *sāñm* ‘умеренный’, /ñṇ/ *māñṇ* ‘чистка посуды золотой’, /ṇn/ *āṇṇ* ‘двор’, /ṇṇ/ *kāṇṇ* ‘браслет’ (фонетический вариант).

7. Редки сочетания неносовых сонантов с шумными щелевыми: /ḷs/ *hāḷs* ‘остов плуга’, /rs/ *kurs* ‘неприятный вкус’, /sl/ *nāsl* ‘сильно разрушенный’.

Примером очень редких трехчленных конечных сочетаний согласных служит слово *sattr* или *ṣattr* ‘враг’.

В панджаби наблюдаются и особые сочетания согласных, как например: /śr/ в *miśrī* (вид сахара) от арабского *miṣrī*, где эмфатический щелевой ṣ был заменен на шумный щелевой ś; /kht/ в *ikhhtār* ‘власть’ (по происхождению – арабское слово); /khs/ в *əkhṣar* ‘часто’ (арабское слово, в котором звук *k* получил придыхание, а межзубный θ был заменен на обычный звук s); /jd/ в *əjdā* или *əjdāhā* ‘дракон’ (персидское слово, в котором звук ʒ был заменен на слитный j); /kd/ в слове *sākdār* ‘родственник’, где к слову *sāk* присоединен персидский суффикс *dār*; /bt/ в *sābit* ‘твердость’ от арабского *sābit* и др.

Нет смысла описывать дистрибуцию заимствованных звуков *f, z, ʒ, x* и *g*, не относящихся к основной фонетической подсистеме панджаби. Правда, звуки *f* и *z* имеют перспективу войти в основную подсистему, поскольку они все активнее и активнее усваиваются языком (используются в радиопередачах, кино, театре).

О новых сочетаниях сонантов

К сожалению, лишь при дополнительной проверке у панджабцев произношения ряда слов мы обнаружили новые важные модели слов, которые реально отражают звуковой и фонемный состав широко употребительной лексики. Существующие лингвистические труды о панджаби приводят в лучшем случае транслитерационные или транслитерационно-транскрипционные модели подобных слов и в значительной степени не учитывают их реального звучания.

Для выявления новых моделей нами была разработана специальная многоэтапная программа тестов, которая более чем в течение месяца задавалась восьмерым панджабцам — гражданам Индии (четырем мужчинам и четырем женщинам), большинство из которых имеет высшее образование. В результате было установлено следующее: 1) наличие в панджаби большого количества слов, имеющих в исходе в поствокальной позиции удвоенный, или долгий среднеязычный сонант (полугласный) *y* (т.е. *yy* или *ȳ*), например: *koȳ* 'какой-то', *laȳ* 'для' (в транслитерации *koī*, *laī*); 2) наличие *yy* (т.е. удвоенного *y*) и в интервакальной позиции, например: *gaȳā* 'пошли', *roȳā* 'повлияли' (оба момента еще больше подчеркивают особенность панджаби, заключающуюся в наличии в нем удвоенных согласных); 3) новое графемно-фонемное соотношение: буква *ȳ* передает звуки *ī* или *yy*, а буква *ē* — *i*, *e*, *y*, *ə*, *ε*; 4) более точный слоговой состав слова, т.к. все слова данных моделей фактически имеют на один слог меньше, чем считалось до сих пор; 5) инвентарь материально новых аффиксов в их реальном звучании. Транскрипционные изменения мы смогли учесть в работе лишь частично, т.к. значительная часть слов осталась в транслитерации. Кстати, знак *ī* надо трактовать как *ȳ*, а *i* — как *ē*, имея в виду все то, что они обозначают.

За помощь в осуществлении программы следует искренне поблагодарить в первую очередь Джасванта Сингха, а также Сардара Чиму С., Т.С.Валя, Ранджит Каор, Гурбахша Сингха, Манджит Каор и др.

Нами проводится дополнительный анализ новых моделей слов.

Слогоделение

Рассмотрение слога целесообразно начать со слогоделения.

Фонологическое слогоделение следует основывать на анализе консонантных начальных и конечных групп слова (ниже приводятся инвентари основных групп).

Инвентарь начальных групп основной фонетической подсистемы таков: *br-, bl-, pr-, pl-, tr-, gr-, kr-, sr-, sl-, sv-, sn-, st-, sk-, šr-, pr-*.

Кроме того, слова могут начинаться с отдельных согласных, исключая *l, n, ñ, ŋ*.

Инвентарь конечных групп согласных следующий: *-bb, -bd, -bk, -pp, -pt, -pʰ, -prh-, -dd, -tt, -tth, -dd, -tt, -tk, -tth, -jj, -cc, -ck, -cch, -gg, -gt, -kk, -khh, -st, -st, -sk, -št, -bs, -rb, -rd, -rt, -rth, -rj, -rc, -rch, -rg, -rk, -rb, -rd, -rt, -rch, -rk, -lph, -ld, -lt, -lj, -lg, -ld, -lj, -lk, -tr, -ttr, -rs, -ls, -sl, -mb, -mʰ, -mj, -nd, -nt, -nth, -nd, -nt, -nth, -rj, -rk, -ñj, -ñc, -rg, -rk, -rkh, -pn, -ns, -ñš, -rl, -rt, -rv, -ll, -m, -m, -nr, -mt, -nn, -ñm, -ñp, -pl, -pr, -yy*.

Слово может иметь в исходе любой одиночный согласный, кроме *ʃ*. Следует учесть, что если не принять во внимание обнаруженные нами модели слов, имеющие на письме в своем исходе знаки *ʃ* и *ʃ* после знака гласного, то может создаться ошибочное впечатление, что якобы сонант *y* также невозможен в конце слова.

В разных языках наиболее сложно слогоделение слов, содержащих медиальные группы из максимального количества согласных. Как известно, в панджаби самые большие консонантные группы насчитывают три члена.

Слогоделение основных типов слов с подобными сочетаниями сводится к следующему:

1) удвоенный смычный или слитный плюс носовой сонант; такие консонантные группы разбиваются так: два первых согласных относятся к одному слогу, а третий — к другому ($3 = 2 + 1$), например: *sərrpī* 'змея', *kāirā* 'прясть', *ələjjnā* 'бесстыдство' — *sərrp-ī*, *kāit-ā*, *ə-ləjj-nā*; такая разбивка проводится по трем соображениям: во-первых, в панджаби есть слова, оканчивающиеся на удвоенный смычный, в частности на *pp*, *jj* и на *tt*, во-вторых, последний согласный консонантной группы должен по известному фонологическому правилу относиться к последующему слогу, даже если перед ним не проходит морфологическая граница, и, в-третьих, в ряде

случаев (как, например, в приведенных выше) морфологическая граница проходит перед последним согласным. Другого фонологического слогоделения провести невозможно, несмотря на то что в панджаби нет слов, начинающихся с *p*.

Еще более обоснованно такое слогоделение в словах типа *vigg-mā* 'точно', где второй слог начинается с согласного, который встречается и в начале слова.

Те же мотивы такого членения на слоги ($3 = 2 + 1$) проявляются в приведенных ниже моделях:

2) глухой смычный или слитный с гоморганным придыхательным плюс носовой сонант: *səkkhṇā* 'пустой', *əṭṭhmī* '8-й день лунного месяца', *ugəḷəcchṇā* 'изрыгать пищу'; здесь разбивка на слоги такова: *səkkh-ṇā*, *əṭṭh-mī*, *u-gə-ḷəcch-ṇā*;

3) носовой сонант со звонким и глухим смычным (или слитным): *əpənditāy* 'радость', *suṇḍkā* 'вьючное седло', *səṇḍcūr* — вид змеи; эти слова делятся на слоги так: *ə-pənd-itāy*, *suṇḍ-kā*, *səṇḍ-cūr*;

4) три модели, включающие шумный щелевой *s*: а) удвоенный щелевой плюс носовой сонант, б) щелевой со смычным плюс носовой сонант, в) смычный со щелевым плюс носовой сонант: *həssṇā* 'смеяться', *uṣṇā* 'медленно говорить', *ubṣṇā* 'издавать зловоние' — *həss-ṇā*, *uṣ-k-ṇā*, *ub-s-ṇā*;

5) модели, включающие удвоенный смычный с неносовым сонантом или глухой смычный с придыхательным коррелятом плюс носовой сонант: *təkkṛī* — разновидность травы, *k'əṭṭvāhā* 'обманщик', *səṭṭhī* 'охапка' — *təkk-rī*, *k'əṭṭ-vā-hā*, *səṭṭh-rī*;

6) неносовой сонант со звонким смычным плюс звонкий смычный или слитный: *surgbās* 'покойный', *ərgjā* — разновидность пахучего вещества — *surg-bās*, *ərg-jā*;

7) удвоенный шумный щелевой *s* плюс неносовой сонант: *nisslā* 'прямой' — *niss-lā*;

8) модели, в которых между носовыми сонантами стоит смычный, слитный или придыхательный смычный: *səṇḍṇā* 'объединяться', *əmbṇā* 'подвергаться раздражению' (о коже), *suāṇjṇā* — разновидность дерева, *uṇṭhṇī* 'верблюдица' — *səṇḍ-ṇā*, *əmb-ṇā*, *uṇṭh-ṇī*;

9) модели, где за удвоенным носовым сонантом следуют смычный или слитный (в том числе придыхательный), либо шумный щелевой: *əgəṭṭgiān* 'предсказание', *əṭṭchəṇicṇā* 'настойчивый человек', *sunnsān* 'мрачный' — *ə-gəṭṭ-gi-ān*, *əṭṭ-chə-ṇicṇā*, *sunṇ-sān*;

10) модели, в которых между носовым и неносовым сонантами заключены либо смычный, либо слитный (в том числе придыхательный): *əmbɾəs* 'манговый сок', *səʔmjvān* 'умный', *ɛɾthvāḷā* 'зазнавшийся человек' — *əmb-ɾəs*, *səʔmj-vān*, *ɛɾth-vā-ḷā*;

11) модели, в которых между неносовым и носовым сонантами заключен смычный или слитный: *ultṇā* 'перевернуть', *sirjṇā* 'создавать', *səɾkṇā* 'завидовать' — *ult-ṇā*, *sirj-ṇā*, *səɾk-ṇā*;

12) между неносовыми сонантами заключен смычный: *səɾkṛā* 'солома', *surgvās* 'покойный' — *səɾk-ṛā*, *surg-vās*;

13) неносовой сонант с носовым плюс смычный: *ət'əɾmtāȳ* 'беззаконие', 'безбожие' — *ə -t'əɾm-tāȳ*;

14) модель, включающая удвоенный неносовой сонант со смычным: *əllpəll* 'безделушка' — *əll-pəll*;

15) группы из трех сонантов: *limmṇā* 'штукатурить', *bəṇṇṇā* 'завязывать', *p'əɾmṇā* 'ошибаться', *səṇṇṇā* 'быть приведенным в порядок', *səllṇā* 'пробивать отверстие' — *limm-ṇā*, *bəṇṇ-ṇā*, *p'əɾm-ṇā*, *səṇṇ-ṇā*, *səll-ṇā*;

16) модели, состоящие из смычного, которому предшествует либо удвоенный смычный, либо удвоенный слитный, либо глухой смычный или слитный со своим придыхательным коррелятом, либо же удвоенный шумный шелевой: *uɕəkkɾuṇā* 'воровство', *səccḍānəṇḍ* 'бог', *siṭṭhḍā* 'сочиняющий сатирическое произведение', *bicchḍā* 'простирающийся', *məssp'eo* 'молодой человек' — *u-ɕəkk-ɾu-ṇā*, *səcc-ḍā-nəṇḍ*, *siṭṭh-ḍā*, *bicch-ḍā*, *məss-p'eo*.

В панджаби встречаются также слова, в которых морфологическая граница проходит после первого члена стечения, а последующие два согласных могут обнаруживаться в начале слова. Это указывает на то, что слогораздел совпадает с морфологической границей, например: *tānslā* 'топаз' — *tān-slā*.

В тех возможных, хотя, видимо, и редких случаях, когда морфологическая граница не проходит внутри трехчленного стечения, а первые два согласных обнаруживаются в конце слова, в то время как последние два члена, как и самый последний из них, встречаются в начале слова, слогораздел избирается факультативно: либо перед последним согласным, что более предпочтительно (поскольку даже те редкие сочетания согласных, которые наличествуют в начале слова, довольно неустойчивы и факультативно могут расчленяться кратким гласным), либо же после первого из трех согласных.

Таким образом, как показал собранный нами материал, «малая терпимость» панджаби к стечению согласных в начале слова обуславливает то, что трехчленные группы согласных в середине слова в подавляющем большинстве случаев фонологически функционируют так, что два их члена замыкают один слог, а третий начинается последующий слог.

Срединные двучленные сочетания согласных преимущественно при слогоделении разбиваются пополам ($2 = 1 + 1$). При этом границы фонологического слогоделения далеко не всегда совпадают с границами морфологического (см. примеры ниже).

Вот ряд примеров, где оба вида границ совпадают: *həthkhəṇḍā* ‘упражнение’, *upkār* ‘помощь’, *əgvān* ‘руководитель’, *rūpvān* ‘красивый’ — *həth-khəṇ-ḍā*, *up-kār*, *əg-vān*, *rūp-vān*.

Часто в словах с идентичными консонантными членами и в некоторых других случаях морфологическая и фонологическая границы не совпадают, например, *kəssō* ‘затяните’, *əjjo* ‘как раз сегодня’, *cittā* ‘белый’, *kirsān* ‘крестьянин’ с точки зрения морфологии: *kəss-o*, *əjj-o*, *citt-ā*, *kirs-ān*; с точки зрения фонологии: *kəs-so*, *əj-jo*, *ciṭ-tā*, *kir-sān*.

Изредка встречаются слова, в которых морфологическая граница проходит перед двучленным консонантным сочетанием, встречающимся и в начале слова. В таком случае слогоделение происходит следующим образом ($2 = 0 + 2$), например: *p‘ublākḥṇā* ‘печь в золе’ — *p‘u-blākḥ-ṇā*.

Одиночные медиальные согласные, встречающиеся на стыке корня (или основы) и постфикса и замыкающие корень, при слогоделении отходят к последующему слогу. В данном случае морфологическая и фонологическая границы не совпадают; например, *milār* ‘соглашение’, *kəṭṭī* ‘вычет’, *jəṭhuttər* ‘сын старшего брата мужа’ с точки зрения морфологии: *mil-ār*, *kəṭ-ṭī*, *jəṭh-uttər*; с точки зрения фонологии: *mi-lār*, *kəṭ-ṭṭī*, *jəṭh-ut-tər*.

Структура слога

В панджаби возможны две максимально сложные модели слога: $C\bar{V}CC(C)$ и $CC\bar{V}C$. Поскольку вторая встречается нечасто, она маркирована.

Все другие виды слога с вокалическим центром, представленным неносовым гласным, являются сокращенными разновидностями

этих двух моделей. Второй из них противостоит лишь вариант $\text{CC}\bar{\text{V}}$, а первой — варианты $\text{C}\bar{\text{V}}\text{C}$, $\text{C}\bar{\text{V}}\text{C}$, $\bar{\text{V}}\text{CC}$, $\bar{\text{V}}\text{CC}$, $\bar{\text{V}}$, $\bar{\text{V}}$, $\text{C}\bar{\text{V}}$, $\text{C}\bar{\text{V}}$.

Что касается слогов с вокалическим центром, представленным носовым гласным, то мы обнаружили следующие их варианты: $\text{C}\bar{\text{V}}$, $\text{C}\bar{\text{V}}$, $\bar{\text{V}}$, $\bar{\text{V}}$. Приводим ряд примеров на слоги типа $\text{C}\bar{\text{V}}$: $\text{tu}\bar{\text{s}}\bar{\text{t}}$ 'Вы', $\text{s}\bar{\text{e}}\bar{\text{w}}\bar{\text{t}}$ 'лапша', $\text{p}\bar{\text{z}}$ 'туз'; на слоги типа $\text{C}\bar{\text{V}}$: $\text{s}\bar{\text{i}}$ 'лев', $\text{k}\bar{\text{i}}\bar{\text{w}}\bar{\text{a}}$ 'то есть', $\text{s}\bar{\text{d}}\bar{\text{w}}\bar{\text{a}}\bar{\text{r}}$ 'хвост', $\text{j}\bar{\text{u}}$ 'вошь'; на слоги типа $\bar{\text{V}}$: $\bar{\text{e}}\bar{\text{o}}$ 'так', $\text{r}\bar{\text{a}}\bar{\text{k}}\bar{\text{k}}\bar{\text{h}}\bar{\text{t}}\bar{\text{a}}$ 'положили'; на слоги типа $\bar{\text{V}}$: $\bar{\text{a}}$ 'болезнь', $\bar{\text{u}}$ — частица, выражающая гнев.

Как видно, все типы слогов имеют вокалический центр (гласный). Начальный превокальный согласный (или превокальные согласные) не имеет значения для количества слога и носит маргинальный характер. Поствокальные согласные (или согласный), являясь детерминативом вокалического центра, имеют определенное значение для долготы слога, по принципу $\bar{\text{V}} = \bar{\text{V}}\text{C}$.

Слоги $\text{C}\bar{\text{V}}\text{C}$, $\text{C}\bar{\text{V}}\text{CC}$, $\bar{\text{V}}\text{CC}$, $\text{C}\bar{\text{V}}\text{CC}$ и $\bar{\text{V}}\text{CC}$ имеют вдвойне мотивированную долготу. В данных моделях конституирующим значением обладают либо долгий вокалический центр $\bar{\text{V}}$, либо сочетание краткого вокалического центра $\bar{\text{V}}$ и согласного C , а последний согласный C в моделях $\text{C}\bar{\text{V}}\text{C}$, $\text{C}\bar{\text{V}}\text{CC}$ и $\bar{\text{V}}\text{CC}$ и оба согласных в моделях $\text{C}\bar{\text{V}}\text{CC}$ и $\bar{\text{V}}\text{CC}$ имеют плеонастический характер.

Тоны

Как уже говорилось, на сегодняшний день лишь у трех новоиндийских языков — панджаби, ленди и догри — выявлены системы тонов (см. также сноску 4 стр. 6).

Принято считать, что панджаби имеет три тона: ровный, восходящий и нисходящий.

Однако наши систематические исследования и тесты с привлечением носителей этого языка в течение ряда лет (в том числе год в Индии) позволили нам обнаружить до сих пор никем не отмечавшийся четвертый тон, имеющий фонологическую (тонемическую) значимость, а также выявить фарингализованный характер уже известного нисходящего тона, поскольку он сопровождается сужением прохода воздуха в полости глотки (за счет сокращения мышц ее стенок и оттягивания корня языка назад) и появлением призвука, напоминающего арабский ع («айн»), из-за чего возникает сиплость голоса. Параллельно мы вскрыли целую группу фарингализованных согласных, обладающих фонетической значимостью, о чем говорилось выше.

Восходящий и фарингализованный нисходящий тоны появились в панджаби в результате утраты им в процессе развития звонких придыхательных звуков, а также гортанного *h* (в конце слога и слова).

Часто тон в панджаби реализуется не в одном, а в двух слогах. При этом основная, большая часть тона может приходиться на один слог, а его концовка — на другой. Поэтому первую разновидность слога целесообразно назвать основным тонированным слогом.

Существуют следующие условия движения тона [Gill, 50, 51]: если за тонированным слогом следует еще слог, то исход тона реализуется в нем; если последнего нет, то исход тона распространяется на начальный нетонированный слог следующего слова; если тонированный слог последний в слове и фразе, то реализация тона происходит лишь в нем. При этом наблюдается нефонологическое удлинение конечного гласного или появление неопределенного вокалического элемента-призвука в консонантной финали; то же самое происходит, если при тех же условиях первый слог следующего слова является тонированным.

Существует мнение, что в слове панджаби возможен лишь один тон. Однако наблюдения, проведенные нами, показывают, что оно может быть носителем и двух тонов, даже обладающих фонологической значимостью (об этом подробнее см. в разделе «Двухтональные слова» и в подразделах, посвященных разным тонам).

По мелодическому уровню восходящий тон — самый высокий, нисходящие — самые низкие, а ровный занимает промежуточное положение между ними. При прочих равных условиях длительность тона в слоге бывает самой короткой при восходящем тоне, самой долгой при нисходящих (наблюдение проведено только над фарингализованным тоном, но и чистый нисходящий в этом отношении принципиально не отличается от него) и средней при ровном тоне [Gill, 53].

Ровный тон. Этот тон начинается на среднем уровне и без перехода сменяется легким подъемом. Он встречается во всех видах моносиллабов, в первом или втором слоге дисиллабов, чаще всего в предпоследнем слоге полисиллабов, хотя возможен в них и в последнем или третьем от конца слоге; примеры на моносиллабы: *ā* 'подойдя', *akkh* 'глаз', *ām* 'обший', *kī* 'что', *sir* 'голова', *kətt* 'отрежь'.

Консонантное окружение влияет на контур тона. В усеченных

словах подъем более четкий, чем в неусеченных, например: *te* 'и' и *tej* 'слава'.

Самый низкий мелодический уровень начала тона в слоге, прикрытом придыхательным, чуть выше, если он прикрыт глухим не-придыхательным, и еще выше, если слог начинается со звонкого гласного [Bahl, 142], например: *chār* 'перстень', *sār* 'топот', *jār* 'глотай'.

В моносиллабах типа CṼCC более ощутимый подъем, чем в CṼC, например: *ṛall* 'ларь', *ṛal* 'момент'.

В словах, насчитывающих два и более слогов, тон (а следовательно, ударение) чаще всего встречается в предпоследнем слоге.

В дисиллабах в большинстве случаев ровный тон бывает в первом (т.е. предпоследнем) слоге. Здесь представлены разные модели: с долгим гласным во втором слоге и кратким в первом (в том числе со стечением согласных в середине слова), с долгими либо краткими гласными в обоих слогах, например: *kāṛā* 'браслет', *sāmā* 'время', *sānī* 'конопля хорошего качества', *hāṭhī* 'упрямый человек', *sārdā* 'медная чашка', *nevṭā* 'приглашение на праздник', *gāḍvā* 'металлический стакан', *suttā* 'уснувший', *haddī* 'кость', *ussū* – растение уссу, *goṭā* 'кайма', *tālā* 'увертка', *ṛṣṇā* – 3/4, *gocṛā* 'подходящий', *ṭṛāk* 'капанье', *sāmṛān* 'упоминание', *cilāk* 'блеск'.

Однако в ряде двусложных слов тон бывает и в последнем слоге. Это происходит в следующих случаях:

1) в императиве многих глаголов в побудительном залоге единственного числа и повелительном наклонении переходных глаголов, образованных от однокорневых непереходных, например: *ṛiṭā* 'вели копать', *tāpā* 'вели тянуть', *dāgā* 'поджигай' (от *dāgāuṇā* 'поджигать' < *dāgṇā* 'загораться'), *sāṭkhā* 'раскалывай' (от *sāṭkhāuṇā* 'раскалывать' < *sāṭakhṇā* 'раскалываться');

2) как нам удалось установить, в дисиллабах с краткими гласными в обоих слогах тон появляется во втором из них преимущественно в двух случаях:

а) тогда, когда финаль последнего слога содержит носовой сонант в составе двучленного стечения согласных (или стечения носовых сонантов), например: *īlāgg* 'музыкальный тон', *ṛākhāṇḍ* 'обман', *sāṭkām* 'хорошая работа', *sātānn* 'умный';

б) тогда, когда первый слог, представляет собой префикс, например: *ālāgg* 'отдельный' (*ā* + *lāgg*); *udākk* 'прыжок' (*u* + *dākk*);

3) мы также установили, что дисиллабические модели $\text{C}\check{\text{V}}\text{C}\bar{\text{V}}\text{C}$ ($\text{C}\check{\text{V}}\text{C}\bar{\text{C}}\bar{\text{V}}\text{C}$) и $\text{C}\check{\text{V}}\bar{\text{V}}\text{C}$, как правило, имеют ровный тон во втором слоге, например: $\text{g}\check{\text{e}}\bar{\text{g}}\bar{\text{a}}$ 'пьяница', $\text{khi}\bar{\text{f}}\bar{\text{a}}\bar{\text{g}}$ 'игрок', $\text{ki}\bar{\text{s}}\bar{\text{a}}\bar{\text{n}}$ 'крестьянин', $\text{t}\bar{\text{a}}\text{k}\bar{\text{h}}\bar{\text{a}}\bar{\text{n}}$ 'плотник', $\text{s}\bar{\text{a}}\bar{\text{n}}\text{des}$ 'известие', $\text{si}\bar{\text{a}}\bar{\text{l}}$ 'зима', $\text{ru}\bar{\text{a}}\bar{\text{d}}$ 'район Пуад';

4) встречаются отдельные слова с последним долгим открытым слогом, особенно со слогообразующим гласным $\bar{\text{a}}$, которые имеют тон в этом слоге, например: $\text{g}\check{\text{e}}\bar{\text{g}}\bar{\text{a}}$ 'охапка', $\text{k}\check{\text{h}}\bar{\text{e}}\bar{\text{t}}\bar{\text{a}}$ 'ошибка'.

В трисиллабах чаще всего тонированным бывает также предпоследний слог, например: $\text{s}\check{\text{a}}\bar{\text{t}}\bar{\text{k}}\bar{\text{i}}\bar{\text{l}}\bar{\text{a}}$ 'блестящий', $\text{n}\check{\text{e}}\bar{\text{k}}\bar{\text{h}}\bar{\text{a}}\bar{\text{n}}\bar{\text{a}}$ 'чистить', $\text{d}\bar{\text{o}}\bar{\text{a}}\bar{\text{b}}\bar{\text{a}}$ 'двуличие', $\text{s}\check{\text{e}}\bar{\text{r}}\bar{\text{e}}\bar{\text{t}}\bar{\text{a}}$ 'удар', $\text{g}\check{\text{e}}\bar{\text{g}}\bar{\text{a}}\bar{\text{g}}\bar{\text{a}}$ 'мешок', $\text{s}\check{\text{a}}\bar{\text{t}}\bar{\text{a}}\bar{\text{k}}\bar{\text{r}}\bar{\text{a}}$ 'пощечина', $\text{g}\check{\text{e}}\bar{\text{l}}\bar{\text{a}}\bar{\text{w}}\bar{\text{a}}$ 'ярмо'.

Однако ряд слов этому правилу не подчиняется. Так, обращает на себя внимание, что трисиллабы с краткими гласными в первых двух слогах и двучленным стечением согласных в середине слова в большинстве случаев предпочитают иметь тон в первом слоге, например: $\text{g}\check{\text{e}}\bar{\text{d}}\bar{\text{d}}\bar{\text{e}}\bar{\text{g}}\bar{\text{a}}$ 'полузрелый', $\text{mutk}\bar{\text{e}}\bar{\text{r}}\bar{\text{a}}$ 'грубая трава', $\text{g}\check{\text{e}}\bar{\text{g}}\bar{\text{e}}\bar{\text{g}}\bar{\text{a}}$ 'толстый', $\text{g}\check{\text{e}}\bar{\text{g}}\bar{\text{d}}\bar{\text{e}}\bar{\text{n}}\bar{\text{i}}$ 'толстое одеяло', $\text{gurmukh}\bar{\text{i}}$ 'алфавит гурмуххи', $\text{s}\check{\text{a}}\bar{\text{n}}\bar{\text{d}}\bar{\text{e}}\bar{\text{r}}\bar{\text{t}}\bar{\text{a}}$ 'луна', $\text{s}\check{\text{a}}\bar{\text{t}}\bar{\text{m}}\bar{\text{e}}\bar{\text{r}}\bar{\text{n}}\bar{\text{a}}$ 'прилипнуть'.

Путем наблюдений и работы с носителями нам удалось установить, что все слова, в том числе и трисиллабы, включающие персидский суффикс $\bar{\text{d}}\bar{\text{a}}\bar{\text{r}}$, имеют в нем (в последнем слоге слова) четкий ровный тон с усиленным экспираторным компонентом, например: $\text{v}\check{\text{a}}\bar{\text{f}}\bar{\text{a}}\bar{\text{d}}\bar{\text{a}}\bar{\text{r}}$ 'преданный', $\text{t}\check{\text{h}}\bar{\text{a}}\bar{\text{n}}\bar{\text{e}}\bar{\text{d}}\bar{\text{a}}\bar{\text{r}}$ 'полицейский инспектор', $\text{s}\check{\text{e}}\bar{\text{k}}\bar{\text{i}}\bar{\text{d}}\bar{\text{a}}\bar{\text{r}}$ 'чокидар' (комендант).

У некоторых других трисиллабов последний слог также может быть тонированным, например: $\text{be}\bar{\text{d}}\bar{\text{e}}\bar{\text{g}}\bar{\text{e}}\bar{\text{g}}$ 'беспощадный', $\text{de}\bar{\text{s}}\bar{\text{a}}\bar{\text{s}}\bar{\text{a}}\bar{\text{r}}$ 'государственный указ'.

В четырех- и пятисложных словах позиции тона более разнообразны: помимо предпоследнего слога тон нередко встречается и в третьем от конца слоге, в особенности, если он долгий и слово оканчивается на гласный: $\text{s}\check{\text{a}}\bar{\text{n}}\bar{\text{d}}\bar{\text{e}}\bar{\text{r}}\bar{\text{g}}\bar{\text{u}}\bar{\text{n}}\bar{\text{a}}$ 'несчастье', $\text{mut}\bar{\text{i}}\bar{\text{a}}\bar{\text{y}}$ 'толщина', $\text{be}\bar{\text{d}}\bar{\text{e}}\bar{\text{g}}\bar{\text{e}}\bar{\text{g}}\bar{\text{i}}$ 'жестокость', $\text{s}\check{\text{a}}\bar{\text{t}}\bar{\text{a}}\bar{\text{r}}\bar{\text{b}}\bar{\text{a}}\bar{\text{t}}\bar{\text{n}}\bar{\text{a}}$ — растение чамарбатна, $\text{s}\check{\text{a}}\bar{\text{t}}\bar{\text{l}}\bar{\text{a}}\bar{\text{u}}\bar{\text{n}}\bar{\text{a}}$ 'дразнить' (ребенка), $\text{t}\check{\text{e}}\bar{\text{l}}\bar{\text{m}}\bar{\text{e}}\bar{\text{l}}\bar{\text{a}}\bar{\text{u}}\bar{\text{n}}\bar{\text{a}}$ 'лестить', $\text{r}\check{\text{e}}\bar{\text{s}}\bar{\text{c}}\bar{\text{u}}\bar{\text{n}}\bar{\text{i}}\bar{\text{a}}$ 'торговец зерном', $\text{b}\bar{\text{a}}\bar{\text{t}}\bar{\text{u}}\bar{\text{n}}\bar{\text{i}}\bar{\text{a}}$ 'говорливый человек', $\text{s}\check{\text{i}}\bar{\text{k}}\bar{\text{a}}\bar{\text{u}}\bar{\text{n}}\bar{\text{a}}$ 'заставлять кричать'.

Выявленное нами правило о суффиксе $\bar{\text{d}}\bar{\text{a}}\bar{\text{r}}$ действует и здесь, например: $\text{f}\check{\text{a}}\bar{\text{r}}\bar{\text{m}}\bar{\text{a}}\bar{\text{n}}\bar{\text{b}}\bar{\text{e}}\bar{\text{r}}\bar{\text{d}}\bar{\text{a}}\bar{\text{r}}$ 'послушный', 'покорный', $\text{m}\check{\text{e}}\bar{\text{s}}\bar{\text{a}}\bar{\text{l}}\bar{\text{e}}\bar{\text{d}}\bar{\text{a}}\bar{\text{r}}$ 'изготавливающий приправу', $\text{k}\check{\text{a}}\bar{\text{g}}\bar{\text{a}}\bar{\text{k}}\bar{\text{e}}\bar{\text{d}}\bar{\text{a}}\bar{\text{r}}$ 'сокрушительный'.

Если основной тонированный слог не последний в слове, то ров-

ная часть тона реализуется в нем, а восходящая концовка — в следующем слоге. Поскольку тон распределяется между двумя слогами, то, следовательно, происходит и распределение ударения. При чем экспираторно оно более сильное в основном тонированном слоге (со второстепенным в следующем). Относительная экспираторная сила ударения еще больше повышается, если основной тонированный слог завершается согласным звуком, а следующий слог имеет консонантное начало.

Если ровный тон возникает в последнем слоге слова, то он полностью реализуется в нем.

Возможны случаи, чаще всего в сложных словах, когда основной тон и основное ударение наблюдаются в одном из слогов второго компонента слова, а второстепенные тон и ударение приходятся на предыдущий, первый компонент, например: *tombatī* 'восковая свеча', *kārkhālā* 'фабрика'. Наличие основного и второстепенного ударения в панджаби отмечено, в частности, в предисловии к толковому словарю, изданному в Патиале [P¹, 21], откуда взяты два последних примера. Естественно, что поскольку основной тон и ударение могут быть не в последнем, а, скажем, в предпоследнем слоге второго компонента (следовательно, и сложного слова), то в слове может быть и другое второстепенное ударение, следующее за основным. Так что фактически слова *tombatī* и *kārkhālā* имеют не два ударения, как указывает словарь, а три, иначе говоря, во всех слогах: основное ударение на среднем и второстепенные на крайних. Это явление подтверждается нашими наблюдениями, проведенными в Панджабе на примере русских слов, на которые панджабцы, изучавшие русский язык, переносили просодические штампы своего родного языка. Ниже приводятся иллюстрации: посещают, архитек-торы, спасибо, с посудой, хотят, слушали, артистов и др.

Фарингализованный нисходящий тон. Начинается на низком уровне, падает, а затем поднимается примерно до среднего мелодического уровня. По наблюдениям Г. Бейли [Bailey, XV], движение этого тона начинается примерно на тон выше самого низкого мелодического уровня речи, а восходящая концовка занимает четыре-пять полутонов. Иногда наблюдается и второе падение, т.е. тон может быть двухвершинным.

По экспериментальным данным, полученным Б.С. Санду [Sandhu², 40], в моносиллабах наличествуют три участка: нисходящий, ровный и восходящий. По наблюдениям того же автора, у сельских

жителей восходящий участок не достигает уровня, с которого начинается падение тона. Так, в речи одного диктора падение началось на уровне 198-200 герц, а заканчивалось на уровне 136-139 герц; восходящий участок достигал уровня 150 герц. В чтении второго диктора падение начиналось на уровне 130-150 герц, доходило до 107-120 герц, а восходящий участок завершался на уровне 125-142 герц. В речи городских жителей восходящая часть контура может достигать точки начала падения и даже возвышаться над ней [Sandhu², 41].

Рассматриваемый тон имеет фарингализованный характер. Поэтому мы называли его фарингализованным нисходящим тоном. Поскольку у данного тона есть и восходящий компонент, его можно именовать и фарингализованным нисходяще-восходящим тоном.

Он встречается в моносиллабах, дисиллабах и других полисиллабах и чаще всего обнаруживается в прикрытых слогах, т.е. в слогах, начинающихся с фарингализованных согласных, к которым принадлежат *p', b', t', d', t', d', k', g', c', j', s', v' (w'), l', l', y', m', n', ɳ', r', ɽ'* (примеры на все случаи см. в разделе, где дается характеристика согласных звуков). Иногда носителем фарингализованного нисходящего тона может быть слог, начинающийся с гласного (т.е. неприкрытый слог) и следующий за гласным предыдущего слога (примеры см. ниже, в разделе о полисиллабах).

В моносиллабах тонированный слог преимущественно начинается с глухих фарингализованных смычных согласных: *p', t', t', k'*, со слитного *c*, реже с сонантов *m*, *n* и *l*, например: *p'ε* 'страх', *t'o* 'мой', *t'ək* 'крышка', *k'ən* 'облака', *c'əkh* 'фальшь', *m'ɪɽ* 'тонкий', *n'ās* 'шепотка', *l'ā* 'сбрось'.

Очень редко слог может быть прикрыт и звонким смычным согласным, например: *d'ā* 'напой', *b'ā* 'посади' [Gill, 82].

В моносиллабах движение тона более отчетливое, если гласный в них долгий (по сравнению со слогом с кратким гласным) или если он краткий, но в исходе слова наличествует стечение согласных (по сравнению со словом, имеющим в исходе одиночный согласный) [Bahl, 144], например: *k'āt* 'причал' и *k'ət* 'душа', *c'ūt* 'качнись' и *c'ut* 'скачка', *p'ujj* 'спекись' (сказочн.) и *p'uj* 'помощник'.

В дисиллабах тон может быть либо в первом, либо во втором слоге. В первом случае слог чаще всего начинается с тех же согласных звуков, что и в моносиллабах, например: *p'ɪɽək* 'жужжание',

и *‘iṛā* ‘мелкая пыль’, *ṭāṛā* ‘перевернуть’, *s’əṛī* ‘затяжной дождь’, *k’āṛā* ‘треск’, *l’ārī* ‘завтрак’, *m’ārī* — блюдо, приготовленное из бобовых, Баль [Bahl, 144] считает, что в дисиллабах тон может реализоваться в двух слогах (восходящий исход во втором) только при определенных условиях: либо при слоговом стыке, образованном стечением согласных, либо тогда, когда второй слог начинается гласным (представлен гласным) или подугласным, непосредственно следующим за гласным первого слога. Однако магнитофонные записи, сделанные нами в Панджабе, показывают, что восходящий компонент тона может реализоваться во втором слоге и при одиночном согласном, начинающем этот слог и следующем за гласным первого слога. Этим также подтверждается правота Гилла и Глисона [Gill, 50-51], не накладывающих ограничений на подобные случаи. Ниже приводятся примеры, проверенные нашим специальным тестом с привлечением носителей панджаби: *s’ātā* ‘локон’, *s’iṛək* ‘упрек’, *p’ābī* ‘сноха’, *p’āgo* ‘Паго’ (имя собственное), *p’ūtī* ‘земля’, *ṭ’ātī* ‘корень’.

Во всех этих иллюстрациях наблюдается падение тона и начало его подъема в первом слоге и довольно четкое продолжение подъема во втором. В этих словах основное ударение реализуется в первом слоге главным компонентом тона, а второстепенное — во втором конечным компонентом. Но в словах с ограничениями, указанными Баль [Bahl, 144], восходящая часть тона во втором слоге слышится более отчетливо, чем в случаях с одиночными согласными. Это, безусловно, заслуживает внимания. Баль допустил неточность лишь в количестве моделей, упустив одну из них. Ниже приводятся также зафиксированные (при помощи магнитофонных записей) нами примеры, иллюстрирующие (за исключением последнего примера) модели Баля: *s’illī* ‘глупая’, *k’əṭnā* ‘событие’, *k’ābro nā* ‘не волнуйся’, *p’ūā* ‘тетя’, *p’āwā* ‘пожалуйста’.

Если тонированный слог — второй, то чаще всего он начинается со звонких согласных и сонантов *l’*, *r’*, *ṛ’*, *m’*, *n’*. В ряде сложных слов второй компонент-слог, а также слог — корневая морфема после префикса могут иметь в начале глухой согласный. Примеры: *pəṛb’ā* ‘мощь’, *sud’ā* ‘нектар’, *pəṛd’ār* ‘сокровище’, *tiṛ’ā* ‘удовлетворение’, *səl’āb* ‘влажность’, *ṣər’ā* ‘шариат’, *səṛ’ā* ‘подъем’, *kut’ār* ‘гончар’, *ən’er* ‘темнота’, *sṛp’āg* ‘удача’, *pic’āl* ‘землетрясение’, *ər’ē* ‘бесстрашный’; второй слог может начинаться и с *s’*, например: *kəs’īt* ‘тащи’. Если в дисиллабе на стыке слогов имеется сте-

чение идентичных согласных при кратком гласном в первом слоге, то последний, как правило, является основным тонированным, например: *t'əjji* 'кусок ткани', *s'əggā* 'детское платье', *k'əggā* 'хриплый'.

В процессе работы с носителями панджаби мы обнаружили такие случаи, в том числе в дисиллабах, когда нисходящий фарингализованный тон, реализующий второстепенное ударение, находится в первом слоге, а основное ударение и ровный тон базируются на следующем слоге. Иначе говоря, это свидетельствует о наличии в панджаби разновидности слов с двумя разными тонами, например: *t'əgā* 'фракция', 'группа', *s'iṛī* 'роща', *t'arī* 'дхари' (мера веса), *s'əṛī* 'осадки', *p'əṛe* 'наполненные'.

Иллюстрации, приводимые в работе Аруна [Arun, 38], показывают, что подобные слова могут иметь фонетические варианты. Помимо приведенной нами разновидности в подобных словах возможен вариант, при котором нисходящий тон распределяется на два слога при основном ударе на втором слоге и второстепенном — на первом. Экспираторная часть ударения реализуется в обоих слогах нисходящим тоном, т.е. *k'ət'ā* 'убавь' [Arun, 38], *s'it'ṛ* 'роща', *p'ət'e* 'наполненные'. Возможен и третий вариант данных слов, в котором нисходящий тон полностью перемещается на второй слог, а первый слог остается безударным, т.е. *kət'ā*, *ciṛī*, *pət'e*.

В трисиллабах преимущественная позиция тона во втором слоге, например: *səñj'ūṇā* 'испытывать нервную дрожь', *kəs'elā* 'стирающийся', *təg'āṇā* 'сила', 'притеснение', *puḷ'ekkhā* 'ошибка'.

Мы также обнаружили трисиллабы, в которых тонированным может быть слог, начинающийся с гласного (т.е. неприкрытый слог) и следующий за гласным предыдущего слога, а следовательно, не маркируемый фарингализованным согласным. Такой слог обычно бывает последним в слове, например: *əduā'ṛ* 'половина', *əbiā's* 'знание'. Изредка встречаются трехсложные слова с тоном в первом слоге, например: *t'ənvālā* 'богач', *p'eonā* 'мочить', *k'umiār* 'гхамар' (каста гончаров). Как и дисиллабы, трисиллабы могут иметь фонетические варианты: *t'igāgā*, *t'ig'ārā*, *tig'ārā* 'высокий берег реки' (в первом варианте ровный тон и основное ударение во втором слоге, а нисходящий тон и второстепенное ударение в первом; во втором — нисходящий тон распределяется между слогами при основном ударе на втором слоге; в третьем — нисходящий тон во втором слоге, а первый — безударный и бестоновый).

В четырехсложных словах (преимущественно это глаголы) тон чаще всего бывает в третьем от конца слоге, например: *kəp'āuṛā* 'заставлять терпеть', *kuḷ'āuṛā* 'побуждать бороться', *ɪḷ'āuṛā* 'плавать'. В таких сложных словах тоже существуют тоново-фонетические варианты, например: *k'it'āuṛā*, *k'it'āuṛā*, *kit'āuṛā* 'вращать', *p'əṛk'āuṛā*, *p'əṛk'āuṛā*, *pəṛk'āuṛā* 'злить'.

Чистый нисходящий тон. Нам удалось обнаружить этот тон в моносиллабах, дисиллабах и трисиллабах. Преимущественно слова-носители данного тона оканчиваются на *-ā* или (реже) на *-ā̃*. Однако чистый нисходящий тон наличествует также в словах, имеющих в своем исходе и другие гласные. Чаще всего тонированный слог — конечный и, как правило, прикрыт.

Очень часто слова с чистым нисходящим тоном представляют собой существительные, в большинстве случаев относящиеся к мужскому роду.

В других словах того же фонемного состава и в той же позиции может обнаруживаться не только фарингализованный нисходящий тон, но также и ровный, и восходящий. Так что в отношении чистого нисходящего тона существуют не только минимальные пары, но и трехсторонние и четырехсторонние противопоставления (о чем см. раздел «Тонемы»).

Поскольку фарингализованный нисходящий тон наличествует не только в моносиллабах определенных моделей и во втором слоге дисиллабов лишь определенной структуры, но и во многих других моделях (в том числе и полисиллабических) и позициях, чистый нисходящий тон является по отношению к нему маркированным.

Анализируемый тон отличается от нисходящего фарингализованного тона менее резким контуром падения, отсутствием фарингализации, чистым тональным звуком, так как мышцы в полости глотки не сокращаются, сужения не создается и воздушная струя проходит свободно, почти без препятствий.

В моносиллабах слог может быть прикрыт звонкими и глухими согласными, сонантами (полугласными). Ниже приводятся примеры на слова с чистым нисходящим тоном в составе тонемных минимальных пар (где *`* — знак чистого нисходящего тона): *ṭā̃* 'горение' — *ṭ'ā* 'атакуй', *sā̃* 'радость' — *s'ā* 'колючая крыса', *pā̃* 'одна четвертая' — *p'ā* 'цена', *nā̃* 'имя' — *n'ā* 'купай', *lā̃* 'клевета' — *l'ā* 'сбрось', *ṛā̃* 'наследник' — *ṛ'ā* 'чины', *vā̃* 'воздух' — *v'ā* 'опусти в колодец'.

Примеры на слоги, прикрытые звонкими смычными и слитными: *dā* 'направление', *jā* 'ребенок', *gā* 'корова' (фонетический вариант).

Ниже приводится минимальная пара, в составе которой имеется слово с анализируемым тоном, оканчивающееся на *-ī*: *jī* 'живое существо' — *jī* 'уважаемый'.

В дисиллабах тонированный слог может быть прикрыт не только смычными и сонантами, но и щелевым *s*, например: *dābā* 'давление', *chirā* 'утаивание', *sudā* 'сумасшествие', *phirā* 'бродяжничество', *jaṭā* 'прическа', *bāsā* 'спасение', *akā* 'раздражение', *hilā* 'раскачивание', *tākā* 'столкновение', *jaṭā* 'прикрепление', 'удар', *jaṭā* 'накопление', *tānā* 'волочение', *kāwā* 'обещание', *hiyā* 'стыд', *kāsā* 'завязывание'.

Можно привести ряд примеров на тонемные минимальные пары, в которых слова различаются лишь типами нисходящих тонов: *kālā* 'отделение' — *kālā* 'вели послать', *bālā* 'изделие' — *bālā* 'завязжи', *kāsā* 'завязывание' — *kāsā* 'растирание', *sālā* 'движение' — *sālā* 'вели потянуть', *tālā* 'волочение' — *tālā* 'молодая женщина', *lāwā* 'разновидность', 'вид' — *lāwā* 'вели купать'.

Встречаются и субминимальные пары, например:

tālā 'устранение' : *tālā* 'расплав'
ciṭā 'ширина' : *sāṭā* 'подъем'

В разговорном языке центральных областей индийского Панджаба, особенно района доаби, императив с конечным *-ā* у глаголов в побудительном залоге и у переходных глаголов, образованных от однокорневых непереходных, часто имеет чистый нисходящий тон во втором слоге, например: *kāṭā* 'вели сделать', *tāṭgā* 'вели признать', *sālā* 'двигай', *pīā* 'напой'.

А вот примеры на дисиллабы, оканчивающиеся на *-ī* и *-o*: *jejī* — вид налога, *zājō* 'кольчуга'.

Примеры на трисиллабы: *pāṭgā* 'выражение', *ūbīlā* 'выдра'.

Восходящий тон. Движение этого тона начинается примерно со среднего мелодического уровня (по наблюдениям. Бейли, на семь полутонов выше начала движения фарингализованного нисходящего тона [Bailey, XV]). Сначала он значительно восходит, а затем падает. Поэтому этот тон можно именовать и восходяще-нисходящим. Он обнаруживается в моносиллабах, дисиллабах, трисиллабах и других полисиллабах.

В моносиллабах состав тонированного слога может быть самым разнообразным, но чаще всего он бывает прикрытым любым согласным, начинающим слово, например: *vāṇ* 'вспаханное поле', *moṭ* 'отпечаток', *ṛeṇḍ* 'путь', *bār* 'наружу', *tāṅg* 'желание', *thim* 'белое пятно на коже', *duḍ* 'нарыв', *dā* 'пламя', *ḍā* 'злоба', *ṭar* 'крик', *jill* 'вялость', *cīl* 'сосна', *cho* 'прикосновение', *go* 'размышление', *kuṇ* 'тонкая работа', *sā* 'дыхание', *ruṇ* 'препятствие', *lū* 'спаленный', *ṇā* 'отказ', *e* 'это', *o* 'тот', *āṇ* 'железо'.

В дисиллабах тонированным может быть либо первый слог, либо второй. В первом случае подъем и начало падения реализуются в первом слоге, а завершение падения — во втором. Для таких слов Баль [Bahl, 146] вводит те же самые ограничения, что и для нисходящего тона.

Однако в моделях, не охваченных этими ограничениями (с одиначным согласным в середине), тон все равно распределяется между слогами. Это наглядно показывают иллюстрации из наших магнитофонных записей, например () — знак нисходящей концовки тона): *kāṭā* 'поспешный', *ḍāṭ* 'борода', *veṭā* 'двор', *sēṭ* — женское имя, *keṇḍā* 'говорящий', *thoṭā* 'мало', *ṣḍā* 'должность', *bṣṭā* 'много'.

Как и в случае с нисходящим тоном, ограничения Баля имеют силу лишь для четкости тона, например: *būā* 'дверь', *snēā* 'послание', *ḍṇā* 'слепой', *jillṇ* 'трясина', *sāwē* 'перед'.

Как видно из приведенных примеров, тонированный слог может быть прикрыт самыми разными согласными или же может быть не прикрытым.

Если тонированным является второй слог, то тон реализуется только в нем. Этот слог может быть и открытым и закрытым, например: *viā* 'свадьба', *jeā* 'хирург', *əcho* 'неприкасаемый', *utā* 'наверх', *əḡā* 'вперед', *guṭāṇ* 'грешница', *jəwār* 'драгоценный камень', *bisāṇ* 'зловоние', *ḍlābb* 'недоступный', *sugəṇḍ* 'аромат', *fufes* 'сестра тестя или свекра', *kəṭāt* 'отвращение'.

В трисиллабах восходящий тон чаще всего бывает в предпоследнем слоге, например: *kəṭāṇā* 'вздохнуть', *gəlgəṇḍā* 'проход', *bəteṭ* — еда, посылаемая семьей невесты семье жениха, *māṭiḍḍṛ* 'оскорбленный'. Однако у некоторых слов тон может быть в первом или последнем слоге, например: *sāṭsāt* 'Сатурн', *kāṇḍṛ* 'музыкальный тон', *sāṇḍṛ* 'верховой верблюд', *ṇnewā* 'слепой', 'без разбора', *cəṭṛṭāṭ* 'спешка'.

В четырехсложных словах восходящий тон часто бывает в третьем от конца слоге, например: *sipāgārī* (*sipārurā*) 'профессия солдата', *julāgārī* (*julārurā*) 'ткацкое дело', *phālūmānī* 'нежная веточка', *rigāṁsārī* 'гостеприимство'. Пример на пятисложное слово: *parōtīānī* 'женщина из семьи священника'.

Восходящий тон может иметь чисто грамматическое значение. Так, у глаголов с исходной формой, имеющей ровный тон, показателем будущего времени, императива множественного числа, императива единственного числа при исходной форме на *-ā* (в том числе в инфинитиве), сослагательного наклонения 2-го и 3-го лица множественного числа являются не только аффиксы, но и восходящий тон (исходная форма меняет ровный тон на восходящий), например, будущее полносистемное от глагола *rujja* 'прибывать':

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>rujjaṅgā</i>	<i>rujjaṅge</i>
2-е л.	<i>rujjeṅgā</i>	<i>rujjoge</i>
3-е л.	<i>rujjegā</i>	<i>rujjaṅge</i>

Будущее неполносистемное: *rujji* 'я прибуду' и *rujji* 'он придет'; императив множественного числа: *rujjo* 'прибудьте'; сослагательное наклонение 2-го и 3-го лица: *rujjo* 'вы прибыли бы', *rujjā* 'они прибыли бы'. Императив единственного числа от *khāṇā* 'есть' — *khā* 'ешь'.

Указанную выше перемену тона словом при изменении одной из его категорий мы предлагаем назвать тоновой мутацией (ровный тон → восходящий), а тон, заменяющий другой тон, — категориальным тоновым аллофоном последнего. В нашем случае восходящий тон является категориальным аллофоном ровного тона.

Подобное явление приводит к тому, что в минимальных парах один из членов фонологически (точнее тонематически) противопоставляется другому члену ровным тоном лишь в определенных грамматических категориях, а восходящим — в прочих, например: *rujja* 'прибывать' и *rujjā* 'жариться' фонологически различаются во многих категориях лишь тонемами, представленными, с одной стороны, ровным тоном, а с другой — нисходящим. В категориях же, упомянутых выше (будущем времени, некоторых формах императива и сослагательного наклонения), противостоящими тонемами являются уже восходящий и нисходящий тоны, например: *rujjegā* 'прибудет' и *rujjegā* 'пожарится'.

Тонемы

Тонемическое противопоставление моносиллабов может быть максимально четырехсторонним, т.е. представленным четырьмя тонемами (тонемной четверкой), например (ровный тон не обозначен):

$r\bar{a}$ 'ставь' : $r\bar{a}$ 'цена' : $r\bar{a}$ '¼' : $r\bar{a}$ 'воздействие';
 $l\bar{a}$ 'перевал' : $l\bar{a}$ 'сбрось' : $l\bar{a}$ 'клевета' : $l\bar{a}$ 'доход';
 $g\bar{a}$ 'горчица' : $g\bar{a}$ 'чини' (жернов) : $g\bar{a}$ 'наследник' : $g\bar{a}$ 'путь'.

Поскольку не всякое противопоставление может быть четырехсторонним, легче выявляются тонемные триплеты, как, например:

$d\bar{a}$ — согласующе-реляционный послелог : $d\bar{a}$ 'направление' : $d\bar{a}$ 'пламя';

$v\bar{a}$ 'опусти в колодец' (ведро) : $v\bar{a}$ 'воздух' : $v\bar{a}$ 'браво!';

te 'и' : $t'e$ 'заслуживающий внимания' : te 'жажда';

so 'ручей' : $s'o$ 'поверни' : so 'пятно';

col 'рубаша' : $s'ol$ 'расслабленность' : col 'радость';

$p\bar{a}p$ 'закалка (стали)' : $p\bar{a}p$ 'бегство' : $p\bar{a}p$ 'ботинок'.

Примеры на минимальные пары не приводятся, так как они бы-
ли даны выше для некоторых тонов.

Дисиллабы с тонированным первым слогом могут входить обычно в трехсторонние тонемические противопоставления (минимальные триплеты), так как в этой позиции чистый нисходящий тон встречается реже, а с тонированным вторым слогом — чаще и в четырехсторонние оппозиции (минимальные четверки), например:

$t\bar{a}p\bar{a}$ 'основа (ткани)' : $t\bar{a}p\bar{a}$ 'быстро ушедший' : $t\bar{a}p\bar{a}$ 'удалить';

$p\bar{i}g\bar{a}$ 'боль' : $p\bar{i}g\bar{a}$ 'узкий' : $p\bar{i}g\bar{a}$ 'стульчик';

$n\bar{e}w\bar{a}$ (фонетический вариант) 'новый' : $n\bar{e}w\bar{a}$ 'вели купать' :

$n\bar{e}w\bar{a}$ 'разновидность' : $n\bar{e}w\bar{a}$ 'окрестный район'.

Среди трисиллабов и других полисиллабов тонемные минимальные пары и тем более триплеты встречаются гораздо реже.

Двутональные слова

Бытующее мнение о том, что любое слово панджаби имеет лишь один тон, является слишком категорическим и по меньшей мере неточно. Действительно, очень часто слова панджаби обладают одним тоном. Однако в этом языке существует и значительное количество слов, которые имеют или могут иметь два тона. Выше уже были приведены подобные примеры. Здесь возможны несколько случаев.

Второй тон имеет факультативный характер, и поэтому слово выступает, таким образом, в двух фонетических вариантах, например: *k'iggī'* или *k'iggī* 'мольба', *k'uṇḡāṭ* или *k'uṇḡāṭ* 'конец сари', *i'ā'ṇ* или *iā'ṇ* 'дочь'.

Наличие второго тона может быть обязательным, например: *moṇḡāṭ* — название населенного пункта, *p'ēr'īt* 'испуг', *i'ēt'e* 'грохот', *s'uñjəl'āiṇā* 'быть раздражительным', *k'ābrāṭ* 'беспокойство', *i'əro'* 'проклятие', *leṇedār* 'ростовщик'. В последнем слове ударение распределяется между первым и третьим слогами, но экспираторная часть чуть сильнее на суффиксе *-dār*.

Наличие второго тона может иметь фонологическое значение, что в первую очередь относится к многосложным глаголам. Если у глагола, обладающего фарингализованным нисходящим тоном, есть коррелят с тем же фонемным составом, то нисходящий тон с редуцированным экспираторным компонентом наличествует у этого глагола в первом слоге, а ровный тон с усиленным экспираторным компонентом (основное ударение) — во втором. У глагола-коррелята имеется лишь ровный тон во втором слоге. Таким образом, единственным дифференцирующим средством двух слов служит наличие в одном из них второго, т.е. нисходящего, тона (два тона противопоставляются одному). Поэтому, как показали наши наблюдения, носители панджаби, как правило, не варьируют позицией нисходящего тона в глаголах, имеющих корреляты с тем же фонемным составом, и используют его в первом слоге. Примеры минимальных пар:

k'əs vāiṇā 'растирать' : *kəs vāiṇā* 'велеть застегивать';
s'ālāiṇā 'велеть тянуть' : *sālāiṇā* 'приводить в движение';
p'āpāiṇā 'ломать' : *pāpāiṇā* 'заострять';
p'ərvāiṇā 'велеть обучать' : *pərvāiṇā* 'велеть рвать'.

Об ударении

Исследователи панджаби отмечают, что позиция ударения в нем совпадает с позицией тона, иначе говоря, тонированный слог в этом языке одновременно является ударным. В.В. Арун отмечает: «Во всех случаях тон наличествует в ударном слоге» [Arun¹, 38]. К более категорическому выводу приходит К.Ч. Баль: «...ударение — автоматическое, предсказуемое, сопутствующее явление тона и, следовательно, фонологической значимостью не обладает» [Bahl, 147]. Наши наблюдения подтверждают эти выводы. Кроме того, в связи с обнаружением нами в панджаби слов с двумя тонами, а так-

же в связи с тем фактом, что тон нередко реализуется не в одном, а в двух слогах, мы вносим следующее уточнение: в словах панджаби могут обнаруживаться несколько ударений — основное в основном тонированном слоге и одно или два второстепенных в других, о чем более подробно было уже сказано в разделе «Ровный тон».

МОРФОЛОГИЯ

При рассмотрении частей речи мы учитываем, в особенности там, где это крайне необходимо, не только парадигматический признак (дистрибуцию морфем), но и сочетаемость слова (дистрибуцию слов) — комбинацию критериев, успешно используемую рядом современных лингвистов¹. Второй признак важно учитывать потому, что слова, обладающие схожими или очень близкими особенностями сочетаемости, относятся к какому-либо определенному классу слов, определенной части речи.

Как и многие современные лингвисты², мы признаем не только синтетические, но и аналитические формы слова. Иначе говоря, мы признаем не только флективную морфологию (т.е. морфологию аффиксов и морфем), но и нефлективную морфологию (т.е. морфологию служебных слов)³. Служебное слово может выполнять функцию, равнозначную функции аффикса, и поэтому сочетание знаменательного компонента со служебным является аналитической формой слова и относится к морфологии, а не к синтаксису. К последнему принадлежат лишь комбинации знаменательных (самостоятельных) или полусамостоятельных (местоименных) слов, которые иногда могут сопровождаться и служебным словом, а также предложения.

¹ Такого подхода придерживается, например, А.А. Реформатский: «Части речи — это грамматические категории... состав и расположение которых в каждом языке особые и определяются они совокупностью морфологических и синтаксических отличий и возможностей» [Реформ., 324].

² См., например, [Галкина-Федорук, 17]: «Формы слова... могут быть как синтетическими, так и аналитическими».

³ Об этом подробно см. в разделах «Падеж», «Глагол», «Частицы» и др.

Собранный нами материал панджаби подтверждает наличие в этом языке обеих разновидностей форм. В нем служебными компонентами аналитических форм слова могут быть послелоги, различные глаголы, частицы.

А.А. Реформатский справедливо замечает, что не следует смешивать терминов «грамматическая форма», которая связана лишь со способом выражения, и «грамматическая категория», которая отнюдь не связана с определенным или данным способом грамматического выражения [Реформ., 318]. Более того, грамматическая категория может быть выражена различными грамматическими способами. Также очень важно учитывать, что единство той или иной грамматической категории обусловлено не способом выражения, а общим грамматическим значением [Реформ., 317] (рядка наша, — Ю.С.).

В панджаби наличествуют следующие части речи:

самостоятельные: существительное, прилагательное, наречие, числительное и глагол;

полусамостоятельная — местоимение;

несамостоятельные: союзы, послелоги, частицы;

гибридная — прилагательное-послелог;

особая — междометие.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Как и в других языках, данный класс слов в панджаби отличает категориальное значение предметности.

Существительному присущи категории рода, числа и падежа.

Род

Категория рода в панджаби связана с лексико-грамматическими средствами, так как ее выражают не только грамматические формы и синтаксическая сочетаемость, но и лексико-семантические признаки.

В отличие от древних языков, таких, как санскрит и пракриты, и современных, как гуджарати и маратхи, для которых характерны три рода (мужской, женский и средний), в панджаби в процессе развития сохранились лишь два рода: мужской и женский.

Поскольку для панджаби, как и для ряда других новоиндийских языков, трудно установить строгие правила определения рода, мы прибегли к статистическому анализу, используя в качестве ма-

териала словарь, приложенный к грамматике Ньютона [Newton, 291-330] и насчитывающий примерно две тысячи лексических единиц. Этот словарь, несомненно, содержит основные модели слов. Следует оговориться, что данный статистический анализ, а также предлагаемый ниже метод определения рода по деривационным морфемам можно использовать наряду с иными способами, найденными другими исследователями.

Словарь содержит 1070 имен существительных, из которых 836 (78,1%) — неодушевленные и 234 (21,9%) — одушевленные. Из общего числа к мужскому роду принадлежат 648 (~60,5%), к женскому — 418 (~39%), а у четырех имен (~0,5%) род колеблется.

Целесообразно начать рассмотрение категории рода с 836 имен, обозначающих неодушевленные предметы. Они содержат 475 (~56,8%) слов мужского рода и 359 (~43,175%) женского, а два слова (~0,25%) с колеблющимся родом. Среди этих имен сразу же выявились доминантные родовые группы. Для мужского рода (единственного числа) более типичным оказалось окончание *ā*: 168 единиц против 52 женского рода (168 м.р. : 52 ж.р.). С другой стороны, среди существительных женского рода (единственного числа) доминируют имена, оканчивающиеся на *ī* (119 ж.р. : 7 м.р.). Ниже приводятся примеры на оба случая:

Мужской род	Женский род
<i>rāḷā</i> 'шум'	<i>kānnī</i> 'граница'
<i>tāgā</i> 'звезда'	<i>chutti</i> 'отпуск'
<i>piñjā</i> 'клетка'	<i>bāccī</i> 'девочка'
<i>jūā</i> 'игральная кость'	<i>bijlī</i> 'молния'
<i>pāssā</i> 'сторона'	<i>awasthā</i> 'состояние'
<i>akālī</i> 'сикхская община'	<i>viddiā</i> 'знание'
	<i>bakkī</i> 'коза'
	<i>topī</i> 'шапка'

Для мужского рода типичны (хотя и менее употребительны) неодушевленные существительные, оканчивающиеся на *-o* (13 м.р. : 0 ж.р.), например: *urāo* 'средство', *subhāo* 'нрав', *bīo* 'семя', *ko* 'кох' (мера длины), *k'eo* 'топленое масло'.

Наиболее часто среди неодушевленных существительных и мужского (267 единиц), и женского (174 единицы) рода встречаются модели, имеющие в исходе согласный или стечение согласных, так что нулевая флексия не может быть специфичной ни для одного из ро-

дов. Правда, слова арабского происхождения на *-at* — женского рода, но они встречаются не часто.

Мужской род	Женский род
<i>vinās</i> 'уничтожение'	<i>fōj</i> 'армия'
<i>luṇ</i> 'соль'	<i>nīnd</i> 'сон'
<i>pinḍ</i> 'деревня'	<i>tār</i> 'провода'
<i>jəṇm</i> 'рождение'	<i>həkīkət</i> 'правда'
<i>kḥət</i> 'письмо'	<i>suḥəbət</i> 'общество'

В мужском роде чаще, чем в женском (8 м.р. : 2 ж.р.), встречаются имена с флексией *-ū*, следующей за согласным:

Мужской род	Женский род
<i>ʃurū</i> 'начало'	<i>lū</i> 'горячий ветер'
<i>təṁākhū</i> 'табак'	<i>vəstū</i> 'предмет'
<i>dārū</i> 'лекарство'	

И в мужском, и в женском роде встречаются окончания: *-ō* (3 м.р. : 4 ж.р.), *-ā* (2 м.р. : 4 ж.р.), *-ē* (3 м.р. : 1 ж.р.), *-e* (1 м.р. : 2 ж.р.), *-ū* (1 м.р. : 1 ж.р.):

Мужской род	Женский род
<i>gəṁāō</i> 'деревня'	<i>səṁāō</i> 'гостиница'
<i>nīāō</i> 'правосудие'	<i>chāō</i> 'тень'
<i>sā</i> 'шум'	<i>bā</i> 'рука'
<i>thəkewā</i> 'усталость'	<i>təkalā</i> 'вечер'
<i>jō</i> 'ячмень'	<i>sō</i> 'клятва'
<i>sne</i> 'любовь'	<i>fəte</i> 'победа'
<i>mū</i> 'рот'	<i>pū</i> 'земля'

Среди неодушевленных существительных лишь в мужском роде встретились окончания *-e* (1 ед.), *-ī* (1 ед.), например: *p'e* 'страх', *mī* 'дождь'.

Примерами неодушевленных существительных колеблющегося рода могут служить *thā* 'место' и *pərlō* 'конец света'. Подобные слова находятся в стадии переходности в отношении категории рода. Можно считать, что процесс родового колебания закончен (или почти закончен) для таких существительных, как, например: *pəl* 'момент' (м.р.), *kisḥəṛ* 'грудь' (м.р.), *ləkkəṛ* 'дерево' (ж.р.).

Часть слов, особенно те, которые попадают в панджаби из других языков, вначале имеет один род (чаще всего тот же, что они имели в родном языке), затем испытывает колебание в роде и на-

конец обретает либо противоположный (что бывает чаще), либо первоначальный род. Так, слова санскритского происхождения *l̥candar*, 51] *agg* 'огонь', *vā* 'воздух', *bā* 'рука' в санскрите (форма несколько отличалась) и сперва в панджаби имели мужской род, а затем обрели женский, а существительное *lāl̥ac* (*lālsā*) первоначально выступало в женском роде, а теперь в мужском. Персидское по происхождению слово *əwāj* 'голос' вошло в древний панджаби как существительное мужского рода (*əwāju*), но в процессе развития обрело женский род.

Статистический анализ показывает, что инвентарь флексий неодушевленных существительных мужского рода (слово берется в исходной форме номинативного падежа единственного числа) более богат, чем женского (12 м.р. : 9 ж.р.), что иллюстрируют приводимые ниже данные, расположенные по убывающей частотности.

Инвентарь основных флексий неодушевленных существительных:

Флексии мужского рода	Частотность	Флексии женского рода	Частотность	Флексии ко-леблющегося рода	Частотность
C(C)C) ⁴	267	C(C)C)	174	-ō̃	1
-ā̃	168	-ī̃	119	-ā̃	1
-o	13	-ā̃	52		
-ū̃	8	-ā̃	4		
-ī̃	7	-ō̃	4		
-ō̃	3	-ū̃	2		
-ō̃	3	-e	2		
-ā̃	2	-ū̃	1		
-e	1	-ō̃	1		
-e	1				
-ī̃	1				
-ū̃	1				

Для производных и сложных слов можно предложить и более надежный (хотя и более сложный) критерий определения рода существительных панджаби (а следовательно, и новоиндийских языков). Мы убедились, что большинство деривационных морфем и вторых компонентов сложных слов являются пометами какого-либо одного рода.

⁴ Согласный или сочетание согласных в конце слова, что означает нулевую флексию.

Они представлены не только исконными морфемами, но и заимствованными (в основном персидскими), которые чаще всего используются в составе заимствованной лексики.

Это может быть проиллюстрировано на значительном количестве морфем. Некоторые морфемы, которые обслуживают как одушевленные, так и неодушевленные имена, мы для удобства описания приводим дважды в соответствующих разделах, как, например: *-el* (= *vālā*) и в *gəṇdel* 'овес' — в разделе о неодушевленных существительных, и в *cuṛel* 'колдунья' — в разделе об одушевленных существительных. В зависимости от того, с какими семантическими подклассами существительных чаще употребляются данные морфемы, их, для удобства использования, можно условно подразделить на соответствующие группы. Морфемы, не вошедшие в какую-либо группу, приводятся под рубрикой «разноплановые и с различными значениями». Сначала даны примеры с морфемами, фиксирующими неодушевленные существительные мужского рода.

Морфемы конкретных существительных

а) обозначающих место:

-gər: *kətəlgər* 'место казни', *kesgər* — историческое место в храме Анандапур;

-vārā: *rəchvārā* 'тыл', *kəṣāīwārā* 'квартал мясников';

-zār: *kārzār* 'поле битвы', *gulzār* 'клумба';

-sār: *ko'sār* 'гористая местность';

б) обозначающих учреждение, заведение, помещение:

-erā: *bəserā* 'жилище';

-k'ər: *qākk'ər* 'почта', *tārkk'ər* 'телеграф';

-khānā: *dīwānkhānā* 'приемная', *kuṭəbkhānā* 'библиотека';

-həṭṭā: *məccihəṭṭā* 'рыбная лавка';

в) обозначающих страну:

-stān: *hindustān* 'Индия', *pākistān* 'Пакистан', *inglistān* 'Англия';

г) с уменьшительным и увеличительным значениями:

-otā: *hər'otā* 'небольшое наводнение' (*hər* 'наводнение');

-īā: *luṭīā* 'кружечка' (*lotā* 'кружка');

-orā: *kəsorā* 'чашечка' (*kāssā* 'чашка');

-cū: *kəṭāncā* или *kəṭāṇcā* 'маленький лук' (*kəṭān* 'лук');

tākcā 'маленькая ниша' (*tāk* 'ниша');

-ər: *rəggər* 'большой тюрбан' (*rəgg* 'тюрбан'), *gəṭṭhər* 'большой узел' (*gəṭṭh* 'узел');

д) разноплановые и с различными значениями:

-*ṇā*: *ghoṇā* 'пест', *velṇā* 'сахарозавод';

-*vās(-bās)*: *gārbvās* 'состояние беременности'; *rāṇvās (rāṇbās)* 'гарем';

-*ānā*: *dāstānā* 'перчатка', *ābiānā* 'водный налог';

-*āo (-ā)*: *bānāo (bānā)* 'изделие', *kāsāo (kāsā)* 'затягивание';

-*dān*: *cūhedān* 'мышеловка', *lātākān* 'солонка';

-*ētā*: *kāterā* 'деревянная изгородь';

-*dānā*: *nārdānā (nārdāṇā)* 'семена граната';

-*olā*: *kātholā* 'деревянная посуда';

-*cūn*: *lōcūn* 'металлические опилки';

-*māl*: *regmāl* 'наждачная бумага';

-*īr*: *kuṭīr* 'ракушка';

-*or*: *teor beor* 'полный комплект одежды женщины';

-*cūr*: *amcūr* — порошок из высушенных незрелых плодов манго;

-*ej*: *jerāj* 'зародыш';

-*wā*: *pārchāwā* 'тень'.

Морфемы существительных с отвлеченным значением

-*kārən(-kārən)*: *sāṇātkārən* 'индустриализация', *kāmīkārən* 'национализация', *śūdtīkārən* 'очищение';

-*vād*: *gāṇḍīvād* 'гандизм';

-*vā*: *pārcāwā* 'развлечение', *hervā* 'тоска';

-*bād*: *chāṇḍbād* 'обман';

-*po*: *hāṅāmpo* 'беззаконие', *khācāṅpo* 'упрямство';

-*vā*: *āfrewā* 'чванство', *hāfewā* 'одышка';

-*tāv*: *hīndutāv* 'хиндуизм', *viāktitāv* 'индивидуализм';

-*ej*: *pāṅgej* 'нагота', *bānd'ej* 'бережливость';

-*ārā (-erā)*: *buḍ'ārā (buḍ'erā)* 'старость', *muṭārā* 'ожирение';

-*āndrā*: *vāṭāndrā* 'обмен';

-*ūr*: *kālūr* 'ссора', 'конфликт';

-*āu*: *mārdāu* 'мужество', *rāṅgāu* 'хвастовство';

-*piṇā*: *āṇjāṇpiṇā* 'незнание', *lucpiṇā* 'разврат';

-*ātā*: *sānnātā* 'шум ветра', *phāṅātā* 'шипение';

-*kārā*: *jākārā* 'победный крик', *lālkarā* 'призыв';

-*ewā*: *kārewā* 'замужество вдовы';

-*ātā*: *sāmj'ātā* 'договор'.

Ниже приводятся примеры служебных или корневых морфем, фиксирующих неодушевленные существительные женского рода.

Морфемы конкретных существительных

а) обозначающих место:

-*vārī*(-*vādī*): *rəpvārī* 'плантация бетеля', *kəṛəṇṇāwārī* (*kəṛəṇṇvādī*) — место, куда выбрасывают кости павших животных, *phullvārī* 'цветник';

б) обозначающих помещение, заведение, учреждение:

-*səṛā*: *həmsəṛā* 'гарем';

-*sāl*(-*sālā*): *ghuṛsāl* 'конюшня', *təksāl* 'монетный двор', *dhərm-sālā* (*dhərmsāl*) 'храм';

-*śālā*: *pāṭhśālā* 'школа', *gəṇśālā* 'хлев';

в) с собирательным значением:

-*āvlī*: *rətnāvlī* 'ожерелье из драгоценных камней', *śəbdāvlī* 'лексика';

г) с орудийным значением:

-*el*: *gulel* 'арболет', *nəkel* 'верблюжий повод';

д) с уменьшительным значением:

-*rī*: *chətrī* 'зонтик';

-*olt*: *kəṭholī* 'маленькая деревянная посуда';

-*iālī*: *kuṇḍiālī* 'металлический крючок';

-*cī*: *səndūkci* 'сундучок', *bəḡci* 'садик';

е) разноплановые и с различными значениями:

-*gā*: *kətəlgā* 'место убийства', *dərgā* 'храм';

-*ət*: *miṭṭhət* 'сладости', *rəḡgət* 'окраска', *likhət* 'произведение';

-*rī*: *səjri* 'кроватка', *gəṭṭhri* 'узелок', *əḡārī* 'пути', *pičhārī* 'прошлое';

-*ikā*: *kəpədikā* 'раковина';

-*dānī*: *təcchərdānī* 'полог от москитов', *gūndədanī* 'зеркало';

-*ṇī*(-*nī*): *dhṇṇkṇī* 'кузнечные меха', *cāndnī* 'лунный свет';

-*el*(=*tel*): *phulel* 'ароматическое масло', *ghəṛel* 'нагретое масло';

-*el*(=*vālā*): *gəṇḍel* 'овес'.

Морфемы существительных с отвлеченным значением

-*ī*: *bhərtī* 'вербовка', *giṇṭī* 'число';

-(*i*)*ś*: *kḥārəś* 'зуд', *kośis* 'попытка';

-*āṭ*(-*āhət*): *uskāṭ* (*uskāhət*) 'возбуждение', *muskəṛāṭ* (*muskə-rāhət*) 'улыбка';

-*kī*: *ḡubkī* 'ныряние', *ghurkī* 'сердитый взгляд';

-*ttəṇ*: *kələttəṇ* 'темнота', 'чернота', *cuṛəttəṇ* 'ширина';

- kuṣī(-kəṣī)*: *gəukūṣī* (*gəukəṣī*) 'убой коров', *khudkuṣī* (*khudkəṣī*) 'самоубийство';
- zən*: *rāzən* 'грабёж';
- tā(-tāy)*: *sundərtā* 'красота', *succəmtāy* 'чистота';
- vāy*: *dhəṛvāy* 'взвешивание';
- ot(-vət)*: *kəṣāot* 'затягивание', *bəṇāot* (*bəṇāwət*) 'исполнение', *səjāwət* 'убранство';
- hār*: *honhār* 'судьба';
- vī*: *hindvī* 'древний панджаби', *pəṭiālvi* 'говор Патиалы';
- məndī*: *əkəlməndī* 'мудрость';
- vət*: *kəhāvət* 'поговорка', *səkhāvət* 'щедрость';
- bəndī*: *chəndābəndī* 'стихосложение', *lāmbəndī* 'мобилизация';
- ṣī*: *kəṣī* 'вычет';
- ṣāhī*: *nāḍəṣāhī* 'гнет', *dhəkṣāhī* 'автократия';
- tāt*: *kəbūltāt* 'принятие обязательств', *məṣṣūltāt* 'занятость';
- āy*: *bijāy* 'посев', *pəṭāy* 'обучение';
- et (-āit)*: *əpnet* (*əpnāit*) 'родство', *pəncet* (*pəncāit*) 'заседание';
- āzmāy*: *tākət-āzmāy* 'борьба', 'соревнование';
- giri*: *munsīgiri* 'писарское дело', *gədgiri* 'нищенство';
- gī*: *bəndəgī* 'поклонение', *kəṣītīgī* 'недоразумение';
- ārī*: *hoṣiārī* 'способность';
- sāzī*: *sābəṇsāzī* 'мыловарение';
- gərī*: *sābəṇgərī* 'мыловарение';
- ār*: *rəṣtār* 'передвижение', *guṣtār* 'речь', 'разговор';
- bosī*: *kəḍəmbosī* 'поклон', *khāyābosī* 'лесть';
- āt*: *bukhārāt* 'испарение';
- iābī(-yābī)*: *kāmīābī* (*kāmyābī*) 'успех'.

Морфемы, которые используются в именах обоих родов, встречаются довольно редко и по сравнению с большим количеством родоразграничивающих морфем составляют незначительное меньшинство. Ниже приводятся примеры на такие случаи:

- āṇ*: *nicaṇ* 'низина' (ж.р.), *nīmaṇ* 'склон' (м.р.);
- ār*: *milār* 'встреча' (ж.р.), *pəṭār* 'слава' (м.р.);
- ār*: *əgār* 'перёд' (ж.р.), *pičār* 'тыл' (м.р.);
- əḍ(-ən)*: *ākəṛṣən* 'влечение' (м.р.), *ulḍjən* 'путаница' (ж.р.), *təkkən* 'крышка' (м.р.), *belən* 'хлопкоочистительный завод' (ж.р.);
- sā*: *bəḡīsā* 'садик' (м.р.), *dəḡīsā* 'окошко' (ж.р.);
- tā*: *jəṭtā* — камень, скрепляющий украшения (м.р.), *kuṭtā* 'домик' (ж.р.);

-ās: *khəṭās* ‘кислота’, ‘кислый вкус’ (м.р.), *mithās* ‘сладости’ (ж.р.);

-ar: *sōṇar* ‘красота’ (м.р.), *siṇar* ‘знание’ (ж.р.);

-kā: *dhikār* ‘власть’ (м.р.), *phitkār* ‘упрек’ (ж.р.).

Но если учитывать структурный характер моделей, к которым присоединяется та или иная деривационная морфема, то это может дать основания для родового разграничения части морфем. Так, формант -ar в одном случае, присоединяясь к исходной глагольной форме *ṭakk* ‘накрой’, дает существительное мужского рода *ṭakkār* ‘крышка’, а в другом, присоединяясь к существительному *bel* ‘лоза’, дает образование женского рода *belār* ‘заовд’. Еще четче разграничиваются по родам различные модели с суффиксом -ak. Вместе с глагольными исходными формами он образует имена женского рода (*utthak* ‘вставание’, *beṭhak* ‘усаживание’), а при присоединении к существительным для придания значения уменьшительности — имена мужского рода (*ṭolāk* ‘маленький барабан’).

В отношении одушевленных имен существительных можно сказать следующее. Статистический анализ, проведенный нами, выявил 232 единицы (против 836 неодушевленных). Из них 173 (74,5%) относятся к мужскому роду и 59 (25,5%) — к женскому.

Среди имен данного класса значимость отдельных окончаний изменилась. Если в мужском роде, как и среди неодушевленных существительных, имена с консонантным исходом остались самыми распространенными (85 единиц), то в женском роде они отошли на второе место (12 единиц) и их пропорция по отношению к словам мужского рода резко снизилась (85 м.р. : 12 ж.р. против 267 м.р. : 174 ж.р.). Хотя в женском роде самым употребительным стало окончание -ī, его доминантная сила утратилась (35 ж.р. : 34 м.р. против 119 ж.р. : 7 м.р.). К одушевленным именам мужского рода относится гораздо больше существительных с флексией -ī, чем к неодушевленным (34 ед. : 7 ед.). Наоборот, существительные женского рода с этим окончанием гораздо реже встречаются среди одушевленных имен, чем среди неодушевленных (35 ед. : 119 ед.). Примеры имен с консонантным исходом и с флексией -ī:

Мужской род	Женский род
<i>purkh</i> ‘мужчина’	<i>bālī</i> ‘девочка’
<i>brāṭh</i> ‘брахман’	<i>cīṭī</i> ‘воробей (самка)’
<i>pālī</i> ‘пастух’	<i>sudāṭh</i> ‘сумасшедшая’
<i>ṭarvī</i> ‘грабитель’	<i>ḍaddī</i> ‘лягушка’

Сохранилась доминантная сила окончания $\bar{a}$ для мужского рода (38 м.р. : 4 ж.р.). Примеры:

Мужской род	Женский род
$jəṇā$ 'человек'	$māṭā$ 'мать'
$chəlīā$ 'обманщик'	$əmmā$ 'мать'
$ciṛā$ 'воробей (самец)'	

В мужском роде значительно чаще, чем в женском, встречается окончание $\bar{u}$ (7 м.р. : 2 ж.р.). Примеры:

Мужской род	Женский род
$iəṭṭū$ 'пони'	$ṇū$ 'жена сына'
$dəḍḍū$ 'лягушка (самец)'	$gəū$ 'корова'

Инвентарь основных флексий одушевленных существительных приведен ниже, причем данные расположены по убывающей частотности.

Инвентарь основных флексий одушевленных существительных:

Флексии муж- ского рода	Частот- ность	Флексии жен- ского рода	Частот- ность
C(C)(C)	85	$\bar{t}$	35
$\bar{a}$	38	C(C)(C)	12
$\bar{t}$	34	$\bar{a}$	4
$\bar{u}$	7	$\bar{u}$	2
$\bar{e}$	3	$\bar{t}$	2
$\bar{o}$	2	$\bar{a}$	1
$\bar{a}$	1	$\bar{o}$	1
$\bar{t}$	1	$\bar{o}$	1
$\bar{o}$	1	$\bar{e}$	1
$\bar{u}$	1		

Что касается одушевленных производных и сложных слов, то имена мужского рода гораздо богаче родоразличающими морфемами (деривационными и корневыми).

Морфемы существительных мужского рода

а) обозначающих специальность, род занятий:

- $uāy$: $dhəṛvāy$ 'весовщик';
- $vārā$: $həkvārā$ 'погонщик';
- $bānā$: $kəyḡībānā$ 'ткач-гребенщик';
- $kār$: $āḡiākār$ 'слуга', $kumbhkkār$ 'гончар';

-ār: *luhār* 'кузнец', *sunīār* 'ювелир';
 -cī: *khāzāncī* 'казначей', *bāwārcī* 'повар';
 -ont(-vant): *kālāont* (*kālāwānt*) 'музыкант';
 -bāṇiā(-vāṇiā): *hāṇbāṇiā* (*hāṇvāṇiā*) 'лавочник';
 -vārī: *pānvārī* 'продавец бетеля';
 -āyā: *ussāyā* 'строитель';
 -kutt: *kāgāzkutt* 'тот, кто измельчает бумагу', *lohākutt* 'тот, кто куёт железо';

-ārī: *likhārī* 'писатель', *khādārī* 'спортсмен';
 -gār: *sābāṅgār* 'мыловар', *kārīgār* 'мастер', *bāzīgār* 'акробат';
 -oṃ: *kāṇoṃ* 'оценщик урожая';
 -pāl: *dāwārpāl* 'привратник', *rājīpāl* 'комендант крепости';

б) обозначающих носителей качества:

-vār: *umīdvār* 'кандидат', *kāsūrvār* 'виновник';
 -vāsī: *surgvāsī* 'покойник';
 -mukhā: *hāssmukhā* 'хохотун';
 -tārī: *jātātārī* 'человек, имеющий заплетенные волосы',

p'ekhtārī 'человек, изменивший свой облик';

-orā: *cātorā* 'лакомка'; *bātorā* 'тот, кто копит';
 -khorā: *māskhorā* 'мясоед', *bālkhorā* 'людоед';
 -khor: *hārāmkhor* 'взяточник', *śārābkhā* 'пьяница';
 -bāz: *mukhābāz* 'драчун', *hīlābāz* 'обманщик';

в) выражающих родственные отношения:

-vāyā (-oṃyā): *nāṇvāyā* (*nāṇdoṃyā*) 'муж сестры мужа', *bhāṇvāyā* (*bhāṇoṃyā*) 'муж сестры';
 -uttar: *jāṇhuttar* 'сын старшего брата мужа', *diuttar* 'сын бога';
 -iṣṭrā: *māliṣṭrā* 'дядя жены или мужа по материнской линии',

nāniṣṭrā 'отец тещи или свекра';

-ewā: *bhāṇewā* 'племянник (сын сестры)';

-andār: *pītandār* 'предок';

г) обозначающих принадлежность к социальным группам, классам:

-ān: *kirsān* 'крестьянин';
 -eṭā: *khātreṭā* - мальчик из варны кшатриев, *jāṭeṭā* 'сын джата';
 -ūr: *māzdūr* 'рабочий';

д) уменьшительные морфемы:

-ūṅgrā: *bālūṅgrā* 'котенок', *sātūṅgrā* 'бесенок';
 -ūr: *bālūr* 'ребенок';
 -urā: *kātūrā* 'щенок';

-ṛā: *kuṛṛā* 'щенок';

-oṭā: *hənoṭā* 'оленинок';

-elā: *bəg'elā* 'тигренок';

е) разноплановые и с различными значениями:

-vī: *t'ṛvī* 'грабитель', *təpəssvī* 'отшельник';

-ṛān: *hukəmtān* 'правитель';

-mār: *hundmār* 'притеснитель', *kuttemār* 'живодер';

-dān: *kānūndān* 'законовед', *nādān* 'глупец';

-gəṇ: *śrotāgəṇ* 'ученики', 'слушатели', *pāṭhəgəṇ* 'читатели';

-kəṛ: *səṇkəṛ* 'бог';

-hār: *sirjənhār* 'творец', 'бог';

-cārī: *kəṛəmcārī* 'чиновник', *brəmcārī* 'женоненавистник';

-āḍā: *pəcāḍā* 'житель западной части Панджаба', *səppāḍā* 'ло-

вец змей';

-āṛā: *kəuḍāṛā* 'ракушечная змея', *bhəṭhīāṛā* 'трактирщик';

-ṛī: *pujārī* 'поклонник', *juārī* 'игрок в кости';

-kū: *ləṛākū* 'воин', *pəṛ'ākū* 'читатель';

-rāṭī: *kəroṭrāṭī* 'миллионер';

-erā: *kəmerā* 'работник', *luṭerā* 'грабитель';

-əl(-elā): *gusəl* (*gusəlā*) 'сердитый человек';

-et: *dəkət* 'бандит';

-əj: *əṇḍəj* 'цыпленок';

-ək: *bālək* 'ребенок', *pāṭhək* 'читатель';

-dār: *cəṣṭīdār* 'комендант', *ṭhāṇedār* 'полицейский инспектор';

-go: *kissāgo* 'рассказчик', *gəzəlgo* 'поэт';

-gār: *guṇāgār* 'грешник', *mədədḡār* 'помощник';

-sāz: *sābəṇsāz* 'мыловар', *hīṭasāz* 'хитрец';

-kun: *kārkun* 'деятель';

-zəṇ: *kələtmzəṇ* 'писарь', 'художник', *tegzəṇ* 'меченосец';

-nāṣ: *kīṛəmnāṣ* 'уничтожающий червяков';

-ṛū: *kəṭṛū* 'бычок', *gālṛū* 'болтун'.

Морфемы, фиксирующие одушевленные существительные женского рода, более малочислены. Примеры:

-nī(ṇī): *kāṇṇī* 'ворона (самка)', *mələcṇnī* 'дикарка', *nəṭṭṇī* 'танцовщица';

-āṇī(-ānī, -wāṇī, -wānī): *hinduāṇī* (*hinduānī*, *hinduwāṇī*, *hinduwānī*) 'индуска', *kḥəṭṭrāṇī* — женщина из варны кшатриев;

-ārən: *bhəṭhīārən* 'трактирщица';

-ṭī: *bəḥṭṭī* 'жена', 'невеста';

- vəŋ: *ṭārvaŋ* 'грабительница';
- ikā: *bālīkā* 'девочка';
- el: *cuŋel* 'колдунья';
- eṣ(-iḍs): *phuphēs* (*phuphiḍs*) 'сестра свекра или тестя';
- dādes* (*dādīḍs*) 'мать свекра или тестя';
- ūṅgṛī: *bālūṅgṛī* 'котенок (самка)', *bācūṅgṛī* 'девочка';
- āt (мн.ч.): *begātāt* 'королевы (могольские)'.

Среди одушевленных имен морфемы, использующиеся в обоих родах, встречаются еще реже, чем среди неодушевленных. Примеры:

- əŋ: *brātəŋ* 'брахман' (м.р.), *māləŋ* 'жена садовника';
- ṛī: *gālṛī* 'болтун' (м.р.), *kuṛṛī* 'овод' (ж.р.);
- tā: *kāṣṭṛītā* 'виновник' (м.р.), *māyā* 'мать'.

Многие существительные мужского рода имеют свои корреляты в женском роде. Существуют различные типы образования коррелятов женского рода от существительных мужского рода, но в данном случае мы отвлекаемся от учета первообразности имени того или иного рода. Так, для неодушевленных имен можно выделить следующие типы (корреляты женского рода часто передают идею уменьшенности, а иногда увеличенности, см. пункт 5):

1) изменение конечного гласного (гласных):

-ā → *ī*: *māñjā* 'кровать' — *māñjī* 'кроватька', *raṣṣā* 'веревка' — *raṣṣī* 'тонкая веревка', *kḥūā* 'колодец' — *kḥūy* 'небольшой колодец';

2) замена конечного гласного деривационной морфемой:

-ā → *īālī*: *kuṇḍā* 'металлический крючок' — *kuṇḍīālī* 'крючочек';

-ā → *ṛī*: *koṭhā* 'большая комната' — *koṭhṛī* 'комната';

3) добавление деривационной морфемы:

-ī(y): *kḥū* 'колодец' — *kḥūy* 'маленький колодец', *hāḍḍ* 'кость' — *hāḍḍī* 'небольшая кость';

-ṛī: *sāndūk* 'сундук' — *sāndūkṛī* 'сундучок', *kḥāmb* 'крыло' — *kḥāmbṛī* 'крылышко';

-cī: *sāndūk* 'сундук' — *sāndūkcī* 'сундучок';

4) добавление деривационной морфемы и опущение гласного:

-ṛī: *chāṭar* 'зонт' — *chāṭrī* 'зонтик';

5) опущение аффикса или гласного:

gāṭṭhāṛ 'узел' — *gāṭṭh* 'узелок', *kāṣṭā* 'маленькая лопата' — *kāṣṭ* 'лопата', *kāṭāṇā* 'маленький лук' — *kāṭāṇ* 'лук', *kāṭāṇcā* 'маленький лук' — *kāṭāṇ* 'лук'.

Для одушевленных существительных типы образования существительных женского рода от имен мужского рода более богаты и разнообразны.

1) изменение конечного гласного:

-ā→ī: *ciṛā* 'воробей (самец)' – *ciṛī* 'воробей (самка)', *sācā* 'дядя' – *sācī* 'тетя', *dādā* 'дед' – *dādī* 'бабушка';
-ā→ī: *bhānewā* 'племянник' – *bhānewī* 'племянница';

2) замена конечного гласного деривационной морфемой:

-ī→ṛṇ(ṇ): *ṛṇvī* 'грабитель' – *ṛṇvṇ* 'грабительница',
rārī 'грешник' – *rārṇ* 'грешница', *kāsmī* 'кашмирец' – *kāsmīṇ* 'кашмирка';

-ī→ānī: *khātrī* – член варны кшатриев – *khātrānī* – женщина из варны кшатриев, *cādhī* 'староста' – *cādhānī* 'жена старосты';

-ī→nī(nī): *hāthī* 'слон' – *hāthnī* 'слониха', *rātī* 'муж' – *rātnī* 'жена';

-y→ṇ: *kāsāy* 'мясник' – *kāsāṇ* 'жена мясника', *sudāy* 'сумасшедший' – *sudāṇ* 'сумасшедшая';

3) замена одной морфемы другой:

-īā→ṇ (ṇ): *amritsāīā* 'амритсарец' – *amritsṇṇ* 'амритсарка', *duābīā* 'дуабек' – *duābṇ* 'дуабка', *kābāīā* 'старьевщик' – *kābāṇ* 'старьевщица';

-yā→y: *tāyā* 'дядя' – *tāy* 'тетя';

-īṣrā→ēs: *dādīṣrā* 'дядя жены или мужа' – *dādeēs* 'тетя жены или мужа';

4) добавление морфемы:

-ī: *luhār* 'кузнец' – *luhārī* 'жена кузнеца', *ṇṇ* 'джат' – *ṇṇī* 'жена джата', *sunīār* 'ювелир' – *sunīārī* 'жена ювелира';

-ā: *nāek* 'капрал' – *nāekā* 'жена капрала', *gāek* 'певец' – *gāekā* 'певица';

-ikā: *bāl* 'мальчик' – *bālikā* 'девочка';

-nī(nī): *mūrkḥ* 'глупец' – *mūrkḥnī* 'глупая женщина', *ūṭh* 'верблюд' – *ūṭhnī* 'верблюдица', *māleḥ* 'дикарь' – *māleḥnī* 'дикарка';

-ānī: *rāṇḍī* 'ученый' – *rāṇḍīānī* 'жена ученого', *reṇḍū* 'житель села' – *reṇḍūānī* 'жена жителя села';

-ṛī: *bāl* 'мальчик' – *bālṛī* 'девочка';

5) добавление морфемы, сопровождающееся редукцией гласного:

-ānī(wānī): *hindū* 'индус' – *hindūānī* (*hinduwānī*) 'индуска' (*ū→u*), *mūṇṣī* 'писарь' – *mūṇṣīānī* 'жена писаря' (*ī→i*), *sāy* 'хозяин' – *sāwānī* 'хозяйка' (*ā→a* и без *y*);

6) добавление морфемы и опущение гласного:

-ānī: *nāekār* 'служашый' – *nāekārī* 'служашая', *mugāl* 'могол' – *mugālī* 'моголка' (выпадение -ā- в обоих случаях).

В панджаби существуют и родовые пары: *gābbṛū* 'юноша' –

niṭiār 'девушка', *mard* 'мужчина' — *tīwī* 'женщина', *reo* 'отец' — *mā* 'мать', *puttr* 'сын' — *tī* 'дочь'.

Число

Панджаби имеет два числа: единственное и множественное. Ниже приводятся основные способы образования форм множественного числа номинативного падежа (табл. 1).

1. Существительные мужского рода, оканчивающиеся в единственном числе на гласный *-ā* или *-ā̃*, входящий в нетонированный слог, во множественном числе изменяют его на *-e(ē)*: *ṛakkhā* 'вентилятор' — *ṛakkhe* 'вентиляторы', *serā* 'последователь' — *serē* 'последователи', *thākwā* 'усталость' — *thākwē* букв. 'усталости', *ārīā* 'ариец' — *ārīe* 'арийцы'.

2. В большинстве случаев существительные мужского рода, оканчивающиеся в единственном числе на гласный *-ā* или *-ā̃*, входящий в тонированный слог, во множественном числе не изменяются: *mālā* 'моряк' — *mālā* 'моряки', *prā* 'брат' — *prā* 'братья', *kumā* 'гхаман' (мера земли) — *kumā* 'гхаманы', *dārīā* 'река' — *dārīā* 'реки', *dābā* 'давление' — *dābā* 'давления', *grā* 'деревня' — *grā* 'село' — *grā* 'деревни', 'села'.

3. Существительные мужского рода, оканчивающиеся на все другие гласные, во множественном числе не изменяются: *ḍākū* 'грабитель' — *ḍākū* 'грабители', *reo* 'отец' — *reo* 'отцы', *kānūgo* 'сборщик налогов' — *kānūgo* 'сборщики налогов', *ko* 'кожаное ведро' — *ko* 'кожаные ведра', *meō* 'паромщик' — *meō* 'паромщики', *nī* 'страсть' — *nī* 'страсти', *likhārī* 'писатель' — *likhārī* 'писатели', *jō* 'ячмень' — *jō* — виды ячменя.

4. Существительные мужского рода, имеющие в исходе согласный (стечение согласных), также не изменяются во множественном числе: *khalāl* 'повреждение' — *khalāl* 'повреждения', *ṛatāṇḍar* 'предок' — *ṛatāṇḍar* 'предки', *ṛurkh* 'мужчина' — *ṛurkh* 'мужчины', *sār* 'колодка' — *sār* 'колодки', *nāṭṭ* 'танцор' — *nāṭṭ* 'танцоры'.

5. Существительные женского рода, имеющие в исходе согласный или стечение согласных, образуют форму множественного числа добавлением аффикса *-ā̃*: *trē* 'трещина' — *trēā̃* 'трещины', *bhed* 'овца' — *bhedā̃* 'овцы', *sāss* 'теща' — *sāssā̃* 'тещи'.

6. Подавляющее большинство существительных женского рода, оканчивающихся на *-ā̃*, вне зависимости от того, входит ли последний в тонированный слог или нет, принимают во множественном чи-

сле аффикс *-wā*: *āgiā* 'указ' — *āgiāwā* 'указы', *viddiā* 'наука' — *viddiāwā* 'науки', *sahāitā* 'помощь' — *sahāitāwā* 'содействия', *dāyā* 'доброта' — *dāyāwā* букв. 'доброты', *duā* 'молитва' — *duāwā* 'молитвы', *haramsārā* 'гарем' — *haramsārāwā* 'гаремы', *kārā* 'хлопок' — *kārāwā* 'разновидности хлопка'. Изредка существительные женского рода, оканчивающиеся на *-ā*, входящий в тонированный слог, помимо обычной формы на *-wā* могут встречаться и в форме, образованной добавлением суффикса *-ā*, например: *sā* 'чай' — *sāā* (или *sāwā*) 'виды чая'.

7. Ряд существительных женского рода, оканчивающихся на *-ā*, обычно входящий в нетонированный слог или представляющий собой таковой, образуют форму множественного числа заменой *-ā* на *-ā̃*: *kāwītā* 'стих' — *kāwītā̃* 'стихи', *vidvā* 'вдова' — *vidvā̃* 'вдовы', *kāthā* 'рассказ' — *kāthā̃* 'рассказы', *rūā* 'тетя' — *rūā̃* 'тети'.

8. Существительные женского рода, оканчивающиеся на *-ā̃*, чаще образуют форму множественного числа при помощи аффикса *-wā* и реже при помощи аффикса *-ā̃*. Кроме того, *-ā̃* заменяется на *-ā*: *mā̃* 'мать' — *māwā* 'матери', *pā̃* 'отказ' — *pāwā* или *pāā̃* 'отказы', *sṛā̃* 'гостиница' — *sṛāwā* или *sṛāā̃* 'гостиницы', *bā̃* 'рука' — *bāwā* или *bāā̃* (либо *bāhā̃*) 'руки'.

9. Существительные женского рода, оканчивающиеся на другие гласные, чаще всего имеют форму множественного числа, образованную при помощи аффикса *-ā̃*: *tālī* 'подошва' — *tālīā̃* 'подошвы', *gāḥ* 'корова' — *gāḥā̃* 'коровы', *te* 'страсть' — *teā̃* 'страсти', *jē* 'победа' — *jēā̃* 'победы', *kāḷo* 'белка' — *kāḷoā̃* 'белки', *bo* 'зловоние' — *boā̃* 'зловония', *rō* 'земля' — *rōā̃* 'земли'.

Однако изредка встречаются и формы на *-wā̃*, например: *rō̃* 'земля' — *rōwā̃* 'земли', *chāō̃* 'тень' — *chāwā̃* 'тени' (в данном слове *-ō̃* заменяется на *-wā̃*).

10. Некоторые неизменяемые существительные женского рода, оканчивающиеся на гласный звук, обладают только категорией единственного числа, например: *tāḡā̃* 'способ', *minno* 'горе', *lambō* 'долговязая женщина', *lāscho* 'обезьяна (самка)'.

Другие существительные женского рода, присоединив к основе гласный звук, выступают лишь в форме множественного числа, например: *tarkālā̃* 'вечер'.

11. Встречаются и формы множественного числа существительных, образованные при помощи некоторых заимствованных суффиксов — араб. *-āt*: *begām* 'могольская королева' — *begāmāt* 'моголь-

Основные типы образования множественного
числа существительных

№№	Род	Единственное число	Множественное число
1	мужской	S-ā(-ā): <i>сегā</i> 'последователь', <i>ārtā</i> 'ариец', <i>thəkewā</i> 'устало- сть'	S-e(-ē): <i>сеге</i> 'последователи', <i>ārtē</i> 'арийцы', <i>thəkewē</i> букв. 'усталости'
2		S-ā(-ā): <i>мэлā</i> 'моряк', <i>prā</i> 'брат', <i>dābā</i> 'давление', <i>grā</i> 'дерев- ня', <i>dāriā</i> 'река', <i>sā</i> 'радость'	S-ā(-ā): <i>мэлā</i> 'моряки', <i>prā</i> 'братья', <i>dābā</i> 'давления', <i>grā</i> 'деревни', <i>dāriā</i> 'реки', <i>sā</i> 'радости'
3		S-V(V): <i>dākū</i> 'грабитель', <i>reo</i> 'отец', <i>kēpūgo</i> 'сборщик на- логов', <i>ko</i> 'кожаное ведро', <i>meō</i> 'паромщик', <i>likhārī</i> 'пи- сатель', <i>lī</i> 'страсть', <i>jō</i> 'яч- мень'	S-V(V): <i>dākū</i> 'грабители', <i>reo</i> 'отцы', <i>kēpūgo</i> 'сборщики на- логов', <i>ko</i> 'кожаные ведра', <i>meō</i> 'паромщики', <i>likhārī</i> 'пи- сатели', <i>lī</i> 'страсти', <i>jō</i> – ви- ды ячменя
4		S-C(C): <i>khələl</i> 'повреждение', <i>rētəndər</i> 'предок', <i>purkh</i> 'мужчина', <i>nətt</i> 'танцор'	S-CC(C): <i>khələl</i> 'повреждения', <i>rētəndər</i> 'предки', <i>purkh</i> 'муж- чины', <i>nətt</i> 'танцоры'
5	женский	S-C(C): <i>trer</i> 'трещина', <i>bhed</i> 'овца', <i>səss</i> 'теща'	S-C(C)ā: <i>trērā</i> 'трещины', <i>bhedā</i> 'овцы', <i>səssā</i> 'тети'
6		S-ā: <i>āgiā</i> 'указ', <i>duā</i> 'молитва', <i>kəpā</i> 'хлопок', <i>sā</i> 'чай'	а) S-āwā: <i>āgiāwā</i> 'указы', <i>duāwā</i> 'молитвы', <i>kəpāwā</i> – виды хлопка, <i>sāwā</i> – виды чая; б) S-āā: <i>sāā</i> – виды чая
7		S-ā: <i>kəwitā</i> 'стих', <i>viḍvā</i> 'вдова', <i>kəthā</i> 'рассказ', <i>pūā</i> 'тетя'	S-ā: <i>kəwitā</i> 'стихи', <i>viḍvā</i> 'вдовы', <i>kəthā</i> 'рассказы', <i>pūā</i> 'тети'
8		S-ā: <i>mā</i> 'мать', <i>nā</i> 'отказ', <i>sṛā</i> 'гостиница', <i>bā</i> 'рука'	а) S-āwā: <i>māwā</i> 'матери', <i>nāwā</i> 'от- казы', <i>sṛāwā</i> 'гостиницы', <i>bāwā</i> 'руки'; б) S-āā: <i>nāā</i> 'отказы', <i>sṛāā</i> 'гостиницы', <i>bāā</i> 'руки'
9		S-V(V): <i>tālī</i> 'подошва', <i>gāi</i> 'корова', <i>te</i> 'страсть', <i>kəto</i> 'белка', <i>pō</i> 'земля'	а) S-Vā: <i>tālīā</i> 'подошвы', <i>gāiā</i> 'ко- ровы', <i>teā</i> 'страсти', <i>kətoā</i> 'белки', <i>pōā</i> 'земли'; б) S-Vwā: <i>pōwā</i> 'земли'
10		S-V(V): <i>tāgā</i> 'способ', <i>tiṇṇo</i> 'горе', <i>ləṭbo</i> 'долговязая женщина', <i>ləscho</i> 'обезьяна' (самка)	S-V: <i>tərkālā</i> 'вечер', 'сумерки'

* S – часть имени существительного за вычетом его «остат-
ка»; обозначенного знаком или знаками -V, -C или, в частности, -ā,
-e и т.д.

ские королевы'; араб. -*īn*: *musəlman* 'мусульманин' — *musəlmtn* 'мусульмане', *hāzar* 'присутствующий' — *hāzrtn* 'присутствующие' (плюс синкопа звука-*z*); араб.-перс. -*jāt*: *ilākā* (м.р.) 'район' — *ilākājāt* 'районы' (помимо *ilake*), *nəkšā* (м.р.) 'карта' — *nəkšajāt* 'карты'.

Следует иметь в виду, что изредка встречающиеся формы множественного числа существительных женского рода, имеющих в исходе *-ī* и *-ū*, не типичны для панджаби и характерны для ленди, например: *əkkh* 'глаз' — *əkkhī* 'глаза' (помимо *əkkhā*), *bālā* 'несчастье' — *bālāī* 'несчастья' (помимо *bālāwā*), *kajā* 'смерть' — *kajāī* 'смерти' (помимо *kajāwā*), *həñj* 'слеза' — *həñjū* 'слезы' (помимо *həñjā*). Их можно обнаружить в районах, где наблюдается переход от панджаби к ленди, а также зафиксировать в речи носителей панджаби, знающих ленди.

Падеж

Падеж — это грамматическая категория, значение которой, по нашим наблюдениям, носит преимущественно функциональный характер, поскольку оно связано с функцией падежной формы в предложении. Кроме того, данная категория, несомненно, наделена и реляционностью, так как она определяет отношение своей формы к формам других членов предложения.

Эволюция падежной системы панджаби связана с послеложными образованиями, послеложными комплексами, которые, как и предложные сочетания, описание которых для некоторых языков дано В.М. Жирмунским [Жирмунский, 5-57] и рядом других исследователей, конкурируют с синтетическими падежами и частично или полностью заменяют их на эквивалентной основе, причем послеложные комплексы более гибко и многосторонне выражают падежные отношения, чему способствует значительный инвентарь послелогов.

Превращаясь в послелог, слово ослабляет, а то и утрачивает совсем свое основное лексическое, в том числе и предметное, содержание (если оно им обладает), генерализует его и перекодирует в значительной, а иногда и в полной степени на выражение абстрактной грамматической (падежной) связи. Так возникают послелогии — «постфиксы». Сочетания, в которые входят послелогии, морфологизуются, т.е. становятся аналитической формой слова. О такого рода морфологизации в общем плане справедливо замечает О.П.Сунник: «Флективная морфология (точнее морфология аффиксов) есть средство образования синтетических форм слова. Нефлективная

морфология (точнее морфология служебных слов) есть средство образования аналитических форм слова» [Суник, 77].

В панджаби можно вести речь об аналитической послелогической форме слова и послеложном склонении. Если прибегнуть к удачному термину В.С. Храковского [Храковский, 214], то в более общем плане такую форму можно назвать «аналитической словоформой».

Послелог несет в принципе такую же грамматическую функцию, что и флексия синтетического падежа. В этой связи уместно привести высказывание Е. Куриловича [Курилович, 192]: «Решающую роль играет функция, а не происхождение. Никто не будет отрицать падежного характера древнеиндийского датива только потому, что форма содержит постпозитивный элемент *a*, который отличает ее от датива местоимений и датива других индоевропейских языков». Довольно общее, генерализованное значение послелогов позволяет ряду из них быть многозначными, а следовательно, более широко передавать падежные отношения.

Поскольку падеж является грамматической категорией, он представляет собой не просто форму, а форму, наделенную грамматическим значением (или значениями).

Эти соображения и исследованный материал позволяют сделать вывод, что в панджаби помимо синтетических вариантов падежей существуют и аналитические (хотя эта вариантность охватывает не все падежи). Они могут отличаться друг от друга либо стилистическим использованием, либо категориально-грамматическими признаками. Таким образом, в панджаби (а также, как мы убедились, и в ряде других новоиндийских языков) наблюдается явление падежной синонимии, или падежной вариантности.

Здесь следует выделить четыре группы падежей: 1) субъектно-подлежащие, 2) объектно-приглагольные, 3) приименные, 4) конкретно-обстоятельственные. Особняком стоит звательный падеж, который в отличие от символически-репрезентативной роли указанных падежей обладает экспрессивно-апеллятивной функцией. Субъектно-подлежащие⁵ падежи представлены номинативным и эргативным, объектно-приглагольные – винительным, дательным, косвенно-объектным, инструментальным, вторичным аблативом, приимен-

⁵ Субъектным не является лишь падеж подлежащего пассивных конструкций.

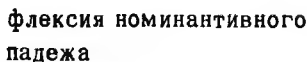
ные — согласующе-реляционным, приименным аблативом, приименным косвенно-объектным и др., обстоятельственные — основным обстоятельственным, аблативом и вторичным инструментальным.

Номинативный падеж выражается основной, исходной формой существительного, которая может изменяться или не изменяться во множественном числе в зависимости от типа имени. Это синтетический падеж, оформляющий наиболее распространенную разновидность подлежащего (примеры см. в разделе «Число», а также см. табл. 1, в которой типы существительных представляют собой одновременно варианты номинативного падежа).

Эргативный падеж — это падеж имени, обозначающего подлежащее — субъект действия в эргативной конструкции, он относится к аналитическим падежам и представлен словоформами, включающими в свой состав послелог деятеля *ne* (*ne*).

Перед тем как завершить рассмотрение этого падежа, а также начать рассмотрение других аналитических падежей, необходимо определить исходные данные последних. Если критически использовать дихотомию Е.К. Куриловича [Курилович], примененную им к предложным образованиям, и при этом учесть результаты наших наблюдений, ввести некоторые термины, необходимые для описания материала, и заменить термин «морфема», который следует относить к синтетическим формам, термином «морфа» (соответственно «субморфему» — термином «субморфа»), то дихотомия аналитического падежа в общем виде будет представлена автосемантической (самостоятельной) морфой («автосемой»), равной корню или основе, с одной стороны, и синсемантической (несамостоятельной) морфой («синсемой»), равной послелогу (иногда также сочетанию послелогов) в сочетании с флексией, — с другой.

Как показал анализ собранного нами материала, в зависимости от фонемного состава слова, его просодических характеристик и некоторых других причин может быть четыре разновидности синсемантической морфы (синсемы): 1) либо она складывается из основной субморфы (послелога или послелогов) и имплицитруемой этой последней дополнительной субморфы (флексии); 2) либо она состоит из основной субморфы и дополнительной субморфы, представляющей собой нулевую флексию; 3) либо она комплектуется из основной субморфы и уже имеющейся флексии, используемой основной субморфой в качестве дополнительной субморфы. Эта флексия возникла, на наш взгляд, в результате расщепления флексии номинативного падежа на два грамматических омонима:

флексия неноминативного аналитического падежа:

$$A - C / \bar{\Phi} + \Pi(\Pi)(\Pi) /$$

Поскольку при описании материала часто приходится оперировать автосемой, сопровождаемой дополнительной субморфой (падежной флексией), данное образование мы предлагаем именовать субморфированной автосемой, или субосемой. Следует перечислить варианты образования субосемы, исходя из формы номинативного падежа. В единственном числе типы существительных, перечисленные в разделе «Число», образуют субморфированную автосему таким образом:

2) анализ собранного нами материала и работа с носителями панджаби показали, что у большинства существительных мужского рода, оканчивающихся на гласный $-ā$ или $-ā̃$, входящий в тонирован-

ный слог, субморфированная автосема имеет такую же форму, например: *məḷā'* 'моряк' — *məḷā'*, *pr'ā* 'брат' — *pr'ā*, *səḡ'ā* 'подъем' — *səḡ'ā*, *dəriā* 'река' — *dəriā*, *dəbā* 'давление' — *dəbā*, *netā* 'вождь' — *netā*, *sā* 'радость' — *sā*, *grā* 'деревня' — *grā*; исключение составляют некоторые слова, как, например; *kəmtṛā* 'комната' — *kəmtre*;

3) субморфированная автосема совпадает и с формой номинативного падежа существительных, оканчивающихся на другие гласные, например: *dākū* 'грабитель' — *dākū*, *peo* 'отец' — *peo*, *k'eo* 'топленое масло' — *k'eo*, *kəpūgo* 'сборщик налогов' — *kəpūgo*, *ko'* 'кожаное ведро' — *ko'*, *meō* 'паромщик' — *meō*, *nī'* 'страсть' — *nī'*, *likhārī* 'писатель' — *likhārī*;

4) то же совпадение наблюдается и у имен мужского рода, имеющих в исходе согласный (согласные), например: *khələl* 'повреждение' — *khələl*, *purkh* 'мужчина' — *purkh*.

Во всех типах существительных женского рода субосема единственного числа совпадает с формой номинативного падежа:

5) *treḡ* 'трещина' — *treḡ*, *səss* 'теща' — *səss*;

6) *agiā* 'указ' — *agiā*, *duā* 'молитва' — *duā*, *kəpā'* 'хлопок' — *kəpā'*;

7) *kəwitā* 'стих' — *kəwitā*, *p'ūā* 'тетя' — *p'ūā*;

8) *mā* 'мать' — *mā*, *pā'* 'отказ' — *pā'*, *sṛā* 'гостиница' — *sṛā*;

9) *təlī* 'подошва' — *təlī*, *gəū* 'корова' — *gəū*, *te'* 'страсть' — *te'*, *kəto* 'белка' — *kəto*, *p'ō* 'земля' — *p'ō*;

10) *tṛā* 'способ' — *tṛā*, *munno* 'горе' — *munno*.

Во множественном числе субморфированная автосема образуется следующими способами:

1) существительные мужского рода, оканчивающиеся на гласный *-ā* или *ā*, входящий в нетонированный слог, заменяют его на *-iā*, например: *pəkkhā* 'вентилятор' — *pəkkhiā*, *thəkewā* 'усталость' — *thəkewiā*;

2) существительные мужского рода, оканчивающиеся на *-ā* или *ā*, входящий в тонированный слог, образуют субморфированную автосему двумя путями:

а) при помощи аффикса *-wā*, используемого больше в письменной речи, в официальном языке и в речи интеллигенции: *məḷā'* 'моряк' — *məḷāwā*, *ḡā* 'путь' — *ḡāwā*, *səḡ'ā* 'подъем' — *səḡ'āwā*, *k'ā* 'травя' — *k'āwā*, *grā* 'деревня' — *grāwā*, *kā* 'ворона' — *kāwā*, *dəriā* 'река' — *dəriāwā*, *dəbā* 'давление' — *dəbāwā*;

б) при помощи аффикса $\tilde{a}$, используемого преимущественно в обиходном разговорном языке: $m\bar{a}l\bar{a}'$ 'моряк' — $m\bar{a}l\bar{a}\tilde{a}$, $r\bar{a}'$ 'путь' — $r\bar{a}\tilde{a}$, $s\bar{a}r\bar{a}'$ 'подъем' — $s\bar{a}r\bar{a}\tilde{a}$, $k\bar{a}'$ 'травя' — $k\bar{a}\tilde{a}$, $gr\bar{a}'$ 'деревня' — $gr\bar{a}\tilde{a}$, $k\bar{a}'$ 'ворона' — $k\bar{a}\tilde{a}$ (редко), $d\bar{e}r\bar{a}'$ 'река' — $d\bar{e}r\bar{a}\tilde{a}$ (редко), $d\bar{a}b\bar{a}'$ 'давление' — $d\bar{a}b\bar{a}\tilde{a}$.

Исключения составляют некоторые слова, как, например: $k\bar{a}m\bar{a}$ 'комната' — $k\bar{a}m\bar{a}\tilde{a}$;

3) у существительных мужского рода типа $\bar{a}r\bar{a}$ 'ариец', $b\bar{a}r\bar{a}$ 'купец' субосема множественного числа такая: $\bar{a}r\bar{a}\tilde{a}$, $b\bar{a}r\bar{a}\tilde{a}$ (замена конечного $\bar{a}$ на $\tilde{a}$);

4) у существительных мужского рода, оканчивающихся на все другие гласные, субморфированная автосема множественного числа конструируется:

а) чаще всего добавлением аффикса $\tilde{a}$: $\bar{d}\bar{a}k\bar{u}$ 'грабитель' — $\bar{d}\bar{a}k\bar{u}\tilde{a}$, $k\bar{a}p\bar{u}go$ 'сборщик налогов' — $k\bar{a}p\bar{u}go\tilde{a}$, $k\bar{e}o$ 'топленое масло' — $k\bar{e}o\tilde{a}$, $k\bar{o}'$ 'кожаное ведро' — $k\bar{o}\tilde{a}$, $m\bar{e}o$ 'паромщик' — $m\bar{e}o\tilde{a}$ (при замене $\tilde{o}$ на $\bar{o}$), $n\bar{i}'$ 'страсть' — $n\bar{i}\tilde{a}$, $j\bar{o}$ 'ячмень' — $j\bar{o}\tilde{a}$;

б) реже добавлением аффикса $\tilde{a}$: $k\bar{e}o$ 'топленое масло' — $k\bar{e}o\tilde{a}$, $r\bar{e}o$ 'отец' — $r\bar{e}o\tilde{a}$ (замена $\bar{o}$ на $\tilde{a}$);

б) к существительным мужского рода, имеющим в исходе согласный или стечение согласных, присоединяется аффикс $\tilde{a}$, например: $k\bar{h}\bar{a}l\bar{a}l$ 'повреждение' — $k\bar{h}\bar{a}l\bar{a}l\tilde{a}$, $n\bar{a}t\bar{t}$ 'танцор' — $n\bar{a}t\bar{t}\tilde{a}$;

6) существительные женского рода, оканчивающиеся на $\bar{a}$, образуют субосему:

а) чаще всего присоединением аффикса $\tilde{a}$: $\bar{a}g\bar{a}$ 'указ' — $\bar{a}g\bar{a}\tilde{a}$, $\bar{d}u\bar{a}$ 'молитва' — $\bar{d}u\bar{a}\tilde{a}$, $k\bar{e}r\bar{a}'$ 'хлопок' — $k\bar{e}r\bar{a}\tilde{a}$, $s\bar{a}'$ 'чай' — $s\bar{a}\tilde{a}$;

б) реже при помощи аффикса $\bar{a}$: $s\bar{a}'$ 'чай' — $s\bar{a}\bar{a}$;

7) у ряда существительных женского рода, имеющих в исходе $\bar{a}$, он заменяется на $\tilde{a}$, например: $k\bar{a}w\bar{a}$ 'стих' — $k\bar{a}w\bar{a}\tilde{a}$, $\bar{v}\bar{a}d\bar{v}\bar{a}$ 'вдова' — $\bar{v}\bar{a}d\bar{v}\bar{a}\tilde{a}$, $p\bar{u}\bar{a}$ 'тетя' — $p\bar{u}\bar{a}\tilde{a}$;

8) у существительных женского рода, оканчивающихся на $\tilde{a}$, субосема формируется:

а) чаще добавлением аффикса $\tilde{a}$ (при замене $\tilde{a}$ на $\bar{a}$): $m\bar{a}'$ 'мать' — $m\bar{a}\tilde{a}$, $n\bar{a}'$ 'отказ' — $n\bar{a}\tilde{a}$, $s\bar{r}\bar{a}'$ 'гостиница' — $s\bar{r}\bar{a}\tilde{a}$, $b\bar{a}'$ 'рука' — $b\bar{a}\tilde{a}$;

б) реже при помощи аффикса $\tilde{a}$ (при замене $\tilde{a}$ на $\bar{a}$): $n\bar{a}'$ 'отказ' — $n\bar{a}\tilde{a}$, $s\bar{r}\bar{a}'$ 'гостиница' — $s\bar{r}\bar{a}\tilde{a}$;

9) имена женского рода, оканчивающиеся на другие гласные, образуют субосему:

а) чаще всего при помощи аффикса $-ā$: $tālī$ 'подошва' — $tālīā$, $gāi$ 'корова' — $gāiā$, te 'страсть' — $teā$, $kato$ 'белка' — $katoā$, $p'o$ 'земля' — $p'oā$ (при замене $ō$ на $-o-$);

б) реже при помощи суффикса $-wā$: $p'o$ 'земля' — $p'owā$.

Некоторые существительные женского рода, выступая только в форме множественного числа, имеют лишь субосему множественного числа: $tarkālā$ 'сумерки' — $tarkālā$.

Большое количество примеров на эргативный падеж дано в разделах «Эргативный залог и эргативная конструкция», «Герундивно-модальное причастие». Здесь же можно ограничиться лишь несколькими иллюстрациями его использования в предложении: $kēdī ne o'loā hāldār kolō zori phar liā$ [Gb¹, 14] 'Арестант силой вырвал тот металлический предмет у сержанта', $sarkārī afsarā ne [...]$ $ikk nāwī vāsī bānāi hoī sī$ [Gb¹, 11] 'Чиновники построили [...] новую колонию', $mātā ne hī hālē kujh sāl pitā dā thāō vī pūrṇā sī$. [Se¹, 19] 'Самой матери предстояло теперь заменять отца в течение нескольких лет'.

Формы эргативного падежа слагаются из разновидностей субморфированной автосемы, описанных выше, и послелога *ne*. Изредка под влиянием ленди, а также в соответствии с размером стиха (в поэзии) послелог *ne* может опускаться, что, однако, не является типичным для панджаби, например: $o'miṭhā jihā bullā nahī dīṭhā$ [Mh, 337] 'Лишь то сладко, к чему не прикасались (букв. не видели) губы'.

Винительный падеж представлен двумя вариантами: синтетической словоформой, совпадающей с таковой номинативного падежа, как, например: $sāb tō vādḍe prā [...]$ $insāf de mēkme vicc$, $kātm kārde sən$ [Jh, 8] 'Старший брат работал (букв. делал работу [...]) в судебном учреждении', $mēkḍānāld sāhib ikk hoī gore purkh nāl gālā kār rīā sī$ [Se¹, 33] 'Господин Мак Дональд разговаривал с еще одним европейцем'; аналитической словоформой. Этот вариант может отличаться от синтетического двумя моментами: а) категорией определенности, ибо послелог $nī$ оттеняет имя и, подобно определенному артиклю в других языках, придает ему значение определенности, б) категорией одушевленности, поскольку послелог чаще используется с именами, обозначающими живые существа. Винительный падеж имеет синтаксическую функцию, вызванную управ-

лением. Поэтому он относится к типу объектно-приглагольных. Примеры: *rər mile rāñiā nū kəṇḍhe ṭhəllh nā səkke* [Gb², 24] 'Но берега не смогли выдержать слившиеся потоки воды', *huṇ mē tuḥāḍe viss kewəl māṭā hṭ nəḥiṭ pītā nū vṭ rāwāṇḡā* [Se¹, 18] 'Теперь в твоём лице я найду не только мать, но и отца', *jādūḡər ne ikk muṇḍe nū āṛṇe kol səddiā* [J, 4] 'Волшебник подозвал к себе одного мальчика'.

Приведенные выше словоформы винительного падежа дихотомически можно представить так: *rāṇ* + $(-iā + nū)$, *pīt* + $(-ā + nū)$, *muṇḍ* + $(-e + nū)$; левые члены (*rāṇ*, *pīt*, *muṇḍ*) — это автосемантическая морфа (автосема), правые $(-iā + nū)$, $(-ā + nū)$, $(-e + nū)$ — это синсемантическая морфа (синсема), слагаемая из дополнительной субморфы $(-iā, -ā, -e)$ и основной субморфы (*nū*). Употребление одушевленного имени в винительном аналитическом падеже не является обязательным правилом (хотя чаще всего оно сопровождается послелогом *nū*), ибо иногда встречаются случаи синтетического винительного падежа, например: *bādśāḥ ne use vele āṇiṭ puttṭiṭ kiśən kumār nāl viāḥ dittṭi* [J, 24] 'Падишах тотчас же отдал свою дочь замуж за Кишана Кумара', *ikk cūcā hṭ mār ləwṭ* [As, 69] 'Зарежь лишь одного цыпленка'.

Дательный падеж также является объектно-приглагольным, но в предложении он занимает менее центральное положение, чем винительный. Выражает косвенное дополнение-адресат. Он представлен двумя вариантами: аналитическим и синтетическим (редко использующимся).

Словоформы аналитического варианта омонимичны таковым винительного падежа. Примеры: *is tərḥā mere buḍheṛe nū ṭhokṭā mār ke cəṭā jāwe* [Na¹, 64] букв. 'Нанося таким образом удары по моей старости, ты уходишь', *mere potre nū o'firkaṭ bilkul nəḥiṭ rəḥnā rəwegā* [Gb³, 17] 'Моему внуку совсем не придется читать ту фразу', *rər sāre lokā nū kāmūābī keṭ nəḥiṭ mil sakḥiṭ* [Gb³, 24] 'Но почему ко всем людям не мог прийти успех?'. Дихотомию этих примеров можно изобразить так: *buḍheṛ* + $(-e + nū)$ *potr* + $(-e + nū)$, *lok* + $(-ā + nū)$. Синтетический вариант характеризуется флексией *-e* и является омонимом одной из разновидностей синтетического основного обстоятельственного падежа. Поскольку он употребляется редко, ограничимся следующим примером: *o' zəḡkāre ṭiporṭ kəre* [PL, XII, 1954, 20] 'Ему следует докладывать правительству' (*səṛkāṛ* 'правительство' + *-e*).

Косвенно-объектный падеж выражает косвенное допол-

нение, за исключением дополнения-адресата, которое стоит в дательном падеже, и дополнений, представленных инструментальным падежом и вторичным аблативом. По объему синтаксических связей он более обширен, чем каждый из сопоставляемых падежей, и богаче по оттенкам значений. Он располагает большим числом вариантов и в плане выражения, так как в качестве основной субморфы в его словоформах может выступать довольно солидный инвентарь послелогов. Чаще всего этот падеж выражает объект, на который направлено какое-то действие или с которым оно связано. Поскольку этот падеж самый представительный и обширный по связям из всех падежей, которые обозначают косвенное дополнение, мы сочли целесообразным назвать его просто косвенно-объектным.

Собранный материал позволил автору выявить две реляционные разновидности этого падежа, поскольку обозначенный им член предложения может быть привязан к члену предложения, выраженному либо глаголом, либо именем. Первый вариант, относящийся к группе объектно-приглагольных падежей, мы называем косвенно-объектным падежом (приглагольным), а второй — приименным косвенно-объектным падежом.

С точки зрения структуры существуют также две разновидности косвенно-объектного падежа: синтетическая для единственного числа (малораспространенная), образуемая при помощи суффикса -е или нулевой флексии, и аналитическая для единственного и множественного числа.

1. Косвенно-объектный (приглагольный) падеж находится в одном ряду с дательным, инструментальным падежами и со вторичным аблативом. Употребительность синтетического варианта очень низка. Поэтому ограничимся двумя следующими примерами: *pər is galle lēndī te pəñjābī vicc fəɾə¹ vī kāfī hē* [Ar², 46] 'Однако в этом вопросе между ленди и панджаби также имеется достаточная разница' (*gall* 'вопрос' — *galle* 'в вопросе' — объект различения); *dəbbīā vāle khes vichī mēñfī utte* [Gb⁴, 52] 'на кровать, устланную клетчатым покрывалом' (*khes* 'покрывало' — *khes* 'покрывалом' — объект воздействия).

В словоформы аналитического варианта входят разные основные субморфы (послелогии), например: *pəriwār lāī pītā dā ghāṭā his tərḥā pūṭā kər səkkegā?* [Se¹, 19] 'Но как[он] сможет заменить отца для семьи?' (объект, в пользу которого совершается действие), *mē do kītābā is kuṛī vāste liāṭā hən* [Cm] 'Я принес две книги для этой

девушки' (объект, в пользу которого совершается действие), *ɛnũ ʔsəɾā de nāl b:thā ke piā denĩ ẽ* [As, 69] 'Тебя придется усадить с чиновниками и напоить' (объект совместного действия), *rāghəv kəðm kəndh nāl qho lāt sũ rihā st* [Sk, 57] 'Прислонившись к стене (букв. положив плечо к стене). Рагхав Кадам спал' (объект, на который направлено действие или с которым происходит соприкосновение), *bəsrəŋ de phullā, khullhe hāssiā choĩā mihnətā te ləmmĩā nĩndā nāl bhəɾt hoĩ duntā* [Sk, 59] 'Мир, наполненный цветами детства, радостным смехом, легким трудом, долгим сном (букв. снами)' (объект, передающий идею содержания), *us sigrət dĩ dəbbĩ väll gəhu nāl təkkiā* [Sk, 64] 'Она внимательно посмотрела на пачку сигарет' (объект, по отношению к которому совершается действие), *rāghəv kəðm ne [...] nəzər kise nā kise cĩz te tĩkāĩ st* [Sk, 58] 'Рагхав Кадам [...] останавливал свой взгляд то на одном, то на другом предмете' (объект, по отношению к которому совершается действие), *us ne pəttər likhiā jis de više bāre o'vəddĩ rāt gət təkk socdā rəhiā st* [Se¹, 29] 'Он написал письмо, над содержанием которого предварительно продумал до глубокой ночи' (объект мысли), *pəkkhā, ɛsvũr əte ɬoɾĩ pōkəɾ kol hɛ* [B, 6] 'Вентилятор, картина и шапка у слуги' (объект, обладатель чего-либо), *pər vekhĩ səbzĩ səbzĩ nālō ikk cūcā hĩ mār ləwĩ* [As, 69] 'Но послушай-ка, вместо приготовления овошей нарежь лучше одного дыпленка' (замещаемый объект), *nā hĩ [...]*, *udāhəɾəŋā səmet bəhis ho səkki hɛ* [NZ, 1.X.1962, 10] 'Не могло быть [...] и обсуждения с примерами' (объект совместности), *mā-gədhĩ te š̄rsenĩ de vickār* [Ar², 8] 'Между магадхи и шаураcени' (объект взаимодействия), *ɛəndĩ te rəŋjābĩ vicc* [Ar², 46] 'между ленди и панджаби' (объект взаимодействия). Дихотомию данного падежа можно проиллюстрировать на основе первых четырех примеров так: *pəriwār + (0 + lət)*, *kuɾ + (-ĩ + vāste)*, *ʔsər + [-ā + (de + nāl)]*, *kəndh + (0 + nāl)*.

2. Приименный косвенно-объектный падеж отличается от приглагольного косвенно-объектного падежа тем, что выражает косвенное дополнение при имени, а не при глаголе, например: *ɛnā diŋā vicc āp dā mel ehe jəhe nōjəwān sāthiā nāl giā, jinhā ne...* [Bs, 6] 'В те дни он установил отношения (букв. его связь пошла) с такими молодыми коллегами, которые...', *hup is dā bəre gəmbhĩr məsliā nāl vāstā pəɾā hɛ* [NZ, 1.X.1962, 2] 'Теперь ему приходится иметь дело с очень серьезными проблемами', *dilcəspĩ nəwẽ des bāre* [PL, XII, 1954, 20], 'интерес к новой стране (букв. о новой стране)',

māṭhī ḡaṭtār utte heḡānī [D] 'удивление относительно медленной скорости'. Дихотомия падежа в этих примерах следующая: *sāṭh* + (-ṭā + *nāl*), *māsl* + (-iā + *nāl*), *des* + (0 + *bāre*), *ḡaṭtār* + (0 + *utte*).

Инструментальный падеж имеет общее значение орудийности. Как показал собранный материал, существуют две функциональные разновидности инструменталиса: объектно-приглагольный инструменталис (функция косвенного дополнения), который мы называем просто «инструментальный» (инструменталис), и обстоятельственный инструменталис (функция обстоятельства образа действия), который именуется нами «вторичным инструментальным».

1. Инструментальный падеж (объектно-приглагольный) выражает разновидность косвенного дополнения. Поэтому вместе с дательным, косвенно-объектным падежами, а также со вторичным аблативом он образует одну родственную группу падежей (объектно-приглагольную). Отвечает на вопрос: *kās* (*kā'*) *nāl* (*ḡāḥī*)? 'чем?' (ед.ч.) или *kās kās* (*kā' kā'*) *nāl* (*ḡāḥī*)? 'чем?' (мн.ч.).

С точки зрения структуры существуют две разновидности косвенно-объектного инструменталиса: синтетическая и аналитическая.

Синтетическая разновидность образуется двумя вариантами:

1) добавлением аффикса -ī, причем нам удалось зафиксировать только форму множественного числа (однако можно предположить существование очень редких случаев формы единственного числа). Примеры: *mē* *e'ḡaṇḍh* *dāndī* *khōlī* [D] 'Я развязал этот узел зубами' (*dānd* 'зуб' + -ī), *eṇī* *hātthī* *deṇā* [P¹, 324] 'выдать этими руками' (*hātth* 'рука' + -ī); 2) при помощи аффикса -e, заменяющего аффикс номинативного падежа -ā или просто присоединяемого к словам с исходом на согласный. Аффикс -e обнаружен лишь в форме единственного числа, например: *jhole* *māriā* *ḡamdittā* [As, 70] 'убитый горем Рамдитта', *e'muṇḍā* *jhole* *māriā* *hoiā* *he* [Cm] 'Этот мальчик разбит параличом'.

Аналитическая разновидность падежа образуется при помощи послелогов-синонимов *nāl* и *ḡāḥī* 'посредством', 'путем' и встречается в формах и единственного, и множественного числа, например: *barkāte* *ne* *cunnī* *dī* *kānnī* *nāl* *māl* *ke* *merī* *gaḥ* *tō* *dāḡ* *miṭā* *dittā* [Gb⁴, 52] 'Взяв конец платка, Баркате стерла (букв. концом) пятно с моей щеки', *te* *o'e* *sārā* *zāhir* *arṇe* *bāsrāṇ* *de* *kūle* *kūle* *bullā* *nāl* *pī* *giā* *sī* [Gb⁴, 58] 'И он выпил весь этот яд' (букв. 'И он выпил весь этот яд своими нежными детскими губами'), *bās* *ḡāḥī* [R, 866] 'автобусом'.

Иногда форма инструментального падежа может образовываться при помощи послелога хиндустани *duārā* 'путем', 'посредством', не типичного для панджаби, например: *mūh duārā* 'ртом' [R, 611].

2. Вторичный инструментальный (обстоятельственный) падеж специфичен тем, что в слове, сохраняющем форму инструменталиса (аффикс *-ī* или основные субморфы орудийности) и в общем плане семантику орудийности, хотя и ослабленную, преобладает значение обстоятельственности (обстоятельства образа действия). Эта особенность характеризует слова с более или менее абстрактным значением. Формально данный вариант падежа выявляется вопросом *kiddā?*, *kiwē?* 'как?', *kis iārā?* 'как?', 'каким образом?' [а не *kās (kā) nāl (rāhī)?* 'чем?']. Эта разновидность падежа выражается обоими вариантами форм: синтетическим и аналитическим. Но в отличие от косвенно-объектного инструменталиса аффикс *-ī* обнаружен лишь в формах единственного числа. Аналитические формы бывают и единственного, и множественного числа, например: *picche vārhe joṁ enū bhejiā* [Gb⁴, 53] 'В прошлом году его послали насильно (букв. силой)', *loṁ kītā kətm* [D] 'работа, сделанная в порыве (чувств) (букв. порывом)', *hukmā duārā* [R, 611] 'в приказном порядке' (букв. 'посредством приказов'), *kī tusā rupē mēlī ārdar dī rāhī ghall ditte hən?* [S, 362] 'Вы послали деньги переводом?' *us ne tār rāhī mēnū rupē ghalle* [S, 363] 'Он послал мне деньги телеграфом'.

Согласующе-реляционный падеж имеет синтаксическую функцию, основанную на таком типе связи, как согласование. Этот падеж позволяет согласовывать член предложения, выраженный существительным (а также иными частями речи), с другим членом предложения, чаще всего также выраженным существительным. Поэтому этот падеж целесообразно отнести к группе приименных. Он аналитический, так как его словформа включает согласующе-реляционный послелог *dā*. Чаще всего согласующе-реляционный падеж выражает согласованное определение, согласованный предикатив, обстоятельство, выраженное существительным, квалитативно-предикативный член предложения (о последнем см. ниже). Примеры: *səpp de kəṭe vāste sādē pās ilāj nāhī* [Nr, 23] 'У нас нет средства лечения от укуса змей', *rogī dā mās* [Nr, 29] 'больная ткань', *bhūkāl dīā uḍārīā* [Ba, 33] букв. 'полеты прошлого', *līnā jo [...] sūrī dī hālkī phulkī nāzək jihī sī* [Se¹, 22] 'Лина, которая [...] была хрупкой и нежной' (букв. была телом хрупкой и нежной), *purkhā dā*

gəwəṭā [Se^I, 27] 'поведение людей'. Дихотомически данные примеры следует представить так: *səpp* + (0 + *de*), *rog* + (-ṭ + *dā*), *srīr* + (0 + *dī*), *purkh* + (-ā + *dā*).

Следует иметь в виду, что помимо этой функции (т.е. использования в качестве основной субморфы синсемы согласующе-реляционного падежа) послелог *dā* имеет и вторичную, состоящую в том, что он, нередко сочетаясь с каким-либо послелогом, тавтологически сигнализирует (помимо другого послелога) о наличии аналитического падежа, как правило, основного обстоятельственного и косвенно-объектного. (Об этом послелоге подробно см. раздел «Послелог»).

Основной обстоятельственный падеж, как показал исследованный материал, представляет собой особый падеж панджаби, который в общем плане выражает грамматическое значение обстоятельства (места, направления, времени, причины, цели и др.). Он имеет более широкий диапазон значений, чем другие обстоятельственные падежи (вторичный инструментальный, аблатив). Поэтому мы называли этот падеж основным обстоятельным.

Следует указать, что этот падеж неточно определяется термином «локатив» (как это делают некоторые лингвисты), так как значение термина сводится лишь к идее обстоятельства места.

Основной обстоятельственный падеж представлен двумя структурными разновидностями: синтетической и аналитической.

Формы синтетического падежа в единственном числе варьируются следующим образом:

1) форма имени с нулевой флексией:

а) нерельефный основной обстоятельственный падеж, поскольку нет формального показателя: *ikk ōnā dā baccā sī, jihṛā skūl pəṛhdā sī* [Kartar^I, 126] 'У них был единственный ребенок, который учился в школе' (обстоятельство места), *kənnī te gəl gəjjh gḏhiṇe* [Gd, 64] 'в ушах и на шее украшения из слоновой кости' (обстоятельство места), *inglənd jānā* [Bs, 10] 'поездка в Англию' (направленность);

б) полурельефный основной обстоятельственный падеж, поскольку определение к имени, имеющему значение этого падежа, обладает формальным показателем неноминативного падежа: *o' vī sādē ghər ā gət* [PL, I.1957, 51] 'Она также пришла в наш дом' (направленность), *bərkātē ne āṛde ghər dīwe jəgāe nəhī* [там же] 'Баркате не зажигала светильников в своем доме' (обстоятельство места);

2) форма имени с флексией *-e*: *skūle nəhī pəṛhāiā tuṣī sānū?* [Nr, 28] 'А разве в школе Вы нас не обучали?' (обстоятельство

места), *pukre laggdā jāndā* [...] [PL, III.1961, 11] 'все больше загоняемый (букв. уходящий) в угол [...]' (направленность), *din jū dī tore kinnā hōlī turdā hē* [Sk, 59] 'Как медленно проходит день, будто черепашиим шагом' (букв. 'будто в ползании насекомого-паразита') (обстоятельство образа действия – сравнение), *us āpāt nikkī umre hī vāgār kārntī šurū kār dittī sī* [Sk, 58] 'Он с раннего возраста начал отбивать бегар' (обстоятельство времени), *je kade hise thāō o kise galle rahi jāndī* [Gb⁴, 51] 'Если она по какой-либо причине отсутствовала где-либо' (обстоятельство причины);

3) форма имени с флексией *-ī*: *dīwālī vālī rātī* [PL, I.1957, 51] 'вечером на праздник Дивали', *barkate cāī cāī cālī gāt* [там же] 'Баркате ушла с радостью'.

Для множественного числа синтетического основного обстоятельственного падежа типична лишь флексия *-ī*: *bahut thāī* [PD, I.1960, 129] 'во многих местах', *ehī dīnī* [De, 12] 'в эти дни', *tarkālī* [R, 563] 'в сумерки', 'вечером'; *edī hatthī lāl cūrā kənnī te gāl gājīh gāhīne*, *raī ucī ādāt vālī cātākāt sunēīt gurgābī hē* [Gd, 64] 'На ее руках красные браслеты, в ушах и на шее украшения из слоновой кости, на ногах блестящие, золотистого цвета туфли на высоких каблуках'.

Аналитическая разновидность основного обстоятельственного падежа используется либо ради стилистического варьирования [например: *skūl vīcc* вместо *skūle* (или *skūl*) 'в школе'], либо же для передачи особого семантического оттенка, который нельзя выразить синтетическим падежом.

Как и ее синтетический коррелят, эта разновидность падежа варьируется и в плане содержания, и в плане выражения, но благодаря довольно широкому инвентарю послелогов и полифункционализму некоторых из них она выражает большее число оттенков в пределах общего обстоятельственного значения.

В качестве основной субморфы употребляются разные послелоги. Примером полифункционализма служат послелоги *nī* (послелог-формант, лишенный конкретного содержания), *pāl* 'с', *vīcc* 'в', *vāl* (*vālī*) 'к', 'на'. Первый из них может входить не только в состав форм разных падежей (винительного, дательного и основного обстоятельственного), но и, как это будет видно ниже, в состав словоформ одного и того же падежа, выражая разные оттенки значения, например разные обстоятельства (места, направленности, времени).

Послелог *nal* встречается в формах и инструментального, и косвенно-объектного, и основного обстоятельственного падежей, а в последнем он часто является основной субморфой в формах, выражающих обстоятельство причины, цели, образа действия. Словоформы с послелогом *vicc* функционируют как обстоятельства места, времени, образа действия, направленности. Послелог *val* (*vall*) обнаруживается в формах не только основного обстоятельственного падежа, но и косвенно-объектного.

План выражения падежа с одним и тем же не только общим, но и конкретно-частным значением может варьироваться за счет возможности использования синонимичных основных субморф (послелогов). Так, в формах, выражающих обстоятельство места, можно обнаружить попеременно послелог *vicc*, и *andər*, и *vikhe* со значением 'в'. Ниже приведены примеры на основной обстоятельственный падеж, выражающий различные оттенки значения.

Обстоятельство места: *is khol vicc* [Sk, 59] 'в этой оболочке', *ārṇā gəsnāwā andər* [NZ, 11. III. 1962, 5] 'в своих творениях', *[us] dā jənom kəṭək šəhir vikhe hoīā* [Bs, 3] '[Он] родился в городе Катак', *us de gəl duāle* [Sk, 59] 'вокруг его шеи'. Послелог *vicc* 'в' имеет тенденцию к сильной редукции и к слиянию с именем. Словоформа с таким преобразованным послелогом напоминает английский «саксонский падеж», обладая даже апострофом, но отличается от него значением, например: *is ilāke'c* [AP, 16. III. 1955, 1] 'в этом районе', *bənā'c* [Bs, 7] 'в лесах', *mulk'c* [Bs, 24] 'в стране'.

Направленность: *bāhər nū liph gātā sən* [Sk, 59] 'изогнулись наружу (букв. во внешнюю сторону)', *te dūsī īrān vəl cəllī gət* [Ar², 3] 'А вторая (ветвь) направилась в Иран', *o' təbele vāl nū tur piā* [A, 11] 'Он пошел к конюшне', *sərkār ne āp nū giriftār kərke aṭṭh mēhīne lāt jehl vicc bhej dittā* [Bs, 12] 'Правительство арестовало его и отправило в тюрьму', *rāñjābī tərakkī dī pṛī de us dāṇde utte cəṛh gāt hē yitthe...* [NZ, 1. X. 1962, 2] 'Панджаби поднялся на такую ступень (букв. лестницы) развития, где [..]'. Как видно, основная субморфа в 3-м примере составная (*vāl + nū*).

Обстоятельство времени: *26 jənvərī nū* [Jh, 40] '26 января', *kidhəre sətē nū* [As, 68] 'когда-нибудь', *əjehe veliā'c* [Sk, 58] 'в такие моменты', *1914 dī ləṛāī vicc* [Gb², 17] 'во время войны 1914 г.', *rāī vele* [Sk, 59] 'ночью', *kujjh sətē bād* [Bs, 8] 'спустя некоторое время', *do sāl dī ləmbī chuṭī picchō* [Bs, 10] 'после долгого, двухлетнего перерыва', *60 dīn məgrō* [S, 308] 'через 60 дней', *dṛāvīṛā tō picchō* [Ar², 2] букв. 'после дравидов'.

Обстоятельство образа действия: *mẽ ethe pichle mągəlvār kuštā nāl rəhuñc giā sã* [Š, 229] 'Прошлый вторник я пришел сюда благополучно', *sohne təgike nāl dhāl ke liā sī* [NZ, I.X.1962, 10] 'заимствовал изящным способом', *pər nīnd vicc usnū jāpiā jiwẽ...* [Sk, 58] 'Во сне ему казалось, будто...(состояние), *udāhəgəp vājō kujjh ku o'səbd dendā hā jihā...* [NZ, I.X.1962, 2] 'В качестве примера я привожу ряд тех слов, которые...', *te ikk sādī sādī gulāmī utō ləgggh gət* [Gb³, 18] 'И целый век прошел при нашем рабстве' (сопутствующее обстоятельство), *o'bhīr viccō binā kise muškul de ləgggh giā* [Jw, 284] 'Он пробрался сквозь толпу без каких-либо трудностей'.

В последнем примере представлена субморфно-замыкающая модель падежа, в которой один элемент составной субморфы (*binā*) предшествует субосеме, а другой (*de*) следует за ней.

Обстоятельство цели: *subhās tīrthā dī yātrā ləy nikkəl giā he* [Bs, 7, 8] 'Субхаш отправился для паломничества по священным местам', *mẽ khuš hoṇ dī gərz nāl ethe nəhī āiā* [Gb², 19] 'Я пришел сюда не с целью развлечения'.

Обстоятельство причины: *rā i cəndər jī āppe piāre pitā de hūkəm nāl rāj bhāg tiāg ke...* [Bs, 4] 'Спасаясь, Рам Чандар покинул (букв. покинув) провинцию по приказу своего уважаемого отца', *o'chā dīnāc əpṇī pərṇī de hūkəm thəlle ruṇoš zindəgī bitā riā sī* [Sk, 59] 'В те дни по приказу своей партии он проводил подпольную деятельность (букв. жизнь краснорубашечника)', *is khiāl de əsre heṭh[...]* *əp sup kīte himāltā pərbət dīā vādīā vicc cəlle gae* [Bs, 7] 'Под влиянием этой идеи[...]' он тайно отправился в долины Гималев', *is vicc svəṛā dī bəhultā de kāṛəp e'kənnā nū ziādā miṭṭhī ləggdī he* [Ar², 8] 'Из-за множества в нем гласных он звучит очень приятно для уха (букв. для ушей)'.

Обстоятельство условия: *vidiā tō binā koī mānukkh vidvāp nəhī bəp səkkdā* [Bs, 3] 'Без знаний никто не может стать ученым'.

Обстоятельство уступки: *pulīs dī bethāsā kutṭ de bāwə-jūd [...]* [Sk, 59] 'Несмотря на то, что полиция сильно его избила[...]' (букв. 'несмотря на сильное избиение полицией').

Примеры и на синтетическую, и на аналитическую разновидность данного падежа показывают, что тип обстоятельства часто зависит не только (пожалуй, не столько) от полифункционализма послелогов и флексий, а также от их значимости, но и от лексического значения имени. Если оно обладает семантикой места,

то вместе с определенной флексией или синсемой (т.е. флексия плюс послелог), оформляющей его, образует обстоятельство места или передает направленность (например: *skūl* 'школа' — *skūle* 'в школе', 'в школу', *skūl vīcc* 'в школе', 'в школу' — *skūl nū* 'в школу'); если имя передает идею времени или связано с ней, то те же самые послелог и флексия используются для обстоятельства времени (*din* 'день' — *dine*, *din vīcc* 'днем'; *ṣām* 'вечер' — *ṣām nū* 'вечером'); если же существительное имеет значение 'способ', 'метод', то синсема (или лишь флексия) оформляет имя, выражающее обстоятельство образа действия (*tārikā* 'способ' — *tārike nāl* 'способом', 'путем', *tārḥā* 'путь', 'способ' — *is tārḥā* 'этим путем'); если имя содержит идею цели, то синсема (или флексия) оформляет обстоятельство цели (*garz* 'цель' — *garz nāl* 'с целью') и т.д.

Короче говоря, в данном случае очень важна семантика имени, в то время как для номинативного, эргативного, винительного, дательного, косвенно-объектного и согласующе-реляционного падежей существенны только грамматические связи слова и его функции в предложении (т.е. синтаксический фактор). Поэтому падежи, подобные перечисленным, некоторые лингвисты называют грамматическими, или синтаксическими, а падежи, подобные нашим обстоятельственным, — семантическими, или конкретными. Поэтому основной обстоятельственный падеж, а также вторичный инструментальный и аблатив мы выделили в особую группу, назвав ее конкретно-обстоятельственной.

Как было показано выше, основная субморфа синсемы не всегда бывает представлена одним послелогом (хотя это случается часто). Иначе говоря, основная субморфа может состоять из двух или из трех элементов (послелогов). Одним из них может быть послелог *dā* в своей вторичной (не согласующе-реляционной) функции как тавтологический сигнал аналитического падежа (например: *bāhūtā de kāgaṇ* 'из-за множества', *kuṇṇ de bāwājūd* 'несмотря на избиение', *binā kise muṣkil de* 'без каких-либо трудностей'). Вторым элементом может быть какой-нибудь другой послелог (чаще *tō* 'от'), например: *bidā tō binā* 'без знаний', *drāvīrā tō piṣchō* 'после дравидов', *tābelle vāl nū* 'в конюшню'. Помимо общего элемента (послелога *dā*) аналитического падежа в основную субморфу этого падежа, выражающего обстоятельство места, может входить, как мы заметили, тавтологический элемент — послелог *vār*, например: *us guphā de kol vār kujh muṇḍe pde khedde sən* [J, 4] 'У входа в ту пещеру играли несколько

мальчишек', *piṇḍ de bāhār vāg* [R, 923] 'У околицы деревни' (букв. 'за деревней'). В обоих примерах основная субморфа состоит из трех послелогов. Приведем еще одну иллюстрацию, где третий элемент субморфы появляется за счет повтора главного послелога: *sewā jī ne thore samē de andāg andāg ghoṛasvārī, tīr, talvār cālān de hunār sikkh lāe* [Sew, 10] 'В течение небольшого промежутка времени Сева изучил искусство верховой езды и владения луком, мечом'. Во всех подобных случаях сочетания послелогов образуют составную основную субморфу.

Аблатив (отделительный или отложительный падеж) имеет инвариантное значение отделительности от предмета или лица. Анализ собранного материала показал, что существуют две функциональные разновидности аблатива: 1) аблатив обстоятельственный (функция обстоятельства места, отвечает на вопрос *kiddhō?* 'откуда?'), который мы называем просто «аблатив»; 2) косвенно-объектный аблатив (функция косвенного дополнения, отвечает на вопрос *kās(kā) iō?* (*vicco?* *utto?* *passo?* и т.д.) 'от чего?', 'из чего?' и т.д.), который мы именуем «вторичным аблативом». Варианты аблатива могут быть выявлены и в другом плане, в зависимости от реляционной его формы, т.е. в зависимости от того, к чему она привязана: к имени или глаголу.

Приглагольный аблатив может быть либо обстоятельством места, либо косвенным дополнением, а приименной — обычно косвенным дополнением.

С точки зрения структуры существуют также две разновидности аблатива: синтетическая для единственного числа и аналитическая — для единственного и множественного. Для синтетической типичны аффиксы *-ō* и *-iō*. Последний используется существительными, оканчивающимися на *-ā*. В словоформы аналитической разновидности могут входить следующие наиболее распространенные основные субморфы: *iō* 'от', 'с', *viccō* ('*cō*) 'из' ('изнутри'), *nālō*, *vallō*, *kolō*, *pāssō*, *utto* 'от', 'со стороны'. Реже в качестве основной субморфы выступают послелоги с более конкретным и менее абстрагированным значением, как, например: *hehō*, *thallō* 'из-под', *duālō* 'с' (букв. 'с вокруг') и др.

Аблатив обстоятельственный может быть выражен синтетической разновидностью: *kālājō kādḍhe jūā* [Bs, 9] 'исключение из колледж*' (*kālāj* 'колледж' + *-ō*), *je kade kise thāō o'kise galle rāhi jāndī* [PL, I. 1957, 51] 'Если она отсутствовала в каком-либо месте [...] (букв. 'от какого-либо места [...]), *thā* 'место' + *-ō*),

subāriō heṭhā uttār [Gb², 18/ 'спустившись (букв. вниз) с мезони-
на' (*subārā* 'мезонин'—*subār* + *-iō*, здесь наблюдается выпадение
гласного *ā*), *asī ōnū kewāl śāklō jānde hā* [Am, 74/ 'Мы его знаем
только по виду' (в этом примере аблатив выражает обстоятельство
образа действия), а также аналитической разновидностью: *kālḥ asī*
dillī tō vārās ā cukke howāṅge [Am, 29/ 'Завтра мы вернемся из Де-
ли', *ōnū mākan viccō kaddhiā jāegā* [Am, 38/ 'Его выселят из дома',
us phull'cō māhik uttār rāhi hē [Sk, 58/ 'От того цветка исходит за-
пах', *mē us de lakk duālīō āppī bāh khicc lāt* [G¹, 64/ 'Я убрал руку
с ее талии', *sandūk heṭhō* [R, 288/ 'из-под сундука'.

Вторичный аблатив (косвенно-объектный) представ-
лен преимущественно аналитическими формами. Он выражает кос-
венное дополнение, в том числе косвенное дополнение—субъект дей-
ствия в конструкциях пассивного залога и с непереходными глаго-
лами, например: *kedī ne o'lohā hāldār kolō zort phar liā* [Gb¹, 14/ 'Арестант силой выхватил тот металлический предмет у сержан-
та', *jādūgar pāssō beṭarī leke* [J, 7/ 'взяв фонарик у волшебника'
(букв. 'от волшебника'), *mā peo vāllo' oḍī dekh bhāl kītī gāt sī* [Am, 34/ 'Родители заботились о нем' (букв. 'забота о нем делалась от ро-
дителей'), *e'cithī ikk muṇḍe kolō likkhi' gāt hē* [Cm/ 'Это письмо на-
писано мальчиком' (букв. 'от мальчика'), *is vele hindī kṛṭṭar-vādīā*
vāllo' pāṇjābī de ucārṇ subhā āte prātibhā utte bāṭā zābārdast hāmlā
ho riḥā hē [NZ, 1.X.1962, 2/ 'Сейчас со стороны ортодоксов—при-
верженцев хинди (букв. от ортодоксов хинди) производятся (букв.
есть) яростные нападки на нормы произношения, особенности и
письменность языка панджаби', *sānū āpṇe sāhittak picchō nālō tuṭṭā*
nāhī cāhīdā [NZ, 1.X.1962, 2/ 'Нам не следует отрываться от своего
литературного прошлого', *prāsānsā oḍe hār nākāś uttō jhālākḍī hundī*
sī [Gb⁴, 51/ 'Одобрение светилось в каждой черте ее лица' (букв.
'сверкало от каждой черты лица'), *bhārī sāṅgāt nālō ikhālā sāṅgā* [Am,
84/ 'Лучше быть одному, чем в плохой компании' (букв. 'От плохой
компании один лучше'), *kī o'uccī kāndh tō ṭāppīā* [Am, 21/ 'Он пе-
репрыгнул через высокую стенку' (букв. 'от высокой стены', т.е. над
высокой стеной), *chutpāt mānō āwāsthā de āsār thālīō nikkāl ṭā*
cāhīdā hē [NZ, 1.X.1962, 2/ 'Нужно избавиться от детской болез-
ни' (букв. 'из-под влияния состояния детской болезни'), *dābā heṭhō*
chādāṇā [R, 288/ 'освобождать от угнетения' (букв. 'из-под угне-
тения').

Приименный аблатив. Данная реляционная разновидность

падежа представлена формой, выступающей в функции косвенного дополнения при члене предложения, выраженном существительным или прилагательным. Как правило, она бывает аналитической. Вот несколько примеров на присубстантивный аблатив: *tusī[~] n3kṛī tō[~] əstīfā keō[~] de rāhe ho?* [Am, 24] 'Почему Вы покидаете работу?' (букв. 'Почему Вы даете отставку от работы?'), *burī ādat tō[~] chuṭkāṛā* [Jw, 293] 'избавление от плохой привычки'. Примеры на приаппетивный аблатив: *o'ikk latt tō[~] lāṛā hē* [Am, 17] 'Он хромает на одну ногу' (букв. 'хромой от одной ноги'), *sālū is hāmle tō[~] khā-bārdār ho jāṇā cāhīdā hē* [NZ, 1.X.1962, 2] 'Нам нужно опасаться этого наступления' (букв. 'быть опасливыми от этого наступления').

Проведенный нами анализ современных текстов показывает, что у некоторых существительных, семантика которых связана с понятием времени, во множественном числе аналитических падежей наряду с субосемой множественного числа может выступать субосема единственного числа, иначе говоря, вместо сильного, маркированного члена (каким является субосема множественного числа) может использоваться слабый, немаркированный (т.е. субосема единственного числа). К таким словам панджаби следует отнести в первую очередь *sāl* 'год' и *māhīnā* 'месяц'. В одних и тех же источниках даже на одной и той же странице могут попеременно встречаться во множественном числе то субосема единственного числа, то множественного, например: *kāt sālā tō* [Am, 30] 'в течение нескольких лет' (мн.ч.), *che sāl tō* [Am, 30] 'в течение шести лет' (ед.ч.), *kujh māhīnā picchō* [Jh, 36] 'через несколько месяцев' (мн.ч.), *inn māhīne picchō* [Jh, 41] 'через три месяца' (ед.ч.), *jād āp rāñj sāl de hoe, tā...* [Jh, 11] 'Когда ему исполнилось пять лет, то...' (ед.ч.), *o'giārā sālā de muṇḍiā kolō kite vaddā hē* [Jw, 245] 'Он гораздо выше одиннадцатилетних мальчиков' (мн.ч.), *che māhīne lāt* [Jh, 31] 'на шесть месяцев' (ед.ч.).

Автору удалось также зафиксировать случаи, когда в качестве дополнительной субморфы используются флексии не аналитических падежей, а синтетических. Иначе говоря, обычный синтетический падеж может иногда выступать как субморфированная автосема. По всей видимости, преимущественно это происходит тогда, когда синтетический падеж не в состоянии передать некоторые оттенки значения, и поэтому к нему добавляется послелог. Такие словоформы несомненно представляют собой варианты аналитических падежей. Это, кстати, свидетельствует о тенденции дальнейшего разви-

тия панджаби в сторону аналитизма. Примеры: *sātī dīnī bād bhūā* *barkāte mār gāt* [Gb¹, 53] 'через семь дней тетушка Баркате умерла' (использование основного обстоятельственного падежа *dīnī* вместо субморфированной автосемы *dīnā*), *tere kārpe rete te laggān kārān pher khārāb ho gae* [De, 17] 'Моя одежда из-за соприкосновения с песком опять испачкалась' (*rete* вместо субосемы *ret*), *hālē iik* или *hālī iik* (*takk*) 'до сих пор' (вместо также используемого *hālā takk*) [R, 274].

Ниже приводятся таблицы основных типов субморфированной автосемы и репрезентативных падежей (табл. 2 и 3).

Таблица 2

Основные типы субморфированной автосемы
в единственном числе

№№	Род	Номинативный падеж единственного числа	Основные типы субосемы единственного числа
1	Мужской	S-ā(-ā): <i>pakkhā</i> 'вентилятор', <i>thākeuā</i> 'усталость', <i>ārīā</i> 'ариец'	S-e(-ē): <i>pakkhē</i> , <i>thākeuē</i> <i>ārīē</i>
2		S-ā(-ā): <i>mālā</i> 'моряк', <i>prā</i> 'брат', <i>caīā</i> 'подъем', <i>dābā</i> 'давление', <i>dārīā</i> 'река'	S-ā(-ā): <i>mālā</i> , <i>prā</i> , <i>caīā</i> , <i>dābā</i> , <i>dārīā</i>
3		S-V(-V): <i>ḍākū</i> 'грабитель', <i>peo</i> 'отец', <i>k'eo</i> 'масло', <i>kānūgo</i> 'сборщик на- логов', <i>ko</i> 'кожаное ведро', <i>meō</i> 'паромщик', <i>nī</i> 'страсть', <i>likhārī</i> 'писатель'	S-V(-V): <i>ḍākū</i> , <i>peo</i> , <i>k'eo</i> , <i>kānūgo</i> , <i>ko</i> , <i>meō</i> , <i>nī</i> , <i>likhārī</i>
4		S-C(C): <i>khālāl</i> 'повреждение', <i>purkh</i> 'мужчина', <i>nāṭṭ</i> 'танцор', <i>kāl</i> 'на- стоящий момент'	а) S-C(C): <i>khālāl</i> , <i>purkh</i> , <i>nāṭṭ</i> , <i>kāl</i> ; б) S-C(C) c: <i>hāle</i>
5	Женский	S-C(C): <i>treṭ</i> 'трещина', <i>sāss</i> 'теща'	S-C(C): <i>treṭ</i> , <i>sāss</i>
6		S-ā: <i>āgiā</i> 'указ', <i>duā</i> 'молитва', <i>kārā'</i> 'хлопок'	S-ā: <i>āgiā</i> , <i>duā</i> , <i>kārā'</i>
7		S-ā: <i>kāwītā</i> 'стих', <i>p'ūā</i> 'тетя'	S-ā: <i>kāwītā</i> , <i>p'ūā</i>
8		S-ā: <i>mā</i> 'мать', <i>nā</i> 'отказ', <i>sṛā</i> 'гостиница'	S-ā: <i>mā</i> , <i>nā</i> , <i>sṛā</i>
9		S-V(-V): <i>tālī</i> 'подошва', <i>gāṭ</i> 'ко- рова', <i>te</i> 'страсть', <i>kāto</i> 'белка', <i>p'ō</i> 'земля'	S-V(-V): <i>tālī</i> , <i>gāṭ</i> , <i>te</i> , <i>kāto</i> , <i>p'ō</i>
10		S-V(-V): <i>tāḍā</i> 'способ', <i>munno</i> 'го- ре', <i>lāmbō</i> 'долговязая женщина', <i>lāccho</i> 'обезьяна (самка)'	S-V(-V): <i>tāḍā</i> , <i>munno</i> , <i>lāmbō</i> , <i>lāccho</i>

Основные типы субморфированной автосемьи во множественном числе

№	Род	Номинативный падеж единственного числа	Номинативный падеж множественного числа	Основные типы субсемьи множественного числа
1	Мужской	S-ā(-ā): rākḥā 'вентилятор', thākewā 'усталость'	S-e(-ē): rākḥe 'вентиляторы', thākewē 'усталости'	S-iā: rākḥiā, thākewiā
2		S-ā: mātīnā 'месяц'	S-e: mātīne 'месяцы'	a) S-iā: mātīniā; b) S-e: mātīne
3		S-ā(-ā): mālā 'моряк', cāḡā 'подъем', dāḡiā 'река', gā 'деревня'	S-ā(-ā): mālā 'моряки', cāḡā 'подъемы', dāḡiā 'реки', gā 'деревни'	a) S-āwā: mālāwā, cāḡāwā, dāḡiāwā, gāwā; b) S-āā: mālāā, cāḡāā, dāḡiāā, gāā
4		S-iā: dāḡiā 'ариец', bāḡiā 'купец'	S-iē: dāḡe 'арийцы', bāḡe 'купцы'	S-iā: dāḡiā, bāḡiā
5		S-V(-V): dākū 'грабитель', kēnūgo 'сборщик налогов', k'eo 'топленое масло', ko' 'кожаное ведро', meō 'паром- щик', nī 'страсть', jō 'ячмень', reo 'отец'	S-V(-V): dākū 'грабители', kēnūgo 'сборщики налогов', k'eo - виды топленого масла, ko' 'кожаные ведра', meō 'па- ромщики', nī 'страсти', jō - виды ячменя, reo 'отцы'	a) S-Vā: dākūā, kēnūgoā, k'eoā, koā, meoā, nīā, jōā; b) S-Vwā: k'eowā, reowā
6		S-C(C): khalai 'повреждение', nāi 'танцор', dīn 'день', hal 'настоящее время', 'настоящий момент'	S-C(C): khalai 'повреждения', nāi 'танцоры', dīn 'дни', hal 'теперешние времена'	a) S-C(C)ā: khalaiā, nāiā, dīnā, halā; b) S-C(C)ī: dīni, halī

№	Род	Гоминативный падеж единственного числа	Номинативный падеж множественного числа	Основные типы субосемы множественного числа
7		S-C(C): <i>sāl</i> 'год'	S-C(C): <i>sāl</i> 'годы'	а) S-C(C)ā: <i>sālā</i> ; б) S-C(C): <i>sāl</i>
8		S-ā: <i>āgiā</i> 'указ', <i>diā</i> 'молитва', <i>kārā</i> 'хлопок', <i>sā</i> 'чай'	S-āiā(-āā): <i>āgiāiā</i> 'указы', <i>diāiā</i> 'молитвы', <i>kārāiā</i> – ви- ды хлопка, <i>sāiā</i> (сāā) – виды чая	а) S-āiā: <i>āgiāiā</i> , <i>diāiā</i> , <i>kārāiā</i> , <i>sāiā</i> ; б) S-āā: <i>sāā</i>
9		S-ā: <i>kāwīā</i> 'стих', <i>vīvā</i> 'вдова', р'ūā 'тетя'	S-ā: <i>kāwīā</i> , 'стихи', <i>vīvā</i> 'вдовы', р'ūā 'тети'	S-ā: <i>kāwīā</i> , <i>vīvā</i> , р'ūā
10		S-ā: <i>mā</i> 'мать', <i>lā</i> 'отказ', <i>sgā</i> 'гостиница', <i>bā</i> 'рука'	S-āiā(-āā): <i>māiā</i> 'матери', <i>lāiā</i> (lāā) 'отказы', <i>sgāiā</i> (sgāā) 'гостиницы', <i>bāiā</i> (bāā) 'руки'	а) S-āiā: <i>māiā</i> , <i>lāiā</i> , <i>sgāiā</i> , <i>bāiā</i> ; б) S-āā: <i>nāā</i> , <i>sgāā</i> , <i>bāā</i>
11	Женский	S-V(-V): <i>lāiṭ</i> 'подошва', <i>gāi</i> 'ко- рова', <i>te</i> 'страсть', <i>kāṭo</i> 'бел- ка', р'ō 'земля'	S-Vā(-iā): <i>lāiā</i> 'полошвы', <i>gāiā</i> 'коровы', <i>teā</i> 'страсти', <i>kāṭoā</i> 'белки', р'ōā (р'ōiā) 'земли'	а) S-Vā: <i>lāiā</i> , <i>gāiā</i> , <i>teā</i> , <i>kāṭoā</i> , р'ōā; б) S-Viā: <i>p'ōiā</i>
12			S-Cā: <i>tākālā</i> 'сумерки', 'вечер'	S-Cā: <i>tākālā</i>
13		S-V(-V): <i>lāiā</i> 'способ', <i>tillo</i> 'горе', <i>lāṭbo</i> 'долговязая женщина', <i>lāccho</i> 'обезьяна (самка)'		
14		SC(C): <i>trē</i> 'трещина', <i>sāss</i> 'теща'	SC(C)ā: <i>trēā</i> 'трещины', <i>sāssā</i> 'тещи'	SC(C)ā: <i>trēā</i> , <i>sāssā</i>

Поминативный падеж

Единственное число	Множественное число
См. табл. «Типы образования множественного числа».	См. табл.

Эргативный падеж

Единственное число	Множественное число
Основные типы субморфированной автосемы плюс последог <i>ne</i>	Основные типы субморфированной автосемы плюс последог <i>ne</i>

Винительный падеж

Единственное число	Множественное число
1. Формы, омонимичные поминативному падежу (см. табл. «Типы образования множественного числа»).	Формы, омонимичные поминативному падежу.
2. Основные типы субморфированной автосемы плюс последог <i>li</i> .	Основные типы субморфированной автосемы плюс последог <i>li</i>

Дательный падеж

Единственное число	Множественное число
1. Основные типы субморфированной автосемы плюс последог <i>li</i> .	Основные типы субморфированной автосемы плюс последог <i>li</i> .
2. Номинативный Дательный падеж падеж	Номинативный Дательный падеж падеж
S-C(C): <i>særkār</i> S-C(C) <i>e: særkāre</i> 'правительство' 'правительству'	—

Косвенно-объектный (прилагательный и приименный)

Единственное число	Множественное число
1. Основные типы субморфированной автосемы плюс последоги <i>lāu</i> , <i>vāste</i> 'для', <i>nāl (de nāl)</i> 'с', 'к' (и другие значения), <i>sætet</i> 'с', <i>vəl(vəll)</i> , <i>utte</i> , <i>te</i> 'на', <i>bāre</i> 'о', 'над', <i>kol (de kol)</i> 'у', <i>vicc</i> , <i>vickār (de vickār)</i> 'между' и др.	Основные типы субморфированной автосемы плюс те же последоги

2. Номинативный падеж	Косвенно-объектный падеж	Номинативный падеж	Косвенно-объектный падеж
S-C(C): <i>gəll</i> 'вопрос'	S-C(C): <i>gəlle</i> 'в вопросе'		-
3. S-C(C): <i>khes</i> 'покрывало'	S-C(C): <i>khes</i> 'покрывалом'		-

Объектно-прилагательный инструменталис

Единственное число		Множественное число	
Номинативный падеж	Инструменталис	Номинативный падеж	Инструменталис
1. S-C(C): <i>dənd</i> 'зуб', <i>həttih</i> 'рука'	синтетическая форма не зафиксирована	S-C(C): <i>dənd</i> 'зубы', <i>həttih</i> 'руки'	S-C(C)I: <i>dəndi</i> 'зубами', <i>həttih</i> 'руками'
2. S-ā: <i>jhorā</i> 'горе', <i>jholā</i> 'паралич'	S-e: <i>jhore</i> 'горем', <i>jhole</i> 'параличом'		-
3. Основные типы субморфированной автосемы плюс послелоги <i>nāl</i> , <i>rāhī</i> (<i>duārā</i>) 'посредством', 'путем'		Основные типы субморфированной автосемы плюс те же послелоги	

Вторичный инструменталис (обстоятельный)

Единственное число		Множественное число	
Номинативный падеж	Инструменталис	Номинативный падеж	Инструменталис
1. S-C: <i>zor</i> (<i>jor</i>) 'сила', <i>lor</i> 'порыв'	S-Cī: <i>zori</i> (<i>jori</i>) 'силой' (наильно), <i>liri</i> 'в порыве' (букв. 'порывом')		-
2.	Основные типы субморфированной автосемы плюс послелоги <i>rāhī</i> (<i>duārā</i>), <i>nāl</i> 'посредством', 'путем'		Основные типы субморфированной автосемы плюс те же послелоги

Согласующе-реляционный падеж

Единственное число	Множественное число
Основные типы субморфированной автосемы плюс послелог <i>dā</i> во всех своих возможных формах	Основные типы субморфированной автосемы плюс послелог <i>dā</i> во всех своих возможных формах

Единственное число		Множественное число	
Номинативный падеж	Основной обстоятельственный падеж	Номинативный падеж	Основной обстоятельственный падеж
1. S-C(C): <i>skūl</i> 'школа', <i>ghər</i> 'дом'	S-C(C): <i>skūl</i> 'в школе', 'в школу', <i>ghər</i> 'дома', 'домой'		—
2. а) S-C(C): <i>skūl</i> 'школа', <i>tor</i> 'ползание', <i>gəll</i> 'дело', 'причина', <i>din</i> 'день'	S-C(C): <i>skūle</i> 'в школе', 'в школу', <i>tore</i> 'в ползании', <i>gəlle</i> 'по причине', 'по делу', <i>dine</i> 'днем'		—
б) S-ā: <i>cetā</i> 'память', <i>velā</i> 'время'	S-e: <i>cete</i> 'в памяти' (<i>use</i>) <i>vele</i> 'в (то же) время'		—
3. S-C: <i>rāt</i> 'ночь'	S-Cī: <i>rātī</i> 'ночью'		—
б) S-ā: <i>cā</i> 'радость'	S-āī: <i>cāī</i> 'с радостью'		
4. а) S-C(C): <i>din</i> 'день'		а) S-C(C): <i>din</i> 'дни'	S-Cī (eñī): <i>dinī</i> 'в (эти) дни'
б) S-ā: <i>ihā</i> 'место'		б) S-āwā(āā): <i>ihāwā</i> (<i>ihāā</i>) 'места'	S-āī: <i>ihāī</i> 'в местах'
5.		S-C-ā: <i>tarkālā</i> 'сумерки', 'вечер'	S-Cī: <i>tarkālī</i> 'в сумерки', 'вечером'
6. Основные типы субморфированной автосемы плюс послелоги: <i>vicc</i> , <i>vikhe</i> , <i>andər</i> 'в', <i>vəli</i> (<i>vəl</i>) 'в', 'к', <i>nū</i> 'в', 'к', <i>utte</i> (<i>te</i>) 'на', <i>duālē</i> 'вокруг', <i>bād</i> , <i>picchō</i> , <i>tō picchō</i> 'после', <i>məgrō</i> 'через', 'после', <i>nāl</i> 'с', 'по', <i>vəjō</i> 'в качестве', 'как', <i>utō</i> 'при', <i>binā ...de</i> , <i>tō binā</i> 'без', <i>lāy</i> 'для', <i>ihālle</i> , <i>heṭh</i> 'под', <i>de kārəṇ</i> 'из-за', <i>de bāwəṇ</i> 'несмотря на' и др.		Основные типы субморфированной автосемы плюс те же послелоги	

Единственное число		Множественное число	
Номинативный падеж	Аблатив	Номинативный падеж	Аблатив
1. S-C(C): <i>ghar</i> 'дом', <i>kālaj</i> 'колледж'	S-C(C)ō: <i>gharō</i> 'из дому', <i>kālajō</i> 'из колледжа'		—
2. S-ā: <i>subārā</i> 'мезонин'	S-iō: <i>subāriō</i> 'с мезонина'		—
3. S-ā: <i>thā</i> 'место'	S-āō: <i>thāō</i> 'в месте' (букв. 'от места')		—
4. Основные типы субморфированной автосемы плюс послелоги <i>iō</i> 'от', <i>viccō</i> 'из', <i>nālō</i> , <i>vallō</i> , <i>kolō</i> , <i>pāssō</i> , <i>utto</i> 'от', 'со стороны', <i>dualiō</i> 'с', <i>hethō</i> , <i>thalliō</i> 'из-под'		Основные типы субморфированной автосемы плюс те же послелоги	

Каждый падеж имеет свой набор формальных показателей (флексий и основных субморф), отличный от набора любого другого падежа. Ниже приводятся наборы показателей всех репрезентативных падежей в единственном числе.

Падежи	Мужской род	Женский род
Номинативный	S-ā S-ā̃ S-V S-(C)	S-V S-C(C) S-ā S-ā̃
Эргативный	S-e + ne(nε) S-ē + ne(nε) S-V + ne(nε) S-C(C) + ne(nε)	S-V + ne(nε) S-C(C) + ne(nε) S-ā + ne(nε) S-ā̃ + ne(nε)
Винительный	S-ā S-ā̃ S-V S-C(C) S-e + nū̃ S-ē + nū̃ S-V + nū̃ S-C(C) + nū̃	S-V S-C(C) S-ā S-ā̃ S-V + nū̃ S-C(C) + nū̃ S-ā + nū̃ S-ā̃ + nū̃
Дательный	S-e + nū̃ S-ē + nū̃ S-V + nū̃ S-C(C) + nū̃	S-V + nū̃ S-C(C) + nū̃ S-ā + nū̃ S-ā̃ + nū̃

Падѣжи	Мужской род	Женский род
Косвенно-объектный	$S-e \left\{ \begin{array}{l} l\ddot{a}y, v\ddot{a}ste, n\ddot{a}l, \\ S-\ddot{e} \left\{ \begin{array}{l} s\ddot{a}met, v\ddot{a}ll, utte, \\ S-V \left\{ \begin{array}{l} b\ddot{a}re, kol, v\ddot{ic}c, \\ S-C(C) \left\{ \begin{array}{l} v\ddot{ic}k\ddot{a}r \text{ и др.} \\ S-\ddot{a} \left\{ \begin{array}{l} \\ S-C(C) \end{array} \right. \end{array} \right. \end{array} \right. \end{array} \right. \end{array} \right.$	$S-V \left\{ \begin{array}{l} l\ddot{a}y, v\ddot{a}ste, n\ddot{a}l, \\ S-C(C) \left\{ \begin{array}{l} s\ddot{a}met, v\ddot{a}ll, utte, \\ S-\ddot{a} \left\{ \begin{array}{l} b\ddot{a}re, kol, v\ddot{ic}c, \\ S-\ddot{a} \left\{ \begin{array}{l} v\ddot{ic}k\ddot{a}r \text{ и др.} \\ S-C(C)e \end{array} \right. \end{array} \right. \end{array} \right. \end{array} \right.$
Инструментальный	$S-e \left\{ \begin{array}{l} S-C(C)\ddot{i} \\ S-e \left\{ \begin{array}{l} n\ddot{a}l \\ S-\ddot{e} \left\{ \begin{array}{l} r\ddot{a}h\ddot{i} \\ S-V \left\{ \begin{array}{l} (du\ddot{a}r\ddot{a}) \\ S-C(C) \end{array} \right. \end{array} \right. \end{array} \right. \end{array} \right.$	$S-C(C)\ddot{i} \\ S-V \left\{ \begin{array}{l} n\ddot{a}l \\ S-C(C) \left\{ \begin{array}{l} r\ddot{a}h\ddot{i} \\ S-\ddot{a} \left\{ \begin{array}{l} (du\ddot{a}r\ddot{a}) \\ S-\ddot{a} \left\{ \begin{array}{l} \end{array} \right. \end{array} \right. \end{array} \right. \end{array} \right.$
Согласующе-реляционный	$S-e + d\ddot{a}(d\ddot{i} \text{ и т. д.}), \\ S-\ddot{e} + d\ddot{a}(d\ddot{i} \text{ и т. д.}), \\ S-V + d\ddot{a}(d\ddot{i} \text{ и т. д.}), \\ S-C(C) + d\ddot{a}(d\ddot{i} \text{ и т. д.})$	$S-V + d\ddot{a}(d\ddot{i} \text{ и т. д.}), \\ S-C(C) + d\ddot{a}(d\ddot{i} \text{ и т. д.}), \\ S-\ddot{a} + d\ddot{a}(d\ddot{i} \text{ и т. д.}), \\ S-\ddot{a} + d\ddot{a}(d\ddot{i} \text{ и т. д.})$
Основной обстоятельственный	$S-C(C) \\ S-C(C)e \\ S-\ddot{i} \\ S-e \quad v\ddot{ic}c, v\ddot{ik}he, \\ S-\ddot{e} \quad \ddot{a}nd\ddot{a}r, v\ddot{a}ll, n\ddot{u}, \\ S-V \quad utte, du\ddot{a}le, b\ddot{a}d, \\ S-C(C) \quad p\ddot{ic}ch\ddot{o}, t\ddot{o} p\ddot{ic}ch\ddot{o}, \\ n\ddot{a}l, v\ddot{a}j\ddot{o}, utt\ddot{o}, \\ bin\ddot{a} \text{ de}, t\ddot{o} bin\ddot{a}, \\ l\ddot{a}y, th\ddot{a}lle, h\ddot{e}th, \\ de k\ddot{a}r\ddot{a}n, de b\ddot{a}- \\ w\ddot{a}j\ddot{u}d \text{ и др.}$	$S-C(C) \\ S-C(C)e \\ S-\ddot{i} \\ S-V \quad v\ddot{ic}c, v\ddot{ik}he, \\ S-C(C) \quad \ddot{a}nd\ddot{a}r, v\ddot{a}ll, n\ddot{u}, utte, \\ S-\ddot{a} \quad du\ddot{a}le, b\ddot{a}d, p\ddot{ic}ch\ddot{o}, \\ S-\ddot{a} \quad t\ddot{o} p\ddot{ic}ch\ddot{o}, n\ddot{a}l, v\ddot{a}j\ddot{o}, \\ utt\ddot{o}, bin\ddot{a} \text{ de}, t\ddot{o} bin\ddot{a}, \\ l\ddot{a}y, th\ddot{a}lle, h\ddot{e}th, de \\ k\ddot{a}r\ddot{a}n, de b\ddot{a}w\ddot{a}j\ddot{u}d \\ \text{и др.}$
Аблатив	$S-C(C)\ddot{o} \\ S-i\ddot{o} \\ S-\ddot{a}\ddot{o} \\ S-e \quad t\ddot{o}, v\ddot{ic}c\ddot{o}, n\ddot{a}l\ddot{o}, \\ S-\ddot{e} \quad v\ddot{a}ll\ddot{o}, kol\ddot{o}, p\ddot{a}ss\ddot{o}, \\ S-V \quad utt\ddot{o}, du\ddot{a}li\ddot{o}, h\ddot{e}th\ddot{o}, \\ S-C(C) \quad th\ddot{a}lli\ddot{o}$	$S-C(C)\ddot{o} \\ S-V \quad t\ddot{o}, v\ddot{ic}c\ddot{o}, n\ddot{a}l\ddot{o}, v\ddot{a}ll\ddot{o}, \\ S-C(C) \quad kol\ddot{o}, p\ddot{a}ss\ddot{o}, utt\ddot{o}, du\ddot{a}li\ddot{o}, \\ S-\ddot{a} \quad h\ddot{e}th\ddot{o}, th\ddot{a}lli\ddot{o} \\ S-\ddot{a}$

Звательный падеж (вокатив) — экспрессивно-апеллятивный; образуется синтетическим путем. Его словоформы иногда сопровождаются апеллятивными междометиями (зова, оклика), как, например: *oe* (для оклика младших по возрасту или стоящих ниже по положению), *ve* (используют женщины), *nī* (для апелляции к женщине),

he, o (общего плана) и др. Последнее особенно распространено перед именами мужского рода. Вокативная форма может также сопровождаться частицей уважения *jī* 'уважаемый'.

Как показал анализ материала, для звательного падежа характерны два класса форм: один — рельефно-аффиксальный, а второй — омонимичный форме номинативного падежа.

Для существительных мужского рода существуют следующие основные разновидности вокатива.

1. Имена, оканчивающиеся на гласный *-ā* или *-ā̃*, входящий в нетонированный слог, в единственном числе имеют следующие варианты падежа:

а) меняют *-ā(ā̃)* на *-iā(-iā̃)*: *kuttā* 'собака' — *kuttiā* 'Эй, собака!', *thəkewā* 'усталость' — *thəkewiā* [Cm] 'О усталость!'; *tū tēlī māraṇ te utārū ho giē*, *kuttiā* [Na¹, 65] 'Ты, собака, осмелился меня ударить!', о *muṇḍiā mē dassa tēlū* [J, 10] 'Эй, мальчик, мне следует тебе сказать...'. Со словом *muṇḍā* 'мальчик' и ему подобными существительными могут употребляться и другие междометия оклика (помимо *o*), например: *oe muṇḍiā* [Piāgā, 31] 'Эй, мальчик!', *ve muṇḍiā* [La¹, 46] 'Эй, мальчик!';

б) форму, омонимичную номинативному падежу, например: *kākā*, *ajj cheti ā giā ē?* [I, 4] 'Сынок, не пришел ли ты сегодня рано?', *sācā! sācā! cheti kār!* [J, 10] 'Дядя! Дядя! Быстрее!';

в) меняют *-ā* на *-e*: *ghoḥā* 'лошадь' — *ghoḥe!* 'О лошады!', *bāssa* 'ребенок' — *bāsse!* [Ca, 68] 'О ребенок!'; этот вариант наименее употребителен; он используется в религиозном обиходе и поэзии.

Для множественного числа имен данной разновидности существует лишь форма, образуемая заменой конечного *-e* номинативного падежа множественного числа на *-io*: *kutte* 'собаки' — *oe kuttio!* 'Эй, собаки!', *muṇḍe* 'мальчики' — *o muṇḍio!* 'Эй, мальчики!', *sāce* 'дяди' — *sācio!* 'Эй, дяди!', *bāsse* 'дети' — *bāccio!* 'Эй, дети'.

2. Существительные типа *ārīā* 'ариец', *bāṇiā* 'купец' образуют вокатив единственного числа двух вариантов: а) форма, омонимичная номинативному падежу, т.е. *ārīā!* [Cm] 'Эй, ариец!', *bāṇiā!* [Ca, 68] 'Эй, купец!'; б) заменой конечного *-ā* на *-e*: *ārīe!* [Cm] 'Эй, ариец!', *bāṇīe* [Ca, 68] 'Эй, купец!' (редкий вариант).

Во множественном числе аффикс номинативного падежа *-e* переходит в вокативный *-o*: *ārīe* 'арийцы' — *ārīo!* 'Эй, арийцы!', *bāṇīe* 'купцы' — *bāṇīo!* [Ca, 68] 'Эй, купцы!'.

3. Существительные, оканчивающиеся на *-ā*, входящий в слог с

ровным, фарингализованным нисходящим или чистым нисходящим тонами, в единственном числе звательного падежа обычно имеют один вариант — форму, омонимичную номинативному падежу, т.е. они не изменяются: *netā* ‘вождь’, — *netā jī!* [Cm] ‘О уважаемый вождь!’, *dəriā* ‘река’ — *dəriā!* [Cm] ‘О река!’, *prā* ‘брат’ — *prā!* [Ca, 70] ‘Эй, брат!’, *dəbā* [D] ‘давление’ — *dəbā* ‘О давление!’, *pītā* ‘отец’ — *pītā!* [Cm] ‘Эй, отец!’, *āwo jī, mere pītā piāre* [Sew, 8] ‘Идите сюда, мой дорогой отец’.

Во множественном числе эти существительные при образовании вокатива присоединяют аффикс *-o* или *-wo*, т.е. *netā* ‘вожди’ — *netāo!* ‘О вожди!’, *pītā* ‘отцы’, — *pītāo!* ‘О отцы!’, *dəriā* ‘реки’ — *dəriāo!* [Cm] ‘О реки!’, *dəbā* ‘давления’ — *dəbāwo!* ‘О давления!’.

Существительные *khudā* ‘бог’ в единственном числе вокатива имеет варианты *khudā* или *khudāyā!* ‘О бог!’.

4. Для существительных, оканчивающихся на *-ā*, входящий в слог с восходящим тоном, возможны два варианта вокатива в единственном числе: а) форма, омонимичная номинативному падежу: *mālā* ‘моряк’ — *mālā!* [Cm] ‘Эй, моряк!’, *šā* ‘шах’ — *šā!* [Ca, 69] ‘О шах!’, б) добавлением аффикса *-ā* (*hā*): *mālāā!* (или *mālāhā!*) ‘Эй, моряк!’, *šāā!* (или *šāhā!*) ‘О шах!’.

Во множественном числе (как и в случае 3) добавляется аффикс *-o* или *wo*: *mālā* ‘моряки’ — *mālāo* (или *mālāwo*, *mālāho*) ‘Эй, моряки!’, *šā* ‘шахи’ — *šāo* ‘О шахи!’.

5. Существительные мужского рода, оканчивающиеся на *-ā*, входящий в тонированный слог, чаще всего образуют вокатив единственного числа присоединением аффикса *-wā* и заменой *-ā* на *-ā*, например: *grā* ‘деревня’ — *grāwā!* [D] ‘О деревня!’, *kā* ‘ворона’ — *kāwā!* ‘О ворона!’. А во множественном числе добавляется аффикс *-wō* (при этом *-ā* заменяется на *-ā*), т.е. *grā* ‘деревни’ — *grāwō!* ‘О деревни!’, *kā* ‘вороны’ — *kāwō!* ‘О вороны!’.

6. Существительные мужского рода, оканчивающиеся на другие гласные, формируют вокатив двумя способами:

а) чаще всего форма номинативного падежа в единственном числе принимает аффикс *-ā*, а во множественном — аффикс *-o(-wo)*, например: *likhārī* ‘писатель’ — *likhārīā!* ‘О писатель!’, *likhārī* ‘писатели’ — *likhārīo!* ‘О писатели!’, *piṭṭhū* ‘приспешник’ — *piṭṭhūā!* ‘О приспешник!’, *piṭṭhū* ‘приспешники’ — *piṭṭhūo!* ‘О приспешники!’, *kənūgo* ‘сборщик налогов’ — *kənūgoā!* ‘О сборщик налогов!’ (фамильярно), *kənūgo* ‘сборщики налогов’ — *kənūgoo* (*kənūgowo*)! ‘О

сборщики налогов!'; *ko'* 'кожаное ведро' — *koā* (*kohā*)! 'О кожаное ведро!', *ko* 'кожаные ведра' — *koō* (*koho*)! 'О кожаные ведра!'. Существительное *reo* 'отец' обладает такими формами вокатива: *reo!* 'О отец!', *reo* 'О отцы!', хотя более предпочтительно *bārū jī!* 'О отец!';

б) однако существительные с вокалическим исходом могут и оставаться неизменными в вокативе единственного числа, а во множественном присоединять аффикс *-wo* (*-o, -ō*), например: *k'eo* 'топленое масло' — *k'eo!* 'О масло!' — *k'eoowo!* 'О масла!' (виды масла), *meō* 'паромщик' — *meō!* 'Эй, паромщик!' — *meōō!* 'Эй, паромщики!', *nī'* 'страсть' — *nī!* 'О страсть!' — *nīō!* 'О, страсти!', *kənpūgo* 'сборщик налогов' — *kənpūgo jī!* 'О господин сборщик налогов!' — *kənpūgoō jī!* 'О господа сборщики налогов!'.

7. Существительные мужского рода с исходом на согласный (согласные) образуют два варианта вокатива единственного числа:

а) добавлением аффикса *-ā*: *puttr* 'сын' — *puttrā!* 'О (эй) сын!', о *bhāṭe diā puttrā, bāhār mār* [Na¹, 49] 'О сын брата, испусти дух на улице!', *pətəndər* 'предок' — *pətəndārā!* 'О предок!', *pətt* 'танцор' — *pəttā!* 'Эй, танцор!';

б) при помощи нулевого аффикса (т.е. формы, омонимичной номинативному падежу): *pətt* 'танцор' — *pətt!* 'О танцор!', *vīr* 'брат' — *vīr!* 'О брат!', *hā, vīr, kī, kər āiā ē?* [I, 9] 'Да, брат, что ты сделал?', *tusī jāṇde o, sərdār sāhib* [Se¹, 70] 'Вы знаете, господин'.

Для образования вокатива множественного числа подобные существительные присоединяют аффикс *-o*: *puttr* 'сыновья' — *puttro!* [Cm] 'Эй, сыновья!', *pətt* 'танцоры' — *pətto!* 'Эй, танцоры!', *vīr* 'брат' — *vīro!* 'О братья!'.

8. Существительные женского рода с наиболее типичным для него окончанием *-ī* формируют вокатив единственного числа:

а) чаще всего при помощи аффикса *-e*: *dhī* 'дочь' — *dhīe* 'О дочь!', *pəṭhāṇī* 'патанка' — *pəṭhāṇīe* 'О патанка!', *dhīe, ēo jēyā cəndrīā gəllā nā kər* [Hc, 18] 'Дочка, не говори таких горестных слов', *nī pəṭhāṇīe, hīlī cəṭhīā kər* [Gb⁴, 51] 'О патанка, всегда поднимайся медленно!', *bhəṛjāy* 'жена брата' — *bhəṛjāye!* 'О жена брата!';

б) реже при помощи формы, омонимичной номинативному падежу, как, например: *bhəṛjāy* 'жена брата' — *bhəṛjāy!* 'О жена брата!', *bhəṛjāy, tuānī kīse sənt məhātā dī əsīs ləggī e* [I, 8] 'Сестра, тебя благословил какой-то святой'.

Во множественном числе такие существительные образуют вокатив при помощи суффикса *-o*, который заменяет окончание *-ā*, например: *kuṛtā* 'девушки' — *kuṛto!* 'О девушки!', *dəssə*, *kuṛto*, *tusi kinne kinne gəṇḍhe ghəṛō liātā sɔʔ/Gb⁴, 52/* 'Скажите, девушки, сколько связок вы принесли из дому?'

9. Существительные женского рода, в особенности трисиллабы и четырехсложные, оканчивающиеся на *-ā*, входящий в нетонированный слог или представляющий собой таковой, имеют в звательном падеже форму, омонимичную номинативному падежу (т.е. не изменяются), а во множественном присоединяют формант *-wo*: *viddiā* 'наука' — *viddiā!* 'О наука!' — *viddiāwo!* 'О науки!', *səhāitā* 'помощь' — *səhāitā!* 'О помощь!' — *səhāitāwo!* 'О содействия!', *p'ūā* 'тетя' — *p'ūā!* 'О тетя!' — *p'ūāwo!* 'О тети!'.

10. Существительные женского рода, оканчивающиеся на *-ā*, входящий в слог с ровным тоном или представляющий собой таковой, в единственном числе образуют вокатив следующим образом:

а) чаще при помощи суффикса *-e*: *duā* 'молитва' — *duāe!* 'О молитва!', *bālā* 'беда' — *bālāe!* 'О беда!', *həram̥səṛā* 'гарем' — *həram̥səṛāe* (*həram̥səṛāē*) 'О гарем!';

б) реже при помощи формы, омонимичной номинативному падежу: *səzā* (*səjā*) 'наказание' — *səzā* (*səjā*)! 'О наказание!'.

Во множественном числе вокатива все они присоединяют аффикс *-wo* или *-o*: *duāwo!* 'О молитвы!', *bālāo!* 'О беды!' (Ньютон приводит также форму *bālāio!* 'О беды!', но она, видимо, уже устарела); *səzāwo!* 'О наказания!', *həram̥səṛāwo* 'О гаремы!'.

11. Существительные женского рода с флексией *-ā*, входящей в слог с восходящим тоном или представляющей собой таковой, часто имеют в вокативе единственного числа аффикс *-e*, а в звательном падеже множественного числа *-wo*, например: *kəṛā* 'хлопок' — *kəṛāe!* 'О хлопок!' — *kəṛāwo!* 'О сорта хлопка!'.

12. Ряд существительных женского рода, оканчивающихся на гласный *-o*, входящий в нетонированный слог, образуют лишь вокатив единственного числа, оставаясь неизменными: *muṇṇo* 'горе' — *muṇṇo!* 'О горе!', *ləmbə* 'долговязая женщина' — *ləmbə!* 'Эй, долговязая!', *ləccho* 'обезьяна' (самка) — *ləccho!* 'Эй, обезьяна!'.

13. Существительные женского рода, оканчивающиеся на *-o*, часто образуют вокатив единственного числа добавлением аффикса *-e*, а множественного — аффикса *-o* или *-wo*: *kəto* 'белка' — *kətoe!* 'О белка!' — *kaṭo* 'О белки!', *bo* 'зловоние' — *boe!* 'зловоние!' — *boo!* (*boio!*) 'зловония!'.

14. Существительные женского рода с флексией *-e*, входящей в слог с восходящим тоном, в единственном числе часто имеют форму, омонимичную номинативному падежу (не изменяются), а во множественном присоединяют либо аффикс *-o*, либо *-ho* (в последнем, более редком случае восходящий тон заменяется ровным), например: *te* 'жажда', 'страсть' — *te?* 'О страсть!' — *teb!* (*teho*) 'О страсти!', *phate* 'победа' — *phate?* 'О победа!' — *phateo!* (*phateho*) 'О победы!'.

15. Существительные женского рода, оканчивающиеся на носовые гласные, часто образуют вокатив единственного числа присоединением аффикса *-ē* (с заменой соответствующего носового гласного неносовым), а вокатив множественного — при помощи аффикса *-ō* или *-wō* (также с заменой носового гласного): *sō* 'клятва' — *sōē!* 'О клятва!' — *sōō!* 'О клятвы!', *ṇā* 'отказ' — *ṇāē!* 'О отказ!' — *ṇāwō!* 'О отказы!', *sṛā* 'гостиница' — *sṛāē!* 'О гостиница!' — *sṛāō!* 'О гостиницы!'. Однако слово *mā* 'мать' в единственном числе вокатива чаще не изменяется, хотя возможна и форма *māe* 'О мать!', например: *mā, vekho!* [Jh, 12] 'Мама! Мама! Посмотрите!', *hāy nī mā!* *mē mar calli* [Ns, 17] 'О мама! Я умираю!'.

Имя существительное *tarkālā* 'вечер', 'сумерки' представляет собой форму множественного числа, поэтому и в вокативе оно имеет лишь форму множественного числа: *tarkālō!* 'О вечер!', 'О сумерки!'.

16. Существительные женского рода с исходом на согласный или стечение согласных образуют вокатив единственного числа следующим образом:

а) чаще всего присоединением аффикса *-e*: *sās* 'теща' — *sās-se!* 'О теща!', *mājḥ* 'буйволица' — *mājḥe!* 'О буйволица!', *pārṇ* 'грешница' — *pārṇe!* 'О грешница!' (выпадение гласного *ṇ*), *bhēṇ* 'сестра' — *bhēṇe!* 'О сестра!', *jī* 'победа' — *jīte!* 'О победа!';

б) реже при помощи нулевого аффикса, т.е. формы, омонимичной номинативному падежу, как, например: *bhēṇ jī*, *ēṇā kolō* *piccho* [Ī, 9] 'Сестра, спроси у него'.

Во множественном числе такие существительные присоединяют аффикс *-o*, например: *sāsso!* 'О теши!', *pārṇo!* 'О-грешницы!' (выпадение гласного *ṇ*), *jito!* 'О победы!', *bhēṇo!* 'О сестры!'.

Для слова *bhēṇ* 'сестра' Дуни Чандар приводит также следующие формы вокатива: *bhēṇā!* 'О сестра!', *bhēṇā* 'О сестры!'. Судя по всему, это редкие алломорфы.

Ниже приводится таблица основных вариантов вокатива (табл. 4).

Основные варианты звательного падежа (вокатива)

№	Род	Номинативный падеж единственного числа	Варианты вокатива	
			Единственное число	Множественное число
1	Мужской	S-ā(-ā): kūtā 'собака', thākewā 'усталость', sācā 'дядя' ghōgā 'лошадь'	а) S-ā(-ā): kūtā! 'Эй, собака!'; thākewā 'О усталости!'; б) S-ā: sācā! 'О дядя!'; в) S-e: ghōgā! 'О лошади!'	S-iō(-iō): kūtio! 'Эй, собаки!', thā- kewā! 'О усталости!'; sācio! 'О дяди!'; ghōgio! 'О лошади!'
2		S-tā: ātiā 'ариец'	а) S-tā: ātiā! 'Эй, ариец!'; б) S-te ātie! 'Эй, ариец!'	S-tō: ātiō! 'Эй, арийцы!'
3		S-ā: dātiā 'река', pr'ā 'брат', khālā 'пустота'	S-ā: dātiā! 'О река!'; pr'ā! 'О брат!'; khālā! 'О пустота!'	S-o(-wo): dātiā! 'О реки!'; pr'āo! 'О братья!'; khālāwo! 'О пустоты!'
4		S-ā: mātā 'моряк'	а) S-ā: mātā! 'О моряк!'; б) S-ā(āhā): mātā! (mātāhā!) 'О моряк!'	S-o(-wo): mātāo! (mātāwo!) 'О мо- ряки!'
5		S-ā: grā 'деревя', kā 'ворона'	S-ā: grā! 'О деревня!'; kā! 'О ворона!'	S-wō: grāwō! 'О деревни!'; kāwō! 'О вороны!'
6		S-V: likhāt 'писатель', pīthā 'приспешник', kēlgo 'сборщик налогов', kō 'кожаное ведро', k'eo 'топленое масло', nī 'страсть', reo 'отец'	а) S-Vā: likhātā! 'О писатель!'; pīthā! 'О приспешник!'; kēlgo! 'О сборщик налогов!'; kō! 'О кожаное ведро!'; б) S-V: k'eo! 'О масло!'; nī! 'О страсть!'; kēlgo jī! 'О госпо- дин сборщик налогов!'; reo! 'О отец!'	а) S-Vo(-wo): likhāwō! 'О писате- ли!'; pīthāo 'О приспешники!'; kēlgo! 'О сборщики налогов!'; kōo 'О кожаные ведра!'; k'ewo! 'О масла! (виды топленого мас- ла), nīo 'О страсти!'; б) S-V: reo! 'О отцы!'

МН	Род	Номинативный падеж единственного числа	Варианты вокатива	Множественное число
7		S-C(C)(C): <i>nəi</i> , 'танцор', <i>vīr</i> 'брат'	а) S-C(C)(C): <i>nəi</i> ! 'Эй, танцор!', <i>vīr</i> ! 'О брат!'; б) S-C(C)(C): <i>nəi</i> ! 'Эй, танцор!', <i>vīr</i> ! 'О брат!'	S-C(C)(C): <i>nəi</i> ! 'Эй, танцоры!', <i>vīr</i> ! 'О братья!'
8		S-ī: <i>dhī</i> 'дочь'	а) S-ī: <i>dhīe</i> ! 'О дочь!'; б) S-ī: <i>dhī</i> 'О дочь!'	S-ī: <i>dhī</i> ! 'О дочери!'
9		S-ā: <i>āgīā</i> 'указ', p'ūā 'тетя'	S-ā: <i>āgīā</i> ! 'О указ!'; p'ūā! 'О тетя!'	S-āo(-āo): <i>āgīāo</i> ! 'О указы!', p'ūāo! 'О тети!'
10		S-ā: <i>diā</i> 'молитва', <i>səzā</i> 'наказание'	а) S-ā: <i>diāe</i> ! 'О молитва!'; б) <i>səzā</i> ! 'О наказание!'	S-āwo(-āo): <i>diāwo</i> ! (<i>diāo</i> !) 'О молитвы!', <i>səzāwo</i> ! (<i>səzāo</i> !) 'О наказания!'
11		S-ā: <i>kəpā</i> 'хлопок'	S-ā: <i>kəpāe</i> ! 'О хлопок!'	S-āwo: <i>kəpāwo</i> ! 'О сорта хлопка!'
12	Женский	S-o: <i>miŋpo</i> 'горе', <i>ləmbo</i> 'долговязая женщина'	S-o: <i>miŋpo</i> ! 'О горе!', <i>ləmbo</i> ! 'О долговязая!'	
13		S-o: <i>kəjo</i> 'белка', <i>bo</i> 'зловоние'	S-o: <i>kəjoe</i> ! 'О белка!', <i>boe</i> ! 'О зловоние!'	S-o(-o-o): <i>kəjo</i> ! (<i>kəjo-o</i> !) 'О белки!', <i>bo</i> ! (<i>bo-o</i> !) 'О зловония!'
14		S-e: <i>te</i> 'страсть', 'жажда', <i>phate</i> 'победа'	S-e: <i>te</i> ! 'О страсть!', <i>phate</i> ! 'О победа!'	S-e(-e-o): <i>te</i> ! (<i>teho</i> !) 'О страсти!', <i>phate</i> ! (<i>phateho</i> !) 'О победы!'

МЖ	Род	Номинативный падеж единственного числа	Варианты вокатива	Множественное число
15		S-V: sš 'клятва', nā 'отказ', sṛā 'гостиница', mā 'мать'	а) S-Ve: sšē! 'О клятвы!', nāṣi! 'О отказы!', sṛāṣi! 'О гостиницы!'; б) S-Ve: māḍe! 'О матери!'; в) S-V: mā! 'О мать!'	S-Vō(-Vuo): sšō! 'О клятвы!', nāwo 'О отказы!', sṛāṣi! 'О гостиницы!'; māwo! 'О матери!'
16	Женский	S-C(C): sšss 'теща', pāpān 'грешница', bhēn 'сестра', jīn 'победа'	а) S-C(C)e: sšsse! 'О теща!', pāpne! 'О грешница!', bhēne! 'О сестра!'; jīte! 'О победа!'; б) S-C(C): bhēni! 'О сестра!'	S-C(C)o: sšssō! 'О тещи!', pāpno! 'О грешницы!', bhēno! 'О сестры!'; jīto! 'О победы!'
17		Номинативный падеж множественного числа tarkāṣi 'сумерки', 'вечер'	Вокатив единственного числа —	Вокатив Множественного числа tarkāṣi! 'О вечера!', 'О сумерки!'

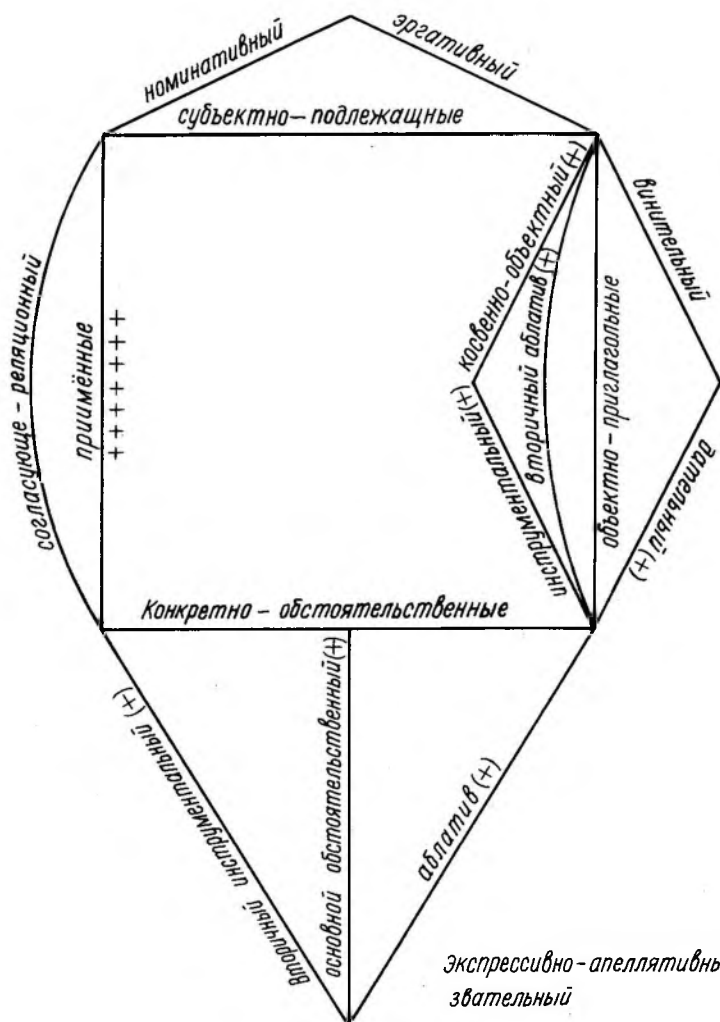
*Более предпочтительно bārī jīn 'О отец!'

Схематически систему падежей панджаби можно изобразить так:

(+ – способность падежа иметь приименный вариант)

Схема 2

Символически – репрезентативные

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА

К существительным принадлежат и отглагольные имена, образовавшиеся, по всей видимости, в результате субстантивации некоторых глагольных форм. Они лишь называют действие, не передавая его процессного характера. Они имеют парадигму существительного. Сюда в первую очередь относятся субстантивированные исходная глагольная форма (ИГФ) и герундивно-модальное причастие (ГМП), о которых речь идет ниже.

Отглагольное имя — это, видимо, субстантивированная исходная глагольная форма, например: *rəkər* (ж.р.) 'захват', 'хватание' от *rəkərṇā* 'захватывать'; *vərḍ* (ж.р.) 'деление', 'раздел' от *vərḍṇā* 'делить'; *chārṇi* (ж.р.) 'выбор' от *chārṇṇā* 'выбирать'; *kəbūl* (м.р.) 'признание' от *kəbūlṇā* 'признавать'; *gərḍh* (ж.р.) 'узел' от *gərḍhṇā* 'завязывать'; *mār* (ж.р.) 'избиение', 'удар' от *mārṇā* 'бить'; *kutṭi* (ж.р.) 'избиение' от *kutṭṇā* 'бить'.

В речи эти имена ведут себя так же, как существительные, например: *ohā dī vərḍ arṇe ar ho jandī hē* [Ca, 41] 'Они сами по себе делятся', *menṇ bār mār rāt* [Jh, 12] 'Мне сильно досталось' (букв. 'Мне выпало большое битье'), *mē is mār kutṭ dā hāl pərḥdā rəhindā sā* [Jh, 35] 'Я все время читал сведения об этой расправе' (букв. 'избиении'), *pulīs dī mār ne us dīā gallhā jəkkṁi kər diutā sən* [Sk, 59] 'На его лице были следы побоев полиции' (букв. 'Побои полиции повредили его щеки'), *menṇ ohā kolō bārā ḍər āundā sī* [Jh, 13] 'Я его очень боялся' (букв. 'Ко мне от него приходил страх').

Субстантивированное ГМП встречается реже и обычно в форме женского рода единственного числа, например: *kərṇi* (ж.р.) 'действие', 'поступок' от *kərṇā* 'делать', *hoṇi* (ж.р.) 'явление' от *hoṇā* 'быть'; *us de peo ne ehā hālētā vicc us nū us dī kərṇi de mānde pōṭṭijā iḍ nāhī sī bēcā səkḥṇā* [Se², 84] 'При этих обстоятельствах его отец не смог бы оградить его от печальных последствий его поступка'; *te hār hoṇi onū annt hond dā vikās diss pēndī hē* [Gb³, 10] 'И каждое явление представляется ему как вечно существующий процесс'.

Видимо, слова *khiḍāṇā* 'игрушка' и *khiḍāṇe* 'игрушки' также являются субстантивированным ГМП от *khiḍāṇā* 'побуждать играть', как, например: *rəgg-bərrəgge khiḍāṇe* [Jh, 11] 'цветные игрушки'.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Прилагательные – это класс слов, выражающих признак предмета. Поэтому в грамматическом отношении прилагательное подчинено имени существительному, к которому оно относится и с которым согласуется (в том числе нерельефно) в роде, числе и падеже.

В отношении изменения формы прилагательные панджаби можно разделить на два подкласса: изменяемые (или рельефно согласуемые) и частично изменяемые (или нерельефно согласуемые). Прилагательному панджаби присущи категории числа, рода, падежа и степеней сравнения, в пределах которых происходят изменения их форм. Однако зависимость прилагательного от существительного определяет подчиненность этих категорий категориям существительного. Правда, как будет видно ниже, в панджаби не во всех случаях форма прилагательного абсолютно подчиняется форме существительного и имеет относительную самостоятельность.

Прилагательное может выполнять следующие синтаксические функции: определения, предикатива (при непереходных глаголах), именной части составного сказуемого, квалитативно-предикативного члена, обстоятельства.

К изменяемым относятся прилагательные, оканчивающиеся в мужском роде единственного числа на *-ā* или *-ā̃*. В функции определения к существительным мужского рода они согласуются с ними следующим образом: в номинативном падеже единственного числа имеют в исходе *-ā* или *-ā̃*, а во множественном – *-e* или *-ē*. При этом, если финаль существительного – гласный *-ā* или *-ā̃*, входящий в нетонированный слог, то флексии прилагательного полностью совпадают с флексиями существительного, например: *sohṇā tātīkā* [NZ, 1.X.1962, 10] ‘изящный способ’, *sohṇe tātīke* ‘изящные способы’, *pāwā thākewā* [См] ‘новая усталость’, *pāwē thākewē* ‘новые признаки усталости’, *pāwā joṛā* [Am, 25] ‘новая пара’, *pāwē joṛe* ‘новые пары’, *sāṅgā phull* [Am, 40] ‘прекрасный цветок’, *sāṅge phull* ‘прекрасные цветы’.

Ниже приводится несколько примеров использования изменяемых прилагательных в предложении: *kīhā sāṅgā phull hē!* [Am, 40] ‘Какой прекрасный цветок!’, *nikke nikke tāre kīhe sohṇe laggde hən!* [Am, 109] ‘Как прекрасны для взора крохотные звезды!’, *netā jī de koməl mən utte āṛṇī māṭā de dhārmak kīhālā dā bāṛā sār pīā* [Bs, 4] ‘На чувствительную душу вождя большое влияние оказывали религиозные идеи его уважаемой матери’.

Все приведенные выше формы полностью совпадают с формами синтетического винительного падежа. Ограничимся лишь тремя сентенсными примерами на синтетический винительный падеж: *o' karpīā dā pāwā jōgā khāṛīdḍe sən* [Am, 25] 'Они покупали новый костюм', *sāre bāssīā ne duntā vīss sargā nā pēdā kītā he* [Bs, 4] 'Все дети снискали в обществе хорошую репутацию', *o'pāwē karpē keō nāhī pāunda?* [Am, 19] 'Почему он не надевает новую одежду?' (букв. 'новые одеяния').

Изменяемые прилагательные в номинативном падеже женского рода оканчиваются в единственном числе на *-ī* или *-ī̃*, а во множественном — на *-īā*. При этом, если существительное, к которому относится прилагательное, оканчивается на *-ī*, то происходит совпадение флексий имен обеих частей речи, например: *purāṇī jhuggī* [J, 30] 'старая хижина' — *purāṇīā jhuggīā* 'старые хижины', *pāwī ghoṛī* [P³, 592] 'новая кобыла' — *pāwīā ghoṛīā* 'новые кобылы'. Ниже приводится ряд сентенсных примеров: *us vīss rāhīṇ lāī bāṛī thā he* [Am, 60] 'В нем много места (букв. большое место) для жилья', *oho purāṇī jhuggī rāī hoī he* [J, 30] '[Там] стоит та же самая старая хижина'. В женском роде, как и в мужском, формы синтетического винительного падежа полностью совпадают с формами номинативного, например: *jādūgar ne oṇī ikk bāṛī soṇṇī bēṛī dūtī* [J, 7] 'Волшебник дал ему очень красивый фонарик', *us ne jhūṭhīā gāwāhīā pēṣ kītīā* [Jw, 288] 'Он предъявил фальшивые доказательства'.

Во всех неноминативных падежах, кроме синтетического винительного, изменяемое прилагательное в мужском роде единственного числа имеет окончание *-e* (реже *-ē*). Как показывают собранные образцы современной устной и письменной речи, во множественном числе мужского рода всех этих падежей прилагательное в подавляющем большинстве случаев имеет также окончание *-e* (реже *-ē*). Примеры: *anekā sāḍe aṇkhīle jāwānā ne māṛā khādhīā* [Gb³, 18] 'Многие наши честолюбивые юноши испытали избиения' (эргативный, мн.ч.), *es skūl'c chote bāsse pū yog te siāṇa bāṇāṇ vāl vādhere dhīan dūtī jādā he* [Jh, 16] 'В этой школе обращается повышенное внимание привитию маленькому мальчику способностей и мудрости' (аналитический винительный, ед.ч.), *utle aṣlā pū mukh rākhhke...* [NZ, I.X.1962, 10] 'Имея в виду вышеупомянутые принципы...' (аналитический винительный, мн.ч.), *ethānz de lokā ne āṇṇe sabb tō siāṇe ādmī pū zāhīr dā piālā de dūtī* [Sn, 155] 'Афиняне дали чашу яда (своему) мудрейшему человеку' (дательный, ед.ч.), *khullhe hāssīā*

nāl bhəṛt hoṭ duntā [Sk, 59] 'мир, наполненный смехом' (приглагольный косвенно-объектный, мн.ч.), *pāthəkā dī dilaṣpī nāwē des bāre* [PL, XII.1954, 20] 'интерес читателей к новой стране' (приименный косвенно-объектный, ед.ч.), *tuhāñ āṛe vādde bhrā dā akhā māñ-pā cāhīdā sī* [Am, 33] 'Вам нужно было послушаться старшего брата' (согласующе-реляционный, ед.ч.), *pərvār dī pərvəṛṣ dā sārā bhār* [..] *vādde bhrāwā de sir te ā piā* [Jh, 8] 'Вся тяжесть обеспечения семьи легла на плечи старших братьев' (согласующе-реляционный, мн.ч.), *picchle māngəlvār* [S, 229] 'в прошлый вторник' (синтетический основной обстоятельственный, ед.ч.), *picchle dīnt* [R, 68] 'в последние дни' (синтетический основной обстоятельственный, мн.ч.), *is sohṇe tərīke nāl* [NZ, 1.X.1962, 10] 'этим изящным способом' (аналитический основной обстоятельственный, ед.ч.), *picchlere sāmīā vicc* [Pi, 2] 'в последнее время' (аналитический основной обстоятельственный, мн.ч.), *əṛe kūle kūle bullhā nāl* [Sk, 58] 'своими нежными губами' (инструментальный, мн.ч.), *oṛək mere nikke jihe dil vicc* [..] *tījh utth ke bullhā tak ā hī gət* [Gb⁴, 54] 'Наконец желание [...], вспыхнув, вырвалось из моего маленького сердца на уста' (аналитический аблатив, ед.ч.).

Во множественном числе мужского рода неноминативных падежей (кроме винительного синтетического) может также употребляться (хотя и значительно реже) еще одна форма прилагательного, имеющая в исходе аффикс *-iā*. Ее можно встретить в разделах учебных панджабских грамматик, описывающих парадигму прилагательного. В обычной же письменной и устной речи ее обнаружить трудно: *nikkiā muṇḍiā ne, dā etc* [Nw, 28] 'маленькие мальчики', 'маленьких мальчиков' и т.д., *siddhiā rastiā nū* [Candar, 90] 'прямые дороги', *səṅgiā muṇḍiā nū* [Jaul, 48] 'хороших мальчиков', *nitt nāwīā kārṇāmiā ləṭ* [RK, 26.XI.1960, 1] 'на все новые подвиги'.

В некоторых архаичных текстах, особенно пословицах и поговорках, можно встретить старые падежные формы прилагательного, являющиеся устаревшими для современного панджаби. В следующей ниже пословице прилагательное имеет флексию аблатива: *nāwīō sirīō jənəm hoṇā* [P³, 592] 'еле-еле выздороветь' (букв. 'с новой головы'). Тот же источник и на той же странице дает современную норму этого прилагательного в том же сочетании: *nāwē sirīō* [P³, 592].

Формы изменяемых прилагательных неноминативных падежей в женском роде единственного и множественного числа идентичны

соответственно формам номинативного падежа. Достаточно привести примеры лишь на ряд падежей: *lokā ne āpnā ākkhā de sāhampē ikk nāwī jhākī nū pargat hunde dekkhā* [Am, 289] 'Народ увидел перед собой новую широкую перспективу' (аналитический винительный, ед.ч.), *āpnī nikkī umge* [Gb⁴, 58] букв. 'в своем небольшом возрасте' (синтетический основной обстоятельственный, ед.ч.), *o' ussī āwāz nāl keḥ bolīā?* [Am, 21] 'Почему он говорил повышенным тоном?' (аналитический основной обстоятельственный, ед.ч.), *menū bāṭi der tō uṣḍā koṭi pāttar nāhī milīā* [Am, 58] 'Я давно не получал от него писем' (аналитический основной обстоятельственный, ед.ч.), *kī o' ussī kāndh tō ṭappiā?* [Am, 21] 'Он перепрыгнул через высокую стенку?' (приглагольный аблатив, ед.ч.), *ākhār menū āpnī buṭi ādat tō chut-kārā mil giā* [Jw, 293] 'Наконец я избавился от своей дурной привычки' (букв. 'получил избавление от своей плохой привычки') (приименный аблатив, ед.ч.), *metā vaddhā khuṣiā vīcchō* [Gb³, 23] 'из моих больших радостей' (приглагольный аблатив, мн.ч.), *sohān nīlī siāhī nāl likhḍā he* [Am, 17] 'Сохан пишет синими чернилами' (инструментальный, ед.ч.), *mē terā mitthiā gallā vīcchō nāhī ā sakkḍā* [Jw, 290] 'Я не могу поддаться твоим сладким речам' (косвенно-объектный, мн.ч.).

Для звательного падежа прилагательного мужского рода единственного числа типично окончание *-iā* (реже *-e*), например: *o bhālīā lokā!* [Na¹, 79] 'О хороший человек!', *siddhīā rāstīā!* [Ca, 90] 'Прямая дорога!', *e nikke (nikkiā) muṇḍiā!* [Nw, 28] 'Эй, маленький мальчик!'. Во множественном числе встречается окончание *-io* (реже *-e*): *saggio muṇḍio* [Jaul, 48] 'Хорошие мальчики!', *e nikke (nikkio) muṇḍio* [Nw, 28] 'Эй, маленькие мальчики!'.

В звательном падеже женского рода единственного числа изменяемое прилагательное обретает флексию *-e* (либо остается неизменным), например: *saggīe kuṭīe!* [Jaul, 48] 'Хорошая девушка!', *e nikkī (nikkīe) kuṭīe* [Nw, 28] 'О маленькая девочка!'. Во множественном числе женского рода добавляется окончание *-o*, например: *saggīo kuṭīo!* [Jaul, 48] 'Хорошие девушки!'.

К неизменяемым или частично изменяемым (нерельефно согласуемым) относятся прилагательные с исходом на согласный или гласный звук (чаще всего *-ī*), за исключением имен на *-ā* (*-ā*).

Как показывает анализ современных текстов, авторы предпочитают оставлять их неизменяемыми в различных падежах, числах и родах, например: *19 fārvāṭi nū kāygrās dā tāṛikhī sāmāgām hoīā* [Bs,

15/ '19 февраля состоялась историческая конференция Национального конгресса' (номинативный), *śrenī-rāhit sāmāj* [RK, 26.XI.1960, 2/ 'бесклассовое общество' (номинативный), *ēghāṭ ṭhīk vākāt nāhī dēnd* [Am, 49/ 'Эти часы идут неправильно' (букв. 'не дают правильного времени') (синтетический винительный), *merī kūṭ oḥā sārē prāsiddh viaktā vicōṣ ikk hē*, [Am, 258/ 'Мария Кюри единственная из всех тех знаменитых людей' [...]] (аблатив), *dēkhhāṇ dīā muslim nāsātā nū thoṛā bāhūtā khārāj dēndē sān* [Sew, 5/ 'Мусульманские княжества Декана облагались средним налогом' (дательный), *bāhūt sārē āṅgrezī kārkhāniā ne* [Am, 271/ 'многие английские фирмы' (эргативный), *ōde niscint uddām ne ōdī tuttī bāḥ vī ṭhīk kār ditti* [Gb³, 21/ 'Его безразличное отношение также благотворно влияло на излечение сломанной руки' (эргативный), *lēndī bāhāvartī māṇḍal dī bolī hē* [Ar², 45/ 'Ленди – язык внешнего ареала' (согласующе-реляционный), *hindī kōṭṭar-vādīā vāllō* [NZ, 1.X.1962, 2/ 'со стороны ортодоксов хинди' (букв. 'хиндийских ортодоксов)] косвенно-объектный), *pāñjābī sāhittkāṛā nū* [NZ, 1.X.1962, 10/ 'панджабским писателям' (дательный), *ōnā nū khālī hāthī dēkhhē...* [Sew, 26/ 'Увидев его с пустыми руками [...]] (синтетический косвенно-объектный).

Полная или почти полная неизменяемость подобных прилагательных, по всей видимости, – тенденция буквально последних десятилетий. На эту мысль наводит сопоставление парадигм прилагательных данного подкласса, приводимых в грамматиках разных периодов. Так, грамматики 1965 г. Мона Сингха Джауля [Jaul] и Лала Сингха [Lal] приводят иллюстрации, указывающие на полную неизменяемость прилагательных, оканчивающихся на гласный (за исключением имеющих в исходе *-ā* и *-ā̃*), главным образом на *-ī*, и выступающих в качестве определения. Джауль приводит следующие примеры [Jaul, 49/]: *krodhī bāndā* 'злой человек', *krodhī bānde nū* 'злого человека', *krodhī bāndīā!* 'О злой человек!', *krodhī bānde* 'злые люди', *krodhī bāndīā nū* 'злых людей', *krodhī bāndio!* 'О злые люди!', *krodhī tīwī* 'злая женщина', *krodhī tīwī nū* 'злую женщину', *krodhī tīwīē* 'О злая женщина!', *krodhī tīwīā* 'злые женщины', *krodhī tīwīā nū* 'злых женщин', *krodhī tīwīō!* 'О злые женщины!'. Такую же парадигму для прилагательного *lobhī* 'алчный' дает Лал Сингх [Lal, 50/ на примерах *lobhī mūṇḍā* 'алчный мальчик' и *lobhī kuṛī* 'алчная девочка'.

Грамматики же Ньютона [Nw] 1896 г. и Картара Сингха (первое издание 1940 г. [Kartar¹], второе издание 1957 г. [Kartar²])

дают иную парадигму для аналогичных прилагательных, допускающую изменение во всех падежах множественного числа женского рода, неноминативных (кроме синтетического винительного) множественного числа мужского рода, звательном единственного и множественного обоих родов. Парадигма Ньютона такова [Nw, 28, 29]: *dharmī purkh* 'справедливый человек', *dharmī purkh ne, dā* etc., *e dharmtā purkhā!* 'О справедливый человек!', *dharmī purkh* 'справедливые люди', *dharmtā purkhā ne, dā* etc., *e dharmtō purkho!* 'О справедливые люди!', *dharmī istrī* 'справедливая женщина', *dharmī istrī ne, dā* etc., *e dharmīe istrīe!* 'О справедливая женщина!', *dharmtā istrīā* 'справедливые женщины', *dharmtā istrīā ne, dā* etc., *e dharmtō istrīo!* 'О справедливые женщины!'.

Сохраняя парадигму Ньютона в мужском роде, Картар Сингх добавляет к ней еще и формы, изменяющиеся в женском роде, которые малоупотребительны и поэтому далеко не типичны для прилагательного в функции определения, оканчивающегося на *-ī*. Дело в том, что подавляющее большинство носителей панджаби ограничивает изменение прилагательных, оканчивающихся на *-ī*, синтаксической функцией. Изменения по родам допускаются тогда, когда прилагательное выполняет функцию предикатива и при субстантивации, как, например: *e' kuṛī* *krodhāṇ hē* [Jaul, 49] 'Эта девушка сердитая' (предикатив), *e' kuṛīā* *krodhāṇā hēn* [Jaul, 49] 'Эти девушки сердитые' (предикатив). Как видно в указанных случаях, в единственном числе *-ī* переходит в *-əṇ*, а во множественном — в *-ṇā*.

Такое явление, когда синтаксическая функция сужает парадигму части речи, целесообразно назвать синтаксически функциональной регламентацией парадигматики.

Малоупотребительная парадигма Картара Сингха для прилагательного *premtī* 'любимый' в женском роде такова [Kartar², 69]: *premtṛ kuṛī* 'любимая девушка', *premtṛ kuṛī* [ṇū] 'любимую девушку', *premtṛe kuṛīe!* 'О любимая девушка!', *premtṛā kuṛīā* 'любимые девушки', *premtṛā kuṛīā* [ṇū] 'любимых девушек', *premtṛe kuṛīo!* 'О любимые девушки!'.

Видимо, парадигмы Ньютона и Картара Сингха для прилагательных на *-ī* следует считать в значительной степени устаревшими и не отражающими современных закономерностей или по крайней мере тенденций развития прилагательных данной разновидности.

В современной речи тенденция прилагательных с исходом на согласный (согласные звуки) звук к неизменяемости подтверждает-

ся многочисленными примерами. Поэтому следует полагать, что парадигма Ньютона для подобных прилагательных, зафиксировавшая состояние языка 70-80 лет назад, в своей основе архаична. Во времена Ньютона широко допускалось изменение таких имен во всех падежах множественного числа женского рода и неноминативных падежах (кроме синтетического винительного) множественного числа мужского. Это осуществлялось добавлением флексии *-ā*. Изменения происходили и в звательном падеже, например [Nw, 29]: *buddhwān purkh* 'мудрый человек', *buddhwān purkh* *ne*, *dā* etc., *e buddhwānā purkhā* 'О мудрый человек!', *buddhwān purkh* 'мудрые люди', *buddhwānā purkhā* *ne*, *dā* etc., *e buddhwāno purkho* 'О мудрые люди!', *buddwān iīmī* 'мудрая женщина', *buddhwān iīmī* *ne*, *dā* etc., *e buddhwāne iīmīē* 'О мудрая женщина!', *buddhwānā iīmīā* 'мудрые женщины', *e buddwāno iīmīō* 'О мудрые женщины!'.

Данную парадигму следует также считать устаревшей.

На том основании, что прилагательное-определение не изменяет своей формы, нельзя рассматривать его связь с существительным как примыкание. В данном случае отношения между прилагательным и существительным определяются не этим способом связи слов, а особенностями конкретного прилагательного не выражать рельефно свое согласование с существительным. (нерельефное согласование). Это подтверждается несколькими формальными моментами. Во-первых, трансформационным анализом. Если заменить в атрибутивном словосочетании неизменяемое прилагательное его изменяемым синонимом, то сразу же «заговорит» рельефность согласования, например: *kəthəŋ səmməsiā* 'трудная проблема' — *əkhī səmməsiā*. Значит, способ связи с существительным и для *kəthəŋ*, и для *əkhī* один и тот же (согласование). Во-вторых, отсутствие рельефности согласования у неизменяемых прилагательных может компенсироваться некоторыми синтаксическими пометами, которые автор предлагает назвать рельефно согласующими компенсаторами. Таковыми могут быть прилагательные в функции наречий степени качества (особенно часто *bəṛā* 'большой', 'большой', 'исключительно'), указательные местоимения: *iho jihā* (*eho jehā*) 'такой' и др. Приведем несколько примеров: *bəṛī sunder sroḍī kəwītā* [Ar², 8] 'исключительно красивая и мелодичная поэзия', *bəṛā bhāṇ rəṇkā* [Jh, 13] 'очень красивые зрелища', *bəṛā bhāṇ jādūgər* [J, 3] 'очень важный волшебник', *bəṛe ɣəmbhīr məsliā nāl vāstā* [NZ, 1. X. 1962, 2] 'дело с очень серьезными трудностями',

mel eho jāhe nōjəwān sathitā nāl [Bs, 6] ‘связь с такими молодыми людьми’. Рельефно согласующим компенсатором может быть изменяемое прилагательное, использующееся параллельно с неизменяемым. В таком случае может быть даже два компенсатора (один *bəṛā*, а другой – такое прилагательное), например: *šāh jī bəṛā hoqhār te phurtīlā nōjəwān nikhlīā* [Sew, 7] ‘Шах оказался многообещающим и порвонным юношей’.

Падежи прилагательного панджаби

1. Номинативный падеж

Мужской род

Ед.ч.	Мн.ч.
Adj-ā(-ā̃):	Adj-e(-ē̃):
<i>bəṛā, nəwā̃</i>	<i>bəṛe, nəwē̃</i>

Женский род

Ед.ч.	Мн.ч.
Adj-ī(-ī̃):	Adj-īā̃:
<i>bəṛī, nəwī̃</i>	<i>bəṛīā̃, nəwīā̃</i>

2. Синтетический винительный падеж

Мужской род

Ед.ч.	Мн.ч.
Adj-ā(-ā̃):	Adj-e(-ē̃):
<i>bəṛā, nəwā̃</i>	<i>bəṛe, nəwē̃</i>

Женский род

Ед.ч.	Мн.ч.
Adj-ī(-ī̃):	Adj-īā̃:
<i>bəṛī, nəwī̃</i>	<i>bəṛīā̃, nəwīā̃</i>

3. Неноминативные падежи

(исключая синтетический винительный)

Мужской род

Ед.ч.	Мн.ч.
Adj-e(-ē̃):	Adj-e(-ē̃, -īā̃):
<i>bəṛe, nəwē̃</i>	<i>bəṛe (bəṛīā̃), nəwē̃ (nəwīā̃)</i>

Женский род

Ед.ч.	Мн.ч.
Adj-ī(-ī̃):	Adj-īā̃:
<i>bəṛī, nəwī̃</i>	<i>bəṛīā̃, nəwīā̃</i>

4. Звательный падеж

Мужской род

Ед.ч.	Мн.ч.
Adj-īā̃ (-īā̃)	Adj-īo(-īō̃, -e, -ē̃):
(реже -e, -ē̃):	<i>bəṛīo, (bəṛe), bəṛīā̃ (bəṛe), nəwīā̃ (nəwē̃)</i>

Женский род

Ед.ч.	Мн.ч.
Adj-īe (-īē̃, -ī, -ī̃):	Adj-īo (-īō̃):
<i>bəṛīe (bəṛī), nəwīē̃ (nəwī̃)</i>	<i>bəṛīo, nəwīō̃</i>

⁶ Adj – сегментная часть прилагательного, за вычетом остатка, обозначенного знаками, например: -e, -ā̃ и т.д.

Лексико-грамматические подклассы прилагательных

Характер признака, выражаемый прилагательными, и связанные с ним некоторые грамматические особенности позволяют разделить имена прилагательные панджаби на следующие подклассы: 1) качественные, 2) относительные, 3) притяжательные, 4) относительно-притяжательные.

Качественные прилагательные выражают конкретные, непосредственные признаки тех или иных предметов, как, например: *nikkā* 'маленький', *vāḍḍā* 'большой', *sīmāt* 'ограниченный', *ṛālā* 'тонкий', *moṭā* 'толстый', *ṛurāṇā* 'старый', *sohṇā* 'прекрасный', *bhēṛā* 'плохой', *nīlā* 'синий', *lāl* 'красный' и т.д.

В общем плане качественные прилагательные имеют следующие основные грамматические свойства:

1) они имеют степени сравнения;

2) могут выступать в адвербиально-заместительной функции при глаголе, как, например: *o' vī bəṛā sohṇā gāunde sən* [Gb⁴, 51] 'Он также очень красиво пел', *vesvā dīā ākkhā cōṛīā khullh gēā* [Cb², 23] 'Глаза проститутки широко открылись'; хотя прилагательные *sohṇā* 'красивый' и *cōṛīā* 'широкие' выступают в функции наречия, они частично или полностью согласуются с подлежащим (первое из них в роде, а второе и в роде, и в числе);

3) могут сочетаться с наречиями степени качества, как, например, *nitt* 'всё', *bilkul* 'совершенно', и с прилагательными в функции наречий степени качества, как, например: *bəṛā, cəṅgā, dāḍhā* 'очень', 'особенно', *ukkā* 'полностью', *bohutā (bohut)* 'очень', 'сильно', *vādhēre* 'более', с местоимениями-прилагательными *innā (itnā)* 'столь большой' (ближний план), *unnā (utnā)* 'столь большой' (дальний план), например: *nitt nāwīā kārnāmīā lāt* [RK, 26.X.1960, 1] 'на все новые подвиги', *bilkul thīk* [R, 759] 'совершенно верный', *bhed vādhēre spāṣṭ ho jāndā hē* [Ar², 7] 'Тайна становится яснее', *rastā bəṛā kəthəṇ sī* [Bs, 29] 'Дорога была очень трудной', *ṛitā jī bəṛe khuṣ hunde sən* [Gb⁴, 51] 'Отец бывал очень счастливым', *cəṅgā təkṛā ghol* [Gb³, 20] 'очень активная борьба', *dāḍhī ṛāgəl kuṛī* [Cm] 'очень глупая девушка', *ṛhəsəl ukkī nāṣṭ ho gāt* [KL, VI.1960, 6] 'Урожай полностью погиб' (букв. 'погибший'), *enne sūkhəm dhəṅg nāl* [Ar², 10] 'таким изящным способом', *us dā dāirā unnā sīmāt nāṣṭ sī* [Ar², 6] 'Его сфера не была столь ограниченной', *bəhutī dūr* [Ar², 6] 'очень далеко'.

Качественные прилагательные также могут иметь антонимы, как, например: *kālā* 'черный' — *ciṭā* 'белый', *ṛiṭāṇā* 'старый' — *nəwā* 'новый', *təkṛā* 'сильный' — *kəmtor* 'слабый' и т.д.

О некоторых качественных прилагательных. К числу качественных прилагательных принадлежит также группа слов, которые параллельно используются как количественные наречия, в особенности как наречия степени качества. Это *boṭṭā* (неизменяемый алломорф *boṭi*) 'большой', 'сильный' (в транслитерации соответственно *bohutā* и *bohut*), *k'əṭṭ* (в транслитерации *ghəṭṭ*) 'малый', 'небольшой', *səṛgā* 'хороший', *dādā* (в транслитерации *dādāhā*) 'крепкий', 'сильный', *bəṛā* 'большой', *ukkā* 'особенный', 'исключительный'. Примеры: *bohut pəriwərtən [...]* *bohutā bhed* [Ar², 6] 'большое изменение [...]', 'большое отличие', *jihā kol kəmt ghəṭṭ te vəhəl bohutī e* [G³, 36] 'у которой мало работы (букв. малая работа) и много безделья' (букв. многое безделье), *əjj iā bəṛi dhund pəṭ hoṭ hē* [S, 368] 'Сегодня большой туман', *bəṛā nukṣān* [G³, 36] 'большой ущерб', *dādāhā ādmī* [Cm] 'могучий человек', *dādāhī gall hundī* [Cm] 'Было бы великолепно' (букв. 'было бы сильным делом'), *ukkā hamlā* [R, 15] 'одиночный налет'.

Выступая в форме мужского рода единственного числа, прилагательное *bohutā* может субстантивироваться, как, например: *nā bhābṭ, kite bohutā enṭ khəṛābṭ nā kəre* [Gb⁴, 52] 'Нет, мама, как бы многое ему не повредило' (в функции подлежащего).

Обретая функцию наречия, эти слова переосмысливаются: *bohutā* (*bohut*) 'большой' → 'очень', 'крайне', 'сильно'; *bəṛā* 'большой' → 'очень', 'крайне'; *səṛgā* 'хороший' → 'очень', 'совсем'; *dādāhā* 'сильный', 'крепкий' → 'очень'; *ukkā* 'особенный', 'исключительный' → 'абсолютно', 'полностью'; *ghəṭṭ* 'малый', 'мало' → 'менее'. (Употребление данных слов в функции наречия степени качества и действия см. в разделе «Количественные наречия».).

Относительные прилагательные выражают отношение одного предмета к другому (*jismānī* 'телесный', *sunəhṭ* 'золотой', *əkkhṭā* 'слоговой'), отношения предмета к действию (*pālāṇhārā* 'воспитывающий', *vikāi* 'продажный', 'предназначенный для продажи', *gəḥṭhṭā* 'готовый расплакаться'), отношения предмета к обстоятельству (*bāḥərlā* 'наружный', *əjokā* 'сегодняшний').

В грамматическом плане относительные прилагательные не обладают признаками, присущими качественным.

Использование относительных прилагательных в панджаби огра-

ничено из-за того, что отношение чаще выражается более употребительными формами согласующе-реляционного падежа существительного или сочетаниями разных частей речи с согласующе-реляционным послелогом, как, например: *sone dā* 'золотой' вместо *sunɛhɾī*, ср.: *choṭiā sone dīā dāliā* [J, 8] 'маленькие золотые слитки' и *sunɛhɾī māhəl* [J, 25] 'золотой дворец' или *viāpār dā* 'торговый' и *viāpārək* или *viāpārī*, ср., например: *viāpār dī saphəliā ləṭ ih zərūrī hē* [Jw, 302] 'Это необходимо для успешной торговли' (букв. 'торгового успеха) и *viāpārək khetər vicc* [Jw, 302] 'в области торговли' (букв. 'в торговой области').

Относительные прилагательные, как правило, производные, а качественные могут быть и производными, и непроизводными.

Притяжательные прилагательные выражают принадлежность. Они очень мало распространены в панджаби, так как притяжательные отношения чаще всего в нем рефлектируются согласующе-реляционным падежом имени, как, например: *pitā jī dā* 'отцовский', *bhṛā de* 'брата', *lāl siṅgh dīā* 'Лал Сингха' и т.д. Ограничимся двумя примерами притяжательных прилагательных: *səseḡā* 'дядин' (по линии отца), *məmməḡā* 'дядин' (по линии матери).

Относительно-притяжательные прилагательные совмещают и значение относительности, и значение притяжательности, например: *bhārtī jəhāz* 'индийское судно' (относительность) или 'судно, принадлежащее Индии' (притяжательность), *lāhōṛī yūnīwərsəṭī* 'Лахорский университет' (относительность) или 'университет, принадлежащий городу Лахор'. К относительно-притяжательным относятся также и такие прилагательные, как: *ludhiānvī* 'лудхианский', *pəṭiālvi* 'патиальский', *hindvi* 'индийский', *kəṣmīṛī* 'кашмирский', *lāhōṛīā* (вариант) 'лахорский' и другие им подобные.

Степени сравнения прилагательных

Для прилагательного панджаби, как и для многих других языков, характерны три степени сравнения: положительная (немаркированная), сравнительная и превосходная (маркированные). Немаркированная форма самая общая и она выражает качество нейтральное, как таковое.

Маркированные формы рефлектируют качество в сопоставлении с качеством других однородных или разнородных предметов, либо же сравнивают степень качества одного и того же предмета на данном временном или пространственном отрезке со степенью на дру-

гом или других отрезках. Поэтому маркированные формы прилагательного, в отличие от немаркированной, обладают релятивными семантическими зарядами. Маркированные формы присущи качественным прилагательным, за исключением таковых, обозначающих цвет (*ālā* 'синий', *kālā* 'черный' и т.д.).

Нейтральный общий план выражения качества прилагательных в положительной (нулевой) степени сравнения иллюстрируют следующие примеры: *gām ikk əschā lərkā hē* [Jw, 187] 'Рам — хороший мальчик', *e'təkān khullhā te həwādāg hē* [Am, 60] 'Этот дом просторен и полон воздуха' (букв. 'воздухообладающий').

Сравнительная степень прилагательного свидетельствует о том, что данному предмету определенное качество присуще в большей или меньшей мере, чем другому предмету (или другим предметам), либо же она указывает на разницу в степенях качества одного и того же предмета на разных отрезках времени или пространства. Собственно сравнительная степень прилагательного в панджаби используется довольно редко, так как вместо нее чаще выступает синтаксический паллиатив, словосочетание, в которое входит прилагательное в положительной степени.

При сопоставлении степени качества нескольких (чаще всего двух) предметов прибегают к одному из трех способов:

1) к аналитической (относительно редко употребляющейся) форме сравнительной степени прилагательного, которая состоит из прилагательного в положительной (нулевой) степени и одного из препозитивных служебных слов, лишь фиксирующих большую или меньшую степень качества (и в сравнении с синтетическими формами эквивалентных соответствующим аффиксам); это слова типа *ədhik* или *hite* 'более' (которые чаще всего не переводятся) при выражении большей степени и *ghəṭṭi* 'менее' — при выражении меньшей степени; такая форма прилагательного требует аналитического аблатива существительного или местоимения с основной субморфой, представленной либо послелогом *pālō*, либо *kolō*, либо *iō*, например: *gām mere kolō ədhik əmīr hē* [Jw, 184] 'Рам богаче меня' (однородные предметы), *o'giyārā sālā de muṇḍiā kolō kite vəḍḍā hē* [Jw, 245] 'Он выше [ростом] одиннадцатилетних мальчиков' (разнородные предметы), *sītā gītā kolō ghəṭṭi cəlāk hē* [Cm] 'Сита менее хитрая, чем Гита' (однородные предметы);

2) к еще более редко употребляющейся синтетической форме прилагательного, типичной для языка ленди, и, вероятно, заимствованной из него, которая образуется заменой у изменяемого

прилагательного конечного *-ā* аффиксом *-ēgā*; панджабский грамматист Дуни Чандар [Candar, 99, 100] полагает, что последний — санскритского происхождения и представляет собой видоизмененный санскритский аффикс *-tār*; Чандар считает также, что этот аффикс менее всего изменился в словах *āgetrā* 'преждевременный', 'поспешный' и *picchetrā* 'запоздалый', которые, видимо, относятся к лексике тадбхава самого позднего периода; примеры: *sāṅgā* 'хороший' — *sāṅgerā* 'лучше', *vaddā* 'большой' — *vaddērā* 'больше'; в предложении данная синтетическая форма используется так же, как и аналитическая, и подобно последней сопровождается аблативом имени или местоимения, выражающего предмет, с качеством которого проводится сопоставление: *rām singh motī nālō suhṇērā hē* [Lal, 49] 'Рам Сингх красивее Моти', *e' anār us tō sāṅgerā hē* [Jaul, 43] 'Этот гранат лучше того';

3) к синтаксическому паллиативу, который является самым употребительным средством для сопоставления степеней качества. Он представляет собой словосочетание из имени или местоимения в аблативе и следующего за ним прилагательного в положительной степени; иначе говоря, само прилагательное не имеет своей синтетической или аналитической формы сравнения, а также грамматической категории, и вместо нее выступает сочетание формы его положительной степени с аблативной формой имени (местоимения), выражающей предмет, с качеством которого производится сопоставление. Возможен и другой подход к трактовке третьего способа выражения степеней сравнения прилагательного: не как синтаксического, а как такого, при котором вместо маркированной, более специфической формы выступает немаркированная, более общая. Иначе говоря, можно также альтернативно считать, что вместо аналитической (или редко употребляющейся синтетической) формы сравнительной степени прилагательного используется его форма положительной степени. Примеры: *ambāle dā jāl-vāyū simle de jāl-vāyū nālō gēgēt hē* [Jw, 196] 'Климат Амбалы жарче климата Симлы' (букв. 'климат Амбалы жаркий от климата Симлы есть'), *rām šām tō sāṅgā muṇḍā hē* [Jw, 187] 'Рам лучше Шама' (букв. 'Рам от Шама хороший мальчик').

При прилагательном может быть детерминатив, уточняющий степень качества, например: *āp de mēhlā nālō hāzār guṇā suṇḍar te kimtī mēhl kiśēp dā hē* [J, 17] 'Замок Кишана в тысячу раз красивее и дороже его замков' (букв. 'в тысячу раз красивый и дорогой от').

Если сопоставляются степени качества одного и того же предмета, то обычно используется аналитическая форма прилагательного, в которой в качестве служебных слов, выражающих большую или меньшую степень качества, преимущественно выступают: *vādhēre*, *ādhik* или *hor* 'более' и *ghatt* 'менее', например: *bhed vādhēre spāst ho jānā hē* [Ar², 7] 'Тайна становится яснее', *pārēntū mēnū ādhik gārb bāṇke jānā pāwegā* [Sn, 117] 'Однако мне, пожалуй, надо идти, так как я стал беднее', *rāstā ghatt cārā ho giā* [C] 'Дорога стала уже', *preṭ ājj kāl usnū hor vī deṣ-ābhīmānī bāṇāiā hoīā sī* [Se¹, 39] 'Любовь сделала его теперь более националистическим'.

От сравнительной степени следует отличать формы, обозначающие неполноту качества предмета. Они образуются при помощи постпозитивных изменяемых частиц *jihā* и *jinnā*, соответственно омонимичных релятивным местоимениям *jihā* 'какой' и *jinnā* 'сколько'. Довольно часто эти частицы по своей функции аналогичны аффиксам русского языка -оватый, -еватый, как, например, *темноватый*, *желтоватый* или аффиксу английского языка -ish: *darkish* 'темноватый' и т.д., например: *kālā jihā* 'темноватый', *sādā pūgāpā jihā mākān* [J, 17] 'наш старый дом' (в какой-то степени старый, но не ветхий), *mē āṇe nikke jinne pēr te ret pāṇī sūrū kār ditti* [De, 110] 'Я стал сыпать песок на свои крохотные ноги'; ср.: *nikke pēr* 'маленькие ноги' и *nikke jinne pēr* 'крохотные ноги', *sohṇī kuṛī* 'красивая девушка' и *sohṇī jihī kuṛī* 'миловидная девушка'.

Неполноту качества также выражают отдельные прилагательные, к числу которых относятся *kālūā* 'черноватый' и *kālūā* 'темноватый'.

Превосходная степень прилагательного применима только к группе однородных предметов и выражает максимальную степень качества в данном предмете. Формы данной категории аналитические, состоящие из формы положительной степени и препозитивного служебного слова, в функции которого выступает местоимение *sābh* или *sāre* 'все' в аблативе множественного числа, причем вместо субосемы множественного числа *sābhā* (маркированной формы) от местоимения *sābh* чаще используется субосема единственного числа *sābh* (немаркированная форма). В качестве основной субморфы употребляются те же послелоги, что и в сравнительной степени, а именно: *iō*, *pālō*, *kolō*. Прилагательное в предложении может быть определением (в том числе в параллельном ряду с определениями, выраженными другими частями речи), предикати-

вом, квалитативно-предикативным членом (КПЧ). Примеры: *raṁ sārīā tō sohṇā hē* [Am, 106] 'Рам самый красивый' (букв. 'из всех красивый есть'), *sārīā nālō vaddā* [R, 206] 'наибольший', *sābhñā tō bhēṇī gāl* [R, 173] 'самое худшее', *sābār sābh tō vaddī dāwāt hē* [Jw, 233] 'Терпение — наилучшее лекарство', *eṭhā sābh tō cārgī mānī gāt hē* [Jh, 36] 'Это место считают наилучшим' (КПЧ). Изменение формы превосходной степени прилагательного по падежам и числам происходит за счет обычного изменения элемента, несущего лексическое значение, например: *eṭhāz de lokā ne āpne sābh tō siāne ādmī nū zehr dā pīālā de dītā* [Sn, 155] 'Афиняне дали чашу яда своему самому мудрому человеку' (дательный падеж, ед.ч.); *sābh tō vaddē bhā* [Jh, 18] 'старший брат' (ед.ч., номинативный падеж, вежливая форма).

Кроме того, учитывая удобство практического пользования предлагаемой грамматикой, в данном разделе целесообразно привести также синтаксические паллиативы, к которым прибегают носители панджаби для выражения максимальной степени качества.

1. Синтаксический паллиатив, представляющий собой сочетание двух форм одного и того же прилагательного, первая из которых — аблатив (чаще всего аналитический, присоединяющий послелог *tō* самостоятельно, без существительного, что является специфической формой, обычно не характерной для прилагательного), а вторая — прилагательное в номинативе, например: *pāgūṇe tō pāgūṇā māṇikkh* [Gb³, 20] 'самый бездарный человек', *uścī tō uścī vidīā* [Bs, 3] 'высшее образование', *ghātt tō ghātt* 'наименьший'. Изредка можно встретить архаичную синтетическую форму аблатива в качестве первого элемента такого образования. Ниже приводим две иллюстрации Дуни Чандара: *cāngiō cārgā* [Candar, 99] 'наилучший', *vaddiō vaddā* [Candar, 99] 'крупнейший'. Следует также отметить часто встречающуюся форму выражения наименьшей степени качества с использованием прилагательного *ghātt* 'малый', 'редкий' *ghāttō ghātt* 'наименьший', 'самый меньший'.

2. Синтаксический паллиатив — словосочетание, состоящее из прилагательного в положительной степени и предшествующего ему существительного, имеющего форму аблатива множественного числа и сопровождаемого препозитивным местоимением *sābh* или *sāre* 'все'. Сочетание данной формы имени и местоимения выражает весь класс предметов, из которого извлекается один представитель с наивысшим качеством, который может выражаться или не выра-

жаться, например: *rām vābh mundīā tō sāṅgā mundaḥ* hε [Jw, 1877] 'Рам самый хороший мальчик' (букв. 'Рам хороший мальчик из всех мальчиков'); *o'sāre ādmīā kolō gāṇb* hε [Jw, 1907] 'Он самый бедный' (букв. 'он бедный из всех людей').

От форм превосходной степени также следует отличать формы, выражающие безотносительно высокую меру качества. Обычно это словосочетания, включающие прилагательное в положительной степени и наречие или прилагательное в функции наречия степени качества, что уже иллюстрировалось выше. Воспроизводим ряд этих примеров: *raṣṭā bāṅā kāṭhaṇ sī* [Bs, 29] 'Дорога была очень трудной', *sāṅgā takrā ghol* [Gb³, 20] 'очень активная борьба', *daḥhī rāḡal kuṛī* [Cm] 'очень глупая девушка', *bilkul ṭhīk* 'совершенно верный', *bohut lāmṭā rāssa* [Cm] 'очень длинная веревка'. То же самое может быть выражено и повтором прилагательного, как, например: *āṇṇe nikke nikke haṭṭhā nāl* (De, 11) 'своими очень маленькими руками'.

Кроме того, в панджаби встречаются отдельные прилагательные, использующие заимствованные средства выражения сравнительной и превосходной степеней, например: *kāḥintar* 'очень трудный' (-tar — персидский суффикс сравнительной степени); а также прилагательные персидского происхождения: *beṭtar* 'лучший', *beṭtarīn* 'наилучший', *kamatarīn* 'наименьший'.

По структуре прилагательные панджаби делятся на три подкласса: 1) непроезводимые, 2) производные, 3) сложные. Примером непроезводимых прилагательных являются слова: *lāl* 'красный', *bhinn* 'разнообразный', *tez* 'острый' и т.д.

Производные прилагательные главным образом суффиксального происхождения. К основным суффиксам прилагательных панджаби относятся:

- ī: *bhārī* 'тяжелый', *uttarī* 'северный';
- ā: *bhukkḥā* 'голодный', *akḥḥā* 'слоговой';
- ū: *bheṛū* 'сварливый', *urjāū* 'плодотворный';
- ūā: *kāṭūā* 'острый';
- əū: *raṇḍəṭəṭəū* 'пандитский';
- īā: *kusūrīā* 'виновный', *śārīā* 'стихотворный';
- vā: *rākkhvā* 'запасной', *giṇvā* 'ограниченный';
- āwān: *lajjāwān* 'стыдливый';
- īn: *nāwīn* 'новый', *kəlīn* 'благогородный';
- ik: *dhārmik* 'религиозный', *dāik* 'дающий', *vədik* 'ведический';

- lā: *əndərīā* 'внутренний', *bāhərīā* 'наружный';
- vərtī: *əndərvərtī* 'внутренний', *bāhərvərtī* 'наружный';
- ək: *viārəək* 'торговый', *itiḥāsək* 'исторический';
- vācək (-vācī): *kəḡətvācək* 'относящийся к страдательному залoгу', *kərtāvācī* 'относящийся к действительному залoгу';
- okṇā: *sərokṇā* 'давнишний', *kəddokṇā* 'карликовый';
- vī: *isvī* 'христианский';
- ət: *sīmət* 'ограниченный';
- rā: *iklārā* 'одинокий';
- lū: *kirpālū* 'добрый', *ṣərdhālū* 'верящий';
- ānī: *jismānī* 'телесный', *rūḥānī* 'духовный';
- əl: *mucḥəl* 'усатый', *duddhəl* 'богатая молоком' (о корове, буйволице);
- tən: *purātən* 'средневековый', *sənātən* 'древний';
- wəndā (-vəndā): *lāḥewəndā* 'полезный', *ghātewəndā* 'убыточный';
- məy: *sneḥmāy* 'дружеский', *kəḡupāmāy* 'печальный';
- ānt: *viəṇjənānt* 'относящийся к согласному' (например: *viəṇjənānt pāv* 'имя с исходом на согласный'), *ākāḡānt* 'имеющий окончание -ā';
- wār (-vār): *silsilewār* 'непрерывный', *kəsūrvār* 'виновный';
- ākəl: *ḡəḡākəl* 'трусливый', *ṣətmākəl* 'стеснительный';
- il(ēl): *kəsumbhāel* 'розовый', *jəṭil* 'запутанный';
- īlā: *cəmkīlā* 'блестящий', *bḥəḡkīlā* 'тревожный';
- elā: *ikelā* 'одинокий', *pəwelā* 'юный';
- šīl: *kəḡəṇšīl* 'усердный', *uḡtənšīl* 'старательный';
- vān (mān): *kəḥrvān* (*kəḥrtmān*) 'гневный', *ḡurvān* 'даровитый';
- āḡā: *ḥənsiārā* 'жестокий';
- vənt: *jəsvənt* 'известный';
- təl: *səḡtəl* 'раздражительный';
- āḡā: *ḥənsiārā* 'жестокий';
- əl (ēlā): *ḡusəl* (*ḡusēlā*) 'сердитый';
- ḥīṇ (ḥīn): *bəlḥīṇ* 'слабый', 'безударный', *ṣətməḡḥḥīṇ* 'непонятный';
- ḡēt: *ṣḡenṡḡēt* 'бесклассовый', *bəlḡēt* 'безударный';
- āḡā: *kəṣṡāḡā* 'убыточный';
- t'āḡī: *p'ekḥt'āḡī* 'бесчестный';
- ḡḡī: *sunḡḡī* 'золотой';
- cit: *kəṭhorcit* 'твердый';
- it: *sūcit* 'указанный';

- hīṭā: hāsokhīṭā 'смешной';
- hār: hoṇhār 'будущий', 'многообещающий';
- bodək: diṣā-bodək 'относящийся к направлению';
- ṭā: ikēṭā 'односторонний', 'одинарный', dūtā 'двойной', tūtā 'тройной';
- hārā: pālāḥhārā 'воспитывающий';
- jū: jəggjū 'военный';
- okā: əjjokā 'сегодняшний';
- ogt: ghərogṭ 'гражданский', 'внутренний';
- mūy: māṇāmūy 'имеющий вес в несколько манов'.

Сложные прилагательные

Сложные прилагательные целесообразно подразделить на сложнопроизводные и сложнонепроизводные.

Сложнопроизводные прилагательные включают помимо нескольких (чаще всего двух) корневых морфем адъективный аффикс, присоединяемый к конечной, например: mādḍkālīn 'средневековый' (mādḍ 'середина' + kāl 'период' + аффикс -īn), rājñitak 'политический' (rāj 'государство' + ñit 'правило', 'политика' + аффикс -k), hind-āriāy 'индоарийский' (hind 'Индия' + āriā < āriā 'ариец' + аффикс -y).

Сложнонепроизводные прилагательные образуются механическим сложением двух слов (которые могут иметь свои аффиксы) без присоединения специального адъективного аффикса, например: əddmoṡ 'полумертвый' (ədd 'половина' + причастие moṡ 'мертвый', 'умерший'), əddmiṭiā 'полузакрытый' (ədd 'половина' + причастие miṭiā 'закрытый').

Субстантивация прилагательных

Многие прилагательные панджаби наряду с обозначением признака могут эллиптически утрачивать в речи определяемое существительное и выражать предмет, т.е. субстантивироваться и функционировать как существительные, что особенно заметно у неизменяемых прилагательных, которые в ряде категорий имеют флексии, например, во множественном числе неноминативных падежей (кроме синтетического винительного) и в звательном падеже обоих чисел. Причем от одного и того же неизменяемого прилагательного образуются два существительных: одно мужского, другое женского рода (соотносительная пара), например: ləjjī 'опечаленный', ləjjəṇ

‘опечаленная’. В неименных падежах множественного числа они изменяются соответственно так: *lājīā* + послелог (послелоги) и *lājīā* + послелог (послелоги). В именном падеже множественного числа данное адъективное существительное женского рода имеет форму *lājīā* ‘опечаленные’. В звательном падеже единственного и множественного числа формы обоих родов представлены так: *lājīā!* ‘О опечаленный!’, *lājīo!* ‘О опечаленные!’ (м.р.), *lājīe!* ‘О опечаленная!’, *lājīo!* ‘О опечаленные!’ (ж.р.); Сентенсные примеры на другие адъективные существительные: *pər rūp tā vāddiā viss bēth ke ...* [De, 12] ‘Но, находясь среди взрослых, Руп[...], *sāḍā bhēṭiā nāl koṭ sāmbandh nāhī* [Cm] ‘Мы не знаем с плохими [людьми]’.

В панджаби также существует аналитическое прилагательное, о котором см. раздел ‘Частицы’.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Числительное — это часть речи, обладающая семантикой количества. Чаще всего числительное выступает как количественный детерминатив существительного. В панджаби можно выделить четыре основные разновидности данной части речи: количественные, неопределенно-количественные, собирательные, порядковые.

Количественные числительные

Количественные числительные подразделяются на выражающие числа целые и дробные.

Числительные, выражающие целые числа. Ниже приводятся числительные от одного до ста:

<i>ikk</i>	— 1	<i>terā</i>	— 13	<i>pāñjī</i>	— 25
<i>do</i>	— 2	<i>cōdā</i>	— 14	<i>chābbī</i>	— 26
<i>tinn</i>	— 3	<i>pandra</i>	— 15	<i>sātāyy</i>	— 27
<i>cār</i>	— 4	<i>solā</i>	— 16	<i>āthāyy</i>	— 28
<i>pāñj</i>	— 5	<i>sātārā</i>	— 17	<i>unāttī</i>	— 29
<i>che</i>	— 6	<i>āthārā</i>	— 18	<i>ū'</i>	— 30
<i>satt</i>	— 7	<i>unnī</i>	— 19	<i>ikāttī</i>	— 31
<i>āth</i>	— 8	<i>vī'</i>	— 20	<i>bāttī</i>	— 32
<i>nā</i>	— 9	<i>ikkī</i>	— 21	<i>tettī</i>	— 33
<i>dās</i>	— 10	<i>bāyy</i>	— 22	<i>cōttī</i>	— 34
<i>yārā(giārā)</i>	— 11	<i>teyy</i>	— 23	<i>pēttī</i>	— 35
<i>bārā</i>	— 12	<i>cōwī(cāwī)</i>	— 24	<i>chāttī</i>	— 36

<i>sentī</i>	- 37	<i>athvāñjā</i>	- 58	<i>uṇāsī</i>	- 79
<i>athattī</i>	- 38	<i>uṇāṭh</i>	- 59	<i>assī</i>	- 80
<i>untālī</i>	- 39	<i>sāthh</i>	- 60	<i>ikāsī</i>	- 81
<i>cālī</i>	- 40	<i>ikāth</i>	- 61	<i>biāsī</i>	- 82
<i>iktālī</i>	- 41	<i>bāth</i>	- 62	<i>tirāsī</i>	- 83
<i>bātālī</i>	- 42	<i>trēth(trēt)</i>	- 63	<i>curāsī</i>	- 84
<i>tātālī</i>	- 43	<i>cōth(cōnth)</i>	- 64	<i>pāñjāsī</i>	- 85
<i>cutālī</i>	- 44	<i>pēnth</i>	- 65	<i>chiāsī</i>	- 86
<i>pentālī(pentālī)</i>	- 45	<i>chiāth</i>	- 66	<i>sātāsī</i>	- 87
<i>chātālī</i>	- 46	<i>sātāt(sātāth)</i>	- 67	<i>athāsī</i>	- 88
<i>sentālī</i>	- 47	<i>athāt(athāth)</i>	- 68	<i>uṇānvē</i>	- 89
<i>athātālī</i>	- 48	<i>uṇāttar</i>	- 69	<i>nāwwe(nābbe)</i>	- 90
<i>uṇāñjā</i>	- 49	<i>sāttar</i>	- 70	<i>ikānvē</i>	- 91
<i>pāñjā'</i>	- 50	<i>ikāttar</i>	- 71	<i>bānvē</i>	- 92
<i>ikvāñjā</i>	- 51	<i>bāhattar(bāttar)</i>	- 72	<i>triānvē</i>	- 93
<i>bāwāñjā</i>	- 52	<i>tihāttar(tiāttar)</i>	- 73	<i>cōrānvē</i>	- 94
<i>tārāñjā</i>	- 53	<i>cuāttar(cāwāttar)</i>	- 74	<i>pācānvē</i>	- 95
<i>curāñjā</i>	- 54	<i>pājāttar(pāñjāttar)</i>	- 75	<i>chiānvē</i>	- 96
<i>pācāñjā</i>	- 55	<i>chiāttar(chiāttar)</i>	- 76	<i>sātānvē</i>	- 97
<i>chāpāñjā(chiwāñjā)</i>	- 56	<i>stāttar</i>	- 77	<i>athānvē</i>	- 98
<i>sātvāñjā</i>	- 57	<i>athāttar</i>	- 78	<i>nāren(n)vē</i>	- 99
			<i>sō</i>	- 100	

Сотни комплектуются составным способом: *do sō* 'двести' (букв. 'два сто'), *tinn sō* 'триста' (букв. 'три сто'), *cār sō* 'четыреста' и т.д. Более крупные числительные следующие: *hazār* 'тысяча', *lakkh* 'сто тысяч', *kroṭ* 'десять миллионов' (сто лакхов), *arḥ* 'миллиард' (сто кроров), *khārb* 'сто миллиардов' (сто арбов), *nīl* 'десять триллионов' (сто кхарбов), *pāḍm* 'тысяча триллионов' (сто нилов), *sāṇkh* 'сто тысяч триллионов' (сто падамов).

По структуре количественные числительные, выражающие целые числа, можно подразделить на простые, сложные и составные.

Простыми являются односложные числительные с неприводимой основой. К ним принадлежат все числительные от одного до десяти включительно; *vī* 'двадцать', *tī* 'тридцать' (видимо, с опрошенной основой, сложной по происхождению, поскольку ощущается ее близость с основой числительного «три» не только в санскрите, к которому они обе восходят, но и даже в пракрыте; скр. *trīni* 'три' — *trīṣaś* 'тридцать', пкр. *tīṇi* 'три' — *tīṇsā* или *tīsā* 'тридцать'); *cālī* 'сорок' (видимо, с опрошенной основой: скр. *caturī* 'четыре' —

cātvāriṣaṭ 'сорок', пкр. *cattāri* 'четыре' — *cattālīsā* 'сорок'); *saṭṭh* 'шестьдесят' (видимо, с опрошенной основой; скр. *ṣaṣ*, или *ṣaṭ* 'шесть' — *ṣaṣṭi* 'шестьдесят', пкр. *chā* 'шесть' — *saṭṭh* 'шестьдесят'). Как видно, в результате существенной мутации в пракрите схожесть основ числительных «три» и «тридцать» была утрачена почти полностью; *ṣasī* 'восемьдесят' (видимо, с опрошенной основой; скр. *aṣṭa* 'восемь' — *aṣṭi* 'восемьдесят', пкр. *vaṭṭh* 'восемь' — *asī* 'восемьдесят'); эта же несколько видоизмененная основа (*āsī*), восходящая также к санскритскому *aṣṭi* (или *aṣṭi* — вариант) 'восемьдесят' и пракритскому *asī* 'восемьдесят', употребляется не самостоятельно, а в качестве компонента сложных числительных от 81 до 88 и в 79; *paṇṇe* (*paṇṇe*) 'девяносто' (видимо, с опрошенной основой, сложной по происхождению: скр. *paṇa* 'девять' — *paṇaṭi* 'девяносто'; пкр. *paṇ* 'девять' — *paṇṇe* 'девяносто'); эта же основа, но в измененном виде (*paṇṇe*) также происходит от скр. *paṇaṭi* 'девяносто' и пкр. *paṇṇe* 'девяносто' и не используется самостоятельно, а является компонентом сложных числительных от 91 до 98 и в 89; *sā* 'сто', *haṇṇa* 'тысяча', *laṅka* 'сто тысяч', *koṭi* '10 миллионов', *arab* 'миллиард', *paṇi* '10 триллионов', *saṅka* '10 падамов'.

Сложными являются числительные от 11 до 99. Их можно подразделить на двухморфемные и трехморфемные.

К двухморфемным сложным следует отнести числительные: от 11 до 18, в которых значение «десять» несут алломорфы *-daṭṭa*, *-daṭṭa*, *-daṭṭa* (в числительных *yaṭṭa* 'одиннадцать' и *vaṭṭa* 'двенадцать' единицы представлены лишь остаточными согласными звуками соответственно *y-* и *b-*, восходящими в конечном счете к санскритским *ek* 'один' и *dvā* 'два' [пкр. *v > b*]); от 21 до 28, в которых значение «двадцать» передается алломорфами *-vī*, *-vī*, *vī*, *-bī*; от 31 до 38, в которых значение «тридцать» выражается алломорфами *-tī*, *-tī*; от 41 до 48, в которых значение «сорок» несет морфема *-tālī*; от 61 до 68, в которых алломорфы *-āṭṭh*, *-āṭṭh*, *-āṭṭh* имеют значение «шестьдесят»; от 91 до 99, в которых значение «девяносто» несет морфема *-paṇṇe*; *paṇṇa* 'пятьдесят', в котором морфема *paṇṇ* 'пять' сражена с морфемой *-ā*, означающей «десять» и представляющей собой остаток санскритской морфемы *aṣṭa* 'десять' и пракритской *-āsa* 'десять' (что четко прослеживается в отличие от слов типа *cālī* 'сорок', *ṣasī* 'восемьдесят' и др. с непрозрачными структурами, которые поэтому целесообразно принять за опрошенные); *saṭṭar* 'семьдесят', в котором элемент

-аг означает «десять» и восходит к пракритскому -*ṛī* и санскритскому -*tī*; ряд числительных, начинающихся с алломорфов *иṛ-*, *ип-*, *ипп-*, восходящих к санскритскому *īn-* «девять», которое как алломорфный компонент сложных числительных употреблялось параллельно с *пэшэ* «девять». Алломорфы *иṛ-*, *ип-*, *ипп-* присоединяются к морфеме, несущей значение числа, состоящего из круглых десятков, и подразумевают число, оканчивающееся на девять, т.е. на единицу меньше соответствующего числа из десятков.

В современном панджаби алломорфы *иṛ-*, *ип-*, *ипп-* утратили значение «девять» и приобрели другое — «без единицы». Сюда относятся следующие двухморфемные числительные: *иппī* — 19, *иṛəttī* — 29, *ипṛatī* — 39, *иṛāṭh* — 59, *иṛāsī* — 79, *иṛānvē* — 89.

Как видно, помимо 11 и 12, в ряде других числительных одна из двух морфем также представлена лишь одним согласным звуком: это морфема *b-* в *bāy* — 22, *bəttī* — 32, *bāṭh* — 62, *bānvē* — 92, морфема *-ṭ* или *-ṭh* в *trēṭ* (*trēṭh*) — 63, *vṛṭh* — 64, *reṇṭh* — 65.

К трехморфемным сложным следует отнести числительные от 51 до 58, в состав которых входят двухморфемные алломорфы *vəñjā*, *wəñjā*, *əñjā*, *rañjā* со значением «пятьдесят», которые в отличие от алломорфа — самостоятельного слова *rañjā* — 50 используются лишь как компонент сложных, трехморфемных числительных; от 71 до 78, включающие двухморфемные алломорфы *həttar* и *əttar* со значением «семьдесят», которые в отличие от алломорфа — самостоятельного слова *səttar* — 70 используются лишь как компонент сложных, трехморфемных числительных; *иṛəñjā* — 49 и *иṛəttar* — 69, в которых первый компонент — алломорф *иṛ-*, а второй и третий представлены соответственно алломорфами *əñjā* и *əttar*.

Составные числительные включают две и более лексических единиц. К ним относятся все числа от 101 и выше, исключая однословные. Примеры: *che sṛ* — 600, *ikk sṛ rañj* — 105, *do həzār cār sṛ satārā* — 2417.

Количественным числительным (целым числам) присущи определенные морфологические свойства.

Числительные данного подкласса не изменяются по числам (за исключением заимствованного *həzār* «тысяча») и родам. Числительное *həzār* изменяется по числам, приобретая аффикс *-ā*, если не сочетается с другим словом, обозначающим количество, например: *həzārā kuṭā* «тысячи девушек», но *kəy həzār kuṭā* «несколько тысяч девушек».

Числительные могут изменяться по падежам. Предыдущие примеры всех числительных (в том числе и перечень первой сотни) иллюстрируют формы номинативного падежа. В сочетании с существительным числительное выступает как определение количественного характера. Приведем ряд примеров на числительное в номинативном падеже: *tinn kəwītāwā* [PL, II. 1968, 38] 'три стиха', *do nṣjəwān tīwīā sāhəmniō ā rəhīā sən* [G¹, 63] 'Две молодые женщины приближались к нам', *e' thā səmundər dī sathā tō pəndrā solā həzār phuṭ ucčī sī* [Jh, 21] 'Это место находилось над уровнем моря на высоте 15-16 тысяч футов'. Формы синтетического винительного падежа совпадают омонимически с формами номинативного. Ограничимся лишь одной иллюстрацией: *tinn sṣ gəz ruḥən picchō* [Jh, 18] 'по прохождении трехсот ярдов'.

Как показывает исследованный материал, в панджаби существуют две формы неноминативных аналитических падежей числительного: 1) с субморфированной автосемой, образуемой присоединением аффикса -ā̃, 2) с субосемой, омонимичной номинативному падежу, какую всегда имеют числительные: *ikk* 'один', от 11 до 18, от 51 до 58 и от 89 до 99.

Сначала остановимся на падежных формах с аффиксом -ā̃. Ниже даны субморфированные автосемы числительных первого десятка:

<i>ikk</i>	< <i>ikk</i>	- 1
<i>dowā̃, dō'ā̃</i>	< <i>do</i>	- 2
<i>tinnā̃</i>	< <i>tinn</i>	- 3
<i>cārā̃, cṣ'ā̃</i>	< <i>cār</i>	- 4
<i>pəñjā̃</i>	< <i>pəñj</i>	- 5
<i>cheā̃</i>	< <i>che</i>	- 6
<i>səttā̃</i>	< <i>sətt</i>	- 7
<i>əttihā̃</i>	< <i>əttih</i>	- 8
<i>nṣā̃</i>	< <i>nṣ</i>	- 9
<i>dəsā̃</i>	< <i>dəs</i>	- 10

Лишь числительное *ikk* 'один' выступает с нулевым аффиксом; *do* 'два' и *cār* 'четыре' имеют по два варианта субосемы: алломорф *dowā̃*, включающий аффикс -wā̃, и алломорф *dō'ā̃*, образуемый не только добавлением аффикса -ā̃, но и изменением тона (ровный → восходящий), алломорф *cṣ'ā̃*, возникший в результате присоединения аффикса -ā̃, изменения тона и внутренней флексии (*ā* → *ṣ*), алломорф *cārā̃*, образуемый по общим правилам, как и все остальные числительные первого десятка. Далее следует ряд текстовых примеров

данной разновидности неноминативных падежей: *doā chāṇiā de vickār* [Sew, 25] 'между двумя лагерями', *hem cāṇḍar ne sātāyā ārabhramšā dā zikār kītā hē* [Ar², 9] 'Хем Чандар упоминает 27 апабхранш', *tinnā dinā bād* [Jh, 37] 'через три дня', *rānjā varhiā dā aje mē nāhī sā hoia* [Gb⁴, 50] 'Мне не было еще пяти лет'.

Ниже приводятся примеры на падежные формы с субосемой, омонимичной номинативному падежу: *ārīā lok bhārat vicc do tolā jā jāthiā vicc āe* [Ar², 3] 'Арии пришли в Индию двумя группами или отрядами', *dās yārā sāl dī āwāsthā tak* [Jh, 14] 'до десяти-одиннадцатилетнего возраста', *tinn māhīne bād* [Jh, 8] 'через три месяца', *do sō sāl tō kujh vādhiḥ sāmē dī gāl hē* [Jh, 6] 'более 200 лет тому назад'.

Падежные формы с обеими разновидностями субморфированной автосемы числительного используются носителями попеременно. Так, в одном и том же произведении мы обнаружили в одном и том же (основном обстоятельственном) падеже и даже с одной и той же основной субморфой две разновидности субосемы числительного *tinn* 'три': *tinn māhīne bād* [Jh, 8] 'через три месяца', *tinnā dinā bād* [Jh, 33] 'через три дня'.

Числительное панджаби может обретать формы синтетических эргативного и основного обстоятельственного падежей, совпадающих омонимически и образуемых при помощи аффикса *-ṭ(y)*. Для первого десятка формы этих падежей следующие: *ikk*, *dowī* (*dōy*), *tinnī*, *cārī*, *rānjī*, *chēy*, *sātī*, *āthī*, *nēy*, *dāsī*. Примеры: *bāghī varhi rūṭī dī vī sunī jāndī hē* [Am, 86] 'У каждого свой день' (букв. 'на двенадцатый год даже навозная куча слышит'), *jogāwār dā sātī vīhī sō* [Am, 89] 'У сильного/даже/в ста сорока сотня' (букв. 'в семи двадцатках'), *sāḥak dē dōy pāsī* [Pr, 17] 'по обе стороны дороги', *is tarhā tinnī thāy* "bohut" *kiriā-viśeṣān hē* [Lal, 64-2] 'Таким образом, «bohut» в трех местах является наречием'.

Числа панджаби изображаются следующими цифрами (от нуля до девяти): 0, १, २, ३, ४, ५, ६, ७, ८, ९.

Обозначение дат, годов дается в основном обстоятельственном падеже (основная субморфа *nū* или *vicc*), например:

1937 *vicc* 'в 1937 г.', 1936 *ī*: 7 *nū* [Jh, 42] 'в 1936 г. христианской эры', 10 *jānvārī* 1938 *nū* [Jh, 43] '10 января 1938 г.', 28 *farvārī* 1936 *īsvī nū* [Jh, 42] '28 февраля 1936 г. христианской эры',

⁷ Знаки с двоеточием (ī): ३: и (sn): ४: представляют собой сокращения соответственно от *īsvī* 'христианская эра' и *sān* 'год'.

dəsəmbər 1916 vicc [Jh, 19] ‘в декабре 1916 г.’, *dəsəmbər 1912 nū* [Jh, 19] ‘в декабре 1912 г.’, *sn: 1916 t:* [Jh, 20] ‘год 1916 христианской эры’.

Количественные числительные могут субстантивироваться, обретая предметное значение и способность непосредственно присоединять послелоги и образовывать таким образом независимую форму аналитического падежа. Иначе говоря, они начинают функционировать как имя существительное. Ограничимся следующими иллюстрациями: *do nǝjəwān tīwā sāhəmpīḍ ā rəhtā sən-ikk de həttə vicc phullā dā gəjrā sī* [G¹, 53] ‘Две молодые женщины приближались к нам. В руке одной был букет цветов’, *kərtā nāl ‘ne’ cinh dī vartō rəñjabī te rəscchmī hindī dohā vicc hundī hē* [Ar², 46] ‘В обоих, и в панджаби, и в западном хинди, с субъектом используется знак ‘ne’, *sō pūtiāde nāl kətt rēndā e* [I, 7] ‘Сотне [людей] приходится иметь дело с тобой’.

Дробные числительные. Для панджаби известны следующие дробные числительные: *pā(rāo)* ‘одна четверть’ *āddā* (*ādd*, *āddī*) ‘одна вторая’ (*āddā* – мужского рода, *āddī* – женского), *deḍ* (*ḍūḍ*) ‘полтора’, *tāy* ‘два с половиной’. Примеры: *pā həttə* ‘одна четвертая хаттха’ (мера длины), *āddā(ādd)ko* ‘половина коса’ (мера длины), *ādd mās* ‘половина месяца’, *pūrā āddā dīn* [Gb⁴, 51] ‘целые полдня’, *āddī vāt* [Se¹, 1] ‘половина пути’, *tāy gəz* ‘два с половиной газа’.

Синонимами *pā* ‘одна четверть’ являются слова *səwā* и *pṛā*, но они используются лишь в сочетании с целыми числовыми единицами, причем *səwā* имеет аддитивное значение (т.е. плюс одна четверть к целому числу единиц), а *pṛā* – субтрактивное (т.е. минус одна четверть из целого числа единиц), например: *səwā che* ‘шесть с четвертью’, *pṛā che* ‘пять и три четверти’ (т.е. шесть без четверти). Если речь идет о дроблении крупных числовых единиц, то объективно сочетание такого числа с *səwā* или *pṛā* бывает целым числом, например: *səwā rəñj sō* – 525 (букв. ‘пять сотен и одна четверть сотни’), *pṛā rəñj sō* – 475 (букв. ‘из пяти сотен минус одна четверть сотни’). Синонимом *āddā* (*ādd*) ‘половина’ является слово *sāde*, но оно используется лишь в сочетании с целыми числовыми единицами и несет аддитивное значение, например: *sāde cār* ‘четыре с половиной’, *sāde rəñjā* ‘пятьдесят с половиной’, *sāde satt sō* – 750, *sāde ətt həzār* – 8500.

Неопределенно-количественные числительные

В панджаби наличествует небольшая группа слов, выражающих недифференцированное, неопределенное количество исчисляемых объектов. Недифференцированность, неопределенность значения таких слов, не называющих конкретного числа, приближают их к местоимениям. Однако в отличие от последних в их семантике содержится какая-либо конкретизирующая информация о числе: либо о том, что число большое, либо о том, что оно малое, либо о том, что оно состоит из нескольких единиц, и т.д. Поэтому нам представляется целесообразным не относить их к разряду местоимений и оставить их в классе числительных, сохранив за ними название «неопределенно-количественные числительные». К ним принадлежат в первую очередь *kāṛ* ‘несколько’; форма множественного числа неизменяемого слова *kuṛ* (*kuṛch*) ‘несколько’, омонимичная форме единственного числа *kuṛ* (*kuṛch*) ‘что-то’, ‘нечто’, ‘какой-то’, ‘некий’, представляющей собой неопределенное местоимение; форма множественного числа *boṭe* (или неизменяемый алломорф *boṭi*) ‘многие’, противопоставляемая форме единственного числа *boṭiā* (*boṭi*) ‘большой’, ‘сильный’, являющейся качественным прилагательным. В женском роде помимо формы множественного числа *boṭiā* ‘многие’ может выступать и форма единственного числа (слабый, немаркированный член) *boṭi* ‘многие’; *ānek* ‘многочисленный’; а также формы множественного числа *bāṛe* (м.р.) и *bāṛiā* (ж.р.) ‘многие’, ‘многочисленные’, противопоставляемые формам единственного числа *bāṛā* ‘большой’ и *bāṛī* ‘большая’, являющимся качественными прилагательными; затем формы множественного числа *thoṛe* (м.р.) и *thoṛiā* (ж.р.) ‘немногие’, ‘немногочисленные’, противопоставляемые формам единственного числа *thoṛā* ‘небольшой’, ‘малый’ и *thoṛī* ‘небольшая’, ‘малая’, представляющим собой качественные прилагательные.

Все неопределенно-количественные числительные используются с существительными во множественном числе. Примеры: *likhāṇ nū iā kāṛ gallā hān* [Am, 123] ‘Нужно написать еще кое-что’ (букв. ‘несколько дел’), *kāṛā kolō mē supīā kārā sā ke...* [Gb⁴, 50] ‘От некоторых (букв. нескольких) я слышал, что...’, *kuṛchāṛ vīcc kuṛ kitābā hān* [G³, 49] ‘В руках, прижатых к груди, несколько книг’, *bārkate kuṛ dīnā dī hī māmān e* [Gb⁴, 53] ‘Баркате – гость лишь на несколько дней’, *boṭi vārī jīt jānde* [Gb⁴, 51] ‘Много раз побеждал’, *boṭi vāstīā vīccō hār vārī kinnīā vāstīā nikheṛ ke lātā gātā hān?* [Mh, 93] ‘Сколько предметов из многих предметов бралось

каждый раз?', *boute pərhe likhe lok nikəmme phirde hən* [Am, 103/ 'Многие образованные люди ходят безработными'. *eho jəyā ghəṛiā boutiā nəhi hundā* [Gb², 25/ 'Таких часов много не бывает', *ənekā sādē ənkīle jəwānā ne* [Gb³, 18/ 'многие наши честолюбивые юноши', *ənek ghəṇāwā* [Cm/ 'многие происшествия', *ənek rūp* [R, 73/ 'много форм', *o-de kol thoṛe rūpəe hən* [Jw, 186/ 'У него немного денег' (букв. 'немногие рупии'), *o- thoṛiā ku kursitā tuṭiā hoṭā sən* [Jw, 186/ 'Те немногие стулья были сломаны', *bohut kitābā mez te pātā hoṭā ne* [C/ 'На столе много книг', *us ne bəṛiā muṣṭibātā jhālīā* [Jw, 300/ 'Он много перенес' (букв. 'многие трудности').

Собирательные числительные

Собирательные числительные являются суффиксально-производными от количественных и включают слова первого десятка от 2 до 10. Образуются они при помощи аффикса *-e(-we, -wē)*: *doe* или *dowē* 'двое', *tinne* 'трое', *cāre* 'четверо', *pəñje* 'пятеро', *chewe* 'шестеро', *satte* 'семеро', *əṭṭhe* 'восьмеро', *nṛe* 'девятеро', *dṛse* 'десятеро', например: *meriā dowē bhəṇā oṇū bhūā ākhṛiā sən* [Gb⁴, 52/ 'Обе мои сестры называли ее тетей'.

Помимо большинства этих форм Ньютон [Nw, 133/ приводит еще алломорфы, образованные при помощи аффикса *-o*, а вместо *chewe* 'шестеро' дает еще *cheu*. Видимо, следует считать эти алломорфы отмирающими.

В неноминативных падежах (кроме винительного синтетического) формы собирательных числительных совпадают с формами количественных.

Следует иметь в виду, что аффиксы *-e(-we, wē)* и *-o* (наряду с реже встречающимися аффиксами *-ō, -ū, -y*) имеют еще и эмфатическую функцию. Присоединением их к количественным числительным первого десятка достигается эмфатическое выделение последних: *ikke(ikko)* 'лишь один', *dowē(doe, dōū)* 'лишь два', *tinne(tinnō)* 'лишь три', *cāre(cāro)* 'лишь четыре', *pəñje(pəñjo)* 'лишь пять', например: *bhārət vīcc āṛiā lok ikko vārī nəhi ā gṛe hoṛe* [Ar², 3/ 'Арии пришли в Индию, видимо, не сразу' (букв. 'не одним-единым разом'), *āṛiā lok bhārət vīcc ikke vārī nəhi āe* [Ar², 3/ 'Арии пришли в Индию не сразу' (букв. 'не одним-единым разом').

Для усиления идеи собирательности существует синтаксическое средство, представляющее собой атрибутивное словосочетание, в ко-

тором к числительному-определяемому препозитивно подставлено то же числительное в согласующе-реляционном падеже в функции определения, например: *dohā de do* 'полностью двое', *tinnā de tinn* 'все трое', *xhewā de che* 'все шестеро'. При помощи этой модели акцентированная идея собирательности может быть выражена не только числительными первого десятка, но и другими числительными, например: *sā dā sā* 'все сто', *hazār dā hazār* 'вся тысяча'.

Порядковые числительные

Порядковые числительные также выражают идею количества, но в ином преломлении: в плане очередности, в порядковом аспекте.

Данные слова производны при помощи определенных суффиксов от соответствующих количественных числительных (кроме *pēlā* 'первый'). Начиная со слова «пятый» все порядковые числительные образуются при помощи санскритского по происхождению суффикса *-vā(-wā)*, изменяющегося по родам, числам и падежам (*-vā*, *-vīā*, *-vī*, *-vīā*). Поэтому парадигма такого числительного напоминает парадигму прилагательного, например: *sattvā munḍā* 'седьмой мальчик', *sattvā munḍe tō* 'от седьмого мальчика', *e sattvīā munḍīā!* 'Эй, седьмой мальчик!', *sattvī kūrī* 'седьмая девочка', *sattvī kūrī tō* 'от седьмой девочки', *e sattvīe kūrīe!* 'Эй, седьмая девочка!' и т.д.

Если количественное числительное оканчивается на *-ā* или *-vā*, то при образовании порядковых числительных эти аффиксы заменяют аффиксом *-vā*, например: *sātāgā* – 17 – *sātāvā* – 17-й, *chīānvā* – 96, – *chīānvā* 96-й. Отличную (от стандартной) форму имеют порядковые числительные от «первый» до «четвертый»⁸. Происхождение слова *pēlā* 'первый' неясно [Agar², 206], *dūjā* 'второй' восходит к санскритскому *dvitīyā* (пкр. *duiijo*), *tījā* 'третий' – к скр. *trītiyā* (пкр. *tiijjo*), *cāthā* 'четвертый' – к скр. *caturthā* (пкр. *cāūthā*). Ниже приводится ряд текстовых примеров на данный подкласс числительных: *[us] ne āpne pēle pāth nāl hār ikk vīāktī nū hārān kūā* [Sn, 172] 'Она удивила всех на своем первом уроке', *ḍje usne ḍāsvī jāmāt pās kārnt sī* [Sn, 179] 'Ему еще предстояло сдать экзамен за десятый класс', *dūje lokā de pāpā dā pācātāwā kārān lāt* [Sn, 176] 'чтобы раскаться за грехи других людей', *sāre sūbe'cō dūje dārje te rāhe*

⁸ В панджаби также используются числительные из хинди *dūsra* 'второй' и *tīsra* 'третий'. И эти числительные имеют адъективную парадигму.

[/Bs, 6/ 'Он кончил школу вторым учеником во всей провинции',
 unṇīwī sādī /G⁴, 50/ '19-й век', aṭṭharvī sādī vīcc /A², 2/ 'в 18-м
 веке', pēlī vārī /Jh, 19/ 'первый раз', kaṇḍagrās dā ikvaṇḍāwā sālānā
 sātāgāt /Bs, 15/ '51-я ежегодная конференция Индийского нацио-
 нального конгресса'.

Числительное pēlā 'первый' может также изменяться по степе-
 ням сравнения, например: sabbh tō pēlā ādmī /Jh, 30/ 'самый пер-
 вый человек' (превосходная степень).

Нам удалось зарегистрировать случаи субстантивации поряд-
 ковых числительных: dūje ne kənnā vīcc vādde bāle pē hoe sən
 /G¹, 63/ 'У второй в ушах были большие серьги', gajre vālī tīwī
 ne dūjī nū zəgā dhakā dītā /G¹, 63/ 'Девушка с букетом слегка
 толкнула вторую', ve tū choṭā ē? dūsrīc pəṭṭhā ē /De, 12/ 'Разве
 ты маленький? Учишься во втором', āp ne dəsivī dā imtiḥān dītā
 /Bs, 6/ 'Он сдал экзамены за десятый [класс]'.

Как видно, в случае субстантивации числительные непосредст-
 венно сочетаются с послелогом, образуя различные падежи. Они
 начинают выражать предметное значение, которое передавали до
 этого лишь совместно с соответствующим именем, и поэтому
 обретают окончание, соответствующее роду этого имени.

МЕСТОИМЕНИЕ

Местоимения — это класс слов, который характеризуется сле-
 дующими чертами:

1) заместительной функцией: обычно принято считать,
 что местоимение заменяет одно из имен — существительное, при-
 лагательное, числительное; однако материалы, собранные нами, по-
 зволяют сделать вывод, что данная часть речи может относиться
 к более широким категориям, чем слово, так как она, как это будет
 видно ниже, может заменять не только имена, но и целые предложе-
 ния, периоды и даже большие высказывания. Короче говоря, место-
 имение может быть и синтаксическим заменителем; поэтому
 термин «местоимение» не совсем точен и носит довольно условный
 характер;

2) указательной семантикой в широком смысле, так как
 она определяется в значительной степени ситуацией речи; значение
 местоимения может предполагать либо предметность, либо признак,
 либо число, либо синтаксическую единицу, но не путем называния
 их, а лишь указанием на них. Иначе говоря, местоимение лишено

доминативного или коммуникативного характера и его семантика связана с отношением, с реляционностью;

3) абстрактностью, обобщенностью и отвлеченностью: это является результатом специфики функции местоимения и особенностью семантики.

В зависимости от разновидности заместительной функции все местоимения можно подразделить на: 1) местоимения-существительные (указание на предмет), 2) местоимения-прилагательные (указание на признак), 3) местоимения-числительные (указание на число), 4) местоимения-синтаксические заменители (указание на синтаксическую единицу).

Если указательной семантикой в широком, общем, иначе говоря, неноминативном, смысле обладают все местоимения, то непосредственным «указательным зарядом», «указательной силой» наделены лишь такие разряды местоимений, как указательные, лично-указательные и коррелятивные, о чем речь пойдет ниже.

В зависимости от общего значения и синтаксической функции местоимения панджаби можно подразделить на: 1) личные, 2) лично-реляционные, 3) лично-указательные, 4) указательные, 5) указательно-реляционные, 6) притяжательные, 7) определительные, 8) возвратные, 9) межсубъектные, 10) неопределенные, 11) вопросительные, 12) релятивные, 13) коррелятивные.

Личные местоимения

Личные местоимения являются местоимениями-существительными, поскольку личные местоимения *mē* 'я', *tū* 'ты', *āsī* 'мы', *tuśī* 'вы' указывают на лицо или лица и, следовательно, подразумевают одушевленный предмет (предметы). Местоимения этого подкласса изменяются по числам и падежам и не имеют родовых показателей.

Большинство падежей местоимения первого лица — синтетические, причем наличествуют и производные формы синтетических падежей, поскольку послелог *nā*, *iḥā* (*iḥ*) слились с морфемами этих местоимений и уже выполняют функцию падежного суффикса, а не основной субморфы.

Собранный нами материал показал, что в эргативном падеже множественного числа наряду с более распространенной формой *āsā* 'мы' может использоваться и форма, типичная для номинативного падежа, т.е. *āsī*, а в западных районах индийского Панджаба

для номинативного падежа встречается и форма *asā*, типичная больше для эргативного. Это лишний раз доказывает родственность номинативного и эргативного падежей как подлежащих. Ниже приводится ряд примеров на синтетические падежи: *asī hāsde rāhe te gallā kārde rāhe* [G¹, 65] 'Мы смеялись и болтали' (номинативный), *coll asā bī vukh āye* [Nw, 39] 'Давайте и мы пойдем посмотреть' (номинативный), *asā is utte āpne vāllō, bāṭ mihnāt kūt hē* [NZ, 1.X.1962, 1] 'Мы, со своей стороны, потратили на это много сил' (эргативный), *asī oḍā vāh kārā ditta* [Am, 37] 'Мы его женили' (эргативный), *mē śām tikar e kamm khatam kar sakhdā hā* [Am, 32] 'Я смогу закончить эту работу к вечеру' (номинативный), *mē rel dā kārāi nāhī ditta* [Am, 27] 'Я не оплатил стоимости проезда по железной дороге' (эргативный), *o' mēṇ kādām kādām te bulāndī te hāsāndī jāndī sī* [Gb⁴, 54] 'Она на каждом шагу меня подбадривала и смешила' (винительный синтетический производный), *mēṇ tā is ne dhokhā ditta sī* [Se¹, 48] 'Он меня обманул' (букв. 'мне дал обман', дательный синтетический производный), *pār o'khatre sāṇū rok nāhī sakke* [Jh, 13] 'Но те опасности не могли нас остановить' (винительный синтетический производный), *sāṇū is hāmle tō khābārdār ho jāṇā cāhīdā hē* [NZ, 1.X.1962, 2] 'Нам нужно остерегаться этих нападок' (дательный синтетический производный), *mēt dī khābar mēthō sēhārī nā gāt* [Gb⁴, 54] 'Я не мог выдержать (букв. от меня не получилось терпения) известия о смерти' (аблатив синтетический производный), *sāthō* [Ca, 79] 'от нас', *sāthī* [P¹, 223] 'от нас'.

Основной обстоятельственный и косвенно-объектный падежи, а также один вариант аблатива местоимений первого лица представлены аналитическими формами, в которых в качестве субморфированной автосемы выступает форма притяжательного местоимения 1-го лица: *mere* для единственного числа и *sāde* (*asāde*) для множественного. Следует также учесть, что вместо аблатива *sāthō* (*sāthī*) или *sāde* + послелог 'от нас', 'нами' иногда также используется форма *āpne vāllō* 'от нас', 'от себя', 'с нашей стороны', в которой субосемой служит возвратное притяжательное местоимение *āpṇā* 'свой' в форме *āpne*. Примеры: *mere sāhamṇe* [Gb⁴, 55] 'передо мной', *edā kāraṇ jāṇan dī utsuktā oḍō mere andār nāhī sī* [Gb⁴, 50] 'У меня тогда не было желания узнать причину этого', *oḍā sāde nāl dīve jagāe* [Gb⁴, 51] 'Он зажигал нами светильники', *pār sāde nālō ghāṭṭ sāl nāhī sī* [Gb⁴, 52] 'Но [он] был не менее чист, чем наш' (букв. 'от нашего'), *callo ikk pēse dī cīz mere kolō*

ut *khā lāwo* [Gb², 18] 'Пожалуйста, поешьте и Вы у меня (букв. от меня) на одну пайсу', *ciṭṭhī mere pāssō likhī gāi sī* [Mh, 116] 'Письмо было написано мною', *asā is utte āṇe vāllō, bāṭ mihnət kṭi hē* [NZ, 1.X.1962, 1] 'Мы, со своей стороны, потратили на это много сил'.

Алломорфы *asānū* 'нам', 'нас' и *asāde* + послелог употребляются реже, чем *sānū* и *sāde* + послелог. Для аналитического аблатива множественного числа существует форма *asā tō* [Ca, 142], видимо, редко употребляющаяся. Ниже приводится таблица местоимений 1-го лица, составленная на основе собранного нами материала (табл. 5).

Таблица 5

Парадигма местоимения 1-го лица

Падеж	Единственное число	Множественное число
Номинативный	<i>mē</i> 'я'	<i>asī</i> (<i>asā</i>)* 'мы'
Эргативный	<i>mē</i> 'я'	<i>asā, asī</i> 'мы'
Винительный	<i>mēnū</i> 'меня'	<i>sānū, asānū</i> 'нас'
Дательный	<i>mēnū</i> 'мне'	<i>sānū, asānū</i> 'нам'
Синтетический аблатив	<i>mēthō</i> 'мною', 'от меня'	<i>sāthō</i> 'от нас', 'нами'
Аналитический аблатив	<i>mere kolō</i> (<i>pāssō</i> , <i>vāllō</i>) 'от меня' 'мною'	<i>sāde vāllō</i> (<i>kolō</i> , <i>pāssō</i>) или <i>asā tō</i> 'от нас', 'нами'
Аналитические основной обстоя- тельствственный и косвенно-объект- ный	<i>mere</i> + P**	<i>sāde</i> (<i>asāde</i>) + P

* Здесь и далее в скобках приводится редко употребляющийся вариант.

** Здесь и далее P — послелог.

Система падежей личных местоимений 2-го лица схожа с системой падежей местоимений 1-го лица. Большинство форм здесь также синтетических (табл. 6). Наличествуют и производные образования за счет аффиксов *-nū* и *-thō*. В эргативном падеже множественного числа наряду с более распространенной формой *tusā* 'вы' может использоваться и форма, типичная для номинативного падежа, т.е. *tusī*, а в западных районах индийского Панджаба для номинативного падежа встречается и форма *tusā*, более типичная для эргативного. *tē* 'ты' — архаичная форма эргативного падежа. Ниже приведены примеры на

синтетические формы падежей: *tū āt nāhī kādī sādē ghār* [G³, 34] ‘Ты никогда не приходила к нам’ (номинативный), *tusī bāre lā-pār-vāh o* [G³, 35] ‘Вы очень беззаботны’ (номинативный), *tū ewē muftā muftī bulā liā* [G³, 46] ‘Ты напрасно пригласила’ (эргативный), *bāhut kujh te tusā hupe hī kār dittē* [Gb², 26] ‘Именно сейчас Вы сделали очень многое’ (эргативный), *tusī us nū kiwē rāchāniā?* [Am, 21] ‘Как Вы узнали его?’ (эргативный), *o tēnū āpāt bātārī tō bāsārā cāhundī sī* [Gb⁴, 54] ‘Она хотела оградить тебя от своей болезни’ (винительный), *mē tuānū milār āwāṅgā* [Am, 119] ‘Я навещу вас’ (винительный), *pātā lēmp dā hē kujh tēnū* [J, 34] ‘Тебе известно что-либо о лампе?’ (дательный), *tuānū dālār mil jāegā* [I, 6] ‘Вы получите богатство’ (букв. ‘к Вам придет богатство’, дательный), *ve sir sārīā, zārā chetī nāhī mār hundā tēhō!* [I, 3] ‘О глупый, ты (букв. от тебя) не мог придти немного раньше?’ (аблатив), *sādā suāl tuāthō chetī hāl kītā jāwe* [Mh, 254] ‘Вам (букв. от вас) следует быстро разрешить наш вопрос’ (аблатив). Существуют также производные синтетические формы *tusānū* (*tusānū*) [Mohan, 70; Candar, 80] ‘вас’, ‘вам’ и *tusāthō* [Candar, 142] ‘от вас’, ‘вами’.

Основной обстоятельственный и косвенно-объектный падежи, а также один вариант аблатива местоимения второго лица представлены аналитическими формами, в которых в качестве субморфированной автосемы выступает притяжательное местоимение второго лица *tere* для единственного лица и *tuāḍe* или *tusāḍe* для множественного. Кроме того, иногда используется аналитическая форма аблатива множественного числа *tusā tō* [Mh, 70] ‘от вас’, ‘вами’. Примеры: *vekhī tere nāl vidhātā kis tārḥā dā vartārā kārḍā hē* [Se¹, 17] ‘Посмотрим, как судьба отнесется к тебе’ (букв. ‘с тобой’), *tere lāy, mē e/cup hē liāiā* [Gb⁴, 51] ‘Я специально для тебя это принес’, *tere hatthō kise dā bhallā nāhī ho sakkdā* [Lal, 64] ‘Ты не можешь кому-либо делать добро’ (букв. ‘От тебя не может исходить для кого-либо добро’), *mē tuāḍe nāl ā* [I, 6] ‘Я с тобой’, *asī tuāḍe lāy kitābā dī cor kārāṅge* [Am, 32] ‘Мы отберем для вас книги’, *mē tuāḍe viss kewāl mātā hī nāhī pitā nū vī rāwāṅgā* [Se¹, 18] ‘Я в Вашем лице (букв. в Вас) найду не только мать, но и отца’, *tuāḍe kol kinne kāmre ne?* [G³, 39] ‘Сколько у Вас комнат?’, *pār tuāḍe kolō mē kujh hor ās rākkhdā ā* [I, 6] ‘Но от Вас я ожидаю большего’, *lekḥ tuāḍe pāssō likhiā jā cukkā hē* [Piara, 51] ‘Статья написана Вами’, *tuāḍe vālō mere te kirpā kītā jāwe* [Mh, 254] ‘Вам (букв. от Вас) следует оказать мне милость’.

Парадигма местоимения 2-го лица

Падеж	Единственное число	Множественное число
Номинативный	<i>tū</i> 'ты'	<i>tusī</i> (<i>tusā</i>) 'вы'
Эргативный	<i>tū</i> (<i>tē</i>) 'ты'	<i>tusā</i> , <i>tusī</i> 'вы'
Винительный	<i>teṇū</i> 'тебя'	<i>tuānū</i> , <i>tusānū</i> 'вас'
Дательный	<i>teṇū</i> 'тебе'	<i>tuānū</i> , <i>tusānū</i> 'вам'
Синтетический аблатив	<i>teṭhō</i> 'от тебя', 'тобой'	<i>tuāṭhō</i> (<i>tusāṭhō</i>) 'от вас', 'вами'
Аналитический аблатив	<i>tere hāṭhō</i> 'тобой'	<i>tuāḍe koḷō</i> (<i>pāsō</i> , <i>vālō</i>) 'от вас', 'вами', <i>tusā tō</i> 'от вас', 'вами'
Аналитические основной обстоя- тельствственный и косвенно-объект- ный	<i>tere</i> + Р	<i>tuāḍe</i> (<i>tasāḍe</i>) + Р

Лично-реляционные местоимения

Лично-реляционные-это местоимения-существительные третьего лица 'е'-'он', 'они' (ближний план) и о'-'он', 'они' (дальний план). В отличие от личных местоимений (т.е. местоимений 1-го и 2-го лица) они могут указывать не только на одушевленный предмет (лицо), но и на неодушевленный, и при этом они обладают реляционностью, т.е. энергией отсылки к какому-либо предмету, обозначенному именем существительным на предшествующем участке речевой цепи или ясному из речевой ситуации. Иначе говоря, они могут замещать имена существительные, в том числе имена, о которых речь шла раньше. Примеры: *bheṇ kunno*, *bheṇ santo hī nāhī* *bheṇ māno vī āṭ*. е' *vī teṇū bāṭi cāṅgī laggdī sī* [Gb⁴, 51] 'Пришли не только сестры Кунно и Санто, но и сестра Мано. Она мне также очень нравилась', «*akkhar jorak*» *vidvānā ne vī rāñjābī viss anarkī liṣṇ viss koḷ ghāṭ nāhī gūzārī. eṇā ne kiha...* [NZ, 1.X.1962, 1] 'Ученые в области правописания также старались внести анархию в строй языка панджаби. Они заявили...', *hor bheṇā dā ghār sādē guāṇḍh hī sī, sirf bārkate dā durādā sī, merī mā oḍe nāl onū chāddāṅ gāṭ* [Gb⁴, 52] 'Дом других сестер был совсем рядом с нашим и лишь дом Баркате был на удалении. Моя мама пошла с ней проводить ее', *sādē bhāṣā giānīā nū khullh gāṭ hē ke o' śābdā de mul-tāt lābhāṅ ...* [NZ, 1.X.1962, 1]

‘Наши языковеды получили возможность находить основы слов...’ (букв. ‘...свободу в том, что они находили бы...’).

Сначала рассмотрим парадигму местоимения *e* (табл. 9), Падежные формы этого местоимения менее стандартны и менее устойчивы, чем формы местоимений 1-го и 2-го лица, поскольку форманты *nū*, *thō* и *dā* (используемый с местоимениями 3-го лица) у одних авторов выступают как суффиксы, а у других как послелог. Видимо, местоимения 3-го лица, сочетаясь с данными формантами, имеют тенденцию развития в синтетические формы, и этот процесс еще не завершен. Колебания преимущественно наблюдаются в единственном числе, а во множественном данные форманты чаще всего бывают послелогам и, следовательно, субморфами. В единственном числе корневая морфема (в синтетических формах) или субосема (в аналитических формах) имеет два алломорфа: *is* и *e* (разговорный вариант). Ниже приводятся примеры на падежные формы единственного числа: *onī hī e'jāndār*, *bəlvān te šəktīšālī bənegī* [NZ, 1.X.1962, 17] ‘Настолько он станет живым, сильным и могучим’ (номинативный), *mēnī tā is ne dhokhā dittā sī* [Se¹, 187] ‘Он меня обманул’ (эргативный аналитический), *is nū būlāo* [J, 36] ‘Позовите ее’ (винительный аналитический), *is lāt e'nū āndār hī rāhin dittā jāwe* [J, 10] ‘Поэтому его следует оставить внутри’ (винительный аналитический), *rər bərkate e'nū kujh khuāt nā* [Gb⁴, 52] ‘Однако, Баркате, не корми его ничем’ (синтетический винительный), *itthe e'nū kihrt mēnno rē jāndī e?* [Gb⁴, 53] ‘А какое горе у нее здесь?’ (букв. ‘ей выпадает’, дательный синтетический), *is nū sūjhdār cetnā dī sedh deqā* [NZ, 1.X.1962, 17] ‘Дать ему сознательное направление’ (дательный аналитический), *keō nā e'de ke nāwā lē lāwā?* [J, 27] ‘Почему бы не отдать ее и не взять новую?’ (винительный, производная синтетическая форма), *je mē is dā jobān nā māpiā...* [Se¹, 23] ‘Если бы я не уважал привлекательности ее молодости...’ (согласующе-реляционный).

Кроме того, для эргативного падежа существуют формы *is*, *en*, *e'ne* [P¹, 119, 134] ‘он’ и *e'ne* [Nw, 47] и менее употребительное *in* [Nw, 47], для согласующе-реляционного *e'dā* ‘его’, ‘ее’ (для упрощения послелог *dā* приводится в мужском роде единственного числа), для аблатива *e'ho* или *is tō* ‘от него’ и *is vico* ‘из него’, ‘из нее’, для винительного и дательного *isnū* ‘его’, ‘ему’.

В случае слияния согласующе-реляционного послелога (*dā*) с местоимением *e*, что имеет место у ряда авторов, образуется не

Парадигма лично-реляционного местоимения *e*-(3-е лицо)

Падeж	Единственное число	Множественное число
Номинативный	<i>e</i> 'он', 'она', 'оно'	<i>e</i> 'они'
Эргативный:		
а) синтетический	<i>en(in), eñe, is</i> 'он', 'она', 'оно'	<i>eñt̃, eñā</i> 'они'
б) аналитический	<i>is ne, e'ne</i> 'он', 'она', 'оно'	<i>eñā ne</i> 'они'
Винительный:		
а) синтетический	<i>e, eñũ, isnũ</i> 'его', 'ее'	<i>e</i> 'их'
б) аналитический	<i>is nũ, e'nũ</i> 'его', 'ее'	<i>eñā nũ</i> 'их'
Дательный:		
а) синтетический	<i>eñũ, isnũ</i> 'ему', 'ей'	—
б) аналитический	<i>is nũ, e'nũ</i> 'ему', 'ей'	<i>eñā nũ</i> 'им'
Аблатив:		
а) синтетический	<i>eñhō</i> 'от него', 'от нее', 'ею'	—
б) аналитический	<i>is tō</i> 'от него', 'им', 'от нее', 'ею', <i>is viccō</i> 'из него', 'из нее'	<i>eñā tō</i> 'от них', 'ими', <i>eñā viccō</i> 'из них'
Согласующе-реляционный	<i>is dā*, e'dā</i> 'его', 'ее'	<i>eñā dā</i> 'их'
Аналитические		
основной обстоя- тельный и косвенно-объектный	<i>is + P^{3*}, isde + P,</i> <i>e'de + P</i>	<i>eñā + P</i>

* Здесь и далее: для упрощения послелог *dā* приводится в мужском роде единственного числа, хотя он может изменяться по родам и числам, т.е. *dī, de, diā, dīā*.

** Здесь и далее: может быть и несколько послелогов.

согласующе-реляционный падеж лично-реляционного местоимения, а формы притяжательного местоимения 3-го лица, как, например: *e'dā dil ethe vt laggā nāhĩ* [Gb⁴, 52] 'Ей было скучно и здесь' (букв. 'Ее сердце не находило покоя'), *isde nāks tã nāhĩ* [Gb⁴, 50] 'не его черты'. Подобные формы нестабильны, поскольку существуют параллельные (аналитические) формы согласующе-реляционного падежа.

Сочетаясь в качестве субосемы *e'de* или *isde* с послелогам, такое притяжательное местоимение, подобно притяжательным местоимениям 1-го и 2-го лица, может выступать как вариант паде-

жей лично-реляционного местоимения *e'*, например: *o' ut e'de laṽ tərəfdt rāhindt st* [Gb⁴, 54] 'Она также жаждала его' (букв. 'тянулась к нему', косвенно-объектный), *e'de vāṛg* [P¹, 119] 'подобно ему', *isde vākər* [P¹, 119] 'подобно ему'. Ниже приведены примеры на падежные формы множественного числа: *e'galt rāh te ture hoe hən* [NZ, 1.X.1962, 1] 'Они идут ошибочным путем' (номинативный), *eñā* не *kihā...* [NZ, 1.X.1962, 1] 'Они заявили...' (эргативный), *eñā nū khuāpā pilaṇā*, *eñā nāl vəkət zāia kəṇā rār e* [G³, 37] 'Угощать их и терять на них время – грех' (винительный аналитический и косвенно-объектный), *eñā nū* [NZ, 1.X.1962, 10] 'им' (дательный), *eñā dā sudhikərən* [NZ, 1.X.1962, 1] 'их очищение' (согласующе-реляционный), *eñā viścō nikkəl ke* [NZ, 1.X.1962, 1] 'выйдя из них' (аблатив), *eñā viścō...* *likhiā mildā hē* [NZ, 1.X.1962, 1] 'В них написано...' (основной обстоятельственный). Кроме того, существуют формы синтетического эргатива *eñā*, *eñt* [P¹, 120] 'они', синтетического винительного *e'* 'их' (обычно неодушевленных), аналитического аблатива *eñā tō* 'от них', 'ими'.

Лично-реляционное местоимение *e'* имеет и эмфатические формы. В номинативном и синтетическом винительном (непроизводном) падежах в качестве таковых выступают синонимичные *ehā*, *ehi*, *eho*, *e'yo* [P¹, 133] 'именно (лишь) он (она, оно)', 'именно (лишь) они', 'именно (лишь) его (ее)', 'именно (лишь) их'. Эмфатической для эргативного падежа единственного числа может быть форма *ise* или *ese*, иногда сопровождаемая эмфатической частицей *hī*, например: *mere mahəl ese hī te dhāe hən* [Du, 17] 'Мои замки разрушила как раз она'. В качестве эмфатической формы в эргативе множественного числа может выступать форма эргативного падежа *eñt* [P¹, 129] 'именно они'.

По своим формальным показателям парадигма местоимения *o'* 'он' напоминает парадигму местоимения *e'* (табл. 8), ср., например, предложения с местоимением в единственном числе: *o'āpṛe bāssiā dī pṛvārāṣ viśc khās dilaṣpī liā kərdī sī* [Bs, 4] 'Он постоянно проявлял интерес к воспитанию своих детей' (номинативный), *us ne dāssiā* [Gb³, 21] 'Он сказал' (эргативный аналитический), *os ne sārā dher ūē giṇ suṭṭiā* [Gb⁴, 52] 'Она именно так пересчитала всю кучу [ракушек]' (эргативный аналитический), *o'ne pṛhāt jāt rāk-khī* [Jw, 239] 'Он продолжал читать' (эргативный аналитический), *us mēnū vekhiā te mē us nū* [De, 21] 'Он меня увидел, а я его' (эргативный синтетический), *os eñt māṇiā* [Gb⁴, 53] 'Он ее бил'

(эргативный синтетический), *un tere kol kī ākhīā?* [Nw, 75] 'Что он тебе сказал?' (эргативный синтетический); кроме того, в эргативном падеже встречаются синтетические формы *on* [Bi, 16], *on* [Bi, 28], *usne*, *one*, *one* [P¹, 34]. Ниже приводится еще ряд примеров: *je kār lāē us nū pārvān, kār dewā mē kānniā dān* [J, 23] 'Если бы ты согласился на нее, я бы преподнес девушку в качестве дара' (аналитический винительный), *pār onū mēgā milānā dohā māwā ne mānniā nāhī sī* [Gb⁴, 54] 'Но обе матери не дали согласия на то, чтобы я с ней (букв. ее) встретился' (синтетический винительный производный), *bās o'cukk liā* [J, 7] 'Лишь ее возьми и принеси' (синтетический винительный непроизводный), *us nū sātājh nāhī sī āundī ke...* [Se¹, 23] 'Он не мог понять, что...' (букв. 'ему не приходило понятие, что...') (аналитический дательный), *onū ākhīrī gusāl ditiā jā riā sī* [Gb⁴, 54] 'Ее мыли последний раз' (букв. 'Ей давали последнее обмывание') (дательный синтетический). В качестве синтетических форм винительного и дательного (производных) падежей также используется слово *usnū* [Bi, 2] 'его', 'ее', 'ему', 'ей', а в качестве аналитических *o'nū* [Para, 39] 'его', 'ее', 'ему', 'ей' и *os nū* [Jaul, 38] 'его', 'ее', 'ему', 'ей'; далее: *us dī mōt ho gāt sī* [Se¹, 18] 'Она умерла' (букв. 'ее смерть наступила'), *us dīā ākhā* [G¹, 64] 'ее глаза' (в обоих случаях согласующе-реляционный). Для согласующе-реляционного падежа возможна и форма *o'dā* 'его', 'ее' (послелог *dā* для упрощения дается в мужском роде единственного числа); далее: *sāre chole us tō bhujje* [Mh, 252] 'Он поджарил все горошины' (букв. 'От него поджарились все горошины', аблатив), *us vālō sādē nāl vādhi kī hoī* [Kartar², 185] 'Он прибег к насилию по отношению к нам' (букв. 'от него насилие было') (аблатив), *ikk rāz sī jis nū pūts us de andrō ēje takk nāhī sī kādāh sakkī* [Sk, 59] 'Была тайна, которую полиция до сих пор не могла вытянуть из него' (аблатив), *mē us vāl pitth kār lāt* [Du, 13] 'Я повернулся к ней спиной' (косвенно-объектный), *us de sātānē* [Se¹, 19] 'перед ним' (основной обстоятельственный).

В случае слияния согласующе-реляционного послелога *dā* с местоимением *o'* образуются формы притяжательного местоимения 3-го лица, как, например: *ōdā khīāl hē ke...* [Du, 23] 'Он думает, что...' (букв. 'его мысль есть, что'), *usdā* [Bi, 2] 'его', *ōdī ākhk laggdī sī* [Du, 52] 'Она спала'. Сочетаясь с послелогами в качестве субосемы, такое притяжательное местоимение может выступать как вариант падежей лично-реляционного местоимения *o'*, например: *ōde*

Парадигма лично-реляционного местоимения *o'*
(3-е лицо)

Падеж	Единственное число	Множественное число
Номинативный	<i>o'</i> 'он', 'она', 'оно'	<i>o'</i> 'они'
Эргативный		
а) синтетический	<i>oñ, on, un, us, os, oñe, usne, oñe</i> 'он', 'она', 'оно'	<i>oñā, oñē</i> 'они'
б) аналитический	<i>us ne, os ne, o' ne</i> 'он', 'она', 'оно'	<i>oñā ne</i> 'они'
Винительный		
а) синтетический	<i>o, oññ, usññ, osññ</i> 'его', 'ее'	<i>o'</i> 'их'
б) аналитический	<i>us ññ, os ññ, o' ññ</i> 'его', 'ее'	<i>oñā ññ</i> 'их'
Дательный		
а) синтетический	<i>oññ, usññ, osññ</i> 'ему', 'ей'	—
б) аналитический	<i>us ññ, os ññ, o' ññ</i> 'ему', 'ей'	<i>oñā ññ</i> 'им'
Согласующе-реляционный	<i>us dā, os dā, o' dā</i> 'его', 'ее'	<i>oñā dā</i> 'их'
Аблатив	<i>us tō, us vāllō, us kolō</i> 'от него', <i>us de andrō</i> 'из него', <i>ōde hātthō</i> 'им'	<i>oñā tō, oñā vāllō,</i> <i>oñā kolō</i> 'от них', 'ими'
Аналитические основной обстоя- тельный и косвенно-объектный	<i>us + P, ōde + P</i> (<i>usde + P</i>)	<i>oñā + P</i>

andər [Du, 41] 'в ее сердце' (букв. 'внутри нее') (основной обстоя-
тельствственный), *ōde kol* [Gb⁴, 50] 'у нее', *pər o' səbh kujh ōde utte*
nəññ sī [Gb⁴, 55] 'Но всего этого не было на нем' (основной об-
стоятельствственный), *məññ ōde hātthō cākū vājja* [La], 61-1] 'Он
(букв. от него) меня ударил ножом' (аблатив), *meri mā' ōde nāl oññ*
chəddəñ gāt [Gb⁴, 52] 'Моя мать пошла с ней проводить ее' (кос-
венно-объектный). Ниже приведены примеры на падежные формы
множественного числа: *bhāwē o' kise some tō ləe gəe hoñ* [NZ,
I.X.1962, 10] 'Из какого бы источника они ни брались' (номина-
тивный), *oñā ne ləkkhā lokā ññ sutəntər kərvāiā* [Am, 263] 'Он

(почтительная форма, букв. они) освободил миллионы людей', *oñā sāde nāl dīwe jagāe* [Gb⁴, 51] 'Он (почтительная форма, букв. они) зажигал с нами светильники' (в обоих случаях эргатив), *oñā pñ khawāo vī te rāhināo vī* [G³, 40] [Вы] их и кормите, и одевайте' (винительный), *oñā pñ merā snehā akkhar akkhar de denā* [Am, 104] 'Передайте ему (почтительная форма, букв. им) мое послание слово в слово' (дательный), *mē vī oñā nāl janā sī* [Gb⁴, 51] 'Я также должен был ехать с ними' (косвенно-объектный), *oñā de sāhampre* [Gb⁴, 51] 'перед ним' (почтительная форма, букв. 'перед ними', основной обстоятельственный), *oñā dā khiāl e* [G³, 40] 'Они думают' (букв. 'их дума есть', согласующе-реляционный), *e'katt oñā tō nahī ho sakkdā* [Lal, 61-1] 'Они не могут сделать эту работу' (аблатив), *oñā kolō fīs lekē* [Gb⁴, 18] 'взяв у него (почтительно, букв. от них) гонорар' (аблатив). Кроме того, для эргативного падежа множественного числа встречается форма *oñī* [P¹, 20, 34] 'они'.

Как видно из собранных примеров, в качестве почтительной формы единственного числа 3-го лица выступает форма множественного числа местоимения *o'* 'он'.

Как и *e'*, местоимение *o'* имеет эмфатические формы. В номинативном и непроизводном синтетическом винительном падежах в качестве таковых выступают синонимичные *ohā, ohī, oho, oyo* [Bi, 27] 'именно (лишь) он (она, оно)', 'именно (лишь) они' или 'именно (лишь) его (ее)', 'именно (лишь) их'. Эмфатической для эргативного падежа единственного числа может быть форма *usī* 'именно (лишь) он (она, оно)', а в любом аналитическом падеже единственного числа эмфатической субосемой служит форма *use (ose)*, как, например: *es lāy bahutā kujh ose ne hī calāiā* [Gb⁴, 51] 'Поэтому большую часть зажигала как раз она'. Здесь суффиксальная эмфаза усиливается лексически частицей *hī*.

В качестве личных местоимений 2-го и 3-го лица единственного числа также используется вошедшее в панджаби из хинди слово *āp* 'Вы', 'он', носящее почтительный оттенок, что фиксируется также формой сказуемого множественного числа в случае подлежащей функции местоимения в номинативном падеже. Оно также выступает и как местоимение 2-го лица множественного числа, т.е. *āp* 'вы'.

Приведем несколько примеров: *mē āp pñ milnā cāhundā hā* [Sew, 24] 'Я хочу с Вами встретиться' (ед.ч.), *vidhān māṇḍal de is āhim sālānā sēsān te mē āp jī pñ jī āiā kahindā hā* [U, 1] 'Я приветствую

вас на этой важной ежегодной сессии Законодательного собрания' (мн.ч.), *mɛnũ pũgā viśvās hɛ kɛ is s̄are əhim kəmm nũ āp tənõ tənõ, pũrt̄ imāndārt̄, s̄awədhānt̄ ət̄e s̄ahinšiltā nāl sire cəḥāoge* [U, 35] 'Я совершенно уверен, что вы искренне возьметесь за всю эту важную работу с полной преданностью, заботой и терпением' (мн.ч.), *āp nāl jāṇā cəḡgā sət̄jhīā* [Jh, 15] 'Он предпочел ехать с ним', *āp viśc e'guṇ s̄t̄ kɛ...* [Jh, 15] 'В нем было то качество, что...', *āp kəṭ sabbhā susəiṭṭā vicc hissā lɛṇā šurū kər ditta* [Jh, 17] 'Он стал принимать участие в нескольких союзах и обществах', *āp rəhile dərje te ḡhɛ* [Jh, 9] 'Он сдал экзамены по первой категории'.

Таким образом, в качестве вежливой формы единственного числа 3-го лица выступают местоимение *āp* и форма множественного числа местоимения *o'* 'он', а в функции почтительной формы единственного числа 2-го лица — местоимение *āp* (кроме *tust̄*).

Лично-указательные местоимения

В отличие от лично-реляционных лично-указательные местоимения лишены реляционного заряда, т.е. не отсылают слушателя к какому-либо конкретному существительному. Зато они всегда сопровождаются указательным жестом. Этот подкласс слов, являющихся личными местоимениями 3-го лица, имеет хождение лишь в устной речи. Он представлен формами местоимения *o'* 'он', 'она', которое является функциональным омонимом лично-реляционного местоимения *o'*, сохраняя парадигму последнего. Примеры: *kin e'kītā?* — *un kītā* [Cm] 'Кто это сделал?' — 'Он' (ответ сопровождается, как правило, указательным жестом), *odhər kṣṇ giā s̄t̄?* — *o'* [Cm] 'Кто туда ходил?' — 'Они' (указательный жест).

Указательные местоимения

Указательные местоимения представлены местоимениями *e'* 'это', 'этот', 'эта', 'эти' и *o'* 'то', 'тот', 'та', 'те', омонимичными лично-реляционным местоимениям *e'* 'он', 'она', 'они', *o'* 'он', 'она', 'они'; *əjēā (ijēā)* 'такой', 'этакый' (ближний план), *ijēā* 'такой' (дальний план); заимствованным из хинди *esā* 'такой'; *ɛḍā (iḍḍā, eḍā)* 'такой' (по размеру, величине, объему, росту и т.д.) (ближний план), *oḍā* 'такой' (по размеру, величине, объему, росту и т.д.) (дальний план); *innā (ɛnā, ennā, inā)* 'такой' (по количеству, степени), 'столь многий' (ближний план), *onnā (onā, utnā)* 'такой' (по количеству, степени), 'столь многий' (дальний план); аналити-

ческими *eho jiā* (ближний план) и *oho jiā* (дальний план) 'такой' (местоимение *e* в форме *eho* или местоимение *o* в форме *oho* плюс словообразовательная частица *jiā* 'подобный').

Наиболее распространенным является указательное местоимение *e* 'этот', 'эта', 'это', 'эти'. Оно может функционировать и как местоимение-прилагательное, и как местоимение-существительное. В первом случае оно выступает как определение к существительному и может в отличие от своих омонимов и своего варианта, функционирующего в качестве местоимения-существительного, принимать форму синтетического основного обстоятельственного падежа на *-ĩ*, согласуясь с именем. Приведем несколько примеров на местоимение-прилагательное: *e'rukhh* [Am, 3] 'это дерево', *e'thā* [Jh, 36] 'это место', *e'cāh-pārṭiā te mulakatā* [G³, 36] 'эти чаепития и сборища', *is ilāke vīcc* [Pu] 'в этом районе', *eṇā dinā vīcc* [Bs, 33] 'в эти дни', *eṇī dinī* [Jh, 9] 'в эти дни' (основной обстоятельственный). Как видно, в функции местоимения-прилагательного слово *e* изменяется по падежам и числам.

Указательное местоимение-существительное *e* обычно выступает в функции подлежащего, вводящего простое предложение, и поэтому не изменяется, например: *e'merā vaddā bhrā he* [Bs, 32] 'Это мой старший брат', *e'mere ikk mittr ne* [Na¹, 108] 'Это один из моих друзей', *hē, hē e'kī?* [Na¹, 72] 'О, о! Это что?' В этой функции иногда в просторечии встречается алломорф *ā*: *oe āte bante dī bāhū ā* [As, 67] 'Слушай, это жена Банте идет'.

Указательное местоимение *e* обладает и эмфатическими формами. В номинативном падеже оно присоединяет суффикс *-o* или *-ū*, образуя формы *eo* (*eho*), *ēū* (*ehū*) 'именно (как раз) этот (эта, это, эти)', 'именно такой (такая, такое, такие)', например: *ghar, ghar eb hāl e* [G³, 35] 'В каждом доме именно такое положение', *kade ēū merā skūl hundā* [Gb⁴, 53] 'Когда-то именно это [здание] было моей школой'. В неноминативных падежах единственного числа субсема *is(es)* для эмфазы присоединяет суффикс *-e*, например: *ese kāmre vīcc* [G³, 39] 'именно в этой комнате', *e'ese iāhā hī howegā* [Gb¹, 20] 'Это именно так (букв. именно таким образом) и будет'.

Указательное местоимение *o* преимущественно используется в адъективной функции и очень часто выступает в эмфатической форме, обретая суффиксы *-ho* и *-ū* в номинативном падеже и *-e* в неноминативных (кроме того, при присоединении суффикса *-ho* восходящий тон слова меняется на ровный). Вот ряд примеров: *oho bāmārt*

lāgg jāndī e [Gb⁴, 53] 'Заработалась ты же болезнь' (букв. 'Пристанет/к тебе/та же болезнь'), *e'oho kuṛt sī* [G¹, 65] 'Это была та же самая девушка', *e'bu larkā hē* [Am, 44] 'Это именно тот мальчик', *use din hī* [Du, 16] 'в тот же самый день'. В отличие от своего омонима — лично-реляционного местоимения — указательное местоимение *o'* может обретать синтетическую форму основного обстоятельственного падежа, имеющую в исходе *-ā*, например: *onī dīnā* [Sew, 9] 'в те дни', *ajeā (ijeā)*, *ijeā* и *esā* 'такой' выступают только как местоимения-прилагательные и имеют парадигму изменяемых прилагательных, например: *mē vī hise sāmē ajeā hī ikk pāttar likhiā sī* [Se¹, 17] 'Я также написал когда-то такое письмо', *ajeē ghol tō binā soṣālizam nāhī hoṇ lāggā* [D] 'Без такой борьбы социализма не будет', *ese ādmī de puttār de pērā vicc* [Gb¹, 18] 'к ногам сына такого человека', *edā (idā, eḍā)* и *oḍā* 'такой' (по размеру, объему, степени) также являются местоимениями-прилагательными, например: *lāl cōṅk tāsuvā vicc tā bāṛā vāḍḍā jāpḍā*, *pār dekhār nū eḍā hē nāhī* [G¹, 65] 'На картинках Красная площадь кажется очень большой, а воочию она не такая большая', *bāḥar eḍī garmī e* [G³, 37] 'На улице такая жара'.

Лексемы *innā (enā, ēnā, itnā)* и *unṇā (onā, utnā)* 'такой' (по числу или степени), 'столько' могут выступать и как местоимения-числительные (чаще всего), подразумевая какое-либо неопределенное число, и как местоимения-прилагательные, например: *itne din ikōṭṭhiā rāhi ke vī tēnū āṛṇā bhet nā dittā* [Na¹, 109] 'Даже находясь со мной столько дней, ты не выдала мне свою тайну', *enī gālī sun ke* [J, 36] 'услышав такую речь'.

Однако нам удалось зафиксировать также случаи субстантивного использования местоимения *enā (itnā)*, т.е. как местоимения-существительного в аналитическом основном обстоятельном падеже в функции обстоятельства времени. В качестве основной субморфы выступает послелог *nū* или реже *vicc*, например: *ene nū sādharān jāhe libās vicc sewā jī vī ā gāe* [Sew, 26] 'Между тем Сева также прибыл в простой одежде', *ene nū bārkate ā gāt* [Gb⁴, 52] 'Между тем пришла Баркате', *dūjīā larkīā itne vicc bāḥar jā cukkiā sən* [Se¹, 31] 'К этому времени другие девушки вышли на улицу'. Этимологически образования *ene nū*, *itne vicc*, видимо, восходят к словосочетаниям *ene sāmē nū*, *itne sāmē nū*, из которых в процессе развития языка выпало существительное *sāmā* (в форме *sāmē*) 'время'.

Местоимения *eho jiā* и *oho jiā* 'такой' выступают только адъективно, изменяя лишь свой второй компонент по родам и числам (по падежам очень редко): *mē vī eho jiā bəṇā* [/Jh, 13/ 'Я хотел бы стать таким же', *eho jēvā ghəṭā bohutā nəhī hundā* [/Gb², 25/ 'Таких мгновений не бывает много', *mē oho jiā gussā kədī kise vicc nəhī dītthā* [/Jh, 13/ 'Я никогда никого не видел в таком гневе' (букв. 'ни в ком такого гнева').

В заключение следует отметить специфическую субстантивную функцию указательного местоимения *e* 'это', которое в косвенно-объектном (с послелогам *ləy* и *vāste* 'для') и основном обстоятельстве (с послелогам *kārən*, *de kārən*, *kərke* 'из-за') падежах выступает в качестве обстоятельства причины со значением «поэтому»: Речь идет об аналитических формах: *is ləy (vāste)*, *is kārən (de kārən)*, *is kərke*⁹.

Указательно-реляционные местоимения

Указательно-реляционные — это такие местоимения, которые заменяют не имя, а минимум предложение (что случается чаще) или же ряд предложений. Короче говоря, такое местоимение является синтаксическим заменителем. Обладая реляцией к предыдущему высказыванию и имея «указательный заряд», оно отсылает читателя к предшествующему отрезку речи, величина которого может быть различной.

Наиболее типичным представителем данного подкласса является местоимение *e*, представляющее собой функциональный омоним указательного местоимения *e*. Чаще всего оно выступает в номинативном падеже, вводя предложение. Однако возможно использование и других падежных форм, в том числе и винительного синтетического производного. Примеры: *keḍ nā is dī thā nəwā ləmp lə ləwā* *e soc ke rāj kumārī ne əwāj dītī* [/J, 27/ 'Почему бы не взять вместо нее новую лампу? Подумав об этом (букв. это), принцесса заговорила' (относится к предыдущему предложению), *e tā bəṇā əjīb māmlā e* [/G³, 40/ 'Это очень странная проблема' (относится к предшествующей фразе), *e tā zindagī e* [/G¹, 62/ 'Как раз в этом жизнь' (букв. 'Это как раз есть жизнь', относится к предыдущему предложению), *əte eḍ səṇṇī gəll hē* [/NZ, 1.X.1962, 10/ 'И как раз это хорошее дело' (относится к предыдущему абзацу газеты). Нам встретился и та-

⁹ Примеры см. в разделе «Обстоятельство».

кой случай, когда местоимение *e'* относится к предыдущему высказыванию, которое занимает полторы газетные страницы. В данном случае мы имеем местоимение — итог целой темы: *e'hāp rāñjābī bolī te sāhiit de kuch vādde ājivē māle, ate e'hāp sādē eñā bāre kuch vicār* [NZ, 1.X.1962, 10] 'Таковы (букв. это) некоторые крупные актуальные проблемы языка и литературы панджаби и таковы (букв. это) некоторые наши взгляды на них'.

Притяжательные местоимения

В панджаби, как и во многих других языках, наличествуют два подкласса притяжательных местоимений: личные и возвратные. Они указывают на принадлежность и используются как местоимения-прилагательные.

Личные притяжательные местоимения *terā* 'мой' и *sādā* (*āsādā*) 'наш' относятся к первому лицу, *terā* 'твой' и *tuādā* (*tusādā*) 'ваш' — ко второму. Для единственного числа 3-го лица существуют формы *edā* и *isdā*, *odā*, *usdā* 'его', 'ее'. Кроме того, в единственном числе параллельно, а во множественном обязательно в функции притяжательного местоимения 3-го лица используется согласующе-реляционный падеж лично-реляционных местоимений *e'* и *o'* 'он' ('она', 'оно'), 'они', т.е. *e'dā*, *is dā*, *o'dā*, *us dā* 'его', 'ее' и *eñā dā*, *oñā dā* 'их'. Форма согласующе-реляционного падежа множественного числа местоимения *o'* 'он' — *oñā dā* также может выступать как вежливая форма для 3-го лица единственного числа («его»). Для 2-го и 3-го лица также используется согласующе-реляционный падеж местоимения *ār* 'Вы', 'он' — *ār dā* 'Ваш', 'его' как вежливая форма и как форма 2-го лица множественного числа.

Притяжательные местоимения употребляются как изменяемые прилагательные (на *-ā*), например: *bās āj merī murād pūrī ho gāt hē* [Sew, 26] 'Только сейчас осуществилась моя мечта', *mere kānpā vīcc* [Gb⁴, 51] 'в моих ушах', *bhūā terī bārī bāmār e* [Gb⁴, 53] 'Твоя тетя очень больна', *mātā jī, mē tere eñā ihsānā dā pūrā pūrā bādā dewāṅgā* [Se¹, 19] 'Мама, я отплачу тебе за те твои благодеяния', *sādā ghār* [G³, 34] 'наш дом', *sādī bhūā* [Gb⁴, 52] 'наша тетя', *sādīā pāṛīā* [Gb⁴, 50] 'наши ступеньки', *barkate sādē ghār ā jāndī st* [Gb⁴, 53] 'Баркате приходила в наш дом', *māhimān sādē ghār dā rukkh kārde ne* [G³, 34] 'Гости направляются в наш дом', *tuādī ājī chāu* [Gb⁴, 51] 'ваш третий этаж', *tuādē bhāā ne* [Gb⁴, 52] 'ваш брат', *edīā hānāṇā viāhtā gātā* [Gb⁴, 53] 'Ее ровесницы вышли

замуж', isde *nəḥ* [Gb⁴, 50] 'его черты', is dā *jobən* [Se¹, 23] 'ее привлекательность юности', eṇā dā *śudhikarən* [NZ, 1.X.1962, 1] 'их очищение', ódā *khāwənd* [Du, 40] 'ее муж', óde *ghəṛō* [Gb⁴, 51] 'из ее дома', us dī *bol cāl* us de *īr* [Se¹, 65] 'его манера говорить, его поведение', ódī *əkkh* [Du, 52] 'ее глаз', óhā dī *chutī* [Gb⁴, 51] 'его отпуск', e'ār de *vəss dī gəll hē* [Cm] 'Это Ваше дело' (ед.ч., вежливая форма), āp dā *śubh nām kī* e? [Cm] 'Как Ваша фамилия?', āp de *kəḍəm* [U, 35] 'ваши шаги', āp dā *kəṁm bəṛā sətək piā* [Jh, 9] 'Его труд был очень успешным', āp de *həṁthā vīcc* [Jh, 6] 'в его собственных руках'.

Как видно, притяжательные местоимения изменяются по родам и падежам. Выше уже отмечалось субстантивное использование притяжательных местоимений в функции личных местоимений. (См. раздел «Личные местоимения».)

К возвратным притяжательным местоимениям панджаби относится *āpā* 'свой', связанное со всеми лицами и числами, например: *pitā jī āpne kəṁtre vīcc vər gəe* [Gb⁴, 52] 'Отец ушел в свою комнату', *te tū vī āpā fərz nibhāwəngā* [Se¹, 18] 'И ты выполнишь свой долг', *əstī āpne piāre mittṛ pū, us de viāh te, śubh icchāwā bhejde hā* [C, письмо от 3.I.1969] 'Мы поздравляем нашего дорогого друга по случаю его женитьбы', āp āpne *sāthīā tō əgge ləygggh gəe* [Jh, 16] 'Он (вежливая форма) обогнал своих товарищей'. Возвратное притяжательное местоимение *āpā* может использоваться также в синтетическом основном обстоятельственном падеже: *āpī vəppī kəṁnā* [R, 915] 'Привлекать на свою сторону'.

Определительные местоимения

Определительные местоимения являются детерминативами к существительным или к местоимениям-существительным, обобщенно определяя их без называния конкретного признака. К ним принадлежат местоимения *hər* 'любой', 'всякий', 'каждый', *ār* (или эмфатические *āro*, *āre*) 'сам', 'самый', 'самая', 'самое', *sārā* и *səb* 'весь' и формы множественного числа последних.

Местоимение *hər* имеет значение «любой из себе подобных», «один из всех в данном ряду», например: *hər hīle* [R, 262] 'любым способом', *hər hāl vīcc* [R, 262] 'во всяком случае', *hər thā* [R, 262] 'в любом месте', *hər kīse dī suṇī*, *hər kīse dī səhārī* [I, 8] 'Слушал каждого, терпел каждого'.

Местоимение *ār* (*āro*, *āre*) используется для указания на лицо или предмет, непосредственно являющийся источником или объектом действия, распространяющегося и на определяемое лицо, например: *tusā āro āṇā bhār sukkiā hoīā he* [Gb¹, 13-14] 'Вы сами несете свой груз', *barkate ne āp nāh kār diti* [Gb⁴, 52] 'Барка-те сама отказала', *tenā āre pātā lagg jāwegā hor ghārī pāl nū* [Hc, 18] 'Тебе самой станет известно через короткое время'. Иногда определительное местоимение *ār* может субстантивироваться и выступать как местоимение-существительное вместо определяемого им слова и даже само иметь определение, например: *āre utārāṅgā* [Gb⁴, 51] 'Я же/сам спущусь', *te āp sārē cār kadam picchā'hat ke turāp lagg pāe* [Gb¹, 15] 'а сами все пошли сзади, отстав на четыре шара'.

Местоимения *sārā* 'весь' и *sāb* 'весь' (реже) в единственном числе определяют предмет как нечто нераздельное, взятое в полном объеме, целиком, например: *os ne sārā dher ūē giṇ suttia* [Gb⁴, 52] 'Именно так она пересчитала всю кучу', *e' sārā sone dīā itā dā bāṇiā hoīā sī* [J, 9] 'Он весь был сделан из золотых кирпичей', *eṇā dī sārī jāgīr khurd burd ho gāt* [Jh, 7] 'Всё их поместье разладилось'.

Местоимение *sāb* обычно определяет местоимение-существительное *kuī* 'кое-что'. Сочетание *sāb kuī* имеет значение 'всё' (букв. 'всё кое-что'). При этом местоимение *kuī* может иметь и другие местоименные детерминативы, например: *pār o' sāb kuī o'de utte nāhī sī* [Gb⁴, 55] 'Но всего этого не было на нем', *o'de sohṇe mūh utte purāpā o'dā sāb kuī sī* [Gb⁴, 54] 'На ее прекрасном лице все было прежним' (букв. 'ее все кое-что'). Как видно из примеров, при сочетании с существительными местоимение *sārā* находится в препозиции, а при сочетании с местоимениями (*o'*, *e'*, *ār*) — в постпозиции. Для эмпазы оно может иметь повтор, в том числе с согласующе-реляционным послелогом, например: *lok pī ke sārī sārī gāt nācde ne* [G¹, 62] 'Люди всю ночь напролет пьют и танцуют', *o'sārī dī sārī* [Gb⁴, 50] 'оно все целиком'. Местоимения *sārā* и *sāb* могут субстантивироваться: *tuānū sārā pātā e?* [I, 6] 'Тебе всё известно?', *sānū sāb pātā e* [G³, 58] 'Нам всё известно'. Во множественном числе местоимения *sārā*, *sāb*, т.е. формы *sāre* (*sārīā*), *sāb* 'все', выражают идею полного охвата какого-либо количества предметов (а также абстрактных понятий), их совокупности, причем идея тотального охвата у местоимения *sāb* может усиливаться при помощи эм-

фатических аффиксов *-e* (чаще), т.е. форма *sābe*, и *-o* (реже), т.е. форма *sābo*.

Слово *sārā* имеет парадигму типа изменяемого прилагательного, а *sāb* — типа частично изменяемого. Примечательно, что в качестве субморфированной автосемы множественного числа местоимения *sāb* 'все' может выступать субсема единственного числа, т.е. 'слабый, немаркированный член в форме *sāb*, который используется наряду с обычной субморфированной автосемой, представленной формой *sābnā*.

Определительные местоимения могут определять также и исчисляемые существительные и субстантивные местоимения, указывающие на таковые. В первом случае рассматриваемые местоимения чаще всего предшествуют определяемому, например: *sāre pāñ-jābīā ne* [NZ, 1.X.1962, 1] 'все панджабцы', *sāre khetrā vicc* [NZ, 1.X.1962, 1] 'во всех областях', *sāñā bhēñā* [Gb⁴, 52] 'все сестры', *sāre pāssiō* [G³, 34] 'со всех сторон', *sābe āsā* [Am, 27] 'все надежды', *sābe sārhe* [G³, 42] 'все страницы'. Мы зафиксировали, что при определении субстантивных местоимений слова *sāre* и *sāb* находятся чаще всего в постпозиции, например: *tustī sāre siāre o* [I, 6] 'Вы все мудрые', *rañ dā guzārā onā sāb kol hundā he* [PL, XII.1954, 20] 'У них всех есть средства пропитания', *enā sābnā dā ling, vācān* [Piara, 40] 'род и число их всех', *ap sāre* [Gb¹, 15] 'сами все'.

Довольно часто местоимения *sāre, sāb* 'все' субстантивируются: *sāre jūā khetānge* [Gb⁴, 51] 'Все поиграем в кости', *sābnā ne onā dī ślāghā kītī* [Am, 98] 'Все их хвалили'; *pār sābo pūñjhe jhāre hoe* [Gb⁴, 52] 'Но все [предметы] были вычищены и вытерты', *sāb de bistre* [G³, 39] 'постели всех'.

Местоимения *sāre, sāb* могут взаимозаменяться, что показывает следующий ниже пример, где в начале предложения в качестве постпозитивного определения к существительному выступает местоимение *sāre*, а затем местоимение *sāb* в субстантивной функции подменяет и данное существительное, и местоимение *sāre*: *bācce sāre āpñt mā utte sān, āte sāb sohñe te tākre jusse vāle sān* [Se¹, 18] 'Все дети были подобны своей матери, и все были красивыми и сильными'.

К определительным также относятся местоимения, которые в восклицательных предложениях выражают эмоциональную оценку предмета или явления (восхищение, возмущение и др.) или высшую степень качества. Эту функцию выполняет ряд вопросительных ме-

стоимений, которые, попадая в данный подкласс, утрачивают вопросительную семантику и обретают эмоциональную, а также неопределенное местоимение *koṽ* 'какой-нибудь'. Примеры: *kinpī jān sī bhūā bārkate vīcc!* [Gb⁴, 51] 'Сколько жизненной силы (букв. сколько большая жизнь) было в тете Баркате!', *koṽ pīndā sī bhūā bārkate dā!* [Gb⁴, 54] 'А какое тело было у тети Баркате!'. *o e'des ethō kiḍḍī dūr e!* [C] 'О, как далеко эта страна отсюда!'.
 [C]

Определительную роль могут играть и сочетания местоимения *koṽ* с вопросительным местоимением, например: *sāde vīcc keḡa koṽ takallaf e* [G³, 43] 'Нас нечего стесняться' (букв. 'какая там в нас трудность').

Возвратное местоимение

Возвратное местоимение дает указание на отношение субъекта действия, который может быть выражен любым лицом и числом, к самому действию. Последнее может либо распространяться на данный субъект, либо осуществляться в его интересах, либо совершаться «вблизи» его.

В функции возвратного местоимения выступает либо местоимение-существительное *ārṇā* в форме какого-либо аналитического падежа (*ārṇe* + P) 'себя', омонимичное притяжательному местоимению-прилагательному *ārṇā* 'свой', либо же, что бывает гораздо чаще, сочетание этого местоимения (в качестве определяемого) с определительным местоимением *ār* 'сам', также находящегося в одном из аналитических падежей (*ārṇe* *ār* + P). Примеры: *bārkate ne tēṇī ārṇe nāl biṭhā liā* [Gb⁴, 51] 'Баркате усадила меня возле себя', *norā ārṇe ār pū dilāsā dendī* [Se¹, 21] 'Нора успокаивала себя [Словами]', *o'ṇī ārṇe ār te šarm ā rāhī sī* [R, 104] 'Ему становилось стыдно' (букв. 'Ему на самого себя приходил стыд'), *tī ārṇe ār pū šīse'c dekh* [Cm] 'Посмотри на себя в зеркало'.

Межсубъектные местоимения

В панджаби существуют местоимения, которые указывают на то, что действие, выраженное сказуемым, распределяется между несколькими субъектами. Мы сочли целесообразным назвать такие местоимения межсубъектными. К ним относятся местоимения *ārās* и *ār* (в форме *āro*), используемые в аналитическом падеже с послелогом *vīcc* 'в', и местоимение *ārṇā*, употребляющееся в ана-

литическом падеже с послелогом *vickār* 'между', т.е. *āpəs vicc*, *āpə vicc*, *āpə vickār* 'между собой', 'друг с другом'. Примеры: *tust̃ dowē āpəs vicc nā ləŋə* [Am, 37] букв. 'Вы не спорьте между собой', *āpə vicc khiālā dā təbādā kərnā* [R, 107] букв. 'обменяться мнениями друг с другом', *āpə vicc mel kərnā* [R, 107] букв. 'сближаться между собой', *āpə vickār* [P¹, 107] 'между собой'.

Неопределенные местоимения

Эти местоимения указывают на неопределенные, неясные, неизвестные предметы, лица, признаки. К ним принадлежат *koṡ* 'кто-то', 'некто' — в функции местоимения-существительного и 'какой-либо', 'какой-то', 'некий' — в функции местоимения-прилагательного, а также *kuṡ* (*kuc̃h*) 'что-то', 'кое-что', 'что-либо', 'нечто' в субстантивной функции и 'какой-то', 'какой-либо', 'некий' — в адъективной. Местоимение *koṡ* изменяется по падежам. В аналитических падежах единственного числа субосемой служит форма *kise*, реже *kāse* [P¹, 552], а в синтетических неноминативных (исключая винительный) и в эргативном без *ne* выступает та же форма *kise* (эргативный чаще бывает с *ne*, т.е. *kise ne*). Местоимение *koṡ* иногда может указывать и на множественное число, подразумевая под «кто-то», «кто-либо» ряд лиц. Иногда можно встретить устаревшие формы для эргатива единственного числа *kine* [Nw, 55] и для эргатива множественного числа *kinī* [Nw, 55], а в качестве субосемы множественного — форму *kinā*. Но эти формы типичны для вопросительного *kōṡ* 'кто?'. В сочетании с отрицательной частицей *nəhī* местоимение *koṡ* имеет значение «никто», «никакой».

Приведем несколько примеров на местоимение *koṡ*: «*jindər!*» *kise ne kise nū bulāiā* [De, 24] '«Джиндар!» — кто-то позвал кого-то', *kise ākhiā* [Gb⁴, 54] 'Кто-то сказал', *kise dī gəll moŋ sək̃k̃nā* [Gb⁴, 53] 'уметь отклонить чью-либо просьбу', *mē oho jīā gussā kədī*, *kise vicc nəhī dīt̃hā* [Jh, 13] 'Я никогда никого не видел в таком гневе' (букв. 'Я никогда в ком-либо не видел такого гнева'), *təkəlləf dī koṡ loŋ nəhī* [G³, 39] 'Нет никакой необходимости [создавать] трудности', *koṡ gəzəl gəŋ ke* [Gb⁴, 51] 'спев какую-либо газель', *je kədə kise thād o'kise gəlle rəhi jāndī...* [Gb⁴, 51] 'Если она отсутствовала где-либо (букв. в каком-либо месте) по какой-либо причине...', *koṡ kisse ləne ne* [Na¹, 71] 'Хочу взять кое-какие рассказы' (*koṡ* со значением мн.ч.), *kise samē* [Se¹, 17] 'когда-то'

(букв. 'в какое-то время'), *kise kolō* (*pāssō, tō*) [P¹, 604] 'от кого-либо', 'кем-либо'.

Местоимение *koṣ* может иметь повтор с добавлением отрицательной частицы *nā*, например: *kise nā kise bahāne* [Cm] 'под каким-либо предлогом'. У данного местоимения обнаруживается и разделительное значение, например: *kise de vīh kise de cālī gāḍḍhe* [Gb⁴, 52] 'у кого двадцать связей, у кого сорок'.

Местоимение *kuṣ* (*kusḥ*) может иметь как субстантивную, так и адъективную функцию. В первом случае оно бывает либо подлежащим, либо прямым дополнением (в синтетическом непроезном падеже); во втором, выступая в роли определения, оно может сочетаться с существительным в разных падежах, хотя чаще встречается в номинативном и синтетическом винительном. Форма местоимения (а его субсема совпадает с формой номинативного падежа) не изменяется.

Как и в случае с *koṣ*, это местоимение может сочетаться с отрицательной частицей *nāhī* и образовывать синтаксический эквивалент отрицательного местоимения (не существующего в панджаби) со значением 'ничто', 'никакой'. В субстантивной функции оно часто имеет определения, выраженные местоимениями и некоторыми прилагательными, а также может сочетаться с наречием *hog* 'еще'. Примеры: *sālā de sāl mē bohut kuṣ sahāriā* [I, 5] 'Из года в год я многое (букв. многое кое-что) терпел', *enā bāre sālū kāfī kuṣ rātā laggdā he* [Ar², 7] 'О них нам достаточно (букв. достаточное кое-что) известно', *ode nāl jeḍ meḡa kuṣ jupā hoia st* [Gb⁴, 54] 'Я словно был частью ее существа' (букв. 'Мое кое-что словно было связано с ней'), *es lāt bohutā kuṣ ose ne hī cālāiā* [Gb⁴, 51] 'Поэтому большую часть (букв. большое кое-что) приводила в движение как раз она', *us nū kuṣ nāhī ho cālīā* [G², 39] 'С ним ничего не случится', *odāt mē ne jad menū kuṣ hog khān nū dittā...* [Gb⁴, 53] 'Когда ее мать дала мне еще что-то поесть...', *mē kuṣ nāhī khāḍā* [Cm] 'Я ничего не ел', *sāb kuṣ* [Gb⁴, 54] 'всё' (букв. 'всё кое-что'), *kuṣ sātā e'āgre rāhe* [Jh, 8] 'Некоторое время он оставался в Агре', *enā de bolcālī rūp bāre sālū kuṣ giāt nāhī* [Ar², 7] 'Об их разговорной форме нет никаких сведений' (букв. 'какого-либо знания нет'), *kusḥ ḍar dī gāl nāhī* [R, 351] 'Неважно', 'ничего' (букв. 'Какого-либо страха дела нет').

kuṣ (в транслитерации *kuṣh*) — чисто панджабская форма, *kusḥ* проникла в панджаби из хинди.

Парадигма вопросительного местоимения *kɔ̃p* 'кто'
(субстантивная функция)

Падеж	Единственное число	Множественное число
Номинативный	<i>kɔ̃p</i> 'кто'	<i>kɔ̃p</i> 'кто'
Эргативный		
а) синтетический	<i>kin, kis, kiñe</i> 'кто'	<i>kiñĩ, kiñã</i> 'кто'
б) аналитический	<i>kis ne</i> 'кто'	<i>kiñã ne</i> 'кто'
Винительный		
а) синтетический	<i>kinnũ, kiñũ</i> 'кого'	—
б) аналитический	<i>kis nũ</i> 'кого'	<i>kiñã nũ</i> 'кого'
Дательный		
а) синтетический	<i>kinnũ, kiñũ</i> 'кому'	<i>kiñĩ</i> 'кому'
б) аналитический	<i>kis nũ</i> 'кому'	<i>kiñã nũ</i> 'кому'
Согласующе-реля- ционный	<i>kis dā</i> 'чей', 'о ком', 'с кем' и т.д.	<i>kiñã dā</i> 'чей', 'о ком', 'с кем' и т.д.
Аблатив	<i>kis tō, kis kolō, kis</i> <i>pāssō, kiñe kolō</i> <i>(kis thō)*</i> 'от кого', 'кем'	<i>kiñã tō, kiñã kolō,</i> <i>kiñã pāssō</i> 'от кого', 'кем'
Синтетический основной обстоя- тельствственный	—	<i>kiñĩ</i> 'к кому'
Аналитические основной обстоя- тельствственный и косвенно-объектный	<i>kis + P, kiñe + P</i>	<i>kiñã + P</i>

* В скобки заключена редко используемая форма.

Вопросительные местоимения

Вопросительные местоимения — это слова-вопросы о предметах, лицах, их признаках или количестве. Все они в панджаби начинаются со звука *k-*. К ним относятся: *kɔ̃p* 'кто', выступающее субстантивно, *kĩ* 'что', 'какой', используемое и субстантивно, и адъективно, *keṭā* 'какой', 'кто' также с субстантивной и адъективной функциями, адъективные *kijēā* [P¹, 608], *kiā* 'какой', адъективное аналитическое *keō jīā* 'какой', 'что за' (состоящее из местоимения «какой» в форме *keō* и словообразующей частицы *jīā*), адъективное *kifḍā* (*keḍā, keḍā*) 'какой большой' (по размеру, росту, величине и т.д.), формы единственного числа местоимения *kinnā* (*kitnā*), выступающие адъективно со значением «какой» (какая, какое по вели-

чине) и его формы множественного числа, функционирующие как местоимения-числительные.

Местоимение *kəp* 'кто' указывает только на одушевленные объекты. Оно изменяется по падежам (табл. 9). Для субморфированной автосемы единственного числа существует несколько алломорфов: *kis*, *ke* и (редко) *kā*, *kī*. Субморфированной автосемой множественного числа является *kīnā*. Для эргативного падежа единственного числа употребляются формы *kin*, *kīne*, *kis* и *kis ne* 'кто', а для эргативного множественного — *kīnā ne*, *kīnā*, *kīnī* 'кто'. Вот примеры на подлежащие падежи: *kəp ē* /G³, 33/ 'Кто там?', *o' kəp hē?* /Am, 35/ 'Он кто?', *došt dī zəṭānət kis ne dittī hē?* /Am, 61/ 'Кто поручился за обвиняемого?', *te kəmm etthe kis kərnā ē?* /I, 3/ 'А кому здесь работать?' (в последних двух примерах эргатив). Для винительного и дательного единственного числа используются аналитическая форма *kis nū* /P¹, 612/ 'кого', 'кому' и производные синтетические *kinnū*, *kinū* /P¹, 612/ 'кого', 'кому', а для множественного *kīnā nū* /P¹, 612/ 'кого', 'кому' и *kīnī* /P¹, 612/ 'кому'. Для согласующе-реляционного единственного числа встречаются *kis dā* /P¹, 600/ 'чей', 'о ком', а для множественного *kīnā dā* /Cm/ 'чей', 'о ком', 'с кем'.

Наличествуют и формы единственного числа, в которых послелог *dā* превращается в аффикс и местоимение становится слитным и нередко приобретает значение притяжательности. Это формы *kīdā* /P¹, 600/ 'чей', 'какой', 'о ком', 'с кем' (и др.) и *kādā* /P¹, 555/ 'какой', 'чей', 'о ком', 'с кем'. Последняя является также и словоформой местоимения *kī* 'что', часть парадигмы которого совпадает с парадигмой рассматриваемого местоимения (т.е. *kəp* 'кто'). Нами обнаружен диалогический пример, показывающий, что местоимение *kādā* может указывать и на одушевленные предметы (т.е. являться словоформой *kəp* 'кто'), и на неодушевленные (являться словоформой *kī* 'что'): *kāde kisse lēne ī?* /Na¹, 71/ 'Какие рассказы хочете взять?' — *kāgātā de hor kāde?* /Na¹, 71/ 'Бумажные, какие еще?' — *o' kāgātā de te hoe, mē pucchi kēre kisse lēne ī?* /Na¹, 71/ 'Бумажные-то бумажные, я спросил, какие рассказы ты хочешь' — *bālo māhīe dā, hīr rāñjhe dā, sāsī punnā dā* /Na¹, 71/ 'О Бало и Махие, о Хире и Рандже, о Сасси и Пунну'. Как видно из примеров, форма *kāde* многозначна. Поэтому один из собеседников использует это для иронии, а второй старается доказать, какое зна-

чение он имеет в виду; а значения выявляются следующие: 'из чего', 'какой' (~~kefe~~), 'о ком'.

Формы *kīde kade* могут выступать как субосемы, сочетаясь с послелогоми, например: *kīde kol* [P¹, 610] 'у кого' (косвенно-объектный), *kīde kolo* [P¹, 600] 'кем', 'от кого' (аблатив). Примерами косвенно-объектного падежа местоимения *kōṇ* 'кто' служат формы единственного числа *kis pās*, *kis kol* [P¹, 600] 'у кого' и множественного *keṇā pās*, *keṇā kol* или *keṇā de kol* (*keṇā de*) 'у кого'. Примерами аблатива являются формы единственного числа *kis iō* (*thō*), *kis kolo*, *kis pāssō*, *kī'io*, *kīde kolo* [P¹, 600] 'от кого', 'кем' и множественного *keṇā iō*, *keṇā kolo*, *keṇā pāssō* [Cm] 'от кого'. Основной обстоятельственный падеж могут выражать некоторые формы, используемые в предложениях со сказуемыми, представленными глаголами движения. В единственном числе к таким формам принадлежат *kis kol*, *kīde kol* [Cm] 'к нему', а во множественном *keṇā de kol* [Cm] 'к кому' и *keṇā* [P¹, 612] 'к кому', как, например: *tusi' kis kol jā rāhe ho?* [Cm] 'Вы к кому идете?', *o'keṇā de kol jā rāhe han?* [Cm] 'Они к кому (= к каким людям) идут?'.

Адъективная функция местоимения *kōṇ* со значением 'какой', 'что за', на которую указывает Ньютон, явно архаична и не типична для современного панджаби, поскольку примеры Ньютона и им подобные вызывают у носителей современного панджаби удивление (мы опросили несколько человек). В иллюстрациях Ньютона [Nw, 66] *o' kōṇ miṇḍe han?* 'Что это за мальчики?', *o' kōṇ ghoṛā ke?* 'Что это за лошадь?' панджабцы стремятся заменить слово *kōṇ* словом *keō* *jīā* или *kefā* 'какой'.

Как показали наши исследования памятника «Джапджи» («Jəpji»), являющегося, пожалуй, главной из тех частей «Ади грантх», которые написаны на языке панджаби, анализируемое местоимение имело в XV в. звуковой облик *kəwāṇ* (50-я строфа) и обладало двумя синтаксическими функциями: адъективной и субстантивной. Поэтому примеры Ньютона с адъективной функцией данного слова не являются случайными, хотя они и устаревшие.

Местоимение *kī* 'что' — неодушевленный коррелят местоимения *kōṇ* 'кто'. Поэтому его парадигма некоторыми словоформами совпадает с парадигмой последнего. Многие грамматисты совсем не приводят форм данного слова, относящихся к категории множест-

венного числа. Однако факты употребления *kī* во множественном числе все же наблюдаются. Так, патальский словарь форму *kīñā* объясняет как *kefe ādmīā jā keḡā vāstūā* не [P¹, 611] 'какие лица или какие предметы', т.е. как эргативный падеж местоимения для лиц и предметов. Наш опрос ряда носителей показал, что местоимение *kī* используется во множественном числе лишь в адъективной функции и чаще в неноминативных падежах. С существительными в аналитических падежах зафиксирована форма *kīñā* (субосема), а в синтетическом основном обстоятельственном *kīñī* (примеры см. ниже).

В отличие от *kōḡ* 'кто' местоимение *kī* 'что', 'какой' в субстантивной функции в единственном числе обладает алломорфом (субосемы) *kās*, который наиболее типичен для него (табл. 10). В адъективной функции в неноминативных падежах преимущественно встречается форма *kis*, а в субстантивной могут наличествовать также субосемы *kā*, *ke*. Как известно, три последние формы входят и в парадигму местоимения *kōḡ* 'кто'. В качестве субосемы изредка может использоваться и форма *kī*, омонимичная номинативному падежу.

В номинативном падеже единственного числа встречается форма *kī* 'что', 'какой', 'какое', 'какая' в субстантивной и в адъективной функциях и *kādā* 'какой', 'какое' и *kādī* 'какая' — в адъективной. Во множественном числе зафиксированы формы *kī* 'какие', *kāde* 'какие' (м.р.) и *kādīā* 'какие' (ж.р.) только в адъективной функции.

Для эргативного падежа единственного числа в субстантивной функции установлена форма *kās ne* [Cm] 'что', а в адъективной *kis...ne* 'какой', 'какая', 'какое'. Во множественном числе зафиксирована лишь адъективная форма *kīñā...ne* 'какие'.

В винительном единственного числа наличествует употребляющаяся и субстантивно, и адъективно синтетическая форма *kī* 'что', 'какой', 'какое', 'какого', 'какую', а также *kādā* 'какой', 'какого' и *kādī* 'какую', выступающие адъективно. Во множественном числе имеются лишь местоимения-прилагательные *kī* 'какие', *kāde* 'какие' (м.р.) и *kādīā* 'какие' (ж.р.).

Для дательного единственного числа зафиксированы субстантивные формы *kis nī* и *kī nī* [P¹, 600] 'чему' и адъективная *kis...nī* 'какому', 'какой'. В дательном множественного возможна адъективная форма *kīñā...nī* [Cm] 'каким...'.
 Для согласующе-реляционного единственного числа употреб-

дуются формы *kās dā* [P¹, 555], *kā' dā* [P¹, 555] и *ke' dā* [C] 'чей', 'о чем', 'с чем'. Во множественном числе данного падежа возможна адъективная форма *kīñā...dā* [Cm] 'каких...'.
 В парадигму местоимения *kī* также входит слитная производная форма *kāda* 'чей', 'какой', 'о чем', что уже иллюстрировалось в раз-

Таблица 10

Парадигма вопросительного местоимения *kī* 'что'
 'какой', 'какая', 'какое'

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	субстантивная функция	адъективная функция	субстантивная функция	адъективная функция
Номинативный	<i>kī</i> 'что'	<i>kī</i> 'какой', 'какая', 'какое', <i>kāda</i> 'какой', 'какое', <i>kādi</i> 'какая'	—	<i>kī</i> 'какие' <i>kāde</i> 'какие' (м.р.), <i>kādiā</i> 'какие' (ж.р.)
Эргативный аналитический	<i>kās (kā, ke)ne</i> 'что'	<i>kis...ne</i> 'какой', 'какая', 'какое'	—	<i>kīñā...ne</i> 'какие'
Винительный синтетический	<i>kī</i> 'что'	<i>kī</i> 'какой', 'какое', 'какого', 'какую', <i>kāda</i> 'какой', 'какое', 'какого', <i>kādi</i> 'какую'	—	<i>kī</i> 'какие', <i>kāde</i> 'какие' (м.р.), <i>kādiā</i> 'какие' (ж.р.)
Дательный аналитический	<i>kis(kī) nū</i> 'чему'	<i>kis...nū</i> 'какому', 'какой'	—	<i>kīñā...nū</i> 'каким'
Согласующе-реляционный	<i>kās (kā, ke) dā</i> 'чей', 'о чем', 'с чем'	—	—	<i>kīñā...dā</i> 'каких'
Аблатив	<i>kās (kā, ke, kī, kis) tō</i> 'от чего', 'из чего', 'почему'	<i>kis...tō</i> 'от какого'	—	<i>kīñā...tō</i> 'от каких'
Аналитические основной остоятельств енный	<i>kās (kā, ke) + P</i> <i>kis + P, kāde + P,</i>	<i>kis... + P</i>	—	<i>kīñā... + P</i>

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	субстантивная функция	адъективная функция	субстантивная функция	адъективная функция
и косвенно-объектный	<i>kās</i> (<i>ke</i> , <i>kā</i>) <i>nū</i> 'для чего', 'почему'			
Синтетический основной обстоя- тельствственный		<i>kādī</i> ... 'в каком', 'в какой'		<i>kīnī</i> ... 'в какие'

деле о местоимении *kān* 'кто'. Форма *kāde* может служить субосемой местоимения *kī* (как и субосемой *kān*).

Для аблатива единственного числа зафиксированы субстантивные формы *kās iθ* [P¹, 552], *kī iθ* [Ca, 85] 'от чего', 'из-за чего', 'почему' и адъективная *kis...iθ* 'от какого (какой)...'. Для множественного числа аблатива возможна адъективная форма *kīñā...iθ* [Cm] 'от каких...'.
'от каких...'

Примером косвенно-объектного падежа единственного числа служат субстантивные формы *kās lāy*, *kāde lāy*, *kis lāy* [P¹, 552], *kis vāste* [Bi, 301] 'для чего' и адъективная *kis...lāy* (*vāste*) 'для какого(какой)...'. Для множественного числа данного падежа возможна форма *kīñā...lāy* [Cm] 'для каких...'.
'для каких...'

Основной обстоятельственный падеж единственного числа можно проиллюстрировать субстантивными формами *kās vicc* [Cm] 'в чем', *kās te* [Cm] 'на чем' и адъективными *kis...vicc* [Cm] 'в каком (какой...)' и *kis...te* (*utte*) [Cm] 'на каком (какой)...', а этот же падеж множественного числа – адъективными *kīñā...vicc* [Cm] 'в каких...', *kīñā...te* [C] 'на каких...'. Приведем примеры на первый случай: *jaiā kī hunde?* [Gb⁴, 53] 'А что будет, если пойти?' (номинативный), *kī kārde o?* [G³, 34] 'Что Вы делаете?' (винительный), *vadhāt kādī, dāso nā?* [I, 5] 'С чем поздравить, скажи-ка?' (производный косвенно-объектный), *kās ne* (*kā'ne*) *tiñū jitaia?* [Cm] 'Что вас привело к победе?' (эргативный). А вот примеры на второй случай: *kī vākai honā e, bhālā?* [G³, 38] 'Сколько сейчас времени?' (букв. 'какое время', номинативный), *o kī kətt kārda he?* [Am, 35] 'Какую работу он выполняет?' (винительный), *zābən kis kətt āundā he?*

[Am, 36] 'Для чего (букв. для какого дела) служит мыло?' (синтетический основной обстоятельственный), *kis tərḥā?* [G³, 35] 'Каким образом?' (синтетический основной обстоятельственный), *kīṇā meṣā dī murāmmat loṭīndī hē?* [Cm] 'Какие столы нужно отремонтировать?' (букв. 'каких столов ремонт', согласующе-реляционный), *kīṇā meṣā te kitābā rakkhīā?* [C] 'На какие столы/Вы/положили книги?' (основной обстоятельственный), *kīnī thāi iṣ giā sī?* [Cm] 'В какие места ты ходил?' (синтетический основной обстоятельственный).

К основному обстоятельному падежу также относятся формы *kās(ke, kā)* *nū* 'для чего', 'почему'.

Вопросительное местоимение *keṭā* 'какой', 'кто' может указывать и на одушевленные, и на неодушевленные предметы. Оно чаще выступает в адъективной функции, чем в субстантивной. Обладает парадигмой изменяемых прилагательных. Приведем ряд примеров на субстантивную функцию: *tusī eṇā do əmbā viccō keṭā cāhunde ho?* [Am, 37] 'Какой из этих двух плодов манго Вы желаете?', *keṭe keṭe eḍe ḥakk vicc ne?* [R, 343] 'Кто за?', *keṭe nū?* [P¹, 600] 'кому?', 'чему?'. Ниже даны примеры на адъективную функцию: *keṭā cācā terā, lāl?* [J, 6] 'Который твой дядя, Лал?', *tusī keṭī pustak pəḥde ho?* [Am, 19] 'Какую книгу Вы читаете?', *tusī keṭe nəgər vicc rəhinde ho?* [Am, 37] 'В каком городе Вы живете?', *keṭe ḥālī?* [P¹, 600] 'В каком состоянии?', *keṭe ādmī nū jā ke?* [P¹, 612] 'Отправившись к каким людям?'.

Для адъективного аналитического местоимения *keō jīā* 'какой', 'что за' типична функция прилагательного: *o'keō jīā ādmī hē?* [Tr] 'Что он за человек?', *o'keō jeṣ thā e?* [Tr] 'Что это за место?'.

Адъективное наречие *kiḍḍā* (*keḍā, keḍā*) синонимично формам единственного числа местоимения *kinnā* (*kitnā*) 'какой' (по размеру, величине, степени), что подтверждается опросом носителей, например [Tr], и объяснениями в словарях, например [P¹, 608]: *kiḍḍā = kinnā*. Но в вопросительных предложениях чаще используется *kinnā*, чем *kiḍḍā*. Последнее преимущественно встречается в вопросительно-наречной функции (в вопросах о степени качества), как, например: *o'kiḍḍā ləmtā hē?* [D] 'Какой он длины?' (об этом подробнее см. в разделе «Наречие»). Однако нами выявлены примеры и на адъективно-местоименную функцию: *utthe kiḍḍī sāntī hē?* [Tr] букв. 'Какая там тишина?' (имеется в виду степень тишины), *tusī kiḍḍī dūr rəhinde o?* [Tr] 'Как далеко (букв. на каком расстоянии) Вы живете?'.

Автор примеров Трилочан Каур [Тг] заявила, что не имеет значения, какое слово употребить в данных примерах: *kiddā* или *kinnā*.

Ниже мы приводим иллюстрации на использование местоимения *kinnā* (*kitnā*) 'какой' (по размеру, величине, степени) в единственном числе, т.е. примеры форм, синонимичных *kiddā*: *tuhāḍe ləṛkə dī kinnī umər hē?* [Am, 36] 'Сколько лет Вашему сыну?' (букв. 'Какой по величине возраст Вашего сына?'), *tuhāḍā piṇḍ itthō kinnī dūr hē?* [Am, 36] 'На каком расстоянии отсюда находится Ваша деревня?', *ekamm kinne cir'viss sāmpt kəroge?* [Am, 36] 'Сколько времени потребуется на завершение этой работы?'. Формы местоимения *kinnā* (*kitnā*) во множественном числе выступают как местоимение-числительное со значением 'сколько', 'какое число', например: *tuhāḍe kol kinne kəmrə ne?* [G³, 39] 'Сколько у Вас комнат?', *mēñ yād nāhī kinne gəṇḍhe os ākhe.* [Gb⁴, 52] 'Не помню, сколько связок она назвала'.

Из-за относительно редкой употребительности других вопросительных местоимений текстовые примеры для них не приводятся.

Релятивные местоимения

Релятивные местоимения обеспечивают относительную и корреляционную связи в сложноподчиненном предложении. Все они начинаются со звука *j-*. К ним принадлежат: *jo* 'который', 'которая', 'которое', 'какой', 'какая', 'какое', 'кто', 'что', *jeṭā* 'который', 'какой', 'какое', 'кто', 'что', аналитическое *jeḥ jīā* 'какой' (состоящее из формы *jeḥ* местоимения *jo* и словообразовательной частицы *jīā*), *jinnā* (*jitnā*) 'сколь многочисленный', 'сколь большой', *jeḍā* (*jeḍā*, *jiddā*) 'какой' (по размеру, величине, степени, объему), *jīā* 'какой', *jəthā* 'какой'; составные *jo kuḥ* 'что' и *jitnā kuḥ* 'какой'. (Основные иллюстрации на эти местоимения см. в разделах 'Сложноподчиненное предложение', а также 'Коррелятивные местоимения').

Эти местоимения либо сами являются релятивными компонентами, либо входят в состав более сложных релятивных компонентов как релятивные оформители [Смирнов², 167, 189] (См. также раздел данной грамматики 'Сложноподчиненное предложение' и работу Смирнова [Смирнов¹, 49-56]).

Перед тем как привести некоторые примеры, целесообразно дать таблицу склонения самого распространенного релятивного местоимения *jo* (табл. 11). Субсемой единственного числа для него

Парадигма релятивного местоимения *jo* 'который',
'кто', 'что', 'какой'

Падеж	Единственное число	Множественное число
Номинативный	<i>jo</i> 'который', 'которая', 'которое', 'какой', 'какая', 'какое', 'кто', 'что'	<i>jo</i> 'которые', 'какие', 'кто'
Эргативный		
а) синтетический	<i>jɪn, jɪs</i> 'кто', 'который' и т.д.	<i>jɪñ, jɪñā</i> 'кто', 'ко- торые' и т.д.
б) аналитический	<i>jɪs(je)ne</i> 'кто', 'кто- рый' и т.д.	<i>jɪñā ne</i> 'кто', 'которые'
Винительный		
а) синтетический	<i>jo</i> 'которого', 'которую', 'какого', 'какую', 'чего', 'что'	<i>jo</i> 'которых', 'каких'
б) аналитический	<i>jɪs(je) nɪ̃</i> 'которого', 'ко- торую', 'какого', 'какую', 'кого', 'че- го', 'что'	<i>jɪñā nɪ̃</i> 'которых', 'ка- ких', 'кого'
Дательный		
аналитический	<i>jɪs(je) nɪ̃</i> 'которому', 'которой', 'какому', 'какой', 'кому', 'чему'	<i>jɪñā nɪ̃</i> 'которым', 'каким', 'кому'
Согласующе-реля- ционный	<i>jɪs(je) dā</i> 'чей', 'о чем', 'о ком', 'с кем', 'с чем' и т.д.	<i>jɪñā dā</i> 'чей', 'о ком', 'с кем' и т.д.
Синтетическая произ- водная притяжатель- ная форма	<i>jɪdā</i> 'чей', <i>jɪdɪ</i> 'чья', <i>jɪdɛ</i> 'чьи' (м.р.), <i>jɪdɪā</i> 'чьи' (ж.р.) и т.д.	
Аблатив	<i>jɪs(je) tō</i> (<i>pässō, kolō, thō</i>) 'от которого', 'которым', 'от кого', 'кем', 'от чего', 'чем' и т.д.	<i>jɪñā tō</i> (<i>pässō, kolō, thō</i>) 'от которых', 'которыми', 'от ко- го', 'кем' и т.д.
Аналитические основной обстоя- тельственный и косвенно-объект- ный	<i>jɪs(je) + P</i>	<i>jɪñā + P</i>

служат алломорфы *jis* и *je* (и реже *ṣ*), а множественного — *jina*.

Местоимение *jo* выступает и в субстантивной, и в адъективной функциях. Ограничимся следующими четырьмя иллюстрациями: *vəḍḍiṭṭā sethā nū phəro jina sānū vī lutt khāḍḍhe* [Gm, 14] 'Арестовывайте крупных торговцев, которые грабили и нас', *jis ṣahir vicc kāmīṭṭan jāwe...* [Jh, 38] 'В какой бы город комиссия не приезжала...', *jo kuḥ kahiṇā sāho, kahi lāo* [Sew, 8] 'Говорите что хотите', *jīde ghər dāne oḍe kamle vī siāpe* [P², 436] 'В чем доме зерно, у того даже глупцы — мудрецы'.

Местоимение *jeṭā* 'который', 'какой', 'кто', 'что', синонимичное местоимению *jo*, обладает парадигмой изменяемых прилагательных. Однако факты, собранные нами и приведенные в разделе «Сложноподчиненное предложение», показывают, что практически слово *jeṭā* очень редко используется в неноминативных падежах, уступая эту сферу местоимению *jo*.

Коррелятивные местоимения

Практически все указательные местоимения могут участвовать в обеспечении корреляционной связи сложноподчиненного предложения (СПП), выступая как сигнализаторы корреляции [Смирнов², 167] (об этом термине и понятии см. также раздел «Сложноподчиненное предложение» в данной грамматике). Поэтому применительно к СПП они являются коррелятивными местоимениями (основные иллюстрации также см. в разделе «Сложноподчиненное предложение» в данной грамматике).

Здесь мы приводим следующие примеры, в которых одновременно содержатся и коррелятивные местоимения: *o'eho jīā admī nāhī jis te viṣvās kītā jāwe* [Am, 45] 'Он не такой человек, которому можно доверять', *'eohī ləḡkā hē jis phull toḡe* [Am, 44] 'Это как раз тот мальчик, который рвал цветы', *kāṭī vār āṇṇe āṇ te epā khəḡc nāhī hundā, jinnā mōhimāṇā te* [G³, 34] 'часто не расходуешь (букв. такого расхода нет, какой) столько на себя, сколько на гостей', *jinnīā kise dīā kōḍā sən, one one pēse tū ōnū giṇ de* [Gb⁴, 52] 'Сколько у кого ракушек было, столько пайс каждому отсчитай', *kise mōndir vicc eḍī sāntī nāhī hundī jedī utthe sāsā vekhī* [PL, XII.1954] 'Такой тишины, какую мы наблюдали там, не бывает ни в одном храме'.

Следует иметь в виду, что наряду с широко распространенным коррелятивным местоимением *o* 'тот', 'та', 'то' изредка встре-

чается его синоним *so*, который в значительной степени представляет собой архаизм. Его формы следующие: номинативный падеж множественного числа *so* 'те', субосема единственного числа *tis* или *te*, субосема множественного — *iñā*, эргатив единственного *tin* или *tis(te)ne* 'тот'. Ограничимся одним текстовым примером: *jō kəregā so bhəregā* [Mh, 74] 'Что сделаешь, то и получишь'.

О вербально-местоименных частицах

В разговорном панджаби иногда употребляются слова *ī* и *je*, имеющие специфические функции. Они проникли в панджаби с запада из близкородственного языка ленди и из форм речи, переходных от ленди к панджаби. Посредниками этого проникновения являются панджабцы, знающие и эти формы речи, и ленди. Ниже приведены примеры из произведений писателей Гурбакхша Сингха, Ишвара Чандра Нанда и журналиста и переводчика Джагджита Сингха Ананда. Все они родом либо из зоны распространения ленди, либо из районов, непосредственно примыкающих к этой зоне. Первый из них из Сиалкота (Пакистан), второй из Гурдарсиура, а третий из Тарам Тарама (южнее Амритсара).

Формант *ī* используется в ленди преимущественно как местоименный суффикс 2-го лица, а в панджаби, изредка встречаясь, он выступает как местоименная частица 2-го лица. При этом, он может иметь либо одну, либо две функции. В первом случае он выступает как частица обращения единственного числа, а во втором несет еще и вербальную функцию, заменяя самостоятельный глагол или модификатор финитности (термин наш. — Ю.С.). Короче говоря, во втором случае данное слово является одновременно и частицей обращения, и субститутот глагола-сказуемого или части сказуемого. Приведем несколько примеров: *dāpe pəṭṭhe dā kī hāl ī?* [A, 12] 'Как у тебя с зерном и кормом?' (две функции), *thoṭā bohut hē ī* [A, 12] 'Немного есть' (букв. 'Послушай, немного есть', одна функция), *pi bhābī, āh kī lā ditta ī?* [Gb⁴, 52] 'Сестра, что это ты поставила?' (две функции), *ghoṭā bənhən lət kōt night thā hē ī?* [A, 11] 'У тебя есть какое-либо теплое место, где можно привязать лошадь?' (одна функция). Следующие две фразы — вопрос и ответ — ясно показывают, как местоименная частица заменяет модификатор финитности: *diss piā ī?* — *hā*, *diss piā e* [A, 11] 'Тебе видно?' — 'Да, видно'.

Местоименная частица *je* также 2-го лица, но имеет вежливый характер и несет обычно сразу две функции: и вокативную, и вербальную: *vekho nã jĩ, kišəp dā viāh vĩ kərnā je* Л, 67 'Послушайте, Вам также нужно справлять свадьбу Кишана', *mẽ sacc akhdĩ je* Л, 77 'Я Вам говорю правду'.

В панджаби встречается еще одна частица — *ne*, проникшая из переходных говоров, но полностью утратившая местоименный характер, который она носит в них и выражает субъект или объект действия самостоятельно, как, например: *kĩ akheə ne?* 'Что они сказали?', *giraū deo ne* 'Дай им рупию'. В панджаби она выступает в функции глагола *horā* 'быть', заменяя его форму 3-го лица множественного числа. Иначе, она является заменителем *hən* 'есть', например: *tuāde kol kinne kətre ne?* [G³, 39] 'Сколько у Вас комнат?' (букв. 'есть'), *utthe sənĩ kinnā difikəltz peš āundā ne* [Na¹, 41] 'Сколько там у нас трудностей!' (букв. 'есть').

Другие местоименные частицы и тем более местоименные суффиксы не типичны для стандартного панджаби и относятся к области переходных от ленди к панджаби форм речи, что представляет собой сферу исследования, не имеющую непосредственного отношения к задачам данной работы.

ГЛАГОЛ

Класс глагола включает слова, обладающие общим значением процесса, которое выражается рядом грамматических категорий, релевантных для данной части речи (времени, вида, залога, лица, наклонения), а также частным использованием в функции сказуемого (как самостоятельного или как компонента). Большинство глагольных форм присущи также категории числа и рода.

По степени охвата форм глагола грамматические категории неоднородны, а глагольные формы, в свою очередь, несут разную категориальную нагрузку. Самой универсальной является категория залога, охватывающая почти все формы, но и она не всеобъемлюща, что во многом обусловливается существованием аналитических и составных форм. Категория вида представлена преимущественно аналитическими формами и поэтому присуща небольшому количеству форм. Категория лица главным образом применима к личным формам, хотя, как будет видно ниже, в функции личных форм могут использоваться и некоторые неличные формы (об этом подробнее см. в разделе «Сказуемое»).

Категория времени распространяется лишь на личные формы. Также лимитирована категория наклонения.

Система форм глагола панджаби включает два вида форм: личные и неличные.

Неличные формы

К неличным формам относятся исходная глагольная форма (ИГФ, термин наш. — *Н.С.*), инфинитив, герундий I, герундий II, аналитический герундий, герундивно-модальное причастие (ГМП), причастие I, причастие II, пассивное причастие, причастие поучения, потенциальное причастие I, потенциальное причастие II, аналитическое причастие (все термины, кроме двух, наши), деепричастие и ряд аналитических видо-залоговых форм.

Исходная глагольная форма

Анализ структуры разных глагольных форм и аналитических образований показывает, что все они основываются на одной форме, названной нами исходной глагольной формой. Это единственная среди всех неличных форм, которая обозначает действие или состояние как процесс в чистом виде, т.е. без сочетания с другими признаками, как это имеет место у всех других неличных форм. В речевой цепи она чаще всего выступает в четырех функциональных разновидностях, представляя собой ряд грамматических омонимов (как морфема-корнеслов):

1) как форма повелительного наклонения единственного числа, например: *kəɾ* 'сделай', *ā* 'подойди' (более идеоматично *ā jā*, т.е. сочетание двух исходных форм), *rəkəɾ* 'схвати', *də* 'дай'; и хотя у большинства глаголов с ровным тоном форма повелительного наклонения единственного числа совпадает с тремя другими приведенными ниже типами глагольных форм, все же у глаголов *jānā* 'идти' и *kḥānā* 'есть' императив имеет восходящий тон (*jā* 'иди!', *kḥā* 'ешь!'), а у форм других трех типов — ровный, т.е. *jā*, *kḥā*;

2) как одна из разновидностей деепричастия, например: *kəɾ* 'делая', *ā* 'приходя', *rəkəɾ* 'схватывая', *də* 'давая';

3) как знаменательный компонент различных аналитических образований или как один из компонентов составных композит, например: *kəɾ rihā hē* 'делает', *kəɾ hē* 'сделав', *kəɾ bəɪhā hē* 'сделал', *kəɾ səkḥdā hē* 'может делать' и др.;

4) как основа производных от нее форм, личных и неличных, например: *kəṭā* 'делать', *likhṇā* 'писать' (инфинитив); *kəṭā* 'делающий', 'делавший', *likhḍā* 'пишущий', 'писавший' (причастие I); *kəṭā* 'я бы сделал', *likhe* 'он бы написал' (сослагательное наклонение); *likhiā* *he* 'написал' (причастие II); *likhiā* 'написал' (форма прошедшего времени); *likhiā* 'написание', 'написанное' (герундий II); *likhṇā*, *likhṇe*, *likhṇī*, *likhṇīā* (ГМП); *likhṇ* 'пожалуйста, напиши' (вежливый императив), *likheḡā* 'напишет' (будущее время); *likhṇ* 'напишет' (неполносистемное будущее) и др. Только в четвертой функции исходную глагольную форму правомерно называть основой или корнем, потому что под этим понимается единица формообразовательного (а также, в принципе, словообразовательного) уровня. Для остальных трех употреблений последний термин неправомерен.

Материалы, собранные нами, показали, что структурно и по величине сегментного отрезка ИГФ варьируется. Диапазон ее фонемного состава градуируется от одного деления до шести-семи, а слогового — от одного до трех. Приведем ряд примеров: *ā* (*āṇā* 'приходить') — одна фонема, один слог, *lā* (*lāṇā* 'накладывать') — две фонемы, один слог, *kəṭ* (*kəṭā* 'делать') — три фонемы, один слог, *kəṭṭ* (*kəṭṭā* 'резать') — четыре фонемы, один слог, *viā* (*viāṇā* 'жениться') — три фонемы, два слога, *iḷā* (*iḷāṇā* 'плавить') — четыре фонемы, два слога, *iḷiā* (*iḷiḍiāṇā* 'велеть заставить покинуть') — пять фонем, два слога, *səṭṭəṭ* (*səṭṭəṭāṇā* 'прилипать') — шесть фонем, два слога, *iḷṭmāḷā* (*iḷṭmāḷāṇā* 'льстить') — семь фонем, три слога.

ИГФ в исходе может иметь гласные звуки *-ā* (чаще всего, см. примеры выше); *-o*: *ho* (*hoṇā* 'быть'), *khəlp* (*khəloṇā* 'стоять'); *-e*: *re* (*reṇā* 'падать', 'пребывать'). Носовые гласные, а также гласные *-ī*, *-e*, *-ū* редко встречаются в финали ИГФ; например: *-ī*: *pī* (*pīṇā* 'пить'); *-e*: *de* (*deṇā* 'давать'); *-ū*: *iū* (*iūṇā* 'тянуть'); *-ē*: *sē* (*sēṇā* 'спать'); *pē* (*pēṇā* 'бродить'); *-ū*: *sīū* (*sīūṇā* 'шить'). ИГФ, оканчивающиеся на краткие *-i*, *-ə*, *-i*, очень трудно обнаружить. Как видно из вышеприведенных примеров, ИГФ может также иметь в исходе разные согласные и их стечения.

Утверждение Гилла и Глисона, что глаголы, имеющие в исходе основы инфинитива удвоенный согласный [Gill, 152], утрачивают его в императиве и в «изолированном корне» (т.е. ИГФ), не совсем отвечает действительности (это проверено нами на тестах с разными носителями, в том числе и говорящими на маджи, которые произно-

оили в обоих случаях удвоенные согласные). Видимо, одиночный согласный в исходе императива и других разновидностей ИГФ встречается в произношении лишь части носителей маджи.

ИГФ обладает определенными грамматическими чертами.

Ей присуща способность изменять у переходных глаголов форму категории действительного залога на таковую категории побудительного (каузативного), как, например: *kəŋ* (*kəŋnā* 'делать') — *kəŋā* (*kəŋāuŋā* 'побуждать делать', где *-u-* — тематический гласный) — при помощи аффикса *-ā*; *bəŋā* (*bəŋāuŋā* 'строить') — *bəŋvā* (*bəŋvāuŋā* 'велеть строить') — при помощи аффикса *-vā*; *kḥā* (*kḥāŋā* 'есть') — *kḥiā* (*kḥiāuŋā* 'заставлять есть') — при помощи аффикса *-ā* и мутацией *ā > u* (с уменьшением количества гласного).

Кроме того, мы установили, что глагольный аффикс *-ā*, имея в потенции два грамматических значения — переходности и залоговой побудительности — при присоединении к одним непереходным глаголам проявляет лишь значение словообразовательной переходности, а при применении к другим — одновременно и значение залоговой побудительности (каузативности), и дополняющее его значение формообразовательной (словоизменительной) переходности (появление переходности у образованной формы побудительного залога не меняет лексического значения глагола и общего характера действия так же, как и сама побудительность) (Подробно об этом см. в разделе «Категория переходности».).

В связи с этим ИГФ ряда непереходных глаголов способна изменять форму непереходности на формообразовательную (словоизменительную) форму переходности при преобразовании формы действительного залога в форму побудительного, например: *cīk* (*cīkŋā* 'кричать') — *cīkā* (*cīkāuŋā* 'заставлять кричать') — при помощи аффикса *-ā* — формального показателя переходности и каузативности; *ro* (*roŋā* 'плакать') — *ruā* (*ruāuŋā* 'заставлять плакать') — при помощи аффикса *-ā* и мутации *o > u*; *uḇbəŋ* (*uḇbəŋnā* 'прыгать') — *uḇŋā* (*uḇŋāuŋā* 'заставлять прыгать') — при помощи аффикса *-ā*, выпадения звуков *b* и *ə*, введения нисходящего фарингализованного тона в слог, в который добавили аффикс *-ā*, изменения восходящего тона на ровный в первом слоге.

С этим же связана способность ИГФ ряда непереходных глаголов образовывать ИГФ переходных глаголов при помощи того же аффикса, проявляющего значение словообразовательной переходности, а также другими средствами. Это морфологическая словообра-

звательная черта ИГФ. У глаголов с вновь образованными ИГФ лексическое значение меняется, например: *bəṛ* (*bəṛṇā* 'возникать') — *bəṛā* (*bəṛāṇā* 'строить'), *ruj* (*rujṇā* 'прибывать') — *rujā* (*rujāṇā* 'доставлять' — кроме аффикса выпадение согласного), *jəl* (*jəlṇā* 'гореть') — *jəlā* (*jəlāṇā* 'поджигать').

Тем же объясняется то, что ИГФ ряда переходных глаголов способна образовывать ИГФ других переходных (с изменением лексического значения), например: *pī* (*pīṇā* 'пить') — *pilā* или *piā* (*pilāṇā* или *piāṇā* 'поить'), *kḥā* (*kḥāṇā* 'есть') — *kḥiā* (*kḥiāṇā* 'кормить'). Присоединение аффикса -ā в одном случае сопровождается вокалической мутацией с уменьшением количества гласного и добавлением согласного звука ($\bar{i} > i$), а в другом — такой же мутацией ($\bar{a} > u$).

Наряду с ИГФ *ā* от глагола *āṇā* 'приходить' изредка встречается и алломорф *āṇ*, видимо, архаичный, например: *āṇ bēthā* [Nw, 175] 'уселся', *kṣṇ hup āṇ chudāwe?* [Ca, 119] 'Кто бы, придя, освободил?'.

Как уже указывалось в разделе «Существительное», ИГФ может субстантивироваться, превращаясь в отглагольное имя, как, например: *mār* 'избиение', *chānt* 'выбор' и др.

ИГФ наличествует и в других новоиндийских языках. Некоторые исследователи даже приводят ее в словарях. Так, Балбир Сингх Санду [Sandhu¹, 23] приводит ИГФ как словарную форму с переводом по типу инфинитива: *pī* 'to grind', *leṭ* 'to lie', *mī* 'to be arased' и т.д.

Инфинитив

Инфинитив — это основная словарная форма панджабского глагола. Образуется добавлением суффикса -*ṇā* или -*nā* к ИГФ. Второй из них встречается преимущественно тогда, когда ИГФ имеет в исходе сонанты -*ṭ*, -*ḷ*, -*ṛ* или церебральный носовой *ṇ*, как, например: *joṇā* 'соединяться', *raḷṇā* 'воспитываться', *ḍeṇā* 'бояться', *bəṛṇā* 'возникать', 'становиться'. Во всех других случаях чаще всего наличествует суффикс -*nā*, например: *chəḍḍṇā* 'покидать', *likḥṇā* 'писать', *həmsosṇā* 'сожалеть', *jāṇṇā* 'казаться', *kəṭṭṇā* 'резать', *bəchṇā* 'отделяться', *jəṭṇā* 'собираться', *hoṇā* 'быть', *leṇā* 'брать', *deṇā* 'давать', *roṇā* 'воздействовать'.

Если ИГФ оканчивается на гласный -*ā* или представлена им (исключая случаи с конечным слогом, несущим восходящий тон, а также глаголы *jāṇā* 'идти' и *kḥāṇā* 'есть'), то при образовании формы инфинитива между этим гласным и суффиксом обычно добавляется тематический гласный -*u*-, например: $\bar{a} + u + \bar{nā} = \bar{a}uṇā$

‘приходить’, $pā + u + pā = pāupā$ ‘ставить’, ‘класть’, $kəṭā + u + pā = kəṭāupā$ ‘уменьшать’. В некоторых западных говорах панджаби наряду с тематическим -и- встречается и -о-, т.е. $āḍhā$, $pāḍhā$. Однако иногда, видимо под влиянием хинди в урду, тематический гласный -и- не присоединяют. Так, вместо $pāupā$ ‘ставить’, ‘класть’ можно встретить $pāpā$, а вместо $səṭjḥāupā$ ‘разъяснять’ — $səṭjḥāpā$, вместо $bəṣāupā$ ‘спасать’ — $bəṣāpā$. Данное положение иллюстрируют два следующих примера: $mā ne menū hālī ditti səṭjḥāpā cāhīā ke...$ [Gb⁴, 53] ‘Мать хотела не торопясь разъяснить мне, что...’, $o tenū āpnī bəṭārī id bəṣāpā cāhundī sī$ [Gb⁴, 54] ‘Она хотела оградить тебя от своей болезни’. Кроме того, некоторые носители диалекта маджи произносят $ā +$ тематический -и- инфинитива как $ō$, т.е. $pōpā$ ‘ставить’, $lōpā$ ‘накладывать’, $kəṭōpā$ ‘уменьшать’, $ṣōpā$ ‘приходить’. Так что существует алломорф основы инфинитива, отличающийся от ИГФ (т.е. $pō$ и $pā$, $lō$ и $lā$, $kəṭō$ и $kəṭā$, $ṣō$ и $ṣā$).

У ряда глаголов ИГФ, оканчивающаяся на носовой гласный, отличается от основы инфинитива, как, например: ИГФ $sū$ ($sūpā$ ‘шить’) против $sīū$, ИГФ $sō$ ($sōpā$ ‘спать’) против $sō$, ИГФ $pō$ ($pōpā$ ‘бродить’) против $pō$.

От исходных форм, имеющих в исходе -ā, входящий в слог с восходящим тоном, а также от ИГФ глаголов $jāpā$ ‘идти’ ($jā$) и $kḥāpā$ ‘есть’ ($kḥā$) инфинитив, как правило, образуется обычным путем, например: $dā + pā = dāpā$ ‘стелить’, $viā + pā = viāpā$ ‘жениться’, $jā + pā = jāpā$ ‘идти’, $kḥā + pā = kḥāpā$ ‘есть’.

Следует учесть, что тенденция употреблять суффикс -pā после г, г, ж, п прослеживается не всегда. Даже словари иной раз приводят инфинитив с нераспространенным в данном случае аффиксом -pā, хотя и часто отсылают читателя к наиболее употребительной форме, например: $dəṛpā$ kri. ək. vekho $dəṛpā$ [P³, 77] ‘dəṛpā ‘бояться’ — переходный глагол, см. $dəṛpā$. Тот же словарь приводит лишь менее распространенную форму $jəlpā$ [P², 499] вместо $jəlpā$ ‘гореть’. В этом отношении строже словарь Бишана. Он содержит лишь форму $dəṛpā$ [Bi, 541], а также формы $jəlpā$ и $jəlpā$ [Bi, 483].

Не всегда строго соблюдается и правило употреблять аффикс -pā во всех тех случаях, в которых ИГФ не оканчивается на -г, -г, -л, -п, так, например, словарь [P] наряду с принятыми формами $kəṣpā$ ‘завязывать’ и $iāgnā$ ‘покидать’ приводит и редко используемые формы $kəṣpā$ [P¹, 394] и $iāgnā$ [P³, 235], причем отсылает

читателя от вторых к первым. Более строг — в этом отношении словарь Бишана, содержащий лишь формы *kāssnā* [Bi, 269] и *tiāgnā* [Bi, 575].

Инфинитив панджаби — специфическая глагольная форма. По сравнению со многими другими индоевропейскими языками (в особенности с языками Европы) он сохраняет гораздо больше характеристик имени существительного, чем глагольных черт, и, следовательно, первые превалируют в нем над последними.

Субстантивные признаки инфинитива

Способность инфинитива изменяться по падежам. Инфинитив изменяется по падежам, чаще аналитическим и реже синтетическим (табл. 12). Субморфированная автосема образуется следующими путями: а) если ИГФ оканчивается на гласный, то от формы инфинитива номинативного падежа отсекается конечный *-ā*, как, например: *āpnā* 'приходить' — *āpn*, *pāpnā* 'ставить' — *pāpn*, *sīpnā* 'шить' — *sīpn*, *sōpnā* 'спать' — *sōpn*, *kēpnā* 'говорить' — *kēpn*; б) если ИГФ имеет в исходе согласный (согласные), то в зависимости от характера последнего к ИГФ добавляют аффикс *-ən* или *-ən*, как, например: *likh* (*likhnā* 'писать') — *likhən*, *jār* (*jāpnā* 'казаться') — *jārən*, *kāt* (*kāpnā* 'резать') — *kātən*, *dār* (*dāpnā* 'бояться') — *dārən*, *jor* (*jōpnā* 'соединяться') — *jorən*. Для инфинитивов с восходящим и фарингализованным нисходящим тонами субморфированная автосема является грамматическим омонимом формы глагола 3-го лица множественного числа сослагательного наклонения (*lābbən* 'они нашли бы', *t'or* 'они помыли бы' и т.д.).

Нами зафиксированы следующие падежи инфинитива:

1) номинативный — словарная форма инфинитива на *-nā* или *-nā*, в которой инфинитив выступает в предложении в качестве подлежащего и часто в функции предикатива; не имея категорий числа и рода, он воспринимается как существительное мужского рода единственного числа. Примеры: *kī āg nāl khednā bhīānək nāhī?* [Am, 39] 'Не опасно ли играть с огнем?', *is dā kārən buddh dhārən dā mā-gadh jā kosəl dī bolī nū...* āpnāpnā sī [Ar², 7] 'Причиной этого было усвоение буддизмом языка Магадхи или Кошалы';

2) синтетический винительный, омонимично совпадающий с номинативным; это форма инфинитива, выступающего в предложении в качестве прямого дополнения, например: *gāndhī jī bāre ārām nāl hālī tumā cāhunde sən* [Bs, 15] 'Ганди хотел двигаться совсем без

спешки, спокойно', 'ese tālā vicc jāwāhār ne tāmā sikkhiā [Jh, 14] 'В этом пруду Джавахар научился плавать';

3) косвенно-объектный аналитический (приименный), например: mē kārān pū tiār hā [H, 26] 'Я готов к работе', pālśī bārān nāl koī sām̐bāndh nāhī [NZ, 1.IV.1962, 1] 'Нет никакого отношения к политике' (букв. 'с проводить политику') ;

4) согласующе-реляционный, например: vitt mēntī ne e' dāssān dī kośāś kīū hē ke... [KL, III.1960, 7] 'Министр финансов попытался заявить, что...', nem bodh kārān de yātān [NZ, 1.X.1962, 1] 'Усилия по составлению правил';

5) аблатив в двух вариантах: а) синтетическом, образуемом присоединением к ИГФ аффикса -по или -но (этот вариант аблатива присущ больше разговорному языку), как, например: kār (kārānā 'делать') – kārno, likh (likhānā 'писать') – likhno. Приведем ряд примеров: o'kām̐m kārno nāhī tālā [Cm] 'Он не прекратил работу', o'māsī māsī mārno bāciā [Cm] 'Он еле-еле спасся от смерти', mē e'ciṭṭhī likhno inkār kārda hā [D] 'Я отказываюсь писать это письмо', б) аналитическом, образуемом при помощи послелога tō в качестве основной субморфы; те же примеры можно представить с данной разновидностью падежа: o'kām̐m kārān tō nāhī tālā [D] 'Он не прекратил работу', o'māsī, māsī mārān tō bāciā [D] 'Он еле-еле спасся от смерти', mē e'ciṭṭhī likhān tō inkār kārda hā [D] 'Я отказываюсь писать это письмо'; в реляционном плане приглагольный аблатив противостоит приименному, например: e'ciṭṭhī likhān tō mēā inkār oṇū cārṇṇā nāhī laggā [Cm] 'Мой отказ писать это письмо ему не понравился';

6) основной обстоятельственный в двух вариантах: а) синтетическом, совпадающем с субморфированной автосемой и выражающем обстоятельство цели, например: mē tī mā' ōde nāl oṇū chāddān gāt [Gb⁴, 52] 'Моя мать пошла ее проводить', mē is nāl sēr kārān jāwāṇṇā [G¹, 64] 'Я пойду с ней гулять'; б) аналитическом, образуемом при помощи разных послелогов и выражающем обстоятельства разных типов и оттенки их значений, например: oṇā de āṇ tō pāhilā [Am, 29] 'перед их приходом', pār dekhān pū eḍā hē nāhī [G¹, 65] 'Но воочию (букв. смотрением) она не такая большая', mē kām̐t bārān dī khātār dukhī. hoṇ pū tiār nāhī. [Se¹, 60] 'Я не готов страдать ради создания стихов', ōdī mā ne jād mēnū kujh hor khān pū dittā [Gb⁴, 53] 'Когда ее мать дала мне еще что-то поесть' (букв. 'для еды'), bāsre jān lāy jāhāz udīk rāhe sān [Gb², 17] 'Ждали парохода, чтобы

отправиться (букв. для отправки) в Басру', *mē tez cəlləp kəṛke hī stēṣən ɬh̥k vele sir pujiā* [C] 'Лишь благодаря спешке (букв. жэ-за быстрой ходьбы) я вовремя прибыл на станцию', *uttke kət sāl kəmt kəṛəp dā sədkā mənī bohū təjərbā miliā hē* [C] 'Работая там (букв. благодаря работе там) несколько лет, я приобрел большой опыт';

7) аналитический вторичный инструментальный (обстоятельный), образуемый при помощи послелогов *nāl* и *gāhī* 'путем', 'посредством', например: *mē tez jāp nāl hī gəddī phəṛ səkkiā* [D] 'Лишь благодаря спешке (букв. быстрой ходьбой) я успел на поезд',

Таблица 12

Парадигма инфинитива панджаби

№№	Наименование падежа	Иллюстрации
1.	Номинативный	ИГФ* + <i>-(u)nā(-nā)</i> : <i>kheddā</i> 'играть', <i>rəṭhnā</i> 'читать', <i>lēpā</i> 'брат'
2.	Винительный синтетический	ИГФ + <i>-(u)nā(-nā)</i> : <i>kheddā</i> 'играть', <i>rəṭhnā</i> 'читать'
3.	Косвенно-объектный (применный аналитический)	ИГФ + <i>-əp</i> [-ən, <i>-(u)n</i>] + P: <i>kəṛəp pū iār</i> 'готов к работе', <i>bəṛāp nāl səmbəndh</i> 'связь с созданием', <i>ɬh̥k kēṇ vīss</i> 'прав, заявляя' (букв. 'в заявлении')
4.	Согласующе-реляционный	ИГФ + <i>-əp</i> [-ən, <i>-(u)n</i>]: <i>dəssəp dī kəṣṣ</i> 'попытка сказать', <i>kəṛəp de yəṭən</i> 'стремления составить'
5.	Аблатив	
	а) синтетический	ИГФ + <i>-(u)no(-no)</i> : <i>likhno</i> 'от написания', <i>kəṛno</i> 'от делания'
	б) аналитический	ИГФ + <i>-əp</i> [-ən, <i>-(u)n</i>] + P: <i>likhəp tō</i> 'от написания', <i>kəṛəp tō</i> 'от делания'
6.	Основной обстоятельный	
	а) синтетический	ИГФ + <i>-əp</i> [-ən, <i>-(u)n</i>]: <i>chəddəp gəy</i> 'пошла проводить', <i>səṛ kəṛəp jāwāṅgī</i> 'пойду погулять'
	б) аналитический	ИГФ + <i>-əp</i> [-ən, <i>-(u)n</i>] + P(P): <i>āṇ tō rəḥilō</i> 'перед приходом', <i>dəkhəp pū</i> 'с виду', <i>bəṛəp dī khāṭar</i> 'для возникновения', <i>khāṇ pū</i> 'для еды', <i>jāp ləy</i> 'для отъезда'
7.	Инструментальный (вторичный)	ИГФ + <i>-əp</i> [-ən, <i>-(u)n</i>]: <i>tez jāp nāl</i> 'путем быстрой ходьбы', <i>roz rəṭhəp gāhī</i> 'посредством ежедневной учебы'.

* В случае несовпадения ИГФ и основы инфинитива, что имеет место лишь у немногих глаголов, вместо ИГФ берется данная основа.

mē roz rəḥən rābī hī imtiḥān səṅgī tərḥā pās kər səkkīā [D] 'Только из-за ежедневных занятий (букв. посредством ежедневной учебы) я смог хорошо сдать экзамены'.

Способность инфинитива иметь перед собой определения (местоименные или согласующе-реляционные), например: *onā de āuṛ tō rəḥilā* [Am, 38] 'перед их приходом', *jāṅkār hālkīā dā kēṇā hē kē...* [NZ, 11.II.1962, 47] 'Как заявляют осведомленные круги...' (букв. 'осведомленных кругов заявление'), *meḡā milānā* [Gb⁴, 54] 'мою встречу'.

Способность инфинитива быть определением в согласующе-реляционном падеже. Об этом см. раздел о согласующе-реляционном падеже инфинитива.

Способность инфинитива функционировать в качестве подлежащего в номинативном падеже и в качестве прямого дополнения, косвенного дополнения и обстоятельств в неноминативных, о чем см. раздел о падежах инфинитива.

Глагольные признаки инфинитива

Способность инфинитива иметь при себе обстоятельства, выраженные: а) наречием, как, например: *bohut rīṭā ṭhīk nāhī* [D] 'Не следует много пить' (букв. 'многим образом пить'), *onā nū tā zəbānī yād kərnā pəndā hē* [Jw, 199] 'Их приходится заучивать наизусть' (букв. 'устно'), *mā ne meṇū hālī dittī sāmjhānā cāhīā* [Gb⁴, 52] 'Мать хотела мне разъяснить не торопясь' (букв. 'медленно'), *utthe jāṇā* [J, 69] 'туда съездить'; б) другими частями речи (в первую очередь существительными в основном обстоятельстве в падеже), например: *bāsre jāṇ ləy* [Gb², 17] 'для отправки в Басру', *eḥuṇ meḡān vīss kuddā cāhunde sən* [Jh, 24] 'Теперь он захотел сражаться' (букв. 'прыгать на площади'), *pūre zor nāī kēṇā* [KL, I.1960, 7] 'настоятельно потребовать'. Такие обстоятельства чаще всего занимают позицию между согласующе-реляционным определением к инфинитиву и самим инфинитивом, например: *us dīn pulās de ghəḡ āuṛ kərke* [Jh, 32] 'в тот день из-за прихода полиции в дом...'

Способность инфинитива иметь при себе дополнение: а) прямое (инфинитив от переходного глагола) в обоих вариантах винительного падежа, т.е. в синтетическом и аналитическом, причем, как нам удалось установить, в первом случае дополнение может быть лишь в женском роде (при инфинитиве в номинативном и синтетическом винительном падежах). Примеры: *o' khəṛābīā dūr*

kārṇā cāhunde sən [Jh, 33] 'Они желали устранить бедствия', *āṭī kōhāntī bhejṇā cāhunde sī* [Ar.] 'Мы хотели направить рассказ', *īḍ te cōlāktī nāl hī duśmāp nū mārṇā cāhīdā he* [Sew, 23] 'Поэтому противника нужно бить лишь хитростью'; б) косвенное (инфинитив от непереходного, вернее косвенно-переходного, а также переходного глагола), например: *kī āgg nāl khedṇā bhīāṇak nāhī?* [Am, 39] 'Не опасно ли играть с огнем?', *us ādmī nū kīṭābḍ deṇ dī āgiā* [C] 'разрешение отдать книги тому человеку'; квалитативно-предикативный член, как, например: *ār āṇhe piāre deṣ nū vī issā dekhṇā cāhunde sən* [Jh, 38] 'Он хотел видеть свою любимую родину процветающей' (букв. 'высокой').

Способность инфинитива изменять свою форму при изменении залоговых отношений в трех случаях: а) при изменении действительного залога в страдательный, б) при изменении действительного залога в побудительный, в) при наложении отношений побудительного залога на отношения страдательного (гибридный залог); это значит, что инфинитив имеет четыре залоговых формы: действительного, страдательного (пассивного), побудительного и пассивно-побудительного, например: а) *likhṇā* 'писать' — *likhiā jāṇā* (или иногда встречающийся вариант *likhe jāṇā*) 'быть написанным'; б) *likhṇā* 'писать' — *likhāiṇā* 'побуждать писать'; в) *likhiā jāṇā* 'быть написанным' — *likhāyā jāṇā* 'быть побуждаемым написать'.

Вариант пассивной формы с флексией *-e* у первого компонента встретился нам в двух случаях: *kālīḍ kaddhe jāṇā* [Bs, 9] 'Исключение из колледжа', *piāre jāṇā vī oḍī vaddī tī khuṣī e, jiddī piārṇā* [D] 'Быть любимым такое же большое счастье, как любить'.

Способность инфинитива изменять форму непереходности на словоизменительную форму переходности при преобразовании формы действительного залога в форму побудительного, что делается за счет изменения ИГФ, например: *stīkṇā* 'кричать' — *stīkāiṇā* 'заставлять кричать', *goḍā* 'плакать' — *giḍaiṇā* 'заставлять плакать'. Эта черта не является общей для всех инфинитивов; она свойственна инфинитивам лишь отдельных непереходных глаголов.

Таким образом, пяти субстантивным признакам инфинитива противостоят три глагольных (четвертый распространяется на узкий подкласс глаголов и имеет частный характер). Доминирование суб-

стантивных черт выражается не только количественным соотношением с глагольными, но и тем, что если первые всегда явно выступают в инфинитиве, то вторые часто бывают нерельефными. В самом деле, инфинитив всегда обладает формой какого-либо падежа, всегда выполняет синтаксическую функцию, присущую существительному, в то время как он далеко не всегда имеет при себе какое-либо обстоятельство, дополнение (в том числе КПЧ), как, например: *raṅṅhā saṅgā kamm he* [Cm] 'Учение — хорошее дело' (инфинитив-подлежащее не имеет при себе членов предложения, распространяющих его как глагол), или: *mē goṇā saḥundā sã* [De, 16] 'Я хотел плакать' (инфинитив — прямое дополнение также не имеет при себе слов, распространяющих его как глагол).

Даже тогда, когда у инфинитива наличествует дополнение, при нем нередко бывает и определение, как, например: *paṅ opū meṅa milāṇā dohā mawā ne mænñā nāhi sī* [Gb⁴, 54] 'Но обе матери не дали согласия на то, чтобы я с ней встретился', *paṅḥān māntrī dā e kēṇā gəlāt nāhi ke...* [AP, 23.VIII.1953, 3] 'То заявление премьер-министра правильно, что...'

В предложении инфинитив может выступать в следующих функциях:

- 1) подлежащего;
- 2) прямого дополнения;
- 3) косвенного приименного дополнения;
- 4) определения;
- 5) обстоятельства;

6) предикатива: *is dā kārən buddh dhārən dā mægādh jã kosəl dī bolī nū āpāṇṇā sī* [Ar², 7] 'Причиной этого было усвоение буддизмом языка Магадхи или Кошалы'. Нам также удалось установить, что в качестве предикатива эргативной конструкции может выступать не только широко используемое в этой функции герундивно-модальное причастие (ГМП), но и инфинитив, и в особенности тогда, когда наличествует прямое дополнение с послелогом *nū*, с которым ГМП не сочетается, например: *kitne cir. tō ō bæss dī uḍḍik kār riḥā sī, sāt nambār bæss, jis ne dās mīl dūr ōḍe ghār o'nū lijaṇā sī* [Du, 187] 'Как долго он ждал автобуса, автобуса № 7, которому предстояло доставить его к дому, удаленному отсюда на целых 10 миль!', *peo ne us nū us dī kārnt de mænnde nātijā tō nāhi sī bæss sakkṇā* [Se², 84] 'Отец не смог бы оградить его от последствий его плохого поведения';

7) самостоятельного сказуемого. Мы обнаружили ряд примеров, указывающих на то, что инфинитив, как и ГМП, может выступать в функции самостоятельного сказуемого, например, в императиве [включая и случаи инфинитива, имеющего при себе прямое дополнение с последогом -*nū* (или в случае с местоимениями с суффиксом -*nū*)] : *paṭṭar dī pāhiṇs bhejaṇ dī kirpā kəṭṭā* [Bo, 116] 'Пожалуйста, подтвердите получение письма', *kirpā kər ke oṇṇ zəṭṭr bhejṇā* [Am, 31] 'Пошлите его, пожалуйста, обязательно', *meriṭ aṭṭhiṭā liṇṇā* [D] 'Принесите мои письма', *əzṭ ghəll deṇā* [D] 'Пошлите заявление' (интенсивная форма).

Инфинитив может употребляться как самостоятельное сказуемое и не в императиве, например: *phir mē khā ləwāṅgī tē tustī gallā kəṭṭā* [Ta, 66] 'Затем я поем, и вы поговорите'.

Формы номинативного и винительного падежей инфинитива совпадают с формой ГМП мужского рода единственного числа. Этот факт, а также некоторые одинаковые функции, о которых говорилось выше, наводят на мысль, что обе глагольные формы, видимо, восходят к одной общей форме, которая в процессе развития распалась на две формы, теперешние различия которых более веские, чем сходные черты, что и обуславливает парадигматическую и синтагматическую самостоятельность каждой (о различиях между инфинитивом и ГМП см. в разделе «Герундивно-модальное причастие»).

Герундий

Герундий — это глагольная форма, так же как и инфинитив, объединяющая в себе вербальные и субстантивные черты, но имеющая свою специфическую парадигму и особенности сочетаемости. Проанализировав собранные нами материалы, а также примеры грамматиста Ньютона [Nw., см. раздел о причастиях], мы пришли к выводу, что помимо герундия, упоминаемого Ньютоном и некоторыми современными индийскими исследователями, а именно герундия, омонимичного причастию II, в панджаби существует и вторая разновидность герундия, омонимичного причастию I. Поэтому ряд примеров, необоснованно приписываемых Ньютоном причастию I, как раз ярко свидетельствует о наличии в панджаби второй разновидности герундия. Для удобства описания мы предлагаем назвать герундий, омонимичный причастию I, герундием I, а герундий, омонимичный причастию II, — герундием II.

Нами выявлены системы падежей, функции, закономерности сочетаемости и другие особенности обоих видов форм, рассматриваемых в порядке очередности.

Герундий I — это форма, омонимичная причастию I словоформами номинативного падежа и своей субморфированной автосемой. Вполне вероятно, что герундий I является результатом расщепления когда-то существовавшей одной формы на две: причастие I и герундий I.

В зависимости от типа глагола номинативный падеж мужского рода единственного числа образуется присоединением к ИГФ сегментов *-dā*, *-ndā* или *-undā* (т.е. суффиксов *-d-*, *-nd-* и *-und-* и окончания *-ā*; *-u-* в суффиксе *-und-* — тематический гласный), как, например: *likhdā* для *likhrā* 'писать', *pīndā* для *pīrā* 'пить', *rondā* для *ronā* 'плакать', *āundā* для *āurā* 'приходить'. В женском роде единственного числа конечный *-ā* формы меняется на *-ī*, т.е. *likhdī*, *pīndī*, *rondī*, *āundī*, в мужском множественного числа — на *-e*, т.е. *likhde*, *pīnde*, *ronde*, *āunde*, а в женском множественного — на *-ā*, т.е. *likhdā*, *pīndā*, *rondā*, *āundā*.

Субморфированная автосема мужского рода единственного числа совпадает с формой номинативного падежа мужского рода множественного числа, а женского рода единственного числа — с формой номинативного падежа женского рода единственного числа, женского рода множественного числа — с формой номинативного падежа женского рода множественного числа. А субморфированная автосема мужского рода множественного числа образуется присоединением к ИГФ сегментов *-diā*, *ndiā* или *-undiā*, т.е. *likhdiā*, *pīndiā*, *rondiā* и *āundiā*. Эта же субосема может иногда использоваться и для единственного числа.

Инвентарь словоформ герундия I можно представить так (исключая те немногие случаи, когда ИГФ отличается от основы инфинитива):

Мужской род		Женский род	
Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
ИГФ + <i>-dā</i>	ИГФ + <i>-de</i>	ИГФ + <i>-dī</i>	ИГФ + <i>-dīā</i>
ИГФ + <i>-ndā</i>	ИГФ + <i>-nde</i>	ИГФ + <i>-ndī</i>	ИГФ + <i>-ndīā</i>
ИГФ + <i>-undā</i>	ИГФ + <i>-unde</i>	ИГФ + <i>-undī</i>	ИГФ + <i>-undīā</i>
ИГФ + <i>-de</i> + Р	ИГФ + <i>-diā</i> + Р	ИГФ + <i>-dī</i> + Р	ИГФ + <i>-dīā</i> + Р
ИГФ + <i>-nde</i> + Р	ИГФ + <i>-ndiā</i> + Р	ИГФ + <i>-ndī</i> + Р	ИГФ + <i>-ndīā</i> + Р
ИГФ + <i>-unde</i> + Р	ИГФ + <i>-undiā</i> + Р	ИГФ + <i>-undī</i> + Р	ИГФ + <i>-undīā</i> + Р

Ясно видно, что герундий I отличается от инфинитива и способностью изменяться по родам и числам. Специфической чертой герундия I является и то, что он очень часто выражает активно действующий субъект.

Грамматические черты герундия I целесообразно начать рассматривать с синтаксических функций. Нам удалось выявить следующие его функции:

1) подлежащего номинативной конструкции: *məhən bəpvaundā mēgā dost hē [Gb-3] 'Человек, строящий (с помощью кого-то) дом, мой друг', sərək te jāndī mēgā bhēn hē [Gb-3] 'Идущая по дороге – моя сестра', sərək te jānde mēgā dost hən [Gb-3] 'Идущие по дороге – мои друзья';*

2) подлежащего эргативной конструкции (эргативный падеж): *ləngghdiā ne vī ākhīā hē... [Gb-3, 14] 'Шедшие по дороге также сказали, что...', āundiā ne hī nəmbərdārā nū diā diti [Nw, 17] 'Только что прибывшие поприветствовали (букв. благословили) намбардаров';*

3) косвенного дополнения: *dubbde nū tinke dā səhārā [Jw, 256] 'Утопающий хватается за соломинку' (букв. 'утопающему помощь соломинка', дательный, м.р., ед.ч.), jāndī nū bhēn mil pāt [D] 'Шедшей встретила сестра' (дательный, ж.р., ед.ч.), jāndiā nū bhārā mil piā [D] 'Шедшим встретился брат' (дательный, м.р., мн.ч.), jāndiā nū bhēn mil pāt [D] 'Шедшим (женщинам) встретила сестра' (дательный, ж.р., мн.ч.), jāndiā ləy i jəzət hē [D] 'Для идущих есть разрешение' (косвенно-объектный падеж);*

4) определения (согласующе-реляционный падеж): *e-kəhindī kəhindī de mən vīcc [Nw, 171] 'в сердце это говорившей', jānde de rāh vīcc [Tr] 'на пути шедшего', jāndiā de rāh vīcc [Tr] 'на пути шедших', jāndiā de rāh vīcc [Tr] 'на пути шедших [женщин]';* примечательно, что герундий I женского рода согласованно определяет существительное мужского рода;

5) обстоятельства (основной обстоятельственный падеж): *mək-dānald dī bəhək vīcc, bəhən de jānde nū mək-dānald sāhib ikk hor gore purkh nāl gallā kər rāhiā sī [Se¹, 38] 'В то время как Бетан шел (букв. во время ходьбы Бетана) к Мак Дональду, господин Мак Дональд вел в своей приемной беседу с еще одним европейцем' (обстоятельство времени), boldiā sāmē ōnā dī vəṇḍ āpṛe āp ho jāndī hē [Ca, 41] 'Во время разговора они сами по себе делятся' (обстоятельство времени), pərsād mūh pāvdiā nāl hī kḍe kəpāt khullh gae... [Nw, 178] 'Только кладя пишу в рот (букв. с вкладыванием пищи в*

рот), Кауда понял.а' (обстоятельство образа действия); нам не удалось обнаружить примеры, где бы в функции обстоятельства герундий I выступал в форме женского рода единственного или множественного числа. В ответ на наш опрос носители [D, Tr, Cm] утверждали, что для субъектов действия и мужского и женского рода, которые выражаются герундием I, используются лишь общие формы мужского рода единственного и множественного числа;

б) приложения; эта функция распадается на ряд разновидностей, предопределяемых синтаксическими функциями существительного или местоимения-существительного, приложением к которым выступает герундий I. Если такое слово подлежащее, то и герундий I выполняет ту же функцию, если же оно прямое дополнение, то и герундий прямое дополнение, и т.д.;

а) приложение—подлежащее эргативной конструкции: *mē rōndī ne sātā bīhāiā hē* [Nw, 175] 'Я, плача (букв. плакавшая), провела время' (эргативный падеж);

б) приложение—прямое дополнение: *gurū sā nū jiundīā nū pher is des kādī nā liāwe* [Nw, 175] 'Хоть бы Гуру никогда не привозил опять нас живыми (букв. нас живущих) в эту страну' (винительный аналитический);

в) приложение—косвенное дополнение: *beṭaṇ nū śārḍā dī sārhi dā rāṅg dāsde nū kujh der laggī* [Se¹, 32] 'Перед тем как назвать цвет сари Шарды, Бетан несколько помедлил' (букв. 'Бетану, называвшему цвет сари Шарды, потребовался какой-то период' (дательный), *tenū oṇā iō rāṇī pīndīā iō bāsō* [Tr] 'Избавьте меня от пьющих воду (букв. от них, от пьющих воду)' (вторичный аблатив); иногда дательный падеж местоимения-существительного, приложением к которому является герундий I, может быть выражен лишь субморфированной автосемой (без послелога), герундий же бывает полностью оформленным, например: *śā pōrdīā nū tir ho giā hē* [Nw, 181] 'Мы долго читали' (букв. 'нам, читающим, исполнился срок'); бывает и наоборот: местоимение-существительное полностью оформлено, а дательный падеж герундия I представлен лишь субморфированной автосемой, например: *oṇ nū kirt kārde kārde do vārhe bīte* [Nw, 180] 'Он трудился два года' (букв. 'ему, делавшему, делавшему труд, исполнилось два года');

г) приложение-обстоятельство; в этой функции основной обстоятельственный падеж местоимения-существительного, приложением которого является герундий I, часто выражается лишь субосемой, например: *śā āundīā toṇ kām cālāi* [Nw, 179] 'Поработай,

пожалуйста, пока мы придем' (букв. 'до нас, до приходящих, поре-ботай').

Систему падежей герундия I можно представить в виде таблицы (табл. 13).

Таблица 13

Парадигма герундия I

(на примере глаголов *likhḥā* 'писать', *pīḥā* 'пить' и *pāuḥā* 'ставить')

Наименование падежей	Единственное число		Множественное число	
	мужской	женский	мужской	женский
	род	род	род	род
Номинативный,	<i>likhḥā</i>	<i>likhḥī</i>	<i>likhḥe</i>	<i>likhḥā</i>
	<i>pīndā</i>	<i>pīndī</i>	<i>pīnde</i>	<i>pīndī</i>
	<i>pāundā</i>	<i>pāundī</i>	<i>pāunde</i>	<i>pāundī</i>
Эргативный	<i>likhḥe ne</i>	<i>likhḥī ne</i>	<i>likhḥiā ne</i>	<i>likhḥā ne</i>
	<i>pīnde ne</i>	<i>pīndī ne</i>	<i>pīndiā ne</i>	<i>pīndī ne</i>
	<i>pāunde ne</i>	<i>pāundī ne</i>	<i>pāundiā ne</i>	<i>pāundī ne</i>
Нинительный (аналитический)	<i>likhḥe nū</i>	<i>likhḥī nū</i>	<i>likhḥiā nū</i>	<i>likhḥā nū</i>
	<i>pīnde nū</i>	<i>pīndī nū</i>	<i>pīndiā nū</i>	<i>pīndī nū</i>
	<i>pāunde nū</i>	<i>pāundī nū</i>	<i>pāundiā nū</i>	<i>pāundī nū</i>
Дательный	<i>likhḥe nū</i>	<i>likhḥī nū</i>	<i>likhḥiā nū</i>	<i>likhḥiā nū</i>
	<i>pīnde nū</i>	<i>pīndī nū</i>	<i>pīndiā nū</i>	<i>pīndī nū</i>
	<i>pāunde nū</i>	<i>pāundī nū</i>	<i>pāundiā nū</i>	<i>pāundī nū</i>
Косвенно-объектный	<i>likhḥe ləy</i>	<i>likhḥī ləy</i>	<i>likhḥiā ləy</i>	<i>likhḥiā ləy</i>
	<i>pīnde ləy</i>	<i>pīndī ləy</i>	<i>pīndiā ləy</i>	<i>pīndī ləy</i>
	<i>pāunde ləy</i>	<i>pāundī ləy</i>	<i>pāundiā ləy</i>	<i>pāundī ləy</i>
Согласующе-реляционный	<i>likhḥe dā*</i>	<i>likhḥī dā</i>	<i>likhḥiā dā</i>	<i>likhḥiā dā</i>
	<i>pīnde dā</i>	<i>pīndī dā</i>	<i>pīndiā dā</i>	<i>pīndī dā</i>
	<i>pāunde dā</i>	<i>pāundī dā</i>	<i>pāundiā dā</i>	<i>pāundī dā</i>
Основной обстоятельственный	<i>likhḥe + P</i>	—	<i>likhḥiā + P</i>	—
	<i>pīnde + P</i>	—	<i>pīndiā + P</i>	—
	<i>pāunde + P</i>	—	<i>pāundiā + P</i>	—
Вторичный аблатив	<i>likhḥe tō</i>	<i>likhḥī tō</i>	<i>likhḥiā tō</i>	<i>likhḥiā tō</i>
	<i>pīnde tō</i>	<i>pīndī tō</i>	<i>pīndiā tō</i>	<i>pīndī tō</i>
	<i>pāunde tō</i>	<i>pāundī tō</i>	<i>pāundiā tō</i>	<i>pāundī tō</i>

* Послелог *dā* может в зависимости от рода, числа и падежа реляционного слова иметь и другие формы помимо данной (мужского рода единственного числа).

В целом герундий I имеет следующие грамматические черты:

- 1) изменяется по падежам и имеет полную парадигму;
- 2) изменяется по родам и числам;
- 3) может иметь перед собой определения: а) согласованные:

betān de jānda nū [Se¹, 38] 'во время ходьбы Бетана', *tere jāndiā nū* [Nw, 179] 'во время моей ходьбы' (в этом отношении герундий I напоминает инфинитив); б) несогласованные: у герундия I может приглушаться значение активно действующего субъекта и он в этом случае обладает лишь обстоятельственной семантикой с оттенком процессности, имея форму мужского рода единственного числа основного обстоятельственного падежа (субосема с окончанием -e); при этом, если герундий образован от непереходного глагола, то, как мы выяснили в результате тестов, он, оставаясь неизменным в своей форме, т.е. в аналитическом основном обстоятельственном падеже, может вступать в отношения с существительными в номинативном падеже обоих родов и чисел. С таким именем герундий I образует словосочетание атрибутивного характера, в котором он выступает как опорное слово-определяемое (конституирующий элемент), а существительное — как несогласованное определение: *sāḍā beṛā dubbde vele* [Gb-3] 'во время погружения нашего судна'; *sāḍi beṛi dubbde vele* [Gb-3] 'во время погружения нашей лодки'; *sāḍiā beṛiā dubbde vele* [Gb-3] 'во время погружения наших лодок', *sāṁtākḍā sūraj caphde vele* [Gb-3] 'во время восхода сверкающего солнца';

4) может выступать в качестве согласованного определения в согласующе-реляционном падеже (о чем см. выше);

б) герундий I переходного глагола может иметь при себе пре-
 позитивное прямое дополнение (в синтетическом винительном паде-
 же): *betān nū sārḍā dī sārhi dā rang ḍassde nū kujh der laggī* [Se¹, 32] 'Перед тем как назвать цвет (букв. Бетану, называвшему цвет) сари Шарды, Бетан несколько помедлил', *teṇi oñā iō rāpi pīndiā tō bā-
 sāo* [Tr] 'Избавьте меня от пьющих воду' (букв. 'Избавьте меня от них, от пьющих воду');;

б) может иметь косвенное дополнение: *teṇi us bānde iō bāssiā nū golīā dende tō bāsāo* [Tr] 'Избавьте меня от того человека, даю-
 щего детям сладости' (букв. 'Избавьте меня от того человека, от дающего детям сладости'), *vidiārthi nū āpne adhiāpāk lāy kahaṇt
 raphde nū cir ho giā* [Tr] 'Ученик долго читал рассказ своему учи-
 телю' (букв. 'Ученику, своему учителю читавшему рассказ, срок исполнился');

7) может иметь обстоятельство, выраженное наречием или су-
 щественным в основном обстоятельственном падеже: *utthe rāhinde nū che māhine gujre* [Nw, 180] 'Проживание там длилось шесть меся-
 цев' (букв. 'Жившему там исполнилось шесть месяцев'), *thik owē jiwē*

boldiā sāmē ōnā dī vāṇḍ āṛṇe āṛ ho jāndī hē [Ca, 41] 'Точно так, как во время разговора они сами по себе делаются', ṛāḥ lāṛggḥdiā ne [Gb³ 14] 'Идущие по дороге', yār, sādē ḡsoy jāndiā nū kīte roṭī hī nā mukḥ jāwe [Cn] 'Друг, пока мы идем в столовую, как бы не кончилась пища';

8) может изменяться в пределах залогов действительный – побудительный: *kārde* + Р (неоминативный падеж от 'делающий') – *kārvāunde* + Р (неоминативный падеж от 'побуждающий делать'), *bāṇāunde* + Р (неоминативный падеж от 'строющий') – *bāṇvāunde* + Р (неоминативный падеж от 'побуждающий строить'); примеры: *is bān-de nū māḥān bāṇvāunde nū inn māhīne hōe ne* [D] 'Уже три месяца, как этот человек заставляет строить здание' (букв. 'Этому человеку, заставляющему строить здание, прошло три месяца'), *teṇī is p'ārā kām kārṇvāunde tō bāsāo* [D] 'Избавьте меня от него, заставляющего делать тяжелую работу';

9) может выступать в синтаксических функциях подлежащего, прямого и косвенного дополнений, обстоятельства в основном обстоятельственном падеже.

Пункты 1, 2, 3, 4 и 9 свидетельствуют о наличии у герундия I субстантивных черт, а 5, 6, 7 и 8 – о присущих ему глагольных признаках.

Герундий II – это форма глагола, омонимичная причастию II. Как показал собранный нами материал, герундий II может обладать коррелятами в отношении категории рода, т.е. может иметь две формы: мужского рода и женского. Эти формы, как уже было сказано, омонимичны причастию II, но с одним исключением, что глаголы, характеризующиеся неправильным способом образования причастия II, могут иметь и второй алломорф герундия II, созданный «стандартно», правильно. Так, например, для глагола *jāṇā* 'идти' помимо супплетивных *gīā* и *ḡyū* 'хождение', 'ходьба' наличествует еще и алломорф *jāyā*. У глаголов, имеющих стандартные формы герундия II, в мужском роде он имеет окончание *-i(y)ā*, а в женском *-i(yū)*, как, например: *āyā* и *āyū* 'приход' (*āṇṇā* 'приходить'), *soṇiā* и *soṇī* 'думание' (*soṇṇā* 'думать'). У нестандартно образованного герундия бывает окончание мужского рода *-ā*, следующее за согласным, как, например: *kīṭiā* (или *kāṇiā*) 'делание' (*kāṇā* 'делать'), *khāḍhā* 'принятие пищи' (*khāṇā* 'есть').

Помимо изменений по родам герундий II может иметь и формы множественного числа, хотя они менее распространены. Последние образуются в мужском роде заменой окончания *-i(y)ā* на *-e*, а в жен-

ском — добавлением $\tilde{a}$, как, например: $g\ddot{a}y\ddot{a}$ 'пение' — $g\ddot{a}e$ 'пения' (м.р.), $g\ddot{a}y\ddot{u}$ 'пение' — $g\ddot{a}y\ddot{u}\tilde{a}$ 'пения' (ж.р.). У нестандартных форм герундия II флексия $\tilde{a}$ заменяется $-e$ в мужском роде: $k\ddot{i}t\ddot{a}$ 'действие', 'делание' — $k\ddot{i}te$ 'действия' (в женском $k\ddot{i}t\ddot{i}$ — $k\ddot{i}t\ddot{a}$). У герундия $g\ddot{i}\ddot{a}$ 'уход' в мужском роде $\tilde{a}$ трансформируется в $\tilde{e}$, т.е. в $g\ddot{a}e$ 'уходы'.

Таким образом, помимо исходной формы герундий II отличается от инфинитива и тем, что может, как и герундий I, изменяться по родам и числам.

В общем плане характеристика грамматических особенностей герундия II сводится к следующему.

Он может изменяться по падежам и имеет следующие падежи (табл. 14):

1) номинативный: это исходные формы в единственном числе с окончаниями $\tilde{a}$ в мужском роде и $\tilde{u}$ в женском, например: $us\ d\ddot{a}\ g\ddot{a}y\ddot{a}\ z\ddot{a}p\ddot{h}\ddot{a}l\ n\ddot{a}h\tilde{t}\ s\ddot{i}$ [Cm] 'Его пение не имело успеха', $br\ddot{a}n\ddot{d}\ddot{i}\ g\ddot{h}\ddot{a}r\ r\ddot{a}k\ddot{k}h\tilde{t}\ c\ddot{a}g\ddot{g}\tilde{t}\ h\ddot{u}n\ddot{d}\tilde{t}\ h\ddot{e}$ [Du, 141] 'Хорошо иметь коньяк дома' (букв. 'Держание коньяка дома хорошо'); во множественном числе номинатив представлен формами, о которых уже говорилось выше, т.е. с флексиями $-e$ и $\tilde{u}$, например: $o'\ de\ g\ddot{i}\tilde{t}\ g\ddot{a}e\ m\ddot{e}n\tilde{u}\ c\ddot{a}g\ddot{g}\tilde{e}\ n\ddot{a}\ l\ddot{a}g\ddot{g}\tilde{e}$ [D] 'Мне не понравилось исполнение им песен', $o'\ d\ddot{i}\tilde{a}\ n\ddot{a}z\ddot{m}\tilde{a}\ s\ddot{u}n\ddot{a}y\ddot{a}\ m\ddot{e}n\tilde{u}\ s\ddot{o}h\ddot{n}\tilde{a}\tilde{a}\ l\ddot{a}g\ddot{g}\tilde{a}\tilde{a}$ [D] 'Мне понравилось его чтение стихов';

2) эргативный: подобно герундию I, герундий II, образованный от непереходных глаголов, может выражать активный субъект действия, и в частности субъект действия в эргативном падеже, например: $\ddot{a}e\ ne\ s\ddot{a}n\tilde{u}\ s\ddot{a}l\ddot{a}m\ k\ddot{i}t\ddot{a}$ [D] 'Пришедший нас приветствовал', $\ddot{a}y\ ne\ s\ddot{a}n\tilde{u}\ s\ddot{a}l\ddot{a}m\ k\ddot{i}t\ddot{a}$ [D] 'Пришедшая нас приветствовала', $\ddot{a}y\ddot{a}\ ne\ s\ddot{a}n\tilde{u}\ s\ddot{a}l\ddot{a}m\ k\ddot{i}t\ddot{a}$ [D] 'Пришедшие [мужчины] нас приветствовали', $\ddot{a}y\ddot{a}\ ne\ s\ddot{a}n\tilde{u}\ s\ddot{a}l\ddot{a}m\ k\ddot{i}t\ddot{a}$ [D] 'Пришедшие [женщины] нас приветствовали'; $\ddot{a}p\ddot{n}\tilde{t}\ i\ddot{s}t\ddot{r}\tilde{i}\ de\ h\ddot{a}t\ddot{t}h\ddot{o}\ d\ddot{u}k\ddot{k}\tilde{t}\ h\ddot{o}e\ ne\ b\ddot{a}c\ddot{a}n\ d\ddot{i}t\ddot{t}\tilde{a}\ ke...$ [Nw, 175] 'Обиженный своей женой, он дал обещание (букв. обиженный дал обещание), что...';

3) винительный (синтетический), омонимичный номинативному; примеры: $m\ddot{u}n\ddot{d}\ddot{a}\ g\ddot{u}\ddot{a}c\ddot{a}\ m\ddot{e}\ n\ddot{a}h\tilde{t}\ s\ddot{u}n\ddot{i}\ddot{a}$ [D] 'Я не слышал, что мальчик потерялся' (букв. 'не слышал потерю мальчика'), $us\ ne\ \ddot{a}p\ddot{n}\tilde{t}\ b\ddot{h}\ddot{e}n\ g\ddot{a}y\ n\ddot{a}h\tilde{t}\ v\ddot{e}k\ddot{k}\tilde{t}$ [C] 'Он не видел, как ушла его сестра', $m\ddot{u}n\ddot{d}\ddot{e}\ g\ddot{a}e\ \ddot{a}z\tilde{i}\ v\ddot{e}k\ddot{k}\tilde{e}$ [D] 'Мы видели, как ушли мальчики' (букв. 'видели уходы мальчиков'), $k\ddot{u}r\ddot{t}\ddot{a}\ g\ddot{a}y\ddot{a}\ k\ddot{i}h\ddot{e}\ v\ddot{e}k\ddot{k}\tilde{a}\tilde{a}$ [D] 'Кто видел, как ушли девушки?' (букв. 'Кто видел уходы девушек?');

4) дательный (аналитический); все аналитические падежи имеют два варианта субморфированной автосемы мужского рода единственного числа: а) с окончанием *-e* и б) с окончанием *-iā* (реже употребляющаяся форма), кроме случаев, когда герундий II обозначает активно действующий субъект; иногда они друг друга взаимозаменяют, как, например: *dhiān kare te dhiān kargiā te* [Nw, 186] 'путем созерцания'; для большинства случаев субосемы герундия II мужского рода множественного числа не существует, с одним обнаруженным нами исключением, состоящим в том, что герундий II, выражающий активно действующий субъект множественного числа, может иметь субосему множественного числа мужского рода, оканчивающуюся на *-i(y)ā* (о чем см., например, разделы об эргативном и аблативном падежах герундия II).

Однако субосема, оканчивающаяся на *-i(y)ā*, может также использоваться и для герундия II, выражающего активно действующий субъект единственного числа (иллюстрации чего см. в разделе о функции герундия II как приложения); в женском роде единственного числа субосема имеет флексию *-ī*, а во множественном *-īā* (формы обоих чисел омонимичны формам номинативного и винительного падежей); аналитические формы дательного падежа включают все указанные субосемы, например: *jī āyā nū* [P², 532] 'Добро пожаловать!' (букв. 'приветствие прихожу'), *sipāht gae nū sāl ho giā he* [Cm] 'С момента ухода солдата прошел год' (букв. 'Уходу солдата исполнился год'), *roṭī rakkī nū ikk ghāṇtā ho giā he* [D] 'Прошел час, как спекли хлеб', *ṭinn muṇḍiā de giā nū pāñj hāfte ho gae ne* [D] 'Прошло пять недель, как трое мальчиков ушли (букв. уходом трех мальчиков)', *ṭinn kūrīā de giā nū do hāfte ho gae ne* [D] 'Прошло две недели, как три девушки ушли (букв. уходу трех девушек)', *o dīā nāmā supāyā nū do ghāṇte ho gae ne* [D] 'Прошло два часа, как он читал стихи (букв. чтениям стихов)';

5) косвенно-объектный (аналитический); неоднократно опрос носителей языка выявил лишь формы единственного числа этого падежа, например: *astī tuhāde kīte bāre gallā kārde rāhe* [D] 'Мы все время говорили о том, что Вы сделали (букв. о Вашем деянии)', *pāñjāb viss hāpet vāṭ bāre redīto ne supāiā* [D] 'Радио объявило о том, что в Панджабе была буря';

6) инструментальный (синтетический); образуется от формы мужского рода заменой конечного *-ā* на *-ā*, как, например: *bolīā* 'разговор' — *bolīā*: *tere bolīā kujh nāhī hoīā* [Mh², 47] 'Твой разговор ничего не дал' (букв. 'твоим разговором ничего не стало'), *dhruv de*

āyā sāre dukh dūr ho jānge [Nw, 186] 'С приходом Дхрува (букв. приходом Дхрува) исчезнут все горести', jāyā kī hundē? [Cb⁴, 53] 'А что будет, если пойду?' (букв. 'моим уходом что будет?'), tere giā sādā kujh nahī vigriā [Mh, 110] 'С твоим уходом мы ничего не потеряли'; данная форма является формой мужского рода единственного числа; следовательно, инструментальный падеж герундия ограничен в плане категорий числа и рода;

7) согласующе-реляционный; собранный материал и опрос носителей выявили этот падеж лишь в единственном числе обоих родов и во множественном женского: tere gae dā mēnū kī sukh hoīā [Mh, 118] 'Какая польза мне от твоего ухода?' (букв. 'твоего ухода какая польза'), tere kīe dā koī lābh nahī hoīā [Mh², 47] 'Твоя деятельность не принесла никакой пользы', mēnū ghārī curāy dā pētā hē [D] 'Мне известно о краже часов', mēnū kēhāntā supāyā dā suād aiā [D] 'Мне понравились рассказанные истории (букв. рассказывания историй)';

8) основной обстоятельственный (аналитический); в результате исследований удалось выявить данный падеж лишь в формах единственного числа обоих родов: us ne pātār likhiā jis de viṣe bāre o' vaddī rāt gāy takk socdā rahiā sī [Se¹, 31] 'Он написал письмо, над содержанием которого он [предварительно] продумал до (букв. прихода) глубокой ночи', mere gae tō kār liā tattā [Sje¹, 85] 'После моего ухода подогрейте [масло]', o' āe binā nahī rahi sakkdā [Am, 121] 'Он обязательно придет' (букв. 'без прихода не может остаться'), bāger socē sāmje ākh dittā sī [Se¹, 60] 'Сказала не подумав (букв. без раздумья)', sājh pāy te ghār jānā hē [Nw, 180] 'С наступлением темноты/я должен идти домой', jagdīs binā uttār dittiā bistrā bānnhī jāndā hē [Na¹, 61] 'Не отвечая (букв. без делания ответа), Джагдиш увязывает постель';

9) вторичный аблатив: это форма аблатива герундия II, в котором он выступает в качестве косвенного дополнения: pitā jī, āpī putrī nū āe tō bāsāo [D] 'Отец, избавьте свою дочь от пришельца', pitā jī, āpī putrī nū āyā tō bāsāo [D] 'Отец, избавьте свою дочь от пришельцев', pitā jī, āpī putrī nū āy tō bāsāo [D] 'Отец, избавьте свою дочь от пришедшей', pitā jī, āpī putrī nū āyā tō bāsāo [D] 'Отец, избавьте свою дочь от пришедших (женщин)'.

Парадигма герундия II

Наименование падежа	Единственное число		Множественное число	
	мужской род	женский род	мужской род	женский род
Номинативный	<i>gāyā</i> 'пение', <i>kītā</i> 'делание'	<i>vəjāyū</i> 'игра', <i>gāyū</i> 'уход', <i>rākḥhī</i> 'держание'	<i>gāe</i> 'пения', <i>kīte</i> 'деяния'	<i>vəjāyūā</i> 'исполнения', <i>gāyūā</i> 'уходы', <i>surāyūā</i> 'чтения', <i>rākḥhīā</i> 'держания'
Эргативный	<i>āe ne</i> 'пришедший', <i>dukhṭ hoe ne</i> 'обиженный'	<i>āyū ne</i> 'пришедшая'	<i>āyā ne</i> 'пришедшие'	<i>āyūā ne</i> 'пришедшие'
Винительный (синтетический)	<i>gāyā</i> 'пение', <i>kītā</i> 'делание'	<i>vəjāyū</i> 'игра', <i>gāyū</i> 'уход'	<i>gāe</i> 'пения', <i>kīte</i> 'деяния'	<i>vəjāyūā</i> 'исполнения', <i>gāyūā</i> 'уходы', <i>surāyūā</i> 'чтения'
Дательный (аналитический)	<i>gāe nī</i> 'уходу', <i>āyā nī</i> 'приходу'	<i>gāyū nī</i> 'уходу', <i>māt nī</i> 'умиранию'	—	<i>surāyūā nī</i> 'чтениям'
Косвенно-объектный (аналитический)	<i>kīte bāre</i> 'о деятельности'	<i>vəgī bāre</i> 'о дуновении'	—	—
Инструментальный (синтетический)	<i>bolīā</i> 'разговором', <i>āyā</i> 'приходом', <i>jāyā</i> 'уходом'	—	—	—
Согласующе-реляционный	<i>gāe dā</i> 'ухода', <i>kīte dā</i> 'действия'	<i>surāyū dā</i> 'кражи', <i>surāyū dā</i> 'чтения'	—	<i>surāyūā dā</i> 'краж', <i>surāyūā dā</i> 'чтений'
Основной обстоятельственный падеж (аналитический)	<i>gāe tō</i> 'после ухода', <i>āe binā</i> 'без прихода'	<i>tāt gāy tākḥ</i> 'до глубокой ночи'	—	—
Аблатив (вторичный)	<i>āe tō</i> 'от пришедшего'	<i>āyū tō</i> 'от пришедшей'	<i>āyā tō</i> 'от пришедших'	<i>āyūā tō</i> 'от пришедших'

Герундий II может изменяться по родам, исключая инструментальный падеж, в зависимости от рода предшествующего существительного, с которым он образует особое субстантивно-герундийное словосочетание. Примеры таких словосочетаний приводились выше (например, в разделе номинативного падежа).

Он может изменяться по числам, хотя и не во всех падежах, в зависимости от числа предшествующего существительного. Примеры приводились выше (см., например, тот же раздел номинативного падежа).

Герундий II может иметь согласованные определения: *terā lik-hiā* [Cm] 'твое писание', *us dā gāyā* [Cm] 'его пение', *o'de gūt gāe* [D] 'его пения песен', *o'dī sitār vājāy* [D] 'его игра на ситаре', *tere gae iā* [Se¹, 85] 'после моего ухода'.

Собранные материалы позволили нам выделить следующие модели сочетания герундия II от непереходного глагола с существительным (или местоимением-существительным), исключая случаи, когда последнее является его определением в согласующе-реляционном падеже.

1. Модель, в которой герундий II имеет ярко выраженное значение активно действующего субъекта. В этом случае рассматриваемая глагольная форма, как правило, функционирует в качестве приложения к существительному или местоимению-существительному. Существуют два варианта этой модели: модель А и модель Б.

Модель А характеризуется полным грамматическим оформлением обоих сочетаемых слов: существительного (или местоимения) и герундия. Так, например, послелог-субморфа наличествует у обоих из них: *mā nū is naggār viss āyā nū cār rāñj ghātā hī hoīā hān* [Nw, 180] 'Прошло лишь четыре-пять часов, как я прибыл в этот город' (букв. 'Мне, в этот город прибывшему, исполнилось лишь 4-5 часов'). (хотя активно действующий субъект в данном примере стоит в единственном числе, для герундия II, его выражающего, используется субосема с окончанием *-ā*. Это лишний раз подтверждает, что такая субосема в подавляющем большинстве случаев употребляется для единственного числа), *us ne sutte rāe ne bī e'gall suñ* [Nw, 175] 'Он услышал это даже во сне' (букв. 'он, спящий даже это услышал'). В первом примере герундий II являлся приложением-косвенным дополнением, поскольку местоимение-существительное, к которому он относится, функционирует в предложении как косвенное дополнение, а во втором — приложением-подлежащим.

Модель Б характеризуется «грамматической ущербностью» (предлагаемый нами термин. — Ю.С.) одного из сочетаемых слов, чаще существительного или местоимения. В этом случае не полностью грамматически оформленным (ущербным) оказывается одно из двух сочетаемых слов, которое представлено лишь субосемой без послелога. Чаще всего модель Б передает значение промежутка времени, прошедшего с момента совершения действия субъектом, выраженным дательным падежом существительного (или местоимения) и герундия II.

Приведем примеры на случай с грамматически ущербным существительным или местоимением: *peo ne jis dī pahilī ratnī mārī nī māsā che kujh mahīne hoe sən...* [Se¹, 45] 'Отец, со смерти первой жены которого едва прошло шесть месяцев...' (букв. 'жене, умершей, исполнилось шесть месяцев'), *munḍe gae nī do sāl gae* [Gb-3] 'Прошло два года, как уехал мальчик (букв. мальчику, ушедшему)', *us gae nī āj sāt vārhe hoe* [Nw, 181] 'Прошло семь лет, как он уехал (букв. ему, ушедшему)'. Функционирование герундия II в качестве приложения в такой модели подтверждается и возможностью трансформации словосочетаний *ratnī mārī nī* в *ratnī nī mārī nī* [Gb-3], а *munḍe gae nī* в *munḍe nī gae nī* [Gb-3] 'Ниже даны примеры с грамматически ущербным герундием II: *mē nī etthe āe cār vārhe ho gae* [Nw, 180] 'Прошло четыре года, как я появился здесь' (букв. 'Мне, сюда прибывшему, исполнилось четыре года'); нам встретился пример, где субосема, оканчивающаяся на *-iā*, используется для выражения активно действующего субъекта женского рода единственного числа: *tāgo nī giā do dhāī mahīne ho gae ne* [Na¹, 107] 'Прошло два-два с половиной месяца, как Таро ушла' (букв. 'Таро, ушедшей, прошло два-два с половиной месяца'). В приведенных примерах герундий II выступает как приложение—косвенное дополнение в дательном падеже, поскольку существительное или местоимение, к которому он относится, функционирует в предложении как косвенное дополнение; зафиксирован также пример на герундий II от непереходного глагола, выступающий как приложение—прямое дополнение: *us sūtṭe hoe nī jəgāo* [Nw, 175] 'Разбудите того спящего' (букв. 'разбудите того, спящего').

2. Модель, в которой герундий II от непереходного глагола не обладает значением активно действующего субъекта и выступает как конституирующий элемент (опорное слово) атрибутивного словосочетания, т.е. как определяемое, а существительное или местоимение-существительное функционирует как согласованное определение. Специфика такого атрибутивного словосочетания состоит в том, что

герундий воспринимает у данного существительного (местоимения) показатели рода и числа, но поскольку герундий II является опорным словом словосочетания, то в конечном счете такое существительное (местоимение) согласовано с ним в роде и числе (хотя формирование герундия II происходило под влиянием имени или местоимения). А существительному (местоимению) герундий передает падежные показатели. Правда, в случае аналитического падежа он наделяет имя (местоимение) лишь дополнительной субморфой, ибо требует от него формы субосемы.

В рассматриваемом словосочетании герундий II объединен с именем типом синтаксической связи «взаимодействие», так как, подчиняя себе существительное (местоимение) как определение, он, с другой стороны, фактически сформировался под его влиянием по показателям рода и числа.

Анализ такого словосочетания показывает, что на герундий II может быть наложен либо семантический, либо грамматический (либо оба) запрет функционировать в качестве приложения, что в конечном счете проверяется трансформационным анализом: *muṇḍe gāe tō bād us dī bhēṇ roṇ lagg pāt* [Gb-3] 'После ухода мальчика его сестра расплакалась' [не «мальчика ухода», а «ухода мальчика»; здесь наличествует семантический запрет, так как нельзя трансформировать *muṇḍe* в *muṇḍe tō bād* 'после мальчика' (отклонение от смысла примера); так что герундий *gāe tō bād* 'после ухода' — обстоятельство времени, а существительное *muṇḍe* 'мальчика' — определение к нему], *muṇḍe guāse nāl hār ikk ghār vicc dukkhī ho giā* [Gb-3] 'С исчезновением мальчика все в доме опечалились' (не «с мальчиком исчезновения», а «с исчезновением мальчика»; семантически-грамматический запрет, так как нельзя трансформировать *muṇḍe* в *muṇḍe nāl* 'с мальчиком', поскольку получается смысловое отклонение и вместо обстоятельства причины возникает косвенное дополнение), *muṇḍā guāsā mē nāhī suṇiā* [D] 'Я не слышал об исчезновении мальчика' (не «мальчика исчезновения», а «исчезновение мальчика»; семантический запрет для герундия II *guāsā* 'исчезновение' быть приложением к *muṇḍā* 'мальчика', поскольку в противном случае последнее, как и герундий, должно было бы стать прямым дополнением к сказуемому *nāhī suṇiā* 'не слышал', но в таком случае *muṇḍā nāhī suṇiā* означало бы «не слышал мальчика», что бы искажало смысл предложения), *kiṇā gāyā kīne vekkhīā?* [D] 'Кто видел, как ушли девушки?' (букв. 'Кто видел уходы девушек?') (то же самое, что и в предыдущем примере).

3. Модель, в которой герундий II не обладает значением активно действующего субъекта и так же, как в модели 2, выступает как конституирующий элемент (опорное слово) атрибутивного словосочетания, т.е. как определяемое, а существительное или местоимение-существительное в отличие от модели 2 функционирует как несогласованное определение (оставаясь само в номинативном падеже), например: *asī sverā hoe te turāṅge* [Cb-3] 'Мы отправимся с наступлением утра' (букв. 'с наступлением утро'), *q̄her rāt gde onā de kiūtār viss vī battī bāldī rāht* [Du, 31] 'В их квартире также до глубокой ночи горел свет', *us dī guddī cārhe te us nū bohut cit̄, thā milāṅ lagg pātā* [Gb-3] 'С приобретением известности (букв. с поднятием его змея) к нему стало поступать много писем'.

4. Модель, допускающая двойственное толкование функции герундия II от непереходного глагола в словосочетании: либо как активно действующего субъекта, выступающего в роли приложения (как в модели Б модели I), либо как неактивно действующего субъекта, т.е. как определяемого атрибутивного словосочетания по типу модели 2. Так, носитель [Gb-3] допускает трансформацию предложения *mēnī munde guāce dā pātā hē* [Gb-3] 'Мне известно о пропаже мальчика' в *mēnī munde dā guāce dā pātā hē* [Gb-3], иначе говоря, герундий II в согласующе-реляционном падеже воспринимается здесь как активно действующий субъект, т.е. как приложение к слову *munḍe*. Однако, с другой стороны, вполне допустимо трактовать герундий в этом примере и как неактивно действующий субъект, т.е. определяемое, а *munḍe* — как согласованное определение к нему. Так же двойко можно классифицировать роль герундия II *vāgī bāre* 'о дуновении' или 'о дувшем' в примере *pāñjāb viss hānerī vāgī bāre redō ne suñāiā* [D] 'Радио объявило, что в Панджабе была буря (букв. о дуновении бури или о буре, дувшей)'.

Имея форму согласующе-реляционного падежа, он может функционировать в качестве согласованного определения (см. раздел «Согласующе-реляционный падеж»).

Он может иметь прямое дополнение в синтетическом или аналитическом (реже) винительном падеже. В первом случае могут быть три разновидности связи:

а) подчиняя себе существительное в винительном падеже, герундий II согласуется с ним в роде и числе, т.е. он имеет с зависимым словом взаимодействие по линии этих грамматических категорий, например: *koī admī bhī esā nāhī hundā jo eñā dā ghār vekhe tō binā*

vāpəs jānda howe [Jh, 137] 'Нет ни одного такого человека, кто бы возвращался, не взглянув на их дом (букв. без смотра их дома)' (м.р., ед.ч., но противопоставление по падежам: винительный – основной обстоятельственный), *o'de gīt gāe mēnū səgge nā ləgge* [D] 'Мне не понравилось его исполнение песен' (м.р., мн.ч., но противопоставление по падежам: винительный – номинативный), *brāndī ghəg rəkkhī səgēt hundī hē* [Du, 141] 'Хорошо иметь коньяк дома' (букв. 'Держание коньяка дома хорошо') (ж.р., ед.ч., но противопоставление по падежам: винительный – номинативный);

б) герундий II взаимодействует со своим дополнением по трем категориям: роду, числу и падежу; это происходит тогда, когда герундий сам бывает прямым дополнением, например: *metā bhrao meti zātīl utte hāwelī pāy cāhundā hē* [Nw, 245] 'Мой брат хочет построить дом на моей земле', *mē ghəṭi curāy nāhī mānndā* [Cm] 'Я не верю, что часы украли' (букв. 'Я не верю краже часов');

в) герундий II в наиболее распространенной исходной форме (м.р., ед.ч.) обладает лишь подчинительной связью и не взаимодействует с дополнением, например: *eho jey gall suniā nāhī cāhidā* [Nw, 209] 'Не следует слушать такое (букв. такое дело)'. Для иллюстрации дополнения в аналитическом винительном падеже при герундии II можно привести следующие примеры: *kise vī tərkhā āpū hālāt dī muškāl nū lukāe binā* [D] 'Нисколько не скрывая тяжести нашего положения...', *muṇḍe nū pərkhāy binā kəmm nāhī cāl sakkdā* [D] 'Дело не может продвигаться без обучения мальчика'.

Герундий II может иметь при себе обстоятельства, например, обстоятельство, выраженное существительным в основном обстоятельном падеже: *brāndī ghəg rəkkhī* [Du, 141] 'держание коньяка дома'.

Герундий II, как и герундий I, может выступать в качестве приложения. При этом, как только что было показано, в зависимости от функции в предложении слова, к которому относится герундий II, могут быть разновидности приложения.

Он может изменяться и по некоторым видам, так, *giā (jāyā)* 'уход', 'отправление' (результативно-комплетивный вид), а *jā riḥā* 'ходьба', 'прогулка' (конкретно-процессный вид), как, например: *ikk badesī admī rūstī srat nāl bāh vicc bāh pāy jā riḥā kitnā əjīb ləggdā sī* [G¹, 64] 'Сколь странным казалось, что иностранец идет под руку (букв. ходьба иностранца) с русской девушкой'. Среди примеров Ньютона мы также обнаружили две аналитические формы герундия II,

несомненно, выражающие вид состояния. Такая форма состоит из герундия II – знаменательного компонента и герундия II от служебного глагола *hoṇā* ‘быть’ или *reṇā* ‘пребывать’, являющегося модификатором вида (об этом термине см. ниже): *us sutte hoe nū jā-gāo* [Nw, 175] ‘Разбудите того, спящего’, *us ne sutte pṛe ne bī e’gall supī* [Nw, 175] ‘Он услышал это даже во сне’ (букв. ‘он, спящий, даже это услышал’).

Герундий II может изменяться в пределах двух залогов: действительный – побудительный, как, например: *kītā(karīā)* или *kītī(kārī)* ‘действие’ – *kṛvāyā(kāṛāyā)* или *kṛvāy(kāṛāy)* ‘побуждение к действию’: *usārī kṛvāy nū do sāl ho gae ne* [D] ‘С того момента, как вынудили строить, прошло два года’, *ṭākān bṛvāy nū ikk sāl hoīā hē* [D] ‘Прошел год, как заставили строить здание’ (букв. ‘с побуждения строить здание прошел год’).

В целом герундий II может выступать в следующих синтаксических функциях: подлежащего, дополнения, косвенного дополнения, определения, обстоятельства, приложения.

Как глагольный компонент он может входить в составные образования, как, например: *ikk driṣ bāre zikar kīte binā* [PL, XII. 1954, 87] ‘без упоминания одного зрелища’ (составная глагольно-именная модель «существительное + герундий II», кстати, герундий II имеет при себе косвенное дополнение), *ṣarāk pṛdā ho rihā* [Se¹, 46] ‘появление перемены’ (составная глагольно-именная модель «прилагательное + герундий II» в конкретно-процессном виде). Кроме того, сочетаясь с глаголом *kṛṇā* ‘делать’, герундий II образует многократный вид глагола (об этом подробнее см. в разделе «Многократный вид»).

Причастие

Причастие обладает чертами и глагола, и прилагательного. Его можно назвать вербальным прилагательным. В панджаби существует восемь видов причастия: герундивно-модальное причастие (ГМП), причастие I, причастие II, пассивное причастие, причастие поучения, потенциальное причастие I, потенциальное причастие II, аналитическое причастие (об этом виде причастий см. раздел «Частицы»).

Герундивно-модальное причастие (ГМП). В панджаби наличествует глагольная форма, которая изменяется и функционирует как отглагольное прилагательное, причем в эргативной конструкции она часто имеет модальное значение. Поэтому мы назвали ее герундивно-модальным причастием (ГМП). Это ши-

роко используемая форма, выступающая в самых различных функциях, что подтверждается большим количеством собранного материала. Как уже говорилось в разделе «Инфинитив», следует предположить, что совпадение форм номинативного и винительного падежей инфинитива с ГМП, а также ряд аналогичных функций инфинитива и ГМП, видимо, свидетельствуют о том, что обе эти формы восходят к одной общей форме, расщепившейся в процессе развития на две.

Формы ГМП образуются по тем же исходным правилам, что и у инфинитива, но с той разницей, что у последнего меньше синтетических форм, так как он не изменяется ни по числам, ни по родам, и что к ИГФ присоединяется не суффикс *-nā* (*-nā*), а сегмент, состоящий из суффикса *-n-* (*-n-*) и разных флексий. Чаще всего в мужском роде от ИГФ, оканчивающейся на *-r*, *-l*, *-r*, *-r*, форма ГМП единственного числа образуется присоединением *-nā*, а множественного числа — *-ne*. В остальных случаях в словоформу входят сегменты *-nā* и *-ne*. В женском роде единственного числа соответственно присоединяются сегменты *-nī* (*nī*), а во множественном — *nāñ* (*nāñ*). Так, для *kārnā* ‘делать’ ГМП имеет следующий инвентарь словоформ: *kārnā*, *kārne*, *kārnī*, *kārnāñ*, а для *likhṇā* ‘писать’ — *likhṇā*, *likhṇe*, *likhṇī*, *likhṇāñ*. Перевод форм не дается, поскольку они многозначны в зависимости от функции (о чем речь пойдет ниже). Иногда в статьях какого-либо существительного словари приводят сочетание имени с ГМП вместо его сочетания с инфинитивом. Это отнюдь не свидетельствует о том, что в предложении данное существительное должно всегда сочетаться с ГМП, так как последнее может быть в функциях, исключающих такие сочетания (например, функции наречия, КПЧ). Ниже приводятся примеры словарей: *māḍad kārnī, sakhāitā deñt* [Tj, 215] ‘помогать’, *salāh deñt* [Bi, 167] ‘советовать’.

Характер ГМП лучше всего раскрывается при рассмотрении его функций в предложении. ГМП выступает в следующих функциях.

1. В функции определения и в подавляющем большинстве случаев постпозитивного, например: *mātā pitā dī sewā kārnī sādā vaddā dharam he* [Am, 118] ‘Служить родителям — наша большая святая обязанность’ (букв. ‘служба делаемая для родителей’), *kise dūje des pāsō māḍad mṇṇṇī koī nāwī gall nāñt* [Bs, 23] ‘Требовать помощь (букв. помощь требуемая) от какой-либо страны не ново’, *amḍan iō vadhik kharc kārnā cāṇṇā nāñt* [Am, 118] ‘Нехорошо жить не по средствам’ (букв. ‘Чрезмерный расход производимый нехорош’).

— Проследив за рядом функций ГМП от переходных глаголов, в том числе за атрибутивной, мы обнаружили, что эти функции подавляют проявление у ГМП категории переходности. Это своеобразное грамматическое явление. В частности, атрибутивность ГМП несовместима с его переходностью. В последнем примере на первый взгляд кажется, что поскольку ГМП *kərnā* образовано от переходного глагола *kərnā* 'делать', 'производить', то существительное *khərc* 'расход', стоящее перед ним, является его дополнением. Однако прилагательное-предикатив *səḡgā* 'хороший' согласуется со словом *khərc*, а это (в неэргативной конструкции) может иметь место лишь в случае функционирования данного имени в качестве подлежащего (что и происходит на самом деле). А ГМП и от переходного глагола, как в данном случае, выполняет лишь атрибутивную функцию, подчиняясь существительному как зависимое от него слово, как определение (и тем более согласованное). ГМП здесь выступает в чисто адъективной функции. Правда, в семантике такого ГМП сохраняется идея процесса, действия, но лишь в самом общем, абстрактном плане и с оттенком пассивности (*khərc kərnā* 'расход производимый').

В качестве определения ГМП выступает и в конструкциях со сказуемым, выраженным формами глагола *reḡā* 'выпадать', 'падать', где наличие ГМП-определения при подлежащем придает сказуемому *reḡā* модальный характер долженствования, неизбежности со значением «приходиться». В случае ГМП от переходного глагола проявление переходности так же погашается, как и в приведенной выше иллюстрации, например: *bohu-əkkhre šəbdā de jəd ŋukre kərne reḡ təd...* [Са, 41] 'Когда приходится разбивать на части многосложные слова, то...', *musāfirā nū pāspərt dikhāuṇā pəndā hē, ətə sārē sāmān dī təlāšī vī deṇī pəndī hē* [Бс, 31] 'Пассажирам приходится предъявлять паспорт и давать на досмотр все вещи'.

В качестве определения ГМП используется и в предложениях с составными сказуемыми «имя + глагол» *šurū kərnā* 'начинать' и *šurū hoṇā* 'начинаться', самостоятельное функционирование которых в качестве предиката без необходимости подключать к ним какую-либо дополнительную глагольную форму подтверждается наличием конструкций, в которых между подлежащим или прямым дополнением и указанным составным образованием отсутствует какая-либо глагольная форма, как, например: *is sāl mīh jəldī šurū ho giā hē* [Jw, 289] 'В этом году дождь начался рано', *kəmeṭ ne...* *jədo-jəhid šurū kər dittī* [Jh, 29] 'Комитет... начал борьбу', *binā*

kise der tã āpnā kəmm šurū kəro /Jw, 288/ 'Начинайте работу без какой-либо задержки'.

Использование составных образований *šurū kərnā* и *šurū hoṇā* в качестве полноправных сказуемых доказывает, что в случае наличия ГМП, соположенного с такой формой препозитивно или вообще предшествующего ей, оно не входит в ее группу. В таких случаях, находясь в постпозиции по отношению к подлежащему или дополнению и согласуясь с ними, ГМП также функционирует в качестве постпозитивного определения (к подлежащему или дополнению, выраженным существительным или местоимением-существительным). Приведем ряд примеров: *edhər bəṛəf rəṇī šurū ho gət* /Jh, 21/ 'Здесь начал идти снег' (букв. 'снег выпадаемый начался'), *mē āpnə nikke jinne pər te ret rāṇī šurū kər dittī* /De, 11/ 'Я начал сыпать песок' (букв. песок посыпaeмый начал) на свои крохотные ноги', *is tərḥā āp əṇgrezī chāttər chāīā hēṭh rāṇe šurū ho gəe* /Jh, 11/ 'Таким образом, он начал воспитываться под покровительством англичан' (букв. 'Он воспитывaeмый под покровительством англичан начался').

Нередко ГМП выступает в атрибутивной функции в конструкциях, где сказуемое выражено причастием *cāhīdā* (фонетически *cāīdā*), часто используемым с формой глагола *hoṇā* 'быть'. По происхождению это причастие I пассивного залога от глагола *cāhuṇā* 'хотеть', 'желать'. Причастие *cāhīdā* имеет следующие значения: 'требуемый', 'нужный', 'необходимый', 'желаемый'. Его парадигма однотипна с парадигмой изменяемого прилагательного.

Функционирование слова *cāhīdā* в качестве полноправного сказуемого (чаще с *hoṇā*). подтверждается наличием моделей предложения, в которых между ним и подлежащим не обнаруживается других глагольных форм, как, например: *bhārat nū rāṇj voṭā hor cāhīdā hən* /AP, 29. VIII.1953, 1/ 'Индии требуется еще пять голов' (букв. требуются пять голоса)', *onū merī mādād cāhīdī hē* /Jw, 244/ 'Ему нужна моя помощь', *is həkīkət nū mukkh rākkh ke cāhīdā eḥē ke...* /KL, I.1960, 5/ 'Принимая во внимание этот факт, нужно, чтобы...' (букв. 'нужное это есть, что...').

Использование причастия *cāhīdā* (с *hoṇā* или без) в качестве полноправного сказуемого доказывает, что в случае наличия ГМП, соположенного с ним препозитивно или вообще предшествующего ему, такое ГМП не входит в группу сказуемого и выступает в качестве постпозитивного определения к подлежащему, выраженному существительным, а иногда и местоимением-существительным.

Эта модель очень распространена. Как и в предыдущих случаях, у ГМП от переходного глагола категория переходности погашается. Примеры: *e'cīzā̃ ləjāpīā̃ cāhīdīā̃ hən* [J, 8] 'Эти вещи надо унести' (букв. 'Эти вещи унесенными нужны'), *mālīe te əbiāne viss vādhā hoṇā cāhīdā hē* [KL, XI.1960, 3] 'Нужно повысить подоходный налог и налог на воду' (букв. 'увеличение в налогах... существующее нужно'), *pəñjāb de hār skūlāndār redīo sət ləggne cāhīde hən* [Jw, 22] 'Радиоприемники нужно установить во всех школах Панджаба' (букв. 'приемники установившиеся требуются'). В таких конструкциях ГМП-определение может входить как компонент в аналитическое образование, включающее еще отрицательную частицу *pāhī*, как, например: *tuhā nū dūjiā dī burāt pāhī kəṇṇī cāhīdī* [Am, 33] 'Не следует высказываться плохо о других' (букв. 'других поричание не делаемое нужно').

ГМП часто выступает в качестве определения к существительному, а иногда и к местоимению-существительному, выполняющим функцию дополнения в предложении со сказуемым, выраженным глаголом *cāhupā* 'хотеть', 'желать', всегда требующим прямого дополнения, как, например, в нижеследующей иллюстрации, где прямым дополнением является существительное *əgvāī* 'руководство': *mulk āp dī əgvāī cāhundā hē* [Bs, 15] 'Страна желает Вашего руководства'. Подобное существительное или местоимение может иметь и определение-ГМП, как, например: *rāī sāhib āpṇī sātān nū uscī tō uscī vidīā deṇī cāhunde sən* [Bs, 3] 'Господин Рай хотел дать своим детям высшее образование (букв. хотел высшее образование даваемое своим детям)', *bhārət huṇ gulām pāhī sī rāhīpā cāhundā* [Jh, 23] 'Теперь Индия не хотела оставаться рабой' (букв. 'Индия не хотела рабы остающейся'), *asī e'dəssṇā cāhunde hā ke...* [Jw, 30] 'Мы хотим сообщить, что...' (букв. 'мы хотим это сказанное, что...').

ГМП может определять дополнение и в предложениях, в которых в качестве сказуемого выступают и другие переходные глаголы, особенно близкие по значению к *cāhupā*. Это в первую очередь *təṇṇā* 'соглашаться', *təṇṇā* 'желать', 'хотеть', *loṇā* 'желать', 'нуждаться'. Приведем ряд примеров: *əmbā ne kəṇḍəktārī kəṇṇī tənṇ lət sī* [Se¹, 43] 'Амба согласилась служить кондуктором (букв. признала кондукторство осуществляемое)', *mē āṇe des tō fəṛəṅgī bəḍṣāht uph jānī təṇṇḍā sā* [Gb³, 15] 'Я желал ликвидации английского господства в своей стране (букв. господство устраненное желал)', *mē sukkī ret nāl mūṇāre bəṇāne lōḍa sā* [De, 17]

‘Мне нужно было построить минареты из сухого песка (букв. минареты построенные желал)’.
реты построенные желал)’.

ГМП может выполнять функцию определения и к КПЧ, выраженному существительным (чаще) или местоимением-существительным. Обычно это происходит в предложениях со сказуемыми, представленными словами с лексическим модальным значением (глагол *sāhūṇā* ‘хотеть’, прилагательное-предикатив *zəṛūṛī* ‘необходимый’), например: *paṇḍet moī lāl jī āṇe piāre putṛ jəwāhər nū bəṛā vəḍḍā admī dekhṇā sāhunde sən* [Jh, 20] ‘Пандит Моти Лаль хотел видеть своего дорого сына Джавахара великим человеком’ (букв. ‘хотел своего дорогого сына Джавахара великим человеком виденным’), *o tēṇī budhū bəṛāṇā sāhunda hē* [Am, 108] ‘Он хочет меня одурачить’ (букв. ‘хочет меня дураком сделанным’), *səbh iṣṣə rəhīṭ gəll eḍəssnī zəṛūṛī ho jāndī hē ke...* [KL, III, 1960, 7] ‘Прежде всего нужно показать, что...’ (букв. ‘самое первое дело это показанное необходимое есть, что...’).

Нам удалось обнаружить иллюстрацию, где ГМП функционирует как препозитивное определение: *tēṇī te sādē sārē ghər nū jət śrīke ne pār khāṇiā pəzṛā nāl vekhəṇ ləgg rēṇā hē* [Ja, 97] ‘Вся деревня будет взирать презрительно (букв. уничтожающим взглядом) на меня и мою семью’. Атрибутивная функция постпозитивного ГМП ограничена лишь номинативным и синтетическим винительным падежами определяемого существительного или местоимения.

Таким образом, атрибутивная функция ГМП очень распространена и реализуется в самых различных конструкциях.

Частое функционирование в качестве определения обуславливает конверсию ГМП от ряда глаголов в прилагательное (адъективизацию). Так, ГМП глаголов *dəṛāṇā* ‘запугивать’ и *suḥāṇā* ‘украшать’, ‘быть приятным’ конверсировались в прилагательные *dəṛāṇā* ‘страшный’, ‘ужасающий’ и *suḥāṇā* ‘приятный’, ‘красивый’: *suḥāṇe mōsəm bārē* [G¹, 64] ‘о прекрасной погоде’, *deo dī dəṛāṇī śəkəl* [J, 12] ‘страшный облик великана’.

ГМП, конверсировавшиеся в прилагательные, обретают адъективные категории, как, например, категорию сравнения: *us seṭhāṇī dī śəkəl us dī cācī pālō vī dəṛāṇī bəṇ jāndī* [Sk, 59] ‘Облик этой богатой хозяйки становился страшнее, чем внешность его тетки’. Конверсированное слово может иметь и новый словообразовательный центр, создавая, например, новые слова путем префиксации: *əṇhōṇā* ‘нереальный’, ‘несбыточный’, *əṇhōṇā koṭ nārā deṇā* [Cb², 26] ‘Давать нереальное обещание’.

2. В функции обстоятельства. Мы обнаружили ряд примеров, в которых ГМП выступает в качестве наречия – обстоятельства цели, согласуемого с дополнением: *gufāre nū ākh ke merī bārsātī sukknī pā dewī* [G¹, 35] ‘Пожалуйста, вели Гуфаре расстелить мой плащ для просушки’, *dhobī kārge sukkne pāundā he* [N] ‘Прачка расстилает белье для просушки’, *dāne bhunne rakkh de* [Cm] ‘Положи зерно жариться’.

3. В функции КПЧ (квалитативно-предикативного члена). Нам встретилось предложение, в котором ГМП, предшествующее сказуемому *cāhīdā* ‘должный’, функционирует не как постпозитивное определение к существительному, так как у последнего уже есть таковое, выраженное другим ГМП, а как КПЧ, точнее как глагольная часть КПЧ, представляющего собой составное глагольно-именное словосочетание, включающее прилагательное (кстати, имеющее наречие *koī*) и ГМП с отрицательной частицей: *tad tā tuhāthō kəwītā likhānī koī* *ēkkhī nāhī horī cāhīdī* [Se¹, 60] ‘Тогда должно быть совсем нетрудно заставить Вас писать стихи’ (букв. ‘Вами поэзия пишущаяся должна не быть имеющейся совсем трудной’).

4. В функции самостоятельного сказуемого или знаменательного компонента аналитического сказуемого, либо как модификатора интенсивности такого сказуемого. Здесь может быть несколько случаев:

а) как разновидность вежливого императива (сказуемое): *hāfte hor lāt arzt skūle ghālī deñī* [Gb⁴, 56] ‘Пошлите заявление в школу с просьбой дать еще неделю’, *bheñ jī, mān cit nā launī enā dī gall* [I, 8] ‘Сестра, не принимайте к сердцу то, что он говорит’;

б) как знаменательный компонент аналитического сказуемого, выраженный ГМП от непереходного глагола; в этом случае ГМП чаще всего представляет собой разновидность формы будущего времени относительно какого-то момента в настоящем или в прошлом; такой компонент согласуется с подлежащим в роде и числе, например: *odā viāh āgle māhīne horā he* [Jw, 273] ‘Его женитьба состоится в следующем месяце’, *kāygrās dā ikvāñjāwā sālānā sātāgāt hātīpur vice horā sī* [Bs, 47] ‘В Харипуре предстояла 51-я ежегодная конференция Индийского национального конгресса’; вариантом такого употребления ГМП является функционирование его в качестве полноправного сказуемого, что мы обнаружили в речи некоторых носителей: *odā viāh do māhīniā tō bād horā* [C] ‘Его свадьба состоится через два месяца’ или *odī sādī do māhīniā tō bād horī* [C]

‘Его свадьба состоится через два месяца’; иногда ГМП, выступая в качестве знаменательного компонента сказуемого, не выражает значения будущего времени: *is kətt te mērā ikk din læggṇā sī* [Jh, 35] ‘На это у меня ушел целый день’, *kī vəkət hoṇā e, bhəṭā?* [G³, 38] ‘Скажи-ка, сколько сейчас времени?’ (в этом примере ГМП имеет значение «сейчас»);

в) как модификатор интенсивности в аналитической интенсивной форме, представляющей собой разновидность условного наклонения: *je bəlvənt siggh nā mardā, tā usne sūbedār yəktī bāṇ jāṇā sī* [Se², 93] ‘Если бы Бальвант Сингх не умер, он наверняка стал бы субедаром’, *je o’ əpgrēzī vicc kəttzōr nā hundā, oṇī fəst diwīzən mil jāṇī sī* [Jw, 240] ‘Если бы он не отставал в английском, то сдал бы экзамены по первой категории’;

г) как знаменательный компонент аналитического сказуемого или самостоятельное сказуемое со значением модальности в эргативной конструкции; в этом случае ГМП от переходного глагола (или сказуемое, его включающее) может иметь прямое дополнение в синтетическом винительном падеже, с которым оно синтаксически связано по принципу «взаимодействия»: имея в лице дополнения подчиненное слово, ГМП тем не менее согласуется с ним; в таких предложениях ГМП может выражать следующие модальные значения:

долженствование, необходимость – *usne bije siggh kolḍ do sṣ gurāe vī ləpe sən* [Se², 84] ‘Кроме того, ему нужно было взять у Биджей Сингха двести рупий’, *oṇe dillī jāṇā hē* [Jw, 195] ‘Ему нужно ехать в Дели’;

желание – *mē tuhāḍe nāl bolṇā t pāhī sī, bhārā jī* [Na¹, 41] ‘Брат, я не хотела с Вами даже разговаривать’, *koī kisse ləpe ne* [Na¹, 71] ‘Хочу взять кое-какие рассказы’;

уверенность – *mē ikk bāzārī ṣrət hā – mēnū es dunīā tō bāhr kisse hor dunīā ne pēr dhārən dī tḥā pāhī deṇī* [Gb², 27] ‘Я проститутка, кроме этого мира, никакой другой мир мне ни за что не даст приюта (букв. не даст места поставить ногу)’, *huṇ kākā mē rāzī pāhī hoṇā* [Gb⁴, 54] ‘Теперь, мальчик, я не поправлюсь’;

запланированное, заранее предусмотренное действие – *dūje din jəhāz ne bəmbəṭ ā læggṇā sī* [Se¹, 37] ‘На другой день в Бомбей должен был прибыть самолет’, *əje us ne dəsṽ jəmt pās kərnī sī* [Sn, 179] ‘Ему еще предстояло сдать экзамен за среднюю школу’;

решительность – *mē āṇā hāth khic liā te ākhīā: pāhī, mihār-bānī, mē pāhī jāṇā* [G¹, 65] ‘Я выдернул руку и сказал: «Нет, спа-

сибо, я не пойду!'; *əjj i enū əfsərə de nāl biḥā ke piā denī e!* [As, 69] 'Сейчас усадим тебя с чиновниками и напоим!';

намерение – *te iū kī kəpnā e utthe ?* [I, 4] 'А что ты собираешь ся там делать?', *te kī tusī aprī kəpnā nāl huḥ hor bottā dī giṭī vadhāunī ē?* [M, 25] 'А что, Вы собираетесь за счет своей зарплаты еще больше увеличить число бутылок?';

целесообразность – *asā kidhər nū jānā he* [NZ, I. X. 1962, 10]

Куда нам следует идти?';

неизбежность – *orək səbh ne məpnā he* [Ca, 119] 'В конце концов все умрут';

угроза – *mē...māsī nū kəhinā* [De, 13] 'Я скажу тете';

удивление – *pitā jī ne do kəlam kī kərne hən?* [Jh, 12] 'Что делать отцу с двумя ручками?';

неопределенность – *is gəll dā fəslā howegā ke asī kəmzor hoṇā he jā šəkūšālī hoṇā he* [NZ, 13.III.1962, 1] 'Будет решаться вопрос: быть ли нам слабыми или быть сильными'.

В целом ГМП обладает следующими грамматическими чертами.

1. Оно изменяется по родам и числам и не изменяется по падежам (иллюстрации см. выше), выступая лишь в двух из них.

2. Оно может определяться наречием: *hər ikk voṭər nū rāñcāit səmīt ate zilā pəṭṣəd dī mēmbri lət khəre hoṇ dā ədhikār zərūr milṇā cāhīdā he* [KI, VI.1960, 7] 'Каждый избиратель должен обязательно обрести право выставлять свою кандидатуру в члены районного и окружного Совета', *həchā, kədō jānā ve tusā?* [Na¹, 21] 'Ладно, Вам когда нужно уезжать?'.

3. ГМП.от переходного глагола (или сказуемое, включающее его) может в эргативной конструкции иметь прямое дополнение в синтетическом винительном падеже, как, например: *one mere vīh gurāe depe hən* [Am, 64] 'Он мне должен 20 рупий', *əje us ne dəsvi jəpnāt pās kəpnī sī* [Sn, 179] 'Еще ему предстояло сдать экзамены за десятый класс'.

4. ГМП и переходного, и непереходного глагола как в эргативной конструкции, так и неэргативной может иметь косвенное дополнение, причем при ГМП в функции определения оно часто вклинивается между определяемым существительным или местоимением-существительным и определением. Приведем примеры: *mē tubāde nāl bolṇā ī nāhī sī* [Na¹, 41] 'Я с Вами не хотела даже говорить', *ɛks onā lokā utte ləggne cāhīde hən jihre...* [KL, XI.1960, 3] 'Нужно облагать налогом тех людей, которые...', *ethe e'vī dhiān vicc*

rəkkhṇā cāhīdā *hē ke...* [KL, X-XI.1961, 9] 'Здесь нужно иметь в виду и то, что...'. В последних двух примерах косвенное дополнение вклинено между существительным *ṭeks* 'налоги' и определением к нему *ləggṇe* 'облагаемые', между местоимением-существительным *e* 'это' и определением *rəkkhṇā* 'поставленное'.

5. Оно может иметь при себе обстоятельство, выраженное не только наречием, но и другими частями речи, например, существительным в основном обстоятельственном падеже: *ṣabd āṇṇe aṣṭi mudhḷe ṣudh gūr vīcc vətṇe jā hoṇe cāhīde hān* [NZ, I.X.1962, 17] 'Слова должны использоваться или существовать в своей истинной, оригинальной, правильной форме' (в виде обстоятельства выступает существительное *gūr* 'форма' с рядом препозитивных определений).

6. ГМП может изменяться в пределах трех залогов (мы не учитываем еще и смешанных залогов, которые также возможны): действительный — страдательный (аналитический) — побудительный, как, например: *kəṇṇā (kəṇṇī) — kītā jāṇā (kītī jāṇī) — kəṇṇāṇā (kəṇṇāṇī)* от глагола «делать». Причем в страдательном залоге у ГМП в функции определения, по сравнению с действительным залогом, подчеркнуто пассивное значение. Приведем примеры на побудительный залог: *təd tā tuhāthō kəwītā likhāṇī koṭ ṭkhī nāhī hoṇī cāhīdī* [Se¹, 607] 'Тогда должно быть совсем нетрудным заставить Вас писать стихи (букв. поэзия, пишущаяся Вами, побуждаемыми)', *mē met nāl viāh kəṇṇā ī bhāīā* [Na¹, 517] 'Я бы хотел жениться (букв. Хочу свадьбу быть побужденной к организации) на европейской девушке'.

Формы ГМП *likhāṇī* и *kəṇṇāṇā* от глаголов *likhāṇā* 'побуждать писать' и *kəṇṇāṇā* 'побуждать делать' представляют собой варианты ГМП без тематического *-u-*.

Приведем примеры на страдательный залог ГМП: *pəṭṭṣəd dī ikk stēṇḍiṅg kəmeṭī sthāpət kītī jāṇī cāhīdī hē* [KL, VI.1960, 87] 'Нужно создать постоянный комитет Совета', *e'gall lokā nū āṇṇe təjərbe rāhī sāmjhāy jāṇī sī* [D7] 'Народу нужно было осознать это из своего опыта', *o' ləṭāīā jihīā ā rāhe inkəṭāb vīcc ləṭīā jāṇīā hoṇīā* [D7] 'Битвы, которые предстоит вести в грядущей революции'. В первом примере аналитическое ГМП — глагольный компонент составного образования «прилагательное + глагол», эквивалентного по своей функции глаголу, и в данном случае ГМП. Это образование является постпозитивным определением к существительному *kəmeṭī* 'комитет'. В двух других случаях ГМП в пассиве функционирует как ана-

литический знаменательный компонент (причастия II + ГМП от *jāpā* 'идти' в служебной функции) сказуемого.

7. Оно может, как это было показано выше, выступать в функции постпозитивного определения (в этой функции ГМП встречается очень часто), знаменательного компонента или модификатора интенсивности аналитического сказуемого, самостоятельного сказуемого (также распространенная функция), обстоятельства, КПЧ (редко), препозитивного определения (очень редко), глагольной части глагольно-именного сказуемого.

8. Выступая в своих самых распространенных функциях, т.е. постпозитивного определения, знаменательного компонента аналитического сказуемого или в качестве самостоятельного сказуемого, а также в качестве КПЧ, оно сочетается с существительным или местоимением-существительным лишь в номинативном или синтетическом винительном падежах. ГМП-обстоятельство тоже согласуется с существительным или местоимением в тех же падежах.

Отличия ГМП от инфинитива

1. ГМП изменяется по родам и числам, а инфинитив не изменяется.

2. Инфинитив имеет систему падежей, а ГМП не изменяется по падежам и сочетается лишь с формами имени и местоимения в номинативном и синтетическом винительном падежах. В связи с этим же субморфированная автосема, имеющая в исходе *-əp(-əp)* или *-ilp*, — принадлежность лишь инфинитива.

3. Инфинитив может иметь определение, а ГМП — нет.

4. ГМП выступает в качестве определения, причем, как правило, постпозитивного в синтетической форме, а инфинитив лишь в согласующе-реляционном падеже, т.е. в аналитической форме (с добавлением послелога *dā*), причем в качестве препозитивного определения.

5. ГМП, как это было показано выше, может иметь прямое дополнение и мужского и женского рода лишь в синтетическом винительном падеже, а инфинитив и в синтетическом, и в аналитическом, причем дополнение в синтетическом винительном падеже к инфинитиву в номинативном или синтетическом винительном падеже может быть лишь в женском роде. Ниже приведены примеры на прямое дополнение к инфинитиву в синтетическом падеже: *ən-honā koī nāgā deṇā tere nāl be-insāfī karnā he* [Гб², 26] 'Давать какое-либо неосуществимое обещание — значит проявлять несправедливость к те-

be', o' khəṛābīā dūr kəṛnā cāhunde sən /Jh, 33/ 'Они желали устранить бедствия'. Приведем примеры на прямое дополнение (к инфинитиву) в аналитическом винительном падеже: mē āṛ pū milṇā cāhundā hā /Sew, 24/ 'Я хочу с Вами встретиться', duṣmān pū māṇā cāhīdā hē /Sew, 23/ 'Противника нужно бить'.

6. ГМП выражает обстоятельство цели лишь функцией наречия, а инфинитив – двумя вариантами основного обстоятельственного падежа: синтетическим, омонимичным субморфированной автосеме, и аналитическим (чаще всего с послелогами *pū* и *lāṇ*) (об этом см. разделы «Обстоятельство» и «Инфинитив»).

7. Инфинитив переходного глагола может иметь квалитативно-предикативный член, а ГМП – нет.

8. Инфинитив имеет более широкое функциональное поле, чем ГМП, так как сверх совпадающих синтаксических функций обеих форм инфинитив еще может быть подлежащим, прямым или косвенным дополнением.

9. Кроме того, при наличии в предложении формы, которая может быть либо инфинитивом в номинативном и винительном падежах, либо ГМП в мужском роде единственного числа, для ее идентификации следует еще руководствоваться следующими признаками, характерными для инфинитива и не присущими ГМП:

а) при наличии такой одиночной формы перед сказуемым, выраженным переходным глаголом, она может быть лишь инфинитивом-дополнением. Под «одиночной» понимается форма, которая не входит в глагольно-именное образование и не имеет перед собой в отрезке после подлежащего существительного или местоимения-существительного в синтетическом винительном падеже, например: mē ṛoṇā cāhundā sā /De, 16/ 'Я хотел заплакать', ese tālā vicc jāwāhār ne tāmā sikkhiā /Jh, 14/ 'В этом пруду Джавахар научился плавать';

б) при наличии одиночной формы перед глагольно-именным сказуемым с непереходной глагольной частью или перед непереходным аналитическим сказуемым данная форма может быть лишь инфинитивом-подлежащим, например: aḡḡ nāl khedṇā bhiāṇāḥ nāhī? /Am, 39/ 'Не опасно ли играть с огнем?', khəṭriā tō ghəḥṛāṇā nāhī cāhīdā /Jh, 13/ 'Не следует бояться опасностей';

в) если же рассматриваемая форма не одиночная, а является глагольной частью глагольно-именной композиты, то она представляет собой инфинитив лишь тогда, когда второй компонент такого образования – прилагательное или адъективное местоимение. В та-

ком случае композита выступает дополнением перед сказуемым — переходным глаголом, как, например: *jekər tʊst̪ səphəl hoŋā cāhunde ho, t̪ā...* [Jw, 279] 'Если вы хотите быть преуспевающими, то...'. Разумеется, это условие действительно, если между таким образованием и подлежащим нет существительного или местоимения-существительного в синтетическом винительном падеже;

г) точно так же глагольная часть подобной композиты будет инфинитивом, а вся композита — подлежащим при сказуемом, выраженным непереходным глаголом, если именная часть представлена прилагательным, например: *tuhān̪ i kətt̪e hoŋā cāhīdā hē* [Jw, 279] 'Вам нужно держаться вместе (букв. быть вместе)'. Естественно, что данное условие имеет силу, если перед такой композитой нет существительного или местоимения-существительного в номинативном падеже.

10. Форма инфинитива (включая субосему) структурно отличается от формы ГМП, так как первая имеет один постфикс, а вторая — два (суффикс и флексию).

Таковы отличия ГМП от инфинитива.

В заключение следует отметить, что ГМП так же, как и инфинитив, может входить в глагольно-именные образования. Ниже приводятся примеры, где такие композиты, состоящие из прилагательного и ГМП, выступают в качестве постпозитивного определения к существительному-подлежащему: *sān̪ āp̪t̪ā burīā t̪ā dūr kāmīā cāhīdā hən* [Jw, 274] 'Мы должны избавиться от наших пороков', *sāde sāhəm̪e bhəwikh rūp rekhā sāf te spəst̪ hoŋī cāhīdī hē* [NZ, I.X.1962, 17] 'Перед нами должен быть четкий и ясный перспективный план'. Во втором примере в адъективную часть входят даже два однородных прилагательных: *sāf* 'четкий' и *spəst̪* 'ясный'.

Нам также встретились два примера на местоименно-глагольное образование «местоимение+ГМП», в котором первое имеет адъективную парадигму. Это притяжательное местоимение *āp̪ā* 'свой' и указательное *ije hā* (в произношении *ije ā*): *pəñjābī bolī nū e' āp̪ā ləp̪t̪ā cāhīdā hən* [NZ, I.X.1962, 10] 'Языку панджаби их нужно принять', *pər e' šəbd ije hē hoŋe cāhīde hən jihre...* [NZ, I.X.1962, 10] 'Но эти слова должны быть такими, какие...'. В первом примере образование *āp̪ā ləp̪t̪ā* 'принимаемые' является определением к местоимению-существительному *e* 'они', а во втором образование *ije hē hoŋe* 'такие существующие' определяет существительное *šəbd* 'слова'.

Причастие I. Как уже говорилось выше, причастие I омонимично номинативному падежу и субосеме герундия I. Однако от последнего оно отличается тем, что объединяет не субстантивно-глагольные, а адъективно-глагольные черты.

За исходную форму причастия I мы берем его форму мужского рода единственного числа.

При ИГФ с исходом на согласный (согласные) причастие I образуется добавлением сегмента *-dā* (суффикс *-d-* и окончание *-ā*), а при ИГФ, оканчивающейся на гласный звук (кроме *-ā* и исключая случаи, где ИГФ отличается от основы инфинитива), присоединением сегмента *-ndā*, как, например: *likhṇā* 'писать' — *likhdā* 'пишущий', 'писавший', *rīṇā* 'пить' — *rīndā* 'пьющий', 'пивший', *roṇā* 'плакать' — *rondā* 'плачущий', 'плакавший'.

При ИГФ, оканчивающейся на *-ā*, в общем действуют те же правила, что и у инфинитива, а именно, при ИГФ, оканчивающейся на гласный *-ā* или представленной им, исключая случаи с конечным слогом, несущим восходящий тон, а также глаголы *jāṇā* 'идти' и *khāṇā* 'есть', сегменту *-ndā* чаще всего предшествует тематический гласный *-u-*, т.е. после *-ā* мы имеем *-undā*, как, например: *āuṇā* 'приходить' — *āundā* 'приходящий', 'приходивший', *pāuṇā* 'ставить', 'класть' — *pāundā* 'ставящий', 'ставивший', *prāuṇā* 'наполнять' — *prāundā* 'наполняющий', 'наполнявший'.

От ИГФ, имеющих в исходе *-ā*, входящий в слог с восходящим тоном, а также от ИГФ глаголов *jāṇā*, *khāṇā* причастие I образуется добавлением сегмента *-ndā* (т.е. без тематического *-u-*), как, например: *dāṇā* 'стелить' — *dāndā* 'стелящий', 'стеливший', *jāṇā* 'идти' — *jāndā* 'идуший', 'шедший', *khāṇā* 'есть' — *khāndā* 'принимающий (принимавший) пищу'.

У глаголов, ИГФ которых отличается от основы инфинитива, причастие I образуется присоединением сегмента *-ndā* к основе инфинитива, как, например: *sīṭṇā* (ИГФ *sīṭ*) 'шить' — *sīṭndā* 'шьющий', 'шивший', *sṭṇā* (ИГФ *sṭ*) 'спать' — *sṭndā* 'спящий', 'спавший', *pṭṇā* (ИГФ *pṭ*) 'бродить' — *pṭndā* 'бродящий', 'бродивший'.

Причастие I имеет парадигму изменяемого прилагательного. Так, для номинативного и синтетического винительного падежей глаголы *likhṇā* 'писать' и *rīṇā* 'пить' имеют следующий набор форм причастия I:

Мужской род		Женский род	
Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
<i>likhdā</i>	<i>likhde</i>	<i>likhdī</i>	<i>likhdīā</i> [~]
<i>pīndā</i>	<i>pīnde</i>	<i>pīndī</i>	<i>pīndīā</i> [~]

Для неноминативных падежей (кроме синтетического винительного и звательного) в женском роде формы остаются без изменений, а для мужского единственного числа появляется окончание *-e*, т.е. *likhde*, *pīnde*; для множественного числа могут употребляться две формы: с окончаниями *-e* и *-īā*, т.е. *likhde*, *pīnde* и *likhdīā*, *pīndīā*.

Мы прибегли к использованию условных терминов «причастие I» и «причастие II», потому что употребляемые рядом индологов названия «причастие настоящего времени», или «причастие несовершенного вида», с одной стороны, и «причастие прошедшего времени», или «причастие совершенного вида» – с другой, по меньшей мере неточны и создают впечатление о несуществующих или далеко не всегда проявляющихся противопоставлениях. Дело в том, что, как это будет видно ниже, причастие I, функционируя в качестве знаменательного компонента аналитического сказуемого, может вместе со служебным элементом выражать значение не только настоящего, но и прошедшего и будущего времени, а причастие II, в свою очередь, выступая в той же функции, может передавать не только действие, совершавшееся или совершившееся в прошлом, но и имеющее место в настоящем или будущем.

Причастие I всегда указывает на несовершенное действие, но, с другой стороны, причастие II далеко не всегда означает совершенное действие. Поэтому противопоставление несовершенство – совершенство значительно ограничено. Значит, причастие I как неличная форма лишена категории времени, а выражаемая им незавершенность действия не всегда имеет силу противопоставления причастия II.

Грамматические черты причастия I целесообразно начать рассматривать с его синтаксических функций. Причастие I может выступать в следующих функциях (третья и четвертая из них выявлены нами):

1) определения: *ikk ghumdī sarāk* [CJ] 'извивающаяся дорога', *mān bhāwānde khiḍāṇe* [De, 12] 'любимые игрушки';

2) знаменательного компонента аналитического сказуемого: *tusi vakt te āunde ho* [Am, 17] 'Вы приходите вовремя', *asī hār*

tōz kəsraē nāhī kārde sī [Am, 21] 'Мы не каждое утро делали зарядку';

3) модификатора интенсивности: *o'de iškhe mukh jānde hən*
/Gb³, 107 'Его опасения исчезают';

4) элемента аналитической подусвязки: *o'rogī jāpdā he* [Am, 41] 'Похоже, что он болен' (букв. 'он есть кажущийся больным'), *uhādi vāj jānī, pāchānī læggdī e* [A, 11] 'Ваш голос кажется мне знакомым';

5) качественно-предикативного члена: *us nū mundaĩ dī ikk dhāñt kheddī milt* [Nw, 173] 'Он встретил группу играющих мальчиков' (букв. 'ему встретилась мальчиководна группу играющей'), *āhdiā mē kēā nū suniā st ke...* [Gb⁴, 54] 'Я слышал, как некоторые говорили, что...' (букв. 'говорившими я некоторых слышал');

6) обстоятельства (см. раздел «Деепричастие»).

К другим грамматическим чертам причастия I относятся следующие:

1) способность причастия I, образованного от переходного глагола, иметь прямое дополнение: *mən bhāwānde kkhīdāṇe* [De, 12] букв. 'душу любящие игрушки', *julāhī nitt us nū rāpī dhondā dekhdī sī* [Nw, 174] 'Жена ткача постоянно видела его несущим воду';

2) способность иметь при себе обстоятельство, выраженное наречием или существительным в основном обстоятельном падеже: *issā rōndā bācā* /Cm/ 'громко плачущий ребенок', *sitāriā duālē bhānde māde de* /Gb³, 11/ букв. 'вокруг звезд вращающейся материи'.

3) способность иметь при себе косвенное дополнение: *e'saṭiā nū lābh dendī dāwāt he* [C] 'Это лекарство приносит пользу всем' (букв. 'Это всем приносящее пользу лекарство есть'), *mēnū milde pātr al-tārt vīss rāe ne* [C] 'Письма, получаемые мною (букв. мне приходящие письма) хранятся в шкафу';

4) способность изменяться в пределах действительного и побудительного залогов: *kərdā* 'делающий', 'делавший' — *kərvāundā* (*kərvāundā*) 'заставляющий делать', *bəṇṇāundā* 'строящий' — *bəṇṇvāundā* 'заставляющий строить'. Приведем сентенсные примеры на побудительный залог: *e'mālik kəmm bohut kərvāundā hē* [D] 'Этот предприниматель заставляет много работать', *e'thekedār təkān səyḡā bəṇṇvāundā hē* [D] 'Этот подрядчик хорошо строит (через кого-то) здания';

5) способность изменяться по некоторым категориям вида. Так, существует аналитическая словоформа вида состояния, образуемая

из формы причастия I знаменательного глагола (знаменательный компонент) и причастия II служебного глагола *hoṛā* 'быть', передающего вид состояния, например: *mē ōñū mēdān vicc khedde hoe chəddiā* [Am, 38] 'Я покинул его играющим на площадке', *e' kñiāl sānskrit. pərhdīā hoṛā sər viliām jonz nū phuriā sī* [Ar², 2] 'Эта идея возникла у изучавшего санскрит сэра Уильяма Джонса'.

Иногда можно встретить форму причастия I с сегментом *-nā* (*nā*), используемым в ленди, однако этот формант нетипичен для панджаби и является «лендизмом». По всей видимости, это результат смешения форм панджаби и ленди авторами, знающими оба этих языка, например: *taklā mār ke pās ho jānī ē tū* [De, 13] 'Ты сдаешь экзамены за счет списывания' (*jānī* вместо *jāndī*).

Причастие II. Выше отмечалось, что причастие II омонимично герундию II (исключая, разумеется, все случаи, когда герундий II образуется нестандартным путем типа *jāyā* 'ходьба'), но отличается от него тем, что объединяет не субстантивно-глагольные, а адъективно-глагольные признаки. Значение причастия II неоднородно: в зависимости от переходности или непереходности, лексического характера глагола, типа словоформы (синтетическая, аналитическая), типа синтаксической модели, в которой используется причастие II, оно может иметь либо активное, либо пассивное значение. Так, будучи образованным от непереходных глаголов, оно передает активный характер действия. Таким же значением всегда обладает причастие II переходных глаголов в эргативной конструкции, где выступает перфектная или плюсквамперфектная форма сказуемого (т.е. причастие II плюс формы служебного глагола *hoṛā* 'быть'). В других же случаях (иллюстрации см. в разделе «Личные формы») можно обнаружить пассивное значение причастия II. Неоднородность значения причастия II свидетельствует о неудачности термина «пассивное», применяемого к нему некоторыми лингвистами.

В панджаби существуют два разряда причастия II (в качестве исходной берется форма единственного числа мужского рода): продуктивные и непродуктивные.

Продуктивный разряд образуется при помощи аффикса *-iā* (*-yā*), добавляемого к ИГФ, как, например: *likh + iā = likhiā* 'написавший', 'написанный', 'пишущийся' от *likhṛā* 'писать', *pā + yā = pāyā* 'положивший', 'положенный', 'кладущийся' от *pāṛiā* 'класть', *dā' + yā = dāyā* 'постеливший', 'постеленный', 'стелящийся' от *dāñā* 'стелить', *phē' + yā = phēyā* 'надавивший', 'надавленный', 'сдав-

ливаемый от *phēṇā* 'надавливать', 'сдавливать', *ā + ya* – *āyā* 'пришедший' от *āyā* 'приходить'.

Набор словоформ причастия II продуктивного разряда в зависимости от рода и числа в номинативном и синтетическом винительном падежах иллюстрируется на основе причастий *likhiā* 'написавший', 'написанный', 'пишущийся' и *āyā* 'пришедший':

Мужской род		Женский род	
Ед.ч. (-iā, yā)	Мн.ч. (-e)	Ед.ч. {-ī, yū)	Мн.ч. {-iā, yūā)
<i>likhiā</i>	<i>likhe</i>	<i>likhī</i>	<i>likhīā</i>
<i>āyā</i>	<i>āe</i>	<i>āyū</i>	<i>āyūā</i>

Для неноминативных падежей (кроме синтетического винительного и звательного) в женском роде остаются те же формы, а для мужского единственного числа появляется окончание *-e*, т.е. *likhe*, *āe*, для множественного числа могут употребляться три формы: с окончаниями *-e* и *-iā* (*yā*), т.е. *likhe*, *āe* и *likhiā*, *āyā*.

Анализ материалов Ньютона [Nw, 290], Гилла [Gill, 143-146], Дуни Чандра [Ca, 115, 116], относящихся к «нестандартным» причастиям II, показывает, что термины «нестандартные», или «неправильные», применяемые к этим формам, не совсем соответствуют действительности, так как абсолютное их большинство подчиняется закономерностям формообразования и распределяется по подклассам. Другое дело, что все эти подклассы непродуктивны или почти непродуктивны и всех их можно объединить в общий непродуктивный разряд причастий II. Ниже мы предлагаем классификацию данных форм, отличающуюся от классификации Гилла и Глисона более широким охватом материала, выделением ряда групп причастий, отсутствующих у этих авторов, а также несколько иной оценкой фактов.

Поскольку некоторые глаголы имеют по два алломорфа причастия II: продуктивный и непродуктивный или два непродуктивных, мы фиксируем по мере возможности и второй алломорф.

1. Первый подкласс образуется добавлением к ИГФ аффикса *-ā* (табл. 15).

2. Во второй подкласс целесообразно объединить случаи, в которых к синкопированной или редуцированной (за счет редукции гласного) ИГФ, которая может также и изменять тон, присоединяется сегмент, состоящий из глухого смычного *t* или *ṭ* со своим придыхательным коррелятом *th* (*ṭh*) и гласного *-ā*, т.е. *-tthā* или *-ṭṭhā* (т.е.

Подкласс причастия II (ИГФ + -а)

Инфинитив	ИГ Ф	Причастие II	
		1-й алломорф	2-й алломорф
<i>uggṇā</i> 'возникать'	<i>ugg</i>	<i>uggā</i>	<i>uggiā</i>
<i>sukkkṇā</i> 'сохнуть'	<i>sukkk</i>	<i>sukkkā</i>	—
<i>khəṇṇā</i> 'стоять'	<i>khəṇ</i>	<i>khəṇā</i>	—
<i>guācṇā</i> 'теряться'	<i>guāc</i>	<i>guācā</i>	—
<i>ḍubbṇā</i> 'нырять', 'тонуть'	<i>ḍubb</i>	<i>ḍubbā</i>	<i>ḍubbiā</i>
<i>tuttṇā</i> 'ломаться'	<i>tutt</i>	<i>tuttā</i>	<i>tuttiā</i>
<i>nəṭṭhṇā</i> 'бежать'	<i>nəṭṭh</i>	<i>nəṭṭhā</i>	<i>nəṭṭhiā</i>
<i>pāṭṇā</i> 'рваться'	<i>pāṭ</i>	<i>pāṭā</i>	—
<i>pījṇā</i> 'промокать'	<i>pījj</i>	<i>pījjā</i>	<i>pījñā</i>
<i>p'unṇā</i> 'жарить'	<i>p'unṇ</i>	<i>p'unṇā</i>	<i>p'unniā</i>
<i>pōṭṇā</i> 'прибывать'	<i>pōṭ</i>	<i>pōṭā</i>	<i>pōṇtā</i>
<i>bəṭṭhṇā</i> 'сидеть'	<i>bəṭṭh</i>	<i>bəṭṭhā</i>	—
<i>māccṇā</i> 'воспламеняться'	<i>mācc</i>	<i>māccā</i>	<i>māccīā</i>
<i>rəjjṇā</i> 'удовлетворяться'	<i>rəjj</i>	<i>rəjjā</i>	<i>rəjjiā</i>
<i>lāggṇā</i> 'прикасаться'	<i>lāgg</i>	<i>lāggā</i>	<i>lāggiā</i>
<i>lābbṇā</i> 'находить'	<i>lābb</i>	<i>lābbā</i>	<i>lābbiā</i>
<i>vāssṇā</i> 'идти (дождю)'	<i>vāss</i>	<i>vāssā</i>	<i>vāssiā</i>

суффикса *-tth* или *-tṭh* и окончания *-ā*. Согласный, с которого начинается ИГФ, может обретать церебрализацию. Эти случаи таковы:

а) подобный сегмент присоединяется к ИГФ с выпадением удвоенного *s*, как, например: *khussṇā* 'быть отнятым' — ИГФ *khuss* > *khu* + *tthā* = *khutthā* 'отнятый';

б) подобный сегмент присоединяется к ИГФ, гласный которой редуцируется за счет сужения ($\varepsilon > \text{э}$, $o > u$), а восходящий тон меняется на ровный, как, например: *koṇā* 'убивать' — ИГФ *ko* > *ku* + *tthā* = *kutthā* 'убитый', 'убивший';

в) подобный сегмент присоединяется к ИГФ, у которой лишь сужается гласный, например: *t'əṇā* 'падать' — ИГФ *t'ə* > *t'ə* + *tthā* = *t'əṭṭhā* 'упавший';

г) подобный сегмент присоединяется к ИГФ, у которой изменился только тон, например: *chuṇā* 'трогать' — ИГФ *chu* > *chu* + *tthā* = *chutthā* 'тронутый', 'тронувший';

д) подобный сегмент присоединяется к ИГФ, в которой выпал согласный и сужен гласный, например: *dekkṇā* 'видеть' — ИГФ *dekh* > *di* + *tthā* = *diṭṭhā* 'увиденный', 'увидевший';

е) подобный сегмент присоединяется к ИГФ, у которой синкопированы согласные, но произошло удлинение гласного, например: *phəssṇā* 'быть втянутым' — ИГФ *phəss > phā + tthā = phātthā* 'втянутый'.

Все случаи представлены в табл. 16.

Таблица 16

Подкласс причастия II
[измененная ИГФ + -tthā (-tthā)]

Инфинитив	ИГФ	Причастие II	
		1-й алломорф	2-й алломорф
а) <i>khussṇā</i> 'быть отнятым'	<i>khuss</i>	<i>khutthā</i>	—
<i>k'ussṇā</i> 'ошибаться'	<i>k'uss</i>	<i>k'utthā</i>	—
<i>dissṇā</i> 'представляться'	<i>diss</i>	<i>ditthā</i>	—
<i>nəssṇā</i> 'бежать'	<i>nəss</i>	<i>nəttthā</i>	<i>nəssiā</i>
<i>russṇā</i> 'раздражаться'	<i>russ</i>	<i>rutthā</i>	—
б) <i>koṇā</i> 'убивать'	<i>ko'</i>	<i>kuṭthā</i>	—
<i>khoṇā</i> 'отнимать'	<i>kho'</i>	<i>khutthā</i>	<i>khoyā</i>
<i>trēṇā</i> 'бояться'	<i>trē'</i>	<i>trəttthā</i>	—
<i>lēṇā</i> 'спускаться'	<i>lē'</i>	<i>ləttthā</i>	<i>li'ā</i>
<i>dēṇā</i> 'стелиться'	<i>dē'</i>	<i>dəttthā</i>	—
в) <i>ṭ'ēṇā</i> 'падать'	<i>ṭ'ē</i>	<i>ṭ'əttthā</i>	<i>ṭ'ea</i>
г) <i>chuṇā</i> 'трогать'	<i>chu'</i>	<i>chutthā</i>	—
д) <i>dekhṇā</i> 'видеть'	<i>dekh</i>	<i>ditthā</i>	—
е) <i>phəssṇā</i> 'быть втянутым'	<i>phəss</i>	<i>phātthā</i>	<i>phəssiā</i>

3. Третий подкласс характеризуется тем, что к бисиллабической ИГФ, оканчивающейся на -ā, присоединяется сегмент -ṇā или (реже) -nā (табл. 17).

Таблица 17

Подкласс причастия II
[бисиллабическая ИГФ на -ā + -ṇā (-nā)]

Инфинитив	ИГФ	Причастие II	
		1-й алломорф	2-й алломорф
<i>səṭṭaṇṇā</i> 'вмешаться'	<i>səṭṭā</i>	<i>səṭṭāṇā</i>	—
<i>cul'aṇṇā</i> 'обмахивать'	<i>cul'ā</i>	<i>cul'āṇā</i>	—
<i>pul'aṇṇā</i> 'обманывать'	<i>pul'ā</i>	<i>pul'āṇā</i>	—
<i>lob'aṇṇā</i> 'вызывать зависть'	<i>lob'ā</i>	<i>lob'āṇā</i>	—
	<i>(lub'ā)</i>		
<i>viā'uṇā</i> 'тратить (время)'	<i>viā'</i>	<i>viā'nā</i>	—

4. Для четвертого подкласса типично то, что к ИГФ с восходящим тоном, в которой выпал удвоенный согласный, присоединяется сегмент *-ddā* (суффикс *-dd-* + окончание *-ā*; табл. 18).

Таблица 18

Подкласс причастия II (ИГФ с выпадением удвоенного согласного и восходящим тоном + *-ddā*)

Инфинитив	ИГФ	Причастие II	
		1-й алломорф	2-й алломорф
<i>siġġā</i> 'расплавляться'	<i>siġġ</i>	<i>siġġā</i>	—
<i>guġġā</i> 'замешивать'	<i>guġġ</i>	<i>guġġā</i>	—
<i>bəġġā</i> 'завязывать'	<i>bəġġ</i>	<i>bəġġā</i>	<i>bəġġiā</i>
<i>riġġā</i> 'варить'	<i>riġġ</i>	<i>riġġā</i>	<i>riġġiā</i>
<i>viġġā</i> 'дырывать'	<i>viġġ</i>	<i>viġġā</i>	<i>viġġiā</i>

5. Пятый подкласс причастия II образуется присоединением аффикса *-ā* к ИГФ, у которой конечный гласный *-ε* заменен более узким гласным *-e* или *-i* (табл. 19).

Таблица 19

Подкласс причастия II (ИГФ, в которой конечный *-ε* заменен более узким гласным, + *-ā*)

Инфинитив	ИГФ	Причастие II	
		1-й алломорф	2-й алломорф
<i>kεġā</i> 'сказать'	<i>kεġ</i>	<i>kiā</i>	—
<i>khεġā</i> 'теряться'	<i>khεġ</i>	<i>khīā</i>	—
<i>t'εġā</i> 'падать'	<i>t'εġ</i>	<i>teā</i>	<i>t'ətt hā</i>
<i>rεġā</i> 'оставаться'	<i>rεġ</i>	<i>riā</i>	—
<i>rεġā</i> 'ложиться', 'лежать'	<i>rεġ</i>	<i>piā</i>	—
<i>lεġā</i> 'брать'	<i>lεġ</i>	<i>liā</i>	<i>līā</i>

В случае использования причастий II этого подкласса во множественном числе мужского и женского рода и единственном числе женского рода вместо гласных *-e* и *-i* используется гласный *-ə*, как, например: *рəе*, *рəууə*, *рəуу*.

6. Шестой подкласс причастия II образуется присоединением к ИГФ сегмента *-tā*. Здесь могут быть два случая:

а) ИГФ не изменяется;

б) в ИГФ происходит выпадение гласного или согласного, как, например: *sīūġā* 'шить', $sīū > sī + tā = sītā$ 'сшитый', 'сшивший',

chāṇṇā 'просеивать', *chāṇ* > *chā* + *ia* = *chātā* 'просеянный', 'просеявший' (табл. 20).

Таблица 20

Подкласс причастия II (ИГФ + *-ia*)

Инфинитив	ИГФ	Причастие II	
		1-й алломорф	2-й алломорф
а) <i>khəloṇā</i> 'стоять'	<i>khəlo</i>	<i>khəlotā</i>	—
<i>khəṇṇā</i> 'стоять'	<i>khəṇo</i>	<i>khəṇotā</i>	—
<i>gəwāṇṇā</i> 'терять'	<i>gəwā</i>	<i>gəwātā</i>	—
<i>t'oṇā</i> 'мыть'	<i>t'o</i>	<i>t'otā</i>	<i>t'oṇā</i>
<i>n'āṇṇā</i> 'купать'	<i>n'ā</i>	<i>n'ātā</i>	<i>n'āṇā</i>
<i>proṇā</i> 'нанизывать'	<i>pro</i>	<i>protā</i>	<i>proṇā</i>
<i>pīṇā</i> 'пить'	<i>pī</i>	<i>pītā</i>	—
<i>poṇā</i> 'воздействовать'	<i>po</i>	<i>potā</i>	<i>poṇā</i>
б) <i>sīṇṇā</i> 'шить'	<i>sīṇ</i>	<i>sītā</i>	—
<i>siāṇṇā</i> 'признавать'	<i>siāṇ</i>	<i>siātā</i>	—
<i>chāṇṇā</i> 'просеивать'	<i>chāṇ</i>	<i>chātā</i>	—
<i>pəchāṇṇā</i> 'ознакамливаться'	<i>pəchāṇ</i>	<i>pəchātā</i>	<i>pəchāṇā</i>

7. Седьмой подкласс причастия II характеризуется присоединением сегмента *-ia* к ИГФ, у которой конечный гласный заменен на более краткий и узкий гласный, а в случае с *səṇā* 'спать' (ИГФ *sṇ*) происходит и утрата назальности (табл. 21).

Таблица 21

Подкласс причастия II (ИГФ, конечный гласный которой заменяется на более узкий и краткий, + *-ia*)

Инфинитив	ИГФ	Причастие II	
		1-й алломорф	2-й алломорф
<i>səṇā</i> 'спать'	<i>sṇ</i>	<i>suttā</i>	<i>sṇyā</i>
<i>joṇā</i> 'запрягать'	<i>jo</i>	<i>juttā</i>	—
<i>deṇā</i> 'давать'	<i>de</i>	<i>diuttā</i>	—

8. В восьмую группу собраны причастия II, каждое из которых не входит в какой-либо из семи предыдущих подклассов (табл. 22)

Видимо, причастие II *giā* является супплетивным в системе словоформ глагола *jāṇā* 'идти'.

Как видно, все причастия II непродуктивного разряда, приведенные в форме мужского рода единственного числа, оканчиваются на

Прочие причастия II

Инфинитив	ИГФ	Причастие II	
		1-й алломорф	2-й алломорф
<i>kəṇā</i> 'делать'	<i>kər</i>	<i>kītā</i>	—
<i>khāṇā</i> 'есть'	<i>khā</i>	<i>khāḍā</i>	—
<i>jəṇṇā</i> 'рождать'	<i>jəṇ</i>	<i>jāyā</i>	<i>jəciā</i>
<i>jāṇā</i> 'идти'	<i>jā</i>	<i>giā</i>	<i>ḡəyā</i>
<i>jīṇā</i> 'жить'	<i>jīu</i>	<i>jīwiā</i>	—
<i>pīṇā</i> 'дробить'	<i>pī'</i>	<i>pīthā</i>	—
<i>p'ṣṇā</i> 'вертеться'	<i>p'ṣ</i>	<i>p'ṣwiā</i>	—
<i>liāṇā</i> 'приносить'	<i>liā</i>	<i>liāṇā</i>	<i>liāyā</i>

гласный *-ā*. При изменении любого из этих причастий в мужском роде множественного числа *-ā* переходит в *-e*, а в женском роде единственного и множественного числа *-ā* соответственно трансформируется в *-ī, -yū, -tā, -yūā*.

Грамматические признаки причастия II целесообразно начать рассматривать с его синтаксических функций. Оно может выступать как:

- 1) определение: *giā sətā* [Jw, 258] 'ушедшее время', *mel nāl bəṇī bhāṣā* [Ar², 8] 'язык, образовавшийся путем слияния';
- 2) основной элемент аналитической полусвязки: *e'nəwā hī bəṇiā hē* [PL, XII. 1954, 10] 'Он стал совсем новым';

3) предикатив (в том числе при аналитической полусвязке): *tuhāḍī vāj jāṇī rəṣhāṇī ləggdī e* [A, 11] 'Ваш голос мне кажется знакомым' (букв. кажется узнанным и познанным), *ōdā cihṛā chā vicc giāṣā jəṇḍā sī* [R, 419] 'Казалось, что ее лицо было скрыто тенью' (букв. 'ее лицо казалось потерянным в тени'). Причастие II может быть компонентом составного предикатива: *sāḍā hēdmāstər chōtā ho giā dissdā* [Gb³, 14] 'Наш директор казался маленьким' (букв. казался ставшим маленьким);

- 4) знаменательный компонент аналитического сказуемого:
 - а) перфекта: *us ne bohut vadhīā kəwītāwā likhīā hən* [Se¹, 60] 'Он написал очень хорошие стихи', *tusī e'jāṅgā kirāe te keō liā hē?* [Am, 27] 'Почему Вы наняли эту двуколку?';
 - б) пассива: *jihṛī bolt viā-kəṛəṇ de nem səṅglā vicc pəkkī tərḥā jəṇ jāṇdī hē...* [NZ, I.X. 1962, 17] 'Язык, который крепко заковывается в цепи грамматических правил...', *tā peo vāllo'ōdī dekh bhāl kītī gət sī* [Am, 34] 'Его воспитали родители' (букв. 'родителями-его воспитание делалось');

5) модификатор интенсивности, одновременно являющийся модификатором результативно-комплетивного вида: *məzdūṛā ne kəṛ-tāl kəṛ ditti hē* [Am, 27] 'Рабочие забастовали', *us ne sārā hisāb kitāb dekh liā sī* [Am, 28] 'Он проверил все счета';

6) КПЧ: *teṇū sāsā kəḍī siāpe vicc khəlotī nəhī dīṭhā* [Nw, 174] 'Я никогда не видел тебя стоящей среди скорбящих';

7) обстоятельство (об этом см. раздел «Деепричастие»).

К другим грамматическим чертам причастия II относятся следующие:

1) способность иметь при себе косвенное дополнение: *dhindā nāl bənnhīā hoīā* 63 *tāsā* [NZ, 9.III.1962, 1] 'привязанные к животам 63 колоды карт';

2) способность иметь при себе обстоятельство, выраженное наречием или существительным в основном обстоятельственном падеже: *utthe khəlotīā istriā* [C] 'там стоявшие женщины', *dəsəmbər 1944 vicc hoe jālse vicc* [KL, I.1960, 9] 'на собрании, состоявшемся в декабре 1944 г.', *bābū sāhib nū huṇ tūr niśāne ləggā jāpiā* [As, 69] 'Господину показалось, что стрела попала в цель (букв. стрела показалась теперь попавшей в цель)';

3) способность изменяться в пределах действительного и побудительного залогов: *kūā* 'сделавший', 'сделанный', 'делающийся' — *kəṛāyā* (*kəṛvāyā*) 'сделанный побуждением' или 'сделавший побуждением', *bəṇāyā* 'построивший', 'построенный', 'строющийся' — *bəṛvāyā* 'построенный побуждением'. Приведем сентенсные примеры на побудительный залог: *mē us ādmī kolō kəmm kəṛvāyā hē* [D] 'Я побудил того человека сделать работу', *picchle sāl mē ikk təkān bəṛvāyā sī* [D] 'В прошлом году я построил (через посредство кого-то) дом';

4) способность изменяться по категориям некоторых видов. Так, оно обладает аналитической словоформой вида состояния, образуемой из формы причастия II знаменательного глагола (знаменательный компонент) и причастия II служебного глагола *hoṇā* 'быть', передающего вид состояния: *ikk pəntī sāl tōṛ tərpe hoe tinṇā jūkā de pəo ne* [Se¹, 45] 'перешагнувший 30-летний рубеж человек, отец троих детей', *suttī hoṇ sundrī* [PL, II.1968, 9] 'спящая красавица'.

Пассивное причастие. В панджаби иногда встречается пассивное причастие, образуемое при помощи сегмента *-ṭndā* (суффикс *-ṭnd-* и окончание *-ā*), присоединяемого к ИПФ. Судя по всему,

эта форма проникла в панджаби из родственного языка ленди. Это причастие используется для образования второго варианта пассива, менее типичного для современного панджаби по сравнению с формой страдательного залога, включающей глагол *jāṇā* 'идти'.

За исходную форму данного причастия мы принимаем форму мужского рода единственного числа, как, например: *kārīndā* 'делаемый', *likhīndā* 'пишущийся', *sunīndā* 'слушающийся' и т.д. Такое причастие имеет парадигму изменяемого прилагательного. Приведем句例: *ē kəmm mēthō nāhī kārīndā* [Tr] 'Эта работа не может быть сделана мною', *āsī lūṭerīā iō roz lūṭīnde hā* [Mh, 253] 'Нас ежедневно грабят разбойники' (букв. 'мы ограбляемые есть'), *ciṭhī likhīndī hē* [D] 'Письмо пишется' (см. также раздел о втором варианте пассива.).

Причастие поучения. В панджаби изредка встречается причастие, чаще всего имеющее значение поучения, наставления. Образуется оно присоединением к ИГФ сегмента *-īdā* (суффикса *-īd* и окончания *-ā*, поскольку за исходную форму этого причастия мы принимаем форму мужского рода единственного числа). Причем в случае переходности глагола анализируемая форма представляет собой вторую разновидность пассивного причастия, служащего основой для образования третьего варианта пассива (а также полупассива), тоже менее типичного для панджаби по сравнению с формами страдательного залога, включающими глагол *jāṇā* 'идти'.

Чаще всего причастие поучения используется в односоставных бесподлежащих предложениях в форме мужского рода единственного числа, как, например: *vəḍḍīā āgge ussā nāhī bolīdā* [D] 'В присутствии старших громко не говорят (букв. не говорится)', *ēwē tāṭīdā* [D] 'Плывать следует так', *səṛək nū dhiān nāl pār kārīdā hē* [D] 'Улицу следует переходить осторожно', *ēwē āndər āīdā hē* [D] 'Внутрь входить следует так'.

Как видно, модификатор финитности (об этом термине см. ниже) иногда опускается, что может происходить в разговорном языке, и тогда причастие поучения выступает как самостоятельное сказуемое (см. также раздел о третьем варианте пассива). Иногда данное причастие используется без оттенка поучения, но тогда в нем выступает значение обычности, целесообразности.

Потенциальное причастие I. Собранный материал позволил нам сделать вывод, что в панджаби существуют две разновидности причастия с потенциальным значением. Первая из них

омонимична пассивному причастию. Эту форму мы назвали потенциальным причастием I. Она также проникла в панджаби из ленди и используется редко (преимущественно для переходных глаголов). Это причастие представлено в одной из разновидностей потенциального наклонения (о чем см. соответствующий раздел), например: *likhīndā* 'могущий быть написанным', *kārīndā* 'могущий быть сделанным'.

Потенциальное причастие II. Это причастие омонимично причастию II и частично герундию II. Оно типично как для переходных, так и для непереходных глаголов. Используется в составе форм основной разновидности потенциального наклонения (о чем см. соответствующий раздел). При непереходном глаголе всегда, а при переходном иногда предложение бывает односоставным. Ниже приведены примеры таких причастий: *jāyā* 'могущий идти', *tārīā* 'могущий плавать', *kītā* 'могущий быть сделанным', *likhiā* 'могущий быть написанным'.

Деепричастие

Деепричастие объединяет глагольные и адverbиальные признаки. Оно всегда передает действие (хотя и самого разного характера), дополнительное к действию, выражаемому сказуемым.

В панджаби наличествует несколько разновидностей деепричастия:

1) деепричастие, по форме равное ИГФ, например: *ast̃ pāki-stāṇṇṇ edhār ā vasse* [PL, XII.1954, 32] 'Прибыв сюда из Пакистана, мы поселились', *munšī kārām singh pērā bhār beṭhā... māñje nū murammāt kār rihā he* [Na¹, 10] 'Мунши Карам Сингх, усевшись на корточки... (букв. расположив вес на ноги), чинит кровать', *paṛhṇā chadd sundar vihlā phirān lagg piā* [Du, 46] 'Бросив учебу, Сундар стал слоняться без дела';

2) деепричастие, образуемое присоединением к ИГФ служебного элемента *ke*. Поскольку последний воспринимается одними авторами как служебное слово (раздельное написание с ИГФ), а другими — как аффикс (слитное написание с ИГФ), можно считать, что существуют два варианта такого деепричастия: а) аналитический и б) синтетический производный. Ниже приводятся примеры на оба случая: *ghār jā ke kahi deṇā ke* [Gb⁴, 52] 'Придя домой, скажите, что...', *oñe āṛṇe lekḥā duārā jāgritī pēdā kārke āṛṇe deṣ dte māṇav jāit dī sewā kītī* [Am, 267] 'Он служил родине и человечеству, пробуждая своими трудами сознание';

3) деепричастие, образуемое добавлением аффиксов $-i, -y$ к ИГФ. Нередко такое деепричастие совпадает с формой женского рода единственного числа причастия II. Приведем примеры: *mē us vāll pīth kəṭi ləṭiā riḥā* [Du, 17] 'Повернувшись к ней спиной, я продолжал лежать', *o'pher rəḥilā vārg bāhā ulāṭi khəlotā sī* [Sk, 58] 'Он опять стоял, подняв, как раньше, руки'. Деепричастие от глагола *ləṇā* образуется присоединением аффикса $-y$ к ИГФ с изменением гласного $-e$ в $-ə$, т.е. $le > lə + y = ləy$, иначе говоря, так же, как и причастие II женского рода единственного числа, например: *məṇi kuchaṛ ləy bərkəte rəṭiā utərdi jā rəḥi sī ke...* [Gb⁴, 52] 'Взяв меня на руки, Баркате стала спускаться по лестнице, как...';

4) деепричастие, образованное присоединением аффикса $-i$ к ИГФ. Эту форму приводит Ньютон, например: *o' kəpṛe utāṭi bəṭhā hē* [Nw, 181] 'Он сидит, сняв одежду', *koṭ mənukkh bhār sitti khəṛā hē* [Nw, 181] 'Кто-то стоит, сбросив с себя груз';

5) причастие I в функции деепричастия (включая и деепричастия причастного происхождения); здесь возможны несколько случаев:

а) деепричастие, восходящее к форме мужского рода множественного числа причастия I в неноминативных падежах (разумеется, кроме винительного синтетического) с аффиксом $-iā$. Эту неизменяемую форму причастного происхождения вполне можно рассматривать как разновидность морфологизованного деепричастия. Примеры: *us ne pres de nā ikk biān jārṭi kərdiā kihā hē ke...* [AP, 17.X.1954] 'Продолжая делать заявление от имени прессы, он сказал, что...', *həttliṭi sūcnā iō jāncdiā* [D] 'судя по имеющимся сведениям'; такое деепричастие, образованное от глагола *hoṛā* 'быть' в сочетании с частицей *vī*, может иметь уступительное значение 'несмотря на', например: *pər drāmā likhəṇ dī khāḥiṣ hundiā vī mē is nū likhəṇ dī dāleṭi nəḥi sā kər səkkiā* [Na¹, 3] 'Но несмотря на желание написать драму (букв. но желание написать драму существую), я не решился это сделать'. Для выражения результативно-комплетивного вида деепричастием к нему добавляется частица *sār* 'как только', 'лишь', 'едва' или частица *hī* в этом же значении, например: *āp rəṛḥdiā sār iāṛ ho pəe* [Bs, 15] 'Прочитав [телеграмму], он приготовился [в путь]', *te enue nū rūp ā gəṭi te āundiā hī us mənū śabāṣ diti* [De, 12] 'А в это время подошла Рупь и, едва подойдя, меня похвалила';

б) причастие I, согласуясь с подлежащим в роде и числе, выступает в функции деепричастия и нередко редуцируется, напри-

мер: *σ istīā, səl kārđā kārđā utthe pəhuncā* [Cm] 'Совершая путешествие, те женщины прибыли туда', *mere dost səl kārde kārde mere ghər ā gəe* [Cm] 'Совершая путешествие, мои друзья прибыли ко мне', *āundī hī sāho sāh hoī kərəm siggh dā modhā hālūndī hē* [Na¹, 107] 'Едва войдя, она, запыхавшись, трясет за плечо Карам Сингха';

в) причастие I, принимая окончание -e (наличествующее в неноминативных падежах мужского рода единственного числа или в номинативном мужского рода множественного числа), используется как деепричастие, не согласуясь и не изменяясь. Такую форму, как мы выяснили, некоторые образованные панджабцы считают слишком просторечной и не совсем нормативной, но, поскольку она все же используется и тем более имеет неизменяемую форму, что типично для деепричастия, мы ее приводим. Эти примеры довольно часто встречаются в грамматике Ньютона. Некоторые из них мы и воспроизводим: *ikk kuṛī gāunde cəllī jāndī hē* [Nw, 256] 'Девушка идет напевая', *suṇde sār hī rāṇī murchā khā ḍiggī* [Nw, 178] 'Едва услышав это, королева потеряла сознание и рухнула наземь';

б) причастие II в функции деепричастия (включая и деепричастия причастного происхождения). Здесь наблюдается также несколько случаев:

а) деепричастие, восходящее к форме мужского рода множественного числа причастия II в неноминативных падежах (кроме винительного синтетического) с аффиксом -iā. Эту неизменяемую форму причастного происхождения также можно рассматривать как разновидность морфологизованного деепричастия, например: *āṇe rozāṇā kəmtā iō chutṭ vərzəṣ vī mē vāss kītiā kāde khunjhāi nāhī* [Gb³, 23] 'Начав заниматься физзарядкой, я ее так же регулярно делал, как и свою ежедневную работу', *iākrūr kārən ləggīā* [C] 'начав произносить речь', *bohut likhiā hāth pīt kārā hē* [D] 'Когда много пишешь (букв. много написав), болит рука';

б) причастие II, согласуясь с подлежащим в роде и числе, выступает в функции деепричастия, например: *ikk muṇḍā beṭhā gā rihā sī* [D] 'Мальчик пел сидя (букв. усевшись)', *ikk kuṛī beṭhī gā rāhī sī* [D] 'Девушка пела сидя', *cār mard beṭhe gā rāhe sən* [D] 'Четверо мужчин пели сидя', *kuṛīā beṭhīā gā rāhīā sən* [D] 'Девушки пели сидя', *kujh din hoe onā ne sāñjhā elān jārī kītā* [AP, 2.1.1956] 'Несколько дней тому назад (букв. несколько дней исполнившись) они сделали совместное заявление'.

В одном предложении иногда можно встретить сразу две какие-либо разновидности деепричастия из шести приведенных, как, например: *əglī rutte us ne dukān dī nōkṛī chadd ke birminggham yūnīwərsiṭi vicc jā pəvəs kītā* [Se¹, 22] 'На следующий сезон, оставив службу в магазине, он отправился (букв. отправившись) в Бирмингемский университет и поступил в него', *suṇde sār hī rāṇī murchā khā diggī* [Nw, 178] 'Едва услышав [это], королева потеряла сознание (букв. потеряв сознание) и упала'.

Самыми распространенными разновидностями являются вторая (с формантом *ke*) и образованная от причастия I с аффиксом *-iā*, т.е. морфологизованные разновидности.

Грамматические признаки деепричастия сводятся к следующему.

1. По своей функции в самом широком смысле деепричастие является действием-обстоятельством, реализуемым в следующих разновидностях:

а) действию—обстоятельстве образа действия: *oṇe āpṇe lekḥā duārā jāgritī pēdā kərke āpṇe deś ate māṇav jātī dī sewā kītī* [Am, 267] 'Он служил родине и человечеству, пробуждая своими трудами сознание', *rāghav kaddam kəndh nāl dho lāy sō rihā st* [Sk, 57] 'Прислонившись к стенке, Рагхав Кадам спал', *o' kəpṇe utārī beṭhā hē* [Nw, 181] 'Он сидит, сняв одежду', *us ne pṛeś de nā ikk biāṇ jārī kərdaṭṭ kihā hē ke...* [AP, 17.X.1954] 'Продолжая делать заявление от имени прессы, он сказал, что...';

б) действию—обстоятельстве причины: *thəkk ke əsī sārē ghāh te leṭ gəe* [Am, 38] 'Устав, мы все легли на траву', *rāṇī murchā khā diggī* [Nw, 178] 'Потеряв сознание, королева упала';

в) действию—обстоятельству времени. В этой функции деепричастие выражает действие, предшествующее действию, выражаемому сказуемым: *khāṇā khā ke o' bāhr callā giā* [Am, 38] 'Поев, он вышел на улицу', *te āundiā hī us mēṇū śābās diti* [De, 12] 'и едва подойдя, она меня похвалила', *kəṭ din hoe o' vāpəs ā giā* [C] 'Через несколько дней (букв. несколько дней исполнившись) он вернулся';

г) действию—обстоятельству уступки: *pər drāmā likḥaṇ dī khāhiś hundiā vī mē is nū likḥaṇ dī dalerī nḥī sā kər sakkīā* [Na¹, 3] 'Но несмотря на желание написать драму (букв. но желание написать драму существуя), я не мог решиться это сделать', *pər haṭṭh kośās kīlā vī vicce hī giḍḍiā rihā* [Gb³, 16] 'Но несмотря на попытку, рука (букв. но рука даже сделав попытку) осталась внутри'.

2. Деепричастие от переходного глагола может иметь прямое

дополнение: *moḍhe nāl moḍhā joṛ* [D] 'плечом к плечу' (букв. 'сомкнув плечо с плечом'), *kəmm mukā ke* [Am, 38] 'окончив работу', *kəṭ mən bhār nū cukkī* [Sk, 57] 'подняв груз в несколько манов'.

3. Деепричастие обладает способностью иметь косвенное дополнение: *āṛpe āṛ tō e' pucchdiā ke...* [D] 'задавая себе этот вопрос, что...' (букв. 'спрашивая от себя, что...'); *dost nū kitāb de ke* [C] 'отдав книгу другу'.

4. Деепричастие может иметь при себе обстоятельство, выраженное наречием или существительным в основном обстоятельном падеже, а также аблативе, например: *edhər ā ke* [C] 'придя сюда', *ghər jā ke* [Gb⁴, 52] 'придя домой', *pākistānō edhər ā* [PL, XII.1954, 32] 'прибыв сюда из Пакистана'.

5. Оно может изменяться в пределах действительного и побудительного залогов, например: *kər ke* 'сделав' — *kəṛā ke* (*kəṛvā ke*) 'сделав через кого-то', 'заставив сделать', *bəṛā ke* 'построив' — *bəṛvā ke* 'построив через кого-то', 'заставив строить'. Сентенсные примеры на побудительный залог: *thekeḍār kəmm kəṛvā ke callā giā* [D] 'Исполнив (через кого-то) работу, подрядчик уехал', *o'məkhān bəṛvā ke āṛpe puttr nū de giā* [D] 'Построив (через кого-то) дом, он передал его сыну'.

6. Деепричастию свойственна способность изменяться по некоторым категориям вида. Так, существуют аналитические словоформы вида состояния, имеющие несколько разновидностей:

а) первая разновидность образуется из деепричастия типа 5а знаменательного глагола (компонента) или основного компонента глагольной части составной глагольно-именной формы и причастия II, обладающего формой мужского рода множественного числа в неноминативных падежах от служебного глагола (компонента) *hoṇā* 'быть' (форма *hoṇā*); передающего вид состояния, например: *bādśāh ne siāṇar tō kəmm lēndiā hoṇā hukəm jāṛ ditta* [Sew, 12] 'Поступая благоразумно, падишах издал приказ', *pər pəṛḍət jī ne gurīā lēn tō inkār kərdiā hoṇā kihā...* [Jh, 25] 'Но отказываясь от денег, пандит сказал...';

б) вторая разновидность образуется из деепричастия типа 5в знаменательного глагола (компонента) и причастия II, имеющего форму мужского рода единственного числа неноминативных падежей от служебного глагола (компонента) *hoṇā* (форма *hoe*), например: *bībī jī... mēnū jhirkde hoe kihā kəṛde sən* [De, 12] 'Мама, упре-

кая меня, бывало, говорила...', *ikk hor vigtānək ne ōnū šardhānjli bheṇṭ kārde hoe ākhīā ke...* [Am, 258] 'Еще один ученый, отдавая ей свой последний долг, сказал...';

в) третья разновидность образуется из деепричастия типа 5б знаменательного глагола (компонента), согласующегося с подлежащим, и причастия II, также согласующегося с подлежащим, от глагола *hoṇā* 'быть', например: *bālək gālī viccō laṅgghdā hoṇā kārā h de kārkhāne nū tur rēndā* [Am, 251] 'Проходя по улице, мальчик направлялся к предприятию хлопчатобумажных тканей';

г) четвертая разновидность образуется из деепричастия типа 6б знаменательного глагола (компонента), согласующегося с подлежащим, и причастия II, также согласующегося с подлежащим, от глагола *reḷā* 'находиться', например: *mē dōṛiā piā āundā ā jī* [1, 3] 'Я бегу, госпожа' (букв. 'Яиду, совершая бег').

7. С точки зрения очередности совершения действия отношения между действием, выраженным деепричастием, и действием, выраженным сказуемым, выглядят так:

Действие, выраженное деепричастием типа I, обычно предшествует таковому, выраженному сказуемым (примеры чего см. в соответствующем разделе).

Действие, выраженное деепричастием типа 2, чаще предшествует таковому сказуемого, но примеры параллельного действия встречаются также, что уже иллюстрировалось в разделе о данном деепричастии (типа 2). Здесь мы приводим еще два примера: *is həkīkət nū mukkh rəkkh ke cāhīdā e' hē ke...* [KL, I.1960, 5] 'Принимая во внимание этот факт, необходимо, чтобы...'; *nəwā zəṭānā e' usesa nəmbər peš kərke āṛpe pāthəḱā dīā khuštā vicc šrīk ho riḱā hē* [NZ, I.X.1962, 1] 'Предлагая этот специальный номер, «Нава» замана» присоединяется сегодня к радости своих читателей'.

Действие, выраженное деепричастием типа 3, обычно предшествует таковому сказуемого (см. раздел о данном типе деепричастия).

То же самое происходит с деепричастием типа 4.

Деепричастие типа 5а, как правило, выражает действие, параллельное таковому сказуемого. При необходимости изменить его действие на предшествующее к нему присоединяется частица *zār* или *hī*, либо та и другая вместе (о чем см. соответствующий раздел).

Деепричастие типа 5в ведет себя аналогично деепричастию типа 5а.

Деепричастие типа 5б, как правило, выражает действие, парал-

тельное таковому сказуемого. Но при добавлении частиц действие становится результитивно-комплетивным.

Деепричастия типов 6а и 6б могут выражать как действия, предшествующие действию, выраженному сказуемым, так и параллельные.

Примечательно, что деепричастие, имеющее вид состояния, преимущественно обозначает состояние субъекта в момент совершения действия, передаваемого сказуемым (см. примеры на деепричастие вида состояния). Поэтому действие, выраженное такой формой, во временном плане параллельно действию сказуемого.

Чаще всего действие, эксплицируемое деепричастием, совершается, как и действие, названное сказуемым, лицом или предметом, выраженным подлежащим. Однако в панджаби существует конструкция, подобная английской *nominative absolute construction* (абсолютной номинативной конструкции), в которой действие, выраженное неличной глагольной формой, совершается одним субъектом, а действие сказуемого — другим субъектом, как, например: *The day being very cold, we decided to stay indoors* 'Поскольку день был очень холодным, мы решили остаться дома' (букв. 'День будучи очень холодным, мы решили остаться дома'). Приведем примеры из панджаби: *pār drāmā likhṇ dī khāhiś hundiā vī mē is nū likhṇ dī dālēr nāhī sā kār sakkīā* [Na¹, 37] 'Но несмотря на желание написать драму (букв. но желание написать драму существуя), я не мог решиться это сделать', *asī din cārhde hī turānge* [Nw, 297] 'Мы отправимся на рассвете' (букв. 'День едва возникнув, мы отправимся').

В панджаби можно встретить либо повтор деепричастия — разновидности ИГФ, либо сочетание этого деепричастия с деепричастием типа 2. Такой повтор или сочетание обычно обозначает непрерывность или интенсивность действия, например: *mē soc soc sārā din bitāiā* [C] 'Я провел в раздумьях целый день' (букв. 'Думая, думая, провел целый день'), *kākā cīk cīk ke andār ā giā* [C] 'Громко крича, малыш вошел в комнату'.

Повторы второй разновидности часто адвербиализуются, обретая общее значение «сильно», «интенсивно»; как, например: *ret nū ghutt ghutt ke nappdā giā* [De, 11] 'Сильно прессовал песок' (букв. 'прессуя, прессуя'), *kutī māg māg ke ro rāhī hē* [C] 'Девочка горько плачет'.

Нам встретился пример, где сочетается деепричастие — разновидность ИГФ от глагола *dābbṇā* 'давить' (т.е. *dābb*) с дееприча-

ствием типа 2 от глагола *dəbāṇā* 'давить' (т.е. *dəbā ke*). Это сочетание также адвербиализовано: *onā mere vālā nū dəbb dəbā ke kḥohiā te māriā vī* [De, 14] 'Она сильно (букв. давя, давя) тащила меня за волосы и избивала'.

Деепричастие может конверсироваться в послелог (об этом подробно см. раздел «Послелог»).

Неличные аналитические видо-залоговые формы

Как нам удалось установить, в панджаби существует ряд аналитических форм, которые не только входят в состав аналитических сказуемых (они могут входить в состав аналитических сказуемых и в видоизмененной форме), но и употребляются как самостоятельные члены предложения в качестве препозитивного определения или же в функции деепричастия. Поэтому они стоят в одном ряду с такими неличными формами, как причастия и ГМП, и, таким образом, должны быть включены в систему неличных форм. К таким формам относятся:

1) аналитическая форма конкретно-процессного вида действительного залога, состоящая из ИГФ – знаменательного компонента и модификатора конкретно-процессного вида, представляющего собой причастие II от глагола *rəhiṇā* 'продолжаться', изменяющееся по родам и числам, например: *us vicc ho rəhiā tədbiliā* [NZ, I.X.1962, 17] 'возникающие в нем изменения', *tālā vicc tər rihā mīṇḍā* [Tr] 'Мальчик, плавающий в пруду', *koī buḍḍhī gijre jā rəhī ləṅgghdī hē* [D] 'Какая-то старуха идет (букв. идя, проходит) в церковь' (функция деепричастия);

2) аналитическая форма конкретно-процессного вида страдательного залога, включающая причастие II знаменательного глагола (компонента), изменяющееся по родам и числам, залоговый модификатор, представляющий собой ИГФ от глагола *jāṇā* 'идти', и модификатор конкретно-процессного вида, изменяющийся по родам и числам, например: *varte jā rəhe sāntifik śəbd* [NZ, I.X.1962, 10] 'сейчас используемые научные слова', *bhārət vicc bolīā jā rəhiā āriāt bhāṣawā* [Ar², 27] 'арийские языки, на которых сейчас говорят в Индии' (букв. 'сейчас говоримые в Индии арийские языки');

3) аналитическая форма обычного несовершенного вида страдательного залога, состоящая из причастия II – знаменательного компонента, изменяющегося по родам и числам, и залогово-видово-

го модификатора, представляющего собой изменяемое по родам и числам причастие I от глагола *jāṇā* 'идти', например: *bhārat vīcc bolīā jāndīā bhāṣawā* [Ar², 1] 'Языки, на которых говорят в Индии' (букв. 'говоримые в Индии языки'), *viākkarāṇ de nem sāṅglā vīcc jātī jāndī bolī* [C] 'Язык, заковываемый в цепи грамматических правил';

4) аналитическая форма результативно-комплетивного вида страдательного залога, состоящая из причастия II — знаменательного компонента, изменяющегося по родам и числам, и залогового модификатора, представляющего собой изменяемое по родам и числам причастие II от глагола *jāṇā* 'идти', например: *āṇe des vālō sukkiā giā kḍam* [D] 'Шаг, сделанный нашей страной' (букв. 'сделанный страной шаг'), *mā vālō dītī gāy dhārmak vidīā* [Sew, 10] 'Религиозное образование, которое дала мать' (букв. 'данное матерью образование');

5) аналитическая форма вида развития действия, состоящая из ИГФ глагола (знаменательного компонента) с аффиксом -ī и инфинитива от глагола *jāṇā*, являющегося модификатором данного вида. Инфинитив может использоваться в разных падежах. Мы обнаружили даже две словарные формы. Приведем примеры: *bākvās kātī jāṇā, āggō bolī jāṇā* [Mr, 144] 'продолжать болтать', 'продолжать говорить', *gallā kātī jāṇ dā kī fāidā hē?* [C] 'Что за польза подерживать разговор?', *enī mātī jāṇ dā kī fāidā hē?* [D] 'Какая польза продолжать так бесполезно умирать?'. Эта аналитическая форма с инфинитивом от *jāṇā* представляет собой общую форму вида развития действия, которая в составе сказуемых реализуется по-разному: в изъявительном наклонении настоящего и прошедшего времени вместо инфинитива выступает причастие I, а в будущем — форма будущего времени, в императиве — форма императива и т.д.

Личные формы

К личным относятся все синтетические формы, имеющие личные (предикативные или финитные) показатели, форма прошедшего времени, омонимичная причастию II, но входящая в систему личных форм, аналитические словоформы, включающие одну или несколько неличных форм плюс финитную форму глагола *hoṇā* 'быть', выражающую категории лица, времени, наклонения и числа, некоторые аналитические словоформы, не включающие финитных форм глагола *hoṇā*.

Следует также учесть, что некоторые неличные формы (например, ГМП, инфинитив, причастие I) могут иногда выступать в качестве самостоятельного сказуемого, не выражая категорий лица, времени и наклонения (последнее иногда эксплицируется). В такой функции эти формы также входят в систему личных форм глагола.

Финитную форму глагола *hōḍā* 'быть', выступающую в разных временах в составе аналитических форм в качестве показателя лица, времени, наклонения (а также числа), т.е. категорий предикативности, мы называли модификатором финитности. Для этого модификатора особенно важны первые три категории (лица, времени и наклонения), поскольку в большинстве случаев категория числа (а также рода) выражается другими (неличными) компонентами аналитических словоформ. Вместо модификатора финитности в настоящем времени могут выступать его эквиваленты (отрицательная частица или другие частицы, имеющие нулевой показатель финитности).

Через категорию лица, выражаемую личными формами глагола, выясняется отношение субъекта действия и самого действия к лицу, ведущему речь. Если речь ведет субъект действия, то глагольная форма имеет 1-е лицо, если же субъект — лицо, к которому обращаются с речью, то такая форма выступает во 2-м лице, если же субъект действия не участвует в процессе речи, то форма обладает показателем 3-го лица.

Личным формам глагола также присущи категории времени и наклонения.

Категория времени выражает отношение глагольного действия к моменту речи; для глагола панджаби засвидетельствованы три времени: настоящее, прошедшее и будущее.

Категория наклонения передает отношение глагольного действия к действительности. В панджаби наличествует несколько наклонений (см. раздел «Категория наклонения»).

Как известно, категории лица, времени и наклонения вместе выражают предикативность. Лишь в изъявительном, допустительном и потенциальном наклонениях наблюдается дифференциация форм по временам.

Анализ личных форм глагола мы начнем с изъявительного наклонения, в пределах которого мы рассмотрим их временные разновидности. Категория каждого времени представлена своим набором видов действия (разновидностями форм категории вида действия).

Разбор видов каждого времени в той или иной степени отличается от разбора видов других времен. Однако большинство видов каждого времени идентичны. После этого будут рассмотрены другие наклонения и лишь затем иные грамматические категории личных форм.

Изъявительное наклонение

Совершенно справедливо исследователи-лингвисты называют изъявительное наклонение нулевой грамматической категорией, поскольку она не имеет своего специфического показателя. Формы глагола в изъявительном наклонении выражают реальное действие (утвердительное или отрицательное) в одном из времен.

Настоящее время

Формы настоящего времени выражают действие, связанное с моментом речи в настоящем времени в самом широком смысле: оно может происходить непосредственно в момент речи, либо же развиваться вокруг него, предшествуя ему и следуя за ним, причем период предшествования или следования может быть самой различной протяженности, либо, наконец, действие может захватывать момент речи и какой-то промежуток будущего.

Сначала следует рассмотреть финитные формы настоящего времени глагола *hoṛā* 'быть', 'существовать', входящего в аналитические личные словоформы в качестве модификатора финитности.

Лицо	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е	<i>hā</i>	<i>hā</i>
2-е	<i>hē</i>	<i>ho</i>
3-е	<i>he</i>	<i>hən (ne)</i>

Если действие отрицательное, то отрицательная частица *ne hē* или *ne* заменяет финитную форму глагола *hoṛā* и таким образом является эквивалентом модификатора финитности, неизменным во всех лицах и числах. Использование другого эквивалента финитной формы глагола *hoṛā* — частицы *ne* — всегда ограничено 3-м лицом множественного числа.

Глагольные формы настоящего времени панджаби могут быть синтетическими и аналитическими и имеют разновидности, основанные на категориях вида. В настоящем времени изъявительного наклонения нами зафиксированы виды, приводимые ниже.

Обычный несовершенный вид. В целом этот вид выражает незавершенное действие самого общего характера (без какой-

либо особой специфики), протекающее в настоящем времени. Чаще всего это обычное или повторяемое действие.

Мы выявили четыре варианта форм данного вида.

1. Первый вариант базируется на аналитических формах, состоящих из знаменательного компонента, представленного причастием I, и служебного, являющегося формой глагола *horā* 'быть' настоящего времени. Последняя — модификатор финитности. Однако знаменательный компонент не только несет семантическую нагрузку, но и выполняет часть грамматических функций: выражает переходность или непереходность, действительный или побудительный залог, род, число. Форма же глагола *horā* эксплицирует лицо, время, наклонение (основные модифицирующие категории), а также число. Следовательно, совпадая в выражении одной категории (числа), оба компонента аналитической словоформы в отношении других признаков дополняют друг друга, распределяя между собой грамматические и семантические нагрузки. Специального модификатора (основного показателя) вида данная видовая разновидность форм не имеет, и пометой вида служит лишь все сочетание. Здесь следует сказать, что другие виды тоже идентифицируются по всему сочетанию форм, но, кроме того, у большинства их среди компонентов есть еще и специальный модификатор вида (а иногда и два: основной и второй). Мы также сочли целесообразным выделять модификаторы для аналитических форм и других категорий (напримеч, наклонений, залогов и др.).

Нами зафиксированы следующие разновидности первого варианта анализируемого вида:

1) действие или состояние, связанное с промежутком настоящего времени, включающим период до момента речи, момент речи и период после момента речи: *kəṭ pərde dāṭā gəllā hundīā hən* [Am, 123] 'Существуют некоторые конфиденциальные дела' *asī sārē jānde hā ke bhākṛe ləṭ tuhānū kinnī zīdā həmdərdī hē* [Y, 5] 'Все мы знаем, как Вы сильно симпатизируете Бхакре', *oḍ duntā bhər dā dhiān khicc ləndā hē* [Y, 5] 'Это привлекает внимание всего мира' (в этом примере знаменательный компонент представлен ИГФ, а причастие I является модификатором интенсивности);

2) действие, связанное с неизменным процессом, затрагивающим прошлое, настоящее и будущее в широком плане, например: *sūrāj pūrāb iḍ nikkəldā hē* [Am, 17] 'Солнце восходит на Востоке', *musəlīmān kurān nū mānnde hən* [B, 86] 'Мусульмане веруют в дог-

мы Корана', *gulāb nū kəṇḍe hunde hən* [S, 45] 'У розы есть шипы';

3) регулярное действие, обусловленное установившейся практикой, привычкой, обычаем, традицией, распорядком. Такое действие распространяется на какой-либо период настоящего времени, не обязательно включающий момент речи. Примеры: *hər sāl həzārā lok bhakṛā vekhən āunde hən* [Y, 1] 'Каждый год тысячи людей приезжают в Бхакру, чтобы осмотреть ее', *mē dəs vājje skūl pəhuṇḍā hā* [Am, 17] 'Я прихожу в школу в 10 часов', *əstī dūjiā de kəmtā vicc dəkhal nāhī dende* [Am, 18] 'Мы не вмешиваемся в дела других', *kṛ o' hār roz vərzəṣ kərde hən?* [Am, 18] 'Они делают зарядку ежедневно?', *o'tāl siāhī nāl likhdā hē* [Am, 73] 'Он пишет красными чернилами', *mere sir pṛ hundi hē* [S, 356] 'У меня головные боли';

4) единичное незавершенное действие, происходящее в момент речи, но с меньшим акцентом на конкретность, процессность действия, чем в формах конкретно-процессного вида: *mē ēnā lekḥakā dā dilō dhənnvād kərdā hā* [NZ, 1.X.1962, 1] 'Я от всего сердца благодарю этих авторов', *mēnū bṛte din yād āunde hən jədd...* [Y, 1] 'Я вспоминаю прошедшие дни, когда...'. Глагольные формы, выражающие действие этой разновидности, часто используются авторами пьес в ремарках. Иногда они в момент речи включают и несколько действий, следующих друг за другом. Примеры: *is vele us dī vəḍḍī ləḥkī tāro əndər āundi hē* [Na¹, 10] 'Как раз в это время в комнату входит его старшая дочь', *do tinn vār kuṇḍā khəṛəkḍā hē* [Hc, 17] 'Несколько раз раздается лязганье щеколды', *ləḥkī utṭhdi hē te kuṇḍā kholhdi hē* [Hc, 17] 'Девушка встает и открывает щеколду', *hē nirmalā! nī tū keho jihā gollā kərdī ē?* [Hc, 17] 'В чем дело, Нирмала? Что ты говоришь?';

5) действие, распространяющееся на момент речи и на какой-то период, следующий за ним: *mē ās kərdā hā ke əḥk pāṭhəkā nū pəsənd əgā* [NZ, 1.X.1962, 1] 'Надеюсь, что [этот] номер понравится читателям';

6) постоянное действие, преимущественно включающее момент речи: *usde pitā jī əte usdī dādī jī dillī rəhinde hən* [S, 31] 'Его отец и бабушка проживают в Дели'.

2. Второй вариант (менее распространенный) базируется на синтетических формах, омонимичных формам сослагательного наклонения. Они чаще всего выражают обычное, повторяющееся действие или состояние, связанное с промежутком настоящего времени, включающим какой-либо период до момента речи, период после момента

речи, а иногда и момент речи. Такая форма выступает либо как самостоятельное сказуемое, либо как связка именного сказуемого. Примеры: *meññ is gall dī pərvāh nāhī jo dīdār sīhu sāde nā āwe* [Se², 66] 'Меня не волнует, что Дидар Сингх к нам не приходит', *tustī kəwītā kis hālət vicc tē kədd' likhde ho? - jədd' mē bəhut dukhī howā, uprām howā* [Se¹, 60] 'В каком состоянии и когда Вы пишете стихи? - Когда очень огорчен, опечален', *o'nā bhullā jānīte jo śamī ghār āwe* [Mh, 336] 'Мы не считаем того заблудившимся, кто вечером приходит домой', *āho putt āppā mən cəggā howe tā kīse dī kī mājāl* € [Se¹, 76] 'Да, сынок, того, у кого душа хорошая, кто осмелится обидеть?'. Во втором и четвертом примерах анализируемые формы - связки сказуемого, а в первом и третьем - самостоятельные сказуемые.

Примечательно, что эти же формы могут выражать многократный вид в прошедшем времени (см. раздел «Прошедшее время»). Примеров для многократного вида в настоящем времени выявить не удалось. К тому же образованные панджабцы утверждают, что этого и не может быть.

3. Третий вариант (также менее распространенный, чем первый) обычного несовершенного вида базируется на формах, омонимичных формам первого варианта будущего времени (куда входят суффиксы со звуком /ə/). Чаще всего формы данного вида выражают какое-либо предписанное действие, совершаемое в период настоящего времени, включающий промежуток до момента речи, после него и иногда момент речи. Примеры: *hər somvār pustakālīā bənd gəhegā* [Надпись у входа в библиотеку гурдуары г. Нангала в 1966 г., находящейся на Lake View Road] 'Каждый понедельник библиотека закрыта', *e'dəstār roz khullhegā* [D] 'Это учреждение работает ежедневно', *is məkān nū bəndīp dā kəmm hār dūje dīn hoegā* [D] 'Строительство этого здания ведется через день'.

В первом предложении рассматриваемая форма - связка в составе именного сказуемого (вернее глагольно-именного), а в двух остальных - самостоятельное сказуемое.

Как мы обнаружили, действие может носить даже неукоснительный характер (предписанный, например, какими-либо правилами). Вот ряд примеров из правил регистрации иностранцев в Индии, введенных еще в 1939 г. (*Videśīā dī rəjistrəṣən səmbandhī niyām*, 1939 или *The Registration of Foreigners Rules*, 1939): *jədd' tək kē o'sēlāntī nā howe o'bhārət tō jān vėlē āppā rəjistrəṣən sərṭīfīket us zile de rə-*

jistreṣan aṣar peṣ karegā jitthe usdā rājistar śudā pātā he aṭe us tō tāsṭk ləwegā ke rāwāṅgī rapoṭ de ditti gāt he aṭe is tərḥā tāsṭk hoīā sərṭifikeṭ us thā de rājistreṣan aṣar nū dewegā jitthō... 'Если он не турист, то при отъезде из Индии он предъявляет свой регистрационный сертификат чиновнику регистрации того района, на территории которого находится его зарегистрированный адрес, получает от последнего отметку с подтверждением того, что заявление об отъезде сделано, и предъявляет этот сертификат с отметкой чиновнику регистрации того пункта, откуда...'

Иногда действие может быть не предписанным, а лишь выражать повторение или какое-то постоянное качество, как, например: *jehrā ādmī mihnāt karegā, o' hī sukh rāegā* [Мн, 360] 'Только тот человек бывает счастливым, который трудится'.

4. Четвертый вариант форм обычного несовершенного вида может быть выражен перфектной формой глагола, а точнее сочетанием причастия II — знаменательного компонента (который еще несет на себе грамматическую нагрузку модификатора числа и рода) и личной формы глагола *hoṇā* 'быть' — модификатора финитности. Модификатора вида здесь нет. Его роль играет сочетание данных компонентов аналитической словоформы, например: *oḍe nāl gəllā kərən dā suād mē sādā liā he* [Gb³, 23] 'Я всегда наслаждаюсь [...], беседуя с ним'.

Конкретно-процессный вид (общий вариант). Формы этого вида выражают идею нахождения субъекта действия в состоянии процесса действия в настоящем времени и делают акцент на конкретности действия. Поэтому данный вид целесообразно назвать конкретно-процессным. Формы его образуются из аналитической неличной формы конкретно-процессного вида действительного залога и модификатора финитности, представляющего собой одну из личных форм настоящего времени глагола *hoṇā* 'быть'. Таким образом, личная аналитическая форма конкретно-процессного вида настоящего времени состоит из следующих компонентов: ИГФ — знаменательного компонента, причастия II от глагола *rəhiṇā* 'длиться' — модификатора конкретно-процессного вида и модификатора финитности. Рассматриваемый вид часто выражает конкретное действие, протекающее в момент речи: *ləṛke hākī khed rəhe hən* [Am, 24] 'Мальчики играют в хоккей', *mənū ībər sir pīt hō rəhī he* [S, 356] 'У меня сильно болит голова', *zəpānīā keō ro rəhīā hən?* [Am, 24] 'Почему плачут женщины?'

Иногда формы данного вида могут передавать действие более широкого плана, распространяющееся на какой-либо период до момента речи и на сам момент речи. Однако акцент на конкретности процесса не снижается: *kəṭ dīnā iō ləgātār bərkhā ho rəhṭ hē* [Am, 113] 'Дождь идет непрерывно несколько дней', *huṇ əṣṭi is rāh utte rē rāhe hā* [D] 'Сейчас мы становимся на этот путь'.

Необходимо учитывать, что, как уже указывалось, действие, совершающееся в момент речи, может быть передано формами обычного несовершенного вида. Однако такие формы обращают внимание не на конкретность процесса действия и его протекание, а лишь на факт наличия этого действия в общем плане в данный момент.

Ряд примеров, приводимых Ньютоном, и их трансформ, полученных нами при работе с носителями [Tr], наталкивает на мысль, что в панджаби для глаголов движения существует и второй вариант конкретно-процессного вида, представленный двумя моделями: моделью А и моделью Б.

Как утверждают образованные панджабцы, эти формы (т.е. второй вариант конкретно-процессного вида) очень конкретны (т.е. конкретнее первого, общего варианта), поскольку, как правило, говорящий либо видит субъекта действия и само действие, либо, если он сам субъект действия, то указывает непосредственно на свое конкретное действие в момент его совершения.

Модель А – аналитическая форма глагола, состоящая в настоящем времени из причастия II – знаменательного компонента, изменяющегося по родам и числам, модификатора вида – причастия I от глагола *jānā* 'идти', подвергающегося тем же изменениям, и модификатора финитности – формы глагола *horā* 'быть' в настоящем времени. Модель А можно назвать «лжепассивной» формой, поскольку по составу компонентов она совпадает с первым вариантом пассива, но все дело в том, что вместо причастия II переходного глагола здесь наличествует причастие II непереходного. Данная модель чаще используется в случае, если движение, передаваемое формой глагола, подразумевает удаление. Примеры: *o' vāgiā jāndā hē* [Nw, 252] 'Он убегает' (в данный момент), *kuṛi vāgi jāndī hē* [Tr] 'Девушка убегает', *muṇḍe vāge jānde ne* (или *hən*) [Tr] 'Мальчики убегают', *kuṛiā vāgiā jāndiā hən* 'Девушки убегают', *o' muṛiā jāndā hē* [Nw, 252] 'Он возвращается', *mē muṛiā jāndā hā* [Tr] 'Я возвращаюсь', *mē muṛi jāndī hā* [Tr] 'Я возвращаюсь' (о женщине), *iū muṛiā jāndā hē* [Tr] 'Ты возвращаешься', *iū muṛi jāndī hē* [Tr]

‘Ты возвращаешься’ (о женщине), *ʔsĩ mure jānde hā* [Tr] ‘Мы возвращаемся’, *ʔsĩ muŋā jāndiā hā* [Tr] ‘Мы возвращаемся’ (о женщинах).

Модель Б — аналитическая форма глагола, состоящая в настоящем времени из причастия II — знаменательного компонента, изменяющегося по родам и числам, причастия I от глагола *āuŋā* ‘приходить’, подвергающегося тем же изменениям, и модификатора финитности — формы глагола *hoŋā* ‘быть’ в настоящем времени. Данная модель используется, если движение, передаваемое формой глагола, подразумевает приближение, например: *o' vāgiā āundā hē* [Nw, 252] ‘Он бежит’ (приближается), *kuŋi vāgi āundi hē* [Tr] ‘Девушка бежит’ (приближается), *muŋde vāge āunde hən* [Tr] ‘Мальчики бегут’, *kuŋiā vāgiā āundiā hən* [Tr] ‘Девушки бегут’, *mē vāgiā āundā hā* [Tr] ‘Я бегу’ и т.д.

Постоянно-протяженный вид. Формы этого вида могут выражать либо протяженность действия во времени, либо его постоянство, регулярность (и тогда они сближаются по значению с регулярным видом и третьей разновидностью обычного несовершенного вида), либо же и то и другое вместе. Поэтому данный вид мы называли постоянно-протяженным видом. Термин «протяженность» не обязательно всегда подразумевает большую длительность во времени: действие может продолжаться в течение нескольких минут, но суть в том, что оно и в таких случаях не перестает выражать значение протяженности.

Идея протяженности, выражаемая формами этого вида, подтверждается не только коммуникативным содержанием предложений, в которых они используются, но и частым наличием указанных ниже обстоятельств, которые мы выбрали из разных примеров для данного вида во всех временах: *bohutā cir* или *kitnī der tō* ‘долго’, ‘длительное время’, *sāŋi rāt* ‘всю ночь’, *sāŋā din* или *din bhər* ‘весь день’, *linn vərhiā tō* ‘в течение трех лет’, *linn mēhīne tō* ‘в течение трех месяцев’, *kāt sālā tō* ‘в течение нескольких лет’, *dəs yārā sāl dī əwəsthā tək* ‘до 10-11 лет’ и др. Значение протяженности иногда может иметь оттенок «продолжать что-то делать».

А идея постоянства действия у форм этого же вида подтверждается не только коммуникативным содержанием предложений, в которых они встречаются, но и наличием таких обстоятельств, как: *hətešā* или *sədə* ‘всегда’, *hər vele* ‘все время’, ‘всегда’, *roz* ‘ежедневно’ и др.

Мы выявили четыре варианта форм постоянно-протяженного вида в настоящем времени (все аналитические).

1. Первый, самый распространенный, вариант образуется из изменяющегося по родам и числам причастия I — знаменательного компонента, изменяющегося причастия I от глагола *rəhiṇā* ‘продолжаться’, ‘пребывать’, использующегося как модификатор данного вида, и модификатора финитности — личной формы глагола *hoṇā* в настоящем времени. Вот примеры, где выражается лишь протяженность действия или где она выступает на первый план: *dunīā vāḍḍe aṭe nek mənukkh nū bərdāsāt nāhī kər sakkhī jəd takk de o'jindā rəhindā hē* [Sn, 155] ‘Свет не может выносить великого и хорошего человека, пока он живет’, *o'ghəṇṇī vājāundī rəhindī hē* [C7] ‘Она все звонит и звонит’, *billī miāundī rəhindī hē* [Cm7] ‘Кошка все мяукает и мяукает’, *dəktər rəñj ku miṇṭ rərde picche sattiā nū dekhī rəhindī hē* [Ta, 47] ‘Доктор осматривает Саттию за ширмой уже примерно пять минут’. Во втором и третьем предложениях формы данного варианта выражают довольно конкретное действие, приближающееся по значению к конкретно-процессному виду. Однако разница между двумя видами все же сохраняется, так как в рассматриваемых формах акцент делается на значении протяженности. Приведем примеры, где выражается лишь постоянство действия или где она выступает на первый план: *jəḍḍ utthe jāndā hē o' sādā rondā rəhindā hē* [Cm7] ‘Когда он туда ходит, то всегда плачет’, *o'apṇī tiwī nāl roz lərdā rəhindā hē* [Cm7] ‘Он ежедневно спорит со своей женой’.

2. Второй вариант форм данного вида образуется из причастия I — знаменательного компонента, причастия II от глагола *rəhiṇā* ‘продолжаться’ — модификатора данного вида — и личной формы глагола *hoṇā* в настоящем времени — модификатора финитности. Этот вариант чаще всего используется тогда, когда протяженность измеряется большим периодом времени (хотя и формы первого варианта ее также могут выражать), например: *o' tinn māhīne tō dāwāt khāndā rihā hē* [Am, 30] ‘Он пьет лекарство три месяца’, *asī tinn vārhīā tō jittde rəhe hā* [D] ‘Мы побеждаем в течение трех лет’ (в этих примерах значение протяженности выступает на первый план), *bhārət vicc sāmē sāmē te kāt kāmā bāhrō āundīā rəhiā hən* [Ar², 2] ‘Время от времени Индия подвергалась (букв. подвергается) нашествию иноземных народов’ (в этом примере на первом плане постоянство действия), *moṣī is būṭ nū kāt vārī murəmmət kərdā rihā*

hɛ /Am, 3Q7 'Сапожник ремонтирует эту обувь уже много раз' (значение протяженности и постоянства как бы уравнивают друг друга).

3. Третий вариант форм образуется из изменяющегося по родам и числам причастия I – знаменательного компонента, изменяющегося причастия II от глагола *āunā* 'приходить', использующегося как модификатор данного вида, и модификатора финитности – формы глагола *hoṇā* 'быть' в настоящем времени. В данном варианте в качестве модификатора вида выступает не причастие от глагола *rəhiṇā*, а причастие от глагола *āunā*. Этот вариант чаще используется тогда, когда речь ведется о более длительном периоде времени. Примеры: *jo rəbb itniā sadiā tō kerdā āyā hɛ...* [Sm, 139] 'То, что бог делает столько веков...', *σ kinṇā cir tō səkkhiā jerdā āyā hɛ* [D7] 'Он уже давно терпит жестокое обращение', *e'kəmm o' dəs sālā tō kerdī āy hɛ* [D7] 'Она выполняет эту работу уже 10 лет'.

4. Четвертый вариант форм образуется из изменяющегося по родам и числам причастия II – знаменательного компонента, изменяющегося причастия II от глагола *rəhiṇā* 'длиться', 'продолжаться', использующегося как модификатор данного вида, и модификатора финитности – формы глагола *hoṇā* 'быть' в настоящем времени. Данный вариант также встречается чаще тогда, когда речь идет о более длительном периоде времени. Примеры: *ārṇi mā dī sūrat tō bād səbh tō soḥṇi sūrat jihṇ meri pəhili səmbṭāl tō ləke əjj takk meriā əkkhā vicc səmāy rəhī hɛ o'ikk musəlmān kuṇi bərkəte dī sī* [Gb⁴, 50] 'Самым прекрасным лицом после лица моей матери было лицо мусульманской девушки Баркате, образ которого стоит перед моим взором с тех первых дней, когда я стал осознавать действительность, до настоящего времени', *e ləṭāi kəṭi sāl ləggī rəhī hɛ* [D7] 'Эта война длится несколько лет', *mē itthe bohutā cir leṭiā rihā hā* [D7] 'Я здесь долго лежу'.

Регулярный вид. Формы этого вида выражают регулярно повторяющееся действие в настоящем времени и в принципе совпадают по своему значению с третьей разновидностью обычного несовершенного вида (см. «Обычный несовершенный вид»). Различие состоит лишь в том, что формы рассматриваемого вида делают акцент на устойчивом, стабильном характере протекания действия. От анализируемого ниже многократного вида они отличаются этим же моментом и еще тем, что формы последнего преимущественно выражают часто или много раз повторяющееся действие (акцент на

его многократности), а формы регулярного могут подразумевать и изредка повторяющееся действие.

Мы выявили два варианта форм данного вида (оба аналитические).

1. Формы первого варианта образуются из причастия I – знаменательного компонента, причастия I от глагола *hoṇā* ‘быть’, ‘существовать’, являющегося модификатором регулярного вида, и финитных форм глагола *hoṇā* в настоящем времени (или их заместителей). Примеры: *e' kuṇā^ā roz kheḍḍiā^ā hundā^ā hən* [Cm] ‘Эти девочки играют ежедневно’, *e' buḍhā niti təkālī^ā ghumdā hundā hē* [Cm] ‘Этот пожилой человек постоянно прогуливается по вечерам’, *mē mere dost nū kədī^ā kədā^ā pustākāle vicc mildā hundā hā* [C] ‘Я изредка встречаю своего друга в библиотеке’, *bhāle ādmī, kṛtābā^ā vī kite tol ke vikḍiā^ā hundā^ā ne?* [Na¹, 73] ‘Милейший, неужели и книги продаются на вес?’.

2. Второй вариант форм образуется из причастия II – знаменательного компонента, причастия I от глагола *hoṇā* ‘быть’ – модификатора вида – и личной формы того же глагола в настоящем времени, являющейся модификатором финитности, например: *jiwē ānek arthe śabd kāt prācīn śabdā^ā de ikk rūp ho jāṇ kərke bāṇe hunde hən, owē hī...* [P, 22] ‘Как возникают многозначные слова из-за появления у нескольких древних слов одной формы, точно так же...’, *is ilāke vicc mākān ewē hī bāṇe hunde hən* [D] ‘В этом районе дома строят именно так’.

Многократный вид. Формы этого вида выражают многократное действие, часто или много раз повторяемое. Это действие может быть связано с привычкой, обыкновением и, следовательно, быть регулярным. Поэтому формы, указывающие на него, могут по значению сближаться с формами регулярного вида и с третьей разновидностью первого варианта обычного несовершенного вида. Но неизменной чертой форм анализируемого вида является акцент на многократности действия. Они образуются аналитически из герундия II – знаменательного компонента, чаще всего мужского рода единственного числа (изредка могут встречаться и корреляты герундия II в женском роде), причастия I от глагола *kəṇā* ‘делать’, являющегося модификатором данного вида, и финитной формы глагола *hoṇā* ‘быть’ в настоящем времени (или ее эквивалента), например: *mē hār hāste pustākāle jāyā kərdā hā* [C] ‘Я хожу в библиотеку раз в неделю’, *mere dost de māṭā pīā^ā roz o'de pāḥā^ā vicc dilcāspī liā*

kārde hən [C] 'Родители моего друга ежедневно интересуются его учебой', *nikhī moṭ kāsar kīse əgg vīcc jāre, tā mē āy gāy nāhī kārda* [Gb³, 23] 'Если кажется, что в организме возникает какой-то недуг, то я его не игнорирую', *gāndhī jī jese mānukkh māriā nāhī kārde* [Am, 263] 'Люди, подобные Ганди, не умирают' (многократное повторение в историческом плане).

Вид развития действия. Формы этого вида выражают идею развития действия и иногда могут иметь значение «продолжать что-то делать». Не случайно модификатор данного вида представляет собой форму глагола *jārā* 'идти', 'двигаться', 'развиваться' (не считая редких случаев, когда в качестве модификатора используется форма глагола *āurā* 'приходить', 'приближаться', тоже передающего идею развития). Анализируемый вид не обязательно и далеко не всегда выражает идею прогрессирования действия, его увеличения, возрастания темпа, как полагают некоторые ученые. Поэтому термины «глаголы длительно-прогрессивного вида» или «глаголы прогрессивного вида» неточны. Мы считаем возможным предложить термин «вид развития действия».

Формы этого вида имеют три варианта.

1. Первый вариант образуется из причастия I — знаменательного компонента, причастия I — модификатора вида, представляющего собой форму глагола *jārā* 'идти', 'двигаться', 'развиваться', и модификатора финитности — личной формы глагола *horā* 'быть' в настоящем времени (или ее эквивалента). Примеры: *sādī kālāt dīn-bə-dīn vīgərdī jāndī hē* [C] 'Наше положение изо дня в день ухудшается', *o' kitāb likhdā jāndā hē* [C] 'Он пишет книгу', *musāfer boldā jāndā hē* [D] 'Продолжает говорить отъезжающий...' (после прямой речи), *o' ākhdi jāndī hē...* [N] '...продолжает она' (букв. 'она продолжает говорить', также после прямой речи), *oḍī bimārī hār rog vādhdi jāndī hē* [C] 'Его болезнь прогрессирует с каждым днем'.

2. Второй вариант образуется из наращенной аффиксом *-ṭ* ИГФ глагола — знаменательного компонента, причастия I от глагола *jārā*, являющегося модификатором данного вида, и модификатора финитности — личной формы глагола *horā* в настоящем времени. Как свидетельствуют образованные панджабцы, второй вариант более типичен для разговорной речи, а первый — для письменной. Примеры: *jəgdīs bārī jəldī jəldī edhrō odhrō kātābā kəṭṭhīā kər kər ke gusse nāl trəṅk vīcc suttī jāndā hē* [Na¹, 60] 'Джагдиш очень быстро соби-

рает повсюду книги и гневно бросает их в чемодан', *kəpɾe sām̥bhdā hoīā nālo nāl is tər̥hā āpɾe āp vicc bolī jāndā* hɛ... [Na¹, 61] 'Собирая одежду, он (букв. одновременно) про себя говорит следующее...', *jəgdīs binā uttər dittiā bistrā bānnhī jāndā* hɛ [Na¹, 61] 'Не отвечая, Джагдиш увязывает постель', *o' svere tō pər̥hī jāndā* hɛ [C] 'Он читает с утра'. Формы данного варианта носят довольно конкретный и процессный характер и поэтому сближаются с формами конкретно-процессного вида. Даже возможны случаи параллельного употребления форм обоих видов в одном и том же предложении, как, например: *vədhɛrɛ kəpɾe nikəm̥me jā pātɛ hoɛ kər̥ke gusse nāl ikk nukre suṭṭī jāndā* hɛ *te jehɾa koī ikkā dukkā cəgɾɛr̥a* hɛ, *us nū viche hoɛ bistrɛ te suṭṭ rihā* hɛ [Na¹, 61] 'Большую часть одежды он гневно отбрасывает в угол из-за непригодности или изорванности, а если какая-либо вещь оказывается лучше, он бросает ее на постель'.

3. Третий вариант встречается редко и образуется в отличие от второго варианта на основе модификатора вида, представляющего собой форму глагола *āṇā* 'приближаться' (вместо формы глагола *jāṇā*), например: *gallā pətā nəhī kiṭhō kiṭhō nikklī āundīā hən* [Jw, 303] 'Неизвестно, откуда только берутся дела'.

Вид состояния. Формы этого вида выражают значение состояния, в котором находится субъект или объект после совершения определенного действия или после того, как действие началось. Рассматриваемый вид может базироваться и на эргативной конструкции.

Формы данного вида имеют несколько вариантов:

1. Первый вариант образуется из причастия II — знаменательного компонента, причастия II — модификатора вида, представляющего собой форму глагола *hoṇā* 'быть', 'существовать', 'находиться', и модификатора финитности — личной формы глагола *hoṇā* в настоящем времени (или ее эквивалента), например: *oṇī səkhi bukhār cəriā hoṇā* hɛ [Am, 52] 'У него сильная лихорадка', *tusā āpɾo āpnā bhār cukkiā hoṇā* hɛ [Gb⁵, 13-14] 'Вы сами несете свой груз', *ikk billī kursī thəlle beṭhī hoṇ* hɛ [Jw, 193] 'Кошка сидит под стулом', *ṁkəṭā khullhīā hoṇā hən* [S, 364] 'Кассы открыты', *bədlā nāl ākās ghiriā hoṇā* hɛ [S, 368] 'Небо покрыто облаками'. Данный вариант форм может иметь еще одну разновидность, характеризующуюся тем, что вместо причастия II — знаменательного компонен-

ты – используется ИГФ – знаменательный компонент с модификатором интенсивности в форме причастия II (от глагола *jāṇā* ‘идти’), например: *kujh cir tō e' spāṣṭ ho giā hoṃ hē ke...* [D] ‘Уже в течение некоторого времени становится ясным, что...’. Здесь глагол в виде состояния представляет собой аналитическую связку в именном сказуемом, первым компонентом которого является прилагательное *spāṣṭ* ‘ясный’.

2. Для второго варианта типично то, что вместо причастия II от глагола *hoṇā* в качестве модификатора вида выступает причастие II от глагола *reṇā* ‘находиться’, ‘происходить’, ‘иметь место’, например: *səḡkā utte choṭiā choṭiā sone dīā ḡaliā vichīā rāyā hən* [J, 8] ‘На улицах рассыпаны очень маленькие золотые слитки’ (из сказки), *e' mundrī meṭ ugḡal vicc phāssī rāy hē* [J, 35] ‘Это кольцо не снимается с пальца’ (букв. ‘Кольцо застряло на пальце’).

3. Глаголы, формы которых выступают как модификаторы вида состояния, могут сами выражать вид состояния (глаголы *hoṇā* ‘быть’ и *reṇā* ‘находиться’, ‘происходить’), используясь как знаменательный компонент или как компонент аналитической связки.

Для глагола *hoṇā* могут быть следующие случаи:

а) он имеет форму по типу варианта I, т.е. причастие II от этого глагола как основной компонент аналитической связки плюс то же причастие II как модификатор вида и плюс личная форма того же глагола *hoṇā* как модификатор финитности. Такие случаи редки, например: *bərkāte bəṭ lissī hoṃ hoṃ e* [Gb⁴, 54] ‘Баркате сильно похудела (букв. похудевшая есть)’;

б) глагол *hoṇā* выражает вид состояния двумя компонентами: причастием II (знаменательный компонент или основной компонент аналитической связки и одновременно как модификатор вида) и личной формой глагола *hoṇā* (модификатор финитности) или эквивалентом этой формы, например: *ēnā tō hṭ əjḡkəll dīā bhārū āriāt bhāṣawā dā vikās hoṃ hē* [Ar², 9] ‘Как раз из них развились современные индоарийские языки’, *o' jo aṣṭ śurū kītā hoṃ hē* [D] ‘То, что мы начали, продолжается и сейчас’, *kəṭ kitābā picchle sāl prākāṣat hoṃ hən* [NZ, 13.III.1962, 2] ‘Несколько книг издано в прошлом году’, *e' kəṭṭ huṇ təkḡ vṭ khəṭəm nəḡ hoṃ hē* [D] ‘Эта работа и сейчас не закончена’;

в) лишь причастие II от глагола *hoṇā*, выступая уже как личная форма (или как глагольная часть глагольно-именного сказуемого),

выражает вид состояния в настоящем времени, например: *frānsīstā dā bhārī nuksān hoyā* [AP, 17.X.1954] 'Французам причинен большой ущерб', *is kāl vicc pūrāb dī bolī nū vī sāhittik mahattā prāpāt hoū* [Ar², 17] 'В настоящее время язык восточных районов также приобрел литературную значимость', *o' kakkatte vāll rāwānā hoyā*. [Jw, 288] 'Он отправился (букв. есть отправившийся) в Калькутту'. Сюда же следует отнести фразу, которой заканчивают последние известия на панджаби дикторы радиостанций Джалландура и Дели: *huṇ rāñjābī vicc khābrā khātām hoū* 'Известия на панджаби окончены' (данная форма здесь входит в составное глагольно-именное сказуемое), *akāśvāntī tō khābrā khātām hoū* 'Известия, передаваемые станцией «Акашвани» (радио Дели), окончены».

Для глагола *rēṭā* могут быть следующие случаи:

а) он выступает как знаменательный компонент в форме причастия II, а модификатором вида служит причастие II от глагола *horā*. Третьим компонентом формы является модификатор финитности — личная форма глагола *horā*, например: *gufā de mūh āgge ikk bāṭā bhārī pāthār piā hoyā hē* [J, 37] 'Перед входом в пещеру находится очень тяжелый камень', *ājī tā bāṭī dhund rāū hoū hē* [S, 368] 'Сегодня очень туманно' (букв. 'Сегодня очень большой туман');

б) причастие II от глагола *rēṭā* выступает и как знаменательный компонент, и как модификатор вида, а форма глагола *horā* как модификатор финитности, например: *te kujh hor iha jihā nikkār suk-kār piā hē* [Na¹, 97] 'Здесь лежит еще кое-какая мелочь', *cupnī rāḍygh te rāū hē* [Gd, 63] 'Платок находится на кровати', *mē hālī jāwān jāhān hā, mere sāhmpē sārā jiwān rāū hē* [Gd, 66] 'Я еще молод, передо мной (букв. лежит) вся жизнь'.

Поскольку причастие II от глагола *horā* может выступать в качестве модификатора вида состояния не только для глагола *horā*, но и для глагола *rēṭā*, его следует считать основным модификатором этого вида.

4. Глаголы, в лексическом значении которых содержится идея состояния, могут выражать вид состояния и без модификатора вида. Сюда относятся, например, глаголы: *bēṭhā* 'сидеть', *khāronā* 'стоять', *leṭnā* 'лежать'. Примеры: *rār kol ikk mūrkh mittār bēthā hē* [Am, 123] 'Но рядом сидит глупый приятель', *o' uthe khāṭā hē* [C] 'Он стоит там', *oḍī bhēṇ leṭī hē* [C] 'Его сестра лежит'.

Результативно-комплетивный вид. Формы этого вида

выражают действие, которое завершилось к моменту речи в настоящем времени и по существу относится к прошедшему времени. Однако своими результатами оно тесным образом связано с моментом речи, и эти результаты являются своеобразным состоянием завершённого действия того или иного субъекта, который может в нём пребывать и в настоящем времени.

Данный вид выражается несколькими вариантами форм:

1) перфектной формой, образующейся из причастия II — знаменательного компонента — и модификатора финитности — личной формы глагола *hoṇā* 'быть'; в случае переходных глаголов этот вариант базируется на эргативной конструкции. Примеры: *kī tust̃ bəsse de cīkən dī āwāz sunī hē?* [Am, 27] 'Вы слышали крик ребёнка?', *mere māhəl ese hī te dhāe hən* [De, 18] 'Мои дворцы разрушила именно она', *merā mittər kiddhər giā hē?* [C] 'Куда ушёл мой друг?', *tuhāḍī ghəṛī te kinne vājje hən?* [Am, 47] 'Который час на твоих часах?' (букв. 'сколько пробили твои часы?'), *o' nāhī āe hən* [N] 'Они не пришли?';

2) аналитической формой, включающей ИГФ — знаменательный компонент или основной компонент аналитической связки, специальный модификатор результативно-комплетивного вида, использующийся в виде причастия II от глагола *sukḥṇā* 'заканчиваться', 'завершаться', и модификатора финитности — личную форму глагола *hoṇā* 'быть' в настоящем времени, например: *ede kəṛiā dī cāmāḥ dhəl sukḥī hē* [Gd, 64] 'Цвет (букв. блеск) её одежды потускнел', *mē əgge hī āṛṇe dhude dā cārj de sukḥā hā* [A, 1.1.1965] 'Я уже передал свою должность';

3) моделью, подобной второму варианту, где в качестве модификатора результативно-комплетивного вида вместо причастия II от глагола *sukḥṇā* может выступать причастие II от ряда других глаголов. Ниже мы приводим случаи с наиболее распространёнными модификаторами:

а) от глагола *jaṇā* 'идти': *pəñjābī bolī te sāhitt de māsle dher sāre hən. kucḥ tā lekḥā vicc ā gəe hən* [NZ, 1.X.1962, 17] 'В языке и литературе панджаби существует много проблем. Некоторые из них подняты (букв. вошли) в статьи', *dāktər jī jəwāb de gəe hən* [Am, 53] 'Доктор оставил всякую надежду';

б) от глагола *āyā* 'приходить': *kī kəṛ āe o?* [I, 5] 'Что Вы наделали?', *chuttī kəṛ āyā hā əjj* [I, 5] 'Я теперь вырвался на свободу';

в) от глагола *bəṭhṇā* 'усесться', 'сесть': *mē kəpṛe pā bəṭhī hā* [Gd, 65] 'Я оделась (букв. накинула одежду)', *nī sacc sacc dāss, kī kəṛ bəṭhī ē?* [Hc, 18] 'Скажи правду, что ты надела?';

г) от глагола *deṇā* 'дать': *nēkəṛ ne lēmp bujhā dittā hē* [Am, 27] 'Слуга погасил лампу', *asī oḍī sehət dīā sabbhe āsā khātəm kəṛ dītā hən* [Am, 27] 'Мы оставили все надежды на его выздоровление'. Во втором примере глагольная форма результативно-комплетивного вида входит в глагольно-именное словосочетание, эквивалентное глаголу;

д) от глагола *lēṇā* 'брать': *oṇā ne āpṇī pūrī surt guā ləy hē* [D] 'Они совсем потеряли голову', *pā ləe ne, cācī* [Gd, 64] 'Я/уже оделась, тетя';

е) от глагола *pəṇā* 'приходить': *tē əjj tērā rūh jāg pəyā hē* [Gd, 66] 'А теперь ты пробудилась', *seb digg piā hē* [C] 'Яблоко упало'.

В простой разговорной речи нередко модификатор финитности опускается, несмотря на то, что носители панджаби подразумевают момент речи в настоящем времени для глагола в результативно-комплетивном виде. Так, изучая панджабскую кухню, мы не раз слышали, как выпекавший лепешку говорил: *ā gəy* 'готова' (вместо более строгого *roṭī ā gəy hē*). А в конторах служащие восклицают: *kāgəz ho giā* 'Бумага кончилась!' (вместо более строгого *kāgəz ho giā hē!*). Однажды, подойдя к туннелю гидроэлектростанции, я спросил стоявших рабочих: *dṛāiwəṛ kitthe hē?* 'Где шофер?'. Последовал ответ: *əndəṛ ho giā* 'Вошел внутрь' (вместо более строгого *əndəṛ ho giā hē*).

Инхоативный вид. Формы этого вида выражают идею начала действия в момент речи в настоящем времени или вообще в настоящем времени. Они образуются из субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента, ИГФ от глагола *ləggṛā* 'прикасаться', 'прикладываться', являющейся основным модификатором данного вида, причастия I от глагола *pəṇā* 'случаться', 'приходить', являющегося вторым модификатором вида и модификатором рода и числа данного вида, и личной формы глагола *hoṇā* 'быть', являющейся модификатором финитности, например: *dukāndəṛ əndrō təkṛī phəṛ ke us de chəbe vicc kəṭābā cāṛhən ləgg pəndā hē* [Na¹, 72] 'Продавец, вынеся из лавки весы, начинает класть книги на их чашку', *e'khiāl cete āuṇ ləgg pəndā hē* [C] 'Эта мысль начинает [мне]приходить в голову'.

Иногда носители панджаби подменяют в аналитической форме данного вида причастие I от глагола *ṛēṇā* причастием I от глагола *jāṇā* 'идти'. Однако этот вариант, по мнению ряда образованных панджабцев, не является исконной панджабской формой, так как он типичен для хиндустани и в панджаби используется под его влиянием: *nirmalā hor uscī uscī goṇ lagg jāndī hē* ДНс, 177 'Нирмала начинает плакать еще громче'.

Вид действия на грани начинания. Формы этого вида, типичного для разговорной речи, передают идею действия на грани начинания в момент речи в настоящем времени: действия, которое через какое-то мгновение начнется или которое едва началось. Не случайно в аналитическое образование этого вида входит причастие II от глагола движения или какого-либо другого глагола, которое само по себе или чаще вместе с модификатором финитности (т.е. перфектная форма) имеет примерно такое значение: букв. «я (ты, он) только что тронулся с этим действием» или «я (ты, он) сделал прикосновение, чтобы действие началось».

Данный вид имеет следующие варианты форм:

1) аналитическую форму, состоящую из ИГФ — знаменательного компонента, причастия II от глагола движения [преимущественно от *callṇā* 'трогаться', 'двигаться' (реже от *jāṇā* 'идти')]7, являющегося модификатором вида, модификатора финитности — личной формы глагола *hoṇā* 'быть' в настоящем времени, например: *hāyū bhāīā, mil lē āṛṇī. jāy nī jāndī vārī mē terā bhār hōlā kag callī ā* ДНс, 197 'О отец, встретиться со своей дочерью последний раз. Я уже начала облегчать твою горе', *hāyā mē digg callī hā* ДС7 'О, я свалюсь!' (букв. 'Я тронулась с падением');

2) аналитическую форму, которая в отличие от первого варианта не имеет модификатора финитности и в которой причастие II не только модификатор вида, но и выступает как личный глагол, поскольку оно приняло на себя и функции модификатора финитности, например: *hāy nī mā! mē mēg callī* ДНс, 177 'О мама! Я умираю', *hāyā mē mēg gōy nī cāndrīe, e'itī kī kīlā?* ДНс, 177 'О, мне не по себе, несчастная, что ты наделала?';

3) перфектную форму глагола *callṇā*, представляющую собой вид действия на грани начинания этого же глагола. Причастие II здесь несет большую нагрузку: оно и знаменательный компонент, и модификатор вида, и модификатор рода и числа, а личная форма глагола *hoṇā* 'быть' является модификатором финитности. Как мы убеди-

лись, данная форма глагола *callā* 'двигаться', 'трогаться' сопоставима с формой русского глагола *идти*, омонимичной форме прошедшего времени и фактически представляющей собой вид действия на грани начинания для этого глагола (как, например: *Я пошел, Мы пошли*). Именно этой эквивалентной формой и следует чаще всего переводить панджабские примеры: *bī jī, mē calliā ā* [Л, 67] 'Мама, я пошел', *mē bāzār piāz khētīdān calliā hā* [S, 39] 'Я пошел на базар купить луку', *calliā ē?* [C] 'Ты пошел?' или 'Ты уходишь?', *o' calliā hē* [C] 'Он пошел';

4) форму, омонимичную причастию II. Так, Ньютон приводит два примера, показывающие, что форма глагола, омонимичная причастию II, может иногда выступать как форма вида действия на грани начинания: *mē āyā* [Nw, 48] 'Я уже иду' (букв. 'Я уже тронулся'), *mē liāyā* [Nw, 48] 'Я уже несусь';

5) аналитическую форму, состоящую из субморфированной автосемы инфинитива – знаменательного компонента, причастия II от глагола *laggā* 'касаться', 'прикасаться', являющегося модификатором вида, и модификатора финитности – личной формы глагола *honā* 'быть' в настоящем времени, например: *pāṭī gakkhān laggā ā jī* [Л, 67] 'Сейчас же ставлю воду', *jis ghāṭnā dā mē zikār kārān laggā hā us dā is nāl koī sambāndh nahī* [Jh, 34] 'То событие, с которым он никак не связан, я сейчас упомяну' (букв. 'я уже коснулся момента для упоминания'), *z mātī cīṭhī likhān laggā hān* [C] 'Женщины сейчас же начнут писать письмо' (букв. 'уже коснулись момента для написания').

Следует иметь в виду, что формы четвертого варианта будущего времени, омонимичные формам обычного несовершенного вида, могут иногда вплотную приближаться по значению к формам вида действия на грани начинания (см. раздел о четвертом варианте будущего времени).

Мы также обнаружили в панджаби гибридные категории вида глагола. Наиболее часто встречаются следующие из них:

а) гибрид первого варианта вида развития и общего варианта конкретно-процессного вида, в котором вместо модификатора вида развития – причастия I глагола *jāṇā* 'идти' — выступает его форма конкретно-процессного вида. В целом данная аналитическая форма образуется из следующих компонентов: причастия I — знаменательного компонента, модификатора вида развития — ИГФ глагола *jāṇā*, модификатора конкретно-процессного ви-

да — причастия II от глагола *gəhiṇā* ‘продолжаться’, ‘находиться’, ‘пребывать’ — и личной формы глагола *hoṇā* ‘быть’ в настоящем времени (или ее эквивалента), являющейся модификатором финитности, например: *æ̃ uinn vərhiā ið jittde jā rəhe hā* [D] ‘Мы побеждаем в течение трех лет’, *sərdī ghəṛī ghəṛī vəddhdī jā gəhī hē* [D] ‘Стужа усиливается с каждым часом’. Эти формы отличаются от форм вида развития тем, что в них происходит своеобразное наложение значений конкретности и процессности на значение развития действия;

б) гибрид второго варианта вида развития действия и общего варианта конкретно-процессного вида, в котором также вместо модификатора вида развития — причастия I от глагола *jāṇā* ‘идти’ — выступает его форма конкретно-процессного вида. В целом данная аналитическая словоформа состоит из следующих компонентов: из знаменательного компонента — ИГФ с аффиксом *-i(ṣ)*, модификатора вида развития — ИГФ глагола *jāṇā*, модификатора конкретно-процессного вида — причастия II от глагола *gəhiṇā* ‘длиться’, ‘находиться’, ‘пребывать’ — и личной формы глагола *hoṇā* ‘быть’ в настоящем времени (или ее эквивалента), являющейся модификатором финитности, например: *bəṛṣ hoṇ jā gəhī hē* [Du, 192] ‘Дождь льет непрерывно’, *o’ rəṇhī jā ṛihā hē* [Cm] ‘Он непрерывно читает’. В формах этого вида также происходит наложение значений конкретности и процессности на значение развития действия;

в) гибрид модели Б второго варианта конкретно-процессного вида глаголов движения с общим вариантом конкретно-процессного вида, в котором вместо модификатора вида — причастия I от глагола *āṇā* ‘подходить’, ‘приближаться’ — выступает его форма конкретно-процессного вида (общего варианта). Такая аналитическая словоформа состоит из следующих компонентов: причастия II глагола движения — знаменательного компонента, ИГФ глагола *jāṇā* — модификатора вида (модели Б), причастия II от глагола *gəhiṇā* ‘длиться’, ‘находиться’, ‘пребывать’ — модификатора конкретно-процессного вида — и личной формы глагола *hoṇā* ‘быть’ в настоящем времени (или ее эквивалента), являющейся модификатором финитности, например: *khəṭṭā sādē utte səṇhiā ā ṛihā hē* [D] ‘Опасность надвигается на нас’, *həṛh vəddhiā ā ṛihā hē* [D] ‘Наводнение возрастает’;

г) гибрид первого и третьего вариантов обычного

несовершенного вида, в котором по сравнению с первым вариантом вместо обычной формы настоящего времени от глагола *hoṇā* выступает его форма, омонимичная первому варианту будущего времени; гибридная форма включает причастие I — знаменательный компонент — и только что упомянутую форму глагола *hoṇā* — модификатор третьего варианта обычного несовершенного вида, например: *tuhāde ghar dā khārc vārc kis tārḥā turedā howegā?* [G³, 34] ‘Каким образом ведутся расходы в Вашем доме?’;

д) гибрид первого варианта вида развития и третьего варианта обычного несовершенного вида, в котором в отличие от первого варианта вида развития вместо причастия I от глагола *jāpā* используется его форма, омонимичная форме первого варианта будущего времени. Эта форма одновременно является и модификатором первого варианта вида развития, и модификатором третьего варианта обычного несовершенного вида. Данная аналитическая форма образуется из причастия I — знаменательного компонента и упомянутой формы, например: *jeḍ jeḍ utte jāoge, thāṇḍh bohutī hundī jāegī* [Am, 41] ‘Чем выше Вы поднимаетесь, тем больше усиливается холод’;

е) гибрид третьей разновидности первого варианта обычного несовершенного вида и третьего варианта этого же вида, поскольку здесь в отличие от первого варианта вида вместо модификатора финитности — личной формы глагола *hoṇā* — выступает его форма, омонимичная синтетическому варианту сослагательного наклонения, например: *koṭ admī bhī ēsā nēñ hundā jo ēnā dā ghar vekhe tō binā vāpās jāndā howe* [Jh, 13] ‘Нет ни одного такого человека, кто бы возвращался, не взглянув на их дом’. Данная гибридная словоформа комплектуется из причастия I — знаменательного компонента — и упомянутой личной формы.

Как показывает приведенное выше описание, между некоторыми видами или между каким-либо видом, с одной стороны, и одним из вариантов иного вида — с другой, могут быть довольно зыбкие границы и может происходить их смыкание. Носители ланджаби иногда не обращают внимания на оттенки значений видов и их вариантов и используют их попеременно там, где при более строгом подходе это не допустимо. Такая тенденция подтверждается и наличием гибридных видов.

Прошедшее время

Формы прошедшего времени выражают действие, происходившее до момента речи настоящего времени, не связанное с ним непосредственно и не распространяющееся также за момент речи, т.е. в сферу будущего времени. Круг использования форм прошедшего времени — это прошлое в самом широком смысле, безотносительно к тому, произошло или происходило данное действие перед каким-либо другим действием (или моментом) в прошлом или после него. Сначала следует рассмотреть личные (финитные) формы прошедшего времени глагола *hoṇā* 'быть', 'существовать', входящего и в этом времени в аналитические личные словоформы в качестве модификатора финитности. По родам формы прошедшего времени также не различаются:

Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е	<i>sā̃</i>	<i>sā̃</i>
2-е	<i>sē̃</i>	<i>sō̃ (sō̃, sāo)</i>
3-е	<i>sī̃</i>	<i>sān</i>

При сравнении этих форм глагола *hoṇā* с формами настоящего времени бросается в глаза, что у последних в начале слова преобладает звук [h], а у первых — звук [s]. Внешне кажется, что обе разновидности форм находятся друг к другу в супплетивном отношении. Однако обращение к санскритским и пракритским элементам показывает, что обе разновидности форм восходят к одному и тому же санскритскому корню. Разница только в том, что формы настоящего времени попали в панджаби из санскрита через пракрит, а формы прошедшего времени непосредственно из санскрита.

Надо иметь в виду, что довольно часто носители панджаби, в том числе и образованные, не делают разницы в лице и числе при употреблении форм глагола *hoṇā* в прошедшем времени и используют для всех лиц и чисел (особенно для 1-го и 3-го лица) одну и ту же универсальную форму *sī̃*, которая при строгом грамматическом подходе утилизируется лишь в 3-м лице единственного числа. Мы обратили внимание, что такое явление происходит и в устной, и в письменной речи, что можно проиллюстрировать собранными материалами: *āsī̃ kəhāṇī bhejṇā cāhunde sī̃* [Ar] 'Мы хотели послать рассказ', *āsī̃ bāndūk nahī̃ cālā rihā sī̃* [Am, 25] 'Мы не стреляли из ружья', *kī̃ mē̃ gəhīrī nīnd sō̃ rihā sī̃* [Am, 25] 'Крепко ли я спал?', *mere kolō̃ hor əmb nahī̃ sī̃ khādhe jānde* [Sha] 'И я не мог больше

есть манго (букв. плодов манго)'. Во втором примере форма *sī* повлияла даже на другие компоненты аналитического сказуемого, поскольку они оформлены также единственным числом.

Практика частого употребления формы *sī* для всех лиц и чисел настолько укоренилась, что даже известный панджабский лингвист Арун для глагола *hoṛā* в прошедшем времени дает следующую парадигму [Ar², 223/:

Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е	<i>sī</i>	<i>sī</i>
2-е	<i>sē̃, sī</i>	<i>sē̃, sī</i>
3-е	<i>sī</i>	<i>sān</i>

Глагольные формы прошедшего времени, как и настоящего, могут быть синтетическими и аналитическими и имеют разновидности, основанные на категории вида.

В прошедшем времени изъявительного наклонения нами зафиксированы следующие виды.

Обычный несовершенный вид. Этот вид в целом выражает незавершенное действие самого общего характера, протекавшее в прошлом. Чаще всего это бывает какое-то обычное или повторяющееся действие. Нам удалось выявить четыре варианта форм данного вида.

1. Первый вариант базируется на аналитических формах, состоящих из знаменательного компонента (или основного компонента глагольной части глагольно-именного сказуемого) — причастия I и служебного компонента — личной формы глагола *hoṛā* 'быть' в прошедшем времени, являющейся модификатором финитности. Знаменательный компонент несет не только семантическую нагрузку, но и в определенной степени грамматическую: выражает переходность или непереходность, действительный или побудительный залог, род, число. Примеры: *kumbh de meḷe te bāṛā̃ bhārī rāṇkā̃ hundā̃ sān* [Jh, 13/ 'На празднике Кумбы бывали очень красивые зрелища', *jēthe nāl oho hāl hoīā jo əgge hundā sī* [Jh, 35/ 'С отрядом произошло то же, что случалось до этого', *o' hamešā̃ lābhdaik sālāh dende sān jis dī sarkār bohut koddār kerdī sī* [Y, 4/ 'Он всегда давал дельные советы, которые правительство высоко ценило'. Иногда форма обычного несовершенного вида в прошедшем времени может выражать довольно конкретное действие, происходящее в какой-либо момент прошлого, и таким образом сближаться с формами конкретно-процессного вида. Однако акцент на конкретности и процессности

здесь бывает слабее, чем у последних. Носители панджаби иногда игнорируют разницу и могут использовать формы одного вида вместо другого, а то и формы того и другого вместе. Ниже приводится пример формы обычного несовершенного вида с некоторым акцентом на конкретности и процессности: *o' kəpṛiā dā nāwā joḡā khəṛīdde sən* [Am, 25] 'Они покупали новый костюм'.

2. Второй вариант форм данного вида встречается реже, чем первый, и используется в основном при повествовании о прошлом, особенно тогда, когда перечисляются однородные действия, в том числе и незавершенные, входящие в круг значений данного вида. В утвердительных предложениях формы этого варианта чаще синтетические, выраженные лишь причастием I, которое в такой функции входит в систему личных форм. При отрицании добавляется отрицательная частица. Рассматриваемая форма выступает либо как самостоятельное сказуемое, либо как глагольный компонент составного глагольно-именного сказуемого, например: *beṭən kəḍī śārdā nāl sāhiṭ dīā gālā kardā, kəḍī dhərm bāre həlkṛ jīhṭ cərcā cheṛ dendā, 'ate śok pərgəṭ kardā ke...* [Se¹, 36] 'Бетан либо беседовал с Шардой о литературе, либо заводил поверхностный разговор о религии и выражал сожаление, что...'

3. Третий вариант базируется на синтетической форме, омонимичной причастию II. Эта форма чаще выражает результативно-комплетивный вид в прошедшем времени, а иногда, как уже было показано выше, и в настоящем, однако не единичны случаи, когда действие, на которое она указывает, незавершено и чаще всего характеризуется обычностью, повторяемостью в какой-то период прошедшего времени. Этот факт доказывает неточность утверждения некоторых лингвистов-индологов, неукоснительно и слишком категорически связывающих данную форму с завершенным характером действия. Приведем примеры: *sālā de sāl mē boḥut kujh sāhāriā, boḥut jāḡiā, 'səbh ziādattā səbər de ghuṭṭ bhərke pīṭiā* [I, 5] 'Из года в год я много терпел, много выносил, выдерживал все нападки', *itnā pəsā us ne kəṭāyā ke oḍe nāl de pəṛhe likhe vəḍḍe vəḍḍe bābū hērān rəhi rəhi jānde* [Du, 48] 'Он зарабатывал столько денег, что занимавшиеся с ним [на курсах] крупные чиновники всегда диву давались', *nā us ne ām chābṛī vālīā vāṅg chābṛī lāy nā ām dukān-dārā vāṅg dukān kholhī* [Du, 47] 'Он не устанавливал своего лотка так же, как другие лоточники, и не открывал своей лавки так, как это вообще делали другие лавочники'.

4. Четвертый вариант форм образуется аналитически из причастия II — знаменательного компонента — и модификатора финитности — личной формы глагола *horā* ‘быть’ в прошедшем времени (плюсквамперфектная форма). Такая форма также чаще выражает завершённое действие в прошлом, однако может выражать и повторяющееся, незавершённое действие в прошлом, как, например: *kutte nā us ne nā kədī māriā sī te nā dukrayā [sī]ete nā hī kədī piār nāl usde sir te jā pītth te hāth pheriā sī [M, 26]* ‘Он никогда не бил собаку и не выгонял ее, а также никогда не гладил ее ласково по голове или спине’. Второе однородное сказуемое — также аналитическое, так как форма *sī* здесь опущена по стилистическим соображениям (эллипсис). Поэтому мы подставили эту форму в квадратных скобках.

Конкретно-процессный вид. Формы этого вида выражают идею нахождения субъекта действия в состоянии процесса действия в прошедшем времени с акцентом на конкретности действия. Мы обнаружили два варианта форм данного вида.

1. Первый вариант форм наиболее распространенный. Он образуется из аналитической неличной формы конкретно-процессного вида действительного залога и модификатора финитности — личной формы глагола *horā* ‘быть’ в прошедшем времени. В целом данный вариант форм состоит из следующих синтетических компонентов: ИГФ — знаменательного компонента, модификатора конкретно-процессного вида — причастия II от глагола *gāhiṇā* ‘длиться’, ‘пребывать’, модификатора финитности — личной формы глагола *horā* в прошедшем времени. Чаще всего анализируемый вариант вида выражает конкретное действие, протекающее в какой-то момент прошлого. Примеры: *kujh eñjīntār jāhāz uḍīk gāhe sən [Gb², 15]* ‘Несколько инженеров ожидали парохода’, *lōrke tās khed gāhe sən [Am, 25]* ‘Мальчики играли в карты’, *o’ dābbiā hoiā fikrā mere bullā utte ā ke bāl rihā sī [Gb³, 16]* ‘Та приглушенная фраза, попав на мои губы, горела/на них?’.

2. Второй вариант форм встречается реже. Они образуются из ИГФ — знаменательного компонента и формы прошедшего времени глагола *gāhiṇā* ‘длиться’, ‘продолжаться’, омонимичной причастию II, которая является модификатором и вида, и числа, и рода, и финитности, например: *sāre supp kagā gāhe [Gb⁴, 54]* ‘Все/меня/уговаривали’, *kuṛiā go gāhiā [C]* ‘Девушки плакали’.

3. Кроме приведенных двух общих вариантов конкретно-процессного вида для глаголов движения существует и третий вариант,

представленный двумя моделями: моделью А и моделью Б. Эта разновидность форм передает еще большую конкретность действия, чем общий вариант конкретно-процессного вида.

Модель А — аналитическая форма глагола, состоящая из причастия II — знаменательного компонента, модификатора вида — причастия I от глагола *jānā* 'идти' — и модификатора финитности. Модель А чаще всего используется тогда, когда движение, выражаемое причастием II, подразумевает удаление. Примеры: *pañchī uḍiā jānā sī* [Tr] 'Птица летела', *do muṇḍe bhajje jāṇe sən* [Tr] 'Двое мальчиков бежали'.

Модель Б — тоже аналитическая форма, но отличающаяся от модели А тем, что в ее составе вместо причастия I от глагола *jānā* (модификатор вида) выступает причастие I от глагола *ānā* 'приходить'. Формы этой модели имплицитно подразумевают движение с приближением. Примеры: *kuṭṭ ghār muṇ āundī sī* [C] 'Девушка возвращалась домой', *meṛā dost sāḍe vāḷ tez tāṇā āundā sī* [C] 'Мой друг быстро плыл в нашу сторону'.

Постоянно-протяженный вид. Формы этого вида могут выражать либо протяженность действия во времени в прошлом, либо его постоянство, либо то и другое вместе. Как уже указывалось в разделе о данном виде в настоящем времени, значение протяженности действия подчеркивается параллельным использованием с анализируемыми формами обстоятельств, также указывающих на протяженность, а значение постоянства действия оттеняется употреблением обстоятельств, имеющих соответствующее лексическое значение.

Значение протяженности иногда может обладать оттенком «продолжал что-то делать». Благодаря значению протяженности такие формы могут выражать действие, которое служит фоном для другого, однократного действия.

Нам удалось установить шесть вариантов форм постоянно-протяженного вида в прошедшем времени. Все они аналитические.

1. Первый вариант самый распространенный. Эти формы образуются из причастия I — знаменательного компонента — и личной формы глагола *gahīṇā* 'длиться', 'пребывать', 'продолжаться', омонимичной причастию II и являющейся и модификатором вида, и модификатором финитности, например: *buddh pəntālī sāl tākk dūr dūr ghumde gahe* [Sn, 147] 'Будда путешествовал повсюду в течение 45 лет', *dəs yāṛā sāl dī dṇəsthā tākk tā āp meṛā pāsō paṇḍe gahe*

[Jh, 14] 'До 10-11-летнего возраста он учился у европейских преподавательниц', *o' bere dhīraj ate śāntī nāl kamm kerdā rihā* [Am, 270] 'Он продолжал работать терпеливо и молча', *kāt din takk meri mā mere sūr te mālham lāundī rāhī* [Jh, 12] 'В течение нескольких дней моя мать прикладывала мне пластыри'.

Иногда формы рассматриваемого вида выражают довольно конкретное действие, приближающееся по значению к формам конкретно-процессного вида, как, например: *ikk nējawān enjīntār sārā din ikk vesvā dī jīwān-katthā pārdā rihā* [Gb², 17] 'Молодой инженер весь день читал рассказ о жизни проститутки', *kālth sārī rāt bārs hundī rāhī* [S, 368] 'Вчера дождь шел всю ночь', *mē bāhār khārotā sunḍā rihā terā phārhā* [C] 'Я стоял на улице и слушал твое хвастовство'.

Но несмотря на одноплановость значений этих форм и форм конкретно-процессного вида, в первых все же сохраняется акцент на постоянстве и протяженности действия. Иногда носители панджаби игнорируют или почти игнорируют эту разницу и используют формы обоих видов параллельно в одном и том же предложении (в том числе в сложносочиненном), как, например: *o' lābhde gāhe mē supp kār rihā, ākhār tālāśī lē te mere kolō nikkliā* [Jh, 12] 'Он искал, а я молчал, но наконец при обыске она (т.е. вещь) обнаружилась у меня'. Но даже учитывая возможность такого параллельного использования обеих форм, мы не вправе рассматривать первую из них (несмотря на всю ее конкретность и процессность в данном случае) как совсем утратившую значение постоянства и протяженности, поскольку здесь все же проглядывает одно из двух (или оба вместе) таких значений: «он все время искал» или «он постоянно искал».

Когда же значение постоянства действия таких форм довольно очевидно, что наблюдается особенно при наличии соответствующих обстоятельств (как, например: *sādā* или *hameśā* 'всегда' или *hār vele* 'все время', 'всегда'), то вообще становится невозможным трансформировать предложения с данными формами в предложение с формами конкретно-процессного вида (это проверено нами при работе с носителями панджаби). Вот пример такого нетрансформируемого предложения: *e' pāhila din sī, jādō pulās sādē ghār āī, te is tō picchō o' hameśā āundī rāhī* [Jh, 32] 'Это был первый день, когда полиция появилась в нашем доме. И с тех пор она всегда приходила'.

Мы зафиксировали также пример, в котором формы данного

вида выражают действия, служащие фоном для другого, однократного действия: *asī hāssde rāhe te gallā kārde rāhe icānək kise ne tere moḍhe nū thāpīā* [G¹, 65] 'Мы смеялись и разговаривали. Вдруг кто-то хлопнул меня по плечу'.

2. Второй вариант форм образуется из причастия I — знаменательного компонента, причастия I — модификатора вида — и личной формы глагола *hoṇā* 'быть' в прошедшем времени — модификатора финитности, например: *hāssdiā, gāundiā, khuṣī vicc ātā zānātiā de tēnū supne āunde rāhinde sən* [Gb⁴, 50] 'Мне все время грезилось смеющиеся, поющие, веселящиеся женщины', *mē is mār kuṭṭ dā hāl pāḥdā rāhindā sā* [Jh, 35] 'Я все время читал данные об этой расправе', *o' vī ēde lāt tārāfdī rāhindī sī* [Gb⁴, 54] 'Ее также влекло к нему'.

В этом варианте вида также встречаются предложения с очень прозрачным акцентом на значении постоянства действия, особенно при наличии соответствующих обстоятельств. Такие предложения максимально расходятся с предложениями, содержащими формы конкретно-процессного вида, и не могут трансформироваться в них. Вот пример подобных предложений: *mē āpṛī bhēṇ nū hār vele yād kārda rāhindā sā* [Na¹, 41] 'Я постоянно вспоминал свою сестру', *ode āndār sādā kujh dīrdā hī rāhindā sī* [Gb⁴, 54] 'Ее душа всегда рвалась ввысь' (букв. 'В ее душе всегда было что-то бегущее').

3. Третий вариант более типичен для разговорной речи. Он напоминает второй вариант, но отличается от него тем, что в нем не используется модификатор финитности, выраженный личной формой глагола *hoṇā* 'быть'. Эти функции берет на себя модификатор вида — причастие I от глагола *rāhiṇā*, например: *sārā sārā din galīā vicc dhārvēlā dī tārā ghumdā rāhindā* [Du, 46] 'Целый день/он/слонялся по улицам как разбойник', *jādō mē ikellā hundā, tā e' sātār mūh vicc guṇṇuṇāndā rāhindā* [Gb³, 13] 'Когда я бывал один, то бормотал эту строчку', *kuttā chuṭī vāle din bārā khuṣ hundā sī te o' bhī dīn bhār us de nāl ghumdā rāhindā* [M, 26] 'В воскресенье собака бывала очень довольной и она тоже бродила с ним весь день'. Как видно из последних двух примеров, формы этого вида используются параллельно с формами обычного несовершенного вида (*hundā* и *hundā sī*), и, таким образом, сближаются с последними семантически, однако в них все же остается значение постоянства и протяженности действия.

4. Четвертый вариант форм образуется из причастия I — знаменательного компонента, причастия II от глагола *rəhiṇā* ‘продолжаться’ — модификатора вида — и личной формы глагола *hoṇā* ‘быть’ — модификатора финитности: *mē piār kərdā rihā sī* [S, 205] ‘Я долго любил’.

5. Пятый вариант форм постоянно-протяженного вида образуется из причастия II — знаменательного компонента — и формы прошедшего времени глагола *rəhiṇā* ‘продолжаться’, омонимичной причастию II. Последняя объединяет в себе функции модификатора вида и модификатора финитности. Передко формы этого варианта имеют общее значение «продолжал что-то делать». Примеры: *e' ləḡāt kəṭ sāl laggṭ rəhī* [Jh, 34] ‘Эта война длилась несколько лет’, *sewā jī sārī rāt tiārī vice jūtṭe rəhe* [Sew, 25] ‘Сева провел в приготовлениях всю ночь’, *mē us vāll piṭh kəṭ leṭiā rihā* [De, 17] ‘Повернувшись к ней спиной, я продолжал лежать’, *lo' ghər cəllṭ gəṭ, mē dūpəhira ūk uthe bəṭhā rihā* [De, 14] ‘Она ушла домой, а я продолжал там сидеть до полудня’.

6. Шестой вариант форм образуется из причастия I — знаменательного компонента, причастия II от глагола *āunā* ‘приходить’, использующегося как модификатор вида, и модификатора финитности — личной формы глагола *hoṇā* ‘быть’ в прошедшем времени. Этот вариант форм чаще употребляется для указания на протекание действия в течение длительного времени, например: *e' kəmm o' dəs sālā tō kərdā āyā sī* [D] ‘Он делал эту работу уже десять лет’, *o' kinṇā cir tō səkhiṭā jərdā āyā sī* [D] ‘Он уже давно терпел жестокое обращение’.

Регулярный вид обыкновения. Формам этого вида в прошедшем времени часто свойственно общее значение «имел (имела, имели) обыкновение что-то делать». Поэтому в отличие от коррелята данного вида в настоящем времени мы его и называли «регулярным видом обыкновения».

Нам удалось выявить три варианта форм данного вида.

1. Формы первого варианта, как и формы регулярного вида настоящего времени, выражают действие устойчивого, неуклонного характера. Они образуются из причастия I — знаменательного компонента, причастия I от глагола *hoṇā* ‘быть’ — модификатора вида — и личных форм того же глагола в прошедшем времени, являющихся модификатором финитности, например: *asṭ śikār nū jānde huṇde sī* [Am, 20] ‘Мы имели обыкновение охотиться’, *mā, tū roz gāṭhā kəḍ-*

q̄hāṭ hundī sī [Hc, 18] 'Мама, ты/меня/оскорбляла ежедневно', o' hār roz svare gāunde hunde sī [Am, 20] 'Они имели обыкновение петь каждое утро'.

2. Второй вариант форм образуется из причастия II — знаменательного компонента, причастия I от глагола *hōṇā* 'быть' — модификатора вида — и личной формы глагола *hōṇā* в прошедшем времени, являющейся модификатором финитности, например: *svare bāccā suttā hundā sī* [Du, 30] 'По утрам ребенок обычно спал', *is ilāke vīcc māhān ewē hī bāṇe hunde sən* [D] 'В этом районе дома строили именно так'.

3. Третий вариант форм образуется из причастия II — знаменательного компонента, причастия I от глагола *rāhīṇā* 'продолжаться', 'пребывать' — модификатора вида — и финитной формы глагола *hōṇā* 'быть' в прошедшем времени, например: *mē utthe ret te leṭiā rāhindā sā* [D] 'Я имел обыкновение лежать там на песке', *mere dost is talā vīcc tārē rāhinde sən* [C] 'Мои друзья имели обыкновение плавать в этом пруду'.

Многочастный вид. Формы этого вида выражают многократное действие и преимущественно часто повторяющееся. Поскольку они могут обозначать действие, связанное с привычкой, обыкновением, а, следовательно, с регулярностью, такие формы иногда по своему значению сближаются с формами регулярного вида обыкновения и обычного несовершенного вида. Однако неизменной чертой форм этого вида является акцент на многократности действия.

Нам удалось выявить четыре варианта форм многократного вида.

1. Первый вариант, наиболее распространенный, образуется аналитически из герундия II — знаменательного компонента (чаще всего мужского рода единственного числа, изредка могут встречаться и корреляты герундия II в женском роде), причастия I от глагола *kāṇā* 'делать' — модификатора вида — и личной формы глагола *hōṇā* 'быть' в прошедшем времени — модификатора финитности (или эквивалента данной формы), например: *o' āṇṇe bāccā dī rārvāṣ vīcc khās dilcāspī līā kārdī sī* [Bs, 4] 'Она постоянно проявляла особый интерес к воспитанию своих детей', *bāccāpān vīcc mere pitā jī de munṣī mubārak ālī 'ālf lēlā' dīā kāhāṇiā suṇāyā kārde sən, jo mē bāṭ dilcāspī nāl suṇiā kārdā sā* [Jh, 12] 'В детстве мунши

моего отца, благословенный Али, рассказывал сказки «Тысяча и одна ночь», которые я слушал с большим интересом».

2. Второй вариант форм употребляется реже и образуется из герундия II — знаменательного компонента и формы прошедшего времени глагола *kərnā* 'делать', омонимичной причастию II, но входящей в систему личных форм. Эта форма является модификатором и вида, и числа, и рода, и финитности. А при отрицании добавляется и третий компонент — отрицательная частица, например: *pəṛ kḥuṣṭā dā əkhṛlā hāsā mē kəde āyā giā pəhī kītā* [Gb³, 22] 'Однако я никогда не расставался (букв. не делал прихода, ухода) до последнего момента с радостным смехом'. В этом примере используются два герундия II, к которым относится одна форма глагола *kərnā*.

Два следующих варианта основаны на форме глагола, омонимичной синтетической форме сослагательного наклонения.

3. Третий вариант форм данного вида образуется аналитически из ИГФ — знаменательного компонента (или основного компонента аналитической связки) — и формы глагола, омонимичной синтетическому варианту сослагательного наклонения. Эту форму обретает любой модификатор интенсивности глагола, когда им обозначается многократность в прошедшем времени. Для данного варианта вида упомянутая форма является модификатором вида, числа и финитности, но не различает рода. Примеры: *sārī rāt kəde əkkh ləgg jāwe, tē kəde ubərvāhe utṭh ke go. pəwā, mā ghutṭ ke nāl lā ləwe* [Gb⁴, 55] 'Всю ночь я то засыпал (букв. глаз закрывался), то, внезапно проснувшись, плакал, а мать, обнимая, прижимала меня к себе', *sāre supp kəgā gəhe, mē supp ho jāwā, tē pher...* [Gb⁴, 54] 'Все меня успокаивали, я замолкал, а затем...'.
4. Четвертый вариант форм является синтетическим и омонимичен тому же синтетическому варианту сослагательного наклонения. Примеры: *sārī rāt jis vele vī utte jān ləṭ vədhe cōkīdār əggō ohī rok dewe* [Du, 98] 'И в течение всей ночи всякий раз, как только он делал шаг (букв. шагал), чтобы подняться наверх, комендант загораживал ему дорогу (букв. давал препятствие)', *jis śāhir vicc kəmiṣən jāwe, lok kālītā jhəṇḍītā lē ke əggō milən tē ākhəṇ ihəmiṣən vāpəs jāo* [Jh, 38] 'В какой-бы город комиссия ни приезжала, народ встречал ее с черными знаменами и говорил: «Комиссия, поворачивай назад!»'.

5. Пятый вариант базируется на ГМП, используемом в эргатив-

3. Третий вариант форм носит довольно конкретный характер и очень близок по значению к формам конкретно-процессного вида. Однако оттенок развития действия в нем довольно ощутим. Форма образуется из наращенной аффиксом *-t̃* ИГФ — знаменательного компонента, причастия I от глагола *jānā* — модификатора вида — и модификатора финитности — личной формы глагола *hoṇā* в прошедшем времени. Этот вариант больше типичен для разговорной речи.

Примеры: *o' e' saphā rāñ jāndā sī* [Tr] 'Он читал эту страницу', *muñḍe āpṇe bistre bānnhī jānde sən* [Tr] 'Мальчики увязывали свои постели'.

4. Четвертый вариант форм близок к третьему, но отличается от него отсутствием модификатора финитности, выраженного глаголом *hoṇā* 'быть' (эту функцию берет на себя причастие I от глагола *jānā*, выступая в системе личных форм), например: *supp kītī bārkate suṇī jāndī, pər prāsənsā ode hār nākṣ uttō jhələkḍī hundī sī* [Gb⁴, 51] 'Баркате слушала молча, но одобрение отражалось в каждой черте ее лица'. Этот пример также показывает, что формы данного варианта могут по значению сближаться с формами регулярного вида обыкновения (*jhələkḍī hundī sī* 'отражалось'), поскольку выражаемые здесь действия параллельны. Однако в форме *suṇī jāndī* 'слушала' все же ощущается значение развития действия, а в форме *jhələkḍī hundī sī* 'отражалось' — значение регулярного вида обыкновения.

Вид состояния. Формы этого вида выражают значение состояния в какой-либо период или момент прошлого, в котором находился субъект или объект после совершения определенного действия или после того, как действие началось. Рассматриваемый вид может базироваться и на эргативной конструкции.

Формы данного вида имеют следующие варианты.

1. Первый вариант образуется из причастия II — знаменательного компонента, причастия II от глагола *hoṇā* 'быть' — модификатора вида — и личной формы глагола *hoṇā* в прошедшем времени, являющейся модификатором финитности, например: *sāḍe mākan nū usān ləggī hoṇ sī ēnā dīnī* [De, 12] 'Наше здание строилось в те дни', *dūjī ne kənnā vicc vāḍḍe bāle pāe hoe sən* [G¹, 63] 'У второй были большие серьги в ушах'.

2. Для второго варианта типично то, что вместо причастия II от глагола *hoṇā* в качестве модификатора вида выступает причастие II от глагола *rēṇā* 'находиться', 'происходить', как; напри-

мер: *musāfar arām nāl sutte pæ sən* [Jh, 26] 'Путешественники спокойно спали', *sətmān bənnhiā piā sī* [C] 'Багаж был увязан'.

3. Глаголы, формы которых выступают как модификаторы вида состояния, могут сами выражать вид состояния (глаголы *hoṇā* 'быть' и *pærā* 'находиться'), используясь как знаменательный компонент (или как компонент аналитической связки).

Для глагола *hoṇā* могут быть следующие случаи:

а) он имеет форму по модели первого варианта, т.е. причастие II как знаменательный компонент или основной компонент аналитической связки плюс причастие II от этого же глагола как модификатор вида и плюс его личная форма как модификатор финитности (а при отрицании еще и отрицательная частица); такие случаи редки, например: *us dā srīr kedhrō vī dhilā nāhī sī hoyā hoyā* [Se¹, 43] 'Ее тело совсем не было дряблым' (букв. 'нигде ее тело не было дряблым');

б) глагол *hoṇā* выражает вид состояния двумя компонентами: причастием II, использующимся как знаменательный компонент или основной компонент аналитической связки и одновременно как модификатор вида, и личной формой глагола *hoṇā* 'быть' в прошедшем времени — как модификатор финитности. При отрицании добавляется и третий компонент: отрицательная частица, либо же последняя выступает как эквивалент модификатора финитности. Примеры: *odō odī kiṭāb prakāśat hoṇ sī* [C] 'Тогда была издана его книга', *pāñjā vārhīā dā aje mē nāhī sā hoyā* [Gb⁴, 50] 'Мне тогда не было еще и пяти лет', *pær e'kade hoyā nāhī ke...* [Gb³, 16] 'Но такого никогда не бывало, чтобы...';

в) лишь форма прошедшего времени глагола *hoṇā*, омонимичная причастию II, выступая как личный глагол, выражает вид состояния в прошедшем времени. Примеры: *kāt vāt ajihā hoyā ke sādā rāh khāt riā nāl bharpūr hundā sī* [Jh, 13] 'Несколько раз бывало так, что путь наш был полностью прегражден опасностями', *jatthe nāl oho hāl hoyā jo agge hundā sī* [Jh, 35] 'С отрядом произошло то же, что случилось прежде', *pāñjvī vāt jāvāhār lāl jəd giriftār hoe tā...* [Jh, 40] 'Когда Джавахарлал был арестован в пятый раз, то...'

Для глагола *pærā* могут быть следующие случаи:

а) он выступает как знаменательный компонент в форме причастия II, а модификатором вида служит причастие II от глагола *hoṇā*. Третьим компонентом формы является модификатор финитности — личная форма глагола *hoṇā* в прошедшем времени, напри-

мер: *tiṇṇ kiṭābā meṇ te pāyā hoṇā sən* [C] 'Три книги лежали на столе', *zəṁtīn utte kinne kəpṛe pəe hoṇ sən* [C] 'На земле лежало много белья';

б) причастие II от глагола *reṇā* выступает и как знаменательный компонент, и как модификатор вида, а личная форма глагола *hoṇā* в прошедшем времени — как модификатор финитности: *ṣəṛəṣ te kuṇḥ cīzā pāyā sən* [C] 'На полу лежало несколько вещей', *ṣəṁṣə kəṛāhī vīcṣ pīā sī* [C] 'Ложка лежала в сковородке'.

4. Глаголы, в лексическом значении которых содержится идея состояния, могут выражать вид состояния и без модификатора вида. Сюда относятся, например, глаголы *bəṭṭhā* 'сидеть', *khəṇṇā* 'стоять', *leṭṭā* 'лежать'. Примеры: *ōdī puttī mənṇe te bəṭṭhī sī* [C] 'Его дочь сидела на кровати', *dərvāze sāmṇe tiṇṇ sipāhī khəṇe sən* [C] 'Около дверей стояли трое полицейских', *kəṭ ləṛkīā reṭ te leṭṭā sən* [C] 'Несколько девушек лежали на песке'.

Результативно-комплетивный вид. Формы этого вида выражают действие, которое завершилось к какому-то моменту или в какой-либо момент в прошлом.

Данный вид имеет несколько вариантов.

1. Первый вариант — плюсквамперфектная форма глагола, комплекуемая из причастия II — знаменательного компонента — и личной формы глагола *hoṇā* в прошедшем времени — модификатора финитности. В случае переходных глаголов этот вариант базируется на эргативной конструкции. Приведем ряд примеров: *tuhāde jāṇ de picchō rogī mēriā sī* [Am, 28] 'Больной умер после того, как Вы ушли', *mē sənṇ 1961 vīcṣ bī.e.dī dīgrī lītī sī* [S, 260] 'В 1961 г. я получил степень бакалавра'.

2. Второй вариант образуется из ИГФ — знаменательного компонента или основного компонента аналитической связки, специального модификатора результативно-комплетивного вида — причастия II от глагола *sukkṇā* 'заканчиваться', 'завершаться' — и модификатора финитности — личной формы глагола *hoṇā* 'быть' в прошедшем времени, например: *gəddī plet fām iṭ jā sukktī sī* [Am, 28] 'Поезд отошел от перрона', *sṭṇ iṭ pəhilā o'kəpṛe lāh sukkiā sī* [Am, 28] 'Он снял одежду перед тем, как ложиться спать'.

3. В форме, образующейся по модели второго варианта, в качестве модификатора вида вместо причастия II от глагола *sukkṇā* может выступать причастие II от ряда других глаголов. В качестве иллюстрации мы приводим примеры с глаголами *jāṇā* 'идти', *bəṭṭhā*

‘сидеть’ и *lənā* ‘брать’: *merā peṭ bhər giā sī* [Sha, 7] ‘Мой живот наполнился’, *ghər vicc jhəgrā tā nitt dā kəmm bəṇ bəṭhā sī* [Sn, 158] ‘Споры дома превратились в обычное явление’, *us ne sārā hisāb kitāb dekh liā sī* [Am, 28] ‘Он проверил все счета’.

4. Четвертый вариант образуется из ИГФ — знаменательного компонента или основного компонента аналитической связки, или же основного компонента глагольно-именного сочетания, эквивалентного глаголу, и из формы прошедшего времени одного из глаголов, омонимичной причастию II и выступающей как личная форма. Эта форма является модификатором финитности, например: *kiśān gufā vicc uttər giā* [J, 8] ‘Кишан спустился в пещеру’, *pər us sver kewāl mē hṭ us sārē de sārē qhər dā mālik bəṇ bəṭhā* [De, 12] ‘Но в то утро лишь я стал хозяином всей этой кучи’, *pulās ne onā nū giriftār kər liā* [NZ, 9.NI.1962, 1] ‘Полиция их арестовала’, *jəhāz šukərvār nū cəll piā* [Jw, 200] ‘Пароход отправился в пятницу’.

5. Пятый вариант синтетический и представляет собой личную форму, омонимичную причастию II. В отрицательных предложениях форма становится аналитической, поскольку добавляется отрицательная частица. Примеры: *oḍe bhrā ne daktər nū səddā bhejiā* [Am, 19] ‘Его брат послал за доктором’, *həd māstər ne āgiā kitī ke...* [Jw, 240] ‘Директор приказал, чтобы...’, *oḍe bāndūk nāhī cəlaṭ* [Am, 20] ‘Он не выстрелил из ружья’.

6. Шестой вариант образуется из субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента — и формы прошедшего времени глагола *ləggṛā* ‘прикасаться’, являющейся модификатором и вида, и числа, и рода, и финитности. Эта аналитическая форма омонимична форме второго варианта инхоативного вида и форме одного из вариантов вида действия на грани начинания. Примеры: *iv uḍṭk uḍṭk mēhīnā ikk hoṇ ləggā* [Du, 32] ‘Так в ожидании прошел месяц’, *ikk dīn onā rādhā nū āpṇe citər-kəmtre vicc bulāiā te kəhīn ləgge...* [Gb², 43] ‘Однажды он позвал к себе в студию Радху и сказал...’.

Инхоативный вид. Формы этого вида выражают идею начала действия в какой-либо момент в прошлом.

Как показывает собранный нами материал, существуют два варианта форм этого вида.

1. Первый вариант форм более распространенный в современном панджаби. Образуются такие формы из субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента, ИГФ глагола *ləggṛā* ‘прикасаться’, ‘прикладываться’, являющейся основным мо-

дификатором вида, формы прошедшего времени глагола *reṇā* 'приходить', 'иметь место', 'падать', омонимичной причастию II, которая является вторым модификатором вида, модификатором числа, рода, а также финитности. Примеры: *pəṛhṇā chəḍḍ sundəṛ vihlā phirəṇ ləgg piā* [Du, 46] 'Бросив учебу, Сундар начал слоняться без дела', *ikk əṇgrez ustād passō pəṛhəṇ ləgg pə* [Jh, 14] 'Он стал заниматься у учителя-англичанина', *kuṛi ciṭṭhī likhəṇ ləgg pəy* [C] 'Девушка стала писать письмо'.

2. Реже употребляется аналитическая форма, состоящая из субморфированной автосемы инфинитива – знаменательного компонента – и формы прошедшего времени глагола *ləggṇā* 'прикасаться', являющейся модификатором и вида, и числа, и рода, и финитности, например: *kuṛi uscē cīkhəṇ ləggī* [C] 'Девочка стала громко кричать', *o' āṛṇā kəmm kəṛəṇ ləggā* [C] 'Он стал выполнять свою работу', *kələḡtīdhər dā furmāṇ bhull giā te ləggā cubāre de heṭh uḍīk kəṛəṇ* [Du, 98] 'Он забыл приказ гуру и стал ожидать под балконом'.

Вид действия на грани начинания. Формы этого вида выражают идею действия на грани начинания в какой-то момент в прошлом: действия, которое через мгновение начнется или которое едва началось.

На базе собранного материала мы выявили три варианта форм данного вида.

1. Формы первого варианта образуются из ИГФ – знаменательного компонента, причастию II от глагола *callṇā* 'трогаться', 'двигаться' – модификатора вида – и личной формы глагола *horā* 'быть' в прошедшем времени, являющейся модификатором финитности, например: *o' tər callā sī pər ḡaktər ne us nū bəcā liā* [Tr] 'Он уже умирал (букв. был на грани смерти), но врач его спас', *o' tūr calliā sī, pər mē usnū rok liā* [Tr] 'Он уже уходил, но я его остановил'.

2. Второй вариант форм образуется из субморфированной автосемы инфинитива – знаменательного компонента – и формы прошедшего времени глагола *ləggṇā* 'прикасаться', омонимичной причастию II. Эта аналитическая словоформа омонимична шестому варианту результативно-комплетивного вида и второму варианту инхоативного. Примеры: *jəd mē turəṇ ləggā...* [Nw, 247] 'Когда я уже готов был тронуться...'.

3. Третий вариант форм образуется из субморфированной автосемы инфинитива – знаменательного компонента, причастию II от глагола *ləggṇā* 'прикасаться' – модификатора вида – и личной фор-

мы глагола *hoṇā* 'быть' в прошедшем времени, являющейся модификатором финитности, например: *mē kujh hor kəhiṇ laggā sī ...* [Nw, 247] 'Я уже готов был сказать что-то еще...'.
[Nw, 247]

В прошедшем времени мы также обнаружили гибридные категории вида глагола. Наиболее часто встречаются следующие из них:

а) гибрид второго варианта вида развития и первого варианта конкретно-процессного вида, поскольку вместо модификатора вида развития — причастия I от глагола *jāṇā* 'идти', 'двигаться' — выступает его форма конкретно-процессного вида. В целом данная аналитическая словоформа образуется из следующих компонентов: причастия I — знаменательного компонента, модификатора вида развития — ИГФ глагола *jāṇā*, модификатора конкретно-процессного вида — причастия II от глагола *rəhiṇā* 'пребывать', 'находиться' — и личной формы глагола *hoṇā* 'быть' в прошедшем времени, являющейся модификатором финитности, например: *rāt hənērī hundī jā rəhī sī* [De, 29] 'Свирепствовала ночная буря', *motī lāl jī dā jəss te pəsā din-bə-din vəddhā jā rihā sī* [Jh, 9] 'Популярность и богатство Моти Лала росли с каждым днем'. Такие формы отличаются от форм второго варианта вида развития тем, что в них происходит своеобразное наложение значений конкретности и процессности на значение развития действия;

б) гибрид третьего варианта вида развития и первого варианта конкретно-процессного вида, в котором также вместо модификатора вида развития — причастия I от глагола *jāṇā* 'идти', 'двигаться' — выступает его форма конкретно-процессного вида. Эта аналитическая словоформа включает следующие компоненты: знаменательный компонент — ИГФ с аффиксом *-ī*, модификатор вида развития — ИГФ глагола *jāṇā*, модификатор конкретно-процессного вида — причастие II от глагола *rəhiṇā* 'находиться', 'пребывать' — и личную форму глагола *hoṇā* 'быть' в прошедшем времени, являющуюся модификатором финитности; нередко формы этого гибридного вида имеют значения «продолжал что-то делать» и «беспрерывно что-то делал», что подтверждается наличием соответствующих обстоятельств. Примеры: *rāghav kadam us peṭī vāll dekhī jā rihā sī* [Sk, 61] 'Рагхав Кадам беспрерывно смотрел на этот ящик', *bhūā binā rukīā apnī viākhīā kārī jā rəhī sī* [Ca, 148] 'Тетя беспрестанно рассказывала свою историю', *jəddō mē vāpəs giā tā o' tərī jā rihā sī* [Cm] 'Когда я вернулся, он продол-

жал плавать'. В формах этого вида также происходит совмещение значений конкретности, процессности и развития действия;

в) гибрид второго варианта результативно-ком-
плетивного вида и первого варианта вида состояния, поскольку в состав аналитической словоформы вводится еще модификатор вида состояния. Вся словоформа комплектуется из следующих компонентов: ИГФ — знаменательного компонента, специального модификатора результативно-комплетивного вида — причастия II от глагола *sikkṇā* 'заканчиваться', 'завершаться', модификатора вида состояния — причастия II от глагола *hoṇā* 'быть' — и личной формы того же глагола в прошедшем времени, являющейся модификатором финитности, например: *o'is nētiṇe utte rāhiṇs sikkā hoṇā sī ke...* [D] 'Он пришел к выводу, что...' (букв. 'Он был уже пришедшим к выводу, что...');

г) гибрид третьего варианта результативно-ком-
плетивного вида и первого варианта вида состояния, поскольку в состав аналитической словоформы вводится еще модификатор вида состояния. Вся словоформа имеет следующие компоненты: ИГФ — знаменательный компонент, модификатор результативно-комплетивного вида — причастие II от одного из ряда глаголов, особенно от глагола *jāṇā* 'двигаться', 'идти', модификатор вида состояния — причастие II от глагола *hoṇā* 'быть' и личную форму того же глагола в прошедшем времени, являющуюся модификатором финитности, например: *jədo' o' slej vicc bāhi giā hoṇā sī* [D] 'Когда он уже сидел в санях...';

д) гибрид первого варианта инхотивного вида и первого варианта обычного несовершенного вида, поскольку вместо формы второго модификатора инхотивного вида, омонимичной причастию II от глагола *reṇā* 'происходить', употребляется причастие I от этого же глагола, да еще добавляется модификатор финитности — личная форма глагола *hoṇā* в прошедшем времени. Это придает инхотивному характеру действия регулярность, повторяемость в прошлом. Вся словоформа образуется из следующих компонентов: субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента, основного модификатора инхотивного вида — ИГФ глагола *ləggṇā* 'прикасаться', причастия I от глагола *reṇā* 'происходить' — второго модификатора инхотивного вида — и модификатора финитности — личной формы глагола *hoṇā* в прошедшем времени. Значение повторяемости, регулярности действия в

прошлом придает данной аналитической словоформе комбинация причастия I от глагола *reṇā* и финитной формы глагола *hoṇā*, т.е. комбинация, присущая первому варианту обычного несовершенного вида; но если в последнем она была бы самостоятельным сказуемым, то в анализируемой словоформе она несет служебную функцию, являясь модификатором обычного несовершенного вида, например: *jəḍo o'mere nāl sakhṭi boldā sī, mē roṇ ləgg pəndā sā* [D] 'Когда бы он ни говорил со мной резко, я начинал плакать';

е) гибрид первого варианта инхоативного вида и третьего варианта многократного, поскольку вместо формы второго модификатора инхоативного вида, омонимичной причастию II от глагола *reṇā* 'происходить', употребляется его форма, омонимичная синтетическому варианту сослагательного наклонения, что придает всей аналитической словоформе глагола значение многократного действия. Эта словоформа формируется из следующих компонентов: субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента, основного модификатора инхоативного вида — ИГФ глагола *ləggṇā* 'прикасаться' — и формы глагола *reṇā*, омонимичной синтетическому варианту сослагательного наклонения, которая является и вторым модификатором инхоативного вида, и модификатором многократного вида, и модификатором финитности, например: *mē suph ho jāwā, te pher kujh howe te cīkā māṛən ləgg pəwā* [Gb⁴, 54] 'Я замолкал, но спустя некоторое время опять начинал рыдать'.

В прошедшем времени также между значениями отдельных видов и их вариантов нет резкой границы и нередко происходит их сближение. Носители панджаби и здесь иногда игнорируют различие категориальных оттенков и используют вместо одного вида (варианта) другой. Эта тенденция подтверждается также наличием гибридных видов.

Как видно, набор видов и вариантов настоящего времени не совпадает с набором прошедшего. Так, первый вариант обычного несовершенного вида в настоящем времени более представлен, чем вариант этого же вида в прошедшем, поскольку обладает обширной сферой значений, а второй, третий и четвертый варианты обычного несовершенного вида настоящего времени структурно совершенно несопоставимы со вторым, третьим и четвертым вариантами того же вида прошедшего времени, поскольку они не являются родственными или в какой-то степени сходными формами. Конкретно-про-

цессный вид в прошедшем времени представлен более богато, поскольку против одного общего варианта настоящего времени он обладает двумя.

То же самое можно сказать и о постоянно-протяженном виде в прошедшем времени: шесть вариантов против четырех настоящего времени. Регулярный вид обыкновения в прошедшем времени представлен тремя вариантами, а регулярный вид настоящего времени — двумя. Еще более значительно расхождение между многократным видом прошедшего времени и этим же видом настоящего: пять вариантов против одного. Четыре варианта вида развития действия прошедшего времени противопоставлены трем вариантам того же вида настоящего времени. Очень близки структурно и по количеству вариантов виды состояния в настоящем и прошедшем времени. Шести вариантам форм результативно-комплетивного вида в прошедшем времени противостоят лишь три варианта настоящего времени, а двум вариантам инхоативного вида прошедшего времени — один того же вида настоящего. Вид действия на грани начинания представлен в прошедшем времени лишь тремя вариантами против пяти настоящего.

Итак, в семи видах большим количеством форм располагает прошедшее время и лишь в одном — настоящее. В двух видах количество вариантов уравновешено,

В общем плане прошедшее время представлено 39 выявленными вариантами, а настоящее — лишь 28. Отсюда можно сделать вывод, что прошедшее время более богато по разнообразию форм видов, чем настоящее.

Кроме того, значительное расхождение наблюдается и в структуре моделей видов. Так что наборы видовых форм настоящего и прошедшего времени различаются и количественно, и качественно.

Будущее время

Формы будущего времени выражают действие, происходящее после момента речи (в настоящем времени).

Мы установили восемь вариантов форм будущего времени.

Первый (основной) вариант форм будущего времени

Этот вариант основывается на формах, включающих звук /g/. Поскольку будущее время носит более абстрактный характер, чем настоящее и прошедшее, оно имеет меньший набор видов.

Нам удалось выявить следующий набор видов для первого варианта форм будущего времени.

Общий вид действия. Этот вид мы называли общим, поскольку действие в будущем представлено им в самом общем плане. Он может выражать действие результативно-комплетивное и обычное несовершенное, длительное и краткое, однократное и многократное. Это – синтетическая (а с отрицательной частицей – аналитическая) форма, основанная на звуке /g/. Она образуется присоединением к ИГФ аффиксов (включающих данный звук /g/). По наблюдениям Гилла [Gill, 147], все ИГФ (или корни, как он их называет) с ровным тоном меняют его на восходящий (ИГФ с нисходящими тонами остаются неизменными). Ниже приводится набор аффиксов будущего времени для ИГФ с исходом на согласный звук:

Лицо	Мужской род		Женский род	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е	-āṅgā(-ūṅgā)	-āṅge	-āṅgī(-ūṅgī)	-āṅgīā
2-е	-eṅgā	-oge	-eṅgī	-ogīā
3-е	-egā(-ūgā)	-eṅge	-egī(-ūgī)	-eṅgīā

Проиллюстрируем применение этих аффиксов на примере глагола *dəssṇā* ‘сказать’ (ИГФ *dəss*, тон на аффиксе):

Лицо	Мужской род		Женский род	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е	<i>dəssāṅgā</i> (<i>dəssūṅgā</i>)	<i>dəssāṅge</i>	<i>dəssāṅgī</i> (<i>dəssūṅgī</i>)	<i>dəssāṅgīā</i>
2-е	<i>dəsseṅgā</i>	<i>dəssoge</i>	<i>dəsseṅgī</i>	<i>dəssogīā</i>
3-е	<i>dəssegā</i> (<i>dəssūgā</i>)	<i>dəssəṅge</i>	<i>dəssegī</i> (<i>dəssūgī</i>)	<i>dəssəṅgīā</i>

Если ИГФ оканчивается на гласный звук (исключая -ū и -ū̃, которые, кстати, встречаются редко), то аффикс будущего времени может факультативно начинаться со звука -w- (снятие зияния), однако в разговорной речи часто обходятся и без него, так что существуют два алломорфа таких форм (не считая алломорфов с варьированием первого гласного аффикса),

Приведем иллюстрации для глагола *dəṇā* ‘давать’ (ИГФ *de*):

Лицо	Мужской род		Женский род	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е	<i>dəwāṅgā</i>	<i>dəwāṅge</i>	<i>dəwāṅgī</i>	<i>dəwāṅgīā</i>

	(<i>dēwūṅgā</i>)		(<i>dēwūṅgī</i>)	
	<i>dēāṅgā</i>	<i>dēāṅge</i>	<i>dēāṅgī</i>	<i>dēāṅgīā</i>
	(<i>dēūṅgā</i>)		(<i>dēūṅgī</i>)	
2-е	<i>dēweṅgā</i>	<i>dēwoge</i>	<i>dēweṅgī</i>	<i>dēwogīā</i>
	<i>dēēṅgā</i>	<i>dēoge</i>	<i>dēēṅgī</i>	<i>dēogīā</i>
3-е	<i>dēwegā</i>	<i>dēwange</i>	<i>dēwegī</i>	<i>dēwangeīā</i>
	(<i>dēwūgā</i>)		(<i>dēwūgī</i>)	
	<i>dēégā</i>	<i>dēnge</i>	<i>dēégī</i>	<i>dēngeīā</i>
			(<i>dēūgī</i>)	

В текстовых примерах мы для простоты тон не обозначаем: *ṭāṅgāṇīkā vīcc aṇviāhīā 3ṛtā utte ṭeks laṅgegā* [NZ, 9.II.1962, 1] 'В Танганьике с незамужних женщин будет взиматься налог', *rāmditte dī ghoṛī āūgī, nāle nāhir liāūgī* [As, 70] 'Кобыла Рамдитта придет и канал с собой принесет' (шутка), *kī tustī aḍe vāl dhiān dewoge?* [Am, 23] 'Вы будете на него обращать внимание?', *aṣī moṭar kār vīcc jāwāṅge* [Am, 22] 'Мы поедем автомобилем', *ṣātā toṛī e'phull nāhī kāmṭṭṅe* [Am, 23] 'До вечера эти цветы не завянут'.

Здесь целесообразно привести формы синтетического будущего от глагола *hoṛā* 'быть', использующиеся в служебной функции в разных аналитических образованиях:

Лицо	Мужской род		Женский род	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е	<i>howāṅgā</i> (<i>hoūṅgā</i>)	<i>howāṅge</i> (<i>hoāṅge</i>)	<i>howāṅgī</i> (<i>hoūṅgī</i>)	<i>howāṅgīā</i>
2-е	<i>hoeṅgā</i> (<i>howeṅgā</i>)	<i>howoge</i>	<i>hoeṅgī</i> (<i>howeṅgī</i>)	<i>howogīā</i> <i>howogīā</i>
3-е	<i>hoegā</i> (<i>howegā</i>)	<i>hoṅge</i>	<i>hoegī</i> (<i>howegī</i>)	<i>hoṅgīā</i>

Следует указать, что в служебной функции могут также использоваться (хотя реже, чем формы *hoṛā*.) и формы синтетического будущего данного вида от некоторых других глаголов (например: *sikkā* 'завершаться', *kāṇā* 'делать' и др.), что будет проиллюстрировано ниже.

Конкретно-процессный вид. Формы этого вида имеют значения конкретности и процессности действия в будущем времени. Они образуются аналитически из ИГФ — знаменательного компонен-

та, модификатора вида — причастия II от глагола *gəhiṇā* ‘пребывать’, ‘находиться’ — и модификатора финитности — личной формы глагола *hoṇā* в будущем времени, например: *illā śikār dī khoj vicc udd gəhiṇā hoṇṭā* [Am, 26] ‘Коршуны будут летать в поисках добычи’, *bāṇṭā lūṇ, tel, mircā ves riḥā howegā* [Am, 26] ‘Лавочник будет продавать соль, растительное масло, специи’, *ṣej kile de bāhr tāmḇū ləgā gəhiṇā howegī* [Am, 26] ‘Воинская часть будет располагаться лагерем за фортom’.

Постоянно-протяженный вид. Формы этого вида выражают постоянство или протяженность действия в будущем времени, либо то и другое вместе. Иногда они имеют более конкретное значение: ‘будет (будут) продолжать что-то делать’.

Нам удалось обнаружить два варианта форм этого вида (оба аналитические).

1. Первый вариант форм образуется из причастия I — знаменательного компонента — и личной формы глагола *gəhiṇā* ‘продолжаться’, ‘пребывать’ в будущем времени, являющейся одновременно модификатором и вида, и финитности. Знаменательный компонент выполняет и служебную функцию модификатора числа и рода. Примеры: *mē piār kerdā gəhāṅgā* [S, 205] ‘Я буду долго любить’, *əstī is ghol nū jārī rəkkhāṅge te is pəṅpəṅā nū hor agge khəṅṅ vicc āṇṇe vallō pūrī pūrī vāh lōṇde gəhāṅge* [NZ, I.X.1962, 1] ‘Мы будем продолжать эту борьбу, а также будем продолжать делать все возможное для того, чтобы все больше и больше развивать (букв. внедрять) эту традицию в дальнейшем’. Во втором примере у сказуемого *lōṇde gəhāṅge* (одного из однородных сказуемых) ярко выступает значение ‘будем продолжать делать’; это же значение имеет и другое однородное сказуемое *jārī rəkkhāṅge* ‘будем продолжать’ благодаря лексическому элементу *jārī* ‘продолжающийся’.

2. Второй вариант форм образуется из причастия II — знаменательного компонента — и финитной формы глагола *gəhiṇā* ‘продолжаться’, ‘пребывать’ в будущем времени, которая несет те же служебные нагрузки, что и в первом варианте, например: *mē oḍe vall piṭṭh kārī bethā gəhāṅgā* [D] ‘Повернувшись к ней спиной, я буду продолжать сидеть’ (или: ‘буду долго сидеть’), *həṭṭh jeb vicc gəddiā gəhəgā* [D] ‘Рука останется вложенной в карман’.

Результативно-комплетивный вид. Формы этого вида выражают идею завершенности действия к какому-то моменту или в какой-то момент будущего.

Нам удалось выявить следующие варианты форм этого вида.

1. Первый вариант форм (наиболее распространенный) образуется из ИГФ — знаменательного компонента, модификатора вида — причастия II от глагола *sukkrā* ‘завершаться’ — и модификатора финитности — личной формы глагола *hoṇā* в будущем времени, например: *kəllh əst̃ dillī tō vāpəs ā sukke howāṅge* [Am, 29] ‘Завтра мы вернемся(букв. будем вернувшись)из Дели’, *skūl khulləṇ təkḥ vəkḥā thəmm sukki howegī* [Am, 29] ‘Дождь прекратится к открытию школы’, *ḍākṭər de puijəṇ tō pəhilā rogī mər sukkiā howegā* [Am, 29] ‘Больной умрет до прибытия доктора’.

2. Второй вариант форм образуется из ИГФ — знаменательного компонента — и личной формы глагола *sukkrā* ‘завершаться’ в будущем времени, которая является модификатором и вида, и финитности, например: *mē piār kəg sukkaṅgā* [S, 204] ‘Я полюблю’, *jəd o' khā sukkegā* [Nw, 242] ‘Когда он поест’.

3. В форме, подобной второй, вместо глагола *sukkrā* в качестве модификатора вида и финитности может использоваться один из глаголов, которые выступают как модификаторы интенсивности, например: *mē e'khətt ḍāk vicc pā dewāṅgā* [Am, 22] ‘Я опущу это письмо в почтовый ящик’, *əst̃ chuṭṭī lə ləwāṅge* [Am, 23] ‘Мы отпросимся с работы’, *kī gəḍḍā is nāl vicc ḍigg rəwegā?* [Am, 24] ‘Не свалится ли повозка в этот ручей?’, *tust̃ gəḍḍī tō rāhi jāwoge* [Am, 22] ‘Вы отстанете от поезда’.

В третьем варианте ощущается гораздо меньший акцент на комплетивности действия, чем в первых двух, хотя он и достаточный, чтобы его формы можно было бы отнести к данному виду.

4. Четвертый вариант форм комплектуется из следующих компонентов: ИГФ — знаменательного компонента, причастия II от глагола — модификатора вида (который вообще используется как модификатор интенсивности), чаще всего от глагола *deṇā* ‘давать’, модификатора финитности — личной формы глагола *hoṇā* в будущем времени. Последние две служебные формы составляют форму перфекта будущего времени. Разумеется, помимо функции модификатора вида, причастие II является еще и модификатором числа и рода. Интересно отметить, что данная видовая модель форм используется на базе эргативной конструкции. Эта эргативная конструкция со сказуемым в будущем времени еще более ярко (чем эргативная конструкция со сказуемым на базе ГМП) опровергает точку зрения тех индологов-лингвистов, которые считают, что эргативная конструкция выражает лишь совершенное действие в прошлом. При-

меры: *hərh ne piŋd nā nās̃t̃ kər dittā howegā* [Am, 29] 'Наводнение разрушит (букв. будет иметь разрушенной) деревню', *ḍākūā ne təkān nū āgg lā dittī howegī* [Am, 30] 'Грабители подожгут (букв. будут иметь подожженным) дом'.

Многочисленный вид. Ряд примеров, приведенных Ньютоном, показывает, что в панджаби в будущем времени есть и многочисленный вид, формы которого образуются из герундия II – знаменательного компонента – и личной формы глагола *kərnā* 'делать' в будущем времени, которая является модификатором финитности. (Примечательно, что знаменательный компонент – герундий II изменяется по родам и числам и таким образом является также модификатором рода и числа, например: *mē hoyā kəṛāṅgā* [Nw, 243] 'Я буду неоднократно', *asī hoe kəṛāṅge* [Nw, 243] 'Мы будем неоднократно', *kurī hoṃ kəṛegī* [Nw, 243] 'Девушка будет неоднократно', *kurīā hoṃ kəṛāṅgā* [Nw, 244] 'Девушки будут неоднократно'.

И в хоативный вид. Нам также встретились случаи, иллюстрирующие употребление инхоативного вида в будущем времени, формы которого образуются из субморфированной автосемы инфинитива – знаменательного компонента, основного модификатора вида – ИГФ глагола *ləggṇā* 'прикасаться' – и второго модификатора вида – личной формы глагола *reṛā* 'происходить' в будущем времени, которая к тому же является модификатором и числа, и рода, и финитности, например: *kurī roṇ ləgg rəwegī* [D] 'Девушка начнет плакать', *muḍā rəḥṇ ləgg rəwegā* [C] 'Мальчик начнет читать'.

Второй вариант будущего времени

(будущее неполносистемное)

В панджаби также существует еще одна разновидность будущего времени, формы которой наличествуют лишь в первом и третьем лице единственного числа. Поэтому мы назвали данную разновидность времени будущим неполносистемным.

Анализируемые формы образуются синтетически: в первом лице к ИГФ присоединяют суффикс *-ū*, а в третьем – *-ū*. Если ИГФ имеет ровный тон, то, как и в будущем первого варианта, он меняется на восходящий. Примеры: *jāṇā* 'идти' – *jā* + *ū* = *jāū* 'пойду', *jā* + *ū* = *jāū* 'пойдет', *dəssṇā* 'говорить' – *dəss* + *ū* = *dəssū* 'скажу', *dəss* + *ū* = *dəssū* 'скажет'. Сентенсные примеры: *baccē, mē terīā sārīā mēpnī, tere hukm ənusār cālū* [Hc, 19] 'Дитя, я выполняю все твои [желания] и поступлю, как велишь', *o' fəteh keō nā hoū?* [As, 68] 'А почему это

‘не будет победой?’, *jekər tũ e' kətm nā kītā, tã ter̃ khəbər ləũ* [C] ‘Если ты не сделаешь эту работу, то я тебе покажу’.

Мы обнаружили также два примера, показывающие, что данный вариант будущего времени может иметь видовые разновидности в частности результативно-комплетивный вид, форма которого может образовываться аналитически из ИГФ — знаменательного компонента — и форм будущего неполносистемного от глагола *jaṇā*, являющихся модификатором и вида, и финитности, например: *uḥāḍī mīhr ho jāũ tã...* [As, 68] ‘Если на то будет Ваша воля, то...’, *bḥāwē ruṇātā tã terā sō khərc ho jāũ, pər...* [As, 69] ‘Хотя на это израсходуется твоих сто рупий, но...’.

Данные примеры содержат глагол *hoṇā* ‘быть’, ‘происходить’ в результативно-комплетивном виде будущего времени (неполносистемного). В первом примере этот глагол — самостоятельное сказуемое, а во втором он является глагольным компонентом глагольно-именного сказуемого.

Третий вариант будущего времени (эмфатическое будущее в отрицательных формах)

Этот выявленный нами вариант будущего времени содержит в своем значении оттенок твердости, уверенности, решительности, т.е. эмфатического аспекта. Как правило, его формы используются в отрицательных предложениях. Они образуются аналитически из субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента, формы глагола *ləggā*, омонимичной причастию II и выступающей в качестве модификатора рода и числа, а также отрицательной частицы *nəhī*. Категории времени, наклонения, лица и вообще финитности (предикативности) определяются сочетанием всех компонентов с учетом лица подлежащего. В отрицательных предложениях эта аналитическая словоформа омонимична шестому варианту результативно-комплетивного вида и второму инхотативного вида прошедшего времени. Примеры: *o' tuḥā nũ kuḥ kəḥīp həhī ləggī* [Ch, 15] ‘Она Вам ничего не скажет’, *əjihe ghol tō binā so-śālizm nəhī hoṇ ləggā* [D] ‘Без такой борьбы социализма не будет’.

Нам также встретился пример с составной глагольной формой, содержащей модально-потенциальный глагол *səkkā* ‘мочь’ в этой разновидности будущего времени: *kise vī kisəm dīā mušklā məzdūrā nũ rok nəhī səkkəṇ ləggīā* [D] ‘Никакие трудности не смогут остановить пролетариат’.

Этот вариант будущего времени представлен формой, омонимичной форме первого варианта обычного несовершенного вида настоящего времени. Его словоформа образуется аналитически из причастия I — знаменательного компонента, несущего также грамматическую нагрузку (показатель рода, числа, а также действительного и побудительного залога), и модификатора финитности — формы настоящего времени глагола *hoṇā*. Вместо последней может выступать ее эквивалент: отрицательная частица (в отрицательных предложениях). Данная аналитическая форма может выступать не только как самостоятельное сказуемое, но и как аналитическая связка именного сказуемого или глагольный компонент глагольно-именного словосочетания, эквивалентного глаголу. Примеры: *vekhīe tere nāl vidhātā kis torhā dā vartātā kerdā he* [Se¹, 17] 'Посмотрим, как судьба (букв. создатель) отнесется к тебе', *jāyā kī hundē?* (= *hundā he*) [Gb⁴, 54] 'А что будет, если пойти?', *mā kuṇḍā tā kholh nahī dāssdī kujh* [Hc, 21] 'Мама, открой щеколду, я ничего не скажу'.

Этот вариант будущего времени также может иметь видовые разновидности, в частности, мы обнаружили и формы результативно-комплетивного вида с модификаторами данного вида, выраженными глаголами *jāṇā* 'идти' и *deṇā* 'давать'. В целом такая форма образуется из ИГФ — знаменательного компонента или основного компонента глагольной части глагольно-именного сказуемого, причастия I — модификатора вида — и модификатора финитности — формы настоящего времени глагола *hoṇā* 'быть' или ее эквивалента, например: *aho bātārī lagḡ jāndī e* [Gb⁴, 53] 'Заразишься той же болезнью', *jādō tākḡ deṣ azād nahī ho jāndā...* [D] 'Пока страна не станет свободной...'.

Формы результативно-комплетивного вида четвертого варианта будущего времени иногда могут по своему значению приближаться к формам вида действия на грани начинания в настоящем времени. Вполне возможно, что носители языка, игнорируя отдельные оттенки, составляющие разницу, могут их использовать вместо форм вида действия на грани начинания. Приведем два примера: *mē huṇe nikkāl jāndā hā* [Gb³, 14] 'Я уйду сию же минуту', *huṇe kholh dindī ā* [Hc, 22] 'Сейчас же открою'.

Пятый вариант будущего времени

В разговорной речи мы обнаружили еще один вариант будущего времени, аналитические формы которого омонимичны формам конкретно-процессного вида. В целом формы пятого варианта будущего времени слагаются из следующих компонентов: ИГФ – знаменательного компонента, причастия II от глагола *rāhiṇā* и модификатора финитности – формы глагола *hoṇā* настоящего времени. Модификатором времени здесь служит сочетание всех компонентов, например: *tusiṭ māsīn te loḍ kədd' rā rāhe ho?* [ГГ] 'Когда вы поставите агрегат под нагрузку?', *tusiṭ kəḍ pinṣən te jā rāhe ho?* [Am, 24] 'Когда Вы уйдете на пенсию?'

Шестой вариант будущего времени

Этот вариант, также установленный нами, базируется на форме, омонимичной причастию II. Преимущественно эта форма выражает действие результативно-комплетивного вида в будущем и образуется из ИГФ – знаменательного компонента и формы глагола (часто *jāṇā* 'идти' или *callṇā* 'двигаться'), омонимичной причастию II и выступающей одновременно как модификатор шестого варианта будущего времени, модификатор результативно-комплетивного вида и модификатор финитности. В отрицательных предложениях в рассматриваемую аналитическую форму входит еще и отрицательная частица. Чаще всего анализируемая форма встречается в условной придаточной части сложноподчиненного предложения. Примеры: *je mē bəc giā tā yād rəkkhīṭ terī kher nəhī* [M, 27] 'Если я поправлюсь, то, запомни, ничего хорошего не жди', *us nū kujh nəhī ho calliā* [G², 39] 'Ничего с ним не случится'. Форма данного варианта может быть и синтетической, например: *je mīh riā te o' nəhī jānge* [Am, 41] 'Если пойдет дождь, они не поедут'.

Седьмой вариант будущего времени

Этот вариант мы обнаружили в формах, основывающихся на ГМП (в первую очередь непереходных глаголов). Чаще его формы бывают аналитическими и включают ГМП – знаменательный компонент и одновременно модификатор данного варианта – и форму настоящего времени глагола *hoṇā*, являющуюся модификатором финитности, например: *odā viāh əgle mēhīne hoṇā he* [Jw, 258] 'Его свадьба состоится в следующем месяце', *purī nā itthe rəṭ, nā utthe rəṭī e* [Da, 31] 'Успех не выпал здесь, не выпадет и там'.

Как видно, в состав формы в отрицательных предложениях входит отрицательная частица.

Восьмой вариант будущего времени

Мы обнаружили пример, в котором будущее время выражается сказуемым, представленным инфинитивом: *phir mē khā lāwārgī te tust gallā kāmā* [Та, 66] 'Затем я поем и вы поговорите'. Кстати, эта форма (инфинитив) используется параллельно с формой первого варианта будущего времени (*khā lāwārgī* 'поем').

Категория наклонения

Наклонение — это одна из грамматических категорий глагола. Она входит как грамматическая категория в более широкую категорию, модальность, присущую предложению в целом и выражающую отношение всего высказывания к реальности. Наклонение же выражает отношение действия, передаваемого сказуемым, к реальности. (Причем это отношение подается через призму говорящего, определяется им.

Нам удалось установить в панджаби следующие наклонения: изъявительное, повелительное, допустительное, сослагательное, предположительное, условное, условно-проблематичное, эмпатического отказа совершить действие (в прошлом), потенциальное и гибридные (повелительно-допустительное и допустительно-сослагательное). Первые три и повелительно-допустительное относятся к прямым наклонениям, поскольку они выражают реально совершающиеся действия, остальные же наклонения принадлежат к разряду косвенных, поскольку они рефлектируют не реальные действия, соответствующие действительности, а модальные значения и чувства говорящего (желание, цель, сомнение, нереальное условие, предположение, зависимую нереальность, возможность, волю, необходимость, заботу, опасение, решимость и др.) в отношении действия, которое поэтому не имеет прямого соответствия реальности.

Изъявительное наклонение

Все формы изъявительного наклонения, представленные выше как разновидности категории вида глагола во всех временах, выражают действие сказуемого как соответствующее реальности. Это наклонение наиболее распространено в языке. Все его формы описаны в разделах, касающихся категории времени и вида (иллюстрации см. в этих разделах).

Повелительное наклонение выражает повеление, побуждение, приказание или просьбу совершить действие.

Существует несколько вариантов форм императива, которые нередко сопровождаются побудительными частицами. Мы выявили следующие частицы: *səhĩ*, *zəɾā* 'ну-ка', 'ка', *khā* 'ну-ка', 'ли', *tā* 'же', *nā* 'же' (последнюю нельзя смешивать с отрицательной частицей *nā*). Могут употребляться и сочетания двух-трех побудительных частиц: *tā səhĩ*, *zəɾā... tā səhĩ*. Императив может быть и в отрицательной форме, для которой типично употребление отрицательной частицы *nā*.

В единственном числе мы обнаружили следующие варианты императива.

1. Первый вариант представлен формой, равной ИГФ, например: *hē! tū gəll tā suŋ* [G², 32] 'Послушай же меня', *sir nā khā*, *jā* [G², 32] 'Не беспокой, иди', *surjū cāh læggā jəldĩ* [Л, 4] 'Сурджу, подай быстро чай', *pər zəɾā vekh tā səhĩ mere tətū vəll* [As, 68] 'Но взгляни-ка на моего пони', *bəɾā ke vikhā khā?* [De, 13] 'Не покажешь ли, как строить?'.

Существуют и разновидности этого варианта императива в отношении категории вида, например: *nĩ rəthānĩe həlĩ cəɾiā kər* [Gb⁴, 51] 'Дорогая патанка, всегда поднимайся медленно' (многократный вид), *rərhĩ jā* [Cm] 'Продолжай читать' (один из вариантов вида развития).

По наблюдениям Гилла [Gill, 152], глаголы, ИГФ которых оканчиваются на гласный *-ā*, не присоединяющий в инфинитиве других гласных, в императиве единственного числа меняют ровный тон на восходящий. Разумеется, сюда относятся немногочисленные глаголы типа *jānā* 'идти' и *khānā* 'есть', например: *jā* 'идти', *khā* 'есть'.

2. Вежливый императив, образуемый добавлением к ИГФ аффикса *-ĩ*, например: *tū mere mətthe nā læggĩ* [N] 'Ты, пожалуйста, не попадайся мне на глаза', *əggō ihtĩāt gəkkhĩ* [Gb³, 16] 'Впредь будь, пожалуйста, осторожнее'.

Если ИГФ имеет в исходе гласный, то довольно часто вместо аффикса *-ĩ* используется аффикс *-wĩ*, при этом конечный гласный ИГФ может переходить в краткий *-ə*, например: *āwĩ* 'приходи' от *ānā* (ИГФ *ā*) 'приходить', *səwĩ* 'спи' от *sənā* 'спать' (ИГФ *sə*), *pīwĩ* 'пей' от *pīnā* 'пить' (ИГФ *pī*). Приведем пример из текста:

kəllh durəhir dī roṭi tū āp ləke āwī [As, 69] 'Завтра, пожалуйста, ты сам принеси обед'.

Во множественном числе нами зафиксированы три следующие разновидности императива (3, 4 и 5; 6, 7, 8 – смешанные случаи).

3. Обычная форма императива, образуемая добавлением аффикса *-o* к ИГФ. Если последняя имеет ровный тон, то в императиве меняет его на восходящий [Gill, 153]. В случае окончания ИГФ на гласный звук часто вместо аффикса *-o* используется аффикс *-wo*. При этом более долгие и открытые гласные, встречающиеся в исходе ИГФ, могут заменяться на краткий звук *-ə*. Примеры: *oñū tēlīfən te bulāo* [Am, 68] 'Позвоните ему', *cheiṭ rōṇso* [Bs, 15] 'Прибывайте быстрее', *āpṇā sətā be-ərth nā gəwāo* [Am, 32] 'Не теряйте зря времени', *pustək ləwo* [C] 'Возьмите книгу', *vədhāyū kāhdī dəssō nā!* [I, 5] 'С чем поздравить, скажите-ка!'

Рассматриваемый вариант императива также может иметь разновидности форм категории вида, например: *āpṇā kəmm kərde jāo* [Jw, 272] 'Продолжайте свою работу' (вид развития действия), *uthe nā jāyā kəro* [Cm] 'Туда не ходите' (многократный вид).

Могут встречаться и интенсивные формы императива: *mere gəe iō kər lio tətā* [Se¹, 85] 'После моего ухода подогрейте [масло]'.

4. Форма вежливого императива (модель А), образуемая присоединением к ИГФ аффикса *-to*. Если ИГФ оканчивался на *-i*, то вместо аффикса *-to* присоединяется аффикс *-o* (как, например: *rīto* 'пожалуйста, пейте' для *rīṇā* 'пить'). А глагол *sīṇā* 'шить', используя тот же аффикс *-o*, утрачивает еще конечный гласный ИГФ *-ū(sīṇū)*, т.е. *sīto* 'пожалуйста, шейте'. Приведем примеры: *iho jihīā ciṭṭhā nā līkhio* [C] 'Пожалуйста, не пишите таких писем', *itthe əksər pəssio* [C] 'Пожалуйста, танцуйте здесь почаще'.

Ньютон отмечает [Nw, 95], что форма вежливого императива (по нашей классификации модель А) множественного числа и форма вежливого императива единственного (образуемая при помощи аффикса *-i*) чаще используются для повторяемого, а не однократного действия.

5. К формам вежливого императива (модель Б) следует также отнести форму, выражающую вежливое побуждение к действию говорящим и своего собеседника (или собеседников), и самого себя. Эта форма образуется присоединением к ИГФ аффикса *-te*, например: *cəllo cəllīe dəs vəjjən vāle hən* [Am, 101] 'Пойдемте, уже около десяти часов', *əo əsī e'rukkh degīe* [Am, 31] 'Давайте повалим это

дерево'. Такая форма глагола часто сопровождается формами глаголов *aṇṇā* 'приходить' и *caḷḷṇā* 'двигаться' *āo*, *caḷlo*, выполняющими в данном случае побудительную функцию.

6. Как уже указывалось выше, повелительное наклонение может быть выражено и инфинитивом. Воспроизводим два примера из раздела «Инфинитив»: *paṭṭar dī paṇhiṇc bhejāṇ dī kirpā kəṇṇā* [Bo, 116] 'Пожалуйста, подтвердите получение письма', *kirpā kər ke ḍṇū zəgūr bhejṇā* [Am, 31] 'Пошлите его, пожалуйста, обязательно'.

7. Выше также указывалось, что императив может быть выражен и ГМП. Воспроизводим примеры из раздела «Герундивно-модальное причастие»: *əzṛi skūle ghall denī* [Gb⁴, 56] 'Пошлите заявление в школу', *bheṇ jī, mən cit nā laṇṇī eṇṇā dī gall* [I, 8] 'Сестра, не принимайте [близко] к сердцу то, что он говорит'.

8. Нам встретилась также форма, омонимичная форме первого варианта сослагательного наклонения, которая выражает императив, причем она, к тому же сопровождается сочетанием побудительных частиц *iṭṭā səhī*: *paṇḍət jī dəssəṇ iṭṭā səhī* [AP, 15.И.1954] 'Пусть господин Пандат скажет'.

Допустительное наклонение

Мы обнаружили в панджаби также допустительное (разрешительное) наклонение (или пермиссив). Его формы выражают значение позволения, разрешения действия (или при отрицании его недопустимость, запрет его совершения). Оно распространяется на все три времени с некоторыми расхождениями в вариантах форм. Ниже приводятся формы (все аналитические) данного наклонения для каждого времени отдельно.

Допустительное наклонение в настоящем времени. Для данного времени нам удалось выявить три варианта форм.

1. Первый вариант форм образуется из субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента, модификатора наклонения — причастия I от глагола *deṇā* 'давать', выражающего также категории рода и числа, и модификатора финитности — личной формы глагола *hoṇā* в настоящем времени или его эквивалента. Специфическая служебная роль глагола *deṇā* в данном аналитическом образовании подтверждается тем, что он утрачивает лексическое значение «давать» и становится выразителем идеи разрешения (действия), а также тем, что он сам в предложениях с подобными формами сказуемого не может иметь прямого дополнения. Примеры: *tere pitā jī mənū us muṇḍe nāl khedəṇ dende hən* [Tr⁷] 'Мой папа раз-

решает мне играть с тем мальчиком', *dāktar us rogī nū nāhī rāhān dēdā* [Tr] 'Врач не разрешает тому больному читать', *mē us nū likhān dēdā hā* [D] 'Я разрешаю ему писать'. Как видно, первый вариант форм данного вида используется в двусоставных предложениях, в которых подлежащее выражает субъект, разрешающий или запрещающий действие.

2. Второй вариант форм отличается от первого тем, что в качестве модификатора наклонения используется не причастие I от глагола *dēnā*, а его пассивное причастие. К такой разновидности формы чаще всего прибегают тогда, когда неизвестен субъект действия или когда его не хотят упоминать. Иначе говоря, второй вариант встречается в односоставных предложениях, например: *mere jeḍe muṇḍiā nū oḍe kol jān nāhī dāḍdā* [Gb⁴, 53] 'Таким мальчикам, как я, не разрешается к ней ходить', *iṭhe nāhān nāhī dāḍdā* [C] 'Здесь не разрешается купаться', *ḅacciā nū rāt vele nāhī rāhān dāḍdā* [D] 'Детям не разрешается читать ночью'.

3. Третий вариант характерен тем, что глагол *dēnā* 'давать' находится в аналитическом пассиве, образуемом при помощи глагола *jānā* 'идти'. В целом формы данного варианта состоят из следующих компонентов: субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента, причастия II от глагола *dēnā* — модификатора наклонения, причастия I от глагола *jānā* 'идти' — модификатора пассива — и личной формы глагола *hoṇā* 'быть' в настоящем времени, являющейся модификатором финитности. В отрицательных предложениях вместо последнего выступает отрицательная частица *nāhī*. Третий вариант форм встречается также в односоставных предложениях. Возможность преобразования служебного компонента, образованного от глагола *dēnā*, в аналитическую пассивную форму несколько не предопределяется переходностью или непереходностью знаменательного компонента (к этой форме прибегают, когда неизвестен субъект действия или его не хотят упоминать). Однако мы выявили здесь одно своеобразие: при наличии прямого дополнения, появление которого может быть обусловлено вовсе не служебным компонентом (образованным от *dēnā*), а лишь знаменательным компонентом, обладающим категорией переходности, все служебные компоненты согласуют свою форму с этим дополнением, возникновение которого предопределено отнюдь не их наличием (причастие II от *dēnā* и причастие I от *jānā* 'идти' — в роде и числе, а модификатор финитности — лишь в числе).

Все это свидетельствует о целостности, нерасчлененности словоформы, отношения компонентов которой определяются всем образованием в целом. Указанное согласование происходит по способу связи, названному нами «взаимодействием» и рассматриваемому ниже. Примеры: *e'kitāb kise nū vī rəḥən nəhī ditti jāndī* [H] 'Никому не разрешается читать эту книгу', *bəccīā nū itthe nəhī khedən ditta jāndā* [Cm] 'Детям не разрешается здесь играть', *e'kitābā sārīā nū rəḥən dittiā jāndīā hən* [H] 'Эти книги разрешают читать всем'.

Допустительное наклонение в прошедшем времени. Для данного времени нам удалось выявить четыре варианта форм. Первые три родственны по структуре своим коррелятам в настоящем времени, а четвертый не имеет соответствия в настоящем времени.

1. Формы первого варианта образуются из субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента, модификатора наклонения — причастия I от глагола *deḥā* 'давать', 'дать', выражающего также категории рода и числа, и модификатора финитности — личной формы глагола *hoḥā* в прошедшем времени (а при отрицании еще добавляется отрицательная частица). Примеры: *o' sād nū itthe phull toḥən nəhī dende sən* [Tr] 'Они нам не разрешали рвать здесь цветы', *cəḵīdār bəccīā nū itthe khedən dendā sī* [C] 'Чаокидар позволял детям здесь играть', *sundār məḥcālā nā āp rəḥdā sī, nā kise nū rəḥən dindā* [Du, 45] 'Сундар Маучала сам не учился и другим не давал'. В последнем предложении модификатор финитности *sī* опущен (эллипсис), поскольку его уже употребили в составе первого однородного сказуемого (*nā...rəḥdā sī*).

2. Во втором варианте форм в качестве модификатора наклонения используется, как и в настоящем времени, пассивное причастие от глагола *deḥā*, а модификатором финитности служат личные формы глагола *hoḥā* 'быть' в прошедшем времени. Этот вариант форм используется в односоставных предложениях (без группы подлежащего), например: *mən nū itthe gāḥən nəhī dāīdā sī* [C] 'Мне там не разрешали петь', *bəccīā nū rāt vele nəhī rəḥən dāīdā sī* [D] 'Детям не разрешали читать ночью'.

3. Третий вариант форм данного вида отличается от своего коррелята настоящего времени (тоже третьего варианта) тем, что в качестве модификатора финитности используются формы не настоящего времени от глагола *hoḥā* 'быть', а прошедшего. Этот вариант также встречается лишь в односоставных предложениях.

Однако в отрицательных предложениях отрицательная частица *nəhī* не заменяет модификатор финитности, а является пятым компонентом аналитической формы. Примеры: *picchle sāl is rogī nū nəhī bhājən dittā jāndā sī* [Cm] 'В прошлом году этому больному не разрешали бегать', *pəhilā c'kitāb kise nū vī rəḥən nəhī dittī jāndī sī* [H] 'Раньше эту книгу никому не разрешали читать'.

4. Четвертый вариант форм употребляется в эргативной конструкции и чаще означает однократную допустимость или недопустимость действия. Однако встречаются случаи, когда такая допустимость или недопустимость происходит многократно. Примечательно, что данная модель ведет себя как переходный глагол, даже если знаменательный компонент выражен непереходным глаголом.

Исследуемая аналитическая словоформа состоит из следующих компонентов: из субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента — и формы прошедшего времени глагола *deṇā* 'давать', омонимичной причастию II и входящей в систему личных форм. Этот второй компонент выступает в качестве модификатора и рода, и числа, и финитности (в том числе и наклонения). При отрицании добавляется еще и отрицательная частица. Вот примеры, показывающие, что данная форма сохраняет переходность даже при знаменательном компоненте, выраженном непереходным глаголом: *onā ne sātī zindagī vicc kite vī dhəram dī hānī nəhī hoṇ dittī* [Sew, 10] 'Никогда за всю жизнь он не позволял наносить вред религии', *sipāhī ne onū ləngghən dittā* [Tr] 'Полицейский разрешил ему пройти'. Кстати, первый пример выражает многократную недопустимость действия в прошлом.

Может создаться впечатление, что глагол *deṇā* в таких конструкциях является самостоятельным сказуемым и перед ним лишь опущено какое-то существительное со значением «разрешение», «допустимость». Но тогда бы форма этого глагола оставалась неизменной в определенном роде и числе, будучи согласованной с таким существительным-дополнением по правилам взаимодействия в эргативной конструкции (о чем речь пойдет ниже). Однако, как можно судить по первому примеру, глагол *deṇā* согласовывает свою форму с другим существительным, в данном случае с *hānī* 'ущерб' женского рода единственного числа, а во втором примере форма глагола *deṇā* остается в мужском роде единственного числа. Это доказывает то, что подразумевать пропуск во фразе ка-

кого-то существительного со значением «допустимость», «разрешение» неправомерно.

Более того, даже тогда, когда знаменательный компонент образован от переходного глагола и, казалось бы, обладает своим собственным прямым дополнением, компонент, образованный от глагола *deṇā*, согласуется с этим дополнением. Все это свидетельствует о целостности и нерасчлененности аналитической словоформы, которая всегда носит характер переходного глагола. Специфика здесь состоит лишь в том, что отношения с дополнением, подлежащим и другими членами предложения выражаются через изменяемый, служебный компонент, представленный формой глагола *deṇā*. Вот ряд примеров на данный случай, выявленных нашими тестами: *mē ōñi us ihā kamm nāhi karən ditta* [Tr] 'Я ему не позволил там работать', *sāde ḍhiāpək ne sāñi e'kiāb nāhi pəṇən ditti* [D] 'Наш учитель не разрешил нам читать эту книгу', *sāde ḍhiāpək ne sāñi e'kiābā nāhi pəṇən dittiā* [D] 'Наш учитель не разрешил нам читать эти книги', *sāde ḍhiāpək ne sāñi e'risāle nāhi pəṇən ditte* [D] 'Наш учитель не разрешил нам читать эти брошюры'.

Допустительное наклонение в будущем времени. Для будущего времени мы выявили два варианта форм.

1. Первый вариант образуется из субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента — и служебного компонента — формы первого варианта будущего времени глагола *deṇā* 'дать', являющегося и модификатором наклонения, и модификатором всех остальных категорий финитности. В отрицательных предложениях добавляется еще и отрицательная частица *nāhi*. Примеры: *o' tuhā nū mēhisūs nāhi hoṇ dewegā ke...* [Du, 18] 'Он Вам не даст почувствовать, что...' (букв. 'он не позволит быть чувству, что...'), *asī teñi rūpāe utthe ghəllən nāhi dewāṅge* [Tr] 'Мы тебе не разрешим посылать туда деньги', *mē likhəṇ diāṅgā* [D] 'Я разрешу написать'.

2. Второй вариант базируется на форме пассива глагола *deṇā* 'давать' как модификатор наклонения в пассиве, образуемом при помощи глагола *jāṇā* 'идти'. В целом данная аналитическая форма комплектуется из следующих компонентов: субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента, причастия II от глагола *deṇā* — модификатора наклонения, формы первого варианта будущего времени глагола *jāṇā* 'идти' — модификатора пассива и времени. При отрицании еще добавляется отрицательная частица. Этот вариант форм используется в односоставных предложениях,

например: *is munde nū itthō ləṅgghaṇ dittā jāwega* [H] 'Этому мальчику разрешат здесь проходить', *us nū e'dawāṇ nāhī pīṇ dittī jāwegī* [H] 'Ему не разрешат пить это лекарство'.

Повелительно-допустительное наклонение

Повелительно-допустительное — гибридное наклонение. Его формы выражают значение повеления кому-то допустить или не допустить какое-то действие. В этих формах происходит своеобразное наложение значения императива на значение допустительного наклонения. Они образуются из субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента и служебного компонента — формы глагола *deṇā* 'давать' в императиве (чаще всего во множественном числе с аффиксом *-ō*), являющегося, таким образом, модификатором данного наклонения. В отрицательных предложениях добавляется отрицательная частица (преимущественно *nā*). Примеры: *us nū andār āun deo* [Am, 31] 'Впустите его' (букв. 'Разрешите ему войти'), *tustī onū ləṅgghaṇ deo* [N] 'Разрешите ему пройти', *iho jihe ādmīā nū ethe nā bēṭhaṇ deo* [Am, 32] 'Не разрешайте таким людям здесь сидеть'.

Сослагательное наклонение

Формы сослагательного наклонения представляют действие, которое либо не соответствует действительности вообще и противоречит ей, либо выражает неуверенность говорящего в отношении возможности его совершения, либо же рефлектирует самые разнообразные модальные значения (долженствование, желание, просьбу, мольбу, возможность, опасение, цель, решимость и т.д.). Формы сослагательного наклонения либо используются свободно в предложении, либо привязываются к определенной синтаксической структуре и лексическим элементам: его употребление в придаточной части сложноподчиненного предложения может зависеть от лексических элементов главной части, ее содержания, средств связи сложного предложения и его структуры.

Сослагательное наклонение представлено несколькими вариантами.

1. Первый вариант является основным. Это личные синтетические формы, не имеющие дифференциации по временам и родам. Форма образуется добавлением к ИГФ соответствующих аффиксов в разных лицах и числах. Если не считать тона, то ИГФ при образовании данных форм изменяется так же, как и при образовании

форм основного варианта будущего времени. Что касается тона, то ровный тон переходит в восходящий во 2-м и 3-м лице множественного числа [Gill, 150]. Ниже приводится набор аффиксов, присоединяемых к ИГФ с исходом на согласный звук:

Лицо	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е	-ā̃	-tē
2-е	-ē̃	-o
3-е	-e	-ən (-ən)

Проиллюстрируем применение этих аффиксов на примере глагола *dəssnā* 'сказать':

Лицо	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е	<i>dəssā̃</i>	<i>dəsstē</i>
2-е	<i>dəssē̃</i>	<i>dəssō</i>
3-е	<i>dəsse</i>	<i>dəssən</i>

Если же ИГФ оканчивается на гласный звук, то к ней могут присоединяться аффиксы, образованные добавлением спереди звука *w*- к приведенным выше аффиксам. Однако не во всех случаях это бывает обязательным и часто имеет факультативный характер. Так что могут существовать алломорфы с аффиксами, содержащими звук *-w*- и с таковыми без него. Однако если звук *-w*- отсутствует, то в третьем лице множественного числа присоединяется не аффикс *-ən* (*-ən*), а *-n* (*-n*). Ниже приводится инвентарь измененных за счет звука *-w*- аффиксов:

Лицо	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е	-wā̃	-wtē
2-е	-wē̃	-wo
3-е	-we	-wən (-ən) или -n (-n)

Проиллюстрируем применение этих аффиксов на примере глагола *honā* 'быть':

Лицо	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е	<i>howā̃</i>	<i>howtē</i> (<i>hoŋe</i>)
2-е	<i>howē̃</i>	<i>howo</i>
3-е	<i>howe</i> (<i>hoe</i>)	<i>howən</i> (<i>hon</i>)

При образовании форм данного варианта наклонения у глаголов, чьи ИГФ оканчиваются на гласные *-e* и *-ā̃*, эти звуки переходят в *-ə*, например: *ləwā̃* 'я взял бы', *ləwe* 'он взял бы' от *lənā*

‘братъ’ (ИГФ *le*), *sawā* ‘я спал бы’, *sawē* ‘ты спал бы’ от *sāpā* ‘спать’ (ИГФ *sā*). А в ИГФ глагола *sīṭṭā* (ИГФ *sīṭ*) ‘шить’ выпадает последний гласный, например: *sīe* ‘он шил бы’.

Ниже дан ряд текстовых примеров, которые приводятся с дифференциацией по модальным и другим значениям:

желание: *je kādī e’cīzā tarāk anusār hoṇ!* [D] ‘Если бы это иногда делалось разумно!’, *nawā sāl mubārak howe!* [KL, I.1961, 3] ‘Поздравляю с Новым годом!’ (букв. ‘Пусть Новый год будет благословенным!’), *o! mēnī āzādī mile!* [Gb³, 17] ‘О если бы я получил свободу!’;

уступка: *bhāwē o’ mihnat kare nā kare o’ saphal nahī howegā* [Am, 45] ‘Трудится ли он, или нет, он все рано не добьется успеха’, *dīwār bhāwē kinnti ucet keō nā howe...* [Am, 42] ‘Какой бы высокой стена ни была...’.

испрашивание разрешения: *o’ andar āwe?* [C] ‘Ему входить внутрь?’, *kī mē āpṇī sahāitā lāt tuhādī agge bentī kagā?* [Jw, 197] ‘Мог бы я попросить помочь мне?’;

необходимость, потребность: *jithe kite kise de dhiān vicc iho jikhā koī istrī mard āwe, o’ sarkāre riporī kare* [PL, XII.1954, 20] ‘Где бы, кто бы ни заметил такого человека, ему нужно (или следует. — Ю.С.) докладывать правительству’;

неуверенность: *jis gāḍḍī te tusā jāṇā ē patā nahī kis vele āwe* [S, 366] ‘Никто не знает, когда прибудет поезд, на котором Вам предстоит ехать’;

нереальное условие: *je oṇā kol kāṭī sipāhī hoṇ, tā...* [Tr] ‘Если бы у них было достаточно солдат, то...’ (но у них их недостаточно), *je is vele mere kol rupāe hoṇ...* [Tr] ‘Если бы у меня сейчас были деньги...’ (но их нет);

оговорка: *jithe kite kise de dhiān vicc iho jikhā koī istrī mard āwe...* [PL, XII.1954, 20] ‘Где бы, кто бы ни заметил такого человека...’;

недоумение: *le, mē kī jāṇā?* [I, 5] ‘Послушай, откуда же мне знать?’;

вежливое откровение: *sacc dassā mē...* [Am, 73] ‘Сказать по правде, я...’;

возможность: *e’ kətm mē kiwē kagā?* [C] ‘Как я смогу выполнить эту работу?’.

Данный вариант форм очень широко используется в сложноподчиненном предложении с придаточной частью, вводимой союзом *ke*

или имеющей бессюзную связь с главной частью в сложных предложениях, близких по структуре к предложениям с союзом *ke*. Примечательно, что отношение содержащегося в придаточной части действия к действительности выражается какими-либо лексическими элементами главной части или всем ее содержанием. Главная часть служит в таких конструкциях своеобразной призмой, через которую рассматривается действие придаточной части. Так, например, если в ГЧ (главной части) содержится слово *sāhupā* 'хотеть' или обороты *icchā hoṇā* 'желать', *jī'kəṇnā* 'хотеть', 'желать' и другие подобные им слова и словосочетания, то действие ПЧ (придаточной части) рассматривается как желаемое и выражается формой согласительного наклонения, например: *mē sāhundā sā ke mē vī'cho jihā bəṇā* [Jh, 137] 'Я хотел стать таким же', *merī icchā hē ke o'itthe āwe* [Cm] 'Я хочу, чтобы он пришел сюда', *ikk din lājvanti dā jī' kītā bhāt horā nū o'vī cītthī likhe* [Du, 106] 'Однажды и Ладжванти захотела написать письмо господину священнику'. Как видно, формы одного и того же варианта используются и для настоящего времени (второй пример), и для прошедшего (первый, третий).

Кроме того, через действие ПЧ могут быть выражены такие значения, как:

мольба: *mē rəbb əgge duāwā kərdī rəhī, hāe e'sərāb nā rīṇ* [Du, 147] 'Я молила бога, чтобы он не пил вина';

приказ: *oṇū ākho ke o'gəṛibā nū nā sətāe* [Am, 32] 'Скажите ему, чтобы он не мучил бедных';

немыслимое действие: *pər e'kəde hoīā nēhī ke koī hindustāntī me-nū vekhe, te' āṇā hətth pətlūn viccō kəddhe nā* [Gb³, 16] 'Однако такого никогда не бывало, чтобы какой-то индеец видел бы меня и не вынимал бы руку из кармана' (английский профессор об индийце-студенте. — Ю.С.);

долженствование: *is gall dā dhiān rəkkhā cāhīdā hē ke o'hindī dī prātibhā de mutābək hoṇ* [NZ, 1.X.1962, 10] 'Нужно обращать внимание на то, чтобы они соответствовали духу хинди';

цель: *vīākəṇā dā kəmm hē ke o'bolī de picche picche bhəjje aṇe nē-m-bodh kəṛən de yātən kəre* [NZ, 1.X.1962, 1] 'Задача грамматики состоит в том, чтобы быстро следовать за языком и предпринимать попытки выработать правила';

решение: *mədrās kāṅgrəs ne pās kītā ke deś dīā sārīā jəmtāī svəṛāj dā khākā tiār kəṛən* [Jh, 37] 'Мадрасский съезд вынес резолю-

цию о том, чтобы все классы государства подготовили проект самоуправления’;

разрешение: *is nāl sādē bhāṣā giāniā nū khul mil gāt hē ke o’ sōbdā de māl-tatt lābhān etē onā de anūsār nāwē nāwē ākkhār jor rāi j kārāp* [NZ, 1.X.1962, 17] ‘Таким образом, наши языковеды получили возможность находить корни слов и по их образцу соединять новые слоги и использовать их в речи’;

предусмотренное действие: *pār is gāl dā khiāl rākkhiā jāwega hē gṛhiṣṣap nā pāwe* [AP, 6.XI.1954, 67] ‘Но будет предусмотрено, чтобы не было (букв. не выпала) задержки’.

2. Второй вариант форм сослагательного наклонения аналитический, представленный интенсивными глаголами, состоящими в данном случае из ИГФ – знаменательного компонента и модификатора интенсивности в первом варианте сослагательного наклонения (чаще всего глагол *jān* ‘идти’). Примеры также даются с указанием модальных значений:

беспокойство, опасение: *yār sādē rasoṃ jāndiā nū kite rotī hī nā muk jāwe* [Cm] ‘Друг, как бы ни кончилась еда, пока мы идем в столовую’;

пожелание: *hāe kite je bārś ho jāe* [Cm] ‘Ох, если бы пошел дождь’;

неуверенность: *je kār lāē us nū pārvān...* [J, 23] ‘Если согласишься на нее...’;

целесообразность: *bheṭā lāt kujh le jāwā* [J, 19] ‘Следовало бы отвезти что-либо в качестве подарка’.

Такие формы могут употребляться и в ПЧ сложноподчиненных предложений, например:

пожелание: *te sobhā socdī hāe kite bārś ho jāe* [Du, 32] ‘Собха думала: «хоть бы пошел дождь»’;

возмущение: *jādūgar nū āgg lāgg gāt, socān lāggā hē hē kālth dā chokrā jādū dā lēmp le jāwe* [J, 26] ‘Волшебник впал в ярость и подумал: «Как это так? Чтобы неопытный мальчишка унес волшебную лампу!»’.

Мы обнаружили рассматриваемую форму также и в СПП (сложноподчиненном предложении) с ПЧ цели, вводимой союзом *tāṅke* ‘чтобы’ или сочетанием союзов *tā jo(jō)* ‘чтобы’, например: *o’ mihnāt kārā hē tāṅke pās ho jāe* [Jw, 175] ‘Он трудится, чтобы успешно сдать экзамены’, *asā eṇā bhinn bhinn vicārā te cintnā nū ikk thā ikāṭhā kār dittā hē tā jō pānjābī de ājivē māsle sādē sāhmne ā jān*

[NZ, 1.X.1962, 17] 'Мы собрали в одном месте эти разнообразные мнения и взгляды, чтобы современные проблемы панджаби представили перед нами'.

3. Третий вариант форм встречается редко и представляет собой результативно-комплетивный вид сослагательного наклонения. Он образуется из ИГФ – знаменательного компонента – и перфектной формы сослагательного наклонения. В целом данная форма состоит из указанной ИГФ, причастия II от глагола – модификатора вида – и формы первого варианта сослагательного наклонения от глагола *hoṇā* 'быть', являющейся модификатором наклонения, например: *iñj læggde, jiwe mē o' piār sugā liā howe* [D] 'Кажется, будто я украл эту любовь' (воображаемое действие).

4. Четвертый вариант форм сослагательного наклонения представляет собой форму, омонимичную причастию I. При отрицании добавляется отрицательная частица *nā*. Помимо форм первого варианта сослагательного наклонения данный вариант часто может выражать нереальное условие на базе придаточной части СПП, например: *je is vele mere kol rupae hunde, tā...* [Tr] 'Если бы у меня сейчас были деньги, то...', *je bəlvant singh nā wārdā tā...* [Se², 93] 'Если бы Бальвант Сингх не умер, то...', *hāe! mē bhī amīr hunda* [Mh, 250] 'О, если бы я также был богатым!'.

Как видно, формы этого варианта могут относиться и к настоящему времени, и к прошедшему. Иначе говоря, как и основной (первый) вариант форм, они не выражают дифференциации по временам.

5. Пятый вариант форм аналитический, состоящий из причастия I – знаменательного компонента – и формы глагола *hoṇā*, омонимичной причастию I и являющейся модификатором наклонения, например: *kāś! pitā jī jīunde hunde* [Mh, 250] 'О, если бы мой отец был сейчас жив!', *pār je kite is nū nahir læggdī hundī* [As, 67] 'Ах, если бы, однако, на ней был канал!'.

6. Шестой вариант – это форма результативно-комплетивного вида сослагательного наклонения. Она образуется из причастия II – знаменательного компонента – и формы глагола *hoṇā* 'быть', омонимичной причастию I и являющейся модификатором наклонения. Эта форма встречается редко, например: *je bāsse ne duddh pītā hunda, tā is tāhā keṭh rōndā* [Mh, 193] 'Если бы ребенок выпил молоко, то отчего ему так плакать?..'. Как видно, этот вариант основан на эргативной конструкции.

7. Седьмой вариант форм сослагательного наклонения выражает нереальное действие в прошлом, преподносимое говорящим как предмет сравнения. Он образуется из ИГФ — знаменательного компонента или основного компонента глагольной части глагольно-именного словосочетания, причастия II от глагола *jāṇā* 'идти', причастия I от глагола *hoṇā* 'быть' и личной формы глагола *hoṇā* настоящего времени. Это своеобразная глагольная модель, в которой нет специального модификатора наклонения. Поэтому все сочетание служит его показателем, например: *sāḍe għar vicc jis tərħā lutt pē gəy hundi hē* [Jh, 32] 'В нашем доме словно происходил грабёж', *etki mēnū āṇā śāhir cəγγā nā ləggā jē sārā śāhir hī bimār ho giā hunde* [Gb⁴, 53] 'На этот раз мне наш город не понравился: будто весь город заболел'.

Во втором предложении форма *hunde* образована по закону сандхи: *hunda hē hunde*.

8. Восьмой вариант форм сослагательного наклонения основан на ГМП. Этот вариант форм имеет формальную дифференциацию по временам. Наше всего этот вариант представлен аналитической формой, состоящей из ГМП и личной формы глагола *hoṇā* 'быть'. Если последняя в настоящем времени, то вся форма выражает будущее время; если она в прошедшем времени, то вся форма выражает прошедшее время (иногда будущее в прошлом). В отрицательных предложениях для будущего времени личная форма глагола *hoṇā* 'быть' может быть заменена отрицательной частицей. В утвердительных предложениях возможно и употребление ГМП без формы глагола *hoṇā* (подробные иллюстрации с указанием разных модальных значений приведены в разделе «Герундивно-Модальное причастие»).

В заключение следует указать, что основной вариант сослагательного наклонения широко представлен и в пассиве. Это аналитические формы, в которых модификатором наклонения часто является глагол *jāṇā* 'идти'. А если он бывает в перфектной форме, то модификатором наклонения служит глагол *hoṇā* 'быть'. В таких случаях оба этих глагола выступают в форме основного варианта сослагательного наклонения. Примеры: *kāde svərg vicc vī mē kēd kītā jāwā tā...* [Gb³, 17] 'Если бы когда-нибудь меня арестовали даже в рай, то...' (нереальное условие), *lābreṛī lāī nāwā te nəroā sāhitt khāīdiā jāwe, do do pəttār hindī te pəñjābī de cālū kərwāe jān, cəγγe cəγγe vidvānā de bhāṣəṇ rəkkhvān dā prəbāndh kītā jāwe* [NZ, 11. III. 1961] 'Для библиотеки нужно купить новую полезную литературу, организовать издание двух журналов — на хинди и панджаби —,

организовать чтение лекций хорошими учеными' (необходимость), *hindī vice pārcalət šabd, bhāwē o'kise some tō vī... lāe gae hoŋ* [NZ, I.X.1962, 107] 'Употребляющиеся в хинди слова, из какого бы источника они ни были взяты...' (оговорка).

Условное наклонение

Формы условного наклонения выражают нереальное действие, но специфика здесь, в отличие от сослагательного наклонения, состоит в том, что нереальность такого действия зависит от нереальности другого действия. Недаром некоторые лингвисты называют условное наклонение «зависимой нереальностью». Чаще всего рассматриваемые формы используются в главной части СПП, а нереальное условие содержится в придаточной части.

Нам удалось выявить четыре варианта форм условного наклонения. Одна и та же форма может относиться к разным временам, не обладая дифференцирующими признаками.

1. Первый вариант основан на форме глагола, омонимичной причастию I. Эта форма выступает либо как модификатор интенсивности (и одновременно наклонения), либо как самостоятельное сказуемое или самостоятельная часть глагольно-именного составного сказуемого. Интенсивный глагол также может быть глагольной (аналитической) частью глагольно-именного сказуемого. Примеры: *je tust utthe jānde, tã us nã vekhde* [Jw, 1957] 'Если бы Вы туда сходили, то увидели бы его' (речь о прошлом), *je chutã nã hundã, tã vidiarthi jwān bohut sakhāt ho jāndā* [Jw, 2367] 'Если бы не было праздников, то студентам пришлось бы туго (букв. жизнь студентов была бы тяжела)' (о прошлом), *je is vele mere kol gurāe hunde, tã mē sināmā callā jāndā* [Tr] 'Если бы у меня сейчас были деньги, я бы пошел в кино'. В последнем предложении рассматриваемая форма сочетается с глаголом *callā* 'двигаться'.

Формы данного варианта могут встречаться и в простом предложении, но действие, содержащееся в нем, подразумевает нереальное условие, например: *nāhi tã o'nā de lekh vī chapp jānde* [NZ, I.X.1962, 17] 'Иначе бы их статьи также были бы напечатаны'.

Анализируемые формы обнаруживаются и в пассивном залоге. Ниже приводится пример, содержащий глагол *deṛā* 'давать' в условном наклонении, пассивном залоге и результативно-комплетивном виде: *je hāist cembār nāl durghatān nā vāpārdī, tã e'prājekt bohut der pāhilā hī sire cāṛh dittā giā hundā* [Y, 17] 'Если бы не произошло ин-

цидента с подъемной камерой, то проект был бы уже давно осуществлен'.

2. Второй вариант выражается формами, омонимичными формам первого варианта сослагательного наклонения, например: *kāde svarg vicc vī mē kēd kīlā jāwā, tā vī oḍḍā cāndī sone diā dīwārā tō' kudd chāl māraṇ de mḍke meri pāhili dhūṇḍ hoṇ* [Gb³, 177] 'Если бы меня когда-нибудь арестовали даже в раю, то и тогда бы моей первой целью было бы найти возможность перепрыгнуть через его серебряные и золотые стены', *je o' hār roḥ khelāṇ jānde hoṇ, tā mē vī jāwā* [Cm] 'Если бы они ходили играть каждый день, то и я бы ходил'.

3. Третий вариант форм условного наклонения базируется на ГМП как на знаменательном компоненте сказуемого или модификаторе интенсивного глагола (и одновременно модификаторе наклонения) или же как основном компоненте глагольной части глагольно-именного словосочетания. Примеры: *pār je sāṇṇ koṭ us rāt dāssā, tā kise nū vī yāḥṇ pāhī sī āṇṇā* [D] 'Но если бы нам в ту ночь сказали, никто этому не поверил бы', *je bālvānt sigghā mārā, tā us ne sūbedār yāḥṇ bāṇ jāṇā sī* [Se², 93] 'Если бы Бальвант Сингх не умер, он наверняка стал бы субедаром', *je o' aṅgrezī vicc kāmzor nā hundā, oḥṇ fāsṭ dīwāṇ mil jāṇī sī* [Jw, 240] 'Если бы он не отставал в английском, то сдал бы экзамен по первой категории'.

4. Четвертый вариант выражается формами, омонимичными формам первого варианта будущего времени. Нам встретились три примера, где рассматриваемая форма служит связкой именного сказуемого, например: *je fāṇā sidhānt nū thīk māṇṇā jāwe, tā picchō āṇṇ vālē āṇṇ dī bhāṣā andārvāṇṇ howegī te je grīarsān āṇṇār 'petṭ sidhānt' thīk howe, tā pāhili āe āṇṇ dī bhāṣā andārvāṇṇ āe picchō āṇṇ dī bāhārvāṇṇ howegī* [Ar², 47] 'Если бы посчитать правильной «теорию клина», то язык позже пришедших ариев был бы внутренним, а если бы, согласно Грирсону, была бы правильной «теория пояса», то язык ранее пришедших ариев был бы внутренним, а позже пришедших — внешним', *je picchō āṇṇ vālē āṇṇ... petṭ dī tārḥā phel gāe hoṇ, tā vī bhāṣā sambandhī sītā oḥṇ howegā jo fāṇā sidhānt māṇṇā hundā hē* [Ar², 47] 'Если бы позже пришедшие арии распространились бы на подобие пояса..., то и тогда результат в отношении языка был бы точно таким же, каким его преподносит теория клина'.

Условно-проблематичное наклонение

Нам встретился также ряд форм глагола, используемых в главной части СПП для выражения действия, осуществление которого проблематично, поскольку оно обусловлено действием ПЧ, реализация которого также проблематична. Иначе говоря, анализируемые формы выражают зависимую проблематичность. Поэтому мы называли наклонение, выражаемое этими формами, условно-проблематичным.

Это наклонение базируется на формах, омонимичных формам первого варианта сослагательного наклонения, например: *je kər ləʔ us nū pərɒvān kər dewā mē kəniā dān* [J, 23] 'Если бы ты согласился на нее, я бы преподнес тебе девушку в качестве дара', *ho səkke, tā pustək tō ilāwā is sāl vī kōi trəkt prəkāʂət kītā jāwe* [NZ, 11.III.1962, 57] 'При возможности (букв. если было бы возможным) помимо книги мы также издали бы в этом году и брошюру'.

Предположительное наклонение

Формы этого наклонения выражают предположение о наличии какого-либо действия или состояния в разные периоды времени. Специальной формальной дифференциацией по временам они не обладают, и одна и та же форма может относиться к разным временам.

Иногда глагольные формы предположительного наклонения могут сопровождаться лексическими единицами, также выражающими предположение, например, наречием *ʕaəd* 'вероятно', 'видимо'. Появление форм предположительного наклонения может быть вызвано и в придаточных частях СПП благодаря значению лексических элементов главной части или ее содержанию в целом.

Разновидности форм данного наклонения основаны на форме глагола, омонимичной форме первого варианта будущего времени, ГМП и форме, омонимичной форме первого варианта сослагательного наклонения.

Нами выявлены следующие варианты предположительного наклонения.

1. Первый вариант представлен формой, омонимичной форме первого варианта будущего времени. Преимущественно в этой функции используется глагол *hoṛā* 'быть', хотя иногда встречаются и другие глаголы. Сначала приведем примеры, относящиеся к настоящему времени (глагол *hoṛā* выступает либо как самостоятельное сказуемое, либо как связка именного сказуемого), например: *ār nū*

Yāde e'pātā howegā ke... [AP, 28.IV.1957, 3] 'Вам, видимо, известно, что...', *sabh nū yād howegā...* [Se¹, 69] 'Пожалуй, все помнят...'. Во время занятий языком панджаби дома у инженера гидропроекта Бхакра господина Наги мне потребовался ластик и я спросил: *kī tuhāde kol rābbār hē?* 'У Вас есть ластик?' На что последовал ответ: *howegā, bāsse pāṭhde han* [N] 'Пожалуй, есть, дети-то учатся'. Нам также встретился пример, где в форме данного варианта используется глагол *sāhūṇā* 'хотеть' в функции самостоятельного сказуемого: *o' ikko nāzār utte sāmucst tāsūt dekhhā sāhūṇge* [PL, XI.1954, 3] 'Им, видимо, хотелось бы сразу одним взглядом окинуть всю картину'. Приведем ряд примеров, относящихся к прошедшему времени: *e'ikk ājīhā rāttār howegā jo...* [Se¹, 31] 'Это было, пожалуй, такое письмо, которое...', *ambā dī umār eñā dinā vicc ghāṭṭo ghāṭṭ teṣ sāl dī howegī* [Se¹, 42] 'В те дни Амбе было, видимо, по меньшей мере 23 года', *muddhlī prākṛit dīā deś-bhed te kāl-bhed nāl kāt bolīā hongīā* [Ar², 6] 'По всей видимости, пракрит-основа был представлен территориальными разновидностями и разновидностями по периодам времени (букв. видимо, были разновидности)'.

2. Второй вариант представляет собой результативно-комплетивный вид предположительного наклонения. Рассматриваемые формы являются аналитическими, выступающими либо как самостоятельное сказуемое (чаще), либо как глагольная часть глагольно-именного словосочетания. Образуются они из причастия II — знаменательного компонента — и служебного компонента — формы глагола *hoṇā*, омонимичной форме первого варианта будущего времени. Она является одновременно и модификатором наклонения, и модификатором финитности. Сначала приведем примеры, в которых действие своими результатами (хотя и предполагаемыми) связано с моментом речи в настоящем времени: *tuhānū piās tā laggī howegī* [G³, 37] 'Вы, наверное, захотели пить', *awāsyō kite gāre pāe honge* [Š, 369] 'Наверняка, где-то выпал град', *o' beṭān tō cāndā leṇ āyā hongīā* [Se¹, 29] 'Они, видимо, пришли взять пожертвование у Бетана'. Примеры, относящиеся к прошедшему времени: *kitnā utśāh, kitne ku prīti bhojan, gārībā lāt laggār te punn dān kite te dēkhhāwā dīttīā hongīā te brāhmṇā kōlō ved pāṭh te hāwān kārāe honge* [Jh, 10] 'Как они, видимо, восторгались, сколько торжественных обедов, наверное, устроили и сколько подаяний и пожертвований, пожалуй, сделали бедным, сколько, видимо, подаяний преподнесли священнослужителям и, наверное, попросили брахманов читать веды и де-

лать жертвоприношения', *koṭ prākṛit howegī jo mudḍhlī prākṛit de aṁṁē sindh nādī de kēṇḍhe te bolī jāṇ vālī bhāsā iṭṭ uggamī howegī* [Ar², 9] 'Видимо, существовал какой-то пракрит, который, пожалуй, возник из языка, используемого [населением] берегов реки Синд', в период пракрита-основы'.

Иногда рассматриваемая форма может быть модификатором интенсивности другого глагола и тогда аналитическая форма результативно-комплетивного вида предположительного наклонения состоит из трех компонентов (добавляется ИГФ еще одного глагола). Нам встретился пример, где такая форма является глагольной частью глагольно-именного словосочетания: *us viccō bolīā dā vākhewā kāṭī hadd takk dūr ho gāyā howegā* [Ar², 5] 'Из него, пожалуй, удалили значительную часть языковых различий'.

3. Третий вариант форм представляет собой аналитическое образование, состоящее из ГМП и личной формы глагола *hoṇā* 'быть' в настоящем или прошедшем времени (в зависимости от чего форма относится к настоящему или прошедшему времени). В настоящем времени при отрицании личная форма глагола *hoṇā* заменяется отрицательной частицей *nēhī*. Насто такая аналитическая форма является связкой именного сказуемого: *is dā dimāg iṭṭh nēhī hoṇā* [Ta, 52] 'Его рассудок, видимо, не в порядке', *lokā de māṇā te ṣṣṛ cāṇḍā hoṇā sī* [Bs, 22] 'Влияние на настроение народа, видимо, было хорошим'.

4. Четвертый вариант — форма результативно-комплетивного вида на базе ГМП. Он имеет два подварианта.

Подвариант А образуется из причастия II — знаменательного компонента, ГМП — модификатора наклонения — и личной формы глагола *hoṇā* 'быть' или отрицательной частицы (при отрицании), например: *vāje gāje, ḍol ḍimakkē te ḍimā māṣāṭā ne kinnī rāṇak lāy hoṇī* hē [Jh, 11] 'Сколько развлечений, видимо, доставили звуки музыкальных инструментов, бой барабанов и пение (букв. певцы)', *o'ṭṭ bhullīā iṭṭ nēhī hoṇā* [A, 12] 'Ты, видимо, не забыл его'.

Подвариант Б комплектуется на основе интенсивного глагола и состоит из ИГФ — знаменательного компонента, причастия II — модификатора интенсивности, ГМП от глагола *hoṇā* — модификатора наклонения — и личной формы глагола *hoṇā*, которую может заменять отрицательная частица. Примеры: *mē kēṇṣī ləbbh rēhī ā, tusī kite rēkkh dīttī hoṇī ē* [G³, 33] 'Я ишу ножницы, Вы, видимо, куда-нибудь их положили', *us ne māzūn kkh liā hoṇā hē* [Cm] 'Он, видимо,

написал статью', *bhārat vice arā lok ikko vārī nāhī ā gae hoṇe* [Ar², 37] 'Предполагают, что арии пришли в Индию не все сразу'.

В разговорной речи личная форма глагола *hoṇā* часто опускается, например: *bāksā ā giā hoṇā* [T] 'Ящик, видимо, прибыл'.

5. Пятый вариант представлен формами, омонимичными формам первого варианта сослагательного наклонения. Такие формы бывают либо самостоятельными сказуемыми, либо служат глагольной частью глагольно-именных словосочетаний. Примеры: *śāed aṣ mīh vāthe* [Jw, 175] 'Может быть, сегодня пойдет дождь', *śāed o' āṇṇā vāsāṇ pūgā kare* [Jw, 175] 'Может быть, он выполнит свое обещание'.

6. Шестой вариант представлен формами, омонимичными формам третьего варианта форм сослагательного наклонения, т.е. перфектной формой результативно-комплетивного вида. Встречается он относительно редко. Примеры: *śāed kāt pūkhā dā sāmā laggā howe* [Ar², 37] 'Видимо, на это ушло несколько поколений', *ho sakhkā, ke gurū āggad dev jī ne koī kbal-bodh* likhīā howe [Js, 155] 'Может быть, что гуру Ангад написал «Детский учебник»'. Следует иметь в виду, что помимо форм результативно-комплетивного вида на базе предположительного наклонения могут встречаться и другие виды, например, конкретно-процессный: *merā khīāl he tustī vī aṣ kālḥ pāṇjābī bhāṣā dī khoj dā kām bārī mīhnāt nāl kar gāhe howoge* [C] 'Я полагаю, что и сейчас Вы, видимо, исследуете с большим старанием язык панджаби', *zārūr merā śikāitā laggā ghā hoṇā e, śākhāitī* [G², 35] 'Он наверняка жалуется на меня, ябеда' (в первом предложении наличие предположительного наклонения в ПЧ отчасти объясняется содержанием ГЧ: *merā khīāl he* 'Я полагаю'); обычный несовершенный вид: *jo pustakā mē tuhānū jāṇ sāmē dittā sēn o' tuhādī sakhāitā kardīā hoṅgīā* [C] 'Видимо, те книги, которые я Вам дал перед отъездом, помогают Вам', *bī jī, pitā jī nāhī āe? - āunde t hoṇe ne* [I, 4] 'Мама, папа не пришел? - Он, видимо, уже идет домой'.

Ниже приводится ряд примеров, в которых лексико-семантические факторы ГЧ определяют появление форм предположительного наклонения в ПЧ. Иногда оттенок предположения, содержащийся в ГЧ, бывает скрытым, не явным. Примеры: *merā khīāl sī ke o' hār roz khelāṇ jānde hoṅge* [Cm] 'Я думал, что они ходят играть каждый день', *pār mēnū e' nāhī sī dissdā ke āsāde gāṇb des de penḍū lokā de māleṇe tō... daktar sāhib nū koī bohutī khāṭī hundī howegī* [Se¹, 70] 'Я не мог себе представить, что за счет заболевания малярией сельского населения нашей бедной страны доктор мог бы получать (букв. 'мог бы быть') большой доход', *is lāt hār ārat jo is*

ḍtā kəhāṇtā pəḥdī hē o'vicārdī hē ke jis ne e'kəhāṇtā likhītā hən d'ār
kis tarhā dā howegā! [Du, 10] 'Поэтому каждая женщина, которая чи-
тает его рассказы, задумывается над тем(=про себя высказывает
предположение), каким же может быть тот, кто написал эти рас-
сказы!'

Наклонение эмфатического отказа совершить действие (в прошлом)

Формы наклонения эмфатического отказа выражают твердую волю субъекта не совершать действия (в прошлом), его решительную (эмфатическую) настроенность не делать чего-то, хотя его, как правило, и побуждают к этому.

Словоформы данного вида аналитические, состоящие из знаменательного компонента — формы, омонимичной синтетическому варианту сослагательного наклонения, и отрицательной частицы *nā(nā)*, чаще всего находящейся в постпозиции относительно знаменательного компонента, который, кстати, несет и грамматическую нагрузку, выражая категории числа и лица, например: *khəttī tənən nā [Du, 105] 'Кхатри никак не соглашались*, *pər ohī vekh ke dowe śarmā gae te, o'de pəḥe nā ləggən [Du, 105] 'Но увидев его, оба застеснялись и никак не хотели приблизиться*, *mē zor zor dī dərūzā dhəkkdā rihā, pər o'khullhe hī nā [Cm] 'Я сильно толкал дверь, но она не открывалась*, *pər bhāt horī āṇe fəsle iō bilkul nā t̄ale [Du, 106] 'Но священник никак не отступал от своего решения'.*

Потенциальное наклонение

В панджаби существуют особые формы глагола, которые выражают возможность (потенцию) или невозможность (в отрицательных предложениях) совершить действие. Особенно часто используются отрицательные предложения. Наличие таких форм позволяет сделать вывод, что они являются носителями определенного наклонения, которое целесообразно рассматривать как потенциальное. Гораздо чаще это наклонение связано с непереходными глаголами, и особенно с глаголами движения.

Это наклонение имеет дифференциацию по временам.

Потенциальное наклонение настоящего времени. Для данного времени нам удалось обнаружить два варианта форм.

I. Первый вариант комплектуется из потенциального причастия II, являющегося знаменательным компонентом и основным мо-

дификатором наклонения, причастия I от глагола *jāṇā* 'идти', выступающего как второй модификатор наклонения, и личной формы глагола *hoṇā* — модификатора финитности. В отрицательных предложениях, как правило, последний компонент заменяется отрицательной частицей *nāhī* (изредка она может добавляться к форме глагола *hoṇā*). Примеры: *tālā viss mere tō tārīā jāṇā he, pər...* [Gb-3] 'В пруду я могу плавать, а...', *pər huṇ mere tō gāyā jāṇā he* [Gb-3] 'Но сейчас я могу петь', *mēthō e'kəmm nāhī kītā jāṇā* [Mh, 109] 'Я не могу делать эту работу', *buḍḍhe thō huṇ utthiā nāhī jāṇā he* [Nw, 207] 'Старик теперь не может вставать'.

2. Второй вариант форм состоит из потенциального причастия I и отрицательной частицы, например: *e'kəmm mēthō nāhī kārīndā* [Tr] 'Я не могу сделать эту работу', *e'ciṭṭhī mēthō nāhī likhīndī* [Tr] 'Я не могу написать это письмо'.

Потенциальное наклонение прошедшего времени. Для данного времени мы установили три варианта форм.

1. Первый вариант отличается от своего коррелята настоящего времени тем, что модификатор финитности представлен формой не настоящего времени, а прошедшего, например: *mere dost tō hāssīā nāhī sī jāṇā* [C] 'Мой друг не мог смеяться', *mere kolō hor āmb nāhī sī khādhe jāṇde* [Sha] 'Я не мог больше есть манго'.

2. Второй вариант отличается от первого тем, что вместо причастия I от глагола *jāṇā* и модификатора финитности используется форма глагола *jāṇā*, омонимичная причастию II, которая является одновременно и вторым модификатором наклонения, и модификатором финитности. Данный вариант менее употребителен, чем первый; поэтому ограничимся одним примером: *mōi dī khəbər mēthō səhāṇī nā gəy* [Gb⁴, 54] 'Я не мог перенести известия о смерти'.

3. Третий вариант форм отличается от своего коррелята настоящего времени тем, что здесь добавляется форма прошедшего времени глагола *hoṇā* 'быть', например: *e'kəmm mēthō nāhī sī kārīndā* [Tr] 'Я не мог делать эту работу', *e'ciṭṭhī mēthō nāhī sī likhīndī* [Tr] 'Я не мог писать это письмо'.

Потенциальное наклонение будущего времени. Для данного времени мы зафиксировали лишь один вариант, который образуется из потенциального причастия II, являющегося знаменательным компонентом и основным модификатором наклонения, и формы первого варианта будущего времени глагола *jāṇā* 'идти', выступающего как второй модификатор наклонения и как модификатор финит-

ности, например: *bhəlke us tō' zərūr gāyā jāwegā* [Gb-3] 'Завтра он наверняка сможет петь', *is mard tō' nəssiā jāegā* [Gb-3] 'Этот мужчина сможет бежать'.

Допустительно-сослагательное наклонение

Мы установили также формы, в которых на значение допустимости действия накладываются модальные значения, свойственные сослагательному наклонению (целесообразности, приказания, желания, необходимости и т.д.). Причем чаще всего они содержатся в главной части СПП и, следовательно, влияют на форму сказуемого придаточной части.

Нам удалось обнаружить два варианта форм для этого гибридного наклонения.

1. Первый вариант состоит из субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента — и формы первого варианта сослагательного наклонения глагола *deṇā* 'давать', который и служит модификатором гибридного наклонения, например: *merī icchā hē ke tust' āṇṇe puttṛ nū us muṇḍe-nāl khedḍḍe deo* [Cm] 'Я хочу, чтобы Вы разрешили Вашему сыну играть с тем мальчиком', *e' cāhīdā hē ke sabb muṇḍe us nū edhrō' ləṅṅghḍḍe deṇ* [H] 'Нужно, чтобы все мальчики разрешили ему проходить здесь', *sipāhī nū ākhho ke o'us istrī nū āṇḍar āṇḍe dewe* [Cm] 'Скажите полицейскому, чтобы он разрешил войти той женщине'.

2. Второй вариант отличается от первого тем, что глагол *deṇā* 'давать' имеет форму пассива и вся аналитическая форма комплектуется из субморфированной автосемы инфинитива — знаменательного компонента, причастия II от глагола *deṇā* 'давать' — модификатора допустительного наклонения, формы первого варианта сослагательного наклонения глагола *jāṇā* 'идти' — модификатора сослагательного наклонения, например: *is ləṭ' enū āṇḍar hī gāhīṇ dīṭā jāwe* [J, 107] 'Поэтому его следует оставить внутри'.

Категория залога

Некоторые исследователи правильно считают, что категория залога носит не только морфологический, но и синтаксический характер, что с изменением залога меняются и синтаксические связи в предложении. Так, например, В.З. Панфилов трактует категорию залога как синтактико-морфологическую категорию, определяющую структуру самого предложения. Более того, этот лингвист делает

еще шаг вперед, заявляя, что «условием выделения того или иного залога является не только наличие специальной глагольной формы... но и некоторые другие грамматические признаки», связанные с отношениями определенных членов предложения [Панфилов, 65, 66].

Развивая эти положения, следует сказать, что категория залога не только (точнее не столько) связана с формой глагола, представляющего сказуемое, но и, как показал проделанный нами анализ многих примеров, с формами, позициями, синтаксическими функциями других членов предложения, выражающих субъект и объект (или субъекты или объекты) действия, а также с определенным характером отношений между ними. Поэтому можно предложить следующую формулировку категории залога. Категория залога представляет собой сложную категорию морфолого-синтаксического характера, связанную с разновидностями отношений между членом-субъектом (субъектами) действия, членом-объектом (объектами) действия (если они наличествуют) и сказуемым, выражаемую в каждой разновидности определенным соотношением форм, позиций и синтаксических функций субъекта (субъектов) и объекта (объектов) действия (включая отсутствие субъекта и объекта), с одной стороны, с формами сказуемого и характером его действия — с другой [Смирнов⁵, Смирнов⁷].

Следовательно, для категории залога важна не только форма глагола, выражающего сказуемое, но и другие факторы. Коль скоро залог имеет отношение к синтаксическим связям в предложении и определяет его структуру, он связан с определенной синтаксической конструкцией и основывается на ней. Поэтому, говоря о залоге, мы подразумеваем какую-либо конструкцию предикативного характера. Разница же между синтаксической конструкцией предикативного характера и залогом состоит в том, что под первой понимают синтаксическое целое, составленное из объединенных в речи языковых единиц, без специального рассмотрения отношений между субъектом, объектом действия и самим действием, способов их выражения, позиций; под вторым же как раз подразумевают специальный учет этого круга вопросов. Все эти моменты, связанные со сходством, с одной стороны, и с различиями — с другой, следует иметь в виду, когда мы сопоставляем залог и конструкцию, на которую он опирается, например, эргативный залог и эргативная конструкция, о которых речь пойдет дальше.

Из-за смешанного характера категорию залога можно отнести

либо к синтаксису, либо к морфологии. Ввиду того, что все же в этой категории форма глагола и морфологические факторы других членов предложения имеют большое значение, мы считаем целесообразным рассматривать ее в разделе «Морфология» и, в частности, в подразделе «Глагол».

В панджаби мы установили семь залогов, пять основных: действительный, пассивный, полупассивный, эргативный, побудительный (каузативный) и два гибридных: эргативно-побудительный и пассивно-побудительный. Непереходный глагол может быть лишь в действительном залоге, а также эргативном при сказуемом, основанном на ГМП.

Действительный залог

При действительном залоге действие, выражаемое глаголом, совершается подлежащим-субъектом в номинативном падеже и (в случае переходного глагола) направлено на прямое дополнение-объект, например: *musalmān kuṭān pū mənnde hən* [B, 86] 'мусульмане веруют в догмы Корана', *bhedā unn dendīā hən* [S, 80] 'Овцы дают шерсть'. Отношения здесь могут быть выражены так: $A_n + P_d + V_a$ [где A_n — субъект действия — подлежащее в номинативном падеже, P_d — объект действия — дополнение в винительном падеже (синтетическом или аналитическом), V_a — глагол-сказуемое в форме активного залога]. Эти отношения проявляются в определенном порядке членов предложения, их функциях, падежном оформлении и оформлении глагола, а также соотношении: сказуемое управляет дополнением, но управляется подлежащим и т.д. Подавляющее большинство примеров при описании времен панджаби и видов глагола основано на действительном залоге.

Любой непереходный глагол-сказуемое чаще всего находится в действительном залоге. Формы непереходного глагола действительного залога соотносятся лишь с формами непереходного глагола эргативного залога, основанными на ГМП.

Пассивный залог

Пассивный залог присущ только переходному глаголу. При этом залоге отношения складываются так: $P_n (+A_d^{va}) + V_p$, где P_n — объект действия — подлежащее в номинативном падеже, A_d^{va} — субъект действия — дополнение во вторичном аблативном падеже, а V_p — глагол-сказуемое в пассивной форме. По сравнению с действитель-

ным залогом отношения здесь резко изменились: функция объекта действия изменилась с прямого дополнения на подлежащее, а функция субъекта действия — с подлежащего на косвенное дополнение (либо субъект совсем исчез, поскольку он может вообще отсутствовать), номинативный падеж субъекта действия изменился на вторичный аблатив, а винительный объекта действия — на номинативный; произошло и изменение позиций субъекта и объекта в предложении. Изменилась и форма глагола [Смирнов⁵].

В качестве основной субморфы вторичного аблативного падежа у существительных, выступающих в качестве субъекта действия и являющихся косвенным дополнением, служат послелог *tō*, *pāssō*, *vəllō*, *kōlō*, *de hətthō* 'от', 'со стороны'. Что касается личных местоимений, то в функции субъекта действия в пассиве они могут использоваться в синтетическом аблативном падеже, присоединяя аффикс *-thō*, как, например: *mēthō* 'мною', *tēthō* 'тобою', *asāthō* 'нами'.

Мы установили три варианта форм пассивного залога в панджаби.

1. Первый вариант — самый распространенный и более литературный, чем другие два варианта. Он комплектуется из причастия II — знаменательного компонента или модификатора интенсивности — и форм глагола *jāṇā* 'идти' — модификатора залога.

Пассив встречается во всех временах и ему также присущи разные виды глагольного действия (категория глагольного вида). Мы ограничимся лишь некоторыми иллюстрациями.

Настоящее время пассива первого варианта базируется на разных видах глагольного действия, например:

обычный несовершенный вид, образуемый из причастия II — знаменательного компонента, причастия I от глагола *jāṇā* 'идти' — модификатора залога — и личной формы от глагола *honā* 'быть' — модификатора финитности (заменяемого при отрицании отрицательной частицей). Примеры: *is munde kōlō əmb roz khādhe jānde hən* [C] 'Этот мальчик ежедневно ест манго', *jihṛ bolī vīā-kəṛən de nem səṅglā vicc pəkkī tərthā jāṇī jāndī hē...* [NZ, I.X.1962, 1] 'Язык, который крепко заковывается в цепи грамматических правил...';

конкретно-процессный вид, комплектуемый из причастия II — знаменательного компонента, ИГФ глагола *jāṇā* — модификатора залога, причастия II от глагола *rəhīṇā* 'длиться', 'пребывать' — модификатора ви-

да — и личной формы глагола *hoṇā* 'быть' — модификатора финитности: *sthāṇak kameṭiā vāllō hor vī vadhare gelaṭiā kīṭiā jā rāhiā hən* /D/ 'Еще больше ошибок делают местные комитеты', *eho chaddī jā rāhī* hē /NZ, I. X. 1962, 1/ 'Как раз это забывается';

регулярный вид, аналитическая форма которого может комплектоваться из причастия II — знаменательного компонента, причастия II от глагола *jāṇā* — модификатора залога, причастия I от глагола *hoṇā* 'быть' — модификатора вида — и личной формы того же глагола в настоящем времени, являющейся модификатором финитности, например: *māḡg kīṭī gāy hundi* hē *ke...* /D/ 'Все время высказывает-ся просьба, чтобы...';

результативно-комплетивный вид, который может иметь несколько разновидностей, например: а) разновидность, основанную на перфектной форме глагола *jāṇā*: *jāḡgā jihriā sāḍe des viruddh kīṭiā gāyā hən* /D/ 'войны, которые велись против нашей страны'; б) разновидность, основанную на интенсивном глаголе, в котором модификатор интенсивности оформлен по модели а: *oṇi bheḡe cāl callān kāraṇ kaddh ditiā giā* hē /Am, 33, 34/ 'Он исключен за плохое поведение', *jālsā kālḡh te rakkh ditiā giā* hē /Am, 34/ 'Собрание перенесено на завтра'; в) разновидность, основанную на использовании глагола *sukkhā* 'завершаться' (причастие II — знаменательный компонент, ИГФ глагола *jāṇā* — модификатор залога, причастие II от глагола *sukkhā* — модификатор вида — и модификатор финитности — форма глагола *hoṇā* 'быть' в настоящем времени): *afsar bādliā jā sukka* hē /Am, 34/ 'Чиновник переведен', *jīwē ke pāhiā likhiā jā sukka* hē /NZ, 11. III. 1962, 2/ 'Как до этого сообщалось'.

Прошедшее время пассива первого варианта также базируется на многих разновидностях глагольной категории вида. Приведем лишь некоторые из них:

обычный несовершенный вид, отличающийся от своего коррелята настоящего времени лишь тем, что форма глагола *hoṇā* 'быть' дается в прошедшем времени: *mere pitā jī āṇṇe lokā vīcc saḡge insān giṇe jānde sən* /Gb⁴, 51/ 'Мой отец в своей среде считался хорошим человеком', *e'dawāt methō roz pīṭi jāndī sī* /C/ 'Я выпивал это лекарство ежедневно'. Иногда обычный несовершенный вид может выражать форма пассива, базирующаяся на плюсквамперфекте глагола *jāṇā*: *mā peo vāllō. oḍi dekh bhāl kīṭi gāy sī* /Am, 34/ 'О нем заботились его родители';

результативно-комплетивный вид, который может иметь несколько разновидностей, например: а) разновидность, основанную на форме глагола *jāṇā*, омонимичной причастию II, например: *ciṭṭhī mere dost pāssō likhī gāy [C]* 'Письмо было написано моим другом', *rāj kāl jī nū kuh jāgīr dittī gāy [Jh, 7]* 'Господину Раджу Каулю было предоставлено небольшое поместье'; б) разновидность, основанную на интенсивном глаголе, в котором модификатор интенсивности оформлен по модели а: *sapp oḍe dvārā soṭī nāl mār dittā giā [Jw, 194]* 'Змея была убита ударом его палки', *ap phir giristār kār lae gae [Bs, 12]* 'Его опять арестовали'. Во втором примере рассматриваемая форма является аналитической глагольной частью глагольно-именного словосочетания; в) разновидность, базирующуюся на плюсквамперфектной форме глагола *jāṇā*: *e' elān kītā giā sī ke...* [Am, 34] 'Было объявлено, что...'; г) разновидность, базирующуюся на интенсивном глаголе, модификатор интенсивности которого представлен в плюсквамперфектной форме, т.е. скомплектован по модели в: *kī khūnī nū fānsī de dittī gāy sī?* [Am, 34] 'Убийца был повешен?' (букв. 'что, убийце была дана виселица?');

конкретно-процессный вид, отличающийся от своего коррелята настоящего времени тем, что личная форма глагола *hoṇā* дается в прошедшем времени: *sūhe piṇjriā vicc phare jā rahe sən* [Am, 35] 'Крыс ловили в капканы', *oṇū ākhīrī gusāl dittā jā riha sī* [Gb⁴, 54] 'Ее мыли в последний раз';

вид состояния, который комплектуется из причастия II — знаменательного компонента, причастия II от глагола *jāṇā* — модификатора залога, причастия II от глагола *hoṇā* 'быть' — модификатора вида — и формы прошедшего времени от того же глагола — модификатора финитности: *oṇū heṛān hundā, o' eḍī aṭṭb tārḥā keṣṣ usārīā giā hoṇā sī [D]* 'Он удивлялся, почему он [дом] так странно выстроен'.

Будущее время пассива первого варианта имеет разные формы. Мы зафиксировали три разновидности:

а) форму, образуемую из причастия II — знаменательного компонента или основного компонента глагольной части глагольно-именного сказуемого — и первого варианта будущего времени глагола *jāṇā*, являющегося здесь модификатором и залога, и финитности, например: *ciṭṭhī pāhīlī ḍāk vicc bheṭī jāwegī* [Am, 34] 'Письмо будет отправлено с первой почтой', *oṇū māḥān viccō kaddhiā jāegā* [Am, 35] 'Его выселят из дому';

б) аналитическую форму на основе интенсивного глагола, в которой глагол *jāṇā* оформлен как и в первой разновидности, например: *kṭ us dā jurmānā sāf kər dittā jāegā* [Am, 35] 'Ему отменят штраф?';

в) форму, омонимичную форме основного варианта обычного не-совершенного вида; нам встретился такой пример на основе интенсива глагольной части глагольно-именного сказуемого: *bəs koṭ təhirk callṇī cāhīdī hē phir use vele hṭ rəñjāb vicc puləs rāj lagū kər dittā jāndā hē* [NZ, 1.IV.1962, 1] 'Стоит только начаться какому-либо движению, как Панджаб тут же превратится в полицейское государство'.

Следует иметь в виду, что в предложениях, созданных на основе пассивного залога, может встречаться косвенное дополнение во вторичном аблативном падеже, особенно с послелогом *kolō*, которое не является субъектом действия, выражаемого сказуемым, например: *ghəṭṭ rāṇī ləṇ vālīā kolō ghəṭṭ rəkəm ləṭ jāwegī* [Bo, 129] 'С лиц, берущих меньше воды, будет взиматься меньшая сумма'.

Формы пассивного залога данного варианта встречаются не только в изъявительном наклонении, но и в ряде других (см. иллюстрации в разделе «Сослагательное наклонение»). Рассматриваемые формы бывают также и в предположительном наклонении, базируясь на его разновидностях, например: *jəd us nū sənprādīt kītā gəyā howegā...* [Ar², 51] 'Когда, видимо, его редактировали...', *es ləṭ ikk dīn rəhilā āp dṭ aloṛī dā rōlā rā dittā giā hoṇā hē* [Bs, 22] 'Поэтому днем ранее, видимо, был распушен слух об его исчезновении'.

2. Второй вариант форм пассивного залога базируется на пассивном причастии, образуемом при помощи сегмента *-ṭndā* (суффикса *-ṭnd* и окончания *-ā*), присоединяемого к ИГФ. Хотя этот вариант форм чаще встречается в разговорной речи, он по сравнению с первым вариантом используется гораздо реже. Вероятнее всего, пассивное причастие проникло в панджаби из ленди.

Второй вариант пассива имеет формы во всех временах.

Настоящее время второго варианта пассива располагает формами, комплектуемыми из пассивного причастия — знаменательного компонента, несущего на себе также пометы рода и числа, и модификатора финитности — формы настоящего времени глагола *hoṇā* 'быть', например: *e' gallā kəṭṇdītā hən* [Cm] 'Такие разговоры ведутся', *gṭi ṭhīk suṇṇdā hē* [D] 'Песню слышно хорошо' (букв. 'Песня слышится правильно'), *əṣṭi luṭeriā tō roz luṭinde hā*

[Mh, 253] 'Нас ежедневно грабят разбойники (букв. грабимся разбойниками)'.
[Mh, 253] 'Нас ежедневно грабят разбойники (букв. грабимся разбойниками)'.

Нам встретился также один пример в постоянно-продолженном виде: *əjehĩā gallā suṇĩdĩā rāhĩdĩā hən, pər o' zəgũĩ hĩ səcscĩ nāhĩ hũdĩā* [D] 'Такие слухи ходят, но они не обязательно соответствуют истине'.

Прошедшее время второго варианта пассива отличается от своего коррелята настоящего времени тем, что личная форма глагола *hoṇā* используется не в настоящем, а прошедшем времени, например: *āwāz ʔhĩk suṇĩdĩ sī* [D] 'Голос был слышен хорошо', *məkān utthe sādā bəṇāĩnde sən* [Cm] 'Там всегда строились дома'.

Приводим также пример на форму вида состояния: *ciṇhĩ likhĩdĩ hĩ nāhĩ sī pəy* [D] 'Письмо вовсе не писали'.

Будущее время второго варианта пассива удалось обнаружить лишь на базе постоянно-протяженного вида, форма которого комплектуется аналитически из пассивного причастия — знаменательного компонента и первого варианта будущего времени глагола *rāhiṇā* 'продолжаться', 'пребывать', например: *ʔədd təkḥ deš əzād nāhĩ ho jāndā lok əjāĩ hĩ māĩĩnde rāhiṇge* [D] 'Пока страна не станет свободной, людей будут убивать без всяких причин', *əgĩ hətēšā hĩ suṇĩdā rāhegā* [D] 'Эта песнь всегда будет звучать (букв. слышаться)', *kitābā likhĩdĩā rāhiṇgĩā* [Cm] 'Книги будут писать (букв. писаться)'.

3. Третий вариант пассива базируется на причастии поучения, также пассивном. Оно образуется присоединением к ИГФ сегмента *-dā* (суффикса *-ĩd* и окончания *-ā*). Чаще всего данный вариант используется во фразах поучения и обнаруживается в настоящем и прошедшем времени. Его формы комплектуются из причастия поучения — знаменательного компонента — и служебного компонента — личной формы глагола *hoṇā* 'быть' в настоящем или прошедшем времени. В отрицательных предложениях настоящего времени форма *hoṇā* заменяется отрицательной частицей. Иногда сказуемое бывает представлено только причастием поучения (без формы глагола *hoṇā*) и в утвердительных фразах. Примеры: *vəddĩā əgge issā nāhĩ bolĩdā* [D] 'В присутствии старших громко не говорят', *pāhilā roṇĩ pākāĩdĩ hē phir khāĩdĩ hē* [Mh, 115] 'Сначала хлеб выпекают, затем едят'. Видимо, рассматриваемые формы пассива ранее широко использовались без оттенка поучения как обычные формы страдательного зало-

га. Так, Ньютон приводит примеры такого пассива даже для будущего времени и сослагательного наклонения (образуемых при помощи суффикса $-t̃$), как, например: $o' māṭegā$ [Nw, 205] 'Его будут бить', $o' māṭie$ [Nw, 205] 'Его могут избить', а также формы $o' māṭdā$ he [Nw, 205] 'Его избивают'. Формы в таком употреблении встречаются и сейчас, например, у Гилла [Gill, 220]: $choṭe hundā kəḍṭ hōlī nēhī sī bolīdā$ 'Мы никогда не говорили медленно (букв. никогда не говорилось), когда были молодыми'. В таком употреблении в данных формах содержится значение обычности.

Однако в современном языке подобные формы главным образом используются в морализующе-поучительном смысле. Об этом свидетельствуют примеры, приведенные в данном разделе и разделе «Причастие поучения», а также опрос носителей. Именно поэтому, исходя из частотности употребления таких форм в данном значении, мы и назвали причастие с аффиксом $-ṭdā$ «поучительным».

Полупассивный залог

Полупассивный залог установлен нами на следующем основании. В панджаби (как, впрочем, в хинди, урду и, видимо, в ряде других новоиндийских языков) встречается конструкция, содержащая переходный глагол, выражающий сказуемое в форме пассива, и член предложения, представленный существительным или местоимением в аналитическом винительном падеже (местоимение может быть также в синтетическом винительном производном падеже). Характерно, что она функционирует наряду с обычной пассивной моделью (чаще всего в первом варианте страдательного залога), где сопоставляемый член предложения стоит в номинативном падеже.

Следует рассмотреть трансформацию активной конструкции в пассивную и в анализируемую на одном из примеров, исходя из типовых моделей, встречаемых в реализованном виде в речи:

1. Актив: $muselmān kurān nū mənnde hən$ 'Мусульмане чтут Коран'

$$A_n + P_d + V_a$$

2. Пассив: $kurān (mulesmānā vəlloṅ) mənniā jāndā he$ 'Коран почитаем (мусульманами)'

$$P_n (+ A_d^{va}) + V_p$$

3. Анализируемая конструкция: *kurān nū muslimānā vallaḥ* mən-niā jādā he 'Коран почитаем (мусульманами)'

$$P_d (+A_d^{va}) + V_p$$

Как видно из сравнения 1 и 2, при изменении активной конструкции в пассивную происходят следующие трансформации: 1) объект действия — прямое дополнение превращается в подлежащее; 2) винительный падеж члена предложения — объекта действия переходит в номинативный; 3) субъект действия — подлежащее либо исчезает, либо становится косвенным дополнением; 4) если субъект действия не исчезает, то номинативный падеж члена предложения, его выражающего, меняется на вторичный аблатив; 5) форма сказуемого-глагола из активной становится пассивной; 6) изменяются позиции членов предложения, означающих объект и субъект действия (при наличии последнего).

А что происходит при трансформации активной конструкции в пассивную? Как видно из сравнения 1 и 3 и нашего анализа текстовых примеров, часть которых приводится ниже, как правило, в трансформе (рассматриваемой модели) исчезает субъект действия (в большом количестве примеров он нам не встретился, но теоретически не исключена возможность редких случаев, когда он может сохраниться; поэтому в общей схеме символов мы приводим субъект действия в скобках), а существительное или местоимение, которое в обычной страдательной конструкции бывает подлежащим, находится в аналитическом винительном падеже (местоимение может быть в синтетическом производном падеже) и остается прямым дополнением.

Иначе говоря, по сравнению с обычной, классической страдательной конструкцией здесь изменена функция и форма одного из важнейших членов предложения. Поэтому такое предложение не может рассматриваться как обычная полная пассивная конструкция. Если исходить из трансформации активной модели в пассивную, то в общем плане «программа пассивизации» выполнена в данном случае лишь наполовину, ибо прямое дополнение, выражающее объект действия, не трансформировалось и осталось в своей прежней функции и форме, что можно представить так: $P_d + V_p$ (на основе примеров).

Это дает основание назвать данную конструкцию полупассивной, а залог, базирующийся на ней, полупассивным за-

логом (полупассивом). Как видно, нельзя ограничивать категорию залога лишь формой глагола, обозначающего сказуемое, так как одна и та же форма сказуемого может быть представлена, как в данном случае, в разных залогах. Нужно еще учитывать и другие факторы (см. пять других моментов, выявленных нами). Кроме того, важно учесть еще один факт: полупассивная конструкция представлена односоставным предложением, поскольку отсутствует подлежащее, а ее своеобразием является то, что при глаголе в форме пассивного залога имеется прямое дополнение.

Этот факт показывает, что В.З. Панфилов [Панфилов 65, 66] в своей формулировке залога, говорящей о том, что он характеризует то или иное соотношение подлежащего и дополнения с субъектом и объектом действия, определяемое глаголом и приуроченное к его определенной форме, упускает из виду случаи, когда ни объект, ни субъект действия не выражают подлежащего. Поэтому положение о соотношении подлежащего с субъектом или объектом действия не является исключительно обязательным.

Нам удалось выявить два варианта форм полупассивного залога.

1. Первый вариант базируется на формах пассива первого варианта (при помощи служебного глагола *jāṇā* 'идти'), например: *ohā lokaṇṇā nū vī dhār liā jāwe, jinhā dā [...]* [NZ, 1IV.1962, 1] 'Апестовывают даже тех, чье [...]', *ehā kāṇṇā kārke āp nū skūl nā bhejiā giā* [Jh, 11] 'По этим причинам его не послали в школу', *ṣabḍā nū tinnā bhāgā vica vāṇḍiā giā* hē [Mh, 35] 'Слова подразделили на три группы'. В первом примере форма глагола, являющаяся глагольной частью глагольно-именного сказуемого, представляет собой разновидность обычного несовершенного вида изъявительного наклонения (форма омонимична форме сослагательного наклонения).

2. Второй вариант базируется на причастии поучения, например: *sāṅk nū dhiāṇ nāl pār kāṭḍā* [D] 'Улицу следует переходить внимательно', *sāṅk nū dhiāṇ nāl pār kāṭḍā sī* [C] 'Улицу следовало переходить внимательно', *ohā nū kārām vāc ho, jā ho jā vica bādāl dāḍā* hē [Mh, 252] 'Их заменяют [словами] пассивного залога *ho* или *ho jā*'.

Помимо структурных и функциональных расхождений их моделей между пассивным и полупассивным залогами, по нашему мнению, существует еще одна разница: по линии актуального членения (т.е. логико-грамматического уровня).

Если исходить из этого членения, то член предложения в аналитическом винительном падеже является исходным пунктом высказывания (или данным), а сказуемое в пассивной форме — ядром высказывания или тем новым, что сообщается о предмете мысли, т.е. о данном. В принципе на уровне актуального членения член предложения в винительном падеже не отличается от подлежащего в пассивном залоге, поскольку последнее также является данным, отправной точкой высказывания. Но это только в общем плане. Нет сомнения, что послелог *ni*, как и послелог хинди и урду *ko*, употребляясь после существительного (как мы установили, в качестве основной субморфы), оттеняет его и как определенный артикль придает ему категорию определенности. Поэтому мы пришли к выводу, что полупассивный залог используется главным образом тогда, когда нужно оттенить данное, сделать его более определенным, более контрастным фоном для нового. Благодаря этому последнее выступает более ярко и ядро сообщения становится более «крупным». Не случайно (как показывают собранные нами материалы) член предложения в аналитическом винительном падеже может сопровождаться детерминативами указательного характера, как, например, сигнализаторами корреляции. И в этом случае, выступая уже как коррелятивно-опорный элемент, данный член резко и категорически отсылает нас к ядру высказывания, хотя и своеобразному (см. пример: *onā lokā nā [...]*, *jinhā dā* 'тех людей, чье[...]'). Могут также использоваться и сигнализаторы связи с предыдущим контекстом, отсылая нас к нему и указывая анафорически, что о данном предмете уже говорилось ранее (см. последний пример второго варианта полупассива: *onā nī kəṛət...* и т.д.). [Смирнов⁵].

Мы установили еще одну конструкцию полупассивного залога, в которой помимо дополнения в аналитическом винительном падеже есть еще дополнение-КПЧ в синтетическом винительном падеже. В своей работе [Смирнов⁵] мы назвали эту конструкцию иррегулярным пассивом, поскольку здесь наличествуют два прямых дополнения. В данной грамматике мы считаем целесообразным рассматривать эту конструкцию как разновидность полупассивной модели, содержащей КПЧ. Ограничимся двумя примерами: *us mūl bhāṣā nū mūdīt bhāṛat-yūṛapī bhāṣā kəhiā jandā hē* [Ar², 3] 'Этот язык-основу называют индоевропейским праязыком', *subhāṣ jī nū es sāmā-gāt lāt pradhān cupiā giā* [Bs, 15] 'Субхаша выбрали председателем этой конференции'.

Дополнение в аналитическом падеже мы называли основным прямым, а дополнение-КПЧ — качественным прямым.

Эргативный залог и эргативная конструкция

Эргативный залог используется в панджаби для выражения подлежащим субъекта действия при переходном (чаще) и непереходном (реже) глаголе-сказуемом, выражающем результативно-комплетивный вид действия в прошедшем, настоящем и будущем времени, либо обычный несовершенный, многократный в прошедшем и настоящем времени в разных наклонениях: изъявительном, допустительном, сослагательном, условном и предположительном. Непереходный глагол встречается в данном залоге в сослагательном, условном и предположительном наклонениях на базе ГМП и допустительном на базе субосемы инфинитива и служебного глагола *deṛā* 'давать'. Рассматриваемый залог основывается на специфических отношениях субъекта действия, объекта действия и предиката, а также их особом оформлении.

Эта выявленная специфика дает основания вести речь об особом, эргативном залоге, который, на наш взгляд, обладает следующими чертами.

Во-первых, подлежащее—субъект действия стоит в особом, эргативном падеже, во-вторых, в случае наличия прямого дополнения в синтетическом винительном падеже сказуемое, представленное переходным глаголом, может согласовываться с ним, в-третьих, в случае отсутствия прямого дополнения или наличия его формы аналитического винительного падежа то же сказуемое — переходный глагол — принимает форму единственного числа мужского рода и, наконец, сказуемое [или глагольная часть глагольно-именного сказуемого, или модифицирующая часть интенсивного глагола, или же форма служебного глагола *deṛā* (в дополнительном наклонении)] имеет лишь четыре разновидности форм: форму, омонимичную причастию II, перфектную форму (в том числе со своей модификацией в будущем времени и сослагательном наклонении), плюсквамперфектную и форму на базе ГМП.

Однако позволительно спросить: можно ли считать подлежащим член предложения, который, хотя и является субъектом действия, не представляет собой грамматически согласующего центра предложения? Если считаться с фактами ряда языков, то следует признать, что подлежащее, оставаясь одним из структурных центров предло-

жения, может и не быть грамматически согласующим, т.е. не передавать своих показателей рода и числа сказуемому. Мы предлагаем назвать такую связь подлежащего со сказуемым нерельефной. Или же сказуемое согласуется в одной из категорий с подлежащим (скажем, в роде) и игнорирует другую (скажем, число). Такую связь целесообразно именовать частично-рельефной, или полурельефной. Примеры: Свадьба *Наташи*... было *последнее радостное событие* [Л. Н. Голстой, *Война и мир*], Речи *их* была *совершенная бесскладица* [Писемский, «Богатый жених»], Это были *знакомые охотники* (Академическая грамматика, II, ч. I, стр. 521). В арабском языке в предложениях, начинающихся со сказуемого, оно может утрачивать согласование с подлежащим в числе (а изредка и в роде), например: *ca-taffa hacla-hu annāsu* [Таха Хусейн] 'И собрались (букв. собрался) вокруг него люди'. В русских примерах связь либо нерельефная, либо частично-рельефная, в арабском — частично-рельефная. Значит, подлежащее не во всех случаях может быть грамматически согласующим членом, оставаясь в то же время одним из структурных центров предложения. Поэтому эргативный член предложения в панджаби (как и в других новоиндийских языках) правомерно считать подлежащим. Особенно убедительно подтверждают нашу точку зрения примеры языка ленди, где в эргативной конструкции либо все элементы сказуемого, либо часть их могут согласовываться с эргативным членом (см. [Смирнов⁷]).

Случаи согласования сказуемого, выраженного переходным глаголом, в эргативном залоге с дополнением в синтетическом винительном падеже объясняются видом синтаксической связи, установленным нами и названным взаимодействием, который наряду с согласованием, управлением и примыканием действует в языке.

В эргативной конструкции сказуемое, представленное переходным глаголом, часто может выражать рельефную связь со следующим по значимости членом (после подлежащего), с которым оно наиболее тесно связано. Таковым является прямое дополнение. Если последнее имеет четкий показатель подчинения сказуемому (основную субморфу — послелог *пā*), как, например: *sɛm ne āpṛī māṭā te bhɛpā nī bulāṭā* [Se¹, 25] 'Сэм вызвал свою мать и сестер', то связь уже рельефная, и рельефность одной связи (сказуемое—дополнение) компенсирует безрельефность другой (сказуемое—подлежащее). Если же дополнение находится в синтетическом винительном падеже, а в этом случае сказуемое подчиняет его себе с невыраженной рельеф-

ностью, то предикат «ищет» явной рельефности и «находит» ее во взаимодействии. Рельефность здесь проявляется в обратном направлении: теперь рельефную нагрузку получает предикат, принимая на себя показатели дополнения. Так, отсутствие сигнализатора связи на одной линии предложения (сказуемое – подлежащее) компенсируется либо другим уже имеющимся сигнализатором на иной линии (сказуемое – дополнение), либо появлением на этой последней нового сигнализатора. Ниже приводятся примеры на эргативный залог в изъявительном наклонении;

прошедшее время:

а) форма глагола, омонимичная причастию II: *oāe bhrā ne ḍaktar nū saddā bhejā* [Am, 19] ‘Его брат послал за доктором’, *mē kise nū gālī nahī ditti* [Am, 20] ‘Я никого не оскорблял’;

б) форма на базе интенсивного глагола, в которой модификатор интенсивности имеет форму а: *mē ohū gardan tō phar liā* [Am, 19] ‘Я схватил его за шею’, *kighu ne do māñje ḍah ditte* [Gb², 59] ‘Керу приготовил две постели’;

в) форма на базе интенсивного глагола, в котором модификатор интенсивности находится в плюсквамперфектной форме: *us ne sārā hisāb kitāb dekh liā sī* [Am, 28] ‘Он проверил все счета’, *kī tustī mēnū picchle hafte yād karā dittā sī?* [Am, 28] ‘Ты мне напомнил на прошлой неделе?’;

настоящее время:

а) перфектная форма: *tustī e’fāngā kirāi te keḍ liā he?* [Am, 27] ‘Вы зачем наняли эту двуколку?’, *kī tustī baccce de cikāṇ dī āwāz sunī he?* [Am, 27] ‘Вы слышали крик ребенка?’;

б) форма на базе интенсивного глагола, в которой модификатор интенсивности имеет форму перфекта: *us ne āpnī nōkrī dā rād āpnē jānśīn nū de dittā he* [Am, 27] ‘Он передал управление учреждением своему преемнику’, *māḍdūā ne hārtāl kar ditti he* [Am, 27] ‘Рабочие забастовали’;

будущее время:

форма, базирующаяся на интенсивном глаголе, в которой модификатор интенсивности имеет перфектную форму будущего времени (где модификатор финитности обладает формой первого-варианта будущего времени): *hārḥ ne piṇḍ nū nāśī kar dittā howegā* [Am, 29] ‘Наводнение разрушит (букв. будет иметь разрушенной) деревню’, *ḍākūā ne mākān nū āgg lā ditti howegī* [Am, 30] ‘Грабители подожгут дом (букв. будут иметь подожженным)’.

Данные иллюстрации явно свидетельствуют о том, что эргативный залог и эргативная конструкция наличествуют и в будущем времени изъявительного наклонения, а не лишь в прошедшем времени, как неправомерно считают некоторые индологи-лингвисты, распространяя это положение на все новоиндийские языки. К тому же эргативный залог и эргативная конструкция существуют в будущем времени и в других наклонениях (или они по меньшей мере имеют отношение к будущему времени).

Примеры на эргативный залог:

допустительное наклонение:

формы прошедшего времени: *oñā ne sārī zindāgī vicc kite vī dharam dī hānī nāhī hoṇ diti* [Sew, 10] 'Никогда за всю свою жизнь он не позволял наносить вред религии', *siṇāhī ne oñā laggghaṇ ditta* [Tg] 'Полицейский разрешил ему пройти';

сослагательное наклонение:

а) форма третьего варианта сослагательного наклонения (результативно-комплетивный вид, имеющий отношение к настоящему времени): *iñj laggde, jiwē mē o' piar sirā liā howe* [D] 'Кажется, будто я украл эту любовь';

б) форма шестого варианта сослагательного наклонения (также результативно-комплетивный вид, относящийся к настоящему времени): *je bāsse ne duddh pītā hundā...* [Mh, 19] 'Если бы ребенок выпил молоко...';

в) формы восьмого варианта сослагательного наклонения, основанные на ГМП: *oñe dillī jāñā he* [Jw, 195] 'Ему нужно ехать в Дели', *pār tū mere tinn kəmm kārne hoṇge* [Gb², 34] 'Но тебе придется сделать для меня три вещи', *jihā kəmm oñe kāmā hundā sī, o' kəmm...* [Du, 28] 'Ту работу, которую обычно ему нужно было выполнять...' (как видно, здесь первые два примера данного пункта относятся к будущему или ближайшему будущему времени, а последняя иллюстрация имеет отношение к прошедшему времени);

условное наклонение:

форма третьего варианта условного наклонения, основанная на ГМП и относящаяся к прошедшему времени, например: *je bālvant siṅgh nā mardā, tā us ne sūbedār yaktīnī bāñ jāñā sī* [Se², 93] 'Если бы Бальвант Сингх не умер, он наверняка стал бы субедаром';

предположительное наклонение:

а) формы четвертого варианта предположительного наклонения, относящиеся к настоящему времени (результативно-комплетивный

вид): *tū bhullīā iā nāhī honā* [A, 12] 'Ты, видимо, не забыл/его?';
mē kēñcī lābbh rāhī ā, tuṣī kite rākkh ditti hoṇī ē [G³, 33] 'Я ищу
ножницы, вы, видимо, куда-нибудь/их/положили';

б) формы того же варианта предположительного наклонения, относящиеся к прошедшему времени: *vāje gāje, ḍol ḍumakke te ḍumā mārāsītā ne kinnī rāpāk lāy hoṇī hē* [Jh, 11] 'Сколько развлечений, видимо, доставили звуки музыкальных инструментов, бой барабанов и пение (букв. певцы)';

в) форма шестого варианта предположительного наклонения: *ho sakhkḍā, ke guṭi angad dev jī ne koṭ bāl bodh' likhīā howe* [J, 155] 'Может быть, что гуру Ангад написал «Детский учебник»'.

Итак, в эргативном залоге сказуемое имеет с подлежащим нерельефную связь. Если же оно выражено переходным глаголом при наличии дополнения, то к данной связи добавляется рельефная связь сказуемого с дополнением. При этом рельефную нагрузку несет либо дополнение (имя или местоимение в аналитическом винительном падеже), либо сказуемое (если винительный падеж слова, выражающего дополнение, синтетический). В этом случае предикат связан с дополнением по способу связи «взаимодействие». При отсутствии дополнения сохраняется лишь нерельефная связь сказуемого с подлежащим — эргативным членом предложения.

Побудительный (каузативный) залог

Побудительный (каузативный) залог — категория, при которой субъект действия, выраженный подлежащим, не сам непосредственно совершает действие, а лишь побуждает какой-либо другой субъект совершить его или осуществляет действие через посредство промежуточного субъекта. В панджаби этот последний субъект часто бывает не выражен в предложении, но всегда содержится в значении глагола.

У ряда глаголов, полный инвентарь которых не выявлен, хотя он и ограничен, действие может совершаться и с двумя промежуточными субъектами. В случаях, когда действие выражается с одним промежуточным субъектом, наличествует каузативный залог первой степени, а там, где глагол имеет и форму, связанную с двумя промежуточными субъектами действия, мы имеем каузативный залог второй степени.

Как показывает собранный материал, большинство глаголов панджаби имеют форму лишь каузативного залога первой степени,

причем образуют они эту форму при помощи аффиксов $-\bar{a}$ или $-v\bar{a}$, выбор которых очень часто является факультативным. Один из этих аффиксов добавляется к ИГФ как в неличных, так и в личных глагольных формах. Помимо присоединения данных аффиксов могут происходить и другие изменения ИГФ по принципу сандхи, типичного для форм каузативного залога.

Подавляющая масса форм побудительного залога образуется от переходных глаголов и лишь небольшое количество — от непереходных. Аффиксы $-\bar{a}$ и $-v\bar{a}$ помимо значения каузативности всегда имеют и значение переходности. Поэтому каузативные формы, образованные от непереходных глаголов, всегда переходные, так что в данном случае категория переходности налагается на категорию побудительного залога.

Ниже перечислены наиболее распространенные способы образования форм побудительного залога:

1) лишь добавлением аффикса $-\bar{a}$: $c\bar{i}k\bar{n}\bar{a}$ 'кричать' > $c\bar{i}k\bar{a}u\bar{n}\bar{a}$ 'побуждать кричать' ($c\bar{i}k + \bar{a}$, $-u-$ — тематический гласный), $likh\bar{n}\bar{a}$ 'писать' > $likh\bar{a}u\bar{n}\bar{a}$ 'побуждать писать';

2) добавлением аффикса $-\bar{a}$ и уменьшением количества и изменением качества гласного ИГФ: $gor\bar{a}$ 'плакать' > $gu\bar{a}u\bar{n}\bar{a}$ 'заставлять плакать', $khed\bar{n}\bar{a}$ 'играть' > $khi\bar{d}\bar{a}u\bar{n}\bar{a}$ 'заставлять играть', $d\bar{o}r\bar{n}\bar{a}$ 'бежать' > $du\bar{r}\bar{a}u\bar{n}\bar{a}$ 'заставлять бежать' ($o > u$, $e > i$, $\bar{o} > u$);

3) добавлением аффикса $-\bar{a}$, уменьшением количества гласного (мутация) и тональными изменениями: $ri\bar{n}\bar{a}$ 'дробить' > $ri\bar{a}$ 'и $\bar{n}\bar{a}$ 'велеть дробить', $i'o\bar{n}\bar{a}$ 'мыть' > $tu\bar{a}$ 'и $\bar{n}\bar{a}$ 'побуждать мыть' ($\bar{i} > i$, $o > u$, восходящий и нисходящий тоны первых слогов соответственно изменились на ровный, а в слог, образованный аффиксом $-\bar{a}$, введен нисходящий фарингализованный тон);

4) добавлением аффикса $-\bar{a}$ и тональными изменениями: $k'u\bar{l}\bar{n}\bar{a}$ 'бороться' > $ku\bar{l}'\bar{a}u\bar{n}\bar{a}$ 'заставлять бороться' (фарингализованный нисходящий тон первого слога > ровный тон плюс введение фарингализованного нисходящего тона в слог с аффиксом $-\bar{a}$);

5) добавлением аффикса $-\bar{a}$ и выпадением согласного: $sut\bar{n}\bar{a}$ 'бросать' > $sut\bar{a}u\bar{n}\bar{a}$ 'побуждать бросать';

6) добавлением аффикса $-\bar{a}$, вокалической и консонантной синкопой и вокалической мутацией: $muk\bar{k}\bar{e}r\bar{n}\bar{a}$ 'отрицать' > $m\bar{e}k\bar{g}\bar{a}u\bar{n}\bar{a}$ 'заставлять отрицать' [Gill, 124] (синкопа $\bar{e}$ и k , мутация $u > \bar{e}$);

7) добавлением аффикса $-\bar{a}$, вокалической и консонантной синкопой, изменением восходящего тона на ровный в первом слоге, вве-

дением нисходящего фарингализованного тона в слог с аффиксом -ā: *uḃḃərnā* 'кричать' > *ubr'āunā* (*uḃḃər* > *ubr'ā*, т.е. синкопа э и ъ, изменение и смещение тона);

8) добавлением аффикса -vā: *kərnā* 'делать' > *kərvāunā* 'заставлять делать', *likḥnā* 'писать' > *likḥvāunā* 'заставлять писать' (эти формы взаимозаменяемы с *kəṛāunā* и *likḥāunā*);

9) добавлением аффикса -vā и уменьшением количества гласного: *sārnā* 'жечь' > *sərvāunā* 'велеть жечь', *khodnā* 'копать' > *khudvāunā* 'заставлять копать';

10) заменой аффикса -ā на -vā: *sulāunā* 'усыплять' > *sulvāunā* 'заставлять усыплять', *jilāunā* 'оживлять' > *jilvāunā* 'заставлять оживлять';

11) заменой краткого гласного ИГФ долгим (э > ā): *tərnā* 'плавать' > *tārnā* 'заставлять плавать'; как видно, данный способ исключает использование аффиксов -ā или -vā.

Побудительный залог второй степени используется довольно редко. Поэтому для иллюстрации мы приводим ряд цепочек, включающих однокорневые глаголы: форма действительного залога – форма побудительного залога первой степени – форма побудительного залога второй степени. В подобных случаях побудительный залог первой степени образуется при помощи аффикса -ā (возможны и дополнительные средства), а второй степени – при помощи аффикса -vā (также возможны дополнительные средства), например: *ruṭṭnā* 'рыть' > *ruṭāunā* 'заставлять рыть' > *ruṭvāunā* 'велеть заставлять рыть', *təjnā* 'покидать' > *təjāunā* 'заставлять покидать' > *təjvāunā* 'велеть заставлять покидать', *sutṭnā* 'бросать' > *sutāunā* 'заставлять бросать' > *sutvāunā* 'велеть заставлять бросать'.

Форма побудительного залога первой степени в таких цепочках может образовываться и без помощи аффикса -ā, а лишь мутацией гласного ИГФ: *tərnā* 'плавать' > *tārnā* 'заставлять плавать' > *tərvāunā* 'велеть заставлять плавать'.

Поскольку чаще всего в речи встречаются примеры, иллюстрирующие побудительный залог первой степени, мы приводим только их. В тех случаях, когда промежуточный субъект выражен в предложении, он, как и субъект действия в пассиве, представлен словом в форме аналитического вторичного аблатива (с основными субморфами *kolō*, *pāssə*, *iō* и т.д.) или местоимениями в форме синтетического и выполняет функцию косвенного дополнения. Но чаще он бывает не выражен, и в этом случае содержится в значении глаголь-

ной формы. В иллюстрациях рассматриваемые формы выступают либо как самостоятельные сказуемые, либо как глагольная часть глагольно-именных сочетаний, эквивалентных глаголу, либо как знаменательный компонент интенсивных глаголов или же основной компонент глагольной части, представленной интенсивным глаголом в глагольно-именном сочетании, либо же как знаменательный компонент других аналитических (помимо интенсивного глагола) образований. Примеры: *mē ēñū nəkəl kərə ləwāṅgā* [Am, 37] 'Я это скопирую(через кого-то)', *mē oḍe kolō e'kəmm kərə ləwāṅgā* [Am, 37] 'Я заставляю его сделать эту работу', *jəd kise kirīā dā kərtā kirīā dā kəmm āp nā kəre səḡō kise kolō kəṛāwe, tā...* [Mh, 110] 'Когда субъект какого-либо действия сам не выполняет действия, обозначаемого глаголом, а осуществляет его через кого-то, то...', *e'mālik kəmm bohut kərvāundā hē* [D] 'Этот предприниматель заставляет много работать', *e'thekedār təkān cəḡgā bərvāundā hē* [D] 'Этот подрядчик хорошо строит здания (через кого-то)'. Следовательно, как видно из примеров, конструкция, на которой основывается побудительный залог, может содержать косвенное дополнение (промежуточный субъект действия) во вторичном аблативном падеже.

Целесообразно привести ряд примеров, в которых неличная глагольная форма в побудительном залоге выполняет не функцию сказуемого или его компонента, а другие синтаксические функции (косвенного дополнения, определения, обстоятельства): *is bānde nū təkān bərvāunde nū tinn tēhīne hoe ne* [D] 'Уже три месяца как этот человек заставляет строить здание' (букв. 'этому человеку, заставляющему строить здание'), *mēñū is p'ārā kəmm kərvāunde tō bəcāo* [D] 'Избавьте меня от него, заставляющего делать тяжелую работу', *təd tā tuhāthō kəwitā likhānt koī 3khī nēhī hoṇt cāhīdī* [Se¹, 60] 'Тогда должно быть совсем не трудно заставить Вас писать стихи', *thekedār kəmm kərvā ke cəllā giā* [D] 'Выполнив (через кого-то) работу, подрядчик уехал'.

Следует иметь в виду, что аффикс *-ā* имеет не только значение побудительности: при его помощи (возможны и дополнительные средства) можно образовывать либо от непереходных глаголов переходные действительного залога, либо от переходных другие переходные глаголы действительного залога. В обоих случаях имеет место словообразование, влекущее за собой изменение лексического значения, как, например: *bəṇṇā* 'возникать' > *bəṇṇāṇā* 'строить', 'создавать', *ḡigṇā* 'падать' > *ḡigāṇā* 'бросать' (или без аффикса *-ā*: *ḡegṇā*

‘бросать’), *ḍubbṇā* ‘тонуть’ > *ḍubḍuṇā* ‘топить’, *piṇā* ‘пить’ > *pi-lāuṇā* (или *piḍuṇā* ‘поить’), *khāṇā* ‘есть’ > *khuḍuṇā* ‘кормить’. Такое словообразование осуществляется примерно по тем же моделям, что и формы побудительного залога при помощи аффикса -ḍ.

В панджаби можно обнаружить цепочки однокорневых глаголов, состоящие из трех, а иногда и из четырех звеньев, первое из которых может быть непереходным глаголом, второе – переходным действительного залога, а третье – формой каузативного залога первой степени, либо же первое звено также представляет собой переходный глагол действительного залога, например: *ḍəṛnā* ‘бояться’ > *ḍəṛḍuṇā* ‘запугивать’ > *ḍəṛvḍuṇā* ‘заставлять запугивать’, *dṛṇā* ‘бежать’ > *duṛḍuṇā* ‘торопить’ > *duṛvḍuṇā* ‘заставлять торопить’, *ṛəṛṇā* ‘читать’ > *ṛəṛḥḍuṇā* ‘обучать’ > *ṛəṛhvḍuṇā* ‘заставлять обучать’...

Существуют даже цепочки из четырех звеньев, в которых форма побудительного залога бывает лишь последней, например: *dik-khṇā* ‘быть видимым’ > *dekhhṇā* ‘видеть’ > *dikkḥuṇā* ‘показывать’ > *dikkhvḍuṇā* ‘велеть показывать’.

Эргативно-побудительный залог

Эргативно-побудительный залог относится к гибриднему типу. Он используется тогда, когда нужно выразить подлежащим субъект действия, представленный эргативным членом предложения, побуждающий какой-либо другой субъект к совершению действия эргативного характера. Иначе говоря, это побудительный залог на базе эргативного. При наличии промежуточного субъекта последний выражается так же, как и в побудительном залоге (вторичный аблатив). Искомая форма участвует в тех же комбинациях, что и в побудительном залоге, например: *oṇā ne sətājik aiācār tō ləkkhā lokā nū sutən-tər kərvāyā* [Am, 263] ‘Он освободил (через чье-то посредство) миллионы людей от социальной тирании’, *mē ikk nāvā makān bəṇvāyā* [Am, 37] ‘Я построил новый дом’ (через чье-то посредство), *bəcint kōṛ ne mohən singh pāssō ciṭṭhī likhvāy* [Mh, 110] ‘Бачинт Каур побудила Мохана Сингха написать письмо’, *prədhān məntrī ne is əfsər nū ḍhude tō həṭvā ditta* [D] ‘Премьер-министр сместил этого чиновника с должности (через чье-то посредство)’.

Пассивно-побудительный залог

Пассивно-побудительный залог – это вторая разновидность залога гибридного типа. Он употребляется тогда, когда объект дей-

ствия является данным, т.е. исходным, пунктом высказывания, несущим коммуникативную нагрузку; поэтому необходимо, чтобы он был подлежащим. Но действие, распространяемое на этот объект (подлежащее), осуществляется субъектом действия по понуждению, исходящему от другого субъекта, обычно не выраженного в предложении (в чем, кстати, нет необходимости). Иначе говоря, это побудительный залог на базе пассива. Сказуемое выражено в каузативно-пассивной форме; например: *is bolī dī kīse hor vigīānt īṣ khoj kōgāy jāwe* /D/ 'Следует поручить исследование этого языка какому-либо другому ученому', *is imārat dā roz ikk sipāht īṣ pāhira dūāyā jānda hē* /D/ 'Охрана этого здания ежедневно поручается какому-либо полицейскому'.

Категория переходности

Категория переходности определяет способность глагола сочетаться с прямым дополнением, которое может в панджаби оформляться либо в синтетическом, либо в аналитическом (с основной субморфой, выраженной послелогом *nū*) винительном падеже. Те глаголы, которым присуща эта грамматическая категория, принято называть переходными, а те, которые ею не обладают, — непереходными. Приведем примеры переходных глаголов: *mē cītṭhī likh pihā hā* /w, 145/ 'Я пишу письмо' (*likhṇā* 'писать'), *je tustī mihṇat karo tā...* /C/ 'Если вы будете трудиться, то...' (*karnā* 'делать'), *mē hālātā nū sambahāl sokkdī hā* /w, 198/ 'Я могу спасти положение' (*sambahālṇā* 'спасать', 'удерживать') (см. также раздел 'Винительный падеж'). Ниже даются примеры непереходных глаголов: *tuhādī ghārī tez cāldī hē* /S, 313/ 'Ваши часы спешат' (*cāllṇā* 'идти', 'двигаться'), *merā sir cākṛāundā hē* /S, 356/ 'У меня кружится голова' (*cākṛāṇṇā* 'кружиться'). Некоторые глаголы могут быть и переходными, и непереходными, например: *bādālṇā* 1) 'изменяться', 2) 'изменять'; *bharnā* 1) 'наполняться' и 2) 'наполнять'.

Как уже говорилось в разделе «Исходная глагольная форма», мы установили тот факт, что при трансформации непереходных глаголов в однокорневые переходные обнаруживаются два вида переходности:

а) словообразовательная переходность, когда такая трансформация приводит к созданию нового глагола с новым лексическим значением, например: *jālṇā* 'гореть' > *jālāṇṇā* 'поджигать', *sam-*

bhālṇā 'держаться', 'удерживаться' > *sambhālṇā* 'удерживать', 'держать';

б) формообразовательная (словоизменительная) переходность, когда такая трансформация приводит лишь к изменению грамматической категории слова (а именно, действительный залог > побудительный залог), например: *cīkrā* 'кричать' > *cīkāṇṇā* 'заставлять кричать', *ṭoṇā* 'плакать' > *ṭiāṇṇā* 'заставлять плакать', *ibbāṇṇā* 'прыгать' > *ibṛāṇṇā* 'заставлять прыгать'.

Интенсивные формы глагола

В панджаби широко используются аналитические формы, называемые интенсивными глаголами. Состоят они из двух частей — знаменательной и служебно-модифицирующей. Последняя может представлять собой либо одиночную форму — модификатор интенсивности, либо быть распространенной за счет других разных модификаторов (финитности, вида, залога и т.д.). Чаще всего такая аналитическая форма включает два-три компонента.

Добавление к форме знаменательного глагола модификатора интенсивности чаще всего не изменяет его лексического значения, но придает действию более категорический, решительный, четкий, интенсивный, энергичный характер. Однако данные формы могут передавать не только общее значение интенсивности, но и иметь особое грамматическое значение. Как уже указывалось выше, в разных временах они служат одной из форм выражения результативно-комплетивного вида.

Нам удалось выявить два основных варианта интенсивных форм глагола.

1. Первый вариант встречается в подавляющем большинстве случаев и является главным. Образуется он из ИГФ — знаменательного компонента — и глагола-модификатора, который может иметь либо одиночную форму, либо, как уже указывалось, еще сопровождаться другими служебными компонентами. В качестве модификаторов интенсивности в первом варианте форм могут выступать лишь некоторые глаголы, причем отдельные из них исключительно редко.

В области диалекта маджи лингвистом Гиллом [Gill, 206-210] был проведен интересный статистический анализ. Со ста встречающимися в обыденной речи глаголами была проверена частотность сочетания семи глаголов-модификаторов интенсивности (по нашей терминологии — Ю.С.), которые, по мнению автора, употреб-

ляются наиболее часто. На первом месте оказался глагол *jāpā* 'идти', 'двигаться' — 92 (т.е. имеет сочетания с 92 глаголами из 100), на втором *chəddpā* 'покидать', 'оставлять' — 85, на третьем *deṇā* 'давать' — 68, затем *rəkkhṇā* 'хранить', 'беречь' — 47, *suṭṭṇā* 'бросать' — 42, *k'əṭṭṇā* 'бросать', 'швырять' — 33, *pāṭṭā* 'ставить', 'класть' — 26.

Если учесть, что глагол *k'əṭṭṇā* 'бросать', 'швырять' более типичен для говоров западного маджи и поэтому его использование в других диалектах панджаби, в том числе и в качестве модификатора интенсивности, довольно редкое явление, а также то, что глагол *pāṭṭā* 'класть', 'ставить' нечасто обнаруживается в современной литературе в качестве модификатора интенсивности, то можно полагать, что подсчеты в отношении остальных пяти глаголов верны для панджаби в целом. Нам остается добавить, что в современном панджаби довольно часто в этой роли употребляются глаголы *leṇā* 'брать' (кстати, упоминаемый как часто встречающийся Ньютоном [Nw, 1267]) и *bəṭṭṇā* 'садиться'.

Следует учесть, что, хотя мы и даем перевод глаголов-модификаторов интенсивности, в такой функции они полностью утрачивают свое лексическое значение и имеют лишь служебное. Приведем примеры на интенсивные глаголы с наиболее распространенными модификаторами:

с *jāpā* ('идти'): *məsle dher sārē hən. kucch tā lekḥā vicc ā gəe hən* [NZ, 1.X.1962, 17] 'Существует много проблем. Некоторые из них подняты в статьях' (результативно-комплетивный вид), *dhārmək viddiā sewā jī de bāl-mən te dūṅghā əsər kər gəy* [Sew, 107] 'Религиозное образование оказало на детскую психику Севы глубокое влияние' (результативно-комплетивный вид), *śām nū ō āṇṇī rəhilī məz-dūṛī ghər le jāwegī* [Am, 2517] 'Вечером он принесет домой свою первую получку';

с *deṇā* ('давать'): *bāhrō āṇṇ vālē ne āṇṇā jhumb lāṇ dittā* [A, 117] 'Приезжий снял свой башлык' (результативно-комплетивный вид), *mē āṇṇē nikke jinne pər te ret pāṇṇī śurū kər dittī* [De, 117] 'Я стал сыпать песок на свои крохотные ноги';

с *leṇā* ('брать'): *is tərḥā mē ikk məḥəl bəṇā liā* [De, 117] 'Таким образом, я построил дворец' (результативно-комплетивный вид), *je ām lokī sənskrit bolde nāḥī sən, tā us nū sāmājh zərūr lende sən* [Ar², 27] 'Если народ не говорил на санскрите, то наверняка его понимал';

- с *bethnā* ('сидеть'): *us sver kewəl mē hī us sārē de sārē dher dā mālak bān bethā* [De, 12] 'В то утро я стал единственным владельцем всей той кучи [песка]', *merā puttṛ kitāb pāṛh bethā hē* [C] 'Мой сын прочитал книгу';

с *chəddnā* ('покидать'): *co chədd!* [C] 'Подой!', *o'cik chəddī* [C] 'Она закричала';

с *reṇā* ('падать'): *o' rōndī hoṃ māñje te digg pēndī hē* [Hc, 17] 'Плача, она падает на кровать', *nirmālā phir sofe utte jā pēndī hē* [G², 32] 'Нирмала опять ложится на диван';

с *rəkkhnā* ('хранить'): *mē sabbh kujh sāmājh rəkkhiā* [C] 'Я все понял', *merī bhēṇ nē dāwāī pī rəkkhī* [C] 'Моя сестра выпила лекарство';

с *suttnā* ('бросать'): *is bākse nū toṛ sutṭ!* [C] 'Сломай этот ящик!';

с *āṇā* ('приходить', 'подходить'): *suṇ ā!* [Ca, 145] 'Послушай!', *dāss ā!* [Ca, 145] 'Скажи!';

с *utthnā* ('вставать'): *kutī ro utthī* [C] 'Девушка расплакалась'.

Нам встретились также случаи, где в качестве модификатора интенсивности выступают глаголы *khəlonā* 'стоять', *khəṇā* 'стоять', *milnā* 'встречать', 'встречаться', *vekhnā* 'видеть' (видимо, редкое употребление): *musībāt ā khəlotī* [Tr] 'Возникла трудность', *sabbh utth khəlonde hān* [D] 'Все встают', *ṣcāṇək o' utth khəṇī hoṃ* [Am, 258] 'Неожиданно она встала', *pāṭh-pustakā vicc tā ikk ikk ṣābd de tinn tinn cār cār əkkhər joṛ milde hān* [NZ, 1.X.1962, 1] 'В священных книгах в каждом слове соединяются три-четыре слога', *uḥāḍī mīhr ho jāū, tā kidhre sāmē nū ṣṣī vī kəṇək de māṇḍe khā vekhāṇge* [As, 68] 'Если на то будет Ваша воля, то мы тоже когда-нибудь отведаем пшеничных лепешек'.

Дуни Чандр [Ca, 146] приводит два примера с глаголом-модификатором интенсивности *nikkəlā* 'выходить', 'который', как мы выяснили у образованных носителей, придает действию, выраженному знаменательным компонентом, оттенок случайности, произвольности, например: *ṣṣī gəllā kərde kərde dūje bəzār jā nikkle* 'Разговаривая, мы незаметно для себя очутились на территории другого рынка', *ā nikkəlā* 'случайно прийти', 'случайно (произвольно) приблизиться'.

2. Второй вариант интенсивного глагола внешне напоминает первый. Но суть состоит в том, что модифицирующую функцию выпол-

няет не второй, как в первом варианте, а первый компонент, выраженный ИГФ, а второй, изменяющийся, является знаменательным. Такую модифицирующую функцию мы обнаружили, например, у глаголов *sukkṇā* 'поднимать', 'завершаться' и *āṇā* 'приближаться', например: *bās o' sukk liā* [J, 7] 'Принеси лишь ее', *bārū jī! mēgā lāgij bāhar piā je, zārā sukk liṇā* [Na¹, 41] 'Папа! мой багаж на дворе, пожалуйста, принесите/его?'. В обоих примерах глагол *sukkṇā*, несколько не изменяя значения знаменательного компонента (*liā* и *liṇā* 'принеси', 'принесите'), имеет значение побуждения. Примечательно, что в ленди также глагол со значением 'поднимать' (*sāvur* или *cāvur*) выступает в той же функции и в подобной модели, как, например: *soṭṭ cā ghinne* 'Пусть-ка возьмет дубинку' [Смирнов 7]. Приведем ряд примеров на глагол *āṇā* в модифицирующей роли: *ḍiggṇā* 'падать' > *ā ḍiggṇā* 'упасть', 'свалиться', *leṭṇā* 'ложиться', 'лежать' > *ā leṭṇā* 'ложиться', *rəḷəṅgh te ā leṭṇā* [R, 91] 'лечь в постель', *vəṇṇā* 'входить' > *ā vəṇṇā* 'входить', *rəḥiṇṣṇā* 'приходить', 'прибывать' > *āṇ rəḥiṇṣṇā* 'прибывать'.

Иногда в функции модификатора интенсивности может выступать и ИГФ глагола *hoṇā* 'быть', например: *binā bolīā mādhurī us de tēgər ho tiṇ* [Na², 107] 'Не сказав ничего, Мадхури последовала за ней'.

Модально-потенциальные глаголы в панджаби

В панджаби существуют два глагола с модально-потенциальным значением.

Первый глагол *səkkṇā* 'мочь', имеющий почти полный инвентарь форм обычного глагола (т.е. изменяющийся по временам, наклонениям, родам, числам и некоторым залогам). Он не может использоваться самостоятельно без сочетания с формой другого глагола, но в то же время сохраняет свое лексическое значение, хотя и модальное. Поэтому говорить о том, что он якобы выполняет чисто служебную функцию по отношению к форме другого глагола, было бы неверно. Правда, сочетаясь с упомянутой формой другого глагола, он представляет действие, выраженное такой формой, возможным или невозможным. Но делает это он не как служебный компонент, а как лексически самостоятельное слово. На этом основании целесообразно рассматривать сочетание такого глагола с формой другого глагола как составное, а не аналитическое, в котором слово *səkkṇā* по отношению к сослагательному наклонению

служит дополнительным средством выражения модальности (потенции, возможности). Поэтому мы называли его модально-потенциальным. Он сочетается с ИГФ другого глагола, например: *pər o' khətre sənũ rok nəhĩ səkke* [Jh, 13] 'Но те опасности не смогли нас остановить', *bəhis kītĩ jā səkkdĩ hē* [D] 'Можно спорить', *mẽ e'kəmm nəhĩ kər səkkdā sã* [C] 'Я не мог выполнять этой работы', *huṇ tusĩ jā səkke ho* [Jw, 176] 'Теперь Вы можете идти'.

В модально-потенциальной функции может также использоваться и глагол *āuṇā* 'приходить'. В отличие от *səkkṇā* его формы употребляются как самостоятельное сказуемое, которое обозначает, может ли функционировать или нет то, что выражено подлежащим. Если последнее представлено инфинитивом, то речь идет о возможности или невозможности действия, эксплицируемого инфинитивом, например: *rām nũ tərṇā āundā hē*, *pər oḍĩ rəṇtĩ nũ nəhĩ* [S, 16] 'Рам может плавать, а его жена нет', *teṇũ rūstĩ nəhĩ āundĩ kī?* [G¹, 63] 'Ты не умеешь говорить по-русски?', *ap nũ lātĩnĩ bolĩ ghəṭṭĩ āundĩ sī* [Jh, 15] 'Латынь давалась ему трудно (букв. могла функционировать слабо)', *oṇũ sətəjh nā āundĩ oṇũ ho kī rihā sī* [Du, 39] 'Она не могла понять, что с ней происходит'.

Глагольно-именные сочетания, эквивалентные глаголу

В панджаби очень часто встречаются сочетания, состоящие из имени существительного или прилагательного и переходного или непереходного глагола. Такие композиты могут быть довольно устойчивыми и вести себя как глагол, что особенно бывает заметно при переходном глаголе, входящем в подобное образование, поскольку глагольно-именное сочетание может иметь прямое дополнение в аналитическом или синтетическом винительном падеже, как, например: *tusā bhāpā jĩ kəllh mənũ yād kītā sī nā* [Na¹, 41] 'Брат, ты ведь вчера вспоминал меня', *o' huṇ dhĩā nũ ghəṭṭĩ tənḥūs khiāl kərde sən* [Se², 68] 'Сейчас он считал своих дочерей менее несчастными'; здесь композиты *yād kərṇā* 'помнить' (букв. 'память делать') и *khiāl kərṇā* 'считать' (букв. 'мнение делать') имеют прямые дополнения *mənũ* 'меня' (синтетический винительный производный падеж) и *dhĩā nũ* 'дочерей' (аналитический винительный). Как видно, именная часть здесь не имеет никаких оформителей (определений и т.д.).

Однако то же сочетание может утрачивать устойчивость, а существительное – обретать определения и выражать прямое дополнение к тому же глаголу, с которым оно в других случаях может образовывать устойчивую композиту. Так, если *yād kərnā* обычно бывает устойчивым сочетанием, то *khiāl kərnā* может и терять устойчивость, например: *sundər dī is gəll dā mē koī khās khiāl nā kītā* [Du, 53] ‘Я не придаю особого значения этим словам (букв. не счел слова особенными) Сундара’. Здесь существительное *khiāl* ‘мнение’ имеет перед собой два определения *gəll dā* ‘слова’, ‘речи’ и *khās* ‘особенный’ и само является дополнением к сказуемому *kītā* ‘сделал’, которое по правилам эргативной конструкции согласуется с ним. Вот еще один пример, когда «имя + глагол» не представляют собой устойчивой композиты (имя – дополнение к глаголу и само имеет определение): *pəcchmī hindī əjj kəllh isē dī pratinidhā kərdī hē* [Ar², 8] ‘Западный хинди в настоящее время представляет как раз его (букв. делает его представление)’.

То же самое может быть в случае непереходного глагола. Так, существительное женского рода *səməjh* ‘понимание’ может входить в состав устойчивого сочетания *səməjh āuṇā* ‘понимать’ и в этом случае оно не имеет перед собой никаких определений, а глагольная часть согласуется с подлежащим предложения, например: *o’ kīt kər hō giā, səməjh nāhī āundā* [C] ‘Как он сдал экзамены, непонятно’. Здесь подлежащим служит подлежащий состав *o’ kīt kər hō giā* ‘как он сдал экзамены’, а в таком случае любое сказуемое (сказуемостный состав) оформляется в мужском роде единственного числа, что происходит и в данном случае – *səməjh nāhī āundā*.

Однако такая композита может распадаться и тогда существительное *səməjh* обретает функцию подлежащего, а форма глагола *āuṇā* ‘приходить’ согласуется с ним и принимает форму женского рода, например: *ohī səməjh nā āundī ohī hō kī rihā sī* [Du, 39] ‘Она не могла понять, что с ней происходит’.

Если в устойчивую композиту входит прилагательное, то при изменении оно согласуется с подлежащим (при непереходном глаголе) или с прямым дополнением (при синтетическом винительном падеже и переходном глаголе), например: *bəs əjj merī murād pūṭī hō gəṭ hē* [Sew, 26] ‘Только сейчас осуществилась моя цель’, *ohā loṭṭā nāl śākūā sāñjhīā kītā* [D] ‘Они объединили силы с эксплуататорами’, *pər subhās bābū kāṅgrās dī nərəm pālsī nū pəsənd*

nāhī sən kārde [Bs, 16/ 'Но Субхаму Бабу не нравилась пассивная политика конгрессистской партии'.

Все подобные устойчивые сочетания «существительное + глагол» и «прилагательное + глагол» комплектуются из слов разных парадигматических классов (с одной стороны, класс имени существительного или класс имени прилагательного, а с другой — класс глагола), и поэтому такая композита не может быть причислена ни к одному из этих классов, в том числе и к классу глагола, несмотря на ее устойчивость и «вербальное поведение». Наиболее целесообразно рассматривать такое образование как глагольно-именное сочетание, эквивалентное глаголу, а на уровне членов предложения как составное именное сказуемое (являющееся синтаксисно-конституирующим сочетанием слов; см. раздел «Словосочетание»). В том же случае, если глагольный компонент подобной композиты представляет собой неличную форму, такую комбинацию слов следует классифицировать как глагольно-именное словосочетание, которое может выступать в функции нескольких членов предложения.

Бытующий термин «сложноотыменный глагол» неверен в своей сути, поскольку такое образование никак не может быть приравнено к отыменным глаголам, образованным морфологическим путем, как, например: *глазеть* от *глаза*, *дымить* от *дым*. Не спасает этот термин и морфема «сложно-», поскольку нельзя называть сложным то, что фактически является составным.

О составном глаголе *cəllīā jāṇā*

В панджаби используется сочетание причастия II от глагола *cəllṇā* «двигаться» с формами глагола *jāṇā* «идти», в котором обе формы равноправны и никакая из них не обслуживает другую. Первый компонент (форма *cəllṇā*) изменяется по родам и числам, а форма глагола *jāṇā* может быть аналитической. Данная комбинация форм двух глаголов является составной. Чаще всего она имеет значение «уходить», «удаляться», «проходить»; «двигаться», например: *subhāś bābū cupp kīte jāṅgəl vicc cəlle gae* [Bs, 77] «Субхам Бабу тайно ушел в лес», *gufarā sājje pāsse cəllīā jāṇdā he* [G², 327] «Гуфара удаляется направо», *ghər vāpəs cəllā jā* [Bs, 87] «Возвращайся домой».

НАРЕЧИЕ

Наречие может нести в себе признак действия, состояния, качества, степень качества, либо же вообще выражать какое-либо обстоятельство.

Все наречия целесообразно подразделить на следующие основные подклассы: 1) качественные, 2) количественные, 3) обстоятельственные.

Панджаби имеет ту специфику, что в функции качественных и количественных наречий широко используются качественные прилагательные. Это объясняется родственностью слов обоих классов, поскольку и прилагательное, и наречие выражают признак. Если в европейских языках, как, например, в русском и английском, эта родственность проявляется в том, что качественные наречия образуются от качественных прилагательных суффиксацией: *хороший* — *хорошо*, *beautiful* 'чудесный' — *beautifully* 'чудесно', то в таких новоиндийских языках, как, например, панджаби и ленди, эта близость достигает предела, так как качественные прилагательные начинают широко выступать в адвербиально-заместительной функции, т.е. в роли качественных и количественных наречий. Мы зафиксировали два варианта такого употребления.

1. Первый вариант употребления характеризуется тем, что прилагательные в функции наречия (при изменяемости) согласуются либо с подлежащим, либо с дополнением, либо с определяемым именем (в случае выражения степени качества прилагательного определения). Кроме того, такое слово согласуется с подлежащим в случае использования прилагательного, к которому относится такое наречие, в роли предикатива. В результате мы имеем оригинальные наречия, которые не только характеризуют сказуемое-глагол, определение-прилагательное, предикатив-прилагательное или наречие-обстоятельство, но и сигнализируют о том, что они детерминируют не просто глагол-сказуемое или предикатив, или определение, а глагол-сказуемое, предикатив, определение, соответственно относящиеся к такому-то имени-члену предложения. Это подкласс согласуемых наречий, наречий с дополнительной линией связи (реляционностью) в предложении, например: *ghoṛiā bəṛiā sohṇiā ṭurdiā ne* [C] 'Кобылы очень красиво переступают' (и наречие *sohṇiā*, относящееся к глаголу, и наречие *bəṛiā*, относящееся к наречию *sohṇiā*, согласуются с подлежащим-существительным *ghoṛiā* 'кобылы'), *kinne mitthe amb hən!* [Cm] 'Какие сладкие плоды манго!' (наречие

kinne к прилагательному-определению *mitthe* 'сладкие' согласуется с определяемым существительным во множественном числе *amb* 'плоды манго', как и определение *mitthe*, *us ne meri latti takri phar latti si* [C] 'Он крепко схватил меня за ногу' (наречие *takri* 'крепко' согласуется с дополнением *latti* 'нога'). Следует также привести иллюстрации грамматиста Картара Сингха [Kartar², 83], показывающие, как может изменяться наречие в зависимости от изменения рода и числа слова, выражающего подлежащее: *o' dureda callia gia* 'Он ходил далеко', *o' duredi calli gati* 'Она ходила далеко', *tusti duredia callia gati* 'Вы ходили далеко' (см. также примеры в разделах «Качественные наречия» и «Количественные наречия»).

2. Второй вариант употребления характеризуется тем, что одна из словоформ прилагательного (ограниченное число возможностей) используется без изменений, даже если изменяется форма слова, с которым она могла бы согласовываться при первом варианте употребления. Этим достигается большая адвербиализация прилагательного (неизменяемость формы). Существуют две основные разновидности форм второго варианта:

а) наиболее употребительна форма мужского рода единственного числа прилагательного: *meri mata, jo kahindi ghatti te kardi bohuta he* [Se¹, 19] 'моя мать, которая говорит мало, а делает много', *o' sangga gaudi he* [D] 'Она хорошо поет', *o' munde ussa unde ne* [Cm] 'Те мальчики плохо слышат', *o' kudi ussa undi ne* [Cm] 'Те девушки плохо слышат';

б) используется также форма прилагательного единственного числа женского рода; для иллюстрации этого достаточно сослаться на примеры грамматиста Мохана Сингха [Mh, 149]: *o' bati tez turde han* 'Они очень быстро ходят', *tusti bati tez turde ho* 'Вы ходите очень быстро', *o' bati tez turdi han* 'Они (женщины) очень быстро ходят'. Эти примеры можно распространить и на единственное число: *me bati tez turda ha* [D] 'Я очень быстро хожу', *o' bati tez turda he* [D] 'Он очень быстро ходит'.

И первый и второй варианты употребления могут встречаться в одном и том же предложении, например: *o' ede kahle pe jande ne, edi cheti khij jande ne* [1, 57] 'Он так торопится, так быстро раздражается'.

Качественные наречия используются для выражения признака действия, состояния, качества. Они дают качественную характеристику действию или признаку. Чаще всего в функции этого под-

класса наречий выступают качественные прилагательные, а также различные местоимения, изменяющиеся по типу прилагательных, существительные и инфинитив в согласующе-реляционном падеже, а также ряд слов, представляющий собой полностью морфологизованные наречия. К последним прежде всего относятся: *nāl(nāle)* 'вместе', 'с собой', *inn binn* 'точно' (арабского происхождения, измененное), *eḏ* 'так', 'таким образом', *ikkār* 'так', *iwē(uwē)* 'напрасно', 'попусту', 'просто так', вопросительные: *kiddā(kiwē, kikkur, kīkār, kīkən)* 'как?', релятивные: *jiwē, jiddā, jikkur* 'как', 'каким образом', коррелятивное *tiwē* 'так'. Все эти слова — наречия образа действия.

Хотя формально данные слова являются обстоятельствами, они имеют ярко выраженную качественно-определятельную функцию, так как определяют характер самого действия. Поэтому такие наречия выделяют в особый подкласс. Ниже даны примеры на собственно качественные наречия: *ambā nū eḏ jāpdā sī jiwē...* [Se¹, 42] 'Амбе (букв. так) казалось, будто...', *jiwē bolo tiwē likho* [NZ, 1.X.1962, 1] 'Как говорите, так и пишите', *iū ewē fikār lā beṭhnt e* [G¹, 39] 'Ты напрасно беспокоишься', *tenū kiddā rētā hē?* [Am, 125] 'Откуда (букв. как) ты знаешь?', *jiwē sobhā ne kihā sī, inn binn uwē hī pūre dās vaje bārs ruk gēt sī* [Du, 36] 'Точно так, как сказала Собха, дождь прекратился ровно в десять часов', *ār āpnī rētnī sūp rānī... nū nāl lēke* [Jh, 15] 'Взяв вместе с собой свою жену Сруп Рани...', *rāmditte dī ghoṛī āūgī, nāle nehr liāūgī* [As, 70] 'Кобыла Рамдитта придет и канал с собой принесет' (шутка).

Приведем примеры на качественные прилагательные в адвербиально-заместительной функции: *o' vī bārā sohṇā gāunde sən* [Gb⁴, 51] 'Он также очень красиво пел', *būṭā dī cəγγī cəldī hāṭī* [Se¹, 41] 'преуспевающая (букв. хорошо идущая) обувная лавка' (полное согласование), *ohā nū akkhār vāṇḍ de niyātā anusār hī tukkhā pēndā hē, thīk owē jiwē boldiā sātē ohā dī vāṇḍ āṇṇe āṇ ho jāndā hē* [Ca, 41] 'Их надо делить по правилам разбивки слогов, точно так, как они сами по себе делятся при произнесении' (признак признака), *[o]sāḍe nāl zə gūr callegā* [Am, 41] 'Он обязательно с нами пойдет'.

К числу собственно качественных морфологизованных наречий следует отнести форму прилагательного множественного числа мужского рода неноминативных падежей, имеющую в исходе аффикс *-iā*, не продуктивный для прилагательного и довольно продуктивный

для наречия, например: *kise kuṭ nāl ikəlliā is tərḥā gəllā kərən tō mē kujh jhiḣək riḥā sā* [De, 33] 'Меня тревожило [вот] так разговаривать с какой-нибудь девушкой наедине', *o- səkhiā mūh utte nəḥi āunde* [A, 12] 'Они (слова) нелегко приходят на уста'.

Зафиксирован также пример на изменяющееся коррелятивное местоимение в адвербиально-заместительной функции: *əndər dō torā əjihā cəlliā ke sō əkālī uḣ giā* [Nw, 118] 'Пушки так стреляли оттуда (букв. изнутри), что смели с лица земли сотню акалей'.

В роли качественных наречий может использоваться и притяжательное местоимение, как, например: *tere bəṇāe məḥəl* [De, 15] 'построенные мною (букв. построенные по-моему) замки'. В данном случае адвербиально функционирующее местоимение является субъектом действия. То же самое можно сказать и о существительном в согласующе-реляционном падеже, как, например: *mī jhəkkhəṛ dā māriā rəṇḥī* [Se¹, 85] 'птица, побитая дождем и бурей' (букв. 'дождевито и буревито побитая птица').

Ниже приводятся и другие примеры использования имени, а также инфинитива в согласующе-реляционном падеже в функции качественного наречия: *oḣā do tinn diṇā dā thəkkiā khāwənd* [Du, 164] 'ее муж, уставший за два-три дня' (букв. 'ее двух-трехдневно уставший муж'), *linā sṯī dī həlki phulkī nāzək jhiṯ sī* [Se¹, 22] 'Лина была (букв. телом) хрупкой и нежной', *əjj kəllh lok kunīn dā ṯīkā ləwāṇ de boḥut ādī ho gəe ne* [Se¹, 71] 'В настоящее время люди очень привыкли к уколам хинина', *əthəṇ nū tā bābū saḥib rīṇ de ādī hī sən* [As, 69] 'А пить вечером было привычкой господина'.

В адвербиально-заместительной функции параллельно в одном и том же предложении могут использоваться и имя в согласующе-реляционном падеже, и качественное прилагательное: *əṇā nū mē khūṯ dā mildā hā, əṇā nū giwājī* [Se¹, 62] 'С теми я встречаюсь с удовольствием (букв. удовольствием), а с этими по обыкновению (букв. традиционно)'. Как видно, во всех случаях имя или инфинитив в согласующе-реляционном падеже полностью согласуется либо со сказуемым, а следовательно, с подлежащим, либо с причастием-определением (которое оно определяет адвербиально), а следовательно, с определяемым (*rəṇḥī* 'птица', *khāwənd* 'муж').

Количественные наречия характеризуют действие или признак с количественной стороны, выражая их меру, степень, интенсивность. К этому подклассу слов принадлежат как полностью морфологизованные наречия типа *həlī* 'медленно', *həlī həlī* 'мед-

ленно', 'постепенно', *ghətt* 'мало', *jhətt* 'быстро', *bilkul* 'полностью', *nīti* 'постоянно', 'всё', 'всегда', релятивные *jeō jeō* 'по мере' и *jīthō tīkər* 'насколько', так и функциональные наречия, т.е. прилагательные, местоимения и другие части речи, употребляющиеся в адвербиально-заместительной функции.

В качестве количественных наречий используются и составные образования, состоящие из количественного наречия и ГМП или причастия II от глагола *deṇā* 'давать'. ГМП бывает в форме женского рода единственного числа или мужского рода множественного числа, а причастие II встретилось нам в форме женского рода единственного числа, например: *jhətt deṇī* [G¹, 66] 'быстро', *chetī deṇe* [G¹, 63] 'быстро', *həlt diti* [Gb⁴, 53] 'медленно', 'не торопясь'. Все эти формы обнаруживаются в обыденной разговорной речи.

Количественные наречия, характеризующие действие, могут означать:

а) большую меру действия или его нагнетание, быстроту протекания: *us ne jhətt deṇī* [noḷ] *khoh liā* [G¹, 66] 'Она быстрохватила [банкноты]', *us chetī deṇe kujh ākhīā* [G¹, 63] 'Она быстро что-то сказала', *vesvā dīā ākkhā cōṇā khullh gāiā* [Gb², 23] 'Глаза гулящей женщины широко раскрылись', *jeḍā hoṭal əgge sī, oḍā hī hor o'vaddhā ditiā giā sī* [PI, XII.1954, 5] 'Сколь объемистой гостиница была ранее, настолько же она выросла теперь', *o' tez te bohutā dōṇḍā sī* [Cm] 'Он быстро и много бегал', *əjj kallh ciḍā de mull bohut vaddh-gəe hən* [Am, 118] 'Сегодня цены резко подскочили';

б) малую меру действия, ослабленность, медлительность протекания: *es ləṭ sī bōṇā thoṇā cəll səkke* [Bs, 29] 'Поэтому мы очень мало смогли пройти', *jinnā ghətt khāoge, onnā...* [Am, 47] 'Чем меньше (букв. мало) вы едите, тем...', *us musāfər ne hōlī jīhī bāh ətbā dī pīth picche ləgā diti sī* [Se¹, 45] 'Тот пассажир легко положил свою руку на спину Амбы', *mā ne mēṇī hōlī diti sām jhāṇā cāhiā ke...* [Gb⁴, 53] 'Мать хотела не торопясь (букв. медленно) мне разъяснить, что...', *e'muṇḍā kəhinda ghətt* [Cm] 'Этот мальчик неразговорчив';

в) какую-то меру действия: *əj merā suāsth kujh vigriā hoīā hē* [S, 355] 'Сегодня я чувствую себя неважно' (букв. 'мое самочувствие как-то испорчено').

г) постепенность: *jeō jeō utte jāoge...* [A, 41] 'Чем выше Вы поднимаетесь...' (букв. 'По мере того, как Вы высоко идете...');

д) предел: *jīthō tīkər merā vicār hē, o'dhōṇī nēhī* [Am, 44] 'На-

‘сколько мне известно, он не богат’, *pūrāb te paccāham ikk dūje de jītā sabbā vicc sambhāv sī nare ā gae* [Se¹, 33] ‘Насколько это было возможно на словах, Восток и Запад сблизились друг с другом’.

Количественные наречия, характеризующие признак (выражая степень качества или признака), могут означать:

а) большую или крайнюю меру признака: *mē bilkul thīk hā* [Am, 119] ‘Я вполне здоров’, *ajj bohut hī caggā māsam he* [Am, 50] ‘Сегодня очень приятная погода’, *o’ bohut vakkhī nāhi howegī* [Ar², 4] ‘Он, пожалуй, сильно не отличался’, *bhī sundor kāmī* [Ar², 8] ‘Очень красивая поэзия’, *caggā takkā ghol* [Gb³, 20] ‘Очень активная борьба’, *dādā bhēgā ādmī* [D] ‘Очень плохой человек’, *dādāhi sohnī kūt* [D] ‘Очень красивая девушка’, *phasāl ukkī nāsī ho gāt he* [KI, VI. 1960, 6] ‘Урожай полностью погиб (букв. погибший)’, *vikās ene sūkhām dhāg nāl hoīā he ke...* [Ar², 10] ‘Развитие происходит столь изящным способом, что...’, *edā mōā* [Nr, 27] ‘такой толстый’, *edī chetī* [I, 5] ‘так быстро’, *kitā mīthā vāk he!* [Na¹, 109] ‘Какая приятная фраза!’, *o’ kīdā bewākāf he!* [Am, 40] ‘Как он глуп!’, *onā de sāhāmne kedā hī vaddā dher ho giā!* [Gb⁴, 51] ‘Какая большая куча/ракушек/образовалась перед ним!’, *din kinnā hālī turdā he* [Sk, 59] ‘Как медленно проходит день’.

К количественным наречиям данной группы относится и слово *t’ūt(t’utt)* ‘совсем’, ‘очень’, использующееся постпозитивно, например: *kālā t’ūt* [P, 592] ‘совсем черный’ или ‘совсем темный’.

б) уменьшение признака: *ghātī sāf* [Gb⁴, 52] ‘менее чистый’;

в) возрастание признака: *nitt nāwīā kānāmīā lāt* [RK, 26. XI. 1960, 1] ‘на все (букв. постоянно) новые подвиги’, *hor vī deṣ-ābhīmant* [Se¹, 39] ‘еще более националистический’;

г) достаточность признака: *is mākan dī kursī kāfī ucī he* [Am, 60] ‘Плиту этого дома достаточно высок’;

д) среднюю или какую-то степень признака: *hālāt vaddh ghātī kāl jēsī he* [KI, VI. 1960, 6] ‘Положение в большей или меньшей степени напоминает голод’, *merī tātāt kujh thīk nāhi* [Am, 52] ‘Я чувствую себя не совсем хорошо (букв. в какой-то степени хорошо)’;

е) сохранение степени признака: *utnā hī vaddā jinnā pāhilō sī* [P¹, 34] ‘Точно такая же по величине (букв. такая же большая), как и раньше’;

ж) вопрос о степени признака: *o’ kīdā lāmā he* [D] ‘Какой он

длины?' (букв. 'как он длинен?'), *səvāl kiddā muškəl hε?* /D/ 'Насколько труден вопрос?'.
 10. 'Сколько времени?' (букв. 'как он длинен?'), *səvāl kiddā*

Обстоятельственные наречия выражают обстоятельство времени или места, определяющие действие, либо же цель или причину его совершения. Данный подкласс слов имеет свой богатый инвентарь полностью морфологизованных наречий. Поэтому использование других частей речи в функции обстоятельственных наречий — явление не частое и не типичное. Приведем примеры наречий времени: *vāhigurū kare o'cheti vāpəs ā jāe!* [Am, 40] 'Хотя бы он скорее (букв. скоро) вернулся!', *o' hameśā āundi rāhi* [Jh, 32] 'Она всегда приходила', *zindagī odō kujh vadhere rānkīlī sī* [Gb⁴, 50] 'Жизнь тогда была гораздо прекраснее', *etkī merī mā te mē vī...* *jānā sī* [Gb⁴, 51] 'На этот раз моя мать и я должны были также ехать', *orak mē* [Gb⁴, 54] 'Наконец я...', *kade kade o' pitā jī nū...* *ākḥ dendī* [Gb⁴, 51] 'Иногда она... просила отца', *muḡ gharogī jəḡg chīḡ pāt* [AP, 20.IX.1954] 'Опять вспыхнула гражданская война', *rām sārən dās əjihā suttā, əjihā suttā ke vicce sām ho gāt* [Du, 164] 'Рам Саран Дас так долго спал, что за это время наступил вечер', *jinnā ke əksər sāmjiā jāndā hē* [AR², 6] 'Как часто считают'.

К наречиям времени также относятся: *əjj* 'теперь', *hup* 'теперь', 'сейчас', *kāl(hāle)* 'теперь', *bhəlke* 'завтра', *kəll(kəllh)* 'вчера', 'завтра', *pərsō* 'позавчера', 'послезавтра', *pher* 'затем', *etkīā* 'с этого момента', *hānsār* 'наконец', *pəhila* 'сперва', *picchō* 'затем', *kədī kədāy* 'иногда', *kəde* 'иногда', *sədā* 'всегда', *iccər* 'столь долго', *iccər* 'до тех пор, пока'; вопросительные: *kəd?* или *kədō?* 'когда?', *kiccər?* 'как долго?', 'до каких пор?'; релятивные: *jəd* или *jədō* 'когда', *jiddən* 'когда', *jicər* 'в то время как'; коррелятивные: *təd* или *tədō* 'тогда', *odən* 'тогда' и некоторые другие.

Иногда обычное наречие времени может сочетаться с согласующе-реляционным послелогом и поэтому, подобно прилагательному, выступать как согласованное наречие. При этом возможно некоторое изменение значения наречия, например: *pəndəɪ jī jəd de yūɾəp de deʃā dā dɔ̃rā kərke āe sən, āp de dil vicc...* [Jh, 38] 'С тех пор как пандит вернулся с поездки по странам Европы, в его сердце...' (букв. когдaшнe пандит вернулся, релятивное *jəd* 'когда' > *jəd de* с тех пор как)'. .

Ниже даны примеры наречий места: *jādūgər ne əndər jān dī košīs kītū* [J, 37] 'Волшебник попытался войти внутрь', *pər haṯṯ košīs kītīā vī vicce hī gəddiā riḥā* [Gb³, 16] 'Но несмотря на по-

пытку, рука осталась внутри (букв. вложенной внутрь)', *heṭh likhīā udāherāñā tō spāst ho jāwegā* [Jaul, 83] 'Из нижеследующих (букв. из внизу написанных) примеров станет ясным', *tusī utte nāhī āoge?* [Gb², 19] 'Вы не пойдете наверх?', *pər kol ikk mūrkh mittər beṭhā hē* [Am, 123] 'Но рядом сидит глупый приятель', *e miṭhiā kitthō liāiā?* [J, 5] 'Откуда ты принес эти сладости?'. К наречиям места также относятся: *itthe (ethe)* 'здесь', *utthe(othe)* 'там', *ore* 'по эту сторону', *pərə* 'до ту сторону', *kite* 'где-либо', *kitō(kitiō)* 'откуда-то', *bāhər* 'наружи', *heṭhā* 'внизу', *itthō* 'отсюда', *othō* 'оттуда', *edhər* 'сюда', *odhər* 'туда', *edhrō* 'отсюда', *kiddhər* 'куда', *kiddhrō* 'откуда'; релятивные: *jitthe* 'где', *jitthō* 'откуда', 'где', *jiddhər* 'куда', *jiddhrō* 'откуда'; коррелятивные: *iiddhər* 'туда' (уст.), *iitthe* 'там' (уст.). В функции наречия места используется и прилагательное *dūr* 'далекий', 'далеко' и существительное *per* 'близость' в основном обстоятельном падеже *perē* 'близко'.

Примером причинных наречий служат *tāyō* или *tāy* (в транслитерации соответственно *tāhīō* и *tāhī*) 'поэтому', 'следовательно', образованные присоединением к наречию *tā(tā)* 'тогда' аффикса *-yī(-yō)*, а также вопросительное *keō* 'почему'. Примеры: *tū prīkhīā pās kər sukkā hē tāyō befikrī nāl phirdā hē* [Mh, 16] 'Ты сдал экзамены, поэтому беззаботно слоняешься', *tū ro keō riḥā i?* [De, 26] 'Ты почему плачешь?'.

В число наречий цели входит ГМП, использующееся в функции согласуемого наречия (см. раздел «Герундивно-модальное причастие»). Мы воспроизводим уже приведенные примеры: *gufāre nū ākh ke merī bərsātī sukkrī pā dewī* [G², 35] 'Вели Гуфаре расстелить мой плащ для просушки', *dāṇe bhupṇe rākkh de* [Cm] 'Положи зерно жариться (букв. жаровито)'. Как видно, в обоих случаях адвербиально функционирующее ГМП согласуется с дополнением (*bərsātī* 'плащ' и *dāṇe* 'зерно').

Синтаксические и морфологические черты наречий панджаби

I. Синтаксические черты

1. Для синтаксиса панджаби типично то, что в роли качественных и количественных наречий часто выступают прилагательное, местоимение, существительное и инфинитив (в согласующе-реля-

ционном падеже), согласуемые (в случае изменяемости) с подлежащим, дополнением или каким-либо другим членом предложения. В функции наречия цели может использоваться ГМП.

2. Как и в других языках, наречие панджаби выступает в предложении в функции обстоятельства: с одной стороны, обстоятельство, дающего качественную характеристику действию или признаку, а с другой — обстоятельства времени, места, причины, цели и др.

II. Морфологические черты

1. Как показывает материал, в панджаби выделяются две группы наречий: изменяемые и неизменяемые.

Изменяемые наречия — это изменяемые прилагательные, местоимения, ГМП в адвербиально-заместительной функции.

Неизменяемые — это полностью морфологизованные наречия (в первую очередь обстоятельственные), неизменяемые прилагательные и местоимения, прилагательное мужского или женского рода единственного числа в адвербиальной функции. Последние имеют тенденцию превратиться в морфологизованные наречия, но пока не стали ими, поскольку у прилагательного окончания *-ā* и *-ī* продуктивны.

2. Анализ структуры полностью морфологизованных наречий панджаби позволяет выявить следующий основной инвентарь конечных аффиксов:

-e — один из наиболее продуктивных аффиксов: *kāde kāde* 'иногда', *vicce* 'внутри', 'за это время', *utte* 'наверху', *utthe* 'там', *bhālke* 'завтра', *hālē* 'теперь';

-ō — один из самых продуктивных аффиксов (аблативный): *eō* 'так', *jeō jeō* 'по мере', *odō* 'тогда', *picchō* 'затем', *kitthō* 'откуда', *keō* 'почему';

-iō — аблативный: *kitiō* 'откуда-то' (← *kite* 'где-либо');

-ē: *jiwē* 'как', *tiwē* 'так';

-ā: *jiddā* 'как', *hamešā* 'всегда';

-ā: *agā* 'вперед', 'впереди', *uttā* 'наверху', 'сверху';

-ī(-i, y): *chetī* 'быстро', 'скоро', *hālī* 'медленно', 'тихо', *kādī* 'иногда';

-ā: *sadā* 'всегда';

-iā — этот конечный аффикс множественного числа мужского рода неноминативных падежей, оказавшись непродуктивным, отмирающим для прилагательных, становится постепенно типичным для

наречий, образуя их от однокорневых прилагательных: *ikəllā* 'одинокий' → *ikəlliā* 'наедине', *səkhā* 'легкий' → *səkhīā* 'легко'.

Очень распространены в панджаби наречия с нулевым конечным аффиксом, но имеющие согласную фонему в исходе: *nāl* 'вместе', *inn binn* 'точно', *nitt* 'постоянно', *ghəṭṭ* 'мало', *jhəṭ* 'быстро', *muṭ* 'опять', *təd* 'тогда', *jəd* 'когда'.

3. Наречия могут изменяться по степеням сравнения. Некоторые из них образуют сравнительную степень синтетически при помощи суффикса *-er*: *əgge* 'впереди' — *əggere* 'еще дальше впереди', *pəre* 'по ту сторону' — *pərege* 'еще дальше по ту сторону'. Однако более типичен для выражения сравнения синтаксический паллиатив: сочетание формы положительной степени наречия с формой аблативного падежа местоимения или имени, обозначающего предмет, ((предметы), при помощи которого производится сравнение: *ār āre sāthīā tō əgge ləṛggh gəe* [Jh, 16] 'Он обогнал своих товарищей (букв. прошел от своих товарищей дальше вперед)', *o' mere nālō cār jəṁtāā əgge sī* [De, 12] 'Она по сравнению со мной была на четыре класса старше'. Возможна, как и в случае с прилагательным, и другая трактовка данной формы, а именно как выступление вместо маркированной формы (сравнительной степени) немаркированной (положительной степени).

Превосходная степень наречия образуется аналитически: при помощи формы положительной степени слова, перед которой ставится служебное слово — местоимение *səbh(sārā)* 'все' в аблативе, например: *əhrəv ved səbh tō picche rəciā gəiā he* [Ar², 6] 'Атхар-ваведа создана позже всех', *jo səbh tō pəhilā dillī āe* [Jh, 7] 'который самый первый (букв. прежде всего) приехал в Дели'.

О структуре наречий панджаби

По своей структуре наречие панджаби может быть простым, производным, сложным, аналитическим и составным. Приведем примеры простых наречий: *nāl* 'вместе', *kəd* 'когда', *təd* 'тогда', конверсированных: *hāl* 'сейчас' (*hāl* 'настоящее время') и *muṭ* 'опять' (*muṭ* 'вращаясь'); производных наречий: *pəhilā* 'сперва' (*pəhilā* 'первый', $-\tilde{a} < -ā$), *səkhīā* 'легко' (*səkhā* 'легкий', $-\tilde{a} < -ā$), *həlī* 'легко', 'тихо' (*həlā* 'легкий', 'тихий', $-\tilde{a} < -ā$), *kədə* 'иногда' (*kəd* 'когда' + *-e*), *utō* 'сверху' (*utte* 'наверху', 'сверху', $-\tilde{o} < -e$), *əjjō* 'отныне' (*əjj* 'сейчас' + $-\tilde{o}$), *kitō* 'откуда-то' (*kite* 'где-либо', $-\tilde{o} < -e$); сложных наречий: *jiwē* 'как' (*ji < jis* 'какой' местоиме-

ние + *iwē* 'так'), *jicər* 'в то время как' (*ji-jinn* 'сколь многих' + *cər-cir* 'период'), *jithe* 'где' (*jis* 'какой' + *thā* 'место'), *jiddən* (*jiddən*) 'когда' [*ji* < *jis* 'какой' + *dən* (*dən*) < *din* 'день'], *odən* (*odō*, *odē*) 'тогда' (*us din*), *itthe* (*etthe*) 'здесь' (*is thā* 'это место'), *etthō* 'отсюда' (*is thā tō* 'с этого места').

Примером аналитических наречий служат образования, включающие наречие места и аблативную форму согласующе-реляционно-го послелога, например: *ɛdhər dō* или *ɛdhər diō* или же *ɛdhər dī* 'отсюда', 'этим путем', *kol dō* (*diō*) 'вдоль', 'поблизости', *əndər dō* (*diō*) 'сквозь' и др.

Приведем примеры составных наречий: *cup kīte* (*kītī* и т.д.) 'молча', 'тайком' (существительное + причастие); *subhāś bābū cup kīte jəṅgəl vicc cəlle gəe* [Bs, 7] 'Господин Субхаш тайком отправился в лес', *cup kītī bərkəte sunī jāndī* [Gb⁴, 51] 'Молча слушала Баркате', *inn binn* 'точно', *kəde kəde* (*kəde kədāy*) 'иногда', *ikk ikk* 'по одному', *do do* 'по два', *cār cār* 'по четыре' (повтор числительного), *ikk ikk kər ke* 'по одному' (повтор числительного плюс деепричастие), *ikk picchō ikk* 'по одному' (сочетание числительного в основном обстоятельственном падеже с числительным в номинативном); *ghəṭṭo ghəṭṭi* 'по меньшей мере', *jeō jeō* 'по мере', *hālī hālī* 'медленно' (повтор).

ПОСЛЕЛОГИ

Поскольку послелоги, как это будет показано ниже, могут выступать (хотя и реже) не только как основная субморфа (т.е. формально-служебный элемент) аналитических падежей, но и в других несамостоятельных функциях, в особенности с неизменными частями речи, их целесообразно выделить в отдельную несамостоятельную (служебную) часть речи. Это выделение отнюдь не противоречит возможности послелогов пребывать в области аналитической морфологии (в первую очередь, когда они являются основной субморфой аналитических падежей). Ведь совершенно очевидно, что не может быть противоречивой служебная функция именно служебной, несамостоятельной части речи, эквивалентной в составе аналитической формы морфеме синтетического падежа.

То, что некоторые принимают за противоречие, по существу является спецификой, особенностью такой служебной части речи, какую представляют собой послелоги. Стремление выдать комбинацию субморфированной автосемы и послелога (послелогов) за словосочетание, за единицу синтаксиса совершенно ошибочно, потому

что в таких комбинациях послелог имеет чисто служебную (несамостоятельную) функцию, а субосема, с другой стороны, сама по себе не представляет самостоятельного слова, так как сама не выражает падежа, не имея падежного значения, и поэтому может использоваться лишь в составе различных падежей. Она может выражать падежное значение только вместе с послелогом. В связи с этим следует еще раз напомнить правильную мысль Е. Куриловича, что решающую роль играет функция, а не происхождение [Курилович, 1927].

Несмотря на то, что некоторые послелогии, особенно обстоятельные, имеют довольно конкретное значение по сравнению с полнотью грамматикализованными послелогими, они не перестают быть классом служебных слов-послелогов и входят в него на равном основании вместе с последними. Субстантивное происхождение таких послелогов не играет роли, тем более, что в качестве их выступает лишь одна словоформа какого-либо имени.

Итак, наиболее распространенная функция послелогов — это быть основной субморфой синсемантической морфы при образовании аналитических падежей существительных, местоимений, иногда числительных. Однако они могут сочетаться и с другими частями речи, выполняя, как уже сказано, иные, непадежные функции.

Как и в других новоиндийских языках, послелогии в панджаби неоднородны. В разделе «Падеж» уже говорилось, что некоторые из них настолько грамматикализовались, что являются почти формантами, указывающими на определенные грамматические отношения. Сюда в первую очередь относятся послелогии *ne*, *nū̃*, *dā*, *vicc* 'в', 'среди' (значение только для *vicc*). Последний из них даже может редуцироваться и почти сливаться с именем, отделяясь (на письме) от него лишь апострофом, как, например, *ghār'c* 'дома' вместо *ghār vicc*.

А послелогии *ne*, *nū̃* и *dā*, употребляясь с такими абстрактными словами, как местоимение, могут превращаться из послелогов в суффиксы и служить источником образования производных синтетических эргативного, дательного и винительного падежей, а также притяжательных местоимений из лично-реляционных (примеры см. в разделе «Местоимение»). Здесь мы ограничимся лишь тремя иллюстрациями: *sāpū̃ rātā hē* [Ar², 77] 'Нам известно', *ōdī̃ ākkh* [Du, 527] 'ее глаз', *ōne (usne)* 'он'. Могут образовываться даже производные субосемы личных местоимений, например: *ōde kol*

[Гб⁴, 50] 'у нее' (более подробно см. об этом в разделе «Местомение»).

Кроме того, в качестве послелогов может функционировать какая-нибудь одна форма, как правило, неноминативного падежа существительного, как, например: *vele* 'во время' — форма основного обстоятельственного падежа существительного *velā* 'время': *lārāy vele* 'во время войны'. Эта форма может параллельно использоваться и как существительное: *hər vele* 'каждый раз', 'всегда' (слово *hər* 'каждый' здесь определение к существительному *vele*).

Даже если существительное, одна из форм которого функционирует как послелог, не утратило своей субстантивной парадигмы и именных черт и параллельно существует форма-послелог, эта форма, несмотря на свой более конкретный, обстоятельственный характер по сравнению с более абстрагированными послелогам, в принципе, по своей функции ничем не отличается от последних и стоит в одном ряду с ними, составляя, например, единую равноправную для всех ее членов цепочку основных субморф аналитических падежей.

Тот факт, что другие родственные по происхождению с ней формы имеют субстантивную суть, не меняет принципиального послеложного характера такой формы. Нередко, однако, коль скоро одна из форм становится послелогом, другие словоформы начинают постепенно вытесняться синонимами такого существительного. Чувствуется, что существительное *velā* в употреблении все больше заменяется синонимами *vəkət*, *cir* и др. А неизменяемое существительное *vall* (*vəl*) 'направление' практически уже не ощущается как таковое и почти полностью утратило свою субстантивную сущность. Для примера следует сослаться, пожалуй, на лучший до настоящего времени англо-панджабский словарь, созданный Теджа Сингхом [Тj, 142], который в гнезде *direction* 'направление' дает семь синонимов, среди которых нет слова *vall*. Последнее используется в панджаби как послелог со значением «к», «на». Существительное же *vall* почти совсем вытеснено словами *lārāf*, *pāssā*, *rukh* 'сторона', 'направление' и др.

Также конкретный, обстоятельственный характер носят и послелог, конверсировавшие из наречий и образующие в современном панджаби с рядом из них корреляции омонимии, о чем будет сказано ниже. Однако эти слова также остаются послелогам, входя в одни и те же цепочки равноправных членов с другими, более грамматикализированными послелогам.

Сначала рассмотрим послелог в их совновной функции: основной субморфы аналитических падежей.

Послелог в качестве основной субморфы. Как уже говорилось выше, в разделе «Падеж», один и тот же послелог может выражать несколько разных значений или оттенков одного и того же инвариантного значения и в зависимости от этого входить в словоформы разных падежей или выражать разновидности одного и того же падежа. Следовательно, в панджаби наблюдается полисемия, или полифункционализм послелогов. Кроме того, в этом языке существуют и послелог-синонимы. Различные отношения могут передаваться либо одиночными послелогам, либо сочетанием двух-трех послелогов. Иногда один и тот же тип отношений реализуется факультативно одним из двух способов. По основным значениям послелог можно разбить так:

а) субъектные — послелог, оформляющие аналитический падеж подлежащего, т.е. эргативный падеж. К таковым принадлежит лишь послелог *ne*;

б) объектные — послелог, оформляющие прямое и косвенное дополнения, т.е. винительный, дательный, косвенно-объектный, инструментальный и вторичный аблативный падежи; сюда относятся: *nū, nāl* ‘с’, ‘вместе’, ‘под’, *səpe* ‘вместе’, *səmet* ‘с’, ‘вместе’, *sēt* ‘с’, *kol* ‘у’, *lāy* ‘для’, *vāste* ‘для’, *khātər* ‘ради’, *bāre* ‘о’, ‘об’, *rēt* ‘без’, *khūnō* (*khūnō*) ‘без’, ‘за отсутствием’, *vall* (*val*) ‘в’, ‘на’, *utle* (*te*) ‘на’, *uprər* ‘на’, *vickār* ‘между’; *rāy* ‘путем’, вторично-аблативные: *nālō, pāsō, vallō, hətthō, hətthō, kolō, iō* (*thō*) ‘от’, *viccō* (*cō*) ‘от’ (значение для *viccō*), *thalliō* ‘из-под’, ‘от’, *hephō* ‘из-под’, ‘от’. В данный подкласс послелогов входят и сочетания послелогов (составная основная субморфа). Чаще всего такие сочетания образуются из-за того, что существительное, имевшее перед собой согласующе-реляционное определение, перешло в класс послелогов. В таких сочетаниях особенно часто выступает послелог *dā*, выполняющий тавтологическую, плеонастическую роль и ставший теперь в таких сочетаниях общим сигнализатором аналитического падежа. Примеры: *iō chuṭṭ* или *iō ilāwā* ‘кроме’, *de nāl* ‘с’, *de kol* ‘у’, *de khilāf* ‘против’, *de əndrō* ‘из’, *dī vall nū* ‘в’, ‘к’ (текстовые примеры см. в разделах о соответствующих падежах);

в) обстоятельно-временные — послелог, оформляющие основной обстоятельный падеж со значением времени: *vele* (*sət*) ‘во время’, *iō* ‘в течение’, ‘во время’, ‘в’, *təkk* (*tək*) ‘в

‘течение’, ‘во время’, ‘в’, ‘до’, ‘до сих пор’, *tīk* ‘до’, ‘до сих пор’, *tāy*, *tīkər*, *toṛi* ‘до’, ‘до сих пор’, *viśc* ‘во время’, ‘в’, *nū* ‘в’, ‘во время’, ‘по’, ‘через’, *piśchō* ‘через’, ‘после’, *məgrō* ‘через’, ‘после’, *bād* ‘после’, ‘через’, ‘спустя’, *reḷā* ‘до’, ‘за’, ‘перед’, *lāy* ‘на’ (о сроке); в данном подклассе послелогов также обнаруживаются сочетания, иногда и за счет повторов: *tō reḷā* ‘до’, ‘перед’, *tō piśchō* ‘после’, *tō bād* ‘после’, *de mēgrō* ‘после’, *de əndər əndər* ‘в течение’, ‘во время’. В текстах нам также встретился послелог с временным значением, использующийся с герундием I; это *vārī* ‘в течение’, ‘во время’. Видимо, этот послелог находится в процессе становления, образования (из существительного *vārī* ‘раз’), и этот процесс, наверное, начался сравнительно недавно. По всей видимости, этот развивающийся послелог является вариантом другого, также обнаруженного нами послелога *vār* со значением обстоятельства места. Примеры: *mil lē āṇṇī jāt nū jāndī vārī* [HC, 19] ‘Повидай свою дочь, [находящуюся] на смертном одре (букв. во время ухода)’, *āundī vārī dukān bānd ho cukkī sī* [Du, 131] ‘Во время/в возвращении магазин был закрыт’ (примеры на обстоятельственно-временные послелогии см. в соответствующем разделе, касающемся падежей);

г) послелогии со значением обстоятельства места и направления – послелогии, оформляющие основной обстоятельственный падеж со значением места и направления к какому-то месту или от него: *viśc* ‘в’, *əndər* ‘в’, ‘внутри’, *vikhe* ‘в’, *əgge* ‘перед’, *neṛe* ‘около’, ‘близ’, *utte(te)* ‘в’, ‘на’, *duāle* ‘вокруг’, *guāṇḍ* ‘рядом’, *uttō* ‘над’, *heṭh* ‘под’, *thəlle(thəle)* ‘под’, *piśche* ‘за’, ‘позади’, *nū* ‘на’, ‘в’, *vəll* ‘на’, ‘в’, *tō* ‘из’, ‘с’, *viścō* ‘из’, *duāliō* ‘с’, *heṭhō* ‘из-под’. Сочетания послелогов: *de əndər* ‘в’, ‘внутри’, *vəll nū* ‘к’, ‘в’, *de əndrō* ‘из’, *de piśche* ‘за’, ‘позади’, *de əgge* ‘перед’, *de neṛe* ‘около’, ‘близ’, *de thəlle* ‘под’, *de bār* (в транслитерации *bāhər*) ‘за’, ‘за пределами’, *de kol* ‘возле’, ‘около’, *de uprər deō* ‘через’ и др. Мы также обнаружили примеры с сочетаниями послелогов, в которые в качестве третьего компонента составной субморфы входит послелог *vār* со значением места: *us gufā de kol vār kuḷh miṇḍe rəe kheḍde sən* [J, 4] ‘У входа в ту пещеру играли несколько мальчишек’, *piṇḍ de bāhər vār* [R, 923] ‘у околицы деревни’ (букв. ‘за деревней’). Приводим также ряд примеров с редко встречающимися послелогамии: *rəhār uttō* [PL, II.1968, 14] ‘Над горами’, *hor bhəṇḍā dā ghər sādē guāṇḍ hī sī* [Gb⁴, 52] ‘Дом дру-

гих сестер был совсем рядом с нашим', *pāhār de uppār deō* [R, 297] 'через гору';

д) последологи со значением обстоятельства:

цели: *lāy* 'для', *nāl* 'с', *nū* 'для', *dī khātār* 'ради', 'для', например: *ōdī mā ne jād mēnū kujh hor khār nū dītā* [Gb⁴, 53]. 'Когда ее мать дала мне еще что-то поесть (букв. для еды)';

причины: *kārān, de kārān* 'из-за', *kārke* 'из-за', *dā sādka* 'из-за', 'благодаря', *nāl* 'из-за', 'по', *heth* 'под', *thalle* 'по', 'под', например: *hukām nāl* [Bs, 4] 'по приказу', *lēr nāl* [Bs, 11] 'из-за движения', *āsār heth* [Bs, 7] 'под влиянием', *hukām thalle* [Sk, 59] 'по приказу';

образа действия: *nāl* (например: *kuštā nāl* 'благополучно'), *vājō* (например: *udārān vājō* 'в качестве примера'), *vicc* (например: *nīnd vicc* 'во сне'), *utō* 'при' (например: *gulāmī utō* 'при рабстве'), *tō binā, de binā* 'без' *rāy* 'путем' (например, *qāk rāy* 'почтой');

уступки: *de bāwājūd* 'несмотря на', *de hundiā hoyā* 'несмотря на', 'хотя';

сравнения: *vāyg, vāygu, vākār* 'как', 'подобно';

субъектного обстоятельства: *dā, dīā* и т.д., например: *gīārsān dīā dāsstā 854 bolā* [Ar², 1] '854 языка, описанные Грирсоном', *mī jhakkhār dā māriā pāñchī* [Se¹, 85] 'птица, побитая дождем и бурей';

е) согласующе-реляционный послелог *dā* – послелог, о котором уже говорилось в разделе «Согласующе-реляционный падеж». Следуя за какой-либо формой (чаще всего субморфированной автономой), он отсылает нас к другому члену предложения, преимущественно выраженному существительным, местоимением-существительным, инфинитивом, и, изменяясь в роде, числе, а иногда и в падеже, согласует первое слово со вторым. Слово, включающее послелог *dā*, может функционировать как согласованное определение, согласованный предикатив, согласованное наречие-обстоятельство, КПЧ. Согласующе-реляционный послелог имеет парадигму изменяющегося прилагательного.

Инвентарь форм послелога *dā* в номинативном падеже:

	Единственное число	Множественное число
М.р.	<i>dā</i>	<i>de</i>
Ж.р.	<i>dī</i>	<i>dīā</i>

В неноминативных падежах единственного числа мужского рода выступает форма *de*, а для множественного числа того же рода служит либо форма *de* (чаще), либо *dīā* (реже). В неноминативных падежах женского рода выступают те же формы, т.е. для единственного числа — *dī*, для множественного числа — *dīā*. Ньютон [Nw, 116] приводит также производные аблативные формы данного послелога, существующие, как видно, в качестве алломорфов *dō* и *deō*. В современном панджаби они встречаются редко.

Все примеры, иллюстрирующие функцию согласующе-реляционного послелога в качестве основной субморфы, даны в разделе «Согласующе-реляционный падеж». Здесь же мы остановимся на сочетании этого послелога с другими частями речи, а также рассмотрим вопросы его специфического употребления.

Послелог *dā* (в форме неноминативного падежа *de*) может иметь и вторичную функцию, состоящую в том, что, сочетаясь с каким-либо другим послелогом, он тавтологически сигнализирует о наличии аналитического падежа (общий сигнализатор аналитического падежа) и чаще всего основного обстоятельственного (примеры см. в этом же разделе, пункты в, г и б). Здесь же ограничимся тремя иллюстрациями: *de andər andər* 'в течение', *de kol* 'возле', *de nāl* 'с'.

Мы также зафиксировали случай, когда послелог *dā* в своей вторичной функции сам по себе является основной субморфой основного обстоятельственного падежа: *o'ikk əzɪt likhvā ke zori s̄ahib de peš ho jāndā* [PL, I. 1957, 70] 'Написав прошение, он силой проникал в кабинет начальника (букв. силой появлялся у начальника)'.

О падежно-производной функции послелога *dā*. Мы отметили интересное явление, состоящее в том, что послелог *dā* может преобразовывать какой-либо аналитический падеж в производный согласующе-реляционный. Новая производная форма может выступать в разных синтаксических функциях, как и обычная форма согласующе-реляционного падежа, например: *e'prākṛit əjḡoll de bəhār te oḡe pere de ilāke vicc bolī jāndī s̄t* [Ar², 8] 'На этом пражити говорили на территории современного Бихара и в районе близ него (букв. около него близком районе)', *pəcchm̄ hindī de cuphəre dīā bhāṣāwā* [Ar², 4] 'Языки зоны, окружающей район распространения западного хинди' (букв. 'западный хинди окружающие языки'), *oḡe nāl de pəṛhe likhe vəḡḡe vəḡḡe bābū* [Du, 48] 'занимавшиеся вместе с ним [на курсах] крупные чиновники'. В первых двух примерах, представляющих собой выдержки из научной лингвистической работы, искомые формы являются результатом transforma-

ния основного обстоятельственного падежа *ōde neṛe* 'около него' и *hindī de cuphere* 'вокруг хинди', а в третьем примере форма согласующе-реляционного падежа, выступающая в функции согласованного обстоятельства-наречия, производна от косвенно-объектного падежа *ōde nāl* 'с ним'.

Мы также обнаружили примеры, показывающие, что послелог *dā* может выступать в функции основной субморфы согласующе-реляционного падежа не один, а в сочетании с видоизмененной формой множественного числа *kiā* согласующе-реляционного послелога хинди *kā*, например: *dōle kiā de khet* [PL, I.1957, 69] 'поля Дауля', *bohutā kāsūr mōle kiā dā he* [P¹, 598] 'Мауль во многом виноват' (букв. 'большая вина Мауля есть').

Послелог *dā*, сочетаясь с наречием, наделяет его атрибутивной функцией, например: *əjjkall dīā bolīā* [Ar², 8] 'современные языки' (от *əjjkall* 'сегодня'), *utthō de sārē əfsər* [Du, 145] 'все служащие оттуда' (букв. 'тамошние служащие' от *utthō* 'там'); *tusi āṛṇe skūl vicc kiddā de cāl rāhe ho?* [Jw, 275] 'Как у Вас дела в школе?' (от *kiddā* 'как' КПЧ).

В сочетании с наречиями аблативная форма послелога имеет общее значение «путем»; например: *heṭh dō* [Nw, 116] 'низом', *neṛe dō* [Nw, 116] 'ближним путем', *əndər diō* [Nw, 116] 'внутренним путем'. В сочетании с другими послелогами аблативная форма может также иметь и обстоятельственно-аблативное значение: *beṛe vicc dō* 'из двора'.

Имя или местоимение в согласующе-реляционном падеже часто обладает притяжательным значением, как, например: *us dī sārī zəṭīn* 'его вся земля'. Но это происходит не всегда, так как значения могут быть разные, например: *jo rikṣāwā rəjistar nā hoṅtā ōṇā de cālān śurū kər ditte jāṅge* [AP, 25.VIII.1953,1] 'На тех рикш, которые не будут зарегистрированы, начнут оформлять судебные дела' (здесь *ōṇā de* означает объект, на который направлено действие: *ōṇā de cālān* 'судебные дела против них'), *jis māyūst nāl tuhānū us nāl milke do cār hoṇā rəegā, us dī kəsək nū itthe hī ghətt kər diā* [Du, 11] 'Мне хотелось бы тут же ослабить боль того разочарования, в которое Вы придете при встрече с ним' (здесь между *us dī* и *kəsək* 'существуют отношения причины и следствия').

Оформление послелогом *dā* субъектного обстоятельства см. в пункте д данного раздела.

Непадежное использование послелогов. В непадеж-

ной функции может использоваться не только послелог $dā$, но и другие послелогии, например: $odō tēkk$ [Gb⁴, 52] 'до этого' (с наречием), $o'aje toṛī bāccā hē$ [Am, 114] 'Он еще ребенок' (с наречием), $huṇ tāy, huṇ tīk, huṇ tīkər$ [P¹, 60] 'до сих пор' (алломорфы послелога $tāy tīk, tīkər$ 'до' с наречием), $aje tēkk$ [Sk, 59] 'до сих пор' (с наречием), $kitthe tīkər$ [G³, 35] 'до определенной степени' (с наречием), $āsā kiddhər pū jārā hē$ [NZ, 1.X.1962, 10] 'Куда нам следует идти?' (с наречием), $60 tō uprər$ [Ar², 1] 'более 60' (с числительным).

Во всех случаях непадежного использования (включая и послелог $dā$) послелог либо наделяет слово, к которому относится, определенной функцией, либо выражает какое-то отношение, либо привносит какой-либо семантический оттенок.

Об образовании послелогов. Собранные материалы позволяют выделить следующие основные пути образования послелогов панджаби:

1) неноминативный падеж существительного $\longrightarrow$ наречие $\longrightarrow$ послелог, например: $əndər$ 'внутренняя часть', 'живот' $\longrightarrow$ $əndər$ 'внутри' (наречие) $\longrightarrow$ $əndər$ 'внутри', 'в' (послелог);

2) неноминативный падеж существительного $\longrightarrow$ послелог, например: $vele$ (от $velā$ 'время') $\longrightarrow$ $vele$ 'во время' (послелог);

3) деепричастие $\longrightarrow$ послелог, например: $kərke$ (или $kər ke$) 'делая', 'сделав' $\longrightarrow$ $kərke$ ($kər ke$) 'из-за';

4) причастие $\longrightarrow$ деепричастие $\longrightarrow$ послелог, например: $hundiā$ (неном. пад. м.р. мн.ч. от причастия I $hundiā$ 'существующий', 'имеющийся') $\longrightarrow$ $hundiā$ 'существуя' (деепричастие) $\longrightarrow$ $hundiā vī$ 'несмотря на' (послелог + частица $vī$) или же: $hunde hoe$ ($hundiā hoyā$) — аналитическая форма вида состояния того же причастия $\longrightarrow$ $hunde hoe$ ($hundiā hoyā$) 'существуя', 'наличествуя' (деепричастие) $\longrightarrow$ $hunde hoe vī$ ($hundiā hoyā vī$) 'несмотря на' (послелог + частица $vī$);

5) суффиксация.

Видимо, возможен и способ образования от наречия не субстантивного происхождения, что, однако, требует дополнительного исследования. Во всяком случае, в панджаби существуют дуплеты 'наречие — послелог'; несомненно свидетельствующие о том, что определенные послелогии произошли путем конверсии от определенных наречий, например: $utle$ 'наверху' — $utle$ 'на', $uprər$ 'сверху', 'наверху' — $uprər$ 'на', 'над', $heṭh$ 'внизу' — $heṭh$ 'под', kol 'воз-

ле' — *kol* 'у', *kolō* 'рядом' — *kolō* 'у', 'от' и др. Приведем два примера на данные наречия: *utte jān ləṭ* [Du, 98] 'чтобы пойти наверх', *o' uprər pū giā hē* [Nw, 117] 'Он ушел наверх'. Здесь же мы даем примеры на послелого, образованные от деепричастий. Часто такие послелого сочетаются с другими послелогом: *ikk rūp ho jān kər ke* [P¹, 22] 'из-за появления одной формы', *odō tō leke* [Y, 2] 'с тех пор', *heṭhā tō leke uprər tək* [D] 'снизу доверху', *kəmre de vickār kər ke* [D] 'посреди комнаты'. Приведем также примеры на послелого, восходящие к причастиям через деепричастия: *innā dhān hundiā vī o' khus nēhī sī* [Am, 77] 'Несмотря на такое богатство, он не был счастливым', *muškīā hunde hoe vī* [Jw, 289] 'несмотря на трудности', *innā dhān hundiā hoyā vī* [Am, 47] 'несмотря на такое богатство', *sārīā dhārā de hundiā hoyā* [D] 'несмотря на все трудности'.

К производным относятся послелого, образованные добавлением суффикса аблативного падежа -ō или -iā, например: *heṭh* 'под' — *heṭhō* 'из-под', *thall* 'под' — *thalliō* 'из-под', *kol* 'у' — *kolō* 'от', *vall* 'на', 'к' — *vallō* 'от', *duāle* 'около', 'у' — *dualiā* 'с', 'от', *vicc* 'в' — *viccō* 'из' и др.

Мы обнаружили в панджаби также предлог *pāssē* 'к', например: *likhtum lājvanti pāssē mere dharam piāre ikk ikk pāl yād ān vāle* [Du, 106] 'Пишет Ладжванти (букв. к) своему горячо любимому, ни на минуту не забываемому'. К предложному употреблению тяготеет и послелог *binā* 'без', например: *binā kiṣe muškāl de* [Jw, 284] 'без каких-либо трудностей'.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ-ПОСЛЕЛОГ

Нам удалось установить, что в панджаби существует гибридная часть речи прилагательное-послелог, которая образуется добавлением аффикса -lā (в м.р. ед.ч.) к ряду послелогов, выступающих чаще всего как основные субморфы основного обстоятельного падежа (особенно со значением места), а иногда и косвенно-объектного. Обнаруженная форма изменяется подобно прилагательному, оканчивающемуся на -ā.

Присоединение аффикса к послелого не изменяет служебной роли последнего, так как функция основной субморфы падежа, которую он выполняет, сохраняется, однако появление этого форманта вызывает новую, адъективную характеристику у слова и новую схему связей. До присоединения аффикса -lā послелого рассматриваемого ряда имели лишь левостороннюю связь (как служебный элемент, от-

носящийся к впереди стоящей субморфированной автосеме; имеется в виду основная графика, т.е. гурмукхи), а после присоединения добавилась еще и правосторонняя связь (атрибутивная реляция к соположенному справа существительному), поскольку послелог обрел еще и качества прилагательного и в функции такового выступает как определение к последующему существительному.

Таким образом, получается, что по отношению к стоящей слева форме анализируемое слово выступает как служебный элемент, а по отношению к стоящей справа — как знаменательное слово. Следовательно, такое слово является гибридной частью речи — прилагательным-послелогом. В данном классе слов наиболее распространены *viclā* 'в', 'между', 'внутренний' (образованное от послелога *vicc* 'в' не только присоединением аффикса *-lā*, но еще и консонантной синкопой) и *əndərlā* 'в', 'внутри', 'внутренний', например: *us viclā jətt jāg piā* [As, 69] 'В нем проснулся джат', *rəñjāb viclī hālāt* [R, 928] 'положение в Панджабе', *kəmrə viclī kursī utthe nəhī* [Cm] 'В комнате нет стула', *gulām-mālkā viclī jəgg* [D] 'война между рабами и рабовладельцами', *əgəst te əktūbər vicle sāmē* [D] 'в период между августом и октябрём', *des əndərlī koī vī tākāt nəhī* [D] 'никакая сила внутри страны', *des əndərlē sāmājək sām-bəndh* [D] 'общественные отношения страны', *is lāt ohā əndərlā ādər* [D] 'их уважение к этому'.

Помимо функционирования в качестве основной субморфы существует еще один формальный показатель того, что анализируемая форма не утратила свойства послелога: возможность сочетания с общим сигнализатором аналитического падежа *de* (форма послелога *dā* во вторичной функции), например: *rəñjāb de vicle hisse vicc* [J, 1] 'во внутренней части Панджаба'. Это говорит о том, что вторичную функцию послелога *dā* нельзя считать избыточной.

Мы также обнаружили пример с формой *həthhlā* 'у', образованной от послелога *həthhlī* 'у' добавлением аффикса и вокалической синкопой: *sāde həthhlī jāṅkārlī lō pətā ləggdā hē ke...* [D] 'У нас есть сведения, что...' (косвенно-объектный падеж местоимения). А форма *bārlā* 'вне', 'за', образованная от послелога *bār* 'вне', 'за', встретила нам в составе аналитического основного обстоятельного падежа, в котором субморфированная автосема представляет собой аблатив: *pustək vicc rəñjābō bārlē kəmm utte cərgī rṣṣnī pāl hē* [NZ, 11.III.1962, 2] 'В книге пролит яркий свет на работу, проведенную вне Панджаба'.

Казалось бы, к рассматриваемым формам можно подойти и по-иному, классифицируя их как производные согласуемые послелоги, образованные от других однокорневых послелогов. Однако такая точка зрения не оправдывается, если обратить внимание на четко проявляющиеся адъективные черты возникшей формы вплоть до ее возможности использоваться в качестве обычного прилагательного, как, например: *vičlā morcā* [R, 928] 'центральный фронт', *əndərīā kəpṛā* [R, 65] 'нижнее белье', *əndərīā ghol* [R, 65] 'междоусобица' (букв. 'внутренняя борьба').

СОЮЗЫ

Союз — самостоятельная часть речи, выполняющая служебную функцию для выражения отношений между членами предложения, частями сложного предложения, а также между отрезками речевой цепи, каждый из которых может включать одно или несколько сложных предложений.

По структуре союзы панджаби можно подразделить на простые (непроизводные), производные, аналитические и составные. Самые распространенные из них простые и составные.

Простые (непроизводные) союзы. Сюда относятся: *te(te)* 'и', *pəṛ* 'однако', *jā* 'или', *je* 'если', *ke* 'что', 'чтобы' и др.

Производные союзы. Видимо, производными следует считать союзы *jekər* 'если' и *keor̥kər* 'так как', где морфема *kər* в настоящее время уже ощущается как суффикс. Пожалуй, к производным можно отнести и союз *keor̥ke* 'так как', образованный из наречия *keō* 'почему' и союза *ke* 'что', 'чтобы', поскольку последний в современном употреблении также стал уже восприниматься как аффикс. То же самое можно сказать и о союзе *tāy̥ke* 'чтобы', состоящем из наречия *tā* 'тогда' и союза *ke*.

Аналитические союзы. К ним относятся, например, формы аналитических падежей релятивного местоимения *jo* 'что', выступающие в качестве союза: *jis ləy̥*, *jis vāste* 'в результате чего', 'из-за чего' (косвенно-объектный падеж), *jis kərke*, *jis de kārən* 'в результате чего', 'из-за чего' (основной обстоятельственный падеж).

Составные союзы сформированы из нескольких компонентов-слов. Выполняя функцию соединения слов в простом предложении или частей сложного предложения, такие компоненты могут распределяться по данным словам, расположенным дистантно друг

от друга, или по частям сложного (сложносочиненного) предложения и, будучи соотносимыми элементами одной целостной единицы — составного союза, они связывают указанные слова или части предложения. Но не все составные союзы обязательно расчленяются: среди них есть и такие, которые остаются соположенными. В подкласс составных союзов мы включаем и союзы-повторы, и повторы других частей речи, выступающих в функции союзов.

Составные союзы могут комплектоваться из частиц, из наречия и частицы, из наречия и союза, из наречия и местоимения. Приведем примеры нерасчленяемых составных союзов: *tā jo* или *tā jō* 'чтобы' (наречие + местоимение), *tā vī* или *phir vī* 'тем не менее' (наречие + частица), *nāhī tā* 'иначе' (отрицательная частица + наречие). Ниже дан ряд примеров расчленяемых составных союзов: *nā sirf...hī...vī* 'не только...,но и' (четыре частицы), *nā kewāl...sagḍ... (vī)* 'не только...,но и' (три частицы + союз *sagḍ* 'а', 'но'), *hī nāhī...sagḍ...vī* 'не только...,но и' (три частицы + союз), *jā...jā, cāē...cāē, p'āwē...p'āwē* 'либо...либо', 'или...или' (повтор простого союза), *nā...nā* 'ни...ни' (повтор отрицательной частицы), *nāle...nāle* 'и...и' (повтор наречия).

По синтаксической функции союзы панджаби можно подразделить на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы служат для связи отдельных членов предложения, частей сложносочиненных предложений, а также отрезков речи, каждый из которых представляет собой сложное предложение или их сочетание.

Сочинительные союзы делятся на:

а) копулятивные (или соединительные): *ete(te)* 'и', *nāle...nāle* 'и...и', *nā...nā* 'ни...ни'. Примеры на союз *ete(te)* 'и': *murḍe te kuṛtā filmī gāne pāsānd kārde hān* [Jw, 204] 'Юноши и девушки любят песни из кинофильмов', *bheṛīe ne memne te hāmlā kītā ete o'us nū khā giā* [Jw, 288] 'Волк напал на козленка и (букв. он) съел его', *tuhāḍī jāṇkāṛī lāt aṣī e'dassṇā cāhunde hā ke aṣī hār roz baṇḍlā de baṇḍāl āṛḍār grāpāt kār rāhe hā te e'mumkin hē ke sādā śāk cheṭī hī khētām ho jāe. ete aṣī tuhā hū sālāh dewāṅge ke e'mōkā hātthō nā gawāo te āṛṇā kīmtī āṛḍār sānū ghola* [Jw, 305, 306] 'К Вашему сведению, мы получаем ежедневно кипы заказов, и не исключено, что наши запасы скоро иссякнут. И мы советуем Вам не упустить возможности и направить нам Ваш уважаемый заказ'. В первом примере союз *ete(te)* соединяет однородные подлежащие, во втором — части ССП

(сложносочиненного предложения), в третьем — два отрезка речи, первый из которых представляет собой СПП (сложноподчиненное предложение) с двумя придаточными дополнительными частями, причем вторая из них сама является СПП. Второй отрезок также СПП. Примеры на два других союза: *nāle dhār kəḍḍhā nāle rowā* [Gb-3] 'Я и дою, и плачу', *nā edhār dā nā odhār dā* [P³, 596] 'Ни туда, ни сюда', *nā ākho nā suḡo* [P³, 596] 'Не говорите, не слушайте'. Однако, как мы убедились, копулятивные союзы не всегда являются обязательным средством связи при соединении однородных членов предложения, поскольку наблюдаются случаи и бессоюзия, например: *sirf os šreṇī de istrīā mārḍā ləy kəmm ghəṭt hē...* [PL, XII.1954, 20] 'Только для той категории женщин/[и] мужчин уменьшен объем труда...', *e' ləmmē cṛe dāwe* [NZ, 11.III.1962, 17] 'эти длинные/[и] пространные заявления', *ise prākrit vicc likhī kəhī jāndī hē* [Ar², 9] 'На этом пракрите пишут/[и] говорят';

б) градационные. Они близки к копулятивным, так как также выражают идею соединения, но здесь более четко выступает значение градации актуальности, важности второго члена предложения (или второй части ССП), соединяемого с первым членом (или с первой частью ССП). Сюда относятся расчленяемые составные синонимичные союзы: *nā sirf...hī...vī, nā kewəl...səḡō...(vī), hī nəhī...səḡō...vī* 'не только...и', например: *o' nā sirf ihəssō khedō hī sī, o' gāundī vī bəṛā sohṇā sī* [Cb⁴, 507] 'Она не только была очень веселой, но она также очень красиво пела', *śəhīrā vicc hī nəhī, 'səḡō piṇḍā vicc vī* [R, 154] 'не только в городах, но и в деревнях', *tere lāt bhākḥā bənnh nā kewəl pəñjāb dī səḡō sārē bhārāt dī khuṣhālī dī jūndī jāgdī misāl hē* [Y, 1] 'По моему мнению, плотина Бхакра — яркий символ процветания не только Панджаба, но и всей Индии';

в) альтернативные (или разделительные), несущие значение выбора или взаимоисключения: *jā* 'или', *ke* 'или', синонимичные союзы-повторы: *jā...jā, cāē...cāē, p'āwē...p'āwē* 'либо...либо', 'или...или', например: *ḍigṛī jā ḍiplomā ləṛ lāt* [Y, 5] 'для получения степени или диплома', *tusī mēnū pəchānde ho ke nəhī* [Na¹, 110] 'Вы меня узнаете или нет', *jā tusī aṭhī likho jā əsī likhā* [C] 'Либо Вы пишете письмо, либо это следует сделать нам', *cāē kursī te bəṭh jāo, cāē sofe te* [Gb-3] 'Садитесь или на стул, или на диван', *p'āwē, əkhbār pəḡho p'āwē risālā* [Gb-3] 'Либо читайте газету, либо журнал'. Мы обнаружили пример, показывающий, что альтернативные отношения между членами предложения могут также выражаться и бессоюзно, например: *je tā šəbd utle əulā nū mukkh rəkkhke ləe*

ghəre jāp [NZ, 1.X.1962, 1] 'Если слова заимствуются [или] создаются по вышеупомянутым правилам...';

г) противительные (или адверсативные). Такие союзы имеют значение контрастности и сопоставления. К ним относятся: *pər* 'но', 'однако', *nəhī tã* 'иначе', 'не то', *səgō* 'но', 'а', *phir vī* или *tã vī* 'тем не менее' (последние два уступительно-противительные). Иногда в панджаби используется и противительный союз хиндустани *pərāntī* 'однако'. Примеры: *ikk mähīnā bīt giā pər o' hāle vārəs nəhī āiā* [Jw, 277] 'Прошел месяц, но он еще не вернулся', *calle jāo nəhī tã mē tuhānī jāo tō mār dewāṅgā* [Am, 31] 'Уходи, не то я убью тебя', *e'kise ikk rājñitək dhəre dīā yojnāwā nəhī səgō sāmūh bhārī lokā dīā hən* [Bo, 128] 'Это планы не какой-либо политической партии, а всего индийского народа', *o'kise kālāj vīcc kəde vī dākhəl nəhī hoe sən, phir vī slokam mähān vīzktī bəṇ gəe sən* [Y, 5] 'Слокам никогда не поступал ни в какой колледж, тем не менее он стал великой личностью';

д) пояснительные союзы: *ərthāi* 'то есть', *yānī* 'то есть', например: *pəscəṁ ərthāi maddh deš dī bolī* [Ag², 7] 'Язык запада, то есть средней части страны'.

Подчинительные союзы связывают части СПП (на базе различных отношений).

Самым универсальным подчинительным союзом является *ke* 'что', 'чтобы', который может вводить придаточные части самых различных типов и подтипов СПП (т.е. выражать самые различные отношения), например, СПП с присубстантивно-пояснительно-атрибутивной ПЧ: *us nū tāṅnā kūtī gāt sī ke o'kāfī miləṅsār nəhī sī* [Se¹, 37] 'Ему был сделан упрек, что он недостаточно общителен'; СПП с ПЧ подлежащей: *e' thīk hē ke eñā progrāmā nāl lokā nū sähulət mildī hē* [NZ, 13.III.1962, 2] 'Это верно, что данные программы облегчают положение народа'; СПП с временной ПЧ: *o'kəṁre vīcc vərīā hī sī ke kəmrā coṇ ləgg pīā* [Am, 41] 'Едва он вошел в комнату, как потолок начал (букв. комната начала) протекать'; СПП с целевой ПЧ: *mē āṛne des tō fəṛəṅgī bādšāhət utth jānī məṅgdā sā ke mere puttər nū o' fīkrā nā pərhnā pəwe* [Gb³, 15] 'Я желал ликвидации английского господства в своей стране, чтобы моему сыну не пришлось изучать ту фразу'.

Реже в панджаби используется союз *pəy* 'что', 'чтобы', синонимичный *ke*, например: *us de dīl vīcc upjī pəy e'kəṁm zərūr sire cəṛhnā cāhīte* [B, 75] 'У него возникла мысль, что эту работу следует завершить'. Союзы, подобные *ke* и *pəy*, лингвисты называют функциональными (см., например, [Галкина, 220]).

Иногда в значении союза *ke* может использоваться *jo*, но это архаичная, отмирающая функция, поскольку оно в современном языке преимущественно выступает как релятивное местоимение.

Среди других подчинительных союзов следует выделить условные *je* или *jekər* 'если', например: *je tust̃ səfər kərnā h̃t̃ he tã...* [Jw, 218] 'Если Вам предстоит путешествовать, то...'; уступительный *p'āwē* 'хотя', 'как ни': *p'āwē o' kiddī ṽt̃ m̃t̃r te tək̃t̃ keō nā howe, o'ikk m̃t̃e j̃ān vāl̃t̃ šreṇt̃ he* [D] 'Как он ни богат и ни могуч, он представляет собой гибнущий класс'; синонимичные целевые *tã jo, tã jō, t̃āṅke* 'чтобы': *mundr̃t̃ ug̃gāl vicc pā k̃e, tã jō t̃eñ kise t̃ərḥā dā d̃ər nā l̃agge* [J, 7] 'Надень на палец кольцо, чтобы ты не боялся'; причинные *keoṅke, keoṅkər, keō jo, keō jō* 'так как': *metā virodh̃t̃ s̃əf̃əl hoīā keoṅke us ne j̃h̃uṭh̃ā g̃awāh̃ā peš k̃it̃ā* [Jw, 280] 'Мой оппонент взял верх, так как представил ложные доказательства'; союзы следствия *jis l̃əṭ̃, jis k̃ərke, jis de k̃ār̃p* 'в результате чего', 'из-за чего', 'благодаря чему': *us de bh̃eṭ̃e subhā dā əs̃ər k̃əns te ṽt̃ p̃iā, jis l̃əṭ̃ o'ṽt̃ b̃əṭ̃ā r̃āp̃t̃ b̃əṇ g̃iā* [Dh, 4] 'Его плохой нрав оказывал влияние на Канса, из-за чего он также стал большим грешником'.

К подчинительным также относятся сравнительные союзы *j̃iwē, m̃āno, j̃āno, j̃eō* 'словно', 'будто', использование которых иллюстрируется в разделах «СПП с придаточными сравнения», «СПП с ПЧ со смешанными чертами образа действия и сравнения» и «СПП с ПЧ меры и степени». Некоторые из этих союзов омонимичны сравнительным частицам и релятивным наречиям.

ЧАСТИЦЫ

Частицы — несамостоятельная часть речи, которая может либо семантически дополнять слово или фразу, в том числе модально и экспрессивно, либо выполнять словообразовательную или формообразовательную функцию (выступая как синсема — морфа аналитической формы слова), либо же нести определенную грамматическую нагрузку.

Частицы подразделяются на следующие подклассы:

1) утвердительные: *h̃ā(ā)* 'да' и более просторечное *āho* 'да', например: *te is t̃ərḥā m̃ē ikk m̃əḥəl b̃əṇā liā h̃ā m̃əḥəl jis de ird gird...* [De, 11] 'Таким образом я построил замок, да, замок, вокруг которого...', *āho b̃ābā! o'edā h̃i likh̃d̃iā s̃t̃ ke!* [Kartar², 180] 'Да, папаша! Они именно так и писали';

2) отрицательные: неизменяемые *nəḥ* (в транслитерации *nəḥ*), *nə* и изменяемая *thoḥā*. Наиболее распространена частица *nəḥ*; *nə* чаще всего используется в императиве, а также с рядом других форм. Примеры: *α tətākḥū nəḥ pīndā* [Am, 17] 'Он не купит', *āpā sətā beəṛth nə gəwāo* [Am, 32] 'Не теряйте даром своего времени', *pər mē is vicc jhūṭh thoḥā kihā e* [Na¹, 29] 'Но я не солгал в отношении этого', *koṭ səsctā thoḥā ne* [Gd, 65] 'Они (совсем) не настоящие'. Отрицательная частица *nəḥ* может присоединять эмфатический аффикс -*ō* (с мутацией *ḥ > ɔ*) и изменять значение на 'никак не', 'ни в коем случае не', например: *us ne pəyū təlqā āpū āi iō* [Na¹, 68] 'Он ни в коем случае не отступится от своей идеи'.

3) вопросительные: *kī* (чаще всего не переводится) 'что', 'разве', *pəl'ā* 'неужели', 'разве', 'а', *kite* 'разве', *ke* 'а', сочетание частиц *kidre tā* 'ли'. Примеры: *kī o' ucct kəndh iō tərpiā?* [Am, 21] 'Пригнал ли он через высокую стену?', *kise nū dukḥt kərnā kī ɔkhā hē?* [Se¹, 60] 'А разве кого-либо трудно опечалить?', *pəl'ā edā rəktā khəṭte pāiā gujārā hundā e sāḍe lokā dā?* [Na¹, 14] 'Неужели ты думаешь, что мы живем, просто откладывая деньги', *pəl'ā je tūhāḍi bheṇ tūhānū huṇe ləbbh pəwē?* [Na¹, 109] 'А если предположить, что Ваша сестра нашлась в данный момент?', *pəñj sə viḡge dhərtī kite thoḥt hundt hē?* [As, 67] 'Разве земельный участок в 500 бигхов мал?', *tusit vekhiā sīt ke?* [Nr, 27] 'А ты видел?', *əjj kidhre məyḡəl sīhu tā nəḥi āiā* [Se¹, 78] 'Не приехал ли сегодня Мангаль Сингх?'. Частица *pəl'ā* может использоваться и в не вопросительных, но все же носящих проблематичный характер предложениях, например: *bhāpā jī mē tūhāḍā imtiḥān le rəḥt sīt*, *pəl'ā tusit mēn pəchāṇde ho ke nəḥi* [Na¹, 110] 'Брат, я проверяла Вас, узнаете ли Вы меня или нет';

4) указательные. Для ближнего плана существуют варианты: *ε'* (основной вариант), *ā'i* *ε'* (более редко) 'вот', 'это', например: *bārū jī, ε' vekho tūhāḍi tāro* [Na¹, 109] 'Папа, вот посмотрите на свою Таро', *ε' le* [Na¹, 29] 'Вот возьми', *nī bhābī, ā'kī tā ditiā t?* [Gb⁴, 52] 'Сестра, что это ты поставила?', *ε' tū kī kītā?* [Hc, 17] 'Что это ты наделала?'. Для дальнего плана типична частица *ɔ'* 'вон', например: *ədhīārək jī ɔ'jā rəhe hən* [Am, 41] 'Вон идет господин учитель', *mēt səhāitā kərən vālā ɔ'jā riḥā hē* [Kartar², 189] 'Вон идет оказывающий мне помощь';

5) уточняющие. Сюда относятся частицы *en* 'точно', 'как раз', *hī* со значениями 'именно', 'только', 'едва'. В функции та-

кой частицы может выступать и наречие-повтор *ghəṭṭo ghəṭṭ* 'минимум', 'по меньшей мере'. Этот подкласс частиц может уточнять слова, принадлежащие к разным частям речи, например, существительное, числительное, глагол, наречие и даже основную субморфу аналитического падежа, т.е. послелог, причем, если субморфа составная (сочетание послелогов), то такая частица может занимать позицию между ее компонентами. Приведем примеры: *pər kəmtt ɛn solā āne kər diāṅge* [As, 69] 'Мы выполнили работу на все 100% (букв. точно на 16 ан)', *sāḍā ghər dillt de ɛn vickār* [G³, 34] 'Нам дом находится в самом центре Дели (букв. точно в центре)', *o' edā hī likhdā sī* [Kartar², 180] 'Они именно так писали', *jiwē hī us ne e'khəbər sunī* ... [Am, 42] 'Как только он услышал это известие...', *o'kəmtre vicc vərīā hī sī ke...* [Am, 41] 'Едва он вошел в комнату, как...', *ghəṭṭo ghəṭṭ pāñj bānde* [As, 69] 'минимум пять человек', *mē ɛn sərək de vickār jā rihā sā* [De, 32] 'Я шел как раз по середине дороги';

б) лимитирующе-эмфатические, т.е. частицы с сильным зарядом актуализации, ограничения. К ним следует относить *hī* 'только', 'лишь', *bəs* 'только', *hē* 'лишь', *kite* 'лишь', 'только', *kədt* 'лишь', 'только', *sirf* 'только', 'лишь' (арабского происхождения), *nigā* 'только'. Эти частицы могут образовывать эмфатически-замыкающую модель (термин наш. — Ю.С.), состоящую из двух частиц, охватывающих с двух сторон выделяемое слово: *kewəl...hī*, *sirf...hī* 'только', 'лишь'. Примеры: *məddh deš dī bolī hī* [Ar², 7] 'только язык средней части страны', *sāhittək rūpā dā hī...* *pātā hē* [Ar², 7] 'Известны лишь литературные формы...'; *bəs ese kəmtre vicc* [G³, 39] 'только в этой комнате', *sirf kuṭī āt hē* [C] 'Пришла лишь девушка', *ode sohṇe mūh utte purāpā o'dā sabbh kujh sī ikk muskārāhət hē nāhī sī* [Gb⁴, 54] 'На ее прекрасном лице все было прежним, не было лишь улыбки', *nigā gāu* [P³, 684] 'очень добродетельный человек' (букв. 'лишь корова'), *tā kite o' heṭh āt* [Du, 135] 'Лишь тогда она сошла вниз', *je kədt tust mull ghəṭṭ kər deo, tā e' ghəṭṭ khəṇd sakkdā hā* [Am, 115] 'Если только Вы снизите немного цену, тогда я смогу купить эти часы'. Приведем примеры на эмфатически-замыкающую модель: *kewəl mē hī us sārē de sārē dher dā mālək bəp bəṭhā* [De, 12] 'Лишь я стал вдалеке всей этой кучи [песка]', *sərək kewəl itnā hī hē ke...* [Ar², 4] 'Разница состоит только в том, что...' *sirf huṇ hī* [D] 'только теперь';

7) уменьшительно-смягчающие. Такие частицы умень-

шают или смягчают степень качества, обозначаемого прилагательным, или меру, выражаемую существительным. Это изменяемые постпозитивные частицы *jinnā* (*jinnā*) [омонимичная релятивному слову *jinnā* (*jinnā*) 'сколько многих'] и *jīā*, неизменяемые *ku* и *kujh* (омонимичная местоимению *kujh*). Примеры: *āpne nikke jinne pēr te* [De, 11] 'на свои крохотные ноги' (ср. *nikke pēr* 'маленькие ноги'), *cittā jihā* [R, 511] 'беловатый', *sādā purānā jihā mākān* [J, 17] 'наш старый (букв. в какой-то степени старый) дом', *sohnī jihī kūrī* [Cm] 'хорошенькая (или миловидная) девушка' (букв. 'в какой-то степени красивая девушка', ср. с *sohnī kūrī* 'красивая девушка'), *mālūk jihā srīr* [As, 69] 'нежное тело' (в какой-то степени); Ньютон справедливо указывает, что нередко смягчающий эффект слова *jihā* бывает очень трудно уловить, как, например: *kāllh mē vāddā udās jihā sī* [Nw, 144] 'Вчера я был очень грустным'. Само употребление усилительного слова *vāddā* 'очень' свидетельствует об утрате здесь смягчающе-уменьшительного значения частицей *jihā*. Значит, от частого употребления частица *jihā* может утрачивать свое значение и прилагательные с *jihā* и без него употребляются параллельно как два алломорфа (один аналитический). Приведем примеры на *ku* и *kujh*: *ghutt* 'глоток' > *ghutt ku* или *ghutt kujh* [Cm] 'глоточек', например: *ghutt kujh viskī* [Cm] 'немного виски', 'глоточек виски', *ghutt kujh* (или *ku*) *pāpī piāo* [Cm] 'Дайте немного воды';

8) частицы приблизительности. Частица *ku* может также иметь значение приблизительности: *sātārā ku sāl* [Se¹, 44] 'примерно 17 лет'. К данному подклассу принадлежит и частица *koṣ* 'примерно', 'приблизительно', омонимичная местоимению *koṣ* и, видимо, конверсировавшаяся из класса местоимений в класс частиц. Ниже приводится пример, где к одному числительному относится частица *koṣ*, а к другому — частица *ku*: *koṣ pāñjhī tō āh ku sāl dī umār tākk* [Se¹, 60] 'примерно от двадцати пяти лет до тридцати';

9) причисляющие. Эти частицы представлены *vī* 'также', 'и', например: *māddhkāl dī bhāṣā vī śanyogātmak hē* [Ar², 10] 'Средневековый язык также синтетический', *pār ēnā bolā de vī sāhittak rūpā dā hī sānī pātā hē* [Ar², 7] 'Однако относительно и этих языков нам известны лишь литературные формы';

10) побудительно-повелительные. О подобных частицах уже говорилось в разделе «Повелительное наклонение». Сюда относятся: *pā* 'ка', 'же', *tā* 'же' *kā* 'ну-ка', 'ли', *zātā* 'ну-ка', *gātā* 'ну-

ка', 'ка', *seŋ* 'пусть', 'ну-ка'. Однако чаще в данном значении используются не одиночные частицы *tā* и *seŋ*, а их сочетание. Приведем примеры: *vədhāt kāhdt, dəssə nā* [Ī, 57] 'С чем поздравить, скажите-ка?', *callo nā jī* [N] 'Пойдемте же', *hē hē! tū gəll tā suŋ* [G², 327] 'Ты что! Послушай же меня!', *pəchāro khā* [Gb², 557] 'Ну-ка попытайтесь узнать', *bəŋa ke vikhā khā*? [De, 13] 'Не покажешь ли, как строить?', *vekh tā seŋ nəkhā kidā* [As, 67] 'Взгляни-ка, какая она кокетка', *pəŋdət jī dəssəŋ tā seŋ* [AP, 15.И.1954] 'Пусть господин пандит скажет', *zəŋa i'tā bol* [A, 11] 'Ну-ка говори тихо', *thəhir gətā* [G³, 33] 'Подожди-ка'. Мы обнаружили побудительно-замыкающую модель частиц (термин наш. — Ю.С.), отличающуюся тем, что одна частица предшествует форме императива, а одна или две следуют за ней, как, например: *zəŋa vekh tā seŋ* [As, 68] 'Ну-ка посмотри-ка!', *gətā sīt iō uttho nā* [G³, 33] 'Ну-ка поднимитесь со стула';

11) усиленные. Усилиться, акцентироваться могут разные члены предложения, выраженные различными частями речи, но особенно часто усиливается сказуемое. Ниже даны примеры на усиление:

глагола-сказуемого: *hī* 'все же', 'все-таки', 'уж', *nā* 'ведь', 'совсем', *tā* 'то', *təkk* 'даже', *ke* 'и' и др., например: *ikk din tā ikk guāṇdhəŋ ne ākh hī ditta* [Se¹, 79] 'Однажды одна соседка все же сказала', *do boṭā puijā kər hī diāṅgā* [As, 68] 'Уж я органикую доставку Вам двух мешков', *vekhā tā nəhī, pər lokī kəhi rəhe sən* [Nṛ, 27] 'Видеть-то не видел, но люди говорили', *tere jātū hisābā utte tā sərkaṛ ne nəhī nā cəllṇā* [As, 69] 'Правительство ведь не будет опираться на твои крестьянские расчеты', *kī kəṛā vəkəl nəhī nā āi* [G³, 34] 'Что делать?/У меня/совсем не было времени', *bəṭəp de tən viss e'səmbhāvṇā āi təkk nəhī sī* [Se¹, 32] 'Бетан даже не ожидал такой возможности', *o'edā hī likhdā sī ke* [Kartar², 180] 'Они именно так и писали';

существительного в разных функциях: *vī* 'даже', *jo* 'же' (омоним релятивного местоимения *jo*), *təkk* 'даже', *tā* 'то' и др., например: *is nāl tā us nī būṭā dā ikk joṛā vī nəhī sī jṛṇā* [G¹, 66] 'На них же она не могла бы купить даже пары обуви', *zəṭāpā jo bədəl.rihā sī* [Du, 207] 'Времена же менялись', *is zərūrī nukte dā zikər təkk nəhī kītā giā* [AP, 23.VIII.1953, 3] 'Этот важный вопрос даже не был упомянут', *tere jātū hisābā utte tā sərkaṛ ne nəhī nā cəllṇā* [As, 69] 'Правительство ведь не будет опираться на твои

крестьянские расчеты (букв. на твои крестьянские расчеты-то);
наречия-обстоятельства: *vī* 'и', *p'āwē* 'хоть' (омоним уступительного союза *p'āwē* 'хотя'), *hī* 'же' и др.; например: *ṁe je mill mālākā dī gāl mēn vī lēt jāwe ke [...]* *tā vī sakhāitā dī rākam* 58 *lakkh rupae vāsul howegī* [KL, XI.1961, 4, 5] 'Если даже согласиться с утверждением предпринимателей, что [...], то и тогда они получают сумму помощи в 58 лакхов рупий', *p'āwē aji rakkh lāwo* [As, 68] 'Возьмите хоть сейчас', *utthe hī* [Ar², 3] 'там же';

местоимения в разных функциях: *tā* 'же', *pāl'ā* 'же', *hī* 'же' и др.; например: *is nāl tā us nū būṭā dā ikk joṛā vī nāhī jupnā* [G¹, 66] 'На них же она не могла бы купить даже пары обуви', *pāl'ā bārkatē bhūā vārgā sohṇā kōṇ ho sakkdā he!?* [Gb⁴, 53] 'Но кто же может быть таким же красивым, как тетя Баркате!?', *keḍā hī vaddā dher ho giā* [Gb⁴, 51] 'Какая же большая куча [ракушек] образовалась' (усиление местоимения в наречной функции).

К усиительным относятся и частицы *sārā* 'очень' и *ewē* 'лишь', 'всего'. Первая из них часто усиливает слова-омонимы *bohut* 'многие' (неопределенно-количественное числительное), *bohut* 'большой', 'много' (прилагательное). Примеры: *bohut sāṇā kuṭā* [C] 'очень много девушек'; *bohut sārā inām* [J, 7] 'очень большое вознаграждение', *bābū jī dī khurāk tā ewē cīṭ jinnī ē* [As, 69] 'Пища господина лишь мизерная';

К усиительным относится и частица *vī* со значением уступки 'бы'. Предложение, в котором она используется, может иметь еще одну частицу: *p'āwē*. Примеры: *pāṇjābī nū kitiō vī śabd milē...* [NZ I.X.1962, 1] 'Откуда бы ни поступали слова в панджаби...', *hindī vicc pārcēlat śabd, p'āwē o'kise some tō vī lāe gae hon* [NZ, I.X.1962] 'Употребляющиеся в хинди слова, из какого бы источника они ни брались';

12) сравнительные. К ним относятся, например, частицы *jīwē* и *jeō*, омонимичные сравнительным союзам и релятивным наречиям (со значением 'как'), например: *ikk hussar jihā o'de andar jīwē miṭ miṭ riā utṭhā* [Du, 41] 'В ее сердце словно появлялась часто какая-то тяжесть', *jeō sārā śāhir hī bitār ho giā hundē* [Gb⁴, 53] 'Весь город словно заболел';

13) частицы с рядом модальных значений. Частицы могут выражать и другие модальные значения, например, опасение, беспокойство: *māte, kite...nā* 'ли', 'как бы не', *māte kite* 'как бы не': *mē vī āṛṇe pēṛā tō utāh tākkiā, māte puṣāk de koī bāṭan khullhe rāhi gae*

hoṇ /Gb³, 15/ 'Я тоже осмотрел себя с ног до головы: не остались ли пуговицы расстегнутыми на костюме', yār, sādē rasoṭ jāndiā nū kite roṭ hī pā mukh jāwe /Cm/ 'Друг, пока мы идем в столовую, как бы не кончилась еда', bhāy utthiā ke mātē kite dhruv nikkāl jāe /Nw, 176/ 'Возникло опасение, как бы не ушел Дхрув'; сомнение: o'masā mere ku jiddi hē /Se¹, 23/ 'Она едва достигает моего роста'; пожелание: pər je kite is nū nāhir laggdī hundi /As, 67/ 'Ах если бы на ней был канал!'; сочетание частиц kiḍre...nā 'бы', сопровождающее сказуемое в сослагательном наклонении в придаточной части в том случае, если это сказуемое в преломлении главной части выражает запланированное действие: pər is gāl dā khiāl rakkhīā jāwegā ke kiḍre is de kāraṇ riāsaiā diā unnai diā skimā vicc aṭhiccān pā pāwe /AP, 6.XI.1954, 6/ 'Однако будет предусмотрено, чтобы по этой причине не возникало бы задержки планов развития штатов'.

Частицы с грамматическими функциями

В панджаби есть частицы, которые могут нести грамматическую функцию. Так, частицы sār и hī являются для деепричастия, образованного от причастия I заменой -ā на -iā, формантами результативно-комплетивного вида. Без них деепричастие имеет обычный несовершенный вид. Примеры: ap rāḥdiā sār tiār ho pāe /Bs, 15/ 'Прочитав [телеграмму], он сделал приготовления', te inne nū rūp ā gāt te āundiā hī us menū sabaś diti /De, 12/ 'А в это время подошла Руп и, подойдя, похвалила меня'.

А частица jīā (в транслитерации jihā), употребляясь одна или с числительным ikk 'один', придает существительному категории неопределенности, поскольку она выступает со значением 'какой-то', 'своего рода'. Эта частица постпозитивна и согласуется с существительным, к которому относится, например: oṇā nū ikk kām-zoṭ, ikk ghāṭ jōhī māhisūs ho rāhī sī /Du, 87/ 'Он ощущал какую-то немощь, какое-то недомогание', ikk hussar jihā ode endar jiwē miṭ miṭ piā utthdā /Du, 41/ 'Словно в ее сердце часто появлялась какая-то тяжесть', us diā bullhiā te muskārī jōhī ā /Du, 161/ 'На ее губах появилась улыбка (букв. улыбка своего рода)'.

Частица ne выражает вербальное значение 3-го лица множественного числа настоящего времени.

Ниже мы рассмотрим особый тип частиц.

В панджаби существует ряд частиц, имеющих парадигму изменяемого прилагательного. Видимо, они конверсировались из прилагательных и местоимений с такой парадигмой. Все эти частицы имеют общее значение «подобный»; которое варьируется в зависимости от конкретной частицы примерно так: «подобный по общему признаку»; «подобный по степени (размеру, силе)» и т.д. Как мы установили, функции таких частиц могут быть словообразовательными и приравнивающими.

Словообразовательная функция уподобляющих частиц состоит в том, что вместе с предшествующим подобной частице словом последняя может образовывать своеобразное аналитическое прилагательное. Допустим, она стоит после слова W , т.е. WP (где P — символ частицы), и такое образование является определением к существительному S ; тогда отношения между элементами словосочетания WPS следует рассматривать как S подобное W . Поэтому анализируемые частицы мы назвали уподобляющими. А поскольку они нас отсылают к какому-либо существительному (S) и согласуют с ним какое-либо слово (W), мы их, кроме того, наделяем термином согласующе-реляционные.

Поскольку комбинации модели WP преимущественно в словах не встречаются и, как правило, готовым строительным языковым материалом не являются, но в то же время широко образуются в речи, целесообразно считать аналитическое прилагательное данного типа (WP) речепроизводным, а соответствующие частицы — наделенными речепроизводной функцией. Сополагаясь постпозитивно с существительным, местоимением, наречием и некоторыми другими частями речи, они наделяют такое слово функцией прилагательного или согласованного наречия (как известно из предыдущих разделов, обычное прилагательное также может выступать в функции согласованного наречия).

Если компонентом такого аналитического образования выступает существительное или местоимение, то они принимают форму субморфированной автосемы единственного или множественного числа. Что касается частицы, то при сочетании с любой частью речи она представляет собой словообразовательную морфу. Сюда относятся в первую очередь частицы общего качества *jīā* (в транслитерации *jihā*) и *vargā*, имеющие значение «подобный»; например: *muṇḍe jihī hālēt vicc [C]* 'в положении мальчика', *hun*

jadd̃ mere gam dt̃ hāl̃at pāhil̃ā jīh̃t nāh̃t̃ [Se¹, 17] ‘Теперь, когда мое печальное положение не такое, каким было раньше... (букв. подобное прежде)’, *bark̃ ate dā gh̃ar bhāw̃ē sād̃e vārgā nāh̃t̃ s̃t̃* [Gb⁴, 52] ‘Хотя дом Баркате не был подобен нашему’. В первом примере WP – определение, а в остальных – предикатив.

Иногда в панджаби используется частица хиндустани *jēsā* ‘подобный’, напоминающая слово *jihā*. Однако она не типична для панджаби. Ограничимся следующим примером: *hāl̃at vāddh gh̃att̃ kāl̃ jēs̃t̃ h̃e* [KL, VI.1960, 6] ‘Положение в той или иной степени напоминает голод’.

В данный подкласс входят также и уподобляющие частицы *jinnā* (*jitnā*) ‘подобный по силе, степени, количеству, размеру, объему’, *jiddā* (*jedā*, *jēdā*) ‘подобный по размеру, степени, объему, например: *õ ēnā rās̃an vāl̃e dinā̃ vicc̃ roṭī pāhil̃ō jinñt̃ h̃i khānd̃t̃ s̃t̃* [Se¹, 46] ‘В те дни карточного рациона она съедала столько же хлеба, как и раньше (букв. подобно по количеству раньше)’, *tuhāḍ̃t̃ tījī ch̃att̃ āsmāñ jēṭ̃ dūr̃ diss̃d̃t̃ e* [Gb⁴, 5] ‘Ваш третий этаж кажется далеким, как небо (букв. небовато далеким)’, *mere jed̃e muṇḍiā̃ nū̃* [Gb⁴, 52] ‘мальчикам одного со мной возраста’ (букв. ‘мальчикам, подобным по возрасту мне’). В первом и втором примерах WP выступает в роли согласуемого наречия-обстоятельства, а в третьем – в функции определения.

К рассматриваемой группе частиц следует причислить и *bānnā*, *p̃innā*, *rəṅgā* со значением ‘подобный по цвету’, например: *kəṇək bānnā*, или *kəṇək p̃innā*, или *kəṇək rəṅgā* [P¹, 438] ‘пшеничного или золотистого цвета’.

Уподобляющая частица выполняет функцию словообразовательной адъективной морфы лишь при стыковке с одиночным словом. Если же, что может быть с существительным, слово не одиночно, а имеет определение, то надо вести речь не о словообразовании, а о приравнивающей функции частицы (термин наш. – Ю.С.), так как прилагательное (в том числе и аналитическое) не может иметь определения, и в таком случае частица стыкуется с атрибутивным словосочетанием.

Приравнивающая функция уподобляющих частиц не является ни формообразовательной, ни словообразовательной, но она приближается к последней в плане эквивалентности, поскольку приравнивает атрибутивное словосочетание к прилагательному. Следовательно, это адъективно-приравнивающая функция уподобляющих частиц, при осуществлении которой они преобразуют

атрибутивное словосочетание в эквивалент прилагательного. Такое словосочетание чаще всего состоит из прилагательного или существительного в согласующе-реляционном падеже (или же какой-либо другой части речи) в качестве определения и другого существительного, точнее его субморфированной автосемы единственного или множественного числа в качестве определяемого. Таким образом, эквивалент прилагательного образуется из такого словосочетания, опорное слово которого представлено субморфированной автосемой, и служебного элемента, представленного адъективно-приравнивающей морфой-частицей.

Все образование является аналитически-составным, поскольку один из компонентов атрибутивного словосочетания (опорное слово) преобразован, «обработан» и подготовлен для аналитической стыковки со служебным элементом. В составе всего образования этот компонент охвачен отношениями двух разных уровней. Его левосторонние отношения (с определением) носят составной характер, а правосторонние (со служебным компонентом) — аналитический (этим отношениям и подчинена его форма), например: *ʔelər māsʔər koʔ ām dərʔiā vārgā dərʔi thōʔā sī* [Du, 128] 'Учитель-портной не был похож на обычных портных' *din dī rʔsnī jinnā cānə* [PL, XII.1954, 6] 'Свет, подобный (по силе) дневному', *eʔmāzduʔ cār mēzduʔā jinnā kəmm kərdā. hē* [PL, XII.1954, 27] 'Этот рабочий выполняет работу, равную по объему четырем нормам (букв. подобную по объему четырем рабочим)', *jəŋgī kədī jihī kālət vicc* [C] 'в положении военнопленного'.

Определения *ām* 'обычный', *din dī* 'дневной', *cār* 'четыре' и *jəŋgī* 'военный' относятся не ко всему образованию в целом, а лишь к субосемам соответствующих существительных.

Частица *vālā*

В панджаби (как и в ряде новоиндийских языков, в которых мы подобную форму также причисляем к классу частиц) существует форма, которая используется постпозитивно по отношению к субморфированной автосеме инфинитива или существительного (обоих чисел, а также к некоторым словосочетаниям) и обладает общим значением «имеющий отношение к действию, обозначаемому автосемой инфинитива, или к предмету, обозначаемому автосемой существительного». Это общее значение *vālā* применительно к действию реализуется как «исполнитель действия», а применительно к предмету — чаще всего как «обладатель предмета». Как показывает

обширный материал, собранный нами, в подавляющем большинстве случаев и в разных сферах лексики современного панджаби данная форма используется отдельно от слова, к которому относится постпозитивно. Это доказывает то, что редко встречающиеся случаи его слитного написания не являются типичными.

Как мы установили, функции *vālā* могут быть формообразовательными, словообразовательными и приравнивающими.

Все это свидетельствует о «поведении» формы *vālā*, характерном для класса частиц. Особенно схожа она с подклассом уподобляющих согласующе-реляционных частиц, от которых рассматриваемая форма отличается лишь семантическим моментом: отсутствием идеи уподобления и более общим значением. Поэтому форму *vālā* целесообразно классифицировать как частицу самостоятельного подкласса (принимая во внимание своеобразие ее функций).

Мы обнаружили две формообразовательные (формоизменятельные), две словообразовательные и две приравнивающие (адъективно-приравнивающую и субстантивно-приравнивающую) функции.

Формообразовательные функции *vālā*

1. Первая функция выражается в способности образовывать аналитическое причастие, состоящее из субморфированной автосемы инфинитива, выступающего в функции либо знаменательного компонента, либо основного компонента глагольной части глагольно-именного словосочетания, либо модификатора пассивного залога, и компонента *vālā*, исходя из функции которого, мы сочли целесообразным назвать его модификатором партиципности. В данном случае речь идет о преобразовании одной неличной формы (инфинитива) в другую (причастие) в пределах словоформ одного и того же слова, одного и того же глагола, в пределах, как мы предлагаем назвать, общей, или большой, парадигмы глагола (в отличие от малой, или частной, парадигмы каждой неличной формы глагола, входящей как компонент в общую парадигму). Поэтому такая функция частицы *vālā* является формоизменятельной или формообразовательной. Иначе говоря, в составе аналитической причастной формы модификатор партиципности представляет собой формообразовательную морфу. Аналитическое причастие имеет следующие основные особенности:

а) как и причастие I, оно может выражать действие обычного несовершенного вида в настоящем и прошедшем времени, и если при этом оно является определением, то действие, параллельное

действию сказуемого, например: *bohutā khāṇ vālā bāccā* [Gb⁴, 52] 'ребенок, который много ест' (букв. 'много кушающий ребенок'), *e' bāṇe bhulekhe vicc rāuṇ vālī vī he* [Ar², 1] 'Он также вводит в большие заблуждения', *sindh nādī de kēṇḍhe te bolī jāṇ vālī bhāṣā* [Ar², 9] 'язык, бытующий на берегах реки Синд', *e' sārīā hī kṣmā vakkh-vakkh bolī bolēṇ vālīā sēn* [Ar², 2] 'Все эти народы говорили на разных языках';

б) в отличие от причастия I оно может быть носителем результативно-комплетивного вида, например: *sabb iṭṭh pāhiliā āuṇ vāle lok sādī nīgrīṭṭh kēbīlīā de sēn* [Ar², 2] 'Самыми первыми пришельцами (букв. 'прежде всех пришедшими людьми'), по-видимому, были негроидные племена', *onī dīnī, kīse nū supne vicc vī e' kkhīāl nāhī sī ke is hālēt vicc kilhe vikhe pēdā hoṇ vāle bālāk ne enī prāsiddatā prāpāt kār lēṇī he* [Sew, 9] 'В те дни никому даже во сне не снилось, что родившемуся в замке мальчику предстоит в этой обстановке завоевать такую известность';

в) в отличие от причастия I и причастия II оно может в функции определения означать действие в будущем, например: *pākistān iṭṭh āuṇ vāle ikk bādeṣī pātṭar-prerāk ne dāssiā ke...* [AP, IV.1954] 'Один иностранный корреспондент, который приедет из Пакистана, сказал...';

В остальном данная аналитическая форма, образованная при помощи частицы *vālā*, имеет все особенности такой глагольной формы, как причастие (может иметь прямое и косвенное дополнения, обстоятельство, выступать в функциях, присущих причастию, и т.д.).

2. Вторая формообразовательная функция частицы *vālā* — способность образовывать аналитический герундий, состоящий из субморфированной автосемы инфинитива и компонента *vālā*, который целесообразно назвать модификатором герундийности (разновидность формообразовательной морфы). Аналитический герундий — тоже результат преобразования одной неличной формы (инфинитива) в другую (герундий) одного и того же глагола. Обе эти формы входят в общую (большую) парадигму этого глагола, в пределах которой они имеют одна к другой формообразовательные (формоизменятельные) отношения.

Аналитический герундий всегда выражает субъект действия, даже если рассматриваемая форма не является подлежащим. Он, как и герундий I и герундий II, имеет смешанные глагольно-именные черты.

К именным (субстантивным) характеристикам аналитического герундия относится способность изменяться по падежам и иметь определения, например: *e'ciŋhī likhəŋ vālī merī bhəŋ hē* [Gb-3] 'Девушка /пишущая это письмо моя сестра' (номинативный), *bəhrō aūŋ vāle ne vāgā ghər vāle de hətth phəṛā dūtā* [A, 11] 'Приезжий (букв. прибывший извне) передал поводья хозяину' (эргативный), *likhəŋ vāle nū e'burā ləggā* [Am, 123] 'Это не понравилось писавшему' (дательный), *mere pitā jī nāl boləŋ vāle dī puttī sādē skūl viccə pəṛhdī hē* [Gb-3] 'Дочь разговаривающего с моим отцом учится в нашей школе' (согласующе-реляционный), *mē tuhā nū utthe tərən vāle bāre kujh dāsāṅgā* [Gb-3] 'Я тебе кое-что расскажу о там плавающем /человеке' (косвенно-объектный), *e'sohne gīt gāuŋ vāle tō puccho* [Gb-3] 'Спроси у поющего эту красивую песню' (вторичный аблатив). Ниже дан ряд примеров, в которых при аналитическом герундии есть определение: *is kəhāŋī dī suṇāuŋ vālī* [Gb-3] 'Девушка /рассказывающая этот рассказ', *is sohne gīt de gāuŋ vāle tō puccho* [Gb-3] 'Спроси у поющего эту красивую песнь'.

К глагольным чертам аналитического герундия можно отнести:

а) способность иметь прямое дополнение, выраженное как синтетическим, так и аналитическим винительным падежом: *e'kəhāŋī suṇāuŋ vālī* [Gb-3] 'Девушка /рассказывающая этот рассказ', *is sohne gīt nū gāuŋ vāle tō puccho* [Gb-3] 'Спроси у поющего эту красивую песню';

б) способность иметь косвенное дополнение: *us ādmī nū roṭī deŋ vālā* [Gb-3] 'Мужчина /дающий пищу тому человеку', *mere pitā jī nāl boləŋ vāle dī puttī* [Gb-3] 'дочь разговаривающего с моим отцом' (кстати, герундий в первом предложении имеет не только косвенное, но одновременно и прямое дополнение — *roṭī* 'пищу');

в) способность иметь обстоятельства, выраженные наречием или существительным в основном обстоятельственном падеже: *edhəŋ cheṭī aūŋ vālā ikk khīḍārī hē* [Gb-3] 'Человек /быстро пришедший сюда — спортсмен', *bəhrō aūŋ vāle ne* [A, 11] букв. 'прибывший извне', *utthe tərən vāle bāre* [Gb-3] букв. 'о плавающем там'.

Смешанный глагольно-субстантивный характер аналитического герундия подтверждается еще одним фактором: возможностью трансформации определения к герундию в прямое синтетическое или аналитическое дополнение без коммуникативного ущерба для предложения. Этот фактор выяснен нами при помощи специальной, заранее подготовленной программы, заданной образованному носителю панд-

жаби [Gb-37], например: *is sohṇe gīt de gāuṇ vāle tōṇ puccho* 'Спроси у поющего эту красивую песнь' → *e' sohṇe gīt gāuṇ vāle tōṇ puccho* или → *is sohṇe gīt nū gāuṇ vāle tōṇ puccho*; *is kəhāṇī dī suṇāuṇ vālī* '[девушка], рассказывающая этот рассказ' → *e' kəhāṇī suṇāuṇ vālī* или → *is kəhāṇī nū suṇāuṇ vālī*.

Словообразовательные функции *vālā*

1. Сюда относится способность образовывать аналитическое прилагательное (чаще всего от существительного), состоящее из субморфированной автосемы единственного или множественного числа существительного и служебного элемента — словообразовательной морфы-частицы *vālā*. В данном случае речь идет не только о создании нового слова (что уже достаточно для словообразования), но и о создании представителя одного класса слов на базе представителя другого класса слов: *gəjrā* 'букет' → *gəjre vālī* 'обладающая букетом' (где *gəjre* — субморфированная автосема), например: *gəjre vālī tūvī ne* [G¹, 637] 'женщина с букетом (букв. обладающая букетом)', *ḍəbbīā vāle khes vichī mənṇī utte* [Gb⁴, 527] 'на кровати, устланной пятнистым (букв. обладающим пятнами) покрывалом'. Подобное аналитическое прилагательное может использоваться параллельно с другими, синтетическими прилагательными или определениями, выраженными согласующе-реляционным падежом существительного, как, например: *eḍe vicc rāt vāle nek ādmī dā ṅkəs piā sī* [Gb², 357] 'Он имел облик доброго человека, приходившего ночью' (букв. 'в нем был облик ночного, доброго человека'), *meks mūlār dā maddh-eṣṭīā vālā sid-dhānī* [Ar², 37] 'центральноазиатская теория Макса Мюллера'.

Изредка при образовании аналитического прилагательного вместо субморфированной автосемы может использоваться полная форма какого-либо аналитического падежа, на что указывает обнаруженный нами пример с последогом-предлогом *binā* 'без': *tūlnā do prākār dī he:mukāble vālī ete binā mukāble vālī* [Ca, 997] букв. 'Сравнение бывает двух видов: сопоставляемое и несопоставляемое'.

Мы установили в беседе с образованным носителем панджаби [T], что иногда частица *vālā* может образовывать аналитическое прилагательное даже от притяжательного местоимения, причем идея обладания, принадлежности у аналитического образования выражена сильнее, чем у исходного притяжательного местоимения. При стыковке с *vālā* притяжательное местоимение переходит в ме-

стоимение-существительное и выступает не в своей номинативной форме, а в форме субосемы, например: *tuhāde vālā kɛtəṛā?* [T] 'Ваш аппарат?' (т.е. 'аппарат принадлежит Вам?'), ср. с *tuhāḍā kɛtəṛā?* [T] 'Ваш аппарат?' (не обязательно Ваш собственный, а, возможно, взятый напрокат или для пользования).

2. Словообразовательной функцией *vālā* является и способность образовывать аналитическое существительное, выражающее субъект-обладатель какого-то предмета, от другого существительного, обозначающего этот предмет. Такое аналитическое существительное состоит из субморфированной автосемы единственного или множественного числа существительного и служебного элемента — словообразовательной морфы-частицы *vālā*. Рассматриваемое существительное может изменяться по падежам, как, например [C]: *chābbe vālā* 'обладатель корзинки' (номинативный), *chābbe vāle nū* 'обладателя корзинки' (винительный аналитический), *chābbe vāle nū* 'обладателю корзинки' (дательный), *chābbe vāle ne* 'обладатель корзинки' (эргативный), *chābbe vāle nāl* 'с обладателем корзинки' (косвенно-объектный), *chābbe vāle dā* 'обладателя корзинки' (согласующе-реляционный) и т.д. Приведем примеры: *hārek dhet de kol kəṭ chābbe vāle khəlotə hunde* [Gb², 37] 'у каждой кучки стояло несколько человек с корзинками (букв. несколько обладателей корзинки)', *dhən vālā de sārə ɛb kəjje jānde hən* [P², 436] 'Все пороки богатых (букв. обладателей богатства) покрываются', *bāhrō ān vāle ne vāgā ghər vāle de hāth phəṛā ditiā* [A, 11] 'Приезжий передал поводья хозяину (букв. обладателю дома)'. В первом примере аналитическое существительное *chābbe vāle* 'обладатели корзинок' (букв. корзинки) имеет перед собой определение *kəṭ* 'несколько', относящееся ко всему образованию в целом (тем более что компонент *chābbe* представляет собой субосему единственного числа).

Приравнивающие функции *vālā*

Как и в случае с уподобляющими частицами, приравнивающая функция слова *vālā* не является ни формообразовательной, ни словообразовательной, но она приближается к последней в плане эквивалентности, поскольку приравнивает атрибутивное словосочетание к существительному или прилагательному.

1. Адъективно-приравнивающая функция частицы *vālā* заключается в том, что она преобразует атрибутивное словосочетание в эквивалент прилагательного. Чаще всего такое словосочетание со-

стоит из прилагательного или существительного в согласующе-реляционном падеже (в качестве определения) и другого существительного, точнее его субморфированной автосемы единственного или множественного числа (в качестве определяемого). Таким образом, эквивалент прилагательного образуется из такого словосочетания, опорное слово которого представлено субморфированной автосемой. С последней сочетается служебный элемент — адъективно-приравнивающая морфа *vālā*. Все образование является аналитически-составным, поскольку один из компонентов атрибутивного словосочетания (опорное слово) преобразован и «подготовлен» для аналитической стыковки со служебным элементом *vālā*. Здесь также наблюдаются два типа отношений данного компонента (составного характера и аналитического). Примеры: *srūpā jo sacc micc soṇhe rūp vālī sī* [Se¹, 42] 'Срупа, которая действительно была красивой (букв. обладательницей красивой формы)', *dāmiāṇe sir vāle arā dī pratinidhā* [Ar², 5] 'представительство «среднеголовых» ариев (букв. обладателей средней головы)', *us de ghaṭṭi budhī vāle mittar ne* [Am, 123] 'его глупый приятель', *sā varhe dī umar vāle prāsann-citt admt nū* [Gb³, 20] 'столетнего веселого человека' (букв. 'веселого обладателя столетнего возраста'). В первом примере эквивалент прилагательного — предикатив, а в остальных случаях — определение.

Обращает на себя внимание тот факт, что если соположенные рядом субморфированная автосема существительного или инфинитива и морфа *vālā* представляют собой самостоятельную форму (аналитический герундий, существительное), входящую в парадигму определенной части речи, то определение к такой форме (если оно изменяемое) согласуется с ней в целом, как с образованием, в роде, числе и падеже, как, например: *is kahaṇī dī suṇaṇ vālī* [Gb-3] 'рассказывающая этот рассказ', *gīt de gāṇ vāle tō* [Gb-3] 'от поющего песнь', *kāṇ chābbe vāle* [Gb², 37] 'несколько обладателей корзин' (букв. 'корзины'; согласование по числу, так как *kāṇ* определяет лишь форму множественного числа).

В то же время, хотя в эквиваленте прилагательного морфа *vālā* тоже соположена с субосемой существительного, определение, стоящее перед такой субосемой, согласуется не со всем образованием, как в сопоставляемых случаях, а лишь с данной субосемой, что маркирует последнюю как опорный элемент словосочетания, хотя и специфического, видоизмененного для аналитической стыковки со слу-

жебным элементом *vālā*. Примеры: *e'tajarbā dādī tō dādī muškəl vālā* hε [D] 'Этот опыт — самый трудный', *jo sohne rūp vālī st* [Se¹, 42] 'которая была красивой' (букв. 'обладательницей красивой формы'), *s5 vərhe dī umər vāle ādmī nū* [Gb³, 20] 'столетнего человека'. В первом примере вся аналитическая форма мужского рода номинативного падежа, что видно по форме *vālā*, а определение — женского рода (*dādī tō dādī*), так как существительное *muškəl* 'трудность', с которым оно и образует словосочетание, тоже женского рода. Во второй иллюстрации все образование женского рода (*vālī*) номинативного падежа, а определение *sohne* 'красивого' мужского рода неноминативного падежа. Подобное расхождение наличествует и в третьем примере. И в то же время словосочетание, о котором идет речь, — компонент образования, поскольку его опорный элемент представлен субморфированной автосемой, и тем более состыкованной со служебным элементом.

2. Субстантивно-приравнивающая функция частицы *vālā* состоит в том, что она преобразует атрибутивное словосочетание (рассмотренное в пункте 1) в эквивалент существительного. Такой эквивалент существительного складывается из словосочетания, состоящего в свою очередь из определения и определяемого — субморфированной автосемы существительного, и служебного элемента — субстантивно-приравнивающей морфы *vālā*. Ограничимся лишь двумя иллюстрациями: *vəḍḍe bālīā vālī ne kujh ākhiā* [G¹, 63] 'Обладательница крупных серег что-то сказала' (эргативный падеж), *əndərvərtī ārtē ləmmē sir vālīā de prətinidh sən* [Ar², 5] 'Арии внутреннего пояса были представителями длинных голов' (согласующе-реляционный падеж).

В значительной мере аналитические формы, образованные при помощи частицы *vālā*, носят речепроизводный характер, поскольку в словарях они встречаются редко.

МЕЖДОМЕТИЕ

Междометие — это класс слов, выражающих разные чувства, волевые побуждения, эмоции, апелляцию.

По назначению междометия можно разбить на два подкласса: 1) эмоционально-чувственные и 2) аппеллятивные.

Эмоционально-чувственные междометия выражают эмоциональное отношение говорящего к действительности, что реализуется через различные чувства; такие, как:

а) восхищение: *balle balle!* (или *bälle bälle!*) 'Замечательно!', 'Браво!', *vā'vā!* 'Прекрасно!', 'Здорово!', 'Браво!', *hē hē!* 'Браво!', 'Отменно!', *āhā!* 'Отлично!', 'Хорошо!', *šābās!* 'Бис!', 'Браво!', *sadke!* 'Хорошо!', *bəlihār!* 'Хорошо!', *t'ənn!* (или *t'ənn t'ənn!*) 'Отлично!', 'Браво!', *jē!* (или *jē jē!*) 'Браво!', например: *indīā ā' balle balle!* [G¹, 63] 'Индия! О, замечательно, замечательно!';

б) недовольство, возмущение: *sir sariā!* 'Глупец!', *bešarm!* 'Бесстыдный!', *phite mū!* 'Проклятый!', *dur phite mū!* 'Сто раз проклятый!', *lakkh tānət!* 'Миллион раз проклятый!', *dur dur!* (*dure dure!*) 'Прочь!', 'Сгинь!' (по отношению к животному, как, например, к собаке, или по отношению к человеку с большим презрением), *hət!* 'Пошел вон!', 'Прочь!'; еще пример: *tenū rəbb dī mār pəwe!* [Gb-37] 'Да проклянет тебя бог!';

в) боль, горе, печаль: *šok!* 'О горе!', *əfsos!* 'Ой, ой!', *hāy!(hāe!),* (*hāyā!*) 'О!', 'Ох!', 'Увы!', *oe!* (или *ūy!*) 'О!', 'Ох!', *u!* 'Ох!', 'Ой!', например: *hāy nī mā! mē mār callī* [Hc, 17] 'О мама, я умираю!', *hē! zəhir khā lət e, hāyā mē mār gāt nī cəndrīe* [Hc, 17] 'Что? Приняла яд? О, дорогая, я теряю сознание';

г) удивление: *hē?* 'Что?', 'В чем дело?', *əcchā* 'Ну?', 'Да?', например: *hē nirmalā! nī tū kēo jeyā gallā kərdī ē* [Hc, 17] 'В чем дело, Нирмала? Что ты говоришь?'; *hē hē! tū gall tā suṇ* [G², 32] 'Ты что? Послушай-ка/меня?', *hē! zəhir khā lət e* [Hc, 17] 'Что? Яд приняла?', *əcchā! tusī vekhiā sī ke?* [D] 'Ну! А ты видел?';

д) желание: *kās, hāy(hāe),* например: *hāy kite je bārs ho jāe* [Cm] 'Ох, если бы пошел дождь!', *hāe e'šərab nā rīn!* [Du, 147] 'Хоть бы он не пил вина!', *kās! o'əjj jīundā hundā* [Am, 40] 'Хоть бы он остался в живых сегодня!', *kās! o' mere nāl ā səkkdā* [Am, 40] 'Хоть бы он смог прийти со мной!';

е) согласие, послушание: *hā!* 'Да!', 'Ладно!', *hā jī!* или *jī hā!* 'Ладно!', 'хорошо!', *əcchā jī!* 'Хорошо!', *əcchī bāt* 'Ладно!' 'Слушаюсь!';

ж) призыв о помощи: *pāriā!* 'Помогите!', 'Караул!', *duhāy!* 'Помогите!';

з) приветствие: *jī āyā nū* 'Пожалуйста!', *t'ənn p'āg!* 'Будьте благословенны!';

и) предупреждение: *khəbər dār!* 'Осторожно!'.

Апеллятивные междометия выражают обращение (апелляцию):

а) обращение к женщине: *nī, aṛtē?*; Дуни Чандар [Ca, 167] при-

СИНТАКСИС

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В синтаксическом отношении панджаби имеет как черты, типичные для новоиндийских языков (например, общий порядок слов в предложении), так и присущие только ему (например, наличие согласуемых наречий-обстоятельств и таких специфических обстоятельств, обнаруженных нами, как субъектное, косвенно-объектное и реляционное, расчлененные вопросы), и ряд черт, общих по меньшей мере для всех индоевропейских языков (например, наличие односоставных и двусоставных предложений, эмфазы, инверсии и т.д.)

Двусоставное предложение

Двусоставное предложение — это предложение с двумя грамматическими центрами или с двумя главными членами — подлежащим и сказуемым, которые образуют структурную (предикативную) основу предложения.

Главные члены предложения

Подлежащее

Подлежащее — один из грамматически-структурных центров двусоставного предложения, чаще всего независимый от других членов предложения и довольно часто согласующий. Оно обозначает предмет, общий признак которого детерминирован сказуемым. В панджаби подлежащее может иметь формы двух падежей: номинативного и эргативного.

Оно может быть выражено следующими классами и подклассами слов:

1) существительным: *tuhā nū zukām hoiā hē* [C] 'Вы простудились' (букв. 'У вас простуда'), *skūl dī ghāṛī ne dās vājā ditte* [Am, 48] 'Школьные часы пробили десять';

2) местоимением-существительным: *mē ro piā* [De, 13] 'Я заплакал', *us ne e' kitāb pərh lət* [C] 'Он читал эту книгу';

3) числительным: *joṛāwər dā satti vīh̃ sō* [Am, 89] 'Сильный всегда прав' (букв. 'У сильного в семи двадцатках сто'), *dūjī ne kəpā vīcc vādde bāle pāe hoe sən* [G¹, 63] 'У второй в ушах (букв. вторая имела в ушах) были большие серьги';

4) инфинитивом: *bəhut khāpā thīk nəh̃* [D] 'Нехорошо много есть';

5) герундием I: *rāh ləggghdiā ne vī ākhīā ke...* [Gb³, 14] 'Идущие по дороге также сказали, что...', *səṛək te jāndā mērā bhā hē* [Gb-3] 'Идущий по дороге мой брат';

6) герундием II: *oḍe gīt gāe mēnū cəṇge nā ləgge* [D] 'Мне не понравилось исполнение им песен', *āyā ne səlām kītā* [D] 'Пришедшие поздоровались';

7) аналитическим герундием: *kūāb pərhən vālā edhər kəllh dillī tō āiā* [Gb-3] [Человек] читающий книгу. приехал сюда вчера из Дели', *bāhrō āup vāle ne vāgā ghər vāle hāth phəṛā diitā* [A, 11] 'Приезжий передал хозяину поводья';

8) аналитическим существительным, образованным при помощи частицы *vālā*: *kāy chābbe vāle khəlotə hundē* [Gb², 37] 'Стояли несколько человек с корзинами', *ghər vāle ne mēnū dāssiā ke* [C] 'Хозяин мне сказал, что...';

9) атрибутивным словосочетанием, эквивалентным существительному: *vādde bālīā vālī ne kujh ākhīā* [G¹, 63] 'Обладательница крупных серег что-то сказала';

10) любой субстантивированной частью речи.

Сказуемое

Сказуемое представляет собой второй грамматический центр двусоставного предложения, детерминирующий подлежащее, иначе говоря, раскрывающий его признак или приписывающий ему таковой. Сказуемое имеет предикативную функцию и, как правило, выражает предикацию через такие категории, как наклонение, время и лицо.

Сказуемое — это самый важный, «конституирующий член» [Курилович, 55] предложения. Оно может быть выражено различными синтетическими, аналитическими и составными формами (см. раздел «Глагол»). Ниже дан анализ форм сказуемого, которые не были приведены ранее. Сюда следует отнести одиночные формы глагола *horā* 'быть', например: *mēlā pūre zorā te hē* [Am, 69] 'Ярмарка

в полном разгаре'; *mez us kəmtre vicc hən* [C] 'Столы в той комнате', *o' utthe st* [C] 'Он был там'.

В отрицательных предложениях в настоящем времени вместо глагола *horā* чаще всего выступает отрицательная частица *nəhī*, как, например: *eñā de bolcālī rūp bāre sānū kujh giāt nəhī* [Ar², 17] 'Об их разговорной форме нет никаких сведений'.

Помимо глагольно-именных сочетаний, эквивалентных глаголу, в панджаби существуют и другие составные сказуемые. Это сочетания, состоящие из предикативной связки или полусвязки (термин наш) и предикатива – именной части. В составе такого сказуемого связка несет чисто служебные вербальные функции, выражая полную финитность, а предикатив (присвязочный элемент), являясь знаменательным, выражает признак, присущий подлежащему или приписываемый ему.

Связки панджаби целесообразно разбить на два типа:

1) основная связка, выполняющая чисто служебную функцию. Это формы глагола *horā* 'быть'. В настоящем времени отрицательная частица *nəhī* заменяет связку в отрицательных предложениях. Примеры: *giān rāsnī hē*, *muṭī hē*, *pərm ānənd hē* [Gb³, 9] 'Знание – свет, избавление, большая радость', *hər jəng sārī həsū dā hē* [Gb³, 9] 'Всякая война – война всей планеты', *phull toṇā mənḥā hē* [Am, 65] 'Рвать цветы запрещено', *mere bhēñā bimār sən* [C] 'Мои сестры болели', *tuhādī kośīs zərūr səphəl howegī* [Am, 33] 'Ваша попытка наверняка будет успешной', *hudār lēñā məggən tō səḷgā nəhī* [Jw, 209] 'Брать в долг не лучше, чем попрошайничать'. В прошедшем и будущем времени связка обычно не может быть представлена в отрицательных предложениях лишь отрицательной частицей, например: *o' bimār nəhī sī* [C] 'Он не был больным', *o' səphəl nəhī howegā* [Am, 45] 'Ему не видать успеха'. Пример на связку в четвертом варианте условного наклонения: *je fānā sidhānt nū thīk mənñīā jāwe, tā picchō āun vāle āñā dī bhāśā əndərvartī howegī* [Ar², 47] 'Если счесть правильной теорию клина, то язык позже пришедших ариев был бы внутренним'. Очень близко к основной связке стоят аналитические формы глагола *reñā* 'случаться', 'происходить', 'иметь место', которые, хотя и редко, могут выступать в качестве связки, например: *o' ēde kähle re jānde ne* [I, 57] 'Он так спешит';

2) полусвязка – это преимущественно аналитические формы ряда глаголов, которые несут служебную функцию, выражая грамматические категории, но в то же время, не теряя полностью знаме-

нательности, дают вместе с именным (или местоименным) компонентом информацию о подлежащем, т.е. частично выражают его признак. Сюда относятся глаголы:

а) *jāpnā, dissnā, læggñā* 'казаться', 'представляться', например: *o' rogī jāpdā hē [Am, 41]* 'Он кажется больным', *menū āpnā des āpnā nāhī sī jāpdā [Gb³, 13]* 'Моя страна казалась мне чужой (букв. не своей)', *sārā śāhir mukh usārī diss rihā sī [PL, XII.1954, 8]* 'Весь город казался бесконечной стройкой', *tuhādī vāj jānī pāchānī læggdī e [A, 11]* 'Ваш голос мне кажется знакомым'. Полусвязочный характер этих глаголов доказывается и их параллельным употреблением как самостоятельных, полнозначительных сказуемых, например: *pājhār vice oñā de pātte diggde hēn, tā sunāhī muphīā vāṅg jāpde hēn [G², 31]* 'Осенью их листья опадают и выглядят как золотистые кулаки', *onī vādhere spāṣṭatā nāl sānī inkālāb dī mahātātā dissdī hē [D]* 'Тем яснее представляется нам значение революции';

б) *bāpnā* 'становиться', 'делаться', 'превращаться', а также интенсивная форма глагола *hoṇā* 'быть' *ho jāṇā*, имеющая значение «становиться», «делаться», «изменяться в». Глагол *bāpnā* также может стоять в интенсивной форме. Примеры: *e' nāwā kī bāpīā hē [PL, XII.1954, 10]* 'Он стал совсем новым', *e' kātāl vī bāpī [Gb³, 11]* 'Оно превратилось и в убийцу', *sītāl singh [...] hēdmāstār bāp gīā [Mh, 269]* 'Ситал Сингх [...] стал директором школы', *pālī vice sāmpradān te sāmbāndh ikk ho gāe sēn [Ar², 10]*. 'В пали дательный и родительный падежи слились (букв. превратились в одно)', *e' hānīā bārdāṣāt kārnt bāpī ākhī ho gāy [Sew, 12]* 'Ему/было (букв. стало) трудно видеть (букв. переносить) этот убой [скота]', *je chūṭīā nā hundīā, tā vidiārthī jiwān bohut sākhat ho jāndā [Jw, 236]* 'Если бы не было праздников, то студентам пришлось бы туго';

в) *ākhvāṇā* 'называться', например: *śābdā dā o' rūp [...] vācēn ākhvāundā hē [Mh, 51]* 'Эта форма слов [...] называется «залогом», *sūtār-kāl dī sāhittāk bhāṣā hī [...] sānskrit ākhvāy [Ar², 6]* 'Как раз литературный язык периода сутр [...] стал называться санскритом'.

При полусвязке возможен и предикатив составного характера. Нам встретился пример, в котором предикатив состоит из прилагательного *choṭā* 'маленький' и неличной интенсивной формы глагола *hoṇā ho gīā* 'ставший': *sāḍā hēdmāstār [...] choṭā ho gīā*

disdā /Gb³, 14/ 'Наш директор казался маленьким (букв. казался ставшим маленьким)'.

Сказуемое может быть и бессвязочным, хотя это случается и не часто, например: *cāh sākhet gəgət, p̄two, tã jīb səre* /Gb-3/ 'Чай настолько горяч, что если выпить [его], то обожжешь язык'.

О согласовании сказуемого. При наличии в предложении нескольких однородных подлежащих в номинативном падеже одного и того же рода или разных родов сказуемое чаще всего согласуется с последним, т.е. с ближайшим из них. Такое согласование мы называли кратчайшим подлежащно-выборочным согласованием, например: *moti, lāl jī dā jəss te pēsā din-bə-din vədha jā rihā sī* /Jh, 9/ 'Популярность и богатство Моти Лала росли (букв. росло) с каждым днем' (одного рода), *jis des kol bijlī te rāpī hē, o'...* /Y, 2/ 'Та страна, у которой есть электричество и вода'... (разных родов), *niti nəwē rəgg-bərengge khiḍaune te vənn-sənvəpīā cīzā āuṇ ləgg rəyā* /Jh, 11/ 'Стали поступать совсем новые цветные игрушки и разного рода вещи' (разных родов).

При наличии в эргативной конструкции нескольких однородных прямых дополнений в синтетическом винительном падеже сказуемое преимущественно согласуется с последним из них. Такое согласование мы именуем кратчайшим эргативно-объектно-выборочным согласованием, например: *pātī ne āpṇī pātī nū ikh lāl suṛā, kəṭ gəhine te ucet āḍḍī vālī cəməkdī sunehirī gurgabī diti* /C/ 'Муж преподнес своей жене красный браслет, несколько украшений и блестящие золотистого цвета туфли на высоких каблуках'.

Основным способом выражения вежливости в отношении одного лица в панджаби является оформление сказуемого во множественном числе мужского рода независимо от рода существительного, представляющего это лицо (если у такого существительного есть согласованное определение, то оно также ставится в мужском роде множественного числа даже при женском роде имени), например: *mere pitā jī vī oṇī vekh ke bəre khus hunde sən* /Gb⁴, 51/ 'Мой (букв. мои) отец также очень обрадовался (букв. обрадовались) при виде ее'; *mere bībī jī bhāwē gurduwāre pəhī jānde* /De, 14/ 'Хотя моя (букв. мои) мама не ходила (букв. не ходили) в гурдуару', *bībī jī ā gəe, māmī jī ā gəe* /De, 18/ 'Пришла (букв. пришли) мама, пришла (букв. пришли) тетя'.

При наличии КПЧ сказуемое может быть качественно-наделяющим или качественно-констатирующим (см. раздел «Квалитативно-предикативный член»).

Дополнение

В панджаби существуют три вида дополнения: основное прямое, косвенное и качественное прямое, представляющее собой разновидность КПЧ.

Основное прямое дополнение может иметь две формы: либо синтетического винительного падежа, либо аналитического (см. раздел «Винительный падеж»).

Помимо существительного прямое дополнение может еще выражаться:

а) инфинитивом: *mē āp nū milṇā cāhundā hā* [Sew, 24] 'Я хочу с Вами встретиться';

б) герундием I: *us nū pāṇṭ pīndiā nū bhejo* [C] 'Пошлите того, пьющего воду';

в) герундием II: *mē āpṇī bheṇ gāy nāhī vekhī* [D] 'Я не видел, как ушла сестра' (букв. 'не видел ухода своей сестры'), *us sutte hōe nū jəgāo* [Nw, 175] 'Разбуди его, спящего';

г) аналитическим герундием: *likhāṇ vāle nū bhejo* [C] 'Пошлите пишущего';

д) аналитическим существительным: *us ne chābbe vāle nū māriā* [C] 'Он ударил человека с корзиной';

е) местоимением-существительным (в том числе в синтетическом винительном производном): *onā nū khəwāo vī te pəhināo vī* [G³, 40] 'Вы их и кормите, и одевайте', *os enū māriā* [Gb⁴, 53] 'Он ее бил', *bəs o' cikk liā* [J, 7] 'Только ее возьми и принеси';

ж) числительным: *mēnū pāñ deo jī* [Sha] 'Дайте мне, пожалуйста, пять';

з) атрибутивным словосочетанием, эквивалентным существительному: *mē vādde bāliā vālī nū nāhī vekhiā* [C] 'Я не видел женщины с большими серьгами'.

Косвенное дополнение в панджаби может быть выражено формами дательного, косвенно-объектного, инструментального и вторичного аблативного падежей (см. соответствующие разделы, касающиеся существительного). Помимо существительного косвенное дополнение может еще выражаться:

а) герундием I: *betān nū śārdā dī sārhi dā rəṅg dəsde nū kuṭh der ləggī* [Se¹, 32] 'Перед тем как назвать (букв. назвавшему) цвет сари Шарды, Бетан несколько помедлил', *mēnū onā tō pāṇṭ pīndiā tō bəcāo* [Tr] 'Спасите меня от них, пьющих воду';

б) герундием II: *munde gae nū cār din ho gae hən* [D] 'Прошло четыре дня, как ушел мальчик', *pəñjāb vicc hənēt vəggī bāre reḍṭo ne suṇāiā* [D] 'Радио объявило о том, что в Панджабе была буря (букв. о дуновении бури)';

в) аналитическим герундием: *likhən vāle nū e'burā ləggā* [Am, 123] 'Это не понравилось писавшему', *e'sohne gīt gāuṇ vāle tō ruccho* [Gb-3] 'Спроси у поющего эту красивую песнь', *mē tuhā nū utthe tārən vāle bāre kujh dōssāṅgā* [Gb-3] 'Я тебе кое-что расскажу о там плавающем [человеке]';

г) аналитическим существительным: *mē e'kitāb ghər vāle nū diūt* [C] 'Я отдал эту книгу хозяину дома';

д) местоимением-существительным: *ohā nū meḡā snehā əkkhər əkkhər de deṇā* [Am, 104] 'Передайте ему слово в слово мое послание', *mē ohā nāl gəll kərən dā hənslā hāhī kər səkka* [I, 4-5] 'У меня не хватает мужества с ним говорить', *mē us vəl pitth kər lāt* [Du, 13] 'Я повернулся к ней спиной';

е) атрибутивным словосочетанием, эквивалентным существительному: *vəḍḍe baliā vālī nū dōsso* [C] 'Скажите [женщине] с большими серьгами'; (о квалитативном прямом дополнении см. раздел «Квалитативно-предикативный член предложения»).

В данном разделе мы описали приглагольное косвенное дополнение. Примеры на приименное косвенное дополнение см. в разделах «Приименный косвенно-объектный падеж» и «Вторичный аблатив».

Определение

Как и в других языках, в панджаби четко выделяются два общих подкласса определений: согласованные и несогласованные. С точки зрения позиции определения можно подразделить на три типа: 1) препозитивные (самые распространенные), 2) постпозитивные и 3) атрибутивно-замыкающие (одно определение перед определяемым, а второе после него) (термин наш).

Согласованные определения могут быть выражены изменяемыми прилагательными (в том числе аналитическими), различными причастиями (в том числе аналитическими), ГМП, разными аналитическими неличными глагольными формами, существительными в согласующе-реляционном падеже, местоимениями, имеющими парадигму изменяемого прилагательного, или местоимениями в согласующе-реляционном падеже, порядковыми числительными, изменяемыми неопределенно-количественными числительными, ко-

личественными числительными в согласующе-реляционном падеже, инфинитивом, герундием I, герундием II и аналитическим герундием в согласующе-реляционном падеже, разными словами с последогом *dā*, атрибутивными словосочетаниями, эквивалентными прилагательному.

Несогласованные определения могут быть выражены неизменяемыми (точнее частично изменяемыми) прилагательными, одинокими существительными без всяких оформителей, существительными в аналитических падежах (чаще всего в основном обстоятельстве), количественными числительными, в том числе с последогами, неизменяемыми неопределенно-количественными числительными. Приведем примеры определения, выраженного:

а) прилагательным, чаще всего в препозиции: *soṇṭi kuṭi* 'красивая девушка', *səṅgā admī* 'хороший человек' (согласованные), *lāl mirc* 'красный перец', *kəṭhiṇ səmməsiā* 'трудная проблема' (несогласованные); однако прилагательное-определение встречается и в постпозиции, например: *ikk bəndā kālā dhūt nāl ikk kuṭi goṭi ciṭṭi* [Gb-3] 'совсем темнокожий человек (букв. человек совсем темный) вместе с белокожей девушкой (букв. вместе с девушкой светлой, белой)';

б) аналитическим прилагательным: *munde jihī hālət vicc* [C] 'в положении мальчика', *gəjre vālī ūwī* [G¹, 63] 'женщина с букетом цветов';

в) причастием I: *sitāriā duāle bhōnde māde de bədlā viccō* [Gb³, 11] 'из облаков материи, вращающейся (букв. вращающейся материи) вокруг звезд', *bhəjjdā hoyā kuttā* [C] 'бегущая собака' (аналитическое причастие I, передающее вид состояния);

г) причастием II: *likhī ciṭṭi* [C] 'написанное письмо', *suttī hoṇ sundrī* [PL, II. 1968, 9] 'спящая красавица' (аналитическое причастие II), *giā sətā* [Jw, 258] 'ушедшее время';

д) аналитическим причастием: *āuṇ vāle lok* [Ar², 2] 'пришедшие люди';

е) ГМП. Как правило, ГМП бывает постпозитивным определением: *tā gəllā məṛhkanīā ā jāndīā* [I, 4] 'Затем начинаются высокомерные разговоры'; *kise dūje des pāssō mədəd məṛṅṅi koṭi nāwī gəll nāhī* [Bs, 23] 'Просить помощь у какой-либо другой страны не ново'. Очень редко ГМП встречается как препозитивное определение: *pār khānīā nəjā nāl* [Ja, 97] 'уничтожающим взглядом';

ж) разными аналитическими неличными глагольными формами: *bəṇāyā giā məkān* [Tr] 'построенный дом', *təṛ rihā mūdā* [Tr]

‘плавающий мальчик’, *ujjriā hoṃā s̥abhiācār* [D] ‘разрушенная культура’, *vārte jā gāhe sāntifik śābd* [NZ 1.X.1962, 10] ‘используемые научные слова’, *bhārət vicc bolā jāndiā bhāśāwā* [Ar², 1] ‘языки, на которых говорят в Индии’;

3) существительным; здесь может быть несколько случаев:

во-первых, согласованное препозитивное определение-существительное в согласующе-реляционном падеже: *uttar bhārət dīā bolā* [Ar², 7] ‘языки Северной Индии’, *tinke dā s̥ahārā* [Jw, 256] ‘помощь соломинки’;

во-вторых, мы установили, что в панджаби, как и в английском языке, существительное в форме номинативного падежа может выступать в качестве препозитивного несогласованного определения, и такие случаи далеко не единичны, например: *musāfər s̥arviz* [AP, 6.XI.1954, 6] ‘транспорт’ (букв. ‘пассажир служба’, т.е. пассажирская транспортная служба), *s̥anskrit nāṭakā vicc* [Ar², 7] ‘в санскритских пьесах’ (букв. ‘в санскрит пьесах’), *buddh dh̥arəm* [Ar², 7] ‘буддистская религия’, *gāū h̥attiā* [Sew, 12] ‘убой коров’ (букв. ‘корова убой’), *kāṭ m̥p̥ bhār nū cūkkī* [Sk, 57] ‘подняв вес в несколько манов’ (букв. ‘несколько ман вес’);

в-третьих, иногда встречается и изафетная конструкция, в которой существительное в форме номинативного падежа функционирует как постпозитивное определение, например: *s̥āhitt s̥abhā mānsā* [NZ, 11.III.1962, 5] ‘союз литераторов Мансы’ (букв. ‘литературный союз Манса’);

в-четвертых, нам удалось выявить примеры, в которых существительное в одном из аналитических падежей может функционировать в качестве препозитивного определения, например: *s̥amē tō uprər k̥ətm* [R, 29] ‘сверхурочная работа’, *b̥əhis tō uprər f̥estā* [Cm] ‘бесспорное решение’;

и) местоимением; здесь может быть несколько случаев:

во-первых, препозитивное согласованное или несогласованное определение (в том числе местоимение-существительное в согласующе-реляционном падеже), например: *ārṇā k̥ətm* [Jw, 288] ‘свою работу’, *o’ de gh̥əro* [Gb⁴, 51] ‘из ее дома’, *kujh kujh cetā ā rihā e* [A, 11] ‘что-то припоминаю’ (букв. ‘какая-то память приходит’), *e’ ādmī* [C] ‘этот человек’, *o’ kuṛī* [C] ‘та девушка’;

во-вторых, нами зафиксированы случаи функционирования местоимения в качестве постпозитивного согласованного определения: *b̥əsse s̥āre āp̥ī m̥ā utte s̥ən* [Se¹, 18] ‘Все дети (букв. дети все) уподобились своей матери’, *b̥hūā terī b̥əṛī b̥ətm̥ e* [Gb⁴, 53]

‘Твоя тетя (букв. тетя твоя) очень больна’, *viāh ēdā ho giā ūṭhā vālā de ghār* [Gb⁴, 53] ‘Ее отдали замуж за владельца верблюдов’ (букв. ‘свадьба ее состоялась в доме владельцев верблюдов’);

к) порядковым числительным: *pāhilī vārī* [Jh, 19] ‘первый раз’, *unīwī sādī* [Gb⁴, 50] ‘XIX век’;

л) неопределенно-количественным числительным: *bāhutī vārī* [Gb⁴, 51] ‘много раз’, *āpek rūp* [R, 73] ‘много форм’, *kāy gallā* [Am, 123] ‘несколько дел’;

м) количественным числительным в согласующе-реляционном падеже и числительным с послелогом (послелогам), например: *māgādhi te śṛsent de vickār dohā de mel nāl bāṇī bhāṣā* [Ar², 8] ‘язык, образовавшийся путем скрещения двух диалектов: магадхи и шаурацени (букв. между магадхи и шаурацени, обоих слиянием)’, *sāṭh tō uppār bolā* [Ar², 1] ‘свыше 60 языков’;

н) инфинитивом, герундием I, герундием II, аналитическим герундием в согласующе-реляционном падеже: *tusī dūjiā nū dhokhā den dā jātān kārde ho* [Am, 39] ‘Вы пытаетесь обмануть других’, *kāhindī kāhindī de mān vicc* [Nw, 171] ‘в сердце говорящей это’, *mēnū ghāṭ curāy dā pātā hē* [D] ‘Мне известно о краже часов’, *bolān vālē dī puttī* [Gb-3] ‘дочь разговаривающего’;

о) разными словами, оформленными согласующе-реляционным послелогом, например, наречием: *utthō de ikk cāpārāsī dī trīmāt* [Du, 82] букв. ‘жена тамошнего рассыльного’ (utthō ‘оттуда’ + de), *utthō de sārē āṣār* [Du, 145] ‘все тамошние служащие’;

п) атрибутивными словосочетаниями, эквивалентными прилагательному (аналитически-составным эквивалентом прилагательного): *ām dārziā vārgā dārzt* [Du, 128] ‘портной, подобный обычным портным’, *ghāṭ budhī vālē mittār ne* [Am, 123] ‘глупый приятель’ (букв. ‘приятель, обладающий коротким умом’).

Следует напомнить, что неличные глагольные формы с именными характеристиками могут также иметь определения, в том числе, как мы установили, довольно специфические. Инфинитив может обладать согласованными и несогласованными (последние лишь при инфинитиве от непереходного глагола) определениями, как, например: *ōṇā de āṇ tō pāhilā* [Am, 29] ‘перед их приходом’, *odhār megā jānā* [C] ‘мое хождение туда’, *mīh vārḥān tō bād* [Gb-3] ‘после дождя’, *cātākḍā sūgāj cārḥān vele* [Gb-3] ‘во время восхода сверкающего солнца’.

То же самое можно сказать и о герундии I: *beṭān de jānde nū* [Se¹, 33] ‘в то время как Бетан шел’ (букв. ‘во время ходьбы Бе-

тана'), *ciṭṭhī de paṇḍiā sār hī* [Nw, 17] 'сразу же по прочтении письма', *sādī beṭi ḍubbe vele* [Gb-3] 'во время погружения нашей лодки', *saṁkḍā sūgaj caṇḍe vele* [Gb-3] 'во время восхода сверкающего солнца'.

Герундий II может иметь три разновидности определений:

а) местоименно-согласованные: *mere gae iḍ* [Se¹, 85] 'после моего ухода', *tuhāde kīte bāre* [D] 'о Ваших делах'; б) субстантивно-согласованные: *muṇḍe gae iḍ bād* [Gb-3] 'после ухода мальчика' (более подробно об этом говорится в разделе «Герундий II»: модель б герундия II от непереходных глаголов);

в) субстантивно-несогласованные: *us dī guḍḍī caṇḍe te* [Gb-3] 'с приобретением им известности' (подробно об этом см. также в разделе «Герундий II»: модель в герундия II от непереходных глаголов).

В случае б герундий II объединен с именем типом синтаксической связки «взаимодействие», так как, подчиняя себе существительное как определение, он, с другой стороны, фактически сформировался под его влиянием по показателям рода и числа.

Нам удалось также обнаружить в панджаби специфическое явление, состоящее в том, что местоимение-существительное может иметь как согласованные, так и несогласованные препозитивные и постпозитивные определения, чаще всего выраженные местоимениями-прилагательными (или прилагательными в их функции) и ГМП, например: *kī tusī oḍā kujh denā he* [Am, 76] 'Ты что-либо ему должен' (букв. 'его кое-что?'), *e' sārā* [J, 9] 'он весь' (определение *sārā* к местоимению *e'* 'он'), *jo kujh kaṇiṇā cāho, kaṇi lāo* [Sew, 8] 'Говорите что хотите' (букв. 'какое кое-что сказать хотите, говорите'), *aṣī e'dassṇā cāhunde hā ke...* [Jw, 30] 'Мы хотим сообщить, что...' (букв. 'мы хотим это сказанное, что...'; ГМП *dassṇā* — постпозитивное определение к местоимению-существительному *e'* 'это'), *ap aṇḍreṭi chātṭar chāiā heph'pālṇe śurū ho gae* [Jh, 11] 'Он начал воспитываться под покровительством англичан' (букв. 'он воспитуемый под покровительством англичан начал', ГМП *pālṇe* 'воспитуемый' — определение к местоимению *ap* 'он').

К одному и тому же определяемому-существительному может относиться несколько (чаще всего два) определений в самых различных комбинациях как в отношении частей речи, так и согласованности и несогласованности, например: *iho jihā sāhitt dā iihās* [NZ, I. IV. 1962, 1] 'такая история литературы' (оба согласованные,

местоимение и существительное); *jenĩā de dhərəm grānth* [Ar², 87] 'религиозные грантхи джайнов' (согласованное и несогласованное, оба существительные), *bolĩā de vī sāhittək rūpā dā* [Ar², 77] 'также литературных форм языков' (согласованное и несогласованное, существительное и прилагательное), *samkālī jā kujh cir picchō hor vāle vidvānā ne* [Ar², 77] 'жившие в то время или несколько позже ученые (букв. современные или жившие позже)' (несогласованное и согласованное, прилагательное и аналитическое причастие).

Мы обнаружили и атрибутивно-замыкающую модель (термин наш. — Ю.С.), в котором одно определение предшествует определяемому, а другое следует за ним, например: *mātā pitā dī sewā kəpnī sādā vāddā dhərəm hē* [Am, 1187] 'Служить родителям (букв. матери отца служба делаемая), — наша большая святая обязанность', *sāhitt sabbhā mānsā* [NZ, 11.III.1962, 57] 'союз литераторов Мансы' (букв. 'литература союз Манса').

В случае наличия одного определения к двум определяемым может наблюдаться кратчайшее согласование определения (по ближайшему определяемому), например: *səm ne āpnī mātā te bhēpā nū bulāiā* [Se¹, 257] 'Сэм вызвал свою мать и сестер' (согласование определения *āpnī* 'своя' по существительному *mātā* 'мать', а имя *bhēpā* 'сестры' не принимается во внимание).

Приложение

Материал панджаби, собранный нами, подсказывает целесообразность расширить понятие «приложение» и считать, что приложение может быть не только определением, но и просто пояснительным членом предложения.

Приложение-определение — это существительное (либо существительные — однородные члены предложения) или какое-либо субстантивированное слово (либо слова — однородные члены предложения), являющееся паратактическим определением к другому слову (в том же падеже), которое может быть выражено существительным, местоимением-существительным, числительным обобщающего характера.

Наиболее часто в панджаби встречается препозитивное приложение к имени личности. Если оба слова находятся в аналитическом падеже, то обычно основная субморфа-последок сопровождается не каждое из имен, а ставится лишь после определяемого имени. Приложение же бывает представленным лишь субморфированной

автосемой, что понятно из примеров с наличествующими формальными показателями, например: *one āpe bāsse īrenī pū nuhāiā* [Am, 258] 'Она вымыла своего ребенка Ирен', *mere mittar pāśotam nū tustī jānde ho?* [Se¹, 60] 'Вы знаете моего друга Паршотам?', *te pātñī kamlā pū vī rihā kītā giā* [Jh, 40] 'Жену Камлу тоже освободили'.

Если в паратактическом отношении с нарицательным существительным находится имя собственное, обозначающее не человека, а какой-либо предмет, например, географический пункт, книгу и т.д., то носителем качества считают первое, а собственное имя классифицируют как приложение-определение, например: *ikk piṇḍ dābhīā vicc* [AP, 17.X.1954] 'в деревне Дахбиан', *bhārat vicc muddlī āriāt bhāśā de sabh tō purāṇe nāmūne rigved nū sabh tō purāṇī pustak mēnnīā jāndā he* [Ar², 5] 'Самый древний образец языка коренных ариев в Индии, Ригведу, считают самой древней книгой'.

Встречаются и приложения-эпитеты, например: *sūrāj gāṇe ne* [Gb³, 23-24] 'солнце-король'.

Приложение может определять и местоимение-существительное: *keō sānū gātibā pū jīṇ nāhī o dende?* [Gm, 14] 'Почему нам, бедным, не даете жить?'.

В анализируемом языке наличествуют и препозитивные перечисляющие приложения, например: *pāñjābī te pācchmī hindī dohā vicc* [Ar², 46] 'как в панджаби, так и в западном хинди' (букв. 'в панджаби и западном хинди, в обоих'), *te choṭe e te o do nāwē svārā dā vikās ho gāiā he* [Ar², 10] 'И развились краткие е и о, два новых гласных'.

В первом примере перечисляющие приложения *pāñjābī* 'панджаби' и *pācchmī hindī* 'западный хинди' раскрывают семантически обобщающее слово — числительное *dohā vicc* 'в обоих', а во втором субстантивированные слова *е* и *о* как перечисляющие приложения определяют обобщающее слово — существительное *svārā dā* 'гласных' (о герундии I и герундии II в функции приложения см. соответствующие разделы).

Приложение — пояснительный член предложения

В панджаби существует и вторая разновидность приложения, не являющаяся определением и выполняющая общую, пояснительную функцию по отношению к тем членам предложения, которые не могут иметь определений, например, по отношению к обстоятельству

вам-наращениям. Это иллюстрирует следующий ниже пример, где обстоятельство-наращение *picchō* 'потом' поясняется приложением-существительным в обстоятельном падеже *der bād* 'некоторое время спустя': *ikk pāhilā ātā te dusrā picchō der bād* [Ar², 3] 'Один прибыл сначала, а второй — потом, некоторое время спустя'.

Квалитативно-предикативный член предложения

Материал ряда языков позволяет сделать вывод, что в них помимо уже описанных и известных членов предложения существует еще один самостоятельный член, имеющий с другими членами предложения свои специфические отношения. Он соположен со сказуемым и иной раз напоминает предикатив или компонент сказуемого. Однако рассмотрение сути этого члена предложения и отношений со сказуемым и другими членами выявляет его синтаксическую самостоятельность.

Наиболее целесообразно предикативом считать присвязочный элемент при глаголах бытия, состояния, изменения, становления и т.д., с которыми он образует семантически неразложимую группу. Связка здесь несет основную грамматическую, а предикатив основную семантическую нагрузку. Трансформационный анализ не позволяет разложить данные компоненты, как, например: *o' rāzī he* 'Он здоров', *He is well* 'Он здоров'. Следующие ниже трансформы недопустимы: *o' rāzī te he* 'Он здоров и есть', *He is and well* 'Он есть и здоров'. Иначе говоря, при помощи трансформационного анализа мы можем проверить, является ли данное образование предикативом со связкой или чем-то иным. Однако в других моделях такое разложение возможно, так как сопоставляемые слова не образуют единого, монолитного образования, например, *o' rāzī vāpəs āyā he* 'Он вернулся здоровым' допускает такую трансформацию: *o' vāpəs āyā he te[o'] rāzī he* 'Он вернулся и [он] здоров'. Поэтому *rāzī* 'здоровым' в предложении *o' rāzī vāpəs āyā he* носит синтаксически самостоятельный характер. Подобный член рефлектирует в общем плане предмет, признак, качество, которыми воздействуют на предмет, выраженный подлежащим или прямым дополнением, наделяют ими этот предмет, либо же констатируют наличие у него данного качества или признака. Поскольку здесь, с одной стороны, речь идет о качестве в широком смысле, а с другой — воздействие, наделение этим качеством или его констатация осуществляются при помощи сказуемого, а также ввиду того, что член предложения,

выражающий это качество, соположен со сказуемым, его целесообразно назвать квалитативно-предикативным членом (КПЧ).

Если КПЧ выражает качество (или предмет), которым наделяют или воздействуют, то он стоит при квалитативно-наделяющем сказуемом (или при квалитативно-наделяющей неличной глагольной форме, если она не является сказуемым), а если он выражает качество, которое констатируют, то он соплагается с квалитативно-констатирующим сказуемым (или с квалитативно-констатирующей неличной глагольной формой, если последняя не сказуемое). Начнем с примеров в русском и английском языках: *Он вернулся инженером, Мы считаем его трусом, Мы считаем его трусливым, We have elected him president 'Мы избрали его президентом', He has been elected president 'Он избран президентом'.*

В панджаби КПЧ чаще всего обнаруживается в конструкциях действительного, пассивного, полупассивного и эргативного залогов при сказуемых, выраженных переходными и реже непереходными глаголами. Этот член предложения может быть представлен разными классами и подклассами слов, а на базе сложноподчиненного предложения даже целой придаточной частью, например:

а) прилагательным. Приведем примеры на КПЧ при квалитативно-наделяющем сказуемом: *prem ne aṅg kəllh us nū hor vī deś-əbhimānī bəṇṇāi hoīā sī* [Se¹, 39] 'Любовь сделала его теперь большим националистом (букв. еще более националистическим)', *āp nāl jāṇā sāṅgā sāmjhīā* [Jh, 15] 'Он предпочел ехать с ним' (букв. 'ехать с ним хорошим посчитал'), *ē thā sabb tō sāṅgī tannī gāt hē* [Jh, 36] 'Это место считали и считают самым лучшим'. Ниже даны примеры на КПЧ при квалитативно-констатирующем сказуемом: *āpṇe des de baccīā nū mē bhukkhe nāhī sā vekh sakkā* [NZ, 1.IV.1962] 'Я не мог видеть голодными детей своей страны', *kiṣān dī mā jāmnā vīcārī svare dī bhukkhī bhāpī bēṭhī hoī sī* [J, 5] 'Мать Кишана Джамна, бедняга, с утра сидела голодная';

б) существительным. Если сказуемое представлено непереходным глаголом, то КПЧ выступает в номинативном падеже, а если переходным, то в синтетическом винительном как разновидность прямого дополнения, названная нами квалитативным прямым дополнением [Смирнов⁵, 285]. Здесь могут быть следующие случаи:

во-первых, КПЧ встречается в конструкции действительного залога со сказуемым, выраженным непереходным глаголом (дву-

составное предложение). В этом случае КПЧ нередко выражает качество, которое констатируют: *o' likhārī vāpās āiā* [Gb-3] 'Он вернулся писателем';

во-вторых, КПЧ возможен на базе конструкций действительно-го и эргативного залогов (двусоставное предложение) со сказуемым, выраженным переходным глаголом. В этом случае КПЧ выступает как квалитативное прямое дополнение, выражая качество, которым наделяют основное прямое дополнение, представленное аналитическим винительным падежом, например: *o' us nū sudāy ākhāṇ lāgge* [C] 'Они стали его называть сумасшедшим', *sābh ne us nū sakkātār cupiā* [Sha] 'Все избрали его секретарем';

в-третьих, КПЧ зафиксирован на базе конструкции пассивного залога (двусоставное предложение). Здесь качеством наделяется подлежащее, например: *ār bāggāl āsemblī de mēmbār cupi gae* [Bs, 13] 'Его избрали членом законодательного собрания Бенгалии', *mere pitā jī āpne lokā vicc sānge insān giṇe jānde sēn* [Gb⁴, 5] 'Мой отец в своей среде считался хорошим человеком';

в-четвертых, КПЧ встречается и на базе полупассивной конструкции (односоставное предложение). Как и во втором случае, КПЧ здесь функционирует как квалитативное прямое дополнение, выражая качество, которым наделяют основное прямое дополнение, представленное аналитическим винительным падежом. Этот случай подробно описан нами ранее [Смирнов⁵, 283-285], а также в статье [Смирнов², 199, 200]. Приведем ряд примеров: *us mūl bhāṣā nū mud-dhīlī bhārēt-yūrārī bhāṣā kākhiā jāndā he* [Ar², 3] 'Этот язык-основу называют индоевропейским праязыком', *is bolī nū «pālī» ākhīā jāndā he* [Ar², 7] 'Этот язык называется пали', *ēnā deṣā vicc dhārī de mālāk āsāl hālvaḥkākā nū bāṇiā giā he* [KL, 1.1960, 17] 'В этих странах сделали подлинных земледельцев хозяевами земли'. Сказуемое во всех примерах не согласуется с существительными *bhāṣā* 'язык', *pālī* 'пали' и *mālāk* 'хозяева': оно в мужском роде единственного числа, а данные имена либо женского рода (первые два), либо обладают множественным числом (*mālāk*). Это происходит потому, что они представляют собой не подлежащие, а квалитативные прямые дополнения;

в-пятых, возможен КПЧ на базе неопределенно-личного (односоставного) предложения. Он выступает в той же функции, что и во втором и четвертом случаях, например: *hārnī de is siddhānt nū «fānā siddhānt» kēhinde hēn* [Ar², 4] 'Эту теорию Херяли называют «теорией клина»';

в) причастием I, на что явно указывает ряд примеров Ньютона, хотя он этого и не отмечает. КПЧ здесь функционирует при качественно-конституирующем сказуемом, например: *julāhī nitt us nū rānī dhondā dekhāī sī* [Nw, 174] 'Жена ткача постоянно видела его, не-сущим воду', *us nū mundīā dī ikk dhānī khedī mīlī* [Nw, 173] 'Ему встретила группа играющих ребят' (букв. 'группа ребят играющей встретила ему');

г) причастием II: *fāīd de slok multānī vīcē tāsē dāsē jānē hān* [Ar², 39] 'Считают, что двустихья Фарида сочинены на мультани (букв. считаются сочиненными на мультани)', *tē nū āsā kādī sārē vīcē khōlōī nāhī dīttā* [Nw, 174] 'Я никогда не видел тебя стоящей среди скорбящих';

д) местоимением: *rār bārkatē enū kūj khūāy nā* [Gb⁴, 52] 'Но, Баркате, не корми его ничем' (при качественно-наделяющем сказуемом);

е) герундием II (редко): *ikk dō vār tēnū bās sēnq tē khāī nū mīlī sā* [G³, 34] 'Один или два раза я встречала тебя (букв. стоящей) на автобусной остановке'. Интересно, что герундий II здесь оформлен аналитическим винительным падежом, что для КПЧ не типично. По всей видимости, это единственный способ отграничения герундия II от причастия II и поэтому субморфа *nū* здесь является пометой не КПЧ, а герундия II. Следовательно, в данном случае она нерелевантна как показатель КПЧ, хотя словоформа, в которую она входит, и является КПЧ;

ж) КПЧ может быть выражен и составной формой, включающей имя и неличную глагольную форму, синтетическую или аналитическую, как, например: *tād tā tūhāthō kāwītā likhānī kōī ākhī nāhī hōnī cāhīdī* [Se¹, 60] 'Тогда должно быть совсем нетрудно (букв. нетрудным) заставить Вас писать стихи', *is bill dā khārā tiār kītā giā dāssiā jānā hē* [KL, VI.1960, 8] 'Говорят, что этот законопроект подготовлен' (букв. 'этот законопроект говорится подготовленным'). В первом примере КПЧ состоит из прилагательного *ākhī* 'трудный' (ж.р.) и отрицательного ГМП, а во втором из прилагательного *tiār* 'готовый' и аналитической неличной пассивной формы *kītā giā* 'сделанный';

з) КПЧ может быть представлен и придаточной частью в чистостроевой функции, как, например: *lokā nū bhārtāiā giā sī, ke zin-āgī de rārī onā dī kāyā nālō dūghe hān* [PL, II.1955, 7] 'Людей обманывали, уверяя, что воды жизни очень глубоки и опасны (букв. глубже, чем длина их тела)'.

Примером КПЧ при неличной глагольной форме, не являющейся сказуемым, может быть КПЧ при инфинитиве, функционирующем как прямое дополнение: *āp āpne piāre deš nūf.* /Issā dekhnā cāhunde sən /Jh, 38/ 'Он хотел видеть свою любимую Родину процветающей (букв. высокой)'.

Обстоятельство

Обстоятельство — это член предложения, дающий какую-либо характеристику действию или указывающий на степень признака путем детерминации члена предложения, выраженного прилагательным или наречием.

В панджаби существуют, с одной стороны, те же обстоятельства, что и во многих других языках, а с другой — еще три других, специфических, обнаруженных нами (субъектное, косвенно-объектное и реляционное), наличие которых, по нашему мнению, объясняется структурно-функциональными особенностями предложения и его членов в панджаби.

Обстоятельство места может быть выражено:

1) наречием места: *tusi utte nāhī āoge?* /Gb², 19/ 'Вы не пойдете наверх?', *itthe sigarəṭ pīṇ dī mānāhī hē* /Jw, 174/ 'Здесь запрещено курить', *o' andar cəllī gət* /Se¹, 35/ 'Она вошла в комнату (букв. внутрь)';

2) существительным в основном обстоятельственном падеже: *o' skul pəṛhdā sī* /Du, 126/ 'Он учился в школе', *āp ne āpne kəmgē vīcc rīṣṭedārā dī āwā-jāt bənd kər dīttī sī* /Bs, 24/ 'Он запретил (букв. приостановил) заходить в его комнату родственникам', *us bāg dī pəhīlī pukkāṛ te* /J, 7/ 'в первом (букв. на первом) углу того сада';

3) существительным в аблативе (обстоятельственном): *te pher o' ghəṛō is śāhir vīcc dōṛ āiā* /Sk, 58/ 'И затем он убежал из дому в этот город', *dillī tō* /Am, 29/ 'из Дели'.

Обстоятельство времени может быть выражено:

1) наречием времени: *hup hī velā hē ke fəsəl bījī jāwe* /Jw, 242/ 'Пора собирать урожай' (букв. 'как раз теперь время есть, чтобы...'), *zindagī odō kūjh vādhere rəṇkīlī st* /Gb⁴, 50/ 'Жизнь тогда была еще прекраснее', *ākhəṛ kānnūn ne dohā nū che che mōhṭne lāṭ jehāl bhej dīiā* /Jh, 31/ 'Наконец, согласно закону, оба получили по шесть месяцев тюремного заключения';

2) наречием времени в сочетании с послелогами: *hup tāy maddh deš dī bolī hī sāhītt vīcc prāvān st* /Ar², 7/ 'До сих пор только язык центральной части страны признавали в литературе', *jəḍō dā cən-*

ḍīgārḥ rāñjab dī rājdhānī bāñiā hē... [P₁] 'Когда Чандигарх стал столицей Панджаба...';

3) существительным в основном обстоятельственном падеже:
 āthān pū tā bābū sāhib pīn de ādī hī sən [As, 69] 'А пить вечером
 было как раз привычкой господина', us āpīnī nīkhī umre hī vāgār kārīnī.
 śurū kār dīnī sī [Sk, 58] 'Он с раннего возраста начал отбывать бе-
 гар';

4) существительным в согласующе-реляционном падеже в функции наречия: *one sver de əjj dænd sɑf nɑ kīte* [Du, 135] 'Она сегодня с утра не чистила зубы';

5) субстантивированным местоимением (*enā, innā, itnā*): *te inne nū rūp ā gāt* [De, 12] 'И в это время подошла Руп', *dūjā lāḥ-kīā itne vicc bāhār jā cukkīā sən* [Se¹, 31] 'К этому времени другие девушки вышли на улицу';

6) числительным: *nət̪t̪e de t̪s̪r te 1937 v̪icc k̪əŋgr̪as ət̪t̪h̪ā s̪ūb̪iā te k̪əb̪əz ho g̪əɪ* [Jh, 43] 'В результате в 1937 году Национальный конгресс господствовал в восьми провинциях';

7) местоимением-существительным в основном обстоятельстве в падеже: is to *picchō* 500 *tsvī tākṣ sākittāk prākritā dā samā* *hē* [Ar², 27] 'После этого до 500 г. тянется период литературных пракритов';

8) инфинитивом: *citt̃h̃ likhən tō picchō a' ghər callā giā* [C]
'Написав письмо (букв. после написания письма), он отправился
домой';

9) герундием I: *thik owē jiwē boldiā sāmē dnā dī vāp d āpne āp ho jāndī hē* [Са, 41] 'Точно так, как во время разговора они (слоги) сами по себе делятся', *betān de jānde nū...* [Se¹, 33] 'В то время как Бетан шел...';

10) герундием II: *mere gae tō kār lia tātā* [Se¹, 85] ‘После моего ухода подогрейте [масло]’, *pāhir din sārhe te turāṅge* [Nw, 180] ‘Мы тронемся утром (букв. с наступлением дня)’.

Обстоятельство причины может быть выражено:

1) существительным в основном обстоятельном падеже:
is vicc svərã dī bəhultā de kārəŋ e'kənnã nũ ziãdã miŋhtī læggdī hē
 [Ar, 8] 'Из-за множества в нем гласных нũ звучит очень приятно
 для уха', *te us rāt ikk dūje kor̄ar dī gəlātī kər ke phərīã giã sī* [Sk,
 59] 'И в ту ночь/его/схватили из-за ошибки второго связного';

2) причинным наречием, например: $\tilde{t}u$ ro keō ri hā ε [De, 26] 'Ты почему плачешь?';

3) местоимением-существительным в аналитическом падеже (косвенно-объектном или основном обстоятельственном): *mē kāfi muddat tō ākhbārā nāl sām̄bāndhāt hā es lāy p̄rārithnā kārda hā ke...* [S, 170] 'Я уже давно связан с журналистикой, поэтому прошу...', *pītā jī dī ethe tādūlī ho gāt hē is kārān mē āp̄nā p̄rārā skūl chād̄d̄an lāt māj̄būr ho giā hā* [S, 239-240] 'Моего/отца перевели сюда, поэтому я вынужден покинуть свою старую школу'.

Обстоятельство цели может быть выражено:

1) существительным в основном обстоятельственном падеже: *subhās...līrhā dī yātā lāy nikkāl giā hē* [Bs, 7-8] 'Субхаш... отправился в паломничество (букв. для паломничества) по священным местам', *āp ne bāccā dī p̄r̄hāy lāy dīl kholh ke rupiā khārc kītā* [Bs, 4] 'Он великодушно расходовал средства на обучение (букв. для обучения детей)';

2) синтетической формой основного обстоятельственного падежа инфинитива, омонимичной субморфированной автосеме: *met̄ mā ōde nāl ōnū chād̄d̄an gēt* [Gb⁴, 52] 'Моя мать пошла ее проводить', *tā kī mē is nāl sēr kārān jāwāṅgā* [G¹, 64] 'Значит, я пойду с ней гулять';

3) аналитической формой основного обстоятельственного падежа инфинитива: *likhān nū tā kāt gallā hān* [Am, 123] 'Нужно написать кое-что' (букв. 'несколько дел для написания есть'), *ōd̄t mā ne jād tēnū kīj̄h hor khān nū dītā* [...] [Gb⁴, 53] 'Когда ее мать дала мне еще что-то поесть (букв. для еды) [...]'?

4) ГМП в функции согласованного наречия: *gufāre nū ākh ke met̄ bārsāt̄ sukk̄nī pā dewī* [G², 35] 'Вели Гуфаре расстелить мой плащ для просушки', *dāne bhun̄ne rākkh de* [Cm] 'Положи зерно жариться'.

Обстоятельство образа действия может быть выражено:

1) наречием: *prāhūne ne tābele viccō p̄hilō bāhāt nikkālde hoe kīhā* [A, 12] 'Сказал гость, первым выходя из конюшни', *ē sōcān dī dhill sī ke* [...] [Gb³, 21] 'Не успел я так подумать, как [...]', *tēnū kiddā p̄tā hē* [Am, 125] 'Откуда (букв. как) тебе известно?';

2) прилагательным в адвербиальной функции: *o' sēṅgā gāundī hē* [D] 'Она хорошо поет', *o' kūtā issā sūṇṇā ne* [Cm] 'Те девушки плохо слышат';

3) существительным в согласующе-реляционном падеже: *ōnā nū mē khuṣī dā mildā hā, ēnā nū riwāj̄* [Se¹, 62] 'С теми я встречаюсь с удовольствием, а с этими по обыкновению';

4) существительным в основном обстоятельном падеже: *mē ethe pichle mæggəlvār kuštā nāl pəhuñc giā sã* [S, 229] 'Прошлый вторник я прибыл сюда благополучно', *pər pñd vicc us nū jāpiā jiwe [...]* [Sk, 58] 'Но во сне ему казалось будто [...]', *o' bhīr viccō binā kise muškīl de lægggh giā* [Jw, 284] 'Он пробрался сквозь толпу без каких-либо трудностей';

5) существительным в аблативном падеже: *asī onū kewəl šaklō jānde hā* [Am, 74] 'Мы знаем его только по виду';

6) существительным во вторичном инструментальном падеже: *keḍt ne o'lohā hōldār kolō zoṭ phər liā* [Gb¹, 14] 'Арестант с силой (букв. насиленно) вырвал тот металлический предмет у унтер-офицера', *us ne tār gāhī mēnī gurē ghəlle* [S, 363] 'Он послал мне деньги телеграфом';

7) герундием II: *us əlocək dī jāwān vəhuī ne bəgər socə sāmjhə akh dittā st* [Se¹, 60] 'Сказала молодая жена того критика, не подумав (букв. без думания и понимания)', *o' āe binā pəhī rəhi səkḱdā* [Am, 121] 'Он обязательно придет' (букв. 'он не может остаться без прихода');

8) инфинитивом в основном обстоятельном падеже: *esvūā vicc tā bəṛā vəḍḍā jāpḍā ē pər dekhəṇ nū eḍā hē pəhī* [G¹, 65] 'На картинках эта площадь кажется очень большой, а воочию (букв. при рассмотрении) она не столь велика'.

Обстоятельство уступки указывает на условия, несмотря на которые совершается действие. Оно выражается существительным в аналитическом основном обстоятельном падеже, основной субморфой которого служат послелогического причастного происхождения от глагола *hopā* 'быть', а также послелог (*de*) *bāwəjūd* 'несмотря на', *mē muškīlā hunde hoe vī mukāblā kəṛāṅgā* [Jw, 289] 'Я выстою, несмотря на трудности', *ennā dhən hundīā vī o' khuš pəhī st* [Am, 77] 'Несмотря на такое богатство, он не был счастлив', *ennā dhən hundīā hoyā vī o' khuš pəhī* [Am, 47] 'Несмотря на такое богатство, он несчастен', *pulīs dī bethāsā kuṭṭ de bāwəjūd vī us ne mūh pəhī st kholhiā* [Sk, 59] 'Несмотря на то, что он был сильно избит полицией (букв. несмотря на сильное избивание полицией), он не раскрыл рта...'. Как видно, одним из структурных элементов обстоятельства уступки является усилительная частица *vī*.

Обстоятельство меры и степени связано с количественной стороной действия или признака, с их мерой и степенью.

Оно может быть выражено:

1) наречием: *us chetī dene kujh ākhīā* [G¹, 63] ‘Она быстро что-то сказала’, *mā ne menū hōlī diti sāmjhānā cāhīā ke...* [Gb⁴, 53] ‘Мать хотела не торопясь (букв. медленно) мне разъяснить’;

2) прилагательным в адвербиальной функции: *vesvā dīā ākhkhā cōḡā khullh gāīā* [Gb², 23] ‘Глаза проститутки широко раскрылись’, *es lāt ātī bāḡā thoḡā cāl sākke* [Bs, 29] ‘Поэтому мы смогли пройти очень мало’ (в последнем примере прилагательное *bāḡā* ‘большой’, имеющее в данном случае значение «очень», определяет степень признака, выраженного прилагательным *thoḡā* ‘малый’, ‘небольшой’, обладающее в адвербиальной функции значением «мало». В свою очередь, это последнее определяет меру действия сказуемого, выраженного составным глаголом *cāl sākke* ‘смогли пройти’;

3) атрибутивным оборотом, опорное слово которого является существительным в основном обстоятельном падеже: *āhrāv ved sāmucce tōr te sabbh tō picche rāciā gāīā he* [Ar², 6] ‘Атхарваведа целиком является самым поздним творением (букв. целиком создана позже всех)’;

4) сочетанием числительного и существительного в согласующе-реляционном падеже: *ōdā do tinn dinā dā thākhīā khāwānd* [Du, 164] ‘ее муж, уставший за два-три дня’ (букв. ‘двух-трехдневно уставший муж’). Данное обстоятельство может быть выражено еще и другими способами (например, оборотом *din bhār* ‘целый день’), которые мы здесь не приводим.

Субъектное обстоятельство (термин наш. — Ю.С.) — это слово, выполняющее в предложении функцию согласованного обстоятельства-наречия к определению-причастию и в плане субъектно-объектных отношений представляющее собой субъект действия, выраженного данным причастием. Поэтому мы называли такое обстоятельство субъектным. Оно может быть выражено существительным в согласующе-реляционном падеже или притяжательным местоимением, например: *gītārsān dīā dāssiā* 854 *bolīā* [Ar², 1] ‘854 языка, описанные Гирсоном’ (букв. ‘гирсонно описанные 854 языка’), *mī jhākkar dā māriā rāñchī* [Se¹, 85] ‘птица, побитая дождем и бурей’, *mere bāḡāe māhāl dhe dherī ho gae sāl* [De, 15] ‘Построенные мною замки (букв. по-моему построенные замки) разрушились’.

Косвенно-объектное обстоятельство (термин наш. — Ю.С.) — это слово в производном согласующе-реляционном падеже, выполняющее в предложении функцию согласованного обстоятельст-

ва-наречия к определению-причастию и в плане субъектно-объектных отношений представляющее собой объект (косвенный), на который распространяется действие, выраженное данным причастием. Однако семантическое содержание такого отношения между данным действием и объектом (потенциальным косвенным дополнением) не получило функционально-синтаксического оформления и реализовалось на синтаксическом уровне обстоятельственно. Формально-синтаксическим «барьером», мешающим данному слову стать косвенным дополнением, является послелог *дә*. Поэтому мы назвали такое обстоятельство косвенно-объектным. Мы обнаружили примеры, в которых в роли такого обстоятельства выступает местоимение-существительное в производном согласующе-реляционном падеже: *oḍe nāl de pəṛhe likhe vəḍḍe vəḍḍe bābū heṛān rəhi rəhi jānde* [Du, 48] 'Крупные чиновники, занимавшиеся с ним всегда удивлялись', *is de nāl de nikkle risāle bānd vī ho cukke hən* [Gb-3] 'Журналы, вышедшие вместе с ним, также больше не издаются'.

Реляционное обстоятельство (термин наш. — Ю.С.) — это слово в согласующе-реляционном падеже, выполняющее в предложении функцию согласованного обстоятельства-наречия, обозначающего то, с чем связан признак, приписываемый подлежащему предикативом. Иначе говоря, такое обстоятельство ни с какой стороны не характеризует признак, выраженный предикативом, а лишь устанавливает к нему реляционную линию отношений в дополнение к линии отношений с подлежащим. Мы обнаружили примеры, в которых такое обстоятельство представлено инфинитивом и существительным в согласующе-реляционном падеже, а предикатив выражен прилагательным: *āthəṇ nū tā bābū sāhib rīṇ de ādī hī sən* [As, 69] 'А пить вечером было как раз привычкой господина' (букв. 'вечером господина был как раз в отношении питья привычным', т.е. признак привычности относится реляционно к питью), *əjj kəllh lok kunīn dā tika ləwəṇ de bohut ādī ho gəe ne* [Se¹, 71] 'В настоящее время люди очень привыкли к уколам хинина', *linā sīṅ dī həkki phulki nāzək jihī sī* [Se¹, 22] 'Лина была (букв. телом) хрупкой и нежной'.

Словосочетание

Словосочетание — это комбинация грамматически и семантически связанных знаменательных (самостоятельных) или полусамостоятельных слов, не представляющая собой предложения (т.е. лишняя сентенсных атрибутов) и входящая в состав последнего.

Если предложение – коммуникативная единица, обладающая особой интонацией и чаще всего четко выраженной рельефной предикацией со всеми ее категориями (наклонением, временем, лицом), то словосочетание – лишь компонент предложения, зависимый от него, подчиненный ему и вне его не использующийся. Поэтому назначение словосочетания номинативное (т.е. назывное в самом широком смысле слов: оно может называть даже действие).

По способу синтаксических связей словосочетания делятся на подчинительные и сочинительные. Первая разновидность более распространена.

Подчинительное словосочетание базируется на основном, стержневом слове или конституирующем члене (определяемом). Функция словосочетания в предложении та же, что и стержневого (опорного) слова. Это можно проверить, опустив зависимое слово (определяющее). Конституирующим же членом предложения является сказуемое, т.е. определяющий член. На этом основании Е.К. Курилович оригинально формулирует различие между словосочетанием (разумеется, подчинительным) и предложением: «...конституирующим членом словосочетания является определяемый член, а конституирующим членом предложения – определяющий, т.е. сказуемое» [Курилович, 55]. И еще: «Формальным представителем словосочетания является его определяемый член, формальным представителем предложения – определяющий член, т.е. сказуемое» [Курилович, 55]. Следует отметить, что Е. Курилович не учитывает копулятивных словосочетаний, в которых отношения компонентов равноправные.

В связи с этим напрашивается вывод, что всякая комбинация слов, включающая сказуемое и зависимые от него слова (обстоятельства, дополнения), не может быть словосочетанием (ибо это ядро предложения). Мы сочли целесообразным называть такую комбинацию слов сентенсно-конституирующим сочетанием слов, как, например: *o' kuṭṭ saṅgā gāundī he* [D] 'Та девушка хорошо поет', *us ne e'kitāb raḥ ləṭ* [D] 'Он прочитал эту книгу'. К категории сентенсно-конституирующих сочетаний слов относятся именные сказуемые, как, например: *o' bimār he* [C] 'Он болен' (букв. 'больной есть'). Всякие же обороты, базирующиеся на неличных глагольных формах, не представляющих собой сказуемого и поэтому лишенных предикации и входящих в состав предложения, суть словосочетания.

Если исходить из учета состава словосочетаний с точки зрения классов и подклассов слов, то можно выделить следующие основные

разновидности подчинительных словосочетаний в панджаби:

1) субстантивно-субстантивные: *bhārat dīā bolīā* [Ar², 7] 'языки Индии', *gāi hattiā* [Sew, 12] 'убой коров';

2) адъективно-субстантивные: *sāgā ādmī* 'хороший человек', *lāl mirc* 'красный перец', *bāndā kālā* 'темнокожий человек';

3) местоименно-субстантивные: *merī bhēr* 'моя сестра', *sāqā adhiārāk* 'наш преподаватель';

4) нумеративно-субстантивные: *do toliā* 'две группы', *tinn mēhīe* 'три месяца', *sattvā munda* 'седьмой мальчик';

5) адвербиально-субстантивные: *utthō de afsār* букв. 'тамошние служащие';

6) инфинитивно-субстантивные: *vādā ādmī dekhnā cāhunde sēn* [Jh, 21] 'Хотел видеть большим человеком';

7) герундийно-субстантивные: *pāṇī pīndīā tō bēcāo* [Tr] 'Спасите от пьющего воду', *sitār vājāy* 'игра на ситаре';

8) ГМП-субстантивные: *edī saphāy hoṇī cāhīdī hē* [Am, 48] 'Их нужно чистить';

9) причастно-субстантивные: *bhānde māde de* [Gb³, 11] 'вращающейся материи', *pāṇī dhondā ādmī* [C] 'человек, несущий воду', *suttī hoṇī sundī* [PL, II.1968, 9] 'спящая красавица', *giā sātā* 'минувшее время';

10) деепричастно-субстантивные: *kām kār vāke* [D] 'выполнив работу', *mākān bārvāke* [D] 'построив дом';

11) адвербиально-инфинитивные: *mē utthe jānā cāhūā* [J, 19] 'Мне хотелось бы туда съездить';

12) местоименно-инфинитивные: *ohā de āun tō pāhilā* [Am, 29] 'перед их приездом', *ār nū milnā cāhundā hā* [Sew, 24] 'Хочу с Вами встретиться';

13) адвербиально-причастные: *tez dōrdā munda* [C] 'быстро бегающий мальчик', *chetī likhī cītthī* [C] 'быстро написанное письмо';

14) адвербиально-деепричастные: *oddhār jāke* [C] 'отправившись туда';

15) адвербиально-герундийные: *utthe rāhinde nū* [Nw, 180] 'там живущему', *mēn etthe āe cār vārhe ho gāe* [Nw, 180] 'Прошло четыре года, как я появился здесь';

16) местоименно-герундийные: *e' kāhinde kāhinde de mēn vīcc* [Nw, 176] 'в душе говорящего это', *mere gāe tō* [Se¹, 85] 'после моего ухода';

17) адвербиально-адъективные: *bilkul phik* 'совершенно здоровый';

18) местоименно-местоименные: *səbh kujh* 'все';

19) адвербиально-адвербиальные: *inn bin iwe* [Du, 36] 'точно так', *bikul tez ā ke* [C] 'прибыв очень быстро'.

В панджаби иногда встречается субстантивно-инфинитивное словосочетание (инфинитив от непереходного глагола), в котором существительное выражает субъект действия, а инфинитив — действие. Первое представляет собой потенциальное подлежащее, а второй — потенциальное сказуемое, а все словосочетание — потенциальное предложение. Подобное образование мы обнаружили также в языке ленди и назвали его сентенсно-подобным оборотом. Этот термин правомерен и для словосочетания панджаби. Поскольку, однако, инфинитив в данном обороте лишен предикации и не представляет собой сказуемого, рассматриваемое образование не является предложением и может классифицироваться лишь как непосредственный строительный материал для предложения. По сути дела, как нам удалось установить, такое словосочетание — атрибутивное, конституирующим членом которого является инфинитив в неноминативном падеже, а существительное в номинативном падеже единственного, а иногда и множественного числа преимущественно представляет собой несогласованное определение, например: *muṇḍā jāṇ tō bād* [Gb-3] 'после ухода мальчика', *meriā ləttā bāhā te ret de zəre sətākəṇ ləy utāve sən* [De, 17] 'Мои ноги и руки обычно пестрели от прилипших к ним песчинок' (букв. 'мои ноги и руки были предрасположены для пестрения песчинок'; с существительным во мн.ч. *zəre* 'песчинки'), *səṅgā mīh rəṇ nāl khetrā nū bohut pāṇī miliā hē* [Gb-3] 'Из-за хорошего дождя поля обильно насытились влагой'.

Иногда допускаются отклонения от этой нормы и существительное используется в форме субосемы, как, например: *kise sver səṛhən dī ās ənhonī dissdī sī* [Gb³, 21] 'Надежда увидеть утром восход солнца (букв. увидеть наступление дня) казалась несбыточной'. В таком случае наблюдается согласование имени с инфинитивом в падеже. Однако такие случаи не типичны и, как свидетельствуют носители языка, в данном предложении допустима замена субосемы (*kise*) *sver* на номинативный падеж (*koṣ*) *sver* '(какое-либо) утро'.

Атрибутивный характер подобных словосочетаний подтверждает, как мы проверили на носителях, возможностью в большинстве случаев их трансформации в таковые, где существительное находится в согласующе-реляционном падеже и, следовательно, является согласуемым, как, например: *səṅge mīh de rəṇ nāl* 'с выпадением дождя', *sver de səṛhən dī* 'наступления утра'.

Сочинительные словосочетания (знаменательные компоненты которых в отличие от компонентов подчинительных всегда равноправны) не представляют собой главную разновидность. Поэтому на них мы специально не останавливаемся и ограничиваемся лишь тремя примерами: *muṇḍe te kuṭā* [Jw, 204] 'юноши и девушки', *gurbākhś siṅgh* 'Гурбакхш Сингх', *ē ləmte cōṛe dāwe* [NZ, 11.III.1972, 17] 'эти длинные/пространные заявления'.

Порядок слов и структура простого двусоставного предложения

Распространенное мнение, что для новоиндийских языков обычным порядком слов является модель с подлежащим в начале предложения, сказуемым в его исходе и второстепенными членами предложения, замкнутыми между ними, требует уточнения по меньшей мере в отношении панджаби. Материалы, собранные нами, выявили следующую картину. В малораспространенных предложениях, и в особенности в предложениях, лишенных обстоятельств, действительно господствует такой порядок слов, как, например: *sāḍe bhāśā vigiānī vī cō galaiṭ kār gāhe hāp* [NZ, 1.X.1962, 17] 'И наши языковеды совершают ту же ошибку', *mē tā līnā nū godī cukk sakkdī hā* [Se¹, 23] 'Ведь я могу взять Лину на руки', *āsā is utte, āṇe vallō, bāṭ mihnāt kītī hē* [NZ, 1.X.1962, 17] 'Мы, со своей стороны, вложили в это (букв. на это) большой труд'.

Более того, между подлежащим (на первом месте) и сказуемым (на последнем) могут замыкаться разные обстоятельства, и даже обстоятельство времени, которому обычно предписывают первое место (перед подлежащим), причем последнее может сопровождаться еще одним, а то и двумя-тремя другими обстоятельствами, как, например: *lāḁṭā āndār ā gāi* [Se¹, 30] 'Девушки вошли внутрь' (обстоятельство места), *eḡall hāth dī tēḡḡ de kārān hoī hē* [NZ, 1.X.1962, 17] 'Это произошло из-за нехватки рабочих рук' (обстоятельство причины), *28 nāwāmbār 1960 nū jānātā ekspres gāhī dillī tō ludhiāne pūjje* [NZ, 18.II.1960, 6] 'Она прибыла в Лудхиану из Дели 28 ноября 1960 г. на народном экспрессе' (обстоятельство времени, два обстоятельства места и обстоятельство образа действия), *pāñ-jābī dā vikās is vele bemuhārā ho rihā hē* [NZ, 1.X.1962] 'Развитие панджаби отдано сейчас на волю судьбы' (обстоятельство времени).

Если принимать во внимание лишь примеры, подобные этим, а также приведенным выше, то они не противоречат мнению о поста-

новке подлежащего в начале предложения, а сказуемого в его конце. Но это не соответствовало бы действительности полностью, поскольку в текстах на панджаби довольно часто обнаруживаются предложения неинверсионного и тем более неэмфатического характера, которые начинаются с обстоятельства, косвенного дополнения или же с нескольких таких членов предложения, и лишь после этого следует подлежащее. Ниже даны примеры на предложения, начинающиеся одиночными обстоятельствами:

а) времени: *calī vāre dī umar bād srīr dā injən hōlā turnā šurū ho jāndā* *hē* [PL, X.1972, 23] 'После сорокалетнего возраста механизм тела начинает функционировать медленно', *dūje din us ne mekḥānald pāssō klābb de is ajīb rāwāte bāre picchiā* [Se¹, 29] 'На следующий день он спросил у Мак Дональда об этом странном поведении членов клуба'; б) места: *piṇḍ de skūl vicc jāmāt laggī hoī hē* [AP, 19.X.1952] 'В сельской школе идут занятия'; в) причины: *is lāy e'ayk sētīnār bāṇ giā hē* [NZ, 1.X.1962, 1] 'Поэтому этот номер [газеты] превратился в семинар'. Приведем примеры на косвенное дополнение в начале предложения: *onā sāhmpe bhāṣā pradhān nāhī* [NZ, 1.X.1962] 'Для них язык не является первостепенным', *tere bolīā kujh nāhī hoīā* [Mh², 47] 'Твой разговор ничего не дал' (букв. "твоим разговором ничего не вышло"). По мнению образованного панджабца Валия Трилочан, постановка в последних двух примерах подлежащего на первое место «испортило бы стиль».

Ниже приводятся примеры даже с двумя второстепенными членами в начале предложения: обстоятельство образа действия (1) + обстоятельство места (2): *sarab hind yūth fedarāṣan de sādde te* (1) *sowīat yūnīān iō* (2) *pandraṁ tēmbraṁ dēlīgāṣan nāwī dillī puṛj rihā hē* [NZ, 20.XI.1960] 'По приглашению Всеиндийской молодежной федерации (1) из Советского Союза (2) прибывает в Дели делегация из 15 членов'; косвенное дополнение (1) + обстоятельство причины (2): *sem nū* (1) *is gallō* (2) *norā abhimānān te akkhay pārtī hundī* [Se¹, 24] 'Из-за этого (2) Нора казалась Сэму (1) гордой и высокомерной'; обстоятельство причины (1) + косвенное дополнение (2): *ehā fōjīā de kōsmīr vicc dākhle de kāran* (1) *kāsmīr vāssīā vicc* (2) *bhārī cintā pāt jāndī hē* [AP, 17.X.1954] 'Из-за появления этих военнослужащих в Кашмире (1) местные жители сильно обеспокоены [букв. у местных жителей (2) возникает сильное беспокойство]'

Исходя из широкого и разностороннего материала, можно сделать вывод, что для обычного (неэмфатического) порядка слов в двусоставном простом предложении панджаби характерно располо-

жение сказуемого в исходе предложения, а подлежащего в первой его половине и нередко в самом начале. Разные обстоятельства и косвенное дополнение могут как предшествовать подлежащему, так и следовать за ним. Остальные второстепенные члены предложения обычно занимают позицию между главными.

В аналитических и составных сказуемых, включающих модификатор финитности — форму глагола *horā* 'быть', при отрицании этот модификатор обычно перемещается с последнего места вперед к отрицательной частице, которая как бы «притягивает его к себе», например: *meṭā us nū 'tuhānū kēhīṭā saṅgā nāhī sī laggīā* [De, 28] 'Мое обращение с ней на «Вы» ей не понравилось': *dər əsəl əstī ikk dūje tō binā rāhī hī nāhī sā sakkde* [De, 27] 'В сущности мы не могли жить друг без друга', *keḍ sənū gərībā nū jītōṇ nāhī o dende?* [Gm, 14] 'Почему нам, бедным, не даете жить?', *e kəmm mēthō nāhī sī kərīndā* [Tḡ] 'Эта работа не могла быть сделана мною'.

В панджаби может наблюдаться и инверсионный порядок слов как одно из средств эфазы. Так, например, подлежащее при выделении может помещаться в конец предложения после сказуемого (или же между его компонентами, если оно аналитическое или составное): *sərn ne mēnū bhed vicc lēke bāh it sārīā gallā suṇāīā sən, oho gallā jēṇā luk luk ke kərde hən munde* [De, 123] 'Сарн по секрету рассказал мне о многих проделках, именно таких проделках, какие совершают тайком мальчики...', *te pher mēnū yād hən sundər de kārōbār de dīn* [De, 47] 'Затем я вспоминаю трудовые дни (букв. дни вспоминаются) Сундара'. Первый пример базируется на придаточной части, которая в данном отношении ничем не отличается от простого предложения.

Подлежащее может быть выделено одновременно и порядком слов, и эфатической частицей, например: *vāstəv vicc bhāśā vigiān vicc bhāśā-bənsā de siddhānt nū jənəm deṇ vālā e' khīāl hī st* [Ar², 2] 'В действительности именно эта идея породила в языкознании теорию о генеалогии языка'. Подлежащее может получать эфазу и за счет эмансипации (освобождения) от определения и выноса последнего за сказуемое, например: *koṇṇīdā sī bhūā bərkəte dā!* [Gb⁴, 54] 'А какая фигура была у тети Баркате!'

Эфатически могут выделяться и другие члены предложения, если мы их выносим в конец предложения за сказуемое (или его компонент), как, например, определение: *pitā jī tuhānū ilāj āundā hē səpp de kəṭəṇ dā* [Nr, 28] 'Отец, Вам известно лечение от укуса змеи'; обстоятельство места: *gəy kise hor moṭər vicc sī, āy kise*

hor motər viss /Du, 160/ 'Уехала она в одной автомашине, а приехала в другой', дополнение: *tū bārā sakkhī ē is tārā de mēhəl?* /De, 13/ 'Можешь ли ты строить такие дворцы?'.
 /De, 13/ 'Можешь ли ты строить такие дворцы?'.

Эмфаза прямого и косвенного дополнений осуществляется вынесением их в начало предложения (следует иметь в виду, что косвенное дополнение, как это уже иллюстрировалось, может стоять в начале предложения и без эмфазы), например: *sənt nū mē cəḡgī tārā jādā hā* /Mh, 210/ 'Санта я знаю хорошо', *gām ləy tustī bāhut khərc sakkde ho pər merī ləy nāhtī* /Mh, 210/ 'Для Рама Вы можете раскодовать много, а для меня нет'. В последнем примере эмфаза вынесенного вперед косвенного дополнения *gām ləy* 'для Рама' четко ощущается благодаря сопоставлению (*pər merī ləy nāhtī* 'а для меня нет'). При обычном порядке слов косвенное дополнение, выраженное дательным падежом, чаще всего предшествует прямому, например: *mere potre nū o' firkā bilkul nāhtī pərhnā pəwegā* /Gb³, 17/ 'Моему внуку совсем не придется читать эту фразу', *o' sarkāre pī-porḡ kəre* /PL, XII.1954, 20/ 'Ему следует докладывать (букв. делать доклад) правительству'.

Косвенное дополнение, выраженное косвенно-объектным падежом, может: а) предшествовать прямому дополнению, например: *rāghəv kədām kəndh nāl dho lāt sō rikā sī* /Sk, 57/ 'Прислонив плечо к стене, Рагхав Кадам спал', *pər o' pəriwār ləy pītā dā ghātā kis tārā pūrā kər sakkegā?* /Se¹, 19/ 'Но как он сможет заменить отца для семьи?', б) следовать за ним: *jādūgar ne[...]ikk munde nū āpne kol saddiā* /J, 4/ 'Волшебник [...] подозвал к себе одного мальчика', *mē do kitābā is kuṭ vāste liātā hən* /Cm/ 'Я принес две книги для этой девушки'. Косвенное дополнение, выраженное инструментальным падежом (обеими разновидностями), чаще всего следует за прямым, например: *mē e'gəndh dāndī khbīt* /D/ 'Я развязал этот узел зубами', *o' e' sārā zəhir āpne bāsrən de kūle kūle bullhā nāl pī giā sī* /Gb⁴, 58/ 'Он выпил весь этот яд своими нежными детскими губами'.

Косвенное дополнение, выраженное вторичным аблативом, встречается: а) перед прямым: *mē ōde kolō e' kamm kārā ləwāḡgā* /Am, 37/ 'Я заставляю его сделать эту работу', *jādūgar pāsō bəṭṭī lēke* /J, 7/ 'взяв фонарик у волшебника'; б) после него: *kēdi ne o' lohā hēldār kolō zorī phər liā* /Gb¹, 14/ 'Арестант насильно вырвал тот металлический предмет у унтер-офицера'.

Квалитативное прямое дополнение (КПЧ) следует за прямым

основным дополнением, т.е. находится ближе к сказуемому (или неличной глагольной форме), например: *o'us nū sudāy ākhəṇ ləgge* [C] 'Они стали называть его сумасшедшим', *səbh ne us nū sakkətəṇ cūṇiā* [Sha] 'Все избрали его секретарем', *pər bərkəte eṇṇ kūjh kḥuāṇ nā* [Gb⁴, 52] 'Но, Баркате, не корми его ничем'.

КПЧ, выраженный формой, которая не может быть качественным прямым дополнением, также следует после прямого дополнения и стоит ближе к сказуемому или неличной глагольной форме, например: *ār āṛpe piāre deś nū...* *ussā dekhṇā cāhunde sən* [Jh, 38] 'Он хотел видеть свою любимую Родину процветающей...(букв. **высокой**)' (прилагательное), *teṇṇ əsā kədī siāpe vicc khəlotī nēhī dīṭṭhā* [Nw, 174] 'Я никогда не видел тебя стоящей среди скорбящих' (причастие II; 'əsā' 'я' вместо *mē* 'я').

Как уже указывалось, определение в панджаби может быть и препозитивным, и постпозитивным. Специфичным является то, что местоимение-существительное также может иметь определение.

Определения могут быть и согласованными, и несогласованными. Особое внимание обращают на себя обнаруженные нами препозитивные несогласованные определения, выраженные существительным, и в особенности существительным в номинативном падеже. Такие определения встречаются перед существительным, инфинитивом (сентенсно-подобные обороты), герундием I и герундием II от переходных глаголов. Как отмечено в разделе «Герундий», отношения между таким определением и герундием II отличаются спецификой.

При наличии двух определений, одно из которых выражено именем в согласующе-реляционном падеже (согласованное), а другое существительным в каком-либо ином аналитическом падеже (несогласованное), как правило, сначала следует согласованное определение (1), а затем несогласованное (2), например: *eō rəṇjābī dī(1) dūjīā bolīā nālō(2) viśeśtā he* [NZ, 1. X. 1962, 1] 'Как раз в этом особенность панджаби в отличие от других языков' (букв. 'панджаби в отличие от других языков особенность'), *mudḡhī prākṛit dīā(1) deś-bhed aīe kāl-bhed nāl(2) kəy bolīā hoṅgīā* [Ar², 6] 'По всей видимости, пракрит-основа имел территориальные разновидности и формы речи, различающиеся хронологически'. В последнем примере имеется и третье несогласованное определение *kəy* 'несколько'.

При наличии у члена предложения, выраженного инфинитивом, одновременно согласованного определения и дополнений или обстоятельств, обычно сначала приводится первое, а за ним уже следуют вторые, располагаясь ближе к инфинитиву, например: *is dā*

kārən buddh dhərəm dā(1) pūrəb vicc bolī jāṇ vālī mægədh jā kosəl dī
bolī nū(2) āṇṇe dhərəm-grāṇṭhā āte prāsār ləṇ(3) əṇṇāṇṇā sī [Ar², 77

‘Причина этого состояла в усвоении буддизмом для своих религиозных грантхов и проповедей языка Магадхи или Кошалы, используемого на Востоке’ (определение, прямое дополнение, косвенное дополнение), *āṇṇā de(1) bhārət vicc(2) bāhrō(3) āṇṇ de siddhānt nū kət vidvān*
thīk nēhī mēṇṇde [Ar², 27 ‘Теорию появления ариев в Индии извне некоторые ученые считают неверной’ (определение, обстоятельство места, обстоятельство места).

В панджаби иногда может наблюдаться явление вклинения какого-либо члена предложения, а то и целого оборота между тесно связанными элементами предложения, как, например: *bhārət huṇ gulām nēhī sī rāhīṇā cāhundā [Jh, 237* ‘Индия теперь не хотела оставаться рабой’, *gallā rətā nēhī kitthō kitthō nikklī āundī hēṇ [Jw, 3037* ‘Неизвестно, откуда берутся дела’. В первом примере для эмфазы отрицательного сказуемого модификатор финитности вместе с частицей перенесен вперед и вставлен между существительным *gulām* ‘рабой’ и его постпозитивным определением — ГМП *rāhīṇā* ‘остающейся’ (против обычного *bhārət huṇ gulām rāhīṇā nēhī sī cāhundā*, а во второй иллюстрации между подлежащим *gallā* ‘дела’ и остальной частью предложения вклинился целый оборот *rətā nēhī* ‘неизвестно’.

К структурным особенностям панджаби, несомненно, относится наличие согласованных наречий и согласующе-реляционного послелога. Это имеет далеко идущие последствия, поскольку некоторые части речи начинают выступать в таких функциях, в каких во многих других языках они не обнаруживаются, например, прилагательное, притяжательное местоимение и существительное в согласующе-реляционном падеже — в функции обстоятельств, наречие с согласующе-реляционным послелогом — в функции определения. Все это также обуславливает существование в панджаби трех обнаруженных нами обстоятельств: субъектного, косвенно-объектного и реляционного.

Своеобразие в структуру предложения панджаби вносит и возможность обеспечивать копулятивные связи без союзов, как, например: *istrīā mērdā [ṇ] mūṇṇī* ‘женщины [и] мужчины’ (субосемы), *īṭṭe cṛṇe* ‘длинные [и] пространные’.

Наконец, специфические отношения между словами возникают из-за наличия в панджаби уподобляющих согласующе-реляционных частиц и частицы *vālā*.

В панджаби существуют те же типы подчинительной связи слов в предложении, что и в других языках (согласование, управление и примыкание), плюс еще один, установленный нами. Этот тип отношений слов в предложении мы назвали взаимодействием, или взаимоподчинительной связью. Наиболее ярко и наиболее часто эта связь проявляется в следующих пяти случаях:

1) в эргативной конструкции с прямым дополнением в синтетическом винительном падеже. Взаимодействие здесь проявляется в том, что сказуемое, с одной стороны, подчиняет себе дополнение, хотя и с невыраженной рельефностью, а с другой — заимствует у дополнения ряд черт, согласуясь с ним, например: *kī tust̃ bācce de cīkəṇ dī āwāz supī hē?* [Am, 27] 'Вы слышали крик ребенка?' (см. раздел «Эргативный залог и эргативная конструкция»);

2) при наличии в предложении герундия II от переходного глагола и прямого дополнения в синтетическом винительном падеже. Подчиняя себе существительное как дополнение, герундий II может согласовываться с ним либо в роде и числе, как, например, *brāṇḍī ghər rəkkhī cəṅgī hundī hē* [Du, 141] 'Хорошо иметь коньяк дома', либо в роде, числе и еще в падеже, как, например, *mā ghəṛī curāy nāhī mənndā* [Cm] 'Я не верю, что часы украли' (см. раздел «Герундий II»);

3) герундий II от непереходного глагола может быть объединен типом связи «взаимодействие» с существительным, так как, с одной стороны, подчиняя его себе как определение и передавая ему свои показатели падежа, он, с другой стороны, фактически сформировался под его влиянием по показателям рода и числа, как, например: *mupde gae tō bād us dī bhēṇ ron ləgg rət* [Gb-3] 'После ухода мальчика его сестра расплакалась' (см. раздел «Герундий II»);

4) когда сказуемое на базе ГМП от переходного глагола в эргативной конструкции, имея при себе прямое дополнение как подчиненное слово, тем не менее согласуется с ним, как, например: *usne bije siggh kolō do s̄ gurāe vī lēṇe sən* [Se², 84] 'Кроме того, ему нужно было взять у Биджей Сингха двести рупий' (см. раздел «Герундивно-модальное причастие»).

5) в третьем варианте допустительного наклонения, где аналитическое сказуемое, имея прямое дополнение и подчиняя его себе нерельефно как таковое, в то же время подгоняет форму своих служебных компонентов под него, как, например: *e'kitāb kise nū vī*.

· *paṛhāṇ pāhī ditti jandī* [H] 'Никому не разрешается читать эту книгу'.

Во всех этих и других случаях суть взаимодействия состоит в том, что слово, подчиняя себе другое слово, в то же время подчиняется само этому последнему.

О вопросительном предложении

Если в русском языке вопросительное слово преимущественно стоит в начале предложения, то в панджаби оно может быть часто в середине и нередко рядом со сказуемым. Это видно из сопоставления панджабских примеров с их переводом: *o' kōp hē?* [Am, 35] 'Кто он?', *tusi ōnū kitthe mile?* [Am, 36] 'Где вы его встретили?', *tusi utthe kis tārā pāhūc sakkde ho?* [Am, 36] 'Как туда проехать?', *asī pāṇī kitthō prāpāt kārde hā?* [Am, 36] 'Откуда мы берем воду?', *tusi ēnā do ambā viccō kēfā cāhunde ho?* [Am, 36] 'Какой из этих двух плодов манго Вы хотите?'.

Расчлененный вопрос. Путем опроса носителя [Gb-3] мы выяснили, что в панджаби существует разновидность вопросительного предложения, представляющая собой расчлененный вопрос. В общем плане он напоминает расчлененный вопрос в английском языке (*tail question* или *disjunctive question*). Такое предложение состоит из двух частей: первой повествовательной (утвердительной или отрицательной) и второй вопросительной, состоящей в большинстве случаев из формы 3-го лица единственного числа настоящего времени *hē* от глагола *hoṛā* 'быть' и частицы *pā*, а иногда из наречия *keō* и частицы *pāhī*, например: *o' muṇḍe dillī tō āe hən, hē pā?* [Gb-3] 'Те мальчики приехали из Дели, не так ли?', *o' muṇḍe dillī tō pāhī āe, hē pā?* [Gb-3] 'Те мальчики приехали не из Дели, не так ли?', *o' somvār ā rihā hē, hē pā?* [Gb-3] 'Он придет в понедельник, не так ли?', *kuṛā roṭī khā rāhīā ne, keō pāhī?* (или *hē pā?* — Ю.С.) [Gb-3] 'Девушки едят, не так ли?'. Интересно, что, как и в английском языке, вопросительная часть произносится в панджаби с восходящей интонацией. Но главное отличие в этом плане панджаби от английского состоит в том, что если в последнем повествовательная часть утвердительная, то вопросительная — отрицательная, и наоборот, а в панджаби последняя неизменна и содержит частицы *pā* или *pāhī*. Кроме того, вопросительная часть в панджаби конструируется из одних и тех же слов (кстати, как и в русском: *не так ли?*), а в английском из разных вспомогательных глаголов, форма которых также меняется.

Неполным называется предложение, в котором структурно отсутствует главный или второстепенный член (или несколько членов) предложения, что оправдывается конструктивно, поскольку: 1) либо отсутствие члена (членов) предложения компенсируется реляцией (отсылкой) к данным членам в предыдущем контексте; 2) либо конкретная ситуация делает тавтологическим присутствие такого члена (членов) предложения; 3) или же отсутствие какого-либо члена предложения, не нанося ущерба коммуникации, служит пометой конструкции со стилистической спецификой, и в этом случае ни контекст, ни ситуация не имеют значения.

Реляционное неполное предложение — это предложение с эллипсисом одного или нескольких членов предложения или компонента какого-либо члена и компенсационной реляционной отсылкой к таковому или таковым в предыдущий контекст, например: эллипсис подлежащего — *o'ikk rāt kujh khās kāgāz ikk thā tō dūje thā lijā rihā st. te us rāt ikk dūje kortār dī gālīt kār ke phārīā giā st* [Sk, 59] 'Однажды ночью он нес специальный документ из одного места в другое. И в ту ночь был схвачен из-за ошибки второго связного', *es dimāg dī cetāntā utāh cārhdīt gāt. kḥiāl bārī, dhārām bārī, jādūgrī bārī* [Gb³, 11] 'Сознание, порожденное этим мозгом, поднималось все выше. Превратилось в мысль, религию, колдовство'; эллипсис сказуемого и дополнения — *ikk din dī vehāl tā kaddh sakkānge* [G³, 45] 'Один свободный день смогут найти' — *ikk din?* [G³, 45] 'Один день?' (здесь неполное предложение представлено лишь определением дополнения *vehāl* 'свободное время', и то усеченным, поскольку опущен даже служебный элемент этого слова — последок *dī*); эллипсис модификатора финитности — *sundār māucālā nā āp pārhā sī nā kise nū pārhān dandā* [Du, 45] 'Сундар Маучала сам не учился и другим не давал'; *kuttē nū us ne nā kēdīt māriā sī te nā dukḡāyā* [M, 26] 'Он никогда не бил собаку и никогда не выгонял ее'; эллипсис подлежащего и косвенного дополнения — *mē tuhāde nāl bolḡā ī nāhī st - bolḡā nāhī st, kēd?* [Na¹, 41] 'Я с Вами не хотела даже разговаривать. — Не хотела разговаривать? Почему?'

Ситуационное неполное предложение — это предложение, отсутствие члена или членов которого оправдано ситуацией и компенсируется ею, например: *tuhāda kēmrā?* [T] 'Ваш фотоаппарат?' (эллипсис подлежащего *o* 'это' и связки *kē* 'есть'), *koī kis-*

sē lɛɲe ne [Na¹, 71] 'Хочу взять кое-какие рассказы' (эллипсис подлежащего *mē* 'я').

Стилистически-неполное предложение — это такое предложение, неполнота которого служит определенным стилистическим целям, например: *mīlā de mīl. sunəhiṛ ret de ṭibbe* [As, 67] 'На многие мили — холмы с золотистым песком', *ikk bāṇḍā kātā dhūt nāl ikk kuṛṭ gorṭ ciṭṭi* [Gb-3] 'Совсем темнокожий человек вместе с белокожей девушкой'. Это два бессказуемых предложения, содержащие, однако, слова из состава сказуемого: в первом случае обстоятельство меры (*mīlā de mīl.* 'на многие мили'), а во втором — косвенное дополнение с эмфатически инверсированным послелогом (*nāl ikk kuṛṭ gorṭ ciṭṭi* 'вместе с белокожей девушкой'). Поэтому оба предложения двусоставные неполные. Отсутствие сказуемого стилистически-художественный прием, делающий коммуникацию более яркой и рельефной. Этот прием нередко используется для конструирования поговорок и пословиц, например: *ḡubbe nū tinke dā səhārā* [Jw, 256] 'Утопающий хватается за соломинку' (букв. 'Утопающему помощь соломинки'), *kutte dā kuttā verṭ* [Jw, 256] 'Собака собаке враг', *kərtəbb səbh w̃ pəhilā* [Jw, 260] 'Долг прежде всего'.

Односоставное предложение

Односоставные предложения характеризуются наличием лишь одного грамматически-структурного центра или состава, только одного из главных членов предложения, причем ни контекст, ни ситуация не реставрируют и не подразумевают второго.

В панджаби, как и во многих других языках, встречаются два основных типа односоставных предложений: бесподлежащие и бессказуемые.

Бесподлежащее предложение можно проиллюстрировать следующими разновидностями: а) неопределенно-личным предложением, например: *hərnṭi de is siddhānī nū «fānā siddhānti kəhinde hən* [Ar², 4] 'Эту теорию Хёрли называют «теорией клина»'; б) предложением на базе полупассивной конструкции: *enā kārṇā kəṛ ke āp nū skūl nā bhejiā giā* [Jw, 11] 'По этим причинам его не послали в школу', *subhās jī nū es sətāgət ləṭ prādhān cūṇiā giā* [Bs, 15] 'Субхаша выбрали председателем этой конференции'; в) предложением со сказуемым на базе причастия поучения: *səṛək utte tez nāhī tu-ṇḍā* [D] 'По дороге не следует ходить быстро', *ewē andər āṭṭā hē* [D] 'Внутри следует входить так'; г) предложением с разновид-

ностью допустительного наклонения, основанной на причастии поучения от глагола *deṇā* 'давать': *bāccīā nū rāt vele nāhī rəḡḡan dāīdā* [D] 'Детям не разрешают читать ночью'; д) предложением, основанным на форме сказуемого в 3-м варианте допустительного наклонения: *bāccīā nū itthe nāhī kkeḡḡan ditiā jāndā* [Cm] 'Детям не разрешают здесь играть'.

Бессказуемое предложение характеризуется лишь составом подлежащего. По нашему мнению, подлежащее такого состава содержит экзистенциальную предикацию (термин наш. — Ю.С.), т.е. предикацию наличия, существования какого-либо явления, выражаемого тем же подлежащим. Иначе говоря, такое подлежащее выражает (рельефно) не только предмет, но и (нерельефно) его существование, наличие. На грамматическом уровне такая предикация получает ноль выражения. Но она все же имеет рефлектацию на другом языковом уровне: фонетическом, при помощи интонации, которой не может обладать слово, не представляющее собой предложения.

Предложения данной разновидности встречаются в панджаби редко. Мы выявили их опросом носителей, например: *vaddī rāt. mohledhār mī. tez hawā. te mē ikallā sarāk te* [Gb-3] 'Глубокая ночь. Проливной дождь. Сильный ветер. И я один на дороге', *ətukk gəḡā. bohut tez dhurr te ikko ādmī ghore te* [Gb-3] 'Бесконечная степь, Сильная жара. И одинокий всадник на лошади'.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложное предложение представляет собой синтаксическую композицию, состоящую из двух или более частей. Отношения и связи между такими частями отличаются весьма большим разнообразием. Однако ряд критериев формально-грамматического и семантического порядка позволяет все сложные предложения разбить на две основные группы: сложносочиненное предложение (ССП) и сложно-подчиненное (СПП). Существуют и переходные конструкции от ССП к СПП, и наоборот. Прежде чем рассматривать обе основные категории, следует осветить общие типы отношений между частями сложного предложения. Этот вопрос более подробно разработан нами в монографии [Смирнов¹, 30-40].

Общие типы отношений между частями сложного предложения

Каждому сложному предложению присущи три общих типа отношений с возможными разновидностями внутри каждого из них: 1) параллельный, 2) реляционный и 3) корреляционный.

Параллельный тип отношений присущ частям сложного предложения, независимым друг от друга в грамматическом и коммуникативно-семантическом планах, имеющим равноправные предикации, но объединенным какой-либо общей темой, что нередко выражается идентичными лексическими или грамматическими элементами. Данный момент и является фактором, превращающим сочетание предложений в синтаксическое единство более высокого порядка, чем простое предложение. Подобное единство и представляет собой одну из разновидностей сложносочиненного предложения, например: *bəddal ai̯ zora̯ de gəj̯ rəhe sən bi̯l̯i̯ səmək rəh̯i̯ s̯i̯, te əsmān̯ ji̯wē co̯ā co̯ā kər rih̯a howe* [Du, 39] 'Мощно гремел гром, сверкала молния и небо словно изрыгало потоки', *hər p̯i̯r s̯ān̯ h̯əst̯i̯ d̯i̯ h̯e, h̯ər ʔən̯d s̯ān̯ h̯əst̯i̯ d̯a̯ h̯e, h̯ər əm̯ən s̯ān̯ h̯əst̯i̯ d̯a̯ h̯e, h̯ər j̯əŋg s̯ān̯ h̯əst̯i̯ d̯a̯ h̯e* [Gb³, 11] 'Каждая боль есть боль всего бытия, каждая радость есть радость всего бытия, каждый мир есть мир всего бытия, каждая война есть война всего бытия'. Общая тема в первом предложении представлена картиной ненастной, дождливой погоды, отдельные явления которой, связанные друг с другом и одновременные, вписываются в компонентах этой конструкции. Грамматически общность темы выражается однотипной видо-временной формой сказуемых (конкретно-процессный вид в прошедшем времени). Во 2-м примере общая тема — всеобъемлющая роль бытия — рефлектируется главным образом в общих лексических элементах, повторяющихся во всех компонентах [*s̯ān̯ h̯əst̯i̯ d̯a̯(d̯i̯)* 'всего бытия', *h̯e* 'есть' и *h̯ər* 'каждый'], и в грамматически идентичном глагольно-именном сказуемом *s̯ān̯ h̯əst̯i̯ d̯a̯(d̯i̯).h̯e* 'есть всего бытия'.

Параллельные отношения типичны для сложносочиненного предложения. В сложноподчиненных конструкциях могут быть отношения, приближающиеся к данному типу, но там они осложнены наличием подчинительных союзов, релятивных и коррелятивных компонентов, указывающих на более тесную спаянность частей сложного предложения, а также часто оттенками дополнительных значений.

Реляционный тип отношений является наиболее распространенным, так как чаще всего отношения между компонента-

ми сложного предложения носят характер зависимости, что выявляется либо лексико-грамматическим, либо семантическим, либо коммуникативным критерием, либо же их сочетанием. Для удобства описания мы прибегли к введению ряда терминов. Минимальной степенью реляционных отношений в сложном предложении является односторонняя зависимость одного компонента от другого, которая названа нами реляцией. При этом в СПП реляционно зависеть может не только придаточная часть (ПЧ) от главной (ГЧ), но и ГЧ от ПЧ, а иногда эта зависимость бывает и взаимной. Реляция может быть частной и общей. Частной она бывает тогда, когда данный компонент или какой-то его член указывает на зависимость от одного члена другого компонента. Общей она является в том случае, если данный компонент или его какой-то член указывает на зависимость от всего другого компонента. Следует иметь в виду, что частная реляция не обязательно выражает зависимость лишь от одного слова, ибо член предложения, участвующий в реляционных отношениях, может сопровождаться еще и другими словами. Но все равно эта группа слов представляет собой лишь частное звено компонента сложного предложения. Так что на уровне реляционных отношений термин «член» может подразумевать и частное звено компонента.

Частная реляция подразделяется на частно-приватную и частно-сентенсную.

Частно-приватная реляция характеризуется тем, что какой-либо член(звено) данного компонента зависит от какого-либо члена (звена) другого компонента. Иначе говоря, зависимость одного компонента от другого реализуется через отношение «член (звено) — член (звено)», например: *tū bhātā eṇā diā kəṁmā nū səməjhdā hē, tēnū hī eṁubārək hoṇ* [Se¹, 62] ‘Ты, брат, разбираешься в их делах, и пусть они будут благословенными именно для тебя’, *us tō binā tinn hor sən, səbhə kuṭā, te sabb tō choṭī sāl ku dī baccī sī* [Se¹, 18] ‘Кроме него было еще трое/детей/— все девочки, и самой маленькой был ребенок/в возрасте/около года’. Во втором компоненте первого примера в качестве члена предложения выступает местоимение *e* ‘они’, повторяющее существительное первого компонента и отсылающее нас к нему, т.е. к слову *kəṁmā nū* ‘делах’, а выступающее во втором компоненте другой иллюстрации прилагательное в превосходной степени женского рода *səbh tō choṭī* ‘самой маленькой’ указывает нам на то, что оно относится к существительному женского рода множественного числа из первого компонента и получает оформление

под его грамматическим воздействием, а именно под влиянием слова *kuṛā* 'девочки'.

Частно-приватная реляция встречается и в СПП, где зависимость ПЧ от ГЧ выражается через релятивные слова, благодаря чему эта реляция носит более прочный характер, чем в ССП, так как «в лице» относительных слов выступают специальные сигнализаторы зависимости одного компонента от другого, только для этого и употребляющиеся, например: *ap ne hāikort vākālāt dā imtihān dittā, jis viccō ap pāhile dārje te rāhe* 'Он сдал экзамены на адвоката Верховного Суда по первому классу' (букв. 'он сдал экзамены на адвоката Верховного Суда, в результате которых получил первый класс'), [*de- līgesān*]...*bāthindā pujegā jithe onā de suāgāt vicc do ghāṇe dā progām howegā* [NZ, 20.XI.1960] 'Делегация прибудет в Батхинду, где для ее встречи будет отведено два часа (букв. двухчасовая программа)'

Частно-сентенсной реляции присуща односторонняя зависимость всего данного компонента от какого-либо члена (звена) другого компонента [зависимость «компонент — член (звено)»]. Этот тип зависимости характерен для придаточных, поясняющих какое-либо существительное ГЧ. Подобные ПЧ вводятся союзами, например: *itlāh hē ke s.umrāo siggh śromnt ākālī dāl dā jānārāl sākattār bāṇā dittā giā hē* [AP, 22.V.1955, 27] 'Поступило сообщение, что Умрао Сингх назначен генеральным секретарем партии Акали Даль', *mill mālākā ne rālā pāiā ke onā nū ghāṭā pāegā* [KL, I.1961, 47] 'Предприниматели подняли шум из-за того, что они понесут убыток'. В обоих примерах ПЧ, вводимые союзом *ke* 'что', 'чтобы', имеют частно-сентенсные реляции к существительным *itlāh* 'сообщение' и *rālā* 'шум'. Об этой зависимости сигнализирует союз. Но поскольку подобные существительные обязательно требуют пояснения со стороны ПЧ, то и ГЧ, в свою очередь, находится в реляции, но общей к ПЧ. Иначе говоря, частно-сентенсная реляция ПЧ подкрепляется здесь встречной общей реляцией ГЧ на том же уровне или в той же плоскости. В результате возникают взаимопроникающие реляции. Однако общая реляция ГЧ не имеет непосредственного сигнализатора и выявляется лишь из лексического характера существительных, обладающих обобщенно-отвлеченным значением, т.е. мы выявляем эту реляцию лексико-семантическим критерием.

Общая реляция подразделяется на обще-приватную и обще-сентенсную.

Обще-приватная реляция характеризуется тем, что какой-либо член (звено) данного компонента зависит от целого другого компонента сложного предложения [зависимость «член (звено) — компонент»]. Примером подобной зависимости служат только что приведенные иллюстрации, где главные части СПП находятся в реляции к ПЧ через свои существительные *iilāh* и *rālā*. Лексическое значение этих слов требует обязательного раскрытия со стороны ПЧ. Иначе коммуникация остается незавершенной. Такую реляцию целесообразно назвать реляцией обязательной семантической комплетивности (разновидность обще-приватной реляции).

Обще-сентенсная реляция характеризуется тем, что данный компонент сложного предложения целиком выражает зависимость от целого другого компонента (зависимость «компонент — компонент»). В одних случаях эта зависимость вскрывается лишь коммуникативно-семантическим критерием, а в других еще и формальным, например: *hor bæsse vī āunde sən, pətāsiā dā baḡā lālāc hundā sī* [PL, I.1957, 50] 'Приходили и другие мальчики, слишком уж велико желание было получить сладости', *e' dvāsthā hor utāh cāḡhdī jāndī hē, te oḡāk oḡā giān jəzbāt ikk-surtā bəḡ jāndā te hār hoṇī o' nū ənnī hond dā vikās diss pəndī hē* [Gb³, 10] 'Это состояние еще больше усиливается и, наконец, его познания обретают гармонию и каждое явление представляется ему как вечно существующий процесс'. В первом примере первый компонент ССП находится в обще-сентенсной реляции ко второму, так как действие, выраженное в нем, обуславливается этим последним компонентом. Во втором примере действия, содержащиеся во втором и третьем компонентах, являются следствием процесса, выраженного в первом компоненте. Помимо семантически-коммуникативного критерия показателем обще-сентенсной реляции последних двух компонентов ССП служит и лексический элемент *oḡāk* 'наконец', который фиксирует момент, когда стали сказываться следствия процесса, выраженного в первом компоненте.

Частную и общую реляцию ПЧ можно назвать реляцией придаточности, являющейся по отношению к этим обоим разновидностям более общей категорией.

Если компонент синтаксически не завершен и дополняется в данном отношении другим компонентом, то он находится в реляции необходимой синтаксической комплетивности к этому последнему (разновидность общей реляции). Такие специфич-

ческие реляционные отношения имеют, например, СПП с подлежащими и сказуемыми составами и СПП с одним из видов придаточных дополнительных, например: *sāf hē ke(o)pārhā likhā utte vadhre tek rākhde rāhe* [NZ, 11.II.1962, 2] 'Ясно (букв. ясное есть), что [они] преимущественно опирались на интеллигенцию', *ast jānde hā ke o'caggā tarhā kām kārā hē* [C] 'Мы знаем, что он хорошо трудится'. В первом примере сказуемый состав *sāf hē* 'ясное есть' требует обязательного наличия подлежащего, а во второй иллюстрации сказуемое ГЧ *jānde hā* 'знаем' никак не может обойтись без дополнения. В обоих СПП такими компонентами являются компоненты, вводимые союзом *ke*. Один из них — специфическое подлежащее, а другой — придаточная дополнительная часть. Кроме того, в первом СПП ПЧ находится в обще-сентенсной реляции к сказуемому составу, а во втором — в частно-сентенсной реляции к ГЧ, завершая синтаксически ее сказуемое. Иначе говоря, в этих СПП реляции необходимой синтаксической комплетивности одних частей подкрепляются встречными реляциями других, совокупность которых образует в каждом СПП взаимопроникающие реляции.

Корреляционный тип отношений встречается только на уровне СПП.

Под корреляцией в сложноподчиненном предложении нами понимается соотнесенность двух взаимно перекликающихся простых или составных (либо одного составного, а другого простого) компонентов, представленных по одному в каждой из его частей и на семантическом уровне либо относящихся к одному и тому же объекту, явлению реальной действительности, либо выражающих идентичные или очень близкие идеи, либо находящиеся друг с другом в какой-то связи, включая и количественную.

Перекликающийся компонент ГЧ следует именовать коррелятивным компонентом, а подобный компонент ПЧ — релятивным компонентом. Оба этих компонента можно назвать более общим термином корреляционный компонент. Наличие корреляции определяется по наличию сигнализатора корреляции, в качестве которого могут выступать указательные местоимения и наречия. Простой коррелятивный компонент одновременно является и сигнализатором корреляции, а составной включает последний. То, что мы именуем сигнализатором корреляции, обычно называют «коррелятом», или «коррелятивом». Но этот термин не точен, поскольку в соотносительных отношениях с релятивным ком-

понентом довольно часто участвует не одно слово (обычно называемое коррелятом), а несколько слов, комбинацию которых мы и предлагаем именовать коррелятивным компонентом. Приведем примеры на простые корреляционные компоненты: *bindī utthe vārtade hān, jīthe śabdā nū sākhep kārke likhṇā howe* [Mah, 187] 'Вияди используют там, где требуется писать слова сокращенно', *jīnā suniā o' hāss pāe* [PL, II.1955, 9] 'Те, кто услышал, рассмеялись'.

Однако корреляция не ограничивается таким простым соотношением элементов, ибо часто корреляционные компоненты могут быть составными, даже представленными целыми предложениями (как правило, ПЧ, вводимой союзом). Примеры: *e' mīwazā is dār te mīlṇā cāhīdā hē, jis dār te pārlīment dī kāmēt ne sōfārs kūt hē* [AP, 27.X.1955, 4] 'Эту компенсацию следует получить в таком размере, в каком (размере) порекомендовал комитет парламента', *is dā e' mātīlāb nāhī ke utthe beruzgārī zorā te hē* [PL, XII.1954, 20] 'Это не означает (букв. этого это значение не имеется), что там большая безработица'. В первом СПП оба составных корреляционных компонента представлены сочетанием местоимения и существительного, а во втором коррелятивный компонент — таким же сочетанием, а релятивный — целой ПЧ, вводимой союзом *ke*.

Составной релятивный компонент, состоящий как минимум из релятивного местоимения и существительного (например: *jis dār te* 'в каком размере'), мы называем относительным (релятивным) словосочетанием. Правда, в этом термине есть некоторая условность, поскольку релятивное местоимение, функционирующее как определение к существительному, выражает самое обобщенное значение «какой», «который», самый обобщенный признак. К тому же этот признак рефлектируется не обычным, а союзным словом. Поэтому такое словосочетание особое. Без всякой условности его можно было бы назвать «относительным сочетанием слов». Но дело в том, что в такую композиту нередко входит несколько существительных, или существительное и прилагательное (а то и несколько таковых), т.е. несколько знаменательных слов. И тогда она становится словосочетанием без всякой условности. Относительное (релятивное) словосочетание (ОС) представляет собой частный случай релятивного компонента, поскольку последний может быть и одиночным союзным словом.

Для удобства оперирования элементами относительного словосочетания (ОС) мы даем им следующие наименования. Местоимение, входящее в него, целесообразно назвать релятивным

оформителем, ибо только этот элемент указывает формально на наличие релятивного компонента (т.е. *jis* в *jis dər te*). Дело в том, что если в русском и многих других языках вопросительные слова параллельно используются и релятивно, то в панджаби (как и в некоторых родственных ему языках), как правило, вопросительные слова не выступают в этой функции, так как для этого существуют специальные относительные (союзные) слова с типичным для них согласным *j*- в начале слова. Существительное к которому релятивный оформитель относится как синтаксически подчиненное слово (как определение), названо нами релятивно-опорным элементом. Вместе с релятивным оформителем он образует релятивную пару. Последняя представляет собой минимальное относительное (релятивное) словосочетание.

С другой стороны, составной коррелятивный компонент (т.е. корреляционный компонент ГЧ) также является подобным особым словосочетанием, которое мы именуем коррелятивным словосочетанием, состоящим из сигнализатора корреляции (часто местоимения) и существительного. Последнее, определяемое первым, названо нами коррелятивно-опорным элементом. Вместе с сигнализатором корреляции он образует коррелятивную пару, которая представляет собой минимальное коррелятивное словосочетание (КС, в приведенном примере *is dər te* 'в таком размере'). Помимо коррелятивно-опорного элемента в КС могут входить и другие знаменательные слова, за счет которых оно может быть значительно распространено.

В корреляционных СПП релятивно-опорный элемент является релятивным центром корреляции СПП, а коррелятивно-опорный элемент — коррелятивным центром корреляции [Смирнов², 185-190].

Таковы основные типы отношений между частями сложного предложения.

Сложносочиненное предложение

Сложносочиненное предложение представляет собой синтаксическое целое, состоящее из двух или более единиц, оформленных как грамматически самостоятельные простые предложения, связанные по способу сочинения: соединительно (в том числе бессоюзно), разделительно, противительно и соединительно-иллативно. Компоненты ССП могут быть однородно параллельными, хотя, как пра-

вило, и объединенными одной темой, или зависимыми друг от друга реляционно, что нередко выражается лексическими и грамматическими показателями.

В качестве формально-грамматических, лексических и других средств сцепления компонентов таких сложных моделей служат сочинительные союзы, асиндетон, интонации, типичные для данного языка. Приведем примеры на соединительную связь: *jādūgar collā giā te kiṣan...ghar mā kol ā giā* [J, 57] 'Волшебник удалился, и Кишан... пошел домой к матери', *o'nā sirf ih əssō kheḍō hī bəhūt st, o' gāundī xī bəṛā sohṇā st* [Gb⁴, 117] 'Она была не только очень веселой, но и (букв. она) также очень красиво пела'. Ниже даны иллюстрации разделительной связи: *jā tustī ciṭṭhī likho jā astī likhā* [C7] 'Либо Вы напишите письмо, либо это следует сделать нам', *cāhe cāh pītī pəwegī cāhe šərbət ikk cīz zərūtī hē* [Mh, 160] 'Либо придется пить чай, либо необходим будет шербет'. Приведем примеры на противительную связь: *ikk mōhīnā bīt giā pər o'hāle vāpəs nāhī ātā* [Jw, 277] 'Прошел месяц, но он еще не вернулся'.

Компоненты ССП могут быть связаны соединительным союзом, но относиться друг к другу иллативно. Это иллативно-соединительная связь, например: *o'pədārthək dhən kū bōdhik dhən nālō kāfī ghəḥīā vāst khiāl kerdā hundā hē, te is lēt śāed us de mən vicc kise pədārth de dhənī viruddh həsḍ nāhī upajda* [Se¹, 57] 'Материальное богатство в сравнении с духовным он считает довольно низким предметом, и поэтому, видимо, в его душе не возникает зависти к богатому человеку'.

Сложноподчиненное предложение

Сложноподчиненное предложение представляет собой чаще всего сочетание главного и одного или более придаточных (подчиненных) компонентов (иногда компоненты носят специфический характер, как, например, подлежащий и сказуемый составы). Придаточный компонент может относиться либо к какому-нибудь члену главного компонента, либо ко всему ему, либо выступать в качестве одного из его членов. Поскольку компоненты СПП нередко могут носить характер неполноценного предложения (быть сентенсно неполноценными), либо же быть еще более деформированными, целесообразно для их наименования использовать термины «главная часть» (ГЧ) и «придаточная часть» (ПЧ), но вкладывать в них более широкий смысл, подразумевающий соответственно полноценное предложение, неполноценное и деформированное.

Для всестороннего освещения особенностей СПП мы используем ряд критериев, к которым обращаемся в определенной последовательности. Эти критерии, часть из которых вообще впервые вводятся нами, формируются в определенную систему, которую мы предлагаем как новый способ классификации сложноподчиненных предложений, названный нами *обобщающе-комплексным* и применимый ко многим языкам [Смирнов¹, Смирнов²].

Сначала учитывается основная синтаксическая функция ПЧ, которая может быть определительной, подлежащей, одной из обстоятельственных, и т.д. Это позволяет выделить типы СПП. Последние могут иметь две разновидности. Те ПЧ, которые обслуживают какой-либо формальный член ГЧ (местоимения, некоторые наречия), мы назвали «наполняющими», так как они наполняют его семантическим содержанием, а к тем ПЧ, которые в составе СПП сами непосредственно выполняют роль какого-то члена предложения, целесообразно применить термин «чистостроевые». Отсюда имеем тип Н (СПП с ПЧ *наполняющими*) и тип С (СПП с ПЧ *чистостроевыми*).

Затем, в зависимости от конкретного постоянного элемента в составе средств связи частей СПП (конкретное релятивное слово, употребляющееся самостоятельно или входящее в составной релятивный компонент, конкретный союз, бессоюзие) устанавливаем подтипы.

Подтип может иметь разновидности: подтип А (СПП с ПЧ, вводимой релятивным словом как самостоятельной единицей), подтип Б (СПП с ПЧ, вводимой составными релятивными компонентами «релятивное слово + существительное» или другими разновидностями составных релятивных компонентов).

После этого, если ПЧ относится к какому-либо слову ГЧ, мы, исходя из его принадлежности к определенной части речи, разбиваем подтипы на виды. Причем, если данное слово лексически неполноценно (местоимение, некоторые наречия), то параллельно учитываем его синтаксическую функцию в ГЧ. В зависимости от этого выделяются присубстантивные, приместоименные, принаречные и другие виды.

Следующим шагом будет учет степени спаянности частей СПП и характера отношений между ними, в результате чего выделяются подвиды: одночленная (тесноспаянная) конструкция (подвид 1) и двучленная (слабоспаянная) конструкция (подвид 2).

И, наконец, подразделяем одночленную конструкцию на кор-

реляционную (подвид 1А), бескорреляционную (подвид 1Б) и, поскольку, как мы уточнили, СПП с придаточными условными и временными могут иметь еще полукорреляционную конструкцию, на полукорреляционную (подвид 1В). В плане дифференциального признака «корреляционность» корреляционную конструкцию можно наделить знаком «плюс» (релевантное наличие признака), бескорреляционную — знаком «минус» (релевантное отсутствие признака), а полукорреляционную — знаком «плюс-минус» (т.е. она и корреляционная, и бескорреляционная).

Таким образом, в нашей системе классификации возможны следующие ступени, которые при желании можно легко перевести в систему дифференциальных признаков, тем более, что в большинстве случаев они представляют собой естественную дихотомию. А там, где ее нет, следует прибегать к эвристической дихотомии, как это мы показали на примере последней ступени (корреляционные, бескорреляционные, полукорреляционные):

- 1) тип (в зависимости от основной синтаксической функции ПЧ);
- 2) тип Н или тип С (по разновидности основной функции ПЧ — наполняющей или чистостроевой);
- 3) подтип (в зависимости от конкретного постоянного элемента в составе средств связи);
- 4) подтип А, подтип Б (по употреблению релятивного слова как самостоятельной единицы или же в составе составных релятивных компонентов разного характера);
- 5) вид (разновидности конструкции: присубстантивная, местоименная, принаречная и т.д.);
- 6) подвид (по степени спаянности: одночленная конструкция — подвид 1 и двучленная — подвид 2);
- 7) подвид 1А (корреляционная конструкция), подвид 1Б (бескорреляционная конструкция) и подвид 1В (полукорреляционная конструкция).

Если какая-то ступень представлена несколькими разновидностями, которые мы, следовательно, можем сопоставить, то она, по нашей терминологии, рельефна, или располагает рельефными вариантами. Рельефность ступеней варьируется от типа к типу, от подтипа к подтипу. Эту особенность всегда сохраняет первая ступень, так как всегда существуют и другие типы СПП. В большинстве случаев рельефной бывает и третья ступень, ибо каждый тип, как правило, базируется на нескольких подтипах. Данная клас-

сификация обобщенно отражает сложноподчиненные конструкции.

В панджаби существуют следующие основные типы СПП и их разновидности.

СПП с придаточными определительными является самым распространенным типом. Как показал статистический подсчет, проведенный нами [Смирнов¹, 17], данный тип превосходит по своей распространенности любой иной по меньшей мере в 2,5-3,5 раза и обнаруживается среди всех сложноподчиненных конструкций в 41-42% случаев.

Здесь встречаются конструкции и типа Н, и типа С. Тип Н возможен потому, что согласующе-реляционный падеж позволяет местоимению выступать в ГЧ в качестве определения: *jehṛā ādmī mām-lā nā dewe us dī sārī zamtī nīlām kār dūtī jāndī st* [SS, 15.VIII.1957, 47] 'Вся земля того лица, которое не уплачивало годового налога, продавалась с аукциона' (букв. 'какой человек не уплачивал бы годового налога, того вся земля...'), *31 āgest takk jo rikṣāwā rājīstār nā hoṅṭā ōṇā de cālān śurū kār dūtī jāṅge* [AP, 25.VIII.1953, 17] 'На тех рикш, которые не будут зарегистрированы до 31 августа, начнут оформлять судебные дела' (букв. 'Какие коляски рикш не будут зарегистрированы до 31 августа, тех судебные дела начнут оформлять'). В отношении подтипа первый пример – СПП с ПЧ, вводимой релятивным компонентом на базе постоянного элемента *jehṛā* 'какой', 'который', а второе СПП основывается на постоянном элементе *jo* 'какой', 'который'. Оба СПП подтипа Б, поскольку релятивный компонент составной, представляющий собой релятивное словосочетание *jehṛā ādmī* 'какой человек' или *jo rikṣāwā* 'какие коляски рикш'. По виду это приместоименная конструкция, по подвиду одночленная (подвид 1) и к тому же корреляционная (*jehṛā ādmī—us dī, jo rikṣāwā—ōṇā de*), т.е. подвида 1А.

Благодаря согласующе-реляционному послелогу СПП с определительными ПЧ может иметь и принаречную конструкцию, в которой в качестве формального распространителя – определения выступает уже не местоимение, а наречие. ПЧ здесь также выполняет семантически наполняющую функцию, например: *jīs dāstār vicc oṛphile kām kār dī st, utthō de ikk cārṇāsī dī trīmat āt* [Du, 82] 'Сюда пришла жена рассыльного того учреждения, в котором она (другая женщина) работала ранее' (букв. 'в котором учреждении она работала, тамошнего рассыльного жена пришла').

Однако для данного типа более характерны модели типа С (т.е. СПП с чистостроевыми ПЧ). Все они по виду присубстантивные.

Рассмотрим сначала СПП с ПЧ определительными, включающими постоянный элемент *jo* или *jehṛā* 'какой', 'который', 'кто'.

СПП подтипа А, т.е. те, в которых постоянный элемент употребляется самостоятельно, могут иметь и подвид 1 (тесноспаянные), и подвид 2 (слабоспаянные). В подвиде 1 лексическое содержание определяемого имени требует обязательного раскрытия со стороны ПЧ, и оно лимитируется, индивидуализируется. Поэтому ПЧ вместе с ГЧ образует одночленную конструкцию. Приведем примеры подвида 1: *e'oho tāṛkā hē jis te jarmən de nāzī callde sən* [AP, 6.IX.1952, 17] 'Это как раз такой путь, каким шли немецкие фашисты' (подвид 1А, корреляционный), *hər koṭ [...] kəmm sup səkḥdā hē, jehṛā oññ sabb tō' cəṅgā ləggdā howe* [RK, 26. I. 1960, 27] 'Каждый может [...] выбрать работу, которая ему больше всего нравится' (подвид 1Б, бескорреляционный, тесноспаянный).

В подвиде 2 лексическое содержание существительного, к которому относится ПЧ, не требует обязательного раскрытия. В этом случае ПЧ лишь повествует о дополнительных сведениях, касающихся этого имени, например: *je phəṛnā je tā vəḍḍiā sēṭhā nū phəṛo jīñā sāññ vī lutt khəḍhē* [Gm, 147] 'Если арестовывать, то арестовывайте крупных торговцев, которые пили и нашу кровь', *us ne pəttər likhiā jis de viṣe bāre o'vəḍḍī rāt gət təkḥ socdā rəhiā sī* [Se¹, 317] 'Он написал письмо, над содержанием которого продумал до глубокой ночи'.

СПП подтипа Б часто бывает корреляционным (подвид 1А), как, например: *jehṛā kəmm oñe kəṛnā hundā sī o'kəmm oḍā rəbb kər dindā* [Du, 287] 'Ту работу, которую ему нужно было выполнять, делал за него его бог' (букв. 'какую работу нужно было выполнять ему, ту работу делал его бог'), *jis sāmē giāñ jī giriftār kīte gəe, us sāmē giāñ jī kol nā duāñ sən nā kəṛte te nā biṣṭā sī* [AP, 22.V.1955, 57] 'В то время, когда арестовали г-на Гиани, у него не было ни лекарств, ни одежды, ни постельного белья' (букв. 'в какое время г-н Гиани был арестован, в то время...').

Однако встречается и бескорреляционная разновидность (подвид 1Б), например: *jis roz o'āe sārā dīn bārs hundī rəhī, sārī rāt bārs hundī rəhī* [Du, 34-357] 'Когда они приехали, весь день и всю ночь шел дождь' (букв. 'в какой день они приехали, весь день шел дождь, всю ночь шел дождь').

В панджаби наличествует также и пояснительно-атрибутивный подтип СПП, в котором ПЧ чаще всего вводится союзом *ke* 'что', 'чтобы'. Все конструкции данного подтипа одночленные, так как

определяемый предмет, выраженный в ГЧ, как правило, носит обобщенно-отвлеченный характер и требует обязательного раскрытия со стороны ПЧ, к тому же данные СПП могут быть и корреляционными, например: *sānũ dār hē ke ehã kolõ zamtĩ khussegi bāhutĩ te milēgt ghāt* [KL, XI.1961, 8] 'У нас есть опасения, что у них отберут земли много, а получают они ее мало', *pər prem kujh əjihā əpmoḡ hundā hē ke āpne əgle pəttar vicc vī o'ārṇī e' hī bentī duhṛān tō rāhi nā sākhiā* [Se¹, 34] 'Однако любовь – такая неотвратимость, что он даже в своем следующем письме не мог удержаться от повторения этой же своей просьбы'. Пояснительно-атрибутивный подтип СПП может быть с бессоюзной связью, например: *ohũ sətəjh nā āundī ohũ kī rihā sī* [Du, 39] 'Она не могла понять (букв. ей не приходило понимание), что с ней происходит'.

СПП с ПЧ определительными чистостроевыми могут в качестве средств связи иметь и некоторые наречия, как, например: *te pher o'gharō is šahir vicc dōr āiā jitthe us āpṇī nikktĩ umre hī vəḡār kərnt šurū kər dūtī sī* [Sk, 57] 'Затем он сбежал из дому в этот город, где уже с раннего возраста начал отбывать трудовую повинность', *səpp 1949 vicc jəd mē jālāndhər vicc zamtĩnā dī vərḡ dā kəmt kər rihā sā...* [Pr, 10] 'В 1949 году, когда я производил раздел земли в Джалландаре...'

СПП с ПЧ дополнительными представлены и типом Н, и типом С. Тип Н базируется на приместоименной (местоименно-соотносительной) по виду конструкции и преимущественно корреляционной (подвид 1А), например: *mē jo kujh kərṇā sī o'kər āiā ā* [I, 9] 'То, что мне предстояло сделать, я сделал', *jāpṇī māhīḡīrā nāl jo būṭ, us pūḡ. j duntā jāndī hē* [RK, 26. XI. 1960, 1] 'Весь мир знает то, что произошло с японскими рыбаками'. ПЧ приместоименной конструкции может вводиться и составным релятивным компонентом (подтип Б), например: *jehṛe šabd nāv dī thā varte jāp opā pū rəḡnāv ākhīā jāndā hē* [Mh, 67] 'Те слова, которые используются вместо имени, называют местоимением' (букв. 'какие слова вместо имени используются, их называют местоимениями').

Дополнительная ПЧ может вводиться и союзом *ke*. Это одночленная модель (подвид 1) и чаще всего бескорреляционная (подвид 1Б), относящаяся к типу С (чистостроевая модель), например: *šrim āṭ ne kihā ke mēṇ bhārāt āke khušī hoī hē* [NZ, 13. III. 1962, 1] 'Госпожа заявила, что она ошастливлена своим прибытием в Индию'.

ПЧ, вводимая союзом *ke*, может быть и приместоименной, а

СПП, куда она входит, корреляционным: *pər mē ʿbhullā sã ke* [Se¹, 70-71] 'Но я бывал, что [...] в этом мире до сих пор распространена одна профессия'.

СПП с ПЧ косвенно-дополнительной чаще всего представлено приместоименной, корреляционной конструкцией, в ПЧ которой находится формальный распространитель — местоимение в функции косвенного дополнения, например: *gulām muḥamməd ne jinhā rājsī līḡarā viruddh muḥaddəme vāpəs ləe sən, ohā nū muḥamməd ʿlī viruddh kəmm kərən dī āgiā de dittī gət* [AP, 27.X.1954, 4] 'Тем политическим руководителям, судебные процессы против которых отменил Гулям Мухаммад, дано разрешение выступать против Мухаммада Али' (букв. 'против которых политических руководителей Гулям Мухаммад отменил судебные процессы, им дано разрешение...'), *mē us səbh kujh nū jī ʿāiā ākhda hā jo ʿjihā khətrā dūr kərən vīcc səhāt howe...* [NZ, 1.IV.1962, 1] 'Я приветствую все то (букв. всему тому), что способствовало бы ликвидации такой опасности...'.
СПП с подлежащими ПЧ имеют модели и типа Н, и типа С.

Самыми распространенными среди них являются конструкции с ПЧ, вводимыми союзом *ke*.

СПП типа Н являются приместоименными и чаще всего корреляционными. Приведем примеры на СПП с ПЧ, вводимыми союзом *ke*: *ʿtḥīk he ke ʿnā progāmā nāl lokā nū səḥūlət mildt* [NZ, 13.III.1962, 2] 'Это верно, что данные программы приносят народам облегчение', *ʿnāhī ʿje dəssiā giā kē kədī kehre deš de hən* [AP, 27.VIII.1953, 1] 'До сих пор не сообщили (это, что), подданными какой страны являются эти пленные'.

СПП с ПЧ, вводимыми релятивными местоимениями *jo* и *jehṛā* (подтип А). Это также приместоименная (точнее местоименно-соотнесительная) конструкция: *jinhā supiā, oʿhəss pəe* [PL, II.1955, 9] 'Те, кто услышал, засмеялись' (букв. 'Кто услышал, те засмеялись'), *oho miṭṭhā jehṛā bullhā nāhī diṭṭhā* 'Только то сладко, к чему не прикасались губы'. Ниже даются примеры на корреляционные СПП с ПЧ подлежащими (типа Н), вводимыми относительными словосочетаниями, включающими местоимения *jo* и *jehṛā* (подтип Б): *us səmē ohā lokā dī jehṛī ḥalət sī oʿvərnən nāhī kūtī jā səkkdī* [KL, I.1960, 9] 'В то время у этих людей было такое положение, которое невозможно описать' (букв. '...какое положение было, то не может быть описанным'), *jo khəbrā ʿrəhṭā sən, ʿnt nū oʿtḥīk sabbət*

hoṭāṭhān [AP, 27.X.1954, 3] 'Те сообщения, которые поступали, на-
конец подтвердились' (букв. '...какие сообщения поступали, те...
подтвердились').

Подтип Б представлен также бескорреляционным подвидом
(подвидом 1Б), например: jehṭ fursat hundī ē sāṭ māhimānā te
khārc ho jāndī ē [G³, 34] 'Все то свободное время, какое у меня
есть, уходит на гостей' (букв. 'Какое свободное время у меня
есть, все уходит на гостей').

СПП типа С — это модель с подлежащими и сказуемыми
ми составами, как, например: sāf hē ke bāṅgālī pāṭhiā likhiā [L...]
utte vādhere tek rakkhde rāhe [NZ, 11.III.1962, 2] 'Ясно (букв. ясное
есть), что [они] преимущественно опирались на [L...] бенгальскую
интеллигенцию'. В этом СПП ПЧ, вводимая союзом *ke*, служит под-
лежащим (чистостроевая функция). Но возникает вопрос: как же
может подлежащее, являющееся преимущественно независимым
структурным и согласующим центром предложения, называться
'придаточным', т.е. подчиненным? Однако такое предложение —
особое, единственным назначением которого является функцио-
нирование в качестве подлежащего. Благодаря этому возможно услов-
ное использование термина 'придаточное подлежащее', тем более
что существует вторая разновидность ПЧ, обслуживающая формаль-
ный распространитель — подлежащее ГЧ (т.е. в типе Н), где этой
условности нет. В приведенном СПП отрезок *sāf hē* 'ясное есть'
практически не представляет собой предложения (хотя формально
является зародышем его, сентенсно-конституирующим сочетанием
слов, являющихся сказуемым, т.е. конституирующим членом пред-
ложения). Поскольку, однако, данный отрезок служит сказуемым,
его правильно было бы назвать 'сказуемым составом'
а к тому, что неточно именуется придаточной частью, применить
наименование подлежащий состав (представленный предло-
жением, хотя и специфическим), Примеры: ho sakkdā hē ke [o]...
kātīśān de cedṛen dā dhudā chādḍ deṅge [NZ, 13.III.1962, 1] 'Мо-
жет случиться, что [он].. покинет пост председателя комиссии', dās-
siā jāndā hē ke ikk tabbār cō 6 śāhīd hoe [KL, VII.1960, 3] 'Говорят
(букв. говорится), что в одной семье погибло шесть человек'. Тип
С базируется также на СПП с ПЧ, вводимой местоимением *jo* или
jehṭā, например: jo admī nū āp nū tā bhāwē pāṭī nāhī hundā, dūjiā nū
jhāṭṭ diss penda hē [Se¹, 66] 'То, что для [одного] человека (хотя и)
бывает неощутимым, для других сразу же становится явным'. Су-
ществует и модель с бессоюзной связью, например: sacc hē, k-

mānde khānde nū dunīā piār kerdī he [Se¹, 48] 'Действительно, все любят труженика, живущего за свой счет'.

СПП со сказуемостными ПЧ чаще всего встречается в виде корреляционных, приместоименных моделей, в которых местоимение – сигнализатор корреляции – является предикативом ГЧ. Приведем примеры на СПП с ПЧ, вводимыми *jo*: *e' kəmt əjiḥā he jis nū... chetī tō chetī nepre cārhnā cāhīdā he* [KL, 1.1960, 6] 'Это вопрос такой, который нужно быстро решить...', *kiriā dā vācən, lingg te purakkh oho hundā he jo kərtā dā* [Kartar², 144] 'У сказуемого то же число, род и лицо, что и у подлежащего'.

В корреляционных СПП сказуемостная ПЧ может вводиться и союзом *ke*: *ikk gəll sāf he, o'e'ke səbh kucch vāzārātī jəpphe nū məz-būt kərən lāt kītā jā rihā he* [NZ, 13.II.1962, 2] 'Одно ясно, и это то (букв. это), что все делается для усиления государственных органов'.

Нам встрети́лась своеобразная бескорреляционная одночленная конструкция, в которой ПЧ, вводимая союзом *ke*, выступает в чистостроевой функции предикатива: *te sobhā socdī hāe kite bārs ho jāe! pər bārs sī ke hoṇ əndər nəhī sī āndī* [Du, 32] 'Собха подумала: «Хоть бы пошел дождь!» Но дождь не шел' (букв. но дождь был, что в существование не приходил)'.

СПП с ПЧ времени часто обнаруживаются в виде моделей с ПЧ в чистостроевой функции (тип С). Средством связи нередко служат релятивные наречия, особенно *jəd* 'когда' и его разновидности, например: *pəṇḍət jī jəd de yūrəp de... deśā dā dīpā kərke āe sən, ap de dil vicc ikk əgg jəhī məc rəhī sī* [Jh, 38] 'С тех пор как Пандат вернулся из поездки по... странам Европы, в его сердце пылал огонь', *jəd təkk ləmp nā dewē mēnū, tēnū nəhī mē kəddhṇā bāhr* [J, 10, 11] 'До тех пор пока не отдашь мне лампу, я тебя не выпущу'.

Встречаются и корреляционные модели (типа Н): *jəd təkk bāhr nā kəddhē mēnū, təd təkk ləmp nā deṇā tēnū* [J, 11] 'До тех пор пока не выпустишь меня наружу, я не отдам тебе лампу', *jiwē hī pākistān vāllō kuh hor mittartā dəsst gət, tā təlakkhī vāle māmlīā de nīpāre lāt sājhi dīfəns kəmetī bəṇāt jāwegē* [AP, 27.VIII.1953] 'Как только со стороны Пакистана будет проявлено больше дружелюбия, то (букв. тогда) для разрешения спорных вопросов будет создан объединенный комитет обороны'.

Оба примера представляют собой СПП с принаречной ПЧ времени.

Наличествуют и модели с ПЧ, вводимой релятивным словосочетанием (подтипа Б), например: *jītnā cīr mətīz ṭhīk nā ho jāwe, us*

nī chārīā nā jāwe [Du, 68] 'Пока больной не поправится (букв. какой период больной не поправится...), его не следует беспокоить'.

Разновидностью СПП с ПЧ времени являются СПП с ПЧ, вводимой союзом *ke* и выражающей через свое сказуемое действие, внезапно и неожиданно следующее за действием ГЧ, например: *o' kətre viss vārīā hī sī ke kəmrā coṇ ləgg piā* [Am, 41] 'Едва он вошел в комнату, как потолок (букв. комната) стал протекать', *misəz rām sərən dās ne odrō tēlīfūn rakkhiā... ke tēlīfūn pher vājñā śurū ho giā* [Du, 162] 'Едва госпожа Рам Саран Дас положила трубку, как телефон опять зазвонил'.

Среди СПП с временными ПЧ встречается и полукорреляционная конструкция. Она характеризуется тем, что в ГЧ содержится сигнализатор корреляции (*tā* 'тогда'), а наполняющая ПЧ лишена релятивного компонента. Иначе говоря, только одна часть СПП имеет корреляционный компонент. Исходя от сигнализатора корреляции, сигнал направляется из ГЧ в ПЧ, но непосредственного отклика не получает (релятивно глохнет). Однако отсутствие ответной корреляционной реакции компенсируется реляцией ПЧ к ГЧ, ибо неполнота коммуникативного содержания ПЧ отправляет нас к ГЧ. Это нередко подкрепляется формами сказуемого ПЧ (сослагательное наклонение). Примеры: *jel hākmā ne is bāre picch gicch kītī, tā jāwālā singh jī ne kihā* [NZ, 1.IV.1962, 2] 'Когда начальство тюрьмы провело расследование (букв. тогда) Джавала Сингх сказал', *dhurrā cəṛh āā, tā kite o' heṭh āī* [Du, 135] 'Когда взошло солнце, лишь тогда она сошла вниз'.

СПП с придаточными места можно проиллюстрировать примером корреляционной принаречной конструкции с ПЧ, вводимыми релятивным наречием *jītthe* 'где' и релятивной парой: *jis vāk viss yojək lupt howe, utthe bhī kāmā hī vārtīā jāndā he* [Mh, 240]. 'В предложении, в котором опущен союз, также используется запятая' (букв. 'В каком предложении союз опущен, там также как раз запятая используется'); *jītthe o' rəhindā he utthe koī tālā nāhī hundā* [C] 'Где он живет, там нет пруда'.

СПП с условными ПЧ можно подразделить на СПП с ПЧ, выражающими реальное условие, и на СПП с ПЧ, выражающими нереальное условие. ПЧ обеих разновидностей вводится союзом *je* 'если' (реже *jekar*).

Первую разновидность можно проиллюстрировать корреляционными принаречными СПП: *je tuhāñī dobārā eho jihā nuksān ho giā,*

te *tusť dīwālīe ho jāoge* [Jw, 210] 'Если Вы потерпите такой убыток второй раз, то станете банкротом', je *kadt̃ tusť kujh mull̃ ghāṭṭ̃ kār deo, tā mē e'ghar̃t̃ khar̃t̃d̃ sakkdā hā* [Am, 115] 'Если (букв. только) Вы снизите немного цену, тогда я смогу купить эти часы', je *tusť oāt̃ sāhāitā nāhī̃ kāroge, tā o'sāphal̃ nāhī̃ howegā* [Am, 23] 'Если Вы ему не поможете, он не будет иметь успеха'. Среди СПП с ПЧ, выражающими реальное условие, встречается и полукорреляционная конструкция, как, например: *ho sākke, tā...is sāl vī koť t̃rēkt̃ prā-kāṣat̃ kītā jāwe* [NZ, 11.III.1962, 5] 'Если/будет возможно, то (букв. тогда)...в этом году издадут и брошюру', *huq̃ utte likhe vāk nū̃ p̃ar̃hīte, tā̃ p̃atā̃ jāndā hē ke...* [Mh, 156] 'Если/теперь прочитать вышеприведенное предложение, то станет ясно, что...'.
 СПП с ПЧ, выражающими нереальное условие, могут быть и корреляционными, и бескорреляционными, например: je *mē̃ tēlū̃ lēmp̃ dā bhed̃ dāss̃ chēddā, tā̃ e'kām̃ nāhī̃ sī̃ hoṇā* [J, 33] 'Если бы я тебе сказал о тайне лампы, 'этого бы, видимо, не случилось', je *o'āygrez̃ vīss̃ kām̃zor̃ nā̃ hundā̃ oṇū̃ fāst̃ dīwīzēñ mil̃ jānī̃ sī̃* [Jw, 240] 'Если бы он не отставал в английском, то сдал бы экзамены по первой категории'.

СПП с ПЧ уступительными чаще всего в качестве средств связи имеют союз *bhāwē* 'хотя', 'как бы'. В ГЧ таких СПП могут иногда использоваться слова *tā̃ vī̃* 'тем не менее' или *p̃ar̃* 'но', 'однако'. Примеры: *bhāwē̃ o'mih̃n̄t̃ kārē nā̃ kārē o'sāphal̃ nāhī̃ howegā* [Am, 45] 'Трудится ли он или нет, он все равно не добьется успеха', *rigved̃ dī̃ bhāṣā̃ nū̃ bhāwē̃ sāhittāk̃ kāhīā̃ jāndā̃ hē, tā̃ vī̃ ar̃tā̃ dī̃ bol̃ cāl̃ dī̃ bhāṣā̃ tō̃ o'bāhūt̃ vāk̃khr̃t̃ nāhī̃ howegī̃* [Ar², 5] 'Хотя языки Ригведы называют литературным, тем не менее он, пожалуй, не отличается сильно от разговорного языка ариев', *sānskrit̃ bhāwē̃ sāhittāk̃ bhāṣā̃ sī̃ p̃ar̃ us̃ dā̃ dāirā̃ oṇā̃ sīm̄t̃ nāhī̃ sī̃ jinnā̃ kẽ āksar̃ sām̄jhīā̃ jāndā̃ hē* [Ar², 6] 'Хотя санскрит был литературным языком, но его сфера не была настолько ограниченной, насколько часто полагают'.

Уступительные ПЧ могут также вводиться союзами *hālāṅke* 'несмотря на то что' и *cāhe* 'хотя': *oṇī̃ dīnī̃ kewal̃ ohõ mēnū̃ bāl̃ sām̄jh̃ kẽ jāt̃lāīā̃ kār̄dī̃ sī̃ kẽ mē̃ bāl̃ hā̃, hālāṅkẽ bībī̃ jī̃ hār̃ velẽ mēnū̃ kār̄pẽ gāndẽ tẽ mē̃ lẽ kār̄an̄ tẽ jhī̃rkdẽ hoẽ kīhā̃ kār̄dẽ s̄an...* [De, 12] 'В те дни лишь она одна считала меня ребенком и заявляла, что я ребенок, несмотря на то, что каждый раз, как я пачкал одежду, мама, упрекая, говорила...', *e' zārūī̃ hē̃ kẽ o'p̄asmāndā̃ jāīā̃ dī̃, cāhẽ o' kīsẽ vī̃ m̄azh̄ab̄ nāl̃ s̄amb̄andh̄ r̄akk̄h̄dīā̃ h̄an̄, hāl̄et̃ sudh̄arẽ* [AP,

23.VIII.1953/ 'Нужно, чтобы он улучшил положение низших каст вне зависимости от их принадлежности к любой религии (букв. к какой бы религии они ни принадлежали)'. Разновидностью данного типа СПП является СПП с условно-уступительной ПЧ, как, например: *je am lokt samskrit bolde nahĩ san, tã us nũ sãtãjh zãtũr lãnde san* [Ar², 7/ 'Если народ не говорил на санскрите, то понимал его наверняка'.

СПП с ПЧ причины. ПЧ таких СПП чаще всего вводятся союзом *ke*, как, например: *es jhãtĩ dã epne visthãr nãl zikar mẽ tã kĩtã he, ke eho jey milvartan, eho jey maryaãdã, eho jey sãntĩ sadẽ sare dẽlĩ-gešẽn dã prabhãv sũ...* [PL, XII.1954, 4/ 'Я упомянул об этом осмотре так подробно, потому что вся наша делегация оказалась под впечатлением такого сотрудничества, таких нравов и такого спокойствия...'.
СПП с придаточными цели. ПЧ в этом типе СПП чаще всего так-

же вводится тем же союзом *ke*: *mẽ arpe des tũ fãrãggĩ badšãhĩ utth jãntĩ mãggdã sã ke mere puttãr nũ o' fĩkrã nã rãhna rãwe* [Gb³, 15/ 'Я желал ликвидации английского господства в своей стране с тем, чтобы моему сыну не пришлось изучать ту фразу'.

СПП с придаточными сравнения чаще всего бывают бескорреляционными и ПЧ выступает в чистостроевой функции специфического обстоятельства-сравнения. Преимущественно она вводится сравнительным союзом *jiwẽ* 'будто', 'словно' ('как'), например: *jiwẽ onã dã is gãll dã šok mur jãg piã hundã he, o'kursĩ tũ utth ke ikk lãbh nũ nikkãl gãe* [Se¹, 73/ 'Словно у него из-за этого опять появилось горе, он поднялся со стула и удалился в сторону', *o'hãhuke bhãrdĩ mãggãl siggh nũ cãmbãr gãt, jiwẽ mĩh jhãkkhãr dã mãriã pãncĩt arpe ãlhne vicc ã diggdã he* [Se¹, 85/ 'Она, вздыхая, припала к Мангалю Сингху [так], как (букв. как будто) истощенная дождем и бурей птица падает в свое гнездо'.

СПП с ПЧ со смешанными чертами образа действия и сравнения. ПЧ в таких СПП имеют гибридные черты потому, что, с одной стороны, в ПЧ наличествует сигнализатор корреляции – формальный распространитель, выраженный наречиями-синонимами *eð*, *owẽ* или *iñj* 'так' со значением и функцией обстоятельства образа действия, и поэтому ПЧ, наполняящая его семантическим содержанием, является ПЧ образа действия, а, с другой стороны, эта ПЧ имеет ярко выраженную сравнительную семантику и поэтому одновременно является сравнительной, например: *soutãt nãjãwãn eð anubhãv kãr rãhe san jiwẽ kite o'arpe hĩ deš vicc beñhe hunde hãn*

[NZ, 18.XII.1960, 6] 'Советская молодежь чувствовала себя так,
 будто она находится у себя на Родине', *asĩ m əzdūrā nũ səmbodhən*
kər rəhe hā ɛn owē, jiwē asĩ əgge kītā sī [D] 'Мы обращаемся к ра-
 бочим точно так же, как и раньше (букв. делали)', *mənũ in̄j məhisūs*
hoiā jiwē o'pher merĩ duntā nũ dhān te tul gəĩ howe [De, 38-39] 'У ме-
 ня было такое ощущение, как будто она опять собиралась разрушить
 мой мир [иллюзий]', *o'mere kolō dī in̄j ləggh giā māno o'menũ jāndā*
hĩ nəhĩ hundā [Gb-3] 'Он прошел около меня так, словно вовсе меня
 не знает'.

СПП с придаточными образа действия бывают и корреляционными,
 и бескорреляционными. Первые из них могут иметь ПЧ, вводи-
 мые релятивным наречием *jiwē* 'как' и союзом *ke* 'что', например:
jiwe bolo, iwe likho [NZ, 1.X.1962, 1] 'Как говорите, так и пиши-
 те', *kəĩ vārt̃ əjihā hoiā ke sādā rāh khətriā nāl bhərpūr hundā sī* [Jh,
 13] 'Несколько раз бывало так, что наш путь был полностью пре-
 гражден опасностями'. В первом СПП ПЧ носит не сравнительный
 характер, а образа действия: *jiwē bolo* 'как говорят', а во втором
 слово *əjihā* в ГЧ выполняет адвербиальную функцию (обстоятельст-
 ва образа действия), поскольку, как это проверено нами на носите-
 лях, вместо него можно подставить трансформу-наречие *iwē, iddā*
 'так' или обстоятельственный оборот *is tārā* 'так', 'таким обра-
 зом'. Поэтому ПЧ, вводимая *ke*, также является ПЧ образа дейст-
 вия. СПП может быть и двучленным, бескорреляционным с ПЧ, не-
 сущим чистостроевую функцию обстоятельства образа действия:
rər jiwē ke rəñjābīā dā subhā hē, o'səbh nũ āpṇā əgg bəṇā lende hən
 [Ar², 43] 'Согласно своему нраву панджабцы всех превращают в
 своих [близких] друзей (букв. 'но как нрав панджабцев есть, бни...)' .

СПП с ПЧ меры и степени. В этих СПП ПЧ либо выполняет на-
 полняющую функцию по отношению к формальному распространите-
 лю ГЧ — обстоятельству меры и степени, либо само выступает в
 функции последнего. Сначала приведем примеры на корреляционные
 СПП с ПЧ, вводимыми союзом *ke*. Часто в ГЧ таких моделей в ка-
 честве обстоятельства меры и степени к предикативу-прилагатель-
 ному выступает местоимение *itnā(innā)* 'столь многий' в адвер-
 биальной функции: *rər jəgət singh te bije singh itne cəṭər nəhĩ sən*
ke o'is tərḥā kənnūn nũ āpṇe hitā ənusār bədālvā səkkde [Se², 39]
 'Но Джагат Сингх и Биджей Сингх не были столь ловкими, чтобы
 добиться изменения закона в свою пользу', *mere vicār vicc sətāj*
nũ nindənyog hoṇ ləṭ itnā kəmzər hoṇ dī lōṇ nəhĩ ke is dī deh utte
məggte jūā vākər kurbəl kurbəl kərde phirən [Se¹, 9] 'По-моему, что-

‘бы заслужить осуждение обществу нет необходимости быть настолько бедным (букв. слабым), чтобы нищие кишмя кишели на его теле, как насекомые’.

Формальный распространитель может относиться обстоятельству в ГЧ таких СПП и к чисто глагольному сказуемому, детерминируя действие, например: *pāthākā dī dīlcāspī bhī nāwē des bāre enī vādht hoī hē ke o'ikko nāzār utte sāmuccī tāsūt dekhṇā cāhunge* /PL, XII.1954, 37/ ‘Интерес читателей к новой стране также возрос настолько, что они, видимо, хотели бы лишь одним взором окинуть всю картину’.

В СПП данного типа ПЧ может выполнять и чистостроевую функцию. В этом случае средством связи часто служит релятивное местоимение *jinnā (jīnā)* ‘сколько многих’ в адвербиальной функции или релятивный компонент, включающий такое местоимение в качестве релятивного оформителя: *pūrāb te pācchāt ikk dūje de jīnā śāddā vīcc sāmabhāv sī nege ā gae* /Se¹, 33/ ‘Насколько это было возможно на словах, Восток и Запад сблизились один с другим’, *nikke vādḍe sāre kāmācāṭā ne us nū jinnā dā laggā coīā sī* /PL, I.1957, 70/ ‘Все чиновники от маленького до большого «доили» его, насколько им удавалось (букв. сколько ловкости приходило)’.

Нам также встретилось СПП с ПЧ со смешанными чертами меры и степени и сравнения, поскольку в его ГЧ наличествует формальный распространитель – обстоятельство меры и степени, а ПЧ, относящаяся к нему, имеет ярко выраженную сравнительную семантику: *melā innā bhāriā hoīā sī jāṇo sārī dunnā utḍā āī howe* /Gb-3/ ‘На празднество пришло так много народа, словно весь мир устремился сюда’.

СПП с придаточными постепенного параллельного действия. Это такие СПП, в которых ПЧ выражает постепенное протяженное действие, параллельное такому же действию ГЧ. ГЧ вводится составным релятивным наречием (повтором) *jeḍ jeḍ* букв. ‘насколько постепенно’. В случае корреляционной разновидности СПП в его ГЧ содержится также составной сигнализатор корреляции (повтор) *teḍ teḍ* букв. ‘настолько постепенно’, например: *jeḍ jeḍ vādht sādḍo teḍ teḍ jiwē pāthār hundī jāndī* /Du, 64/ ‘По мере того как Саддо росла, она словно превращалась в камень’ (букв. ‘насколько постепенно Саддо росла, настолько постепенно... становилась’), *jeḍ jeḍ bhijje kāmblī, teḍ teḍ bhārī hoe* /Mh, 285/ ‘Насколько (букв. постепенно) промокало одеяло, настолько (букв. постепенно) оно

становилось тяжелее'. СПП данного типа может быть и бескорреляционным, например: *jeō jeō dāktar vekhdī odt herānt hor hor vādhdt* [Дц, 88] 'По мере того как доктор осматривал/ея, ее удивление все больше возрастало' (букв. 'как постепенно доктор осматривал/ея, ее удивление все возрастало').

Мы не останавливались специально на вопросе порядка расположения по отношению друг к другу частей СПП, но в общем плане здесь могут быть три разновидности, что видно из всех приведенных выше иллюстраций: 1) ГЧ — ПЧ, 2) ПЧ — ГЧ и 3) ПЧ в структурной ткани ГЧ.

На этом мы завершаем рассмотрение грамматики панджаби. Мы старались осветить языковые факты и проблемы панджаби не только систематизированно, но и, насколько позволяли нам собранный материал и объем монографии, подробно. Нам представляется, что некоторые вопросы, разработанные в грамматике, никогда еще не исследовались. Они оказываются, по нашему мнению, существенными не только применительно к новоиндийским языкам, но и к языкам иных типологических систем, следовательно, имеют большое значение для теории языкознания. Но это не означает, что мы претендуем на исчерпывающее рассмотрение всех вопросов. Мы только приветствовали бы попытки внести дополнения на основе исследования и привлечения новых материалов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Сокращения использованных источников и привлеченных информантов

- A - Jagjīt Singh Anand, 'Nawī dhartī nawē siār, Prit Nāgar, 1961.
- Am - Anmol English Guide, Lahore Kitab Ghar, Jullundur, Amritsar, 1963.
- Ar - Harjīt Arorā - девушка из г. Амритсара.
- Ar² - Arun V.B., Pāñjabī bhāṣā dā itihās, Pāñjabī sāhitt akāḍamī, Ludhiānā, 1956.
- As - Dharam Singh, 'āsī', Misal, «Prit larī», I, 1957.
- B - Salīg Ram Bajaj, English Teacher, Mool Chand and Sons, Delhi.
- Ba - Bīrang Jogindar Singh, Āṣā - nirāṣā, Jalandhar, 1962.
- Bi - Bhāī, Bīṣan Dās Purī, Pāñjabī śabd bhaṇḍār, Panjabi Dictionary, Lahaur, 1922.
- Bo - Pāñjabī bodh, Bhāṣā Vibhāg, Paṭiālā, Pāñjab.
- Bs - Śrī 'Subhāś Candar Bos, Sital sāhitt bhawan, 'Amritsar, 1955.
- C - Cannan Singh - носитель диалекта доаби, почтовый работник (сначала в г. Нангале, а затем в г. Дасуа); образование среднее.
- Ca - Dunt Candar, Pāñjabī bhāṣā dā viākaraṇ, Candigarh, 1964.
- Ch - Che sowīat kahāṭiā, Nawī Dillī, 1963.
- Cm - Sardārā Cimā Singh из г. Джалландара, образование среднее.
- D - Darśan Singh из Дели, журналист, переводчик с английского на панджаби, образование высшее.
- Da¹ - Mohan Singh Dewānā, 'Rang Tamāshe, 'Amritsar, 1951.
- Da² - Mohan Singh Dewānā, 'Parandī, 'Amritsar, 1955.
- De - Dewindar, 'Do kināre, Nawī Dillī, 1957.

- Dh — Dhanvant Singh, Kriṣan Candar jī, Amritsar, 1957.
- Du — Kartār Singh Duggal, Nawā admī, Sikh publiśing hāus limitid, Nawī Dillī te Amritsar.
- G¹ — Gārgī Balvant, Māsko dī kurī, — «Prit laṛī», 1, 1957.
- G² — Gārgī Balvant, Picchal parī, — «Jan sāhitt», satambar-aktūbar, 1965.
- G³ — Gārgī Balvant, 'Do pāsse te hor ikāngī, Amritsar, 1954.
- Gb¹ — Gurbakhś Singh, Anviāy mā, Prit nagar, 1958.
- Gb² — Gurbakhś Singh, Śabnam, Amritsar, 1958.
- Gb³ — Gurbakhś Singh, Zindagī dī rās, Amritsar, 1959.
- Gb⁴ — Gurbakhś Singh, Bhūā Barkate, — «Prit laṛī», 1, 1957.
- Gb-3 — Gurbakhś Singh из г. Амритсара, журналист, переводчик с английского на панджаби, образование высшее, филологическое.
- Gd — Gurdial Singh Khoslā, Satāhrvā patī, — «Jan sāhitt», 'satambar-aktūbar, 1965.
- Gm — Gurmukh Singh Jīt, Kālē admī, Nawī Dillī, 1956.
- H — Harbajan Singh из г. Джаландара, студент университета им. Пумумбы, в 1969 г. ему было 20 лет.
- Hc — Harcaran Singh, Kāyā kalap, — «Jan sāhitt», satambar-aktūbar, 1965.
- I — Iśvar Candar Nandā, Sukhrās, — «Jan sāhitt», 'satambar-aktūbar, 1965.
- J — Jādū dā lēmp, Sital sāhitt bhawan, Amritsar, 1953.
- Ja — Jasvant Singh Kāwal, Hānī, Delhi, 1957.
- Jh — Paṇḍat Jawāhar Lāl Nahirū, Sital sāhitt bhawan, Amritsar, 1954.
- Js — J.B. Singh, Gurmukhī lippī dā janam te vikās, Amritsar, 1950.
- Jw — Jiwan English-Panjabi Teacher, Bazar Mai Sewan, Amritsar.
- M — Narindar Singh, Mazdūr, Amritsar, 1942.
- Mah — Mahitāb Singh Giānī, Pañjābī viākaran, Amritsar, 1952.
- Mh — Mohan Singh Mān, Śromṇī maitrakuleśan pañjābī viākaran, Jalandhar, 1954.
- Mh² — Mohan Singh Mān, Śromṇī Matric Pañjābī Guide, Jullundur-Delhi, 1961.
- Mr — Tāran Singh, Pañjābī muhāvra koś, Candigarh, 1964.
- N — Avtar Singh Nagī — житель г. Нангала в 1966 г., инженер.
- Na¹ — Nānak Singh, Bī e pās, Amritsar, 1964.
- Na² — Nānak Singh, Dūr kinārā, Amritsar, 1960.

- Nr - Narindarpāl Singh, Panmā ke masiā, Jalandhar, 1964.
- Nw - Newton E.P., Panjabi Grammar, Languages Department, Patiala, 1961.
- p¹ - Panjābī koṣ, jild pahilī, Mahikmā pañjābī, Paṭiālā, 1955.
- p² - Panjābī koṣ, jild dūjī, P'āśā vip'āg, Paṭiālā, 1962.
- p³ - Panjābī koṣ, jild tījī, P'āśā vip'āg, Paṭiālā, 1967.
- Pr - Prīt kahāṇiā, Jalandhar, 1957.
- Pu - Puādhi śabad koṣ, P'āśā vip'āg, Paṭiālā, 1960.
- R - И.С. Рабинович и И.Д. Серебряков, Панджабско-русский словарь, М., 1961.
- S - Oxford English-Panjabi Teacher, Sadī Lāl Sacdev and san, Amritsar.
- Sa - Panjāb vice silāṇiā Tay sahūltā, Candīgarh, 1965.
- Se¹ - Sant Singh Sekhō, Addī vat, Lāhaur buk śāp, Ludhiānā, 1958.
- Se² - Sant Singh Sekhō, Lāhū mittī, Ludhiānā, 1958.
- Sew - Sewā jī marhattā, Sītal sāhitt bhawan, Amritsar, 1957.
- Sh - Śrī gurū granth sāhib jī, Amritsar, 1957.
- Sha - Subhāś Candar Mahājan из г. Амритсара, окончил одиннадцатилетку в г. Амритсаре, в 1966 г. Ему исполнился 21 год.
- Sk - Sukhbīr, Ikk dubbda carhdā sūraj, Prīt laṇī, I, 1957.
- Sn - Svan English Guide, Jullundur, Delhi, 1965.
- Sr - Śarmā - инженер гидроэлектростанции Бхакра.
- T - Talvār - инженер гидроэлектростанции Бхакра, в 1966 г. ему было примерно 35 лет.
- Ta - Tapiā keō khāpiā, Ludhiānā, 1950.
- Tj - Teja Singh, Anglo-Panjabi Dictionary, Ludhiana, 1964.
- Tr - Trilochan Kaur из Дели, образование среднее.
- U - Ujjal Singh - бывший губернатор Панджаба, речь на объединенной сессии Законодательного и Учредительного собраний 14 февраля 1966 г.
- Y - Yādgārī granth, Bhākra Nangal bijli-ghar, Paṭiālā.
- A - «Ajīṭ», Jullundur (газ.)
- AP - «Akālī pattrikā», Jullundur (газ.)
- KL - «Kisān Lahir», Jullundur (журн.)
- NZ - «Nawā zamānā», Jullundur (газ.)
- PD - «Pañjābī dunīā» (журн.)
- PL - «Prīt laṇī», Preet Nagar (журн.)

- RK — «Rozānā khalsā sewak», Nawī Dillī (газ.)
 Sah — «Sāhitt-samācār», Ludhiānā (журн.)
 SS — «Sēnik samācār», Nawī Dillī (журн.)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ахманова — Ахманова О.С., Словарь лингвистических терминов, М., 1966.
- Галкина-Федорук — Современный русский язык, часть II, под ред. проф. Е.М. Галкиной-Федорук, М., 1964.
- Жирмунский — Жирмунский В.М., Об аналитических конструкциях, — сб. «Аналитические конструкции в языках различных типов», М., 1965.
- Курилович — Курилович Е.К., Очерки по лингвистике, М., 1962.
- Панов — М.В. Панов, Русская фонетика, М., 1967.
- Панфилов — Панфилов В.З., Грамматика и логика, М., 1963.
- Реформ. — Реформатский А.А., Введение в языкознание, изд. 4, М., 1967.
- Смирнов¹ — (Смирнов Ю.А.) Smirnov U.A., The Composite Sentence (Compound and Complex Sentences) Main Problems, Panjab University, Chandigarh, 1966.
- Смирнов² — Смирнов Ю.А., Сложноподчиненное предложение с придаточными подлежащими в панджаби, — сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964.
- Смирнов³ — Смирнов Ю.А., Сложноподчиненное предложение с придаточными определительными в панджаби, — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 39, 1963.
- Смирнов⁴ — Смирнов Ю.А., Некоторые подтипы сложноподчиненного предложения с придаточными определительными в панджаби, — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 68, 1963.
- Смирнов⁵ — Смирнов Ю.А., Категории полупассива и иррегулярного пассива в языке панджаби, — «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 г.», М., 1968.
- Смирнов⁶ — (Смирнов Ю.А.) Smirnov U.A., Pañjābī me miśravākyagathan aur mukhya upvākya kā ek aṅg - Nagarīpracārīṇī patrika, Sanvat 2018, aṅk 2-3-4.
- Смирнов⁷ — Смирнов Ю.А., Язык ленди, М., 1970.
- Смирнов⁸ — Смирнов Ю.А., Обнаружение четвертого тона в языке панджаби и фарингализованного характера другого, извест-

ного тона, — «Ученые записки Московского государственного института международных отношений». Вопросы языка и литературы, вып. 7. Индийские языки, М., 1971.

Смирнов⁹ — (Смирнов Ю.А.) Smirnov U.A., The Lahndi Language, Moscow, 1975.

Смирнов¹⁰ — (Смирнов Ю.А.) Smirnov U.A., Discovery of One More Tone in Punjabi and of Pharyngealization of the Known Falling Tone, — «Parkh», vol. XI. Panjab University, Chondigarh (India), 1973.

Смирнов¹¹ — Смирнов Ю.А., Основные грамматические черты языка догри, — «Народы Азии и Африки», № 2, 1975.

Смирнов¹² — Смирнов Ю.А., Движение за образование штата Индии на основе языка панджаби, — сб. «Социолингвистические проблемы развивающихся стран», М., 1975.

Суник — Суник О.П., О понятиях «аналитическая форма слова и аналитический строй языка», — сб. «Аналитические конструкции в языках различных типов», М., 1965.

Храковский — Храковский В.С., Аналитические конструкция, словоформа, слово, — сб. АКЯРТ, М., 1965.

Якобсон Р., Фант Г.М., Халле М., Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты, — «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962.

Arun¹ — Arun V.B. A Comparative Phonology of Hindi and Panjabi, Hoshiarpur, 1961.

Arun² — Arun V.B., Pañjābī bhāṣā dā itihās, Ludhiānā, 1956.

Bacan — Bacan Singh, Sundar pañjābī viākaraṇ, Dillī, 1964.

Bahl — Bahl K.C., Tones in Panjabi, — «Indian Linguistics», 1957, vol. 17.

Bailey — Bailey T.G., A Panjabi Phonetic Reader, London, 1914.

Candar — Duni Candar, 'Pañjābī bhāṣā dā viākaraṇ, Candīgarh, 1964.

Gill — Gill H.S. and Gleason H.A., A Reference Grammar of Panjabi, Hartford, 1963.

Grierson¹ — Grierson G.A., Linguistic Survey of India, vol. VIII, pt I, Calcutta, 1919.

Grierson² — Grierson G.A., Linguistic Survey of India, vol. IX, pt I, Calcutta, 1916.

Gurbakhš-2 — Gurbakhš Singh, An Analysis of Panjabi Vowels, — «Parkh», № 1, Chandigarh, 1964.

Gurbakhš-2¹ — Gurbakhš Singh, An Analysis of Duration and

- Intensity of Panjabi Consonants, - «Parkh» № 1, Chandigarh, 1966.
- Jaul - Jauhal, Mohan Singh, Yūnīvarsitī pañjābī viākaraṇ te lekha-racnā, Jalandhar, Dillī, Ambālā, 1965.
- Kartar¹ - Kartār Singh, Pañjābī viākaraṇ, Bhāg 3, Ludhiānā, 1940.
- Kartar² - Kartār Singh, Pañjābī viākaraṇ te likhat racnā, Ludhiānā, 1957.
- Lal - Giānī Lāl Singh, Maitrik viākaraṇ te convē pañjābī lekha, Jalandhar - Dillī.
- Mohan - Mohan Singh Mān, Śromnī maitrakuleśaṇ pañjābī viākaraṇ, Jalandhar, 1954.
- Narendar - Narendar Dhīr, Maī dhartī pañjāb kī, Ludhiānā, 1955.
- Nath - Shiv Nath, The Dogri Language and Literature, Dogri Sanstha, Jammu, 1969.
- Newton - Newton E.P., Panjabi Grammar, Languages Department, Patiala, 1961.
- Piara - Piārā Singh Gill, Prāmāṇik pañjābī viākaraṇ, Jalandhar, 1962.
- Sandhu¹ - Balbir Singh Sandhu, A Descriptive Grammar of Puadi, - «Parkh» № 11, Chandigarh, 1968.
- Sandhu² - Balbir Singh Sandhu, The Tonal System of the Panjabi Language, - «Parkh», № 11, Chandigarh, 1968.
- Shankar - Gauri Shankar, 'Some Aspects of Dogri Linguistics, - «Parkh», N 1, Chandigarh, 1965.

СПИСОК ТЕРМИНОВ, ВВЕДЕННЫХ АВТОРОМ*

Автосема
Адъективно-приравнивающая функция (частиц)
Адъективно-приравнивающая морфа
Аналитический герундий
Аналитическое прилагательное
Аналитическое причастие
Аналитическое существительное
Апеллятивные междометия
Атрибутивно-замыкающие определения
Бескорреляционные СПП
Большая (общая) парадигма глагола
Будущее неполносистемное.
Буквенно-слоговой и тоно-обозначающий алфавит
Вербально-местоименные частицы
Взаимодействие (тип связи слов)
Взаимоподчинительная связь (взаимодействие)
Взаимопроникающие реляции
Вид действия на грани начинания
Вид развития действия
Вид состояния
Виды СПП
Вторичный аблативный падеж (вторичный аблатив)
Вторичный инструментальный падеж
Герундий I
Герундий II
Герундивно-модальное причастие (ГМП)
Гибридные виды
Грамматическая ущербность
Деепричастие причастного происхождения

* Часть этих терминов была уже предложена автором в его ранее вышедших работах.

Дополнительная субморфа
Допустительно-сослагательное наклонение
Исходная глагольная форма (ИГФ)
Категориальный тоновый аллофон
Каузативный залог второй степени
Каузативный (побудительный) залог первой степени
Квалитативно-констатирующее сказуемое
Квалитативно-наделяющее сказуемое
Квалитативное прямое дополнение
Квалитативно-предикативный член предложения
Комплектирующий элемент
Конкретно-обстоятельственные падежи
Конкретно-процессный вид
Коррелятивная пара
Коррелятивное словосочетание
Коррелятивно-спорный элемент
Коррелятивный компонент
Коррелятивное местоимение
Коррелятивный центр корреляции СПП
Корреляционная конструкция
Корреляционный компонент
Корреляционный тип отношений
Косвенно-дополнительная придаточная часть
Косвенно-объектное обстоятельство
Косвенно-объектный падеж
Кратчайшее подлежащно-выборочное согласование
Кратчайшее согласование определения
Кратчайшее эргативно-объектно-выборочное согласование
Лимитирующе-эмфатические частицы
Лично-реляционное местоимение
Малая (частная) парадигма глагола
Межсубъектное местоимение
Местоимение-синтаксический заменитель
Модально-потенциальные глаголы
Модификатор вида
Модификатор герундийности
Модификатор интенсивности
Модификатор партиципности
Модификатор состояния
Модификатор финитности

Наклонение эмфатического отказа совершить действие
 Наполняющая придаточная часть
 Нерельефная связь подлежащего со сказуемым
 Обобщающе-комплексный способ классификации СПП
 Обще-приватная реляция
 Обще-сентенсная реляция
 Общие типы отношений между частями сложного предложения
 Общий вид действия будущего времени
 Обычный несовершенный вид
 Объектно-приглагольные падежи
 Основная субморфа
 Основной обстоятельственный падеж
 Основной тонированный слог
 Падежная синонимия
 Падежно-производная функция послелога
 Параллельный тип отношений
 Падежная вариантность
 Пассивно-побудительный залог
 Побудительно-замыкающая модель
 Повелительно-допустительное наклонение
 Побудительно-повелительные частицы
 Подвиды СПП
 Подлежащий состав СПП
 Подтипы СПП
 Полукоординативная конструкция
 Полупассивный залог (полупассив)
 Полурельефная (частично-рельефная) связь подлежащего со сказуемым
 Полуэргативная конструкция
 Послелогизованная форма слова
 Постоянно-протяженный вид
 Потенциальное причастие I
 Потенциальное причастие II
 Придаточные постепенного параллельного действия
 Прилагательное-послелог
 Приложение – пояснительный член предложения
 Приравнивающая функция (частицы)
 Причастие поучения
 Причисляющие частицы
 Производный синтетический падеж

Регулярный вид
Регулярный вид обыкновения
Результативно-комплетивный вид
Рельефная нагрузка
Рельефно-согласующий компенсатор
Рельефность ступени классификации или рельефные варианты
Релятивная пара
Релятивное (относительное) словосочетание
Релятивно-спорный элемент
Релятивный компонент
Релятивный оформитель
Релятивный центр корреляции СПП
Реляционное неполное предложение
Реляционное обстоятельство
Реляционный тип отношений
Реляция необходимой синтаксической комплетивности
Реляция обязательной семантической комплетивности
Реляция придаточности
Сентенсно-подобный оборот
Сигнализатор корреляции
Синсема
Синтаксический паллиатив
Синтаксически-функциональная регламентация парадигматики
Синтетически-формообразовательное сандхи
Ситуационное неполное предложение
Сказуемый состав СПП
Словоизменительное сандхи
Словообразовательная морфа
Словообразовательная переходность
Словообразовательное сандхи
Согласующе-реляционный падеж
Согласующе-реляционный послелог
Согласующий центр
Составная основная субморфа
Стилистически неполное предложение
Субморфа
Субморфированная автосема (или субосема)
Субморфно-замыкающая модель падежа
Субстантивно-приравнивающая морфа
Субстантивно-приравнивающая функция (частицы)

Субъективное обстоятельство

Субъектно-подлежащие падежи

Тоновая мутация

Указательно-реляционное местоимение

Уменьшительно-смягчающие частицы

Уподобляющие согласующе-реляционные частицы

Условно-проблематическое наклонение

Фарингализованный нисходящий тон

Формообразовательная морфа

Формообразовательная переходность

Функциональное поле

Частицы приблизительности

Частно-приватная реляция

Частно-сентенсная реляция

Чистостроевые придаточные части

Чистый нисходящий тон

Экзистенциальная предикация

Эмфатически-замыкающая модель

Эргативно-побудительный залог

Эргативный залог

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
О диалектах панджаби	9
Письменность	15
Фонетика	22
Гласные	23
Согласные	27
Сандхи	37
Фонология	40
Фонологическая система	40
Слог	64
Тоны	68
Тонемы	80
Об ударении	81
Морфология	83
Имя существительное	84
Прилагательное	139
Числительное	157
Местоимение	167
Глагол	201
Наречие	364
Послелоги	374
Прилагательное-послелог	383
Союзы	385
Частицы	389
Междометие	405
Синтаксис	408
Простое предложение	408
Сложное предложение	444
Приложения	467
Библиография	470
Список терминов, введенных автором	473

Юрий Андреевич Смирнов
ГРАММАТИКА ЯЗЫКА ПАНДЖАБИ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Е.К. Борисова*
Младший редактор *Н.И. Платонова*
Художник *В. Гасилин*
Художественный редактор *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *В.П. Стуковнина*
Корректор *М.З. Шафранская*

Сдано в набор 18/VI-1974 г.
Подписано к печати 19/VI-1976 г. А-06513
Формат 60х90 1/16. Бум. № 1. Печ.л. 30,0
Уч.-изд.л. 27,3. Тираж 1300 экз.
Изд. № 3269. Зак. № 38. Цена 2 р. 83 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2
Офсетное производство 3-й типографии
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2